

Археологическая **Военная** **Юстиция**

*Сборник материалов
Проблемного Совета «Военная археология»
при Государственном Историческом музее*

3

выпуск

*Государственный Исторический музей
Государственный военно-исторический
и природный музей заповедник «Куликово поле»*

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военная археология

*Сборник материалов
Проблемного совета «Военная археология»
при Государственном Историческом музее*

3
выпуск

*Государственный Исторический музей
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»*

Москва
2014

УДК 902/904
ББК 63.48(2):68
В63

Редакционная коллегия

О. В. Двуреченский (отв. редактор),
С. Ю. Каинов, Ю. А. Кулешов

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ. Сборник материалов Проблемного совета В63 «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 3. – М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. – 368 с., ил., цв. вклейка – 32 с.

ISBN 978-5-903587-27-8

Настоящий очередной военно-исторический сборник представил на своих страницах комплекс результатов научных исследований, связанных с историей военного дела Восточной Европы, Кавказа, Сибири в эпоху раннего и развитого Средневековья. В статьях рассматриваются как археологические находки, связанные с защитным и наступательным средневековым вооружением, так и вопросы военной истории боестолкновений, тактики, формирования боевых подразделений. Значительная часть материалов сборника посвящена вопросам вооружения и снаряжения воинов Руси и Золотой Орды эпохи Куликовской битвы.

ББК 63.48(2):68

ISBN 978-5-903587-27-8

© Авторы, указанные в содержании, 2014
© Куликово поле, 2014
© МедиаМир, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Тихонов Н. А., Хафизова Е. Н. Сложносоставной лук из Нижне-Архызского городища	6
Майко В. В. Вооружение и конское снаряжение праболгар Крыма первой половины X в.	15
Каинов С. Ю., Зозуля С. С. Меч из раскопок кургана 1/1902 Михайловского некрополя	29
Руденко К. А. О защитном вооружении болгарского воина XI в. (по материалам болгарского селища (Остолоповского) у с. Речное)	47
Новичихин А. М. Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель	55
Терещенко А. В. Древнерусские стрельцы (по летописным данным)	94
Гоняный М. И., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона	102
Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода)	147
Дупиненко Ю. М., Макушников О. А. Створчатые наручи первой половины XIII в. из летописного Гомия	184
Прищепа Б. А. Шлем из Дорогобужа на Горыни	191
Понарядов В. В. Средневековые техники использования копья в конном бою (по данным мусульманских военных трактатов XIII–XV вв.)	196
Измайлов И. Л. Сложносоставные луки Среднего Поволжья эпохи Средневековья	204
Иванов В. А. Комплекс вооружения кочевников Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды	237
Мясников В. Ю., Именохоев Н. В. Набор панцирных пластин из окрестностей с. Дунда-Киреть Бичурского района Республики Бурятия	245

Бугис П.	
Комплект панцирных пластин с территории Вильнюсского Великокняжеского Нижнего замка	271
Бакрадзе И.	
Сабля и меч эпохи развитого Средневековья из коллекции Национального музея имени Симона Джанашия (г. Тбилиси) (к истории появления и распространения сабли в Грузии)	277
Герасимов Ю. В., Шлюшинский А. В.	
Комплекс вооружения эпохи Сибирского ханства (по археологическим материалам)	292
Селиверстов Д. А.	
Московское войско в битве при Орше 1514 г.	307
Дементьева А. С.	
Основные правила выполнения археологических рисунков предметов вооружения	341
Список сокращений	356
Abstracts	357
Об авторах	365

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящее время военная археология становится самостоятельным направлением археологической науки. Формулируются специфические задачи, вырабатываются собственные методы исследовательских работ. В современной российской науке ведущие позиции в развитии этого направления по праву занимает военно-археологический семинар, возникший в 2001 г. в Москве и впоследствии преобразованный в Проблемный совет «Военная археология» при Государственном Историческом музее.

За прошедшее время сотрудники Проблемного совета подготовили к изданию различные по тематике и задачам серии книг. Первой и наиболее важной являются сборники материалов Проблемного совета «Военная археология». Кроме того, начат выпуск серии «Памятники военной археологии», которая ставит перед собой цель – публикацию и комплексное изучение отдельных предметов вооружения, иллюстрирующих развитие военного дела того или иного народа.

Еще одним задуманным и реализованным проектом стала серия «Реликвии ратных полей». Перед ней ставится задача издания корпуса находок, получаемых при поисковых работах на полях сражений. Также в настоящее время сотрудники Проблемного совета готовят к изданию и переизданию монографии, посвященные военно-археологическому изучению материальной культуры древних и средневековых народов Средней Азии.

Важной вехой в деятельности Проблемного совета стало проведение в ноябре 2012 г. совместно с Государственным музеем-заповедником «Куликово поле» конференции «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего Средневековья», собравшей большое количество участников из России и стран ближнего зарубежья. Материалы этой конференции готовятся к изданию.

Перед вами третий выпуск серии «Военная археология», подготовленный главным образом по материалам заседаний Проблемного совета, прошедших в 2011 и 2012 гг. Помимо этого в сборник включен ряд статей, не заслушанных в ходе заседаний, но, с точки зрения редакции, важных в развитии изучения военного дела.

СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ЛУК ИЗ НИЖНЕ-АРХЫЗСКОГО ГОРОДИЩА

НИЖНЕ-АРХЫЗСКОЕ городище, протянувшееся более чем на три километра вдоль реки Большой Зеленчук, в Средние века было одним из крупнейших аланских городищ Северного Кавказа. На крутых склонах гор вокруг городища расположены языческие могильники со скальными погребениями и полуподземными склепами¹.

За последнюю сотню лет разведки и раскопки городища и его могильников проводили: В. М. Сысоев, В. А. Кузнецов, У. Ю. Эльканов, В. Н. Каминский, А. А. Демаков, О. В. Орфинская. В этих исследованиях получен большой археологический материал, позволяющий изучить быт насельников городища. Особенно большой вклад в изучение Нижне-Архызского городища внес В. А. Кузнецов, на основе своих многолетних раскопок жилых комплексов и могильников².

Летом 1989 г. при археологических разведках Н. А. Тихоновым и О. В. Орфинской было доисследовано разрушенное скальное погребение в балке Подорванной. Мужское погребение, ориентированное на С–СЗ, было устроено под скальным навесом и конструктивно не отличалось от типичных скальных погребений Нижнего Архыза³.

Краткое описание результатов исследования этого погребения можно найти в материалах археологической конференции в Абхазии⁴, а в представляемой статье дается их развернутое описание, дополненное материалом из Нижне-Архызского археологического музея.

Несмотря на разрушенность захоронения, в нем сохранилась часть погребального инвентаря. В ногах погребенного находился небольшой, буро-охристого цвета кувшинчик с носиком-сливом и ручкой, крепящейся к середине тулова и шейке сосуда. Сверху остатков костяка, на уровне пояса лежал лук, сохранившийся на три четверти своей длины. Вдоль лука были найдены фрагменты кожаной тетивы. В районе таза сохранились фрагменты кожаного пояса с круглыми бронзовыми посеребренными накладками, часть из которых

¹ Тихонов Н. А., Орфинская О. В. Могильники в районе Нижне-Архызского городища // Историко-археологический альманах. – № 3. – Армавир–Москва, 1997. – С. 70–73.

² Кузнецов А. В. Нижний Архыз в X–XII веках. – Ставрополь, Кавказская библиотека, 1993.

³ Кузнецов А. В. Указ. соч. – С. 145; Тихонов Н. А., Орфинская О. В. Указ. соч. – С. 70.

⁴ Тихонов Н. А., Хафизова Е. Н. Сложносоставной лук из Нижне-Архызского городища // Первая Абхазская международная археологическая конференция. – Сухум, 2006. – С. 328–330.

имеют орнамент в виде расходящихся лучей. С правой стороны таза найдено 13 бронзовых позолоченных бляшек с изображением морды коровы. Основа, на которую крепились бляшки, превратилась в неопределяемый тлен черного цвета. В районе пояса были найдены деревянные ножны со следами окислов железа. Под костяком находился большой фрагмент холста, вероятный остаток кафтана.

Обнаруженное скальное погребение интересно находкой хорошо сохранившегося лука, что происходит достаточно редко, несмотря на благоприятные условия сохранения изделий из дерева, рога, кожи и тканей в скальных погребениях. На момент находки все компоненты лука были склеены между собой, а на более сохранившееся плечо лука была натянута козья шкура с ноги животного, что затрудняло изучение его конструкции. Представлялось нецелесообразным расчленение лука на отдельные части, поскольку существовала возможность полной реставрации изделия. Весь найденный инвентарь погребения был сдан в Черкесский историко-архитектурный музей, где после нескольких лет хранения у лука истлела скрепляющая его козья шкура, а также жильная и кожаная обмотки. Лук распался на отдельные фрагменты и реставрации не подлежит. В нашей публикации мы используем те измерения, которые были сделаны сразу после находки лука.

Поскольку до настоящего времени не издано ни одной работы по оружию воинов Нижне-Архызского городища, то нам представляется необходимым хотя бы в небольшой степени заполнить этот пробел, вводя в научный оборот информацию о находке сложносоставного лука и имеющихся фрагментах других луков из скальных погребений Нижнего Архыза.

Обычно различают луки простые (сделанные из одного куска дерева), сложные (единая деревянная основа дополняется различными усиливающими обкладками и сухожилиями) и сложносоставные (деревянная основа делается из нескольких частей, а усиление – как у сложного лука). При описании конструкции сложного или сложносоставного лука мы различаем: рукоять, два гибких плеча и два негнущихся рога. Внешние и внутренние стороны деревянной основы (кибиты) при стрельбе подвергаются соответственно растяжению и сжатию. Поэтому их укрепляют сухожилиями и роговыми или деревянными обкладками. Рога лука не изгибаются при стрельбе и выполняют функцию рычага. Относительные размеры плеч и рогов изменяются у разных типов луков весьма значительно. В предельных случаях рога могут отсутствовать, например у простых английских луков. Удлинение рогов увеличивает скорость стрельбы. Но в этом случае укороченные плечи лука должны допускать большой изгиб, что технически трудно осуществить, поскольку только некоторые породы дерева, произрастающие не во всех климатических зонах, способны на такие деформации. Укорачивание рогов позволяет увеличить плечи лука и снизить требования к качеству древесины кибиты лука, поскольку удлиненное плечо подвергается при стрельбе меньшим относительным деформациям на изгиб. Однако, если не увеличивать размер лука, уменьшается дальность стрельбы. В свою очередь, большой размер лука не позволяет использовать его при стрельбе с лошади, поэтому оста-

ется единственный выход – применять сложные или сложносоставные луки, что и делали кочевники на протяжении многих столетий. Критериями при выборе древесины для кибиты сложного лука являются: возможность большого прогиба плеча лука при действии силы и большая величина силы для создания этого прогиба. Твердость древесины никакой роли не играет.

Деревянная основа лука, найденного в Подорванной балке, изготовлена из кизила и состоит из двух слегка различающихся частей, склеенных внахлест в срединной части и укрепленных сверху и снизу рукояти костяными обкладками (рис. 1, сечение В–В). Обкладки слегка вогнуты, их ширина уменьшается к краям, которые покрыты сетчатой насечкой для лучшего приклеивания жильной и кожаной обмотки. Способ соединения двух частей лука отличается от приводимой В. Н. Каминским⁵ схемы, из-за отсутствия каких-либо дополнительных шипов и клиньев. Плечи кибиты лука имеют в сечении сегментовидный профиль (рис. 1, сечение Б–Б) и наклонены к рукояти наружу на 7 градусов. Вдоль спинки плеча наклеены сухожилия, края которых закреплены около рукояти обмоткой из жил и тонкой кожи. Рога лука наклонены под углом 40 градусов к плечам. На примере других сохранившихся фрагментов луков хорошо видно, что этот наклон достигался изгибом нагретой кибиты с последующим точным профилированием рога и плеча. Деревянная основа рогов лука имеет переменный профиль, от шлемообразного в районе перехода плеча в рог, до остроугольного треугольника в районе прорези для тетивы (рис. 1, сечение А–А). Такая форма рога является оптимальной для уменьшения массы рога и сохранения его жесткости. Каждый рог лука имеет четыре роговые обкладки: две боковые, одну плоскую внутреннюю и одну V-образную внешнюю (рис. 1, сечение А–А). Боковые и плоская обкладки увеличивают жесткость рога, а V-образная обкладка прикрывает края боковых обкладок, увеличивая надежность их приклеивания. Расстояние от конца рога до прорези для тетивы примерно равно ширине боковых концевых обкладок. Тетива лука диаметром 5 мм изготовлена из скрученной кожи со шлифованной поверхностью. О технологии изготовления такой тетивы пишет А. Ф. Медведев⁶. Среди экспонатов археологического музея Нижнего Архыза есть три костяные пластины с прорезями для выравнивания неровностей и шлифовки тетивы. Шкура козы, снятая с ноги животного чулком и натянутая на плечи лука, предохраняла лук от сырости. Оклейка плеч лука берестой с этой же целью, что наблюдалось у сохранившихся луков Мощевой балки, является, по нашему мнению, более упрощенной и менее эффективной методикой защиты лука от непогоды. Надежность соединения всех частей лука обеспечивал клей. Даже после более чем тысячелетнего хранения в земле, части лука остались крепко соединенными между собой. Без проведения химического анализа невозможно сказать, был ли клей рыбного или животного происхождения. Темный цвет клея не является признаком его животного происхожде-

⁵ Каминский В. Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 48.

⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. – 1966. – Вып. Е 1-36. – С. 18.

ния, как это считал Каминский⁷, поскольку и рыбный клей может потемнеть при тысячелетнем хранении. Обмотка краев рукояти лука сухожилиями и кожей обеспечивала дополнительную прочность соединения частей кибыти лука. Второе назначение обмотки состояло в закреплении сухожилий, проходящих по внешней стороне плечей лука. Со стороны рогов сухожилия разделялись на две части и приклеивались под концевыми роговыми обкладками, которые, в свою очередь, частично перекрывались V-образной роговой обкладкой (рис. 1). Все детали лука, и кибыть и накладки, в местах склейки покрыты узкими длинными канавками-штрихами для увеличения поверхности склеивания, что ведет к усилению прочности шва (рис. 2). Различие плечей лука состоит в их разной толщине и присутствии на одном плече деревянной срединной внутренней обкладки (рис. 1, сечение Б–Б и Г–Г). Асимметрия плеч предположительно может компенсировать несимметричное расположение стрелы на луке при стрельбе⁸, но может объясняться простой необходимостью уменьшить размер одного плеча лука при стрельбе с лошади. Можно отметить, что сложносоставные луки народов Сибири времени позднего Средневековья также имели асимметрию плеч, состоящую в разном числе накладок на плечах луков⁹.

Ближайшие аналоги ниже-архызского лука – это луки, найденные в Мошевой балке¹⁰, которая расположена в нескольких десятках километров от Нижнего Архыза. Однако если два сохранившихся лука Мошевой балки имеют цельную основу и относятся к сложным лукам, то кибыть лука Нижнего Архыза состоит из двух частей, что является признаком сложносоставного лука. Кроме того, фрагменты как сложных, так и сложносоставных луков найдены и в Мошевой балке, и в Нижнем Архызе, что указывает на разнообразие используемых конструкций луков.

По форме концевых и срединных обкладок различают несколько типов луков: гунно-болгарский, хазарский, венгерский, салтовский¹¹. Если следовать определениям указанных авторов, то луки Мошевой балки относятся к хазарскому типу, а Нижне-Архызский лук имеет признаки как гунно-болгарского (расположение прорези для тетивы, форма концевых боковых обкладок), так и хазарского (форма срединных обкладок, отсутствие срединной тыльной обкладки, расположение насечек на концевых боковых обкладках).

Для определения типов луков, используемых воинами Нижне-Архызского городища, мы привлекли дополнительный материал из скальных погребений

⁷ Каминский В. Н. Указ. соч. – С. 48.

⁸ Там же. – С. 50.

⁹ Нечипоренко В. Н., Панькин С. В., Скобелев С. Г. Поздние луки Среднего Енисея // Сибирская заимка, 2002. – URL: <http://zaimka.ru/nechiporenko-bows/>

¹⁰ Милованов Е. А., Иерусалимская А. А. Лук из Мошевой балки // СГЭ. – 1976. – Вып. ХLI. – С. 40; Каминский В. Н. Указ. соч. – С. 48.

¹¹ Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // I Кубанская археологическая конференция (тезисы докладов). – Краснодар, 1989. – С. 104; Измайлов И. Л. К истории сложносоставного лука населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья середины VIII–X вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 242.

Нижнего Архыза. На рис. 3 представлены фрагменты десяти луков, которые происходят из скальных погребений и относятся примерно к одному временно-му периоду. По рисунку 3 видно, что все наблюдаемое многообразие обкладок невозможно объяснить использованием только одного типа лука. Некоторые обкладки вообще сложно причислить к какому-нибудь типу. Можно было бы говорить об эволюции луков во времени, но использованный на рис. 3 материал происходит из примерно одновременных погребений. При определении типов аланских луков следует также помнить, что кочевники-аланы имели на вооружении луки задолго до появления на Кавказе гунно-болгарских или хазарских орд. Кроме того, можно предполагать, что традиции в изготовлении луков у алан должны быть ближе к традициям родственных им по языку ираноязычных сарматов, нежели к традициям чуждых тюркских кочевников. Для Нижне-Архызского городища возможна прямая преемственность традиций, поскольку в Подорванной балке найдены сарматские погребения II в.¹², аланские V в.¹³ и вероятно непрерывное существование городища, начиная с сарматского поселения.

Несомненно, приведенная статистика фрагментов луков недостаточна для окончательных выводов. Но если десять случайных находок показывают разнообразие разновидностей луков, существовавших примерно в одном и том же временном периоде, то представляется вероятным, что индивидуальные особенности лука, кроме общей временной тенденции к эволюции типа, зависели в большей степени от принятой конкретным мастером технологии изготовления оружия на основе своих приемов и опыта. Что касается временной эволюции лука, то прослеживается тенденция к упрощению процесса изготовления. Уменьшается число обкладок, увеличиваются плечи лука, что снижает требования к качеству древесины кибити. Т. е. наблюдается стремление поставить изготовление луков «на поток».

Точную дату погребения, а значит, и возраст лука определить пока невозможно из-за отсутствия датирующих предметов. Вероятно, можно будет использовать дендрохронологический метод, но для Северного Кавказа еще не разработана временная шкала. Обычно принимают, что гунно-болгарский лук существовал в VI-VII вв., а хазарский – в VIII-X вв. Скальные погребения Нижнего Архыза имеют датировку от VII до XI в.¹⁴, но пик их численности приходится на VIII-IX вв., которые в первом приближении и следует считать временем изготовления лука из Нижне-Архызского городища.

Необходимым приложением к луку являются стрелы. В описываемом выше погребении стрел не найдено, поэтому для исследования мы использова-

¹² Варченко С. Ф., Погребной А. Ю. Сарматский комплекс из Нижне-Архызского музея // Интернет-конференция: Новые исследовательские практики изучения местной истории. – Ставрополь, 2005.

¹³ Тихонов Н. А. Аланские погребения V-VII вв. на Нижне-Архызском городище // 24 Крупновские чтения. – Москва, 2004. – С. 188.

¹⁴ Кузнецов А. В. Нижний Архыз в X-XII веках. – Ставрополь, Кавказская библиотека, 1993. – С. 150.

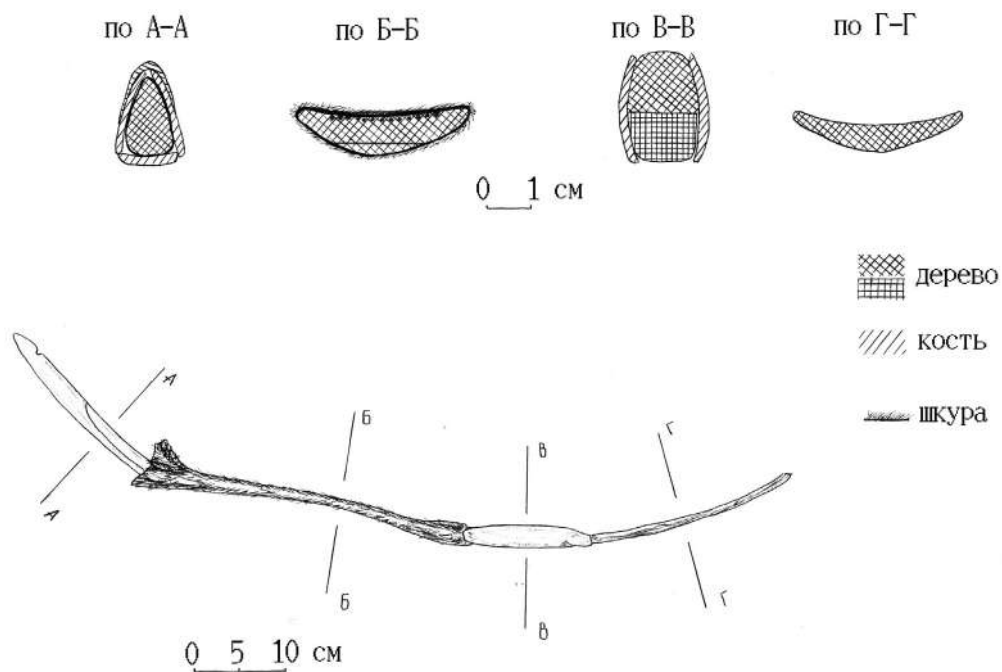
ли фрагменты стрел, хранящиеся в Нижне-Архызском музее. Все они найдены в скальных погребениях Нижнего Архыза. Диаметры средних частей 19 древков стрел укладываются в интервал 8,5 – 9,7 мм, но у каждой стрелы наблюдается плавное изменение диаметра вдоль всего древка. Например: 7,5 мм около наконечника, 9,2 мм в средней части и 7,0 мм около хвостовика стрелы. Диаметры хвостовиков стрел обычно слегка увеличены для удобства захвата стрелы. Длина одной, полностью сохранившейся стрелы равна 70 см. Мы не имели возможности провести определение породы дерева каждой стрелы, но определения нескольких стрел показали, что из 19 имеющихся стрел 4 сделаны из ясеня высокого, 5 – из пятилетних побегов ивы прутьевидной, а 2 стрелы – из граба. Определение двух фрагментов рогов луков показало, что один изготовлен из дуба, а второй из клена полевого¹⁵. При изготовлении древков стрел аланы использовали струги с полукруглым лезвием, что позволяло делать древки быстрее и с лучшим качеством поверхности. Кроме такого струга в Нижне-Архызском музее есть аналогичный струг и для изготовления более толстых древков дротиков.

Условия в скальных погребениях таковы, что часто железные изделия полностью разрушались, а изделия из дерева или рога имели отличную сохранность. Черешковые наконечники всех исследованных стрел не сохранились. Тем не менее, используя результаты проведенных разведок и раскопок в погребениях или вокруг городища, можно получить информацию о типах аланских наконечников.

Все имеющиеся наконечники Нижне-Архызского городища можно разделить на три группы по временному признаку. Первая группа представлена втульчатыми или черешковыми наконечниками шипообразной формы без порожка для древка стрелы (рис. 4). Выяснилась связь этого типа наконечников с небольшим сарматским поселением II в. до н. э. – II в. н. э. в 3 км от Нижне-Архызского городища¹⁶. Вторая группа наконечников происходит из аланских погребений, а также из случайных находок. Большая часть этих наконечников – трехлопастные, плоские треугольные и граненые бронебойные. Третья группа наконечников представлена одиночными экземплярами и относится к позднему Средневековью. В основном это массивные плоские наконечники остроугольной формы. В общей сложности к аланским типам можно причислить более двух десятков наконечников, изображенных на рис. 4.

¹⁵ Определения древесины выполнены В. Г. Данилевич – старшим научным сотрудником Ставропольского краеведческого музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

¹⁶ Тихонов Н. А. Сарматское поселение вблизи Нижне-Архызского городища // XXV Крупновские чтения (тезисы докладов). – Владикавказ, 2008. – С. 357.

**Рис. 1. Сложносоставной лук из балки Подорванная
Нижне-Архызского городища**

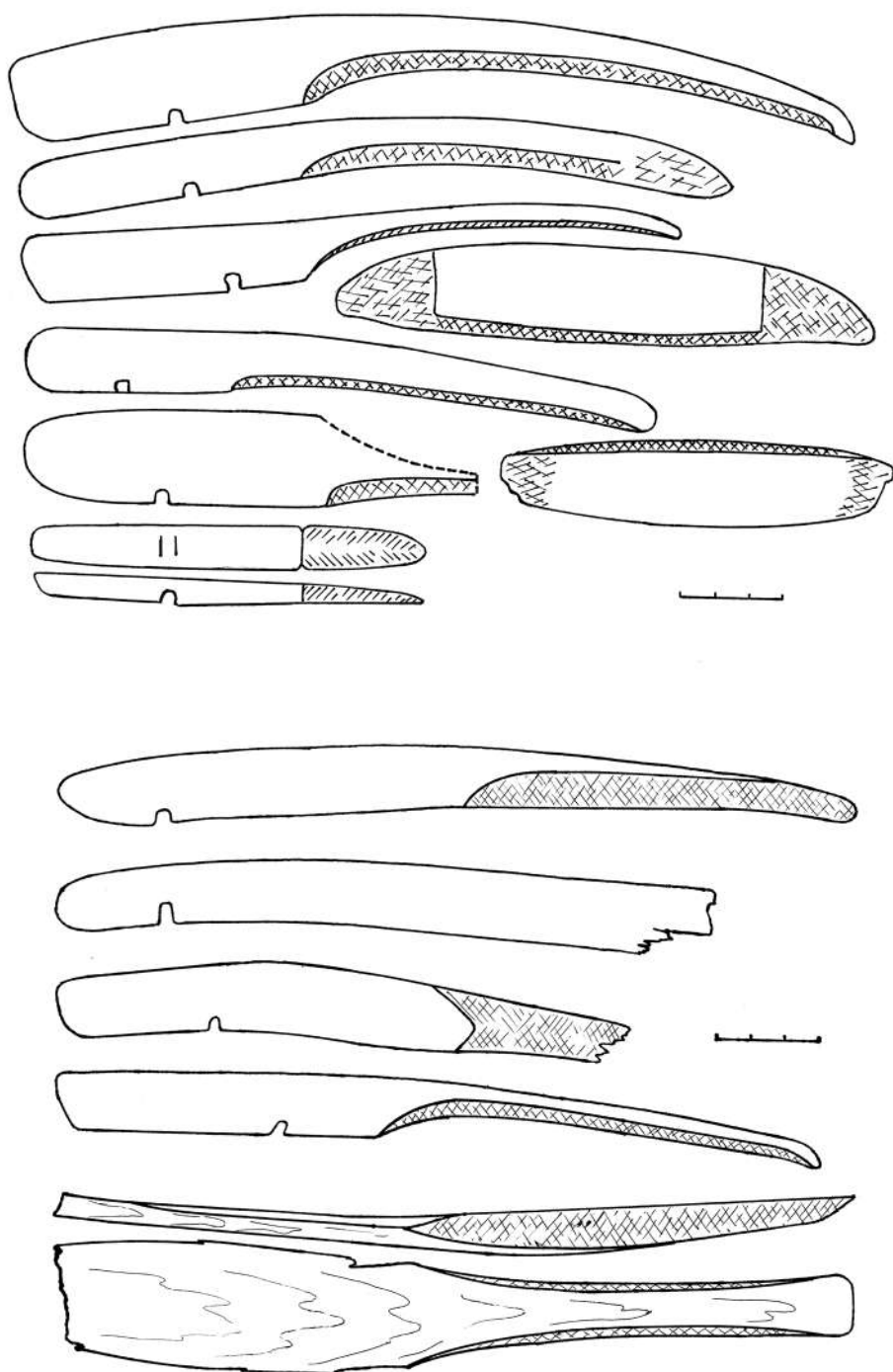

Рис. 3. Центральные и концевые роговые обкладки
и деталь деревянной кибиты луков

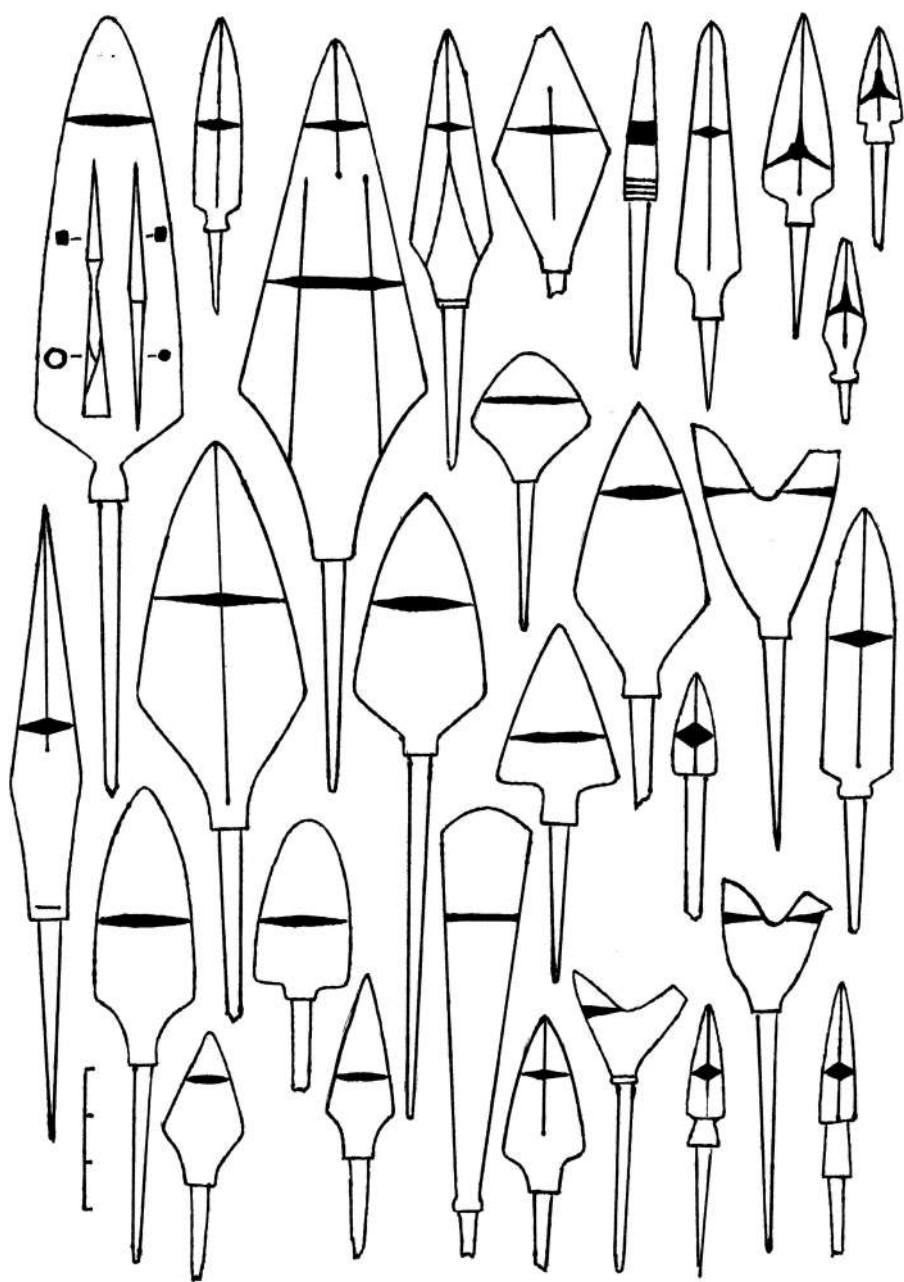

Рис. 4. Железные наконечники стрел Нижне-Архызского городища

ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПРАБОЛГАР КРЫМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в. (по материалам поселения у с. Русское Белогорского района АР Крым)

До недавнего времени оружие и конское снаряжение праболгар юго-восточного Крыма, носителей т. н. крымского варианта салтово-маяцкой культуры, практически не было известно. За исключением одной работы, посвященной немногочисленным находкам, сделанным при раскопках на плато Тепсень и средневековой Сугдеи¹, специальные исследования отсутствовали². Причин этому несколько. Во-первых, сведения письменных источников крайне отрывочны, а сохранившиеся уникальные изображения тюркских воинов сильно стилизованы и датируются более ранним временем. Во-вторых, в связи с их оседлым, земледельческо-скотоводческим характером быта, сильной византинизацией и христианизацией материальной и духовной культуры, в материалах праболгарских некрополей Таврики второй половины VIII – первой половины X в. практически отсутствуют предметы вооружения и конского снаряжения.

Уникальным в этом плане является праболгарское поселение второй половины IX – первой половины X в., расположенное на юго-западном склоне Кубалачского хребта, обращенного к селу Русскому Белогорского района АР Крым. Поселение археологически не исследовалось, но обнаруженный подъемный материал уникален для праболгарских памятников юго-восточного Крыма,

¹ Майко В. В. Некоторые аспекты вооружения и конского снаряжения тюрок Таврики VIII–X вв. // Оружие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV вв. – Варна, 2002. – С. 99–108.

² При раскопках праболгарского поселения Так-Кипчак в конце 1960-х гг. были сделаны находки наконечника копья, наконечников стрел и стремян. Однако обстоятельства находок мне не известны, публикации их отсутствуют. Из них к ранним праболгарским предметам уверенно можно отнести только наконечник копья с граненым ребром ромбической формы (рис. 1, 1). Согласно типологии В. С. Аксенова, он относится к типу 4, представленному изделиями разного размера с граненым пером ромбической формы и ромбическим в сечении (Аксенов В. С., Михеев В. К. Сухогномольшанский могильник VIII–X вв. // ХА. – Т. V. – Киев–Харьков, 2006. – С. 112, там же и основные аналогии).

уникально для одного памятника их разнообразие и количество³. Остановимся коротко на характеристике изделий, имеющих отношение к предметам вооружения и конского снаряжения.

Предметы вооружения представлены наконечниками копий, фрагментами клинков мечей и сабель и топоров.

Коллекцию *наконечников копий* составляют два целых экземпляра, две втулки и перо от наконечника.

Наконечник копья 1 (рис. 1, 3) – с узким пером в виде четырехгранного уплощенного стержня и вытянутой, очень узкой, воронковидной, тщательно спаянной втулкой, в нижней части которой расположены два отверстия для крепления. Длина пера и втулки практически одинаковы. Наконечник копья 2 (рис. 1, 4) – с узким клиновидным четырехгранным пером, плечики пера слабо выражены и плавно переходят в насад и втулку. Последняя – воронковидная вытянутая, по длине больше пера, у основания втулки отверстие для крепления. Наконечник копья 3 (рис. 1, 2) – узкое перо в виде ярко выраженного четырехгранного заостренного стержня, плечики пера слабо выражены, на двух гранях подчеркнуты рельефной линией и плавно переходят во втулку. Последняя обломана. Остальные два наконечника представлены вытянутой воронковидной втулкой, две половинки которой спаяны, и нижней половиной воронковидной втулки, края которой разомкнуты.

Не вызывает сомнений, что все публикуемые наконечники и, вероятно, втулки от наконечников относятся к наиболее массовому для салтовцев VIII–X вв. типу бронебойных копий-пик⁴. В степях Причерноморья они появляются еще на рубеже VII–VIII вв.⁵, совпав во времени с появлением кольчуги. Копья-пики широко известны в общепризнанных и проверенных временем типологиях А. Н. Кирпичникова и Ю. С. Худякова⁶. Согласно последней обобщающей типологии А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева⁷, они относятся к типу V, появление которого на вооружении древнерусских воинов авторы связывают с влияниями степного юго-востока. Однако уже в середине X в., а в восточном

³ Публикация всех обнаруженных предметов рассмотрена в отдельной работе: Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Предметы вооружения, конского снаряжения и быта из праболгарского поселения в юго-восточном Крыму // ХА. – Т. 8. – Киев–Харьков, 2009. – С. 237–263.

⁴ Последняя, обобщающая их типология для салтовцев Подонья, составленная на материалах Сухогномольшанского некрополя, приведена в монографии В. С. Аксенова и В. К. Михеева (Аксенов В. С., Михеев В. К. Сухогномольшанский могильник VIII–X вв. // ХА. – Т. V. – Киев–Харьков, 2006).

⁵ Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. – 2000. – № 2(3), март–апрель. – С. 6, рис. 3, 49. – URL: http://archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm).

⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. – Е 1–36. – М.–Л., 1966. – С. 7, рис. 1; Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 162, рис. 71.

⁷ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 337, табл. 125, V, 7.

Казахстане еще на рубеже IX-X вв.⁸, они получают широкое распространение и становятся интернациональным оружием. Только со второй половины X в. наблюдается тенденция к расширению нижней части втулки, отсутствующая на наших экземплярах. До этого среди праболгарских памятников юго-восточного Крыма была известна всего одна втулка, происходящая из раскопок городища на плато Тепсень⁹.

В Подонье, в кремационных погребениях Сухогомольшанского, Красногорского, Нетайловского некрополей, где, согласно археологическим данным, они в основном и встречаются, точные аналогии нашему наконечнику (рис. 1, 4) неизвестны. Дело в том, что он имеет несомненные общие черты с экземплярами типа погребения 252 Сухогомольшанского некрополя¹⁰ по степени подчеркнутости плечиков, однако в нашем случае они еще более подчеркнуты. По степени уплощенности пера наш наконечник близок экземпляру из комплекса XVI Сухогомольшанского некрополя¹¹. Указанные признаки приближают его к наконечникам типа 2, согласно типологии В. С. Аксенова и В. К. Михеева¹², очень редким, прежде всего из-за поздней хронологии, для салтовцев Подонья. Однако на месте перехода в перо наша втулка не такая тонкая. Острие пера не такое клиновидное, а имеет округлые очертания. Возможно, публикуемый наконечник копья – один из самых ранних, появившихся в период гибели салтовской культуры Подонья и получивших распространение уже в первой половине X в.

По мнению А. В. Крыганова, подобные наконечники, относимые им к типу 2¹³, так же редки для салтовцев Подонья. Их происхождение автор связывал с влияниями Дунайской Болгарии, где эта форма, в свою очередь, была позаимствована у авар¹⁴.

Наконечник (рис. 1, 3) и перо наконечника (рис. 1, 2), получившие широкое распространение, типологически близки экземплярам из Сухой Гомольши (погребение № 175¹⁵, комплекс V¹⁶), Красной горки¹⁷, Нетайловки¹⁸, Ново-По-

⁸ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 59.

⁹ Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – К., 2004. – С. 215, рис. 122, 10.

¹⁰ Аксенов В. С., Михеев В. К. Указ. соч. – С. 265, рис. 63, 17.

¹¹ Там же. – С. 274, рис. 72, 1.

¹² Там же. – С. 111.

¹³ Крыганов А. В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1989. – С. 102, рис. 3, 3.

¹⁴ Там же. – С. 102.

¹⁵ Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. – № 3. – 1986. – С. 170, рис. 7, 1; Аксенов В. С., Михеев В. К. Указ. соч. – С. 243, рис. 41, 6.

¹⁶ Аксенов В. С., Михеев В. К. Указ. соч. – С. 221, рис. 19, 3.

¹⁷ Комар А. В., Сухобоков О. В. Указ. соч. – С. 6, рис. 3, 51.

¹⁸ Аксенов В. С., Хоружая М. В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.) // ХА. – Т. 4. – Киев–Харьков, 2005. – С. 207, рис. 7, 15.

кровки¹⁹, поселения Кочеток²⁰, болгарских поселений низовий Камы²¹. Близкие экземпляры с неправильно ромбовидным пером происходят и из раскопок Правобережного Цимлянского городища²². Находка подобного наконечника в широко известном разрушенном захоронении близ с. Красен на северо-востоке Болгарии (Русенский округ) в погребении в комплексе с конским снаряжением²³, лишний раз свидетельствует, что этот тип копий был характерен прежде всего для конных воинов. Не исключено, что причины появления в Крыму подобных наконечников связаны с влияниями салтовцев Подонья. Именно этими влияниями объясняется, например, появление подобных наконечников у племен Центрального и Северо-Западного Кавказа²⁴.

Клиновое оружие представлено фрагментом нижней части лезвия т. н. салтовской однолезвийной сабли, или палаша переходного типа, конец которого тщательно заточен с двух сторон²⁵ (рис. 2, 5); кривизны клинка на сохранившемся участке не заметно. До этого фрагмент клинка однолезвийного палаша был обнаружен только в т. н. погребении всадника городища на плато Тепсень²⁶.

Отдельную категорию вооружения составляют два железных топора.

Топор 1 (рис. 1, 7) – с коротким прямым обухом и сильно отогнутым вниз и вверх длинным лезвием. Один край лезвия обломан. Топор 2 (рис. 1, 6) относится к типу топоров-тесел или клевцов. Лезвие удлиненное с выраженным оттянутым вниз краем. Вместо обуха – рабочая часть – тесло. Бока проушины расширяющиеся и выполнены в форме щитков. Типологически близкие изделия обнаружены в первую очередь среди погребального инвентаря кавказских некрополей по обряду трупосожжения (Борисово²⁷) и ингумационных (Молдавановский²⁸). Интересно отметить, что тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз появляется у алан Подонья еще во второй половине IX в. Об этом ярко свидетельствует пять вариантов типологического ряда топоров-чеканов, предложенного С. А. Плетневой²⁹. Наиболее близкая оттянутому лезвию аналогия

¹⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – 1967. – № 142. – С. 158, рис. 43, 3.

²⁰ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 123, рис. 14, 1.

²¹ Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – С. 100, рис. 35, 10.

²² Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. – 1958. – № 62. – С. 123, рис. 16; Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь, 1995. – С. 377, рис. 40, 3.

²³ Йотов В. Въоръжението и снаряжението от ранното Българско средновековие // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. – Варна, 2000. – С. 131, обр. 4, 2.

²⁴ Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье // Историко-археологический альманах. – Вып. 3. – Армавир, 1997. – С. 63–64.

²⁵ Комар А. В., Сухобоков О. В. Указ. соч. – С. 9.

²⁶ Майко В. В. Средневековое городище... – С. 155, рис. 86, 1.

²⁷ Комар А. В., Сухобоков О. В. Указ. соч. – С. 4, рис. 2, 53.

²⁸ Кочкаров У. Ю. Боевые топоры северо-западного Предкавказья VIII–XIV вв. – С. 13–14. – URL: www.arcaucasica.ru

²⁹ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – С. 76.

происходит из катакомбы 7 Дмитриевского могильника³⁰. Подобные бытовые топоры-тесла известны и в позднесредневековых древностях Крыма, например, Алустона, где датируются не ранее XIII в.³¹

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что топоры более характерны для аланского варианта салтово-маяцкой культуры³². Рассматриваемые же экземпляры существенно от них отличаются. Это, прежде всего, длинное массивное подтреугольное лезвие и короткий молотообразный обух у топора 2. Типологически близкие экземпляры этому топору, правда с молотообразным обухом и не таким ярко выраженным оттянутым вниз лезвием, происходят из катакомбы 7 Дмитриевского могильника³³ и Правобережного Цимлянского городища³⁴. Близок и топор первой половины X в. из культурного слоя многослойного праболгарского поселения у с. Нова Черна Силистренского округа Болгарии³⁵. Сильно оттянутое вверх и вниз лезвие приближает топор 2 к ранним древнерусским образцам середины X в. Морфологически близкий топор, правда, с острыми щекавицами и не такой ярко оттянутой вверх верхней частью лезвия, происходит из случайных находок на Харьковщине и отнесен к древнерусским образцам X–XI вв.³⁶

Исходя из хронологической таблицы С. А. Плетневой³⁷, топоры с коротким обухом и слегка отогнутым вниз лезвием в материалах волжских болгар наиболее характерны для первой половины – середины X в. Именно с этого времени начинается тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз.

Публикуемый вещевой материал кардинальным образом расширяет наши представления об этой стороне жизнедеятельности праболгар полуострова. Однако специфический характер находок все же затрудняет выводы об общей специфике военного дела салтовцев Таврики. Тем не менее, абстрагируясь от общеисторической ситуации, предварительно можно констатировать, что рассматриваемые находки свидетельствуют о преобладании легковооруженной конницы, использовавшей соответствующий тип вооружения (копья-пики, топоры, сабли-палаши).

Конское снаряжение. Обнаруженные железные изделия, связанные с конским снаряжением, относимые современными исследователями к предметам быта, представлены удилами, подковами, подпружными пряжками, бронзовыми накладками и бляхами на конскую упряжь.

Удила. Семь экземпляров относятся к одному типу двусоставных удил с гвоздевидными псалиями, имеющими вкованную пластину похожей, но не идентич-

³⁰ Там же. – С. 75, рис. 35, 7.

³¹ Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 106, рис. 46, 15.

³² Плетнева С. А. От кочевий к городам... – С. 158.

³³ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... – С. 75, рис. 35.

³⁴ Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище... – С. 378, рис. 41, 3, 4.

³⁵ Милчев Ат., Ангелова Ст. Разкопки и проучвания в м. «Калето» при с. Нова Черна, Силистренски окръг през 1967 г. // Археология. – Кн. 3. – 1969. – С. 42, обр. 9.

³⁶ Колода В. В. Уникальный древнерусский топор // Харьковский археологический сборник. – Вып. 2. – Харьков, 2007. – С. 7–8.

³⁷ Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М., 1981. – С. 166, рис. 52, 119.

ной морфологии с отдельным пазом для крепления ремня оголовья. Удила 1 (рис. 3, 1) – левая часть двусоставных удил с грызлами и псалиями. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму. Неподвижная петля для псалиев и петля для поводного ремня развернуты в разных плоскостях, перпендикулярно друг другу. Стержень грызел гладкий уплощенный, в петле для поводного ремня сохранилось подвижное сбруйное кольцо, неподвижная петля, соединяющая две части грызел, замкнутая. Именно эта петля носит сильные следы сработанности. Псалии прямые (гвоздевидные), стержень псалиев округлый в разрезе, профилированный с округлыми окончаниями на концах. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» трапецевидной с квадратным выступом пластины. В квадратном выступе прямоугольный паз для ремня оголовья. В трапецевидной пластине – полукруглый паз для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев. Удила 2 (рис. 3, 2) – правая часть аналогичных двусоставных удил с совершенно аналогичными грызлами с разомкнутой неподвижной петлей, соединяющей грызла. Псалии прямые гвоздевидные, округлые в разрезе, но, в отличие от удил 1, гладкие с округлыми окончаниями на концах. Удила 3 (рис. 3, 3) – левая часть аналогичных двусоставных удил с аналогичными грызлами. Неподвижная петля, соединяющая две части грызел, сомкнутая. Псалии прямые (гвоздевидные), однако их стержень прямоугольный в разрезе, гладкий. Удила 4 (рис. 3, 5) – правая часть аналогичных двусоставных удил с аналогичными грызлами и псалиями. Неподвижная петля, соединяющая две части грызел, обломана. Псалии прямые (гвоздевидные), стержень псалиев также отличается, он подпрямоугольный в разрезе, гладкий. Удила 5 (рис. 3, 6) – аналогичные двусоставные удила с аналогичными грызлами, но псалиями несколько другого варианта. Неподвижные петли, соединяющие две части грызел, сомкнутые. Сохранился только левый прямой (гвоздевидный) псалий. Стержень его округлый в разрезе, гладкий непрофилированный. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» прямоугольной пластины только с прямоугольным отверстием для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев. Специальный паз для ремня оголовья отсутствует. Удила 6 – двусоставные удила (рис. 4, 1) с аналогичными грызлами и псалиями совершенно идентичны удилам 2. Неподвижные петли, соединяющие две части грызел, соответственно сомкнутая и разомкнутая. Удила 7 представлены только одними идентичными грызлами.

Отличаются своеобразием двусоставные удила 8 (рис. 4, 2). Это преобладающие для памятника изделия с грызлами и псалиями. Однако окончания типичных гладких уплощенных грызел в данном случае выполнены в виде одной неподвижной петли, развернутой соответственно в одной плоскости и перпендикулярно к неподвижным разомкнутой и сомкнутой петлям, соединяющим две части грызел. В эти петли вставлены прямые (гвоздевидные) псалии. Их стержень округлый в разрезе, профилированный, с округлыми окончаниями на концах, полностью идентичный удилам 1. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» трапецевидной

с квадратным выступом пластины. В квадратном выступе прямоугольный паз для ремня оголовья. В трапецевидной пластине – полукруглый паз для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев. Принципиальное отличие заключается в том, что вместе с псалиями в это же неподвижное кольцо грызел вставлены и подвижные сбруйные кольца – для крепления поводного ремня. Естественно, что в этом месте псалии несут следы наибольшей сработанности, но не исключено, что данный соединительный участок был специально выточен для облегчения движения псалиев и сбруйных колец.

Единичным экземпляром представлены двусоставные удила 9 (рис. 3, 4) с грызлами и псалиями другого типа. Один из стрежней грызел заканчивается неподвижной уплощенной разомкнутой петлей, развернутой в той же плоскости, что и петля, соединяющая две части грызел. Второй стержень грызел заканчивается небольшой цилиндрической втулкой, расположенной перпендикулярно петле, соединяющей грызла. Не исключено, что наличие последней является следами ремонта. Сами стержни грызел гладкие уплощенные, неподвижные петли, соединяющие их, соответственно сомкнутая и разомкнутая. Псалий сохранился только в одной части грызел, той, которая заканчивается петлей. Его прямой (гвоздевидный) округлый в разрезе стержень сужается к концам, оформленным шишечками. Один из концов псалия слегка загнут. Для прохода неподвижного кольца грызел, крепящихся к псалию, к последним припаяно полукруглое кольцо, служившее и для ремня оголовья. Вероятно, в это же неподвижное кольцо грызел вместе с псалием вставлялось и подвижное сбруйное кольцо для поводного ремня. Во всяком случае, эта часть псалия несет следы наибольшей сработанности. Морфологически близкие псалии и грызла встречены в удилах из катакомбы 17 Дмитриевского могильника³⁸. Автор относит их к изделиям с S-овидными псалиями. В нашем случае говорить об S-овидных окончаниях псалиев сложно. Вероятнее всего, упоминавшийся конец несколько загнут при деформации изделия в процессе функционирования. Не являются классическими S-овидными и упоминавшиеся Дмитриевские. Не исключено, что это своеобразный переходный вариант.

Таким образом, удила 1–8 относятся к одному типу двусоставных удил с гвоздевидными псалиями, имеющими вкованную пластину для крепления ремня оголовья. Как уже отмечалось, незначительные отличия заключаются только в морфологии стержней и вкованных пластин псалиев. Может ли все это являться основанием для выделения вариантов, сказать сложно. По замечанию С. А. Плетневой, стандартизация производства этой категории конского снаряжения отсутствовала³⁹. В современных исследованиях в основу типологии удил, в том числе с гвоздевидными псалиями, положена форма последних: либо гладкая без орнаментации, либо украшенная рядом перехватов⁴⁰. В нашем случае помимо выделенных вариантов (округлые с перехватами и шишечкой на конце; гладкие округлые, сужающиеся к концу, украшенному шишечкой)

³⁸ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... – С. 82, рис. 38.

³⁹ Там же. – С. 81.

⁴⁰ Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические удила // Вестник ХГУ. – 1989. – С. 106, рис. 4; Аксенов В. С., Михеев В. К. Указ. соч. – С. 117.

можно уверенно говорить об еще одном варианте: гладкие уплощенные, прямоугольные в сечении изделия.

Аналогии описываемому типу удила чрезвычайно обширны и не раз приводились в литературе, начиная с монографического исследования Г. А. Федорова-Давыдова⁴¹. Установлена их преемственность с удилами с S-овидными псалиями и грызлами, петли которых расположены в одной плоскости⁴². По сути дела, это своеобразная визитная карточка этой части конского снаряжения населения Хазарского каганата для второй половины IX – первой половины X в. Судя по хронологической таблице С. А. Плетневой⁴³, удила такого типа в Подонье получают наибольшее распространение именно на рубеже IX-X вв. При этом необходимо учитывать, что в погребениях аланского в своей основе Дмитриевского некрополя двусоставных удила с перпендикулярно расположенными кольцами грызел и псалиями, имеющими вкованные пластины с отверстиями, всего два⁴⁴. В материалах же праболгарского Нетайловского некрополя⁴⁵, Правобережного Цимлянского городища⁴⁶, праболгарского некрополя городища Маяки на северных склонах Ложникова Яра⁴⁷ такие удила преобладают.

Комплекс предметов конского снаряжения дополняет достаточно представительная для юго-восточного Крыма коллекция *железных подков*. Три из них, сохранившиеся частично, полукруглой формы с отверстиями для крепления, однотипны, четвертая – дуговидная, сохранившаяся наполовину, с шипом на конце. Аналогии этим изделиям чрезвычайно многочисленны среди всех раннесредневековых древностей Восточной Европы. Общеизвестно, что длительный период их бытования не позволяет привлечь данные находки в качестве датировочного материала.

К редким, а для юго-восточного Крыма уникальным находкам относится конский ледоходный шип (рис. 2, 10), верх которого обломан. По свидетельству А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева, подобные находки на Руси⁴⁸ появляются еще со второй половины IX в.⁴⁹ Остается только предполагать, что данный предмет, вследствие отсутствия в Крыму достаточного количества льда, использовался для удобства езды в горной труднодоступной местности.

В комплекс рассматриваемых предметов конского снаряжения входят и три подпружные пряжки (рис. 2, 7–9), одна из них с сохранившимся язычком.

⁴¹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 20.

⁴² Крыганов А. В. Восточноевропейские кочевнические удила... – С. 99–107; Плетнева С. А. От кочевий к городам... – С. 167.

⁴³ Степи Евразии... – С. 148, рис. 36, 35.

⁴⁴ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... – С. 82.

⁴⁵ Аксенов В. С., Хоружая М. В. Указ. соч. – С. 204–205.

⁴⁶ Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище... – С. 378.

⁴⁷ Копыл А. Г., Татаринов С. И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 70, рис. 5, 11, 12.

⁴⁸ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение.... – С. 362, табл. 148, 26.

⁴⁹ Там же. – С. 319.

Все они полуовальной формы, изготовлены из прямоугольного в поперечном сечении расклепанного прута. Аналогии им чрезвычайно многочисленны. Типологически близкие праболгарские крымские экземпляры происходят из погребения 12 некрополя Судак VI⁵⁰ и заполнения жилого помещения мастерской на участке куртины XV Судакской крепости⁵¹. За пределами полуострова наиболее полные коллекции получены при раскопках Нетайловского некрополя⁵² и Правобережного Цимлянского городища⁵³.

Интересным, достаточно редким, а для Крыма уникальным предметом, связанным с верховой ездой, является полукруглое железное изделие с неподвижными кольцами на концах, в одно из которых продето два подовальных изогнутых подвижных кольца (рис. 2, 11). Большинство специалистов считает их составной частью т. н. железного замка от конских пут. Помимо известных аналогий в Правобережном Цимлянском городище и Подонье⁵⁴, древнерусских⁵⁵ и болгарских Камских⁵⁶ материалах, наиболее полная сводка находок этих изделий в Восточной Европе и их подробный анализ представлены в работе немецкого исследователя Иохима Хеннинга⁵⁷. Там же отмечен и наиболее близкий нашему экземпляр из Преслава⁵⁸, датирующийся серединой X в.

Коллекция конской упряжи и ее украшений представлена четырьмя крупными сбруйными серебряными с позолотой круглыми бляхами диаметром около 7,5–7,7 см с двумя пробитыми и оттиснутыми отверстиями для подвешивания на ремень (рис. 2, 1–4). Наиболее близкие аналогии блях происходят из широко известного набора парадной конской упряжи из катакомбы 106 Дмитриевского могильника⁵⁹. Напомним, что из этого же набора происходили и железные крупные ботала⁶⁰, аналогичные обнаруженному на рассматриваемом поселении (рис. 2, 12). По мнению С. А. Плетневой, круглые крупные бляхи подвешивались к нагрудному и шлейному ремням конской упряжи. Исследовательница отмечала, что, будучи красивым и ценным украшением,

⁵⁰ Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. – К., 2007. – С. 158, рис. 101, 6.

⁵¹ Баранов И. А., Майко В. В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // Българите в Северното Причерноморие. – Т. V. – В. Тырново, 1996. – С. 87, рис. 3, 7.

⁵² Жиронкина О. Ю., Крыганов А. В., Цитковская Ю. И. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 166, рис. II, 3.

⁵³ Ляпушкин И. И. Указ. соч. – С. 122, рис. 15; Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище... – С. 378, рис. 41, 15.

⁵⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам... – С. 149, рис. 39, 2; Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище... – С. 380, рис. 43, 6; Михеев В. К. Подонье в составе... – С. 27.

⁵⁵ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. – 1953. – № 32.

⁵⁶ Казаков Е. П. Указ. соч. – С. 106, рис. 37, 7.

⁵⁷ Henning, J. Archäologische funde von eisenfesseln aus den Bulgarischen siedlungsgebieten zwischen Wolga und Donau // Проблеми на прабылгарската история и култура. – София, 1991. – С. 52–61.

⁵⁸ Ibid. – P. 57, fig. 3, 3.

⁵⁹ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... – С. 87, рис. 42.

⁶⁰ Там же. – С. 89, рис. 43.

даже в отрыве от набора, отдельные бляхи, в том числе и круглые, встречены в рядовых захоронениях как составной элемент украшения пояса⁶¹.

Отдельную категорию находок составляют бронзовые уздечные бляшки-накладки. Наиболее широко известны бляшки геральдической формы. У экземпляра (рис. 2, 6) сохранилось два отверстия с заклепками, а у крупной удлиненной бляшки (рис. 2, 5) три отверстия, в одном из которых есть заклепка. Аналогии им чрезвычайно многочисленны. Среди последних можно назвать экземпляры из Нетайловского могильника⁶².

Необходимо отметить, что и предметы конского снаряжения, так же как и вооружение, в основной своей массе уникальны для праболгар юго-восточного Крыма.

Таким образом, перед нами пока самый полный комплекс предметов вооружения, конского снаряжения, ремесленных и бытовых предметов наиболее позднего этапа праболгарской культуры Крыма первой половины – середины X в.

⁶¹ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... – С. 88.

⁶² Крыганов А. В. Раскопки Нетайловского могильника в 2003 г. // АВУ. – 2002-2003. – К., 2004. – С. 191, рис. 2, 5.

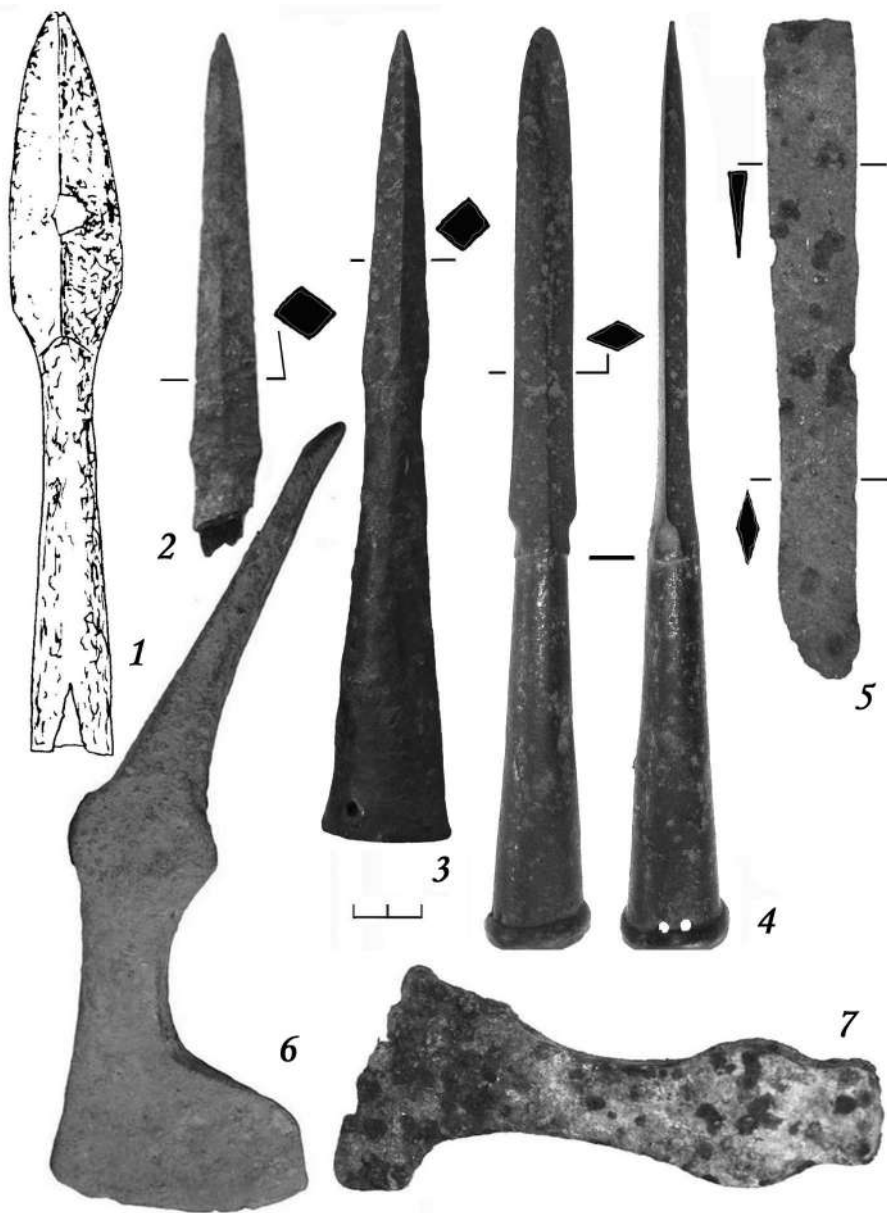

Рис. 1. Предметы вооружения праболгар Крыма первой половины X в.
Копья, сабля, топоры

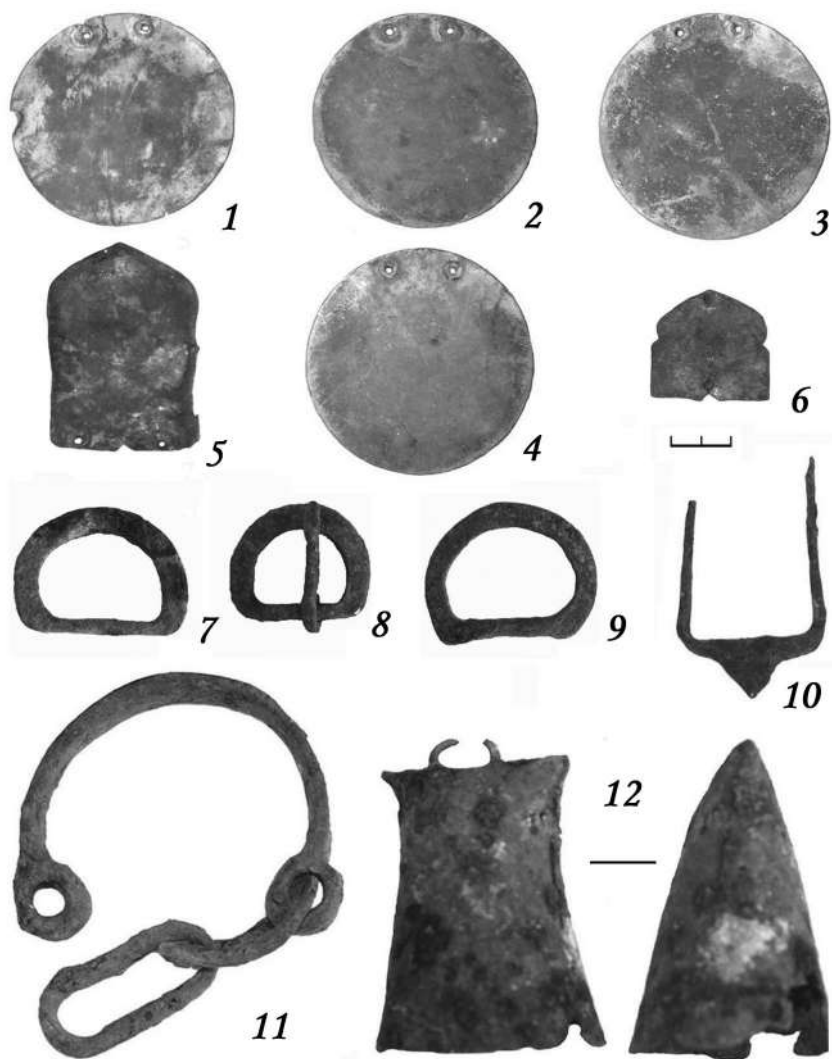

Рис. 2. Предметы конского снаряжения и украшения сбруи праболгар Крыма первой половины X в.

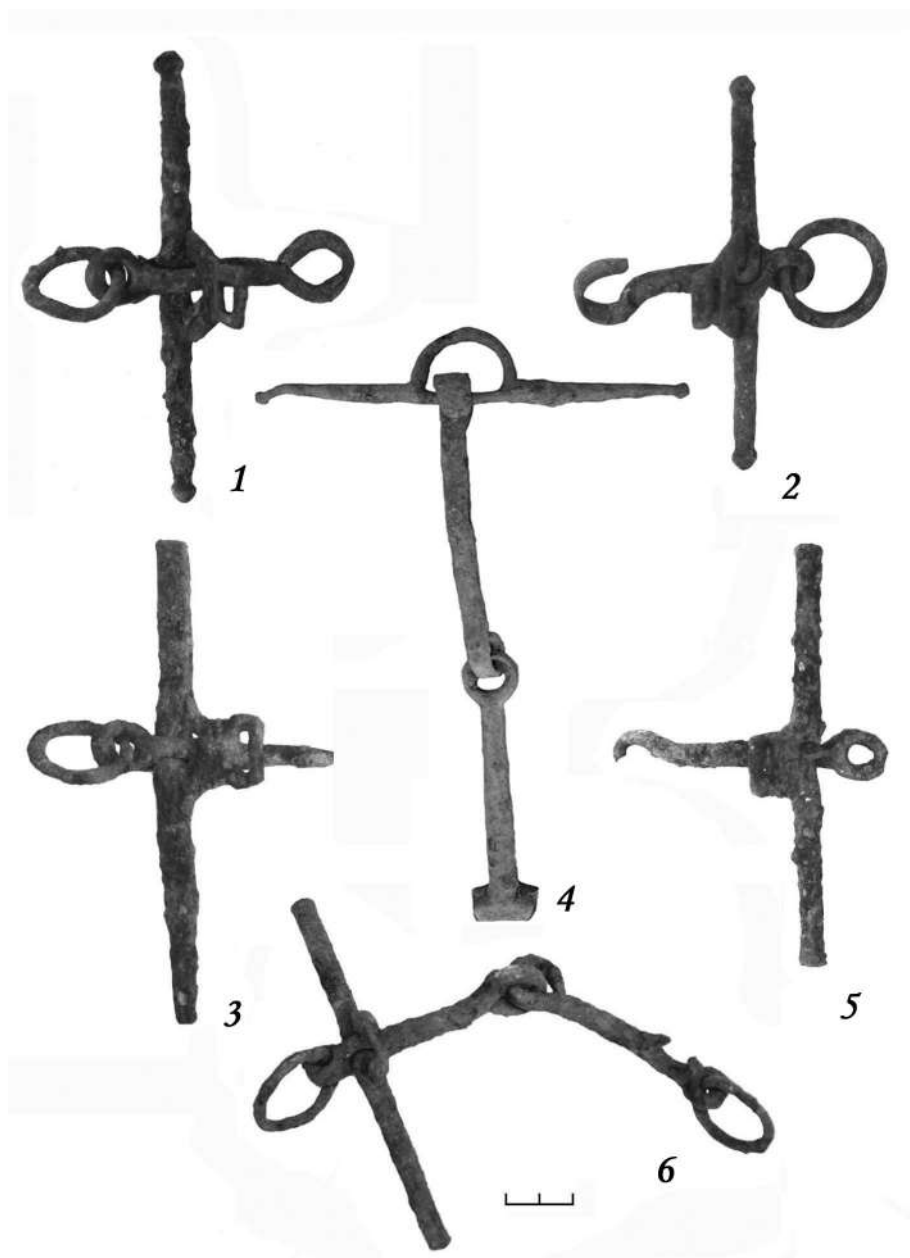

Рис. 3. Удила праболгар Крыма первой половины X в.

Рис. 4. Удила праболгар Крыма первой половины X в.

Рис. 5. Реконструкция праболгарского воина Таврики первой половины X в.

МЕЧ ИЗ РАСКОПОК КУРГАНА 1/1902 МИХАЙЛОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ¹

Михайловский археологический комплекс, включавший селище и курганный могильник, относится к кругу основных памятников эпохи образования Древнерусского государства. Поселение площадью около 0,02 га и некрополь, насчитывавший около 400 курганных насыпей, располагались на левобережье Волги в 4 км от берега и в 12 км от современного города Ярославля². Археологическое изучение этого памятника было начато в 1896 г. И. А. Тихомировым и затем продолжалось В. А. Городцовым, Т. Арне, Д. Н. Эдингом, Я. В. Станкевич и Н. Г. Недошивиной.

В 1902 г. В. А. Городцов раскопал курган 1, содержащий одно из самых богатых погребений Михайловского могильника. Исследователь оставил следующее описание: «Высота кургана 1 аршин 6 вершков, окружность 40 аршин, диаметр 12 аршин, по верху 15 аршин³. Вокруг основания следы заплывшего ровика. На горизонте урна, в ней кости, зола, разные мелкие вещи, глиняный тигель и две сломанные формы для отливки бронзовых украшений; сверху урны острый конец меча, сбоку – нижний конец того же меча, сломанного на две почти равные части. Урна засыпана золою и углями, содержащими жженные кости и мелкие вещицы, большей частью совершенно сплавившиеся и представлявшие вид бесформенных или округленных кусков. Зола и угли с жженными костями распространялись к северо-западной подошве кургана, где также найдено много вещей, носивших более или менее очевидные следы влияния огня»⁴.

¹ Данная статья представляет собой переработанный и дополненный вариант статьи, опубликованной ранее: Зозуля С. С., Каинов С. Ю. Меч типа *D* из раскопок Михайловского некрополя // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения – 2007. Труды ГИМ. Вып. 177. – М., 2008. – С. 153–166.

² Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. – Москва–Вологда, 2012. – С. 179.

³ Таким образом, высота кургана 1/1902 составляла около 1 метра, диаметр – около 8,5 метров. Наиболее крупные насыпи Михайловского могильника достигали высоты 1,7 м при диаметре около 17 м. См.: Недошивина Н. Г. Михайловский могильник // Ярославское Поволжье. – М., 1963. – С. 27.

⁴ Городцов В. А. Раскопки в с. Михайловском, Ярославской губернии и уезда // Описание предметов из раскопок 1895 по 1904 гг. (составлена В. А. Городцовым). Отдел письменных источников ГИМа. Фонд 431. Ед. хр. 52.

Из сопровождавшего погребение большого количества инвентаря (см. Приложение) в собрании Государственного Исторического музея к настоящему времени сохранились⁵:

- три (один целый, два фрагментированных) бронзовых сбруйных позолоченных наконечника, украшенных в стиле Борре (рис. 1. 1);
- две бронзовые обоймы, украшенные в стиле Борре (рис. 1. 2);
- пять бронзовых сбруйных бляшек, украшенных в стиле Усеберг (рис. 1. 3);
- две серебряные бляшки округлой формы, одна из которых превращена в подвеску (рис. 1. 4);
- железная пряжка пятиугольной формы с фрагментом оплавленного щитка из бронзовой пластины (рис. 1. 5);
- не менее шестнадцати железных оковок от края щита (рис. 1. 6);
- железный наконечник стрелы (рис. 1. 7);
- железный шип для подковывания лошадей (рис. 1. 8);
- фрагмент железного языковидного кресала (?) (рис. 1. 9);
- фрагмент бронзового коромысла весов (рис. 1. 10);
- бронзовая оковка четырехугольной формы (рис. 1. 11);
- железный нож (рис. 1. 12);
- три бронзовых бубенчика с щелевидной прорезью (рис. 1. 13);
- оплавленный фрагмент бронзовой пластины с городчатым орнаментом (рис. 1. 14);
- оковка края бронзовая (?) (рис. 1. 15);
- бронзовая четырехугольная пластина с выпуклостью в центре (рис. 1. 16);
- две железных оковки (рис. 1. 17);
- железный гвоздик (рис. 1. 18);
- фрагмент бронзовой пластины (рис. 1. 19);
- бронзовая лировидная пряжка (рис. 1. 20);
- две фрагментированные известняковые (?) литейные формы (рис. 2. 21);
- фрагментированная глиняная льячка (рис. 2. 22);
- бронзовый перстень (рис. 2. 23);
- глиняный сосуд-урна⁶ (рис. 2. 24);
- семнадцать каменных бус (семь призматических сердоликовых, две шаровидные, одна шаровидная гранчатая, две четырнадцатигранных, две призматические хрустальные, три в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами) (рис. 2. 25);

Большая часть инвентаря кургана 1/1902 была рассмотрена в статье В. В. Мурашевой, которая пришла к выводу, что в кургане, насыпанном в первой полови-

⁵ ГИМ 41007. Опись «В» 1641.

⁶ По типологии Л. И. Смирновой, сосуд относится к группе VI. Поиск аналогий подобной форме сосудов привел Л. И. Смирнову как к финским древностям волго-окского междуречья второй половины I тыс. н. э. (Подболотьевский, Максимовский, Безводинский могильники), так и к раннесредневековым древностям Швеции. См.: *Смирнова Л. И.* Лепная керамика тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // Советская археология. – 1987. – № 2. – С. 94.

не X в., был погребен «мужчина-скандинав вместе со своей наложницей», происходившей из местного финно-угорского населения⁷. К этому следует добавить, что парное погребение, возможно, сопровождалось погребением коня, на что указывает наличие сбруйных украшений и конского «ледоходного» шипа⁸.

Одним из наиболее выдающихся предметов погребального инвентаря, несомненно, является меч. Он был найден согнутым и сломанным на две части (рис. 6). Детали рукояти представлены перекрестьем и основанием наверхия (рис. 3. 7). Головка наверхия отсутствовала. Перекрестье в верхней части повреждено трещиной. Головка наверхия крепилась на основании при помощи двух штырей (или U-образной скобы), концы которых проходили через отверстия в основании и расклепывались на нижней торцевой стороне наверхия. Внутри одного из отверстий сохранилась муфта⁹, свернутая из латунного листа, причем диаметр муфты на верхней стороне основания 5 мм, внизу – 3 мм. Края муфты на верхнем окончании развальцованы¹⁰.

Наибольшая длина перекрестья – 107 мм, основания наверхия – 91 мм; высота перекрестья – 30 мм, основания наверхия – 26 мм; наибольшая ширина перекрестья – 35 мм, основания наверхия – 32 мм. Расстояние между перекрестьем и основанием наверхия – 86 мм¹¹. Детали рукояти пустотелые и отлиты по восковой модели с потерей последней¹². Толщина стенок составляет от 1,5 до 3 мм.

На нижней торцевой стороне основания наверхия и на обеих торцевых сторонах перекрестья по бокам расположено по две фальш-заклепки в виде полусферической шляпки и подложенной под нее «шайбы», орнаментированной по краю косой насечкой (рис. 5. 1). Заклепки отлиты вместе с деталями рукояти и не несут никакой функциональной нагрузки, являясь, по сути, просто декоративным элементом, по всей видимости, имитирующим скрепляющие заклепки на деталях мечей более раннего времени.

Перекрестье и основание наверхия пышно орнаментированы (рис. 3. 7). На их фронтальных поверхностях декор расположен в двух параллельных «панелях», разделенных ребром. Основу декора составляет углубленный V-образный

⁷ Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 111. – М., 1999. – С. 33.

⁸ Судя по тому, что оба крепежных штыря были прямыми, шип не был закреплен на конском копыте.

⁹ Вторая муфта смещена с первоначального местоположения и находится внутри пустотелого основания наверхия.

¹⁰ По всей видимости, муфты служили для более плотного закрепления штырей в основании наверхия и предотвращали их изгиб во время расклепывания. Различный верхний и нижний диаметры свидетельствуют о том, что штыри сужались к концам.

¹¹ Незначительное расстояние между перекрестьем и наверхием характерно для мечей эпохи викингов. Из 434 мечей, измеренных Я. Петерсеном, у 97 экземпляров это расстояние колебалось от 8,5 до 9 см, а у 90 мечей составляло менее 8,5 см. В кн.: Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. – СПб, 2005. – С. 42.

¹² Авторы выражают благодарность Н. В. Ениосовой, В. В. Мурашевой и Т. Г. Сарычевой за консультацию по технологическим вопросам изготовления деталей рукояти михайловского меча.

орнамент, причем V-образные фигуры разнонаправлены в вертикальной плоскости. На каждой панели размещено по три V-образные фигуры, обращенные вершинами к центру и образующие в вертикальной развертке X-образные фигуры, и по две полных и две неполных V-образных фигуры с вершинами, обращенными от центра и образующими ромбовидные фигуры. Внутри V-образных фигур, обращенных вершинами к центру, расположено по пять выступающих окружностей, аналогичный выступ расположен и в вершинах V-образных фигур, обращенных вершинами от центра. Все углубленные части орнамента покрыты позолотой¹³.

Кроме литой орнаментации перекрестье и основание навершия декорированы циркульным и точечным орнаментом, выполненным в технике инкрустации серебром (рис. 5. 1). Внутри V-образных фигур, обращенных вершинами от центра, помещены две выступающие фигуры в виде полумесяца, в лицевую поверхность которых инкрустировано по пять серебряных точек. Инкрустированный серебром циркульный орнамент также расположен на разделяющих V-образный орнамент перемычках и вдоль верхней и нижней границ перекрестья и основания навершия. Диаметр циркульного орнамента около 2,2–2,7 мм. Окружности диаметром 1,9–2,0 мм, формирующие три вертикальные линии, размещены на боковых сторонах перекрестья и основания навершия. Верхнюю и нижнюю «панели» с V-образным орнаментом разделяют две линии инкрустированных серебром точек, расположенных с двух сторон вдоль ребра.

Аналогичный циркульный орнамент (диаметром 2,2–2,5 мм) расположен на обеих торцевых сторонах перекрестья и нижней торцевой стороне основания навершия (рис. 4. 8). На нижней стороне перекрестья орнаментальная линия размещена по периметру, прерываясь шайбами под шляпками фальш-заклепок. На верхней торцевой стороне перекрестья орнамент сосредоточен на боковых сторонах. В центре композиции крестообразная фигура, также сформированная циркульным орнаментом и вписанная в контур, составленный из циркульного орнамента. На основании навершия линия циркульного орнамента идет по контуру основания, огибая шайбы заклепок с внутренней стороны и прерываясь в центральной части.

Детали рукояти, выполненные, как уже отмечалось, из цветного металла, не просто насаживались на черен рукояти. Перекрестье и основание навершия крепились на железном каркасе, который уже затем монтировался на клинок. Каркас, размещенный внутри перекрестья, представлял собой две железные пластины, толщиной около 3 мм (рис. 5. 2). Части этого каркаса, соприкасающиеся с отверстиями под клинок (с нижней стороны перекрестья) и под черен рукояти (с верхней стороны перекрестья), оформлены в виде зубцов шириной 3–3,5 мм. Аналогичные зубцы прорезаны в перекрестии и на краях отверстий под клинок и черен. Зубцы железного каркаса и перекрестья из цветного металла заходят друг за друга, обеспечивая тем самым скрепление этих двух деталей (рис. 4. 7). Более простую схему крепления демонстрирует основание

¹³ При рентгенофлуоресцентном анализе деталей рукояти были выявлены следы ртути, позволяющие утверждать, что золочение произведено путем ртутного амальгамирования.

навершия. В данном случае деталь из цветного металла была закреплена на свернутой железной муфте, внизу и вверх которой было сделано по два выреза шириной около 5 мм, в которые заходят зубцы, вырезанные в краях отверстий под черен рукояти в основании навершия (рис. 3).

Железный каркас внутри перекрестья не прилегал вплотную к клинку. В имеющиеся зазоры шириной 1-2 мм были вбиты железные пластинки, предотвращающие разбалтывание перекрестья (или же ликвидирующие люфт, возникший в результате пользования мечом). Клинок меча был найден сломанным на две части. Ширина клинка у перекрестья – 63 мм¹⁴, толщина – около 5 мм. Ширина дола у перекрестья – 22-23 мм, глубина – около 1,3 мм.

Ранее мы высказывали сомнения в том, что части меча, хранящиеся в ГИМе и учтенные как происходящие из кургана 1/1902 Михайловского могильника, принадлежат одному мечу¹⁵. К настоящему моменту собраны новые сведения, позволяющие если не поставить точку в этом вопросе, то хотя бы значительно продвинуться в его решении.

Первые сведения о метрических данных меча приведены в дневнике В. А. Городцова, где указано, что общая длина меча составляла 96 см, а длина клинка – 82 см (см. Приложение).

Впоследствии фрагменты михайловского меча были использованы Б. А. Колчиным при изучении металлографии древнерусских мечей¹⁶. Сам Б. А. Колчин относил фрагменты к разным мечам, считая обломок нижней части клинка происходящим из неизвестного кургана Михайловского могильника¹⁷. Приведенные исследователем измерения обломков меча в сумме дают длину клинка около 78 см. Разница в 4 см между измерениями В. А. Городцова и Б. А. Колчина вроде бы должна убедить нас в том, что в музейном хранении произошла ошибка и обломки принадлежат разным мечам. Но неожиданная информация была получена из статьи В. В. Арендта, где указано, что для исследования технологии производства клинка меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника «нами был дан обломок клинка для шлифа и анализа проф. А. Б. Сибилеву. Протравка клинка выяснила отсутствие узорчатой сварки. Химический анализ обнаружил 0,8% С»¹⁸. То есть еще до работ Б. А. Колчина клинок михайловского меча подвергался металлографическому анализу и от него мог быть отрезан кусок, что и может объяснять разницу в длине клинка «по Городцову» и «по Колчину». О том, что именно фрагмент клинка, числящийся в настоящее время как часть меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника, исследовался профессором А. Б. Сибилевым, свидетельствует зашлифованная до «чистого»

¹⁴ Изначальная ширина клинка была больше (около 65 мм), но за счет того, что перекрестье смещено и в настоящее время размещается наклонно, закрывая часть основания клинка, уточнить это не представляется возможным.

¹⁵ Зозуля С. С., Каинов С. Ю. Меч типа D из раскопок Михайловского некрополя. – С. 160-161.

¹⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). – М., 1953. – С. 133-134; 244.

¹⁷ Там же. – С. 242-243.

¹⁸ Арендт В. В. О технике древнего клинкового производства // Труды Института истории науки и техники. Сер. I. Вып. 8. – Л., 1935. – С. 181.

металла одна сторона этого фрагмента. Именно шлифовка и «протравка» этой стороны и выявила отсутствие дамаскировки.

Предположение о том, что от клинка михайловского меча еще до работ Б. А. Колчина был отпилен кусок, объясняет большую разницу ширины клинка в местах спилов. Ранее из этого делался вывод о невозможности сужения клинка на 9 мм на протяжении всего лишь 9 см (расстояние между спилами Б. А. Колчина)¹⁹. По уточненным данным, ширина спила у верхней части меча составляет около 51 мм, у фрагмента нижней части клинка – 46 мм. При этом надо принимать в расчет, что изначальная ширина нижней части клинка уменьшилась в результате шлифовки фрагмента А. Б. Сибилевым. Реальное расстояние между спилами Б. А. Колчина, с учетом возможных работ А. Б. Сибилева, составляет 13 см²⁰.

Наиболее трудноразрешимым является вопрос о результатах металлографических анализов обоих фрагментов клинка. Из приведенных в основной части монографии Б. А. Колчина технологических схем и подписи к ним следует, что оба обломка клинка меча из кургана 1/1902 изготовлены из феррита с последующей цементацией поверхности²¹. Но в Приложении Б. А. Колчин отмечает технологию цементации только для обломка нижней части клинка. Шлиф, сделанный на второй, верхней части клинка (с деталями рукояти), выявил, по предположению Б. А. Колчина, трехслойную схему изготовления центральной части клинка (в середине железная, по краям стальные полосы). Но при этом сам Б. А. Колчин отмечает отсутствие заметных сварочных швов между сварными полосами, что, по его мнению, объясняется значительной обезуглероженой поверхностью²². На торцевые стороны сварного «пакета» были наварены стальные лезвия, что подтверждается четкими швами между основой и лезвиями. Таким образом, исходя из анализов Б. А. Колчина, речь идет о двух разных технологических схемах изготовления мечевого клинка, что кажется крайне маловероятным для клинка одного меча²³.

С нашей точки зрения, наиболее оправданным кажется предположение, что Б. А. Колчин допустил ошибку при интерпретации металлографического

¹⁹ Зозуля С. С., Каинов С. Ю. Меч типа *D* из раскопок Михайловского некрополя. – С. 160.

²⁰ Длина клинка меча по В. А. Городцову – 82 см, длина клинка на момент начала работы Б. А. Колчина – 78 см. Т. е. А. Б. Сибилев мог отрезать от нижней части клинка около 4 см. Б. А. Колчин отрезал от верхней части клинка 5 см, от нижней 4 см. Таким образом, общая длина удаленной части составляет 13 см.

²¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). – С. 134, рис. 106, 7, 9.

²² Там же. – С. 244.

²³ Аналогичная ситуация выявлена еще для одного меча, исследованного Б. А. Колчиным. Речь идет о мече из разрушенного погребения Гнездовского могильника («комплекс 14 июля 1899 г.»). В данном случае также были взяты пробы с двух обломков клинка, по ошибочному предположению Б. А. Колчина относящихся к разным мечам. Шлифы, расположенные в 20–25 см друг от друга, обнаружили разные технологические схемы изготовления клинка: верхняя часть клинка изготовлена из трехслойного пакета с наварными лезвиями, нижняя часть – цельножелезная с наварными лезвиями // Там же. – С. 133, рис. 105, 8, 9; С. 133, рис. 105. 3, 5; С. 242.

анализа фрагмента верхней части клинка. Тем более что клинок в месте, где прошел металлографический шлиф, сильно разрушен (рис. 10). Ясность в этом вопросе может быть внесена только при повторном металлографическом исследовании обоих фрагментов меча.

Стоит отметить разное состояние обломков меча. Нижняя часть покрыта плотным слоем окалины, в то время как верхняя часть клинка с деталями рукояти не носит явных признаков пребывания в огне. В связи с этим заслуживают внимания упомянутые В. А. Городцовым куски бересты на рукояти меча (см. Приложение). Возможно, что в ходе совершения погребального обряда нижняя часть сломанного меча была положена на погребальный костер, а верхняя была помещена в центр кургана рядом с урной с остатками сожжения и другим инвентарем уже после совершения сожжения.

На клинке меча А. Н. Кирпичниковым было расчищено двустороннее клеймо, выполненное дамаскированной проволокой (рис. 9)²⁴. На одной стороне клинка находится композиция из вертикальных столбиков и кругов, на другой – две фигуры в виде песочных часов, соединенных основаниями, по обеим сторонам от которых расположены один и три вертикальных столбика. Точных аналогий клеймам авторам не известно, хотя в разных сочетаниях знаки в виде кругов, вертикальных столбиков и песочных часов часто употреблялись в качестве мечевых клейм²⁵. А. Н. Кирпичников считает, что подобные знаки могли иметь не только «фирменное» маркировочное значение (как, скажем, мечи с клеймом *Ulfberht*), но и магическое²⁶. А. К. Антейн считал, что изображение круга являлось символом огня. Кроме меча из Михайловского, он указывает еще два меча, ведущим элементом клейм которых являются круги: один из Норвегии (между кругами костыльный крест), другой из Убины (Эстония) (круг расположен между двумя костыльными крестами)²⁷.

По типологии Я. Петерсена, рукоять меча относится к типу *D*. Для этого типа характерны массивные с выделенным ребром перекрестье и основание двусоставного навершия, трехчастная головка навершия с высокой средней частью, крепившаяся на основании при помощи двух заклепок. Основным отличием этого типа является богатая и разнообразная орнаментация деталей рукояти. Также Я. Петерсен отмечает, что на торцевых сторонах перекрестий многих мечей этого типа сохранились «большие шляпки заклепок»²⁸.

Я. Петерсен отмечал неоднородность орнаментации рукояти мечей типа *D*. Он выделял три основных варианта: группа рукоятей, орнаментированных посеребрёнными бронзовыми бляшками, представляющими собой миниатюрные

²⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. – Е 1-36. – М.–Л., 1966. – Табл. XVIII, 6.

²⁵ Там же. – Табл. XVII. 3,6; Кирпичников А. Н. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // *Fasciculi Archaeologiae historicae*, FASC. V. Łódź, 1992. – С. 70, рис. 4. 2.

²⁶ Там же. – С. 40.

²⁷ Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. – Рига, 1973. – С. 55-56, рис. 71.

²⁸ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. – С. 106-107.

звериные морды; группа рукоятей, орнаментированных рядами крестообразных фигур; и группа, украшенная выступающими бляшками в четырехугольных полях²⁹.

В Европе зафиксировано не менее 40 находок мечей типа D (Норвегия – 16, Швеция – 3, Дания (с учетом шведской провинции *Skåne*) – 9, Венгрия – 1, Германия – 1, Ирландия – 5, Россия – 2, Шотландия – 1, территория Пруссии – 1, Польша – 1)³⁰. Все мечи отличаются сложной орнаментацией, редко повторяющей друг друга. По-видимому, мечи этого типа не были массовой продукцией, а представляют собой примеры штучной работы по индивидуальным заказам.

Я. Петерсен мечи типа D относил к «раннему периоду эпохи викингов». По его мнению, в пользу этого свидетельствует как сопровождающий мечи инвентарь, так и морфология рукояти – перекрестие и основание навершия с ребрами, трехчастная головка навершия со звериными мордами, наличие заклепок на перекрестии³¹. Я. Петерсен осторожно предполагает, что не все мечи типа D одновременны – группу мечей с рядами «грубо изображенных звериных морд» он относит к более позднему периоду, чем мечи с рукоятями, орнаментированными «рядами крестообразных фигур»³². Но, выделяя ранние и поздние группы внутри типа, исследователь все же не считает возможным датировать мечи типа D позднее IX века³³.

По характеру орнаментации деталей рукояти – инкрустированный серебром циркульный и точечный орнамент – меч из Михайловского наиболее близок к выделенной Я. Петерсеном группе мечей с рядами «грубо изображенных звериных морд». По его данным, к этой группе относятся два меча из Норвегии, два из Ирландии, один из Швеции³⁴ (рис. 11). Кроме этих пяти экземпляров, сюда можно причислить еще один меч, найденный в Германии (*Wesenberg*), и головку навершия, найденную в одном из погребений прусского могильника Кауп³⁵ (рис. 12. 1, 2). Но, несмотря на использование схожего орнаментального мотива, михайловский

²⁹ Петерсен Я. Указ. соч. – С. 107.

³⁰ Jakobsson, M. Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi (Stockholm Studies in Archaeology 11. Stockholm, 1992. P. 208-209; Benda, K. Karolinska slozka blatnickeho nalezu // Slovenska archeologia XI-1. 1963. C. 202-205; Peirce, J. Swords of the Viking Age. Woodbridge, 2004. P. 42-45; Schoknecht, U. Vier neue Wikingerschwerter aus dem Bezirk Neubrandenburg // Ausgrabungen und Funde. Band 33 (1988). Heft 3. 1988. P. 143-144; Marek, L. Wczesnośredniowieczne miecze z Europy Środkowej i Wschodniej: dylematy archeologa i bronioznawcy. Wrocław, 2004; Żabiński, G. Viking Age Swords from Scotland, AMM III. Kraków – Sanok, 2007. P. 29-84.

³¹ Петерсен Я. Указ. соч. – С. 108-110.

³² Там же. – С. 109.

³³ Ф. А. Андрощук расширяет (к сожалению, не приводя обоснования) верхнюю датировку группы мечей типа D с рядами «грубо изображенных звериных морд» до первой половины X в. См.: Андрощук Ф. А. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. – М. – С. 80, табл. 1; С. 81, рис. 4.

³⁴ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. – С. 110.

³⁵ Schoknecht, U. Vier neue Wikingerschwerter aus dem Bezirk Neubrandenburg P.143. Abb. 2a; Mühlen, B. Die Kultur der Wikingerzeit in Ostpreussen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Bonn, 1975. P. 219. Taf. 37,1.

меч отличается от вышеперечисленных мечей типа *D* как композицией орнамента, так и технологией изготовления. Детали рукояти большинства мечей были изготовлены из железа, а затем частично покрыты листом латуни, иногда золоченым. Циркульный орнамент в ряде случаев имел черневое заполнение³⁶. Только детали рукояти меча из Германии и, возможно, отдельная головка наваршия из могильника Кауп изготовлены из цветного металла. Деталь наваршия из Каупа сходна с михайловским мечом и по своей орнаментации.

Если принять точку зрения Я. Петерсена о датировке мечей типа *D* IX веком, то сам меч из Михайловского могильника стоит относить ко второй половине, не исключая даже начало X в. В пользу данного предположения, по нашему мнению, свидетельствуют изменение (упрощение?) технологии изготовления деталей рукояти, связанное с использованием более легкообрабатываемого материала, а также наличие нефункциональных заклепок на перекрестьи и основании наваршия.

В литературе были обоснованные две разные датировки кургана 1/1902 Михайловского могильника. Н. Г. Недошивина, на основании наличия в составе погребального инвентаря «усатого» перстня, датировала его концом X века³⁷. В. В. Мурашева, посвятившая кургану отдельную статью, отнесла комплекс к первой половине X в. В пользу этого, по ее мнению, свидетельствует «нахождение предметов, украшенных в разновременных стилях» (Борре и Усеберг), а также датировка набора бус, бляшки и подвески «восточного» облика. Не противоречит ранней датировке и находка «усатого» перстня – они встречены в комплексах с V по X вв.³⁸

Дополнительным аргументом датировки захоронения первой половиной X в. служат две серебряные бляшки, входящие в состав погребального инвентаря (рис. 1. 4). Первая в результате воздействия погребального костра сохранилась хуже, но тем не менее полностью восстанавливаются ее круглая форма и диаметр – около 2 см. По краю накладки расположен бордюр из чередующихся округлых и овальных звеньев. В центре – выпуклость. Еще три выпуклости расположены на пространстве между центром композиции и бордюром. Бляшка превращена в подвеску. Причем ушко, выполненное из тонкой рубчатой пластины, свидетельствует о превращении накладки в подвеску, скорее всего, в скандинавской среде³⁹.

Форма второй бляшки также округлая, диаметр – 1,6 см. На обратной стороне бляшки сохранились 3 крепежных штифта. По краю лицевой стороны расположен аналогичный бордюр, в центре внутреннего пространства которого находится выпуклость с небольшим углублением в центре. Негативная сторона (как и внутренняя часть овальных звеньев бордюра по краю) позолочена.

³⁶ Peirce, J. Swords of the Viking Age. Woodbridge, 2004. P. 42-43.

³⁷ Недошивина Н. Г. Предметы вооружения из ярославских могильников // Ярославское Поволжье. – М., 1963. – С. 55.

³⁸ Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки). – С. 30–32.

³⁹ Пушкина Т. А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности. – СПб, 2007. – С. 327.

Бордюр по краю бляшек из михайловского кургана сближает их с целым кругом раннесредневековых находок на территории Древней Руси, Хазарского каганата, Венгрии и Волжской Болгарии. Бляшки с аналогичным оформлением края входят в состав клада, найденного на Супрутском городище в 1969 г. При его публикации В. В. Мурашева, проанализировав происхождение подобного бордюра, пришла к выводу, что поясной набор из Супрут относится к плохому известному кругу хазарских древностей начала X века⁴⁰. Схожая бляшка была найдена в Казани. И. Фодор высказал мнение о ее древневенгерском происхождении, как и ряда аналогичных блях⁴¹. Из приведенных им девяти находок таких бляшек в древневенгерских погребениях шесть датируются первой половиной X в., одна – первыми десятилетиями X в., еще одна – первой четвертью X в., в одном случае датировка не указана⁴². Таким образом, точка зрения исследователей на датировку подобных изделий совпадает – как минимум первая половина X в.

Если принять датировку самого меча в рамках второй половины IX в., а комплекса, из которого он происходит, в рамках первой половины X в., то необходимо объяснить возможное расхождение датировок⁴³. На наш взгляд, в случае с михайловским мечом мы сталкиваемся с ситуацией «запаздывания» древнерусских мечей по сравнению с их норвежскими аналогами. Как уже было отмечено ранее одним из авторов настоящей статьи, есть основания предполагать, что, попав на восточноевропейскую территорию, «меч продолжал бытовать достаточно продолжительное время, хотя в остальной Европе данный тип меча уже выходил из употребления»⁴⁴.

Именно с «долгой жизнью» михайловского меча можно связать отсутствие у него головки наверху⁴⁵. Мечи с отсутствующими головками наверху встречаются как в древнерусском, так и в скандинавском материале. А. Н. Кирпичников объясняет отсутствие этой детали попытками изменить баланс меча для достижения более результативного удара⁴⁶. Не отрицая возможности подобного объяснения, предложим другое. Частью меча, наиболее подверженной повреждениям, несомненно, является клинок. В случае его поломки детали ру-

⁴⁰ *Мурашева В. В.* Супрутский клад из раскопок 1969 г. – М., 2008. – С. 19-20.

⁴¹ *Фодор И.* Древневенгерские аналогии накладки из раскопок казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции. Казань. 1-3 июня 1999 г. – Казань, 2000. – С. 62.

⁴² Там же. – С. 60-61.

⁴³ Долгий период бытования предполагается для еще одной вещи из комплекса кургана 1 – бантовидной накладки, украшенной в стиле Усеберг, характерного для второй половины VIII–IX вв. // *Мурашева В. В.* Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки). – С. 32.

⁴⁴ *Каинов С. Ю.* Проблема датировки древнерусских мечей (по материалам Гнездовского археологического комплекса) // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Москва – Архангельск, 2001. – С. 135–137.

⁴⁵ На длительное бытование меча может указывать и сильная стертость фальш-заклепок на перекрестии и основании наверху.

⁴⁶ *Кирпичников А. Н., Сакса А. И.* Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. – СПб, 2006. – С. 43.

кояты, особенно богато декорированные, могли перемонтироваться на другой клинок. При размонтировке двусоставных наверший укорачивались соединяющие детали навершия штыри или специальные U-образные скобы⁴⁷. Таким образом, установка головки навершия без специальных трудоемких, а часто просто невыполнимых операций по замене штырей или скоб была невозможна, и меч мог быть заново собран без верхней части навершия.

Именно с перемонтировкой деталей рукояти на другой клинок мы сталкиваемся в случае с мечом из кургана 1/1902 Михайловского могильника. Следы ударов, направленных на удаление заклепок, видны на нижней торцевой стороне основания навершия (рис. 8. 2). При этом внутрь была вдавлена нижняя стенка основания навершия. Также следы, скорее всего возникшие при удалении расклепанной части черена рукояти, видны на верхнем торце основания навершия (рис. 8. 1).

Таким образом, есть основания предполагать не позднюю дату изготовления рукояти меча, а долгое бытование этого роскошного предмета вооружения, возможно изготовленного в IX в. и погребенного в первой половине X в. вместе с его последним хозяином в одном из курганов Ярославского Поволжья⁴⁸.

Приложение

Инвентарь кургана № 1, раскопанного В. А. Городцовым в 1902 году у с. Михайловского Ярославского уезда, Ярославской губернии⁴⁹.

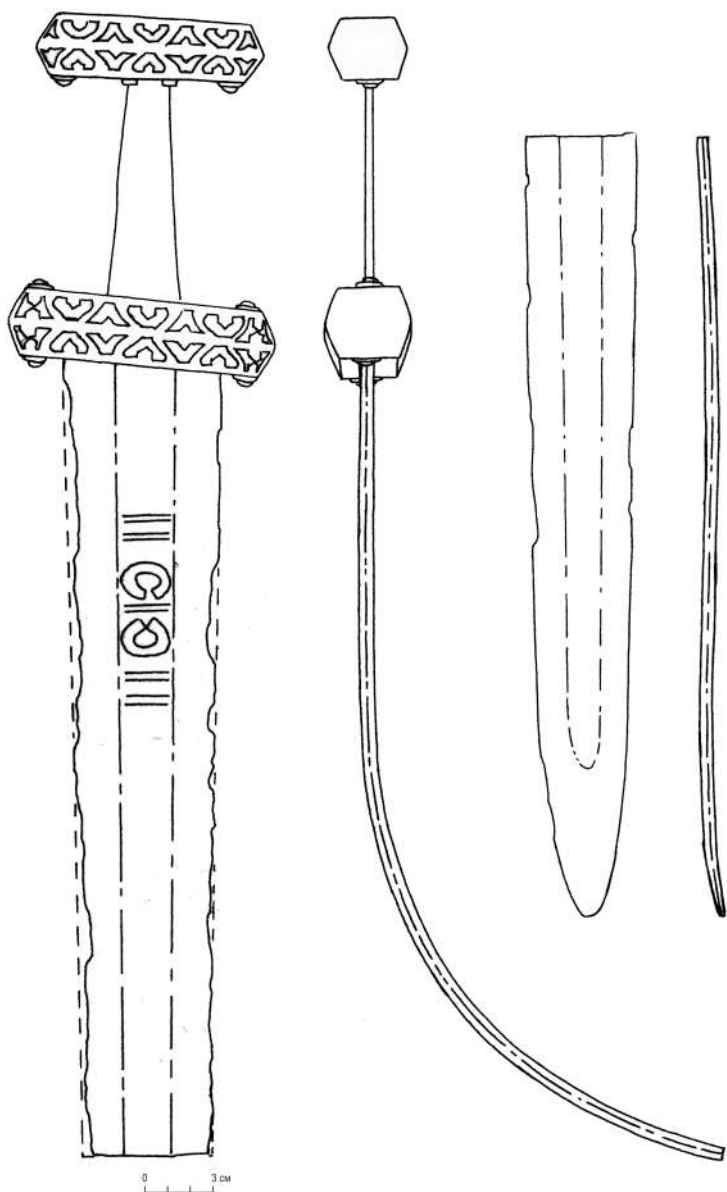
1. Набор пояса или портупеи: наконечник ремня бронзовый, позолоченный, сверху украшенный плетеным ажурным орнаментом, тремя рельефными звериными головками и одного выбранного плетеными линиями, длиной 9, шириною у верхнего конца – 1,8 см; 2. То же, общей длины, но без следов позолоты и без нижнего конца и без нижней подстилающей пластинки; 3. То же, без верхнего конца; 4. Бронзовый литой крючок от пояса или портупеи. Украшенный плетеным ажурным орнаментом и двумя звериными головками со следами позолоты, конец крючка обломан; 5–8. Четыре бронзовых бляшки, украшенных плетеным орнаментом, с шестью дырками для прибивки; 9. Бронзовая литая кнопка, имеющая форму гриба с ножкою; сверху кнопка украшена плетеным орнаментом; 10–11. Две бронзовые литые, подвижные бляхи, украшенные ажурным плетеным

⁴⁷ У некоторых типов мечей (В, Е и др.) двусоставные навершия скреплялись при помощи черена клинка. Детали рукоятей этих типов мечей могли быть перемонтированы на другой клинок в полном наборе (в зависимости от длины черена клинка).

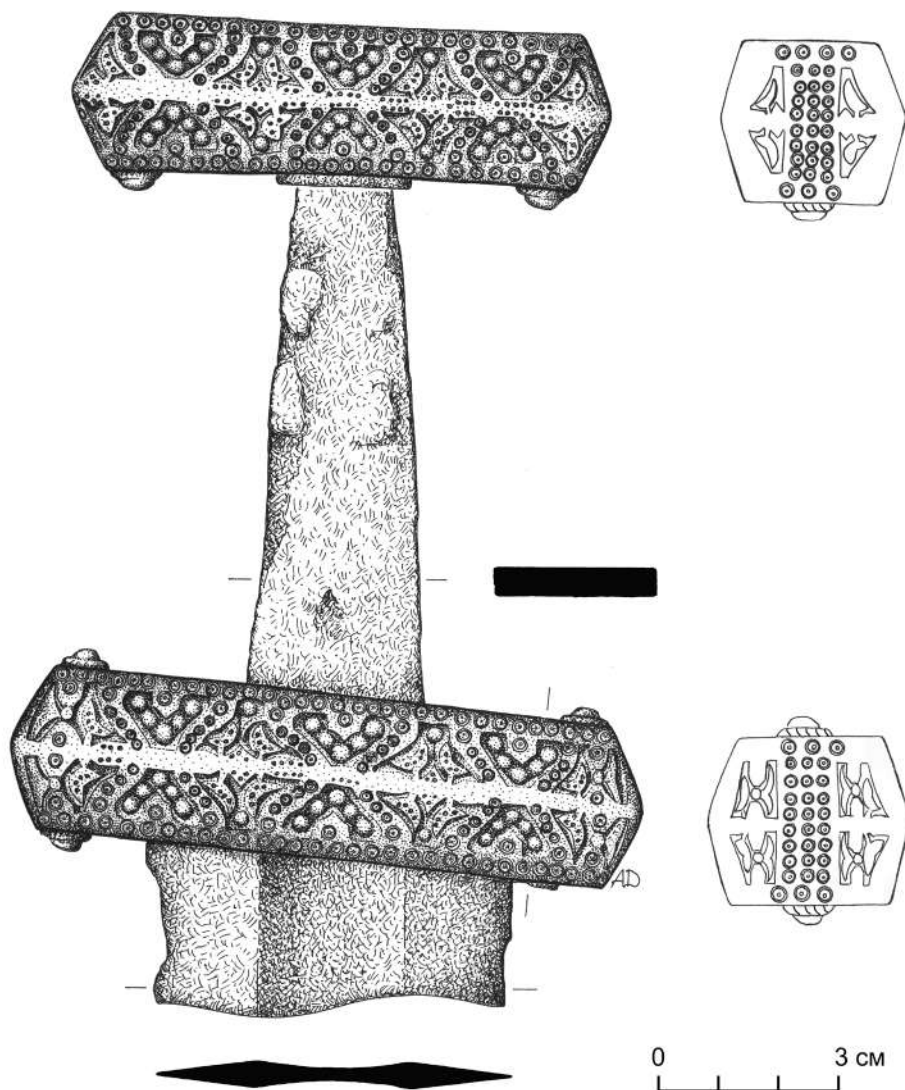
⁴⁸ В частной беседе Я. В. Френкель любезно сообщил, что, по его мнению, набор бус, представленный в погребении, позволяет ограничить нижнюю хронологическую границу погребения рубежом первой и второй четвертей X в. Учитывая это, можно осторожно предполагать «узкую» датировку комплекса кургана 1/1902 Михайловского могильника в рамках второй четверти X в.

⁴⁹ *Городцов В. А.* Раскопки в с. Михайловском, Ярославской губернии и уезда // *Опись предметов из раскопок 1895 по 1904 гг.* (составлена В. А. Городцовым). Отдел письменных источников ГИМа. Фонд 431. Ед. Хр. 52.

орнаментом. Поверхность блях имеет форму полуцилиндров; 12–19. 8 мраморных граненых крупных и длинных бусин, представляющих формы более или менее правильных многогранных призм, длиной в 2–2,6 см, одна представляет осколок от целой; 20–25. 6 крупных бусин из горного хрусталя, призматической (2) и продолговато-овальной (4) формы; 26–27. Две круглых белых бусины, величиной с крупную горошину; 27–30. Три граненых бусины, величиной с предшествующие; 31. Бронзовый перстень, свернутый в три оборота из широкой пластинки, переходящей к концам в проволоку. Перстень орнаментирован четырьмя рядами треугольных городков, выполненных мелкими точками; 32. Бронзовая круглая в виде медальона привеска с орнаментом из крупных точек, выдавленных с нижней стороны, диаметром 2 см. 33. Бронзовая лировидная пряжка; 34. Серебряная орнаментированная пластинка; 35. Кусок серебра с позолотой, представляющий, вероятней всего, сплав серебряной позлащенной вещи; 36. Серебряная позлащенная бляшка с тремя гвоздиками, служившими для прикрепления бляшки к ремню; 37–39. Три бронзовых бубенчика; 40. Бронзовый колокольчик бутылочной формы; 41–44. Четыре бронзовых бляшки или обоймы; 45–51. Семь железных узких пластинок, служивших набором ремня или оковкой деревянного предмета; 52–53. Две железных скобки, из них одна (53) с орнаментом в виде простых насечек, вторая (52) сломана; 54. Сплавившаяся бронзовая вещица, с отверстием как бы для ключа; 55. Фрагмент бронзовой тонкой сплошь орнаментированной пластинки (таких фрагментов было найдено несколько, но они рассыпались на мелкие куски, назначались они для украшения какой-нибудь крупной вещи, может быть фибулы); 56. Бронзовый гвоздик; 57. Обломок бронзового предмета; 58–59. Фрагменты глиняных форм. Сделаны из огнеупорной глины; 60. Глиняный ложко-видный тигль; 61–82. Двадцать одна железная обоймица, служившие оковкой ремня, вероятно конской сбруи; 83. Железная шпора; 84. Железная орнаментированная с бронзовой обоймою пряжка; 85. Фрагмент бронзовой вещи, покрытой серебром, сплавившимся на поверхности ее кусками; 86. Фрагмент бронзовой вещи, вероятно скорлуповатой фибулы; 87. Железный нож; 88. Железный предмет неопределенного назначения; 89. Железная стрелка с острием в виде ласточкиного хвоста, хорошо заточена; 90. Пережженная кость птицы (петуха); 91. Обугленная скорлупа орехов, взятых из урны и кострища; 92. Меч скандинавского типа с двумя железными перекрестиями, обложенными бронзовыми литыми накладками, украшенными изящными орнаментами и золотой насечкой. Меч сломан на две части; верхняя гайка рукояти не найдена. Длина всего меча 96 см, длина клинка 82 см, ширина у рукоятки 6,3 см; 93. Глиняный сосуд грубой работы без орнамента, баночной формы, высота 24,5 см, ширина горла 27, ширина основания 17 см; 94. Фрагменты железных скоб, обоймиц и других вещей, сплавы бронзовых вещей; 95. Куски бересты, найденные на рукоятке меча.

**Рис. 6. Меч из кургана 1/1902 Михайловского могильника
(Рисунок А. С. Дементьевой)**

**Рис. 7. Рукоять меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника
(Рисунок А. С. Дементьевой)**

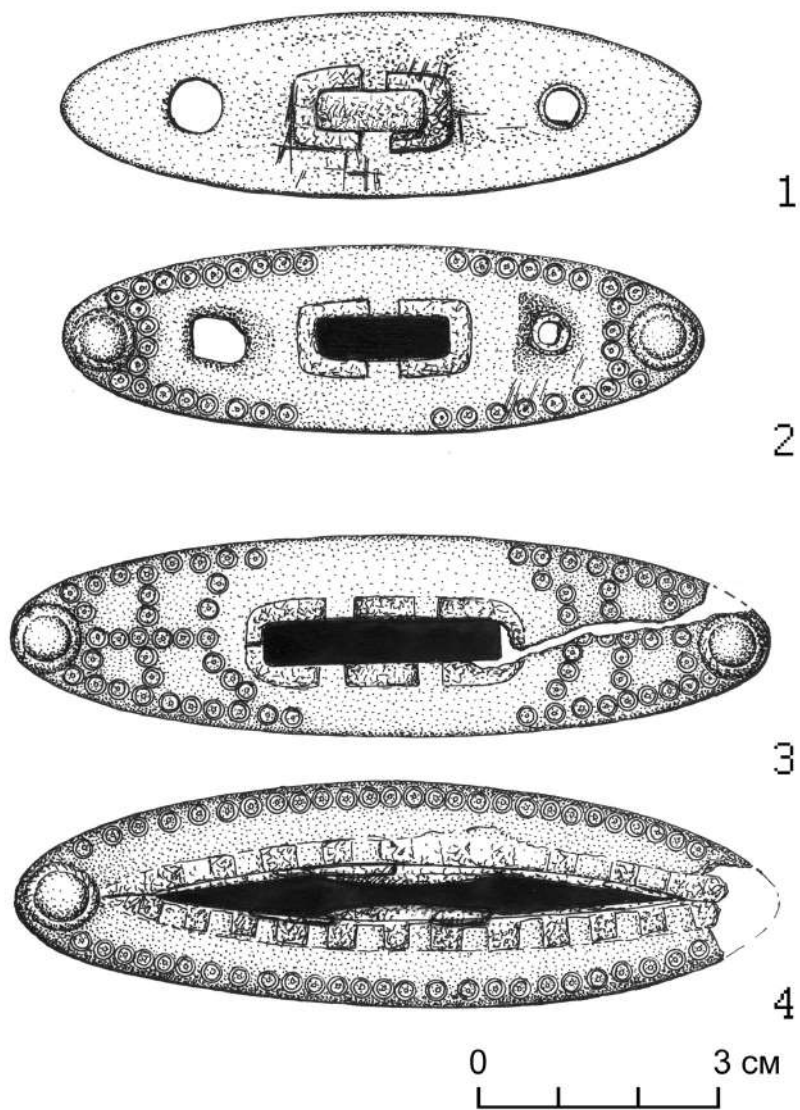

Рис. 8. Торцевые стороны основания наконечника (1, 2) и перекрестья (3, 4) меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника (Рисунок А. С. Дементьевой)

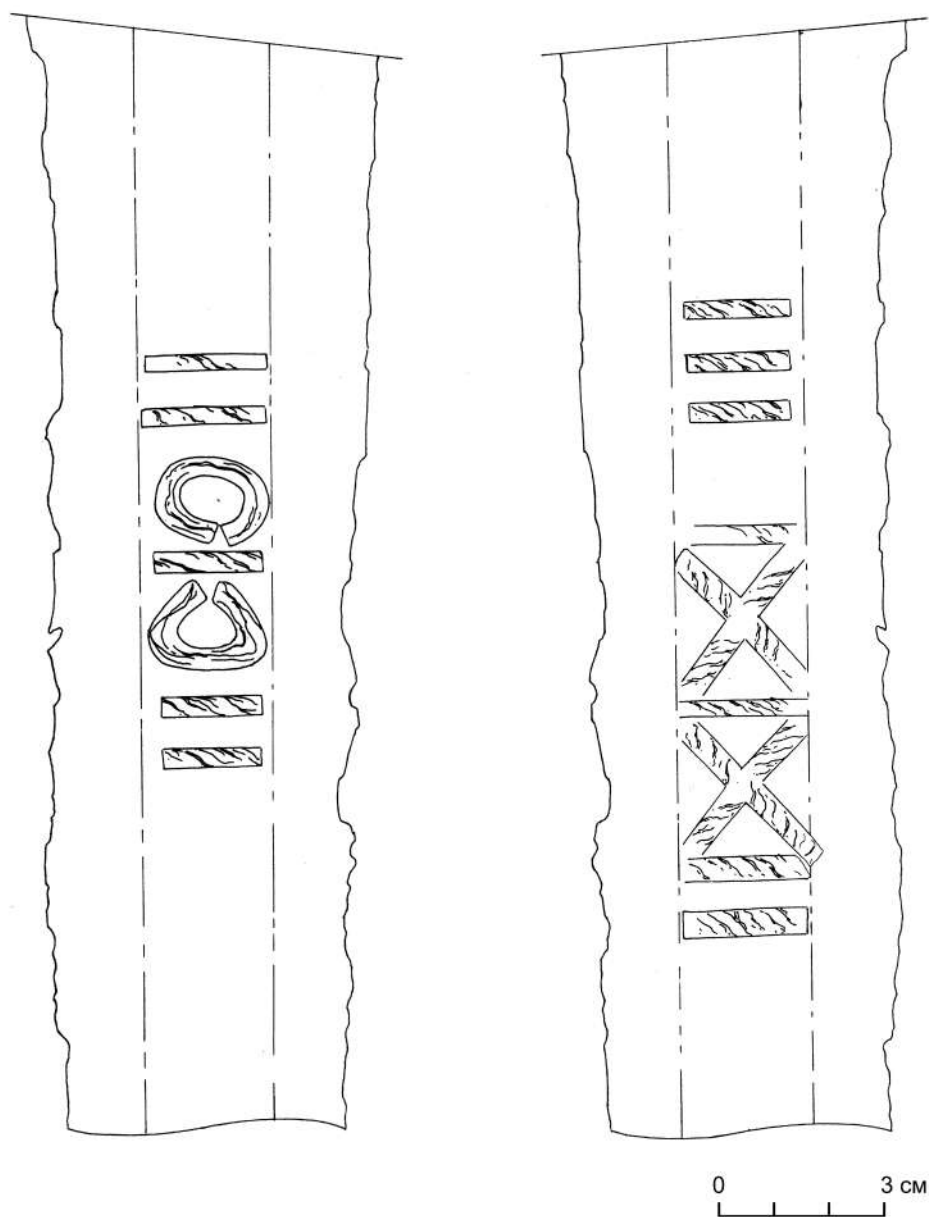

Рис. 9. Клейма на клинке меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника
(Рисунок А. С. Дементьевой)

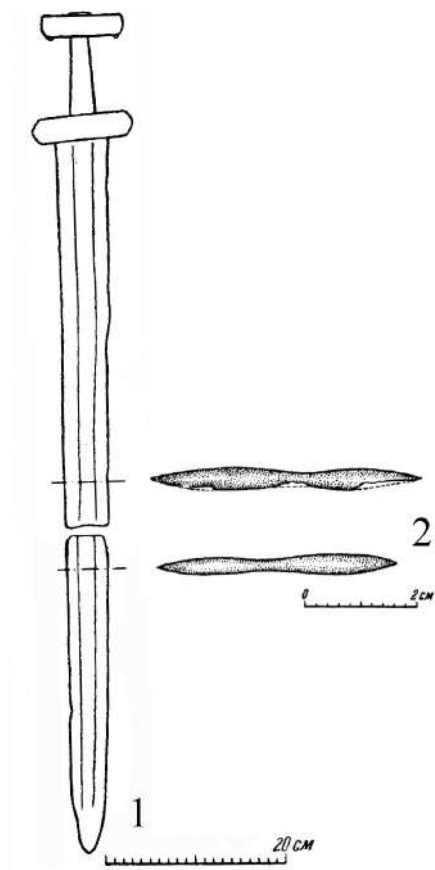

Рис. 10. 1 – места прохождения металлографических шлифов на клинке меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника; 2 – технологические схемы изготовления клинка меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника (Колчин Б. А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). – С. 133, рис. 105, 2, 5; С. 134, рис. 106, 7, 9).

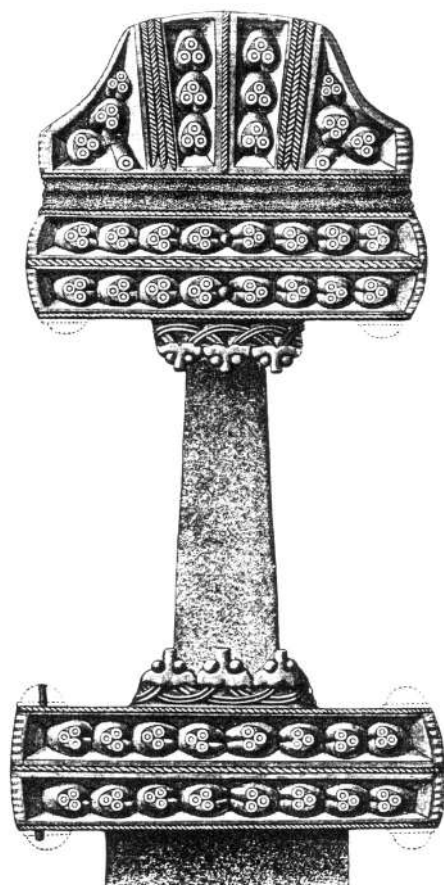

Рис. 11. Рукоять меча из Linga, Södermanland (Швеция) (Schnittger, B. Några undersökningar å Linga graffält i Södermanland // Fornvännen 1912. S. 25–26. Fig. 11–12).

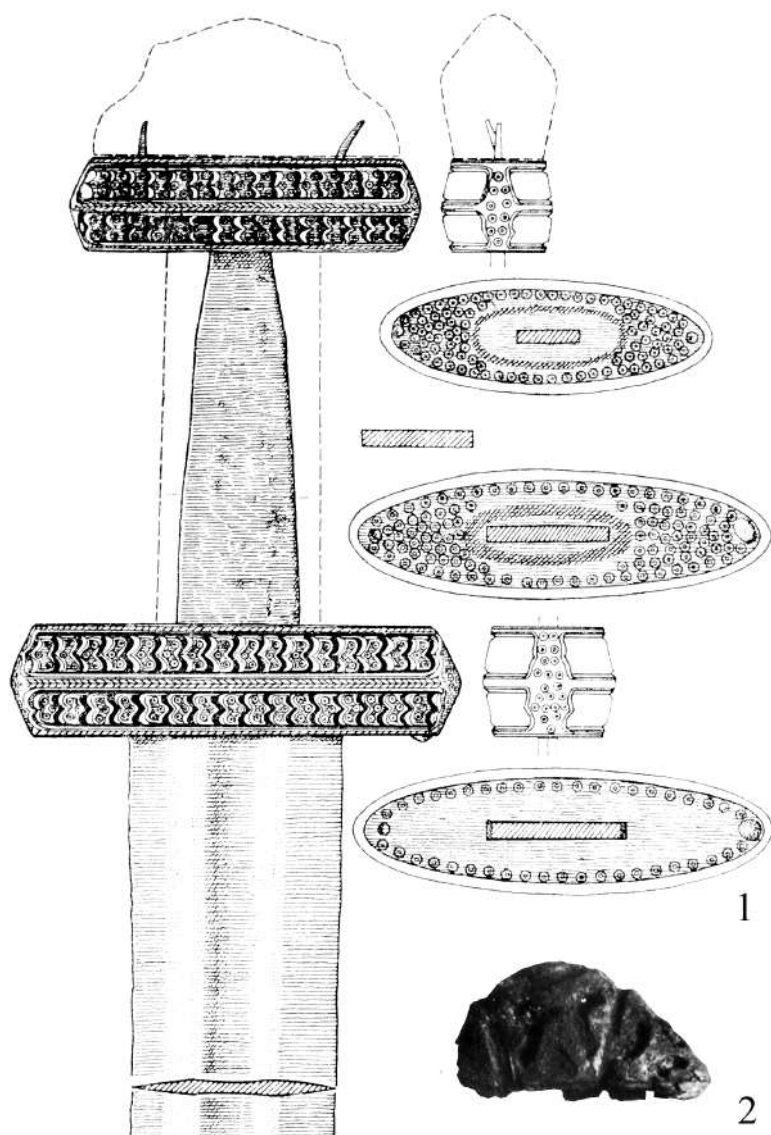

Рис. 12. 1 – рукоять меча из Wesenberg (Германия) (Schoknecht, U. Vier neue Wikingerschwerter aus dem Bezirk Neubrandenburg. P.143. Abb. 2a); 2 – верхняя часть навершия из могильника Кауп (Калининградская обл. Россия) (Mühlen, B. Die Kultur der Wikingerzeit in Ostpreussen. P. 219. Taf. 37.1).

О ЗАЩИТНОМ ВООРУЖЕНИИ БУЛГАРСКОГО ВОИНА XI в. (по материалам Булгарского селища (Остолоповского) у с. Речное)

Находки деталей защитного вооружения на памятниках Волжской Булгарии, государства, существовавшего на Средней Волге и Нижней Каме в X – начале XIII вв., немногочисленны. В могильниках ранних булгар на Волге VIII–X вв. такого рода находок нет, за исключением обрывков кольчужного плетения в трех погребениях Танкеевского могильника: №№ 508, 584 и 1047¹. На булгарских поселениях XI–XII вв. изредка встречаются кольчужные кольца. На памятниках домонгольской Булгарии: Билярском² и Тигашевском городищах, I, IV Семеновском, Измерском³, IV Старокуйбышевском селищах – найдены железные пластины, атрибутированные исследователями как детали защитного доспеха. Большая часть из них происходит из подъемного материала.

В ходе исследований Остолоповского селища⁴ у с. Речное в Алексеевском районе Татарстана в 1997–2009 гг. при раскопках и в подъемном материале была найдена серия железных пластин от доспеха, отличавшихся от известных⁵. Как уже отмечалось ранее⁶, это первые хорошо датированные находки такого

¹ Казаков Е. П. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. – Казань, 1985. – С. 24.

² Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 24, 25, табл. VIII-11; Хузин Ф. III. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988. – Рис. 2-13.

³ Казаков Е. П. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар. – Рис. 2-1, 9-10.

⁴ Руденко К. А. Волжская Булгария в системе торговых путей Средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола. Часть II. – Казань, 2002. – С. 31–52.

⁵ Ср.: Измайлов И. Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988. – С. 87–102; Он же. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань–Магадан, 1997. – С. 116, 118.

⁶ Руденко К. А. Новые находки деталей пластинчатого доспеха из Волжской Булгарии // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 59–64.

типа деталей пластинчатого доспеха, относящиеся ко второй половине XI – началу XII в.

Все они обнаружены на той части поселения, которая была разорена в конце XI – начале XII в. и не заселялась в последующий период его существования. Пластины были найдены как в культурном слое, так и в объектах жилого, производственного и хозяйственного назначения⁷.

Всего с селища на сегодняшний день известно 12 пластин.

Пластина № 1 (рис. 1. 1) выпуклая, каплевидная, вытянутая (5,3 × 1,2-1,8-0,1 см). Верхняя часть пластины имеет прямой край, а нижняя часть – закругленный. У верхнего края ее сделаны два сквозных отверстия диаметром 0,2 см и еще одно отверстие диаметром 0,3 см – в середине нижней части, в месте, где начинается округлое завершение пластины. Также два парных отверстия диаметром 0,2 см имеются в средней части с боков.

Пластина № 2 (рис. 1. 2) плоская, прямоугольная, широкая (5 × 2,6 × 0,2 см) с закругленным нижним краем, отогнутым внутрь на 25°. У боковых сторон пластины имеются два парных сквозных отверстия диаметром 0,2 см. Верхний край ее обломан.

Пластина № 3 (рис. 1. 3) плоская, прямоугольная, широкая (5,1 × 2,6-3 × 0,3 см) с прямым верхним краем и скругленным нижним. В нижней половине пластины имеется выпуклая полусфера диаметром 1 см и высотой 0,5 см. Сверху и снизу от полусферы сделаны два сквозных отверстия диаметром 0,2 см. В верхней части ее с краев имеются по три отверстия того же диаметра. Расстояние между крайними отверстиями 1,5 см; среднее чуть смещено к низу и находится в 0,9 см от верхнего.

Пластина № 4 (рис. 1. 4) выпуклая, прямоугольная, широкая (5,2 × 2,8 × 0,2 см) с прямым верхним краем и скругленным нижним, отогнутым внутрь на 10°. В нижней части пластины имеется полусфера диаметром 1 см и высотой 0,5 см. Сверху и снизу от полусферы сделаны сквозные отверстия диаметром 0,3 см – сверху одно на 0,3 см от края полусферы и два снизу (прямо у края полусферы). Расстояние между парными отверстиями 0,3 см. В верхней части в углах сделаны одиночные отверстия диаметром 0,2 см. На боковых сторонах ее имеются по две пары отверстий диаметром 0,2 см. Расстояние между парами отверстий 1 см. Эти отверстия расположены симметрично. Верхний левый край пластины утрачен.

Пластина № 5 (рис. 1. 5) (фрагмент) плоская, прямоугольная, широкая (4 × 2,6 × 0,2 см) с выпуклой полусферой диаметром 1 см и высотой 0,7 см в нижней части. Сверху от полусферы имеется сквозное отверстие диаметром 0,2 см. Аналогичное отверстие есть с правой стороны от полусферы. Два парных отверстия сохранились у левого края пластины. Расстояние между отверстиями 0,3 см, от края – 0,2 см.

⁷ Руденко К. А. Некоторые вопросы использования археологических материалов в музейной экспозиции // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2008. – С. 291–300.

Пластина № 6 (рис. 1. 6) (фрагмент) плоская, прямоугольная, широкая ($3 \times 3,6 \times 0,2$ см); с выпуклой полусферой диаметром 1 см и высотой 0,4 см в нижней части. Сверху от полусферы имеется сквозное отверстие диаметром 0,2 см. Два парных отверстия сохранились у правого края пластины. Расстояние между отверстиями 0,3 см, от края – 0,3 см. У верхнего края пластины сделаны так же отверстия – два по краям и одно посередине. Размер их аналогичен предыдущим. Нижняя и верхняя левая части пластины утрачены.

Пластина № 7 (рис. 1. 7) плоская, с прямым верхним краем и скругленным нижним ($5,5 \times 3,1 \times 0,2$ см). В нижней части пластины имеется выпуклая полусфера диаметром 1 см и высотой 0,5 см. Сверху и снизу от полусферы сделаны сквозные отверстия диаметром 0,2 см: сверху одно, снизу – два. В верхней части по углам имеются отверстия того же диаметра. С левой стороны в 0,2 см от края также имеются две пары отверстий того же размера. Расстояние между ними 0,7 см. Левая сторона пластины имеет утраты, но можно предполагать, что и здесь было еще несколько отверстий.

Пластина № 8 (рис. 1. 8) (фрагмент) плоская, прямоугольная, широкая ($3 \times 2,7 \times 0,2$ см); с выпуклой полусферой (?). В верхней части пластины у края имеются три сквозных отверстия диаметром 0,2 см. Еще одно отверстие находится посередине внизу фрагмента у обломанного края, там, где была полусфера.

Пластина № 9 (рис. 1. 9) (фрагмент) прямоугольная, широкая ($3,1 \times 2,5 \times 0,2$ см); плоская с выпуклой полусферой в нижней части. Диаметр последней 1 и высота 0,5 см. Особенностью этой пластины является отсутствие отверстий у полусферы, хотя парные отверстия по краям, скорее всего, имели место.

Пластина № 10 (рис. 1. 12) (фрагмент) плоская, прямоугольная, широкая ($2,5 \times 2,5 \times 0,2$ см); с выпуклой полусферой. В верхней части пластины у края имеются три сквозных отверстия диаметром 0,2 см. Еще одно отверстие находится посередине пластины у обломанного нижнего края, там, где была полусфера.

Пластина № 11 (рис. 1. 10) плоская, прямоугольная, широкая, вытянутая ($7,5 \times 5,8 \times 0,2$ см). Верхний край ровный, нижний – чуть скруглен. В верхней части пластины у края имеются два ряда по три сквозных отверстия диаметром 0,2 см. Расстояние между отверстиями – 0,7, между рядами – 0,2 см. Еще две пары отверстий такого же диаметра, расположенных симметрично, находятся в нижней половине ее, в 0,3 см от края. Не исключено, что в нижней трети пластины имела выпуклая полусфера (из-за сильной коррозии точно утверждать это невозможно). Боковые края пластины обломаны.

Пластина № 12 (рис. 1. 11) (фрагмент) плоская, прямоугольная, широкая ($4,2 \times 3,2 \times 0,2$ см) с выпуклой полусферой (?). Верхняя часть пластины имеет чуть скругленные углы. У правого края пластины имеются два сквозных отверстия диаметром 0,2 см.

Важным для датировки является то, что часть пластин найдена в раскопах на селище. Это пластины №№ 2, 3, 4, 10, 12. Пластина № 2 найдена на раскопе VI (участок 5, гл.-49); пластина № 3 – на раскопе IV (участок 7, гл.-53); пластина № 4 – на раскопе IX (участок 5, пласт 2); пластина № 10 – на раскопе XVIII в яме

№ 1 (выборка 1, глубина – 98 см); пластина № 12 – на раскопе XVII в яме № 1 (выборка 1, глубина – 109 см).

Остолоповское селище в целом датируется X–XII вв.⁸, а исследованные раскопами участки – второй половиной XI – началом XII в. Скорее всего, рассмотренные выше пластины датируются концом XI – рубежом XI–XII вв.

Кроме рассмотренных выше пластин на булгарских селищах находки такого рода выявлены на Лаишевском селище (Чакма) (рис. 2. 3, 5–7) в Лаишевском районе Татарстана⁹. Две пластины – на Мурзихинском селище (рис. 1. 2, 4) в Алексеевском районе Татарстана¹⁰. Одна пластина обнаружена на городище Городок также в Алексеевском районе¹¹ (рис. 2. 1).

Пластина с городища Городок (рис. 2. 1) плоская, прямоугольная, широкая (5,8 × 3 × 0,2 см), с закругленным нижним краем. На боковых сторонах ее симметрично расположены две пары сквозных отверстий. Эта пластина близка по форме и размеру пластине № 2 с Остолоповского селища и пластине с I Семеновского селища¹². Однако семеновская пластина отличается более крупными размерами (8 × 4,5–5 см) и иным расположением отверстий.

С Мурзихинского селища происходит выпуклая прямоугольная пластина (5,5 × 2,5 × 0,2 см) с 7 сквозными отверстиями диаметром 0,2 см по правому краю (рис. 2. 2). Вторая пластина (рис. 2. 4) с этого памятника имеет скругленные углы и 4 сквозных отверстия.

Находки с Лаишевского селища отличаются от других креплением – здесь использовались штифты. Пластины более массивны и имеют декоративное оформление. У одной пластины (рис. 2. 3) короткие боковые стороны чуть вогнуты, а на длинных боковых сторонах посередине – небольшие прямоугольные выемки. Крепилась пластина 4 штифтами. Другая пластина (4,5 × 2,4 × 0,3 см) (рис. 2. 6) украшена в центре объемной 9-лепестковой розеткой с выступающей шишечкой. Одновременно эта розетка имела длинный штифт для крепления. Сверху и снизу от розетки были нанесены неглубокие канавки. Пластина изогнута.

Третья лаишевская пластина (рис. 2. 7) прямоугольная, выгнутая (5,5 × 2,2 × 0,3 см), крепилась с помощью 4 штифтов. Она украшена в верхней и нижней

⁸ Руденко К. А. Волжская Булгария в системе торговых путей Средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана). – С. 31–52.

⁹ Руденко К. А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. – Ижевск–Глазов, 1999. – Рис. 8-32-34.

¹⁰ Одна пластина опубликована (рис. 1. 9) в статье по Мурзихинскому селищу: Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья. – Казань, 1993. – Рис. 7-36.

¹¹ Руденко К. А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. – Ижевск–Глазов, 1999. – Рис. 10-9.

¹² Казаков Е. П. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар. – С. 26, рис. 2-1.

части полукруглыми выемками. В центре пластины прикреплена небольшая розетка диаметром 0,7 см с выступающей на 0,5 см шишечкой.

Городище Городок датируется по подъемному материалу второй половиной X–XII вв.¹³ Мурзихинское селище, судя по находкам из разрушенного культурного слоя, существовало со второй половины X до начала XIII в.¹⁴ Раскопки этого поселения показали, что период наибольшей интенсивности жизни на нем относится к XI–XII вв.¹⁵

Сложнее датировать находки с селища Чакма (Лаишевское). Возникло оно во второй половине – конце X в. Практически без перерывов селище функционировало до начала XV в.¹⁶ Однако большая часть материала (в той части, которая разрушалась Куйбышевским водохранилищем в 1995–1996 гг., когда производились сборы подъемного материала) относится к XI–XIII вв.

Близкие остолоповским пластинам со сферическим выступом (рис. 1. 3 – 9, 12) находки, но более крупные по размерам, обнаружены на Золотаревском поселении в Пензенской области, в подъемном материале. Полусферу в центре имеют только несколько из найденных там пластин¹⁷. Датируются они X–XIII вв.

Ранние аналогии остолоповским пластинам имеются в Приуралье. Они происходят из Старомутинского могильника III–IV вв. н. э.¹⁸ По мнению исследователей, они относятся к ламеллярному доспеху¹⁹. Можно отметить, что подобные пластины известны в Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н. э.²⁰ По типологической классификации деталей доспеха центральноазиатских кочевников их можно отнести к типу IV-I-1²¹. Вероятно, что доспех с такими элементами появился в Сибири не ранее VII–VIII вв. н. э., поскольку в сяньбийское время такой тип защитного вооружения не известен²². Пластины без сферического выступа (типа: рис. 1. 2) встречены на I Измерском селище X – начала XIII вв.²³

¹³ Руденко К. А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов. – Рис. 10.

¹⁴ Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А. Мурзихинское селище. – С. 42–66.

¹⁵ Руденко К. А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. – Казань, 2002.

¹⁶ Руденко К. А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища). – С. 74–76.

¹⁷ Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. – СПб, 2001. – Рис. 80-6-8, 19.

¹⁸ Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Мутинский курганно-грунтовой могильник). – Уфа, 2004. – Рис. 68-14-18.

¹⁹ Там же. – С. 61.

²⁰ Соловьев А. И. Военное дело и вооружение населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск, 1987. – С. 189, табл. XIII.

²¹ Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации деталей панцирного доспеха средневековых кочевников Центральной Азии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 38, рис. I-3.

²² Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск, 2005. – С. 202–212.

²³ Казаков Е. П. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. – Казань, 1985. – С. 26, рис. 2-7.

Близкие к находкам с Остолоповского селища изделия есть в материалах центральноазиатских кочевников XI–XIV вв., преимущественно X–XII вв.²⁴ По этим аналогиям можно предполагать использование таких пластин в защитном доспехе, типа жилета с подолом. Пластины с Лаишевского селища, вероятно, использовались в доспехе, имевшем вид нагрудника с подолом²⁵.

К сожалению, по имеющимся материалам нет возможности сделать реконструкцию доспеха с Остолоповского селища. Отдельные пластины и их фрагменты позволяют лишь приблизительно делать такого рода определения. Это относится и к другим находкам деталей доспехов с болгарских памятников. Попытки связать единичные артефакты с конкретным типом защитного доспеха и тем более говорить о его «эволюции» имеют мало оснований.

²⁴ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991. – С. 81–85, рис. 43.

²⁵ Там же. – С. 85.

Рис. 1. Пластины от доспеха. Железо. Ковка. Остолоповское селище

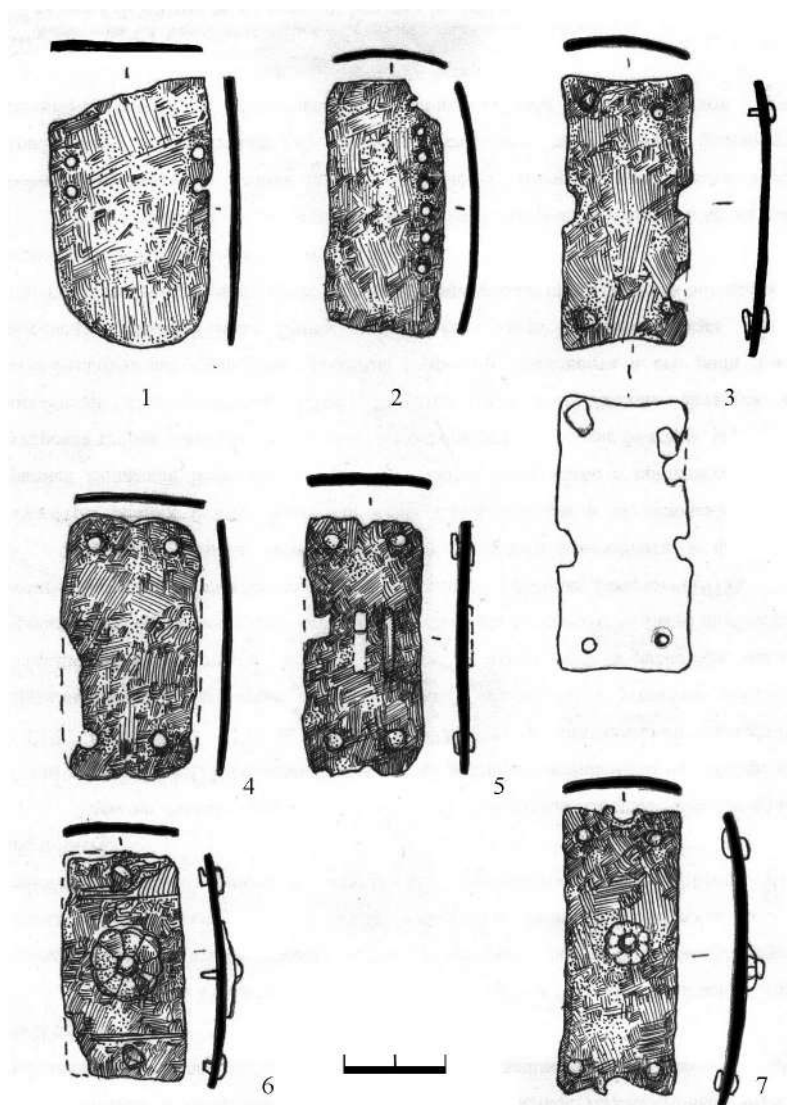

Рис. 2. Пластины от доспеха. Железо, ковка. 1 – городище Городок; 2, 4 – Мурзихинское селище; 3, 5–7 – Лаишевское (Чакама) селище

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ, ВОИНСКОГО И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ РАЗРУШЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА АНДРЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ могильник Андреевская щель получил название по урочищу, находящемуся в 0,5 км восточнее с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края. Памятник расположен на северном, выходящем на равнину склоне возвышенности, замыкающей урочище с запада. Открыт могильник в 1987 г. при осмотре проложенной здесь траншеи газопровода. Собранные в выкиде из траншеи предметы инвентаря потревоженных погребений поступили на хранение в Анапский археологический музей. В 1991 г. в связи с возобновлением земляных работ были проведены охранные раскопки участка памятника, продолженные в следующем, 1992 г. Производился также сбор подъемного материала, давший новые находки предметов из разрушенных захоронений. В результате наблюдений над топографией памятника установлено, что в южной, возвышенной части находился грунтовый могильник, в северной, равнинной – курганный. Исследования грунтового могильника дали материал в хронологическом диапазоне от IX до XII в., с курганной частью некрополя связаны находки предметов XIII–XIV вв. Осмотр территории могильника и сборы подъемного материала производились и позднее. В фондах Анапского археологического музея выявлены также отдельные предметы из поступлений 1960–1970 гг., случайно найденные в Андреевской щели при проведении здесь земляных работ и распашке.

К настоящему времени, кроме общих сведений о памятнике¹, в научный оборот введены комплекс воинского кенотафа начала XII в.² и предметы кон-

¹ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – С. 215, 216; Новичихин А. М. Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. – Краснодар, 1993. – С. 76, 77; Новичихин А. М. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991–1995 гг. // Древности Кубани. Вып. 7. – Краснодар, 1998. – С. 5.

² Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. – М., 2008. – С. 26–41.

ской упряжи из могильника³. Настоящая работа посвящена публикации предметов вооружения, снаряжения воина и верхового коня, происходящих из разрушенных погребений.

Оружие

Предметы вооружения представлены в коллекции саблями, топориком, наконечниками копий, наконечниками стрел, деталями колчана, фрагментами шлема.

Сабли. С территории могильника происходит 22 экземпляра сабель и обломков сабельных клинков, а также найденные вместе с ними или отдельно детали ножен.

Ритуальной деформации не подвергались три сабли. Одна извлечена при прокладке траншеи из разрушенного каменного ящика в северо-западной курганной части могильника. Полоса сабли погнута ковшем экскаватора, поэтому определить ее кривизну затруднительно. Перекрестие утрачено. Длина сабли 116 см, ширина клинка у основания 2,7 см, сечение его клиновидное. Сабля не несет следов пребывания в огне.

Обстоятельства находки двух других сохранивших форму сабель, поступивших в музей в 1958 г., неизвестны.

Одна из них имеет длину 121 см и ширину клинка 2,7 см. Сечение клинка у основания клиновидное, его конец на 26,5 см обоюдоострый и в сечении ромбовидный. Изгиб полотна слабый и равномерный (рис. 1. 1). Черен для рукояти выделен с двух сторон и наклонен в сторону лезвия. Он имеет продольный желобок и отверстие для крепления деревянных накладок на конце (рис. 1. 1а). Сабля снабжена перекрестьем, линзовидным в плане, а в профиль имеющим форму треугольника, обращенного вершиной к рукояти, с оттянутыми вниз углами основания, увенчанными биконическими шишечками (рис. 1. 1б). У основания клинка – пластинчатая Г-образная обойма, продолжающаяся по лезвию на 7,5 см.

Длинная слабоизогнутая сабля с аналогичным по форме перекрестьем на Черноморском побережье Западного Кавказа встречена в погребении 20 Цемдолинского могильника, датированном концом XII – XIII в.⁴

Вторая сабля из находок 1958 г. имеет длину 115 см и ширину клинка у основания 3 см. Полоса сабли изогнута слабо и равномерно. Сечение клинка имеет форму вытянутого пятиугольника, к спинке он несколько сужается. Вдоль клинка в месте максимального расширения проходит выраженное ребро. На 20 см от конца клинок становится обоюдоострым и приобретает ромбовидное

³ Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника Андреевская щель близ Анапы // КСИА. – 2004. – Вып. 216. – С. 59–71; Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – М., 2006.

⁴ Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып. 3. – Армавир-М., 1997. – С. 96, рис. 18, 4; с. 109; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 99, 41.

сечение, также с выраженным продольным ребром (рис. 1. 2). Перекрестье не сохранилось, как и обойма у основания клинка, для крепления которой имеется уступ длиной 3,5 см. Черен для рукояти выделен с двух сторон и слегка наклонен в сторону лезвия. Он сужается к концу, имеет продольный желобок и отверстия для крепления деревянных обкладок (рис. 1. 2 а). Сабля несет следы интенсивного воздействия огня.

Несмотря на отсутствие перекрестья, следует отметить сходство данного клинка с саблей из погребения 42 Цемдолинского могильника⁵.

Первые две из описанных прямых сабель следует связывать с курганной частью могильника, судя по всему наиболее поздней – XIII, может быть, даже XIV в. Третья сабля, со следами пребывания в огне, явно происходит из разрушенного трупосожжения.

19 экземпляров несут следы ритуального повреждения, нанесенного во время помещения сабель в погребение. Отмечены шесть способов деформации сабель.

1. Сабельные клинки сворачивались – точнее, складывались – в 1,5 оборота. Из разрушенных погребений происходит 1 экземпляр такой сабли. Аналогичным образом повреждена сабля из погребения 5 (рис. 2. 2). Подобный способ ритуальной деформации сабельных клинков отмечен в закубанских и причерноморских могильниках с кремационным обрядом погребения уже в VIII–IX вв.: в устье р. Псекупс⁶, Казазово II⁷ и захоронении четвертого этапа Дюрсо⁸. Гораздо чаще он применялся в более поздний период, например в могильнике XII в. Абинском 4⁹ и в могильнике XII – начала XIII в. Черноклен в Западном Закубанье¹⁰.

Сабля найдена в нагробной части могильника в выкиде из траншеи. Ее длина 82 см. Клинок прямой, однолезвийный, на 16 см от конца обоюдоострый. Сечение клинка имеет форму вытянутого треугольника, на конце оно линзовидное. Ширина клинка 2,4 см. В месте перехода к обоюдоострому концу на тыльной стороне клинка небольшой выступ – елмань. Черен для рукояти выделен с двух сторон. Он продолжает линию клинка, слегка сужаясь к концу. Черен снабжен продольным желобком и отверстием для крепления деревянных обкладок рукояти. У основания клинка Г-образная пластина, украшенная со стороны лезвия двумя зонами гравированных наклонных штрихов, с треугольным полем между ними. Вдоль лезвия она тянется на 4 см (рис. 2. 1).

⁵ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 99, 40.

⁶ Носкова Л. М. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего Средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. – М., 2002. – Рис. 4, 6.

⁷ Тарабанов В. А. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. – Краснодар, 1999. – С. 25, рис. 3, 2.

⁸ Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – Табл. 90, 35.

⁹ Пьянков А. В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья (Studia Pontocausica I). – Краснодар, 1993. – Рис. 4, 16, 23; рис. 7, 16; рис. 10, 4.

¹⁰ Пьянков А. В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. – Краснодар, 2001. – Рис. 7, 18.

Перекрестье сабли напускное, линзовидной в плане формы с округло-биконическими шишечками на концах (рис. 2. 1а). Его боковые стороны образованы вытянутыми пластинами с небольшими треугольными расширениями в средней части. С лицевой стороны гарда сабли украшена невысоким ромбовидным граненым выступом. Длина перекрестья 8,5 см.

Саблю сопровождали детали ножен: две обоймы и две скобы для подвешивания. Обоймы были изготовлены из тонких пластинок и первоначально имели, видимо, овальные очертания, соответствующие периметру сечения ножен. Замыкались обоймы парной заклепкой, шляпка которой имела сердцевидную форму; с противоположной стороны заклепки имела П-образная петля (рис. 2. 1; б, в). Для крепления портупей служили две дуговидные скобы, арочного сечения, завершающиеся V-образными заклепками (рис. 2. 1; г, д).

И сама сабля, и детали ножен несут следы интенсивного воздействия огня.

Линзовидные перекрестья, часто с гранеными ромбовидными выступами и шишечками на концах, известны уже у сабель из кремационных погребений IX в. могильника Дюрсо¹¹. По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, прямые или слегка изогнутые линзовидные перекрестья с шишечками встречаются у древнерусских и кочевнических сабель в X-XI вв.¹² Та же датировка может быть предложена и для экземпляра из Андреевской щели.

2. Сабли сворачивались примерно в 2,5 оборота. Имеющийся в материалах могильника экземпляр сохранил около 1,5 оборота, однако подобным образом деформированная сабля из комплекса кремационного погребения, открытого в 1960 г. у ст. Гостагаевской¹³, свернута именно в 2,5 оборота.

Фрагмент поднят на территории могильника. Он сильно коррозирован и не несет явных следов воздействия огня. Это обломок однолезвийного клинка, слегка суженного к спинке шириной 2,5 см. Сохранившаяся длина около 54 см (рис. 2. 3).

3. Сабельный клинок складывался и сгибался на участке, прилегающем к концу, и переламывался у места перегиба. 1 экземпляр. Аналогичное повреждение отмечено у сабли из погребения 3 Ленинахабльского кремационного могильника XI в. в Закубанье¹⁴ и сабли из погребения 3 могильника Абинский 4¹⁵. Возможно, подобный способ деформации сабли существовал у носителей обряда кремации и ранее, в VIII-IX вв., о чем могут свидетельствовать обломки сабель из могильника Ленинский Путь¹⁶.

¹¹ Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. – Табл. 90, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 49.

¹² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1-36. – Л., 1966. – С. 68, рис. 13, тип I; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 308, табл. 124, 5–7.

¹³ Комплекс не опубликован. Находки хранятся в Анапском археологическом музее. Коллекция № АМ 2304-2308.

¹⁴ Носкова Л. М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее // Материальная культура Востока. – М., 1999. – Рис. 3, 13.

¹⁵ Пьянков А. В. Средневековый могильник Абинский 4. – Рис. 3, 2.

¹⁶ Пьянков А. В. Раннесредневековый могильник у п. Ленинский Путь // Третья Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. – Краснодар–Анапа, 2001. – Рис. 1, 11; Пьянков А. В.

Сабля извлечена из пахотного слоя в нагорной части памятника. Она имела длину около 84 см. Степень изгиба клинка из-за деформации неопределима. Клинок однолезвийный, на 21 см от конца обоюдоострый. Сечение клинка в форме вытянутого треугольника, у конца линзовидное. Ширина клинка 2,5 см. Черен для рукояти выделен с двух сторон. Он слегка изогнут в сторону лезвия. На черене сохранился штифт заклепки для крепления деревянных обкладок. У основания клинка Г-образная пластинчатая обойма, продолжающаяся по лезвию на 4,5 см (рис. 3. 1).

Перекрестье сабли напускное, в плане имеет форму вытянутого овала (рис. 3. 1а). Его внешний обод образован пластинчатой обоймой, нижнее основание которой прямое, а верхнее имеет невысокий треугольный выступ, направленный в сторону рукояти. Перекрестье снабжено цилиндрическими, слегка утолщенными к концам выступами. Длина перекрестья 6,3 см.

Дата сабли определяется по форме перекрестья – такими же или подобными (без выступа сверху или с выступами сверху и снизу) снабжены клинки из кремационных погребений XI – начала XIII вв. могильников Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья: Псекупского 4¹⁷, Ленинахабльского¹⁸, Чернокленовского¹⁹, Циплиевского²⁰, Абинского 4²¹, Цемдолинских²². По мнению А. В. Пьянкова, не исключено, что данная разновидность перекрестий является особенностью сабель из памятников Западного Закубанья²³. Известны подобные перекрестья и у сабель из аланских памятников Центрального Предкавказья: такова гарда сабли, найденной на поселении Козьи скалы²⁴.

4. Сабельный клинок перекручивался и изгибался. Дополнительно ударами тяжелого орудия с тупой рабочей поверхностью притуплялась прилегающая к рукояти режущая часть лезвия. 1 экземпляр. Другие случаи подобной деформации сабли автору не известны.

Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – Рис. 6, 1.

¹⁷ *Ловпаче Н. Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1985. – С. 27, табл. XXX, 9, 10.

¹⁸ *Носкова Л. М.* Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее. – Рис. 10, 3, рис. 11, 4.

¹⁹ *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – Рис. 7, 6, 19, 33.

²⁰ *Пьянков А. В.* Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. – Абинск, 2000. – Рис. 5, 21.

²¹ *Пьянков А. В.* Средневековый могильник Абинский 4. – С. 128, рис. 4, 22; рис. 6, 7; рис. 7, 13; рис. 10, 26.

²² *Армарчук Е. А., Малышев А. А.* Средневековый могильник в Цемесской долине. – С. 96, рис. 9, 12; *Армарчук Е. А.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 99, 38, 42.

²³ *Пьянков А. В.* Средневековый могильник Абинский 4. – С. 133.

²⁴ *Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р.* Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. – Ставрополь, 1998. – С. 304, 305, рис. 14, 1.

Сабля имеет длину 90 см. Кривизна полосы неопределима, но, судя по всему, она была незначительной, или даже сабля была прямой. Клинок однолезвийный, треугольный в сечении, на 8,5 см от конца обоюдоострый: здесь его сечение линзовидное. Ширина клинка 2,3 см. Черен для рукояти выделен с двух сторон и слегка наклонен в сторону лезвия. Перекрестье отсутствует. Явных следов пребывания в огне сабля не несет, хотя и отличается хорошей сохранностью (рис. 4. 1).

5. Черен рукояти и острие «заворачивались» по направлению друг к другу. 1 экземпляр. Аналогичным способом повреждена сабля, найденная вне комплекса на территории Циплиевского могильника XII в.²⁵

Сабля поднята на территории могильника. Сохранившаяся длина 68 см, конец клинка утрачен. Степень изогнутости сабельной полосы вследствие деформации не ясна. Клинок однолезвийный, клиновидного сечения, его ширина 2,8 см. Черен для рукояти выделен со стороны лезвия и слегка наклонен к нему. У основания клинка Г-образная пластинчатая обойма, продолжающаяся вдоль лезвия на 4 см и украшенная тремя полукруглыми углублениями. Перекрестье отсутствует. Сабля несет следы пребывания в огне (рис. 5. 1).

6. Сабельные клинки разламывались на куски. В нескольких случаях сабля предварительно сгибалась, а затем разламывалась по месту сгиба или вблизи него. На некоторых фрагментах следов сгиба не отмечено – эти клинки, скорее всего, разрубались на части. Некоторые несут следы пребывания в огне. Всего на могильнике собрано 14 подобных обломков (рис. 1. 3; 3. 2, 3; 4. 2; 5. 2–6; 6).

Длина обломков от 10 до 40 см. Все клинки однолезвийные, треугольного или клиновидного сечения, шириной от 3,2 до 2 см.

Сохранились три концевых обломка (рис. 3. 3; 6. 1, 3). Один имел двустороннюю заточку на 19 см, невысокую елмань и слабо выраженные доли с двух сторон клинка (рис. 6. 3). Подобного сечения клинок имела сабля из кургана 2 Колосовского могильника X-XI вв.²⁶ Два других (рис. 3. 3; 6. 1) имели двустороннюю заточку на 16,5 и 8 см.

Три фрагмента принадлежат верхней части клинков (рис. 1. 3; 4. 2; 5. 6). Один из них, со следами пребывания в огне, перекручен, но не столь сильно, как рассмотренная ранее сабля. Ширина клинка 2,6 см, сечение его треугольное. Черен для рукояти прямой, выделен со стороны лезвия, а со стороны спинки продолжает линию сабельной полосы. Перекрестье отсутствует, однако сохранилась Г-образная пластинчатая накладка, продолжающаяся по режущей кромке на 5,5 см (рис. 4. 2).

Другой, судя по всему отрубленный, фрагмент длиной 19,5 см, также с прямым череном, выделенным со стороны лезвия, а со стороны спинки продолжающим линию сабельной полосы (рис. 1. 3). Перекрестье линзовидное, его внешний обод образован изогнутыми пластинами с треугольными выступами сверху и сни-

²⁵ Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – Рис. 5, 22.

²⁶ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. – Майкоп, 1961. – С. 161, табл. XVII, 1, 7.

зу в средней части. На концах перекрестья биконические шишечки. Одна из сторон перекрестья (лицевая) украшена поперечными насечками, со вставленными в них кусочками золотой проволоки. Длина перекрестья 8,3 см (рис. 1. 3а). Следов пребывания в огне фрагмент не несет. Как и в рассмотренном ранее случае, дата сабли определяется по линзовидной форме перекрестья – X–XI вв. Инкрустация перекрестья проволокой цветного металла отмечена для сабли из погребения 5, открытого на могильнике Андреевская щель в 1992 г.²⁷

Отдельно найдено сильно коррозированное перекрестье, линзовидной формы, внешний контур которого образован линзовидного сечения пластинами, концы которых скованы вместе и образуют стержневидные выступы (рис. 4. 3). Длина перекрестья 11 см, ширина около 4 см. Близкой формы перекрестия А. Н. Кирпичников относит к XII – первой половине XIII в.²⁸

Из деталей сабельных ножен на могильнике в пахотном слое найдены дуго-видная портупейная скоба (рис. 4. 4) и наконечник ножен в форме овальной трубки с грушевидным утолщением на конце (рис. 4. 5). От верхнего края наконечника вниз направлены прямоугольные вырезы. Размеры наконечника 8,5 × 3 × 1,5 см.

Сабли, подвергавшиеся ритуальному повреждению, отличаются небольшой длиной и незначительный изгиб полосы. В некоторых случаях изгиб клинка отсутствовал вовсе, что позволяет относить эти экземпляры к разряду палашей²⁹.

Ритуально деформированные и поломанные сабли следует связывать с инвентарем разрушенных кремационных погребений. Отсутствие следов воздействия огня на некоторых изделиях смущать не должно: в некоторых средневековых могильниках Западного Закубанья известны случаи, когда трупосожжения сопровождалась деформированными, но не обожженными предметами³⁰.

Судя по приведенным аналогиям, датировка сабель из разрушенных погребений могильника Андреевская щель укладывается в рамки IX–XIII вв., при заметном преобладании датированных экземпляров X–XII вв.

Боевой топор. Случайная находка на территории могильника. Топор имеет небольшой боек трапецевидной формы с округленной лезвийной частью и вогнутым брюшком. Заточка лезвия двусторонняя. В средней части бойка круглое отверстие диаметром 0,4 см для крепления чехла, защищающего лезвие. Тыльная часть бойка резко утолщается, образуя порожек проушной части, снабженной сверху и снизу треугольными выступами – щековицами. Проух в форме широкого овала. Плоскость обуха топора слегка выгнута и снабжена выступами в виде вытянутой трапеции, причем нижний выступ несколько длиннее верхнего. Длина топора 11 см, ширина проушной части 3,2 см, высота по обуху 6,8 см. Изделие несет следы пребывания в огне (рис. 7. 1).

²⁷ Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – С. 32, рис. 5, 1а.

²⁸ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 308, табл. 124, 10.

²⁹ Соловьев А. И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1985. – С. 153.

³⁰ Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – С. 15.

Топор близок древнерусским боевым топорам X–XII вв. типа «Д» по классификации М. Х. Алешковского или типа IV по классификации А. Н. Кирпичникова по оформлению обуха и проушной части, но отличается от них наличием выраженного порожка и формой бойка³¹.

Можно предположить, что экземпляр из Андреевской щели представляет собой местный вариант боевого топорика, созданный на основании знакомства с формами древнерусского оружия.

Наконечники копий. На территории могильника найдено два наконечника копий.

Первый представляет собой подобие пика с конической втулкой и резко выделенным четырехгранным пером, сужающимся к концу (рис. 7. 2). Перо копья погнуто, видимо вследствие отмеченной выше традиции ритуального повреждения оружия. Длина наконечника – 24 см. Пика имеет сходство с наконечниками из могильников Закубанья и Причерноморья VIII–IX и X–XI вв.: Нововочепшийского³², Колосовского³³, Казазово II³⁴, Ленинский Путь³⁵, Дюрсо³⁶. Изредка подобной формы наконечники встречаются в более поздних, XIII–XIV вв., ингумационных погребениях могильников Черноморского побережья, например Кабардинского³⁷.

Второй наконечник также имеет коническую втулку и ланцетовидных очертаний перо, с невысоким продольным ребром (рис. 7. 3). Длина наконечника 22 см. Подобной формы наконечники известны в материалах кремационных могильников Западного Закубанья, конца XI – начала XIII в.: Абинского 4³⁸ и Циплиевского³⁹.

Учитывая датировку началом XII в. погребения 5, в котором также содержался наконечник копья⁴⁰, обычай помещения в погребения этого вида оружия на могильнике Андреевская щель можно отнести к XI–XII вв.

³¹ Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. – 1960. – № 1. – С. 73, рис. 1, 21–32; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1–36. – Л., 1966. – С. 36, 37, рис. 6, IV; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 310, табл. 127, 16.

³² Носкова Л. М. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего Средневековья. – Рис. 6, 7.

³³ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. – Табл. XV, 7.

³⁴ Тарабанов В. А. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году. – Рис. 2, 4.

³⁵ Пьянков А. В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – Рис. 6, 22.

³⁶ Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. – Табл. 89, 43.

³⁷ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 102, 32, 33.

³⁸ Пьянков А. В. Средневековый могильник Абинский 4. – С. 128, рис. 5, 2.

³⁹ Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – Рис. 5, 16.

⁴⁰ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – С. 215, табл. 95, 27; Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – С. 33, рис. 4, 1.

Наконечники стрел. На территории могильника при раскопках и сборах найдено 9 железных черешковых наконечников стрел. По форме пера они разделяются на 4 типа.

Тип 1. Трехлопастный наконечник. 1 экземпляр. Наконечник имеет трехлопастную головку в форме вытянутого треугольника, отделенную невысоким порошком от круглого в сечении черешка (рис. 7. 4). Длина наконечника 8,5 см.

В могильниках Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья подобной формы наконечники встречаются в погребениях VIII-IX вв.: Казазово II⁴¹, Дюрсо, третья и четвертая хронологические группы⁴², Борисовский⁴³, Ленинский Путь⁴⁴. На аланских памятниках они встречаются и позднее, до XI-XII вв.⁴⁵, пример чему – находки на поселении Козьи скалы⁴⁶.

Тип 2. Трехгранные наконечники. 2 экземпляра. Первый наконечник полностью сохранил длину – 10,5 см. Узкая трехгранная головка ланцетовидной формы с продольными ложками отделена ступенчатым порошком от круглого в сечении черешка (рис. 7. 5). Форма головки второго наконечника не ясна, поскольку верхняя часть ее утрачена. В сохранившейся части она трехгранная с параллельными лезвиями, широкими продольными ложками и сплошным массивным порошком, отделяющим головку от круглого в сечении черешка (рис. 7. 6). Сохранившаяся длина наконечника 5 см.

Трехгранный наконечник с ложками известен в Закубанье среди материалов могильника Казазово II, которые датируются IX – началом X в.⁴⁷ Гораздо шире они представлены в аланских древностях Северного Кавказа. Несколько наконечников, близких публикуемому, найдено на поселении Козьи скалы в Центральном Предкавказье⁴⁸.

Тип 3. Плоские наконечники. 5 экземпляров. Наконечники с плоским пером листовидной или ланцетовидной формы и линзовидного сечения и круглыми или прямоугольными в сечении черешками. В двух случаях черешок отделен от пера порошком, в остальных переход плавный (рис. 7. 7-11). Два наконечника (рис. 7. 10, 11) несут следы интенсивного воздействия огня. Длина наконечников от 6 до 9,5 см.

⁴¹ Тарабанов В. А. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году. – Рис. 2, 20.

⁴² Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. – Табл. 86, 9; табл. 89, 4.

⁴³ Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Древности и памятники VIII–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – Табл. 78, 8.

⁴⁴ Пьянков А. В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – Рис. 6, 8.

⁴⁵ Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье // ИАА. – Вып. 3. – Армавир–М., 1997. – С. 66.

⁴⁶ Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау. – С. 306, рис. 19, 1, 2, 4.

⁴⁷ Пьянков А. В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. – Краснодар, 1990. – С. 163, рис. 49, 1.

⁴⁸ Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау. – С. 306, рис. 19, 8, 9, 11.

Подобной формы наконечники на могильнике известны по находкам в погребении 5⁴⁹. В Закубанье и в Северо-Восточном Причерноморье такие наконечники были широко распространены в XI–XIII вв., на что указывают многочисленные находки в могильниках Колосовском⁵⁰, Ленинахабльском⁵¹, Сапун⁵², Цемдолинском курганном⁵³.

Тип 4. Вильчатый срезень. 1 экземпляр. Наконечник стрелы с раздвоенным в форме ласточкиного хвоста пером, кольцевым порошком и круглым в сечении черешком (рис. 7. 12). Внутренние стороны «хвостов» срезня заточены. Длина наконечника 8,6 см. Он несет следы пребывания в огне.

На могильнике Андреевская щель аналогичный срезень найден в погребении 5 – воинском кенотафе начала XII века⁵⁴. В Закубанье и в Северо-Восточном Причерноморье подобные наконечники известны по находкам в могильниках XI–XIII вв.: Колосовском⁵⁵, Ленинахабльском⁵⁶, Сапун⁵⁷, Цемдолинском курганном⁵⁸. В аланских материалах срезни появляются с X в.⁵⁹, они известны по находкам на поселении Козьи скалы⁶⁰ и в могильниках Рим-Горы⁶¹.

Один из трехгранных наконечников и три листовидных найдены вместе с фрагментом колчанной скобы в пахотном слое в пределах двух квадратов и, возможно, являются остатками одного колчанного набора.

В коллекции Андреевской щели, таким образом, представлены наконечники стрел, распространенные на Северо-Западном Кавказе и в близлежащих регионах, прежде всего в Алании, в IX–XIII вв.

⁴⁹ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 95, 22–25; Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – С. 33, рис. 4, 2–5.

⁵⁰ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. – Табл. XX, 2; Дитлер П. А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1985. – Табл. III, 9, 13.

⁵¹ Носкова Л. М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее. – С. 200, рис. 5, 4, 5, рис. 8, 4, рис. 14, 4.

⁵² Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – С. 219, табл. 97, 30–35; табл. 99, 9.

⁵³ Армарчук Е. А., Мальшиев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине. – С. 98.

⁵⁴ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 95, 21; Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – Рис. 4, 6.

⁵⁵ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. – Табл. XV, 4; Дитлер П. А. Могильник Колосовка № 1. – Табл. III, 11.

⁵⁶ Носкова Л. М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее. – С. 200, рис. 3; рис. 14, 5.

⁵⁷ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 97, 28.

⁵⁸ Армарчук Е. А., Мальшиев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине. – С. 98, рис. 9, 1; рис. 10, 2; рис. 12, 15.

⁵⁹ Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье. – С. 66.

⁶⁰ Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау. – С. 306, рис. 17, 10, 13.

⁶¹ Рунин А. П. Катакомбы Рим-Горы // СА. – 1970. – № 2. – Рис. 7, 5.

Детали колчанов. В пахотном слое вместе с наконечниками стрел найдена тонкая металлическая пластина, на одном конце которой расположена заклепка со шляпкой, а второй конец слегка изогнут и переходит в невысокую скобу (рис. 7. 13). Длина предмета 9 см. Изделие несет следы пребывания в огне. Совместная находка с наконечниками стрел позволяет видеть в этом предмете скобу для привешивания колчана.

С отделкой колчана следует связывать еще одну интересную находку, сделанную на территории могильника. Это побывавшая в огне железная накладка в виде наконечника стрелы – вильчатого срезня (рис. 7. 14). Форма этого специализированного наконечника передана вполне реалистично, но в несколько уменьшенных размерах – длина изделия 3 см. На оборотной стороне штифт со шляпкой для крепления. Судя по всему, накладка служила украшением колчана, указывая, какой именно формы стрела в нем находится.

Для подвешивания колчана к поясу предназначался, по-видимому, предмет в виде прямоугольного в сечении стерженька с крючком, завершающимся грибовидной шляпкой (рис. 8. 4). Длина изделия 6 см, следов пребывания в огне находка не несет.

Фрагменты шлема. На распаханной части могильника найдены четыре фрагмента шлема (рис. 8. 6)⁶².

Оголовье имело железную основу, толщиной 3 мм, обтянутую медным золоченым листом. Сохранился обломок основания шлема размерами 16,5 на 7 см, сохранивший и основу, и обтяжку, прикрепленную по краю железными заклепками (рис. 8. 6а).

Тому же шлему принадлежат два обрывка медного позолоченного листа обтяжки, на одном из которых (размеры 3 × 2,5 см) имеются следы треугольного выпуклого валика (рис. 8. 6б), а на втором (размеры 12 × 8 см) – отверстие для крепления прямоугольной формы украшения, от которого сохранился только отпечаток (рис. 8. 6в).

Четвертый фрагмент – обломок, примерно половина, самой накладки, прямоугольного контура, четырехлепестковой, украшенной по периметру двойным рядом точечных насечек (рис. 8. 6г). Изначальные размеры пластины 4,5 × 4,5 см.

Подобной формы накладки украшают некоторые древнерусские сфероконические шлемы X – начала XI в., к примеру, экземпляры из Чернигова и Мокрого Ровенской области⁶³. Эти шлемы относились к одному типу, имели сфероконическую форму, были склепаны из четырех пластин и, подобно находке из Андреевской щели, состояли из железной основы, обтянутой позолоченной

⁶² Фотография фрагментов шлема опубликована в книге: *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – СПб, 2009. – Рис. 42.

⁶³ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. – 1971. – Вып. Е 1-36. – С. 25, 26, рис. 9, 2; рис. 49, 3; рис. 56, 2; *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – С. 9–11, рис. 11, 3, 4; рис. 12; рис. 13, 13 а-в; рис. 14; *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение. – С. 315, табл. 141, 2, 4.

медной пластиной⁶⁴. Подобные шлемы известны и по находкам в ряде стран Центральной Европы⁶⁵, где они, возможно, появились в качестве привезенных из Руси трофеев или были сделаны по образцу русских оголовий местными или же пленными русскими мастерами⁶⁶. В последнее время стали известны находки аналогичных шлемов и их фрагментов (к сожалению, большей частью беспаспортные) на Северо-Западном Кавказе, на основании которых А. Н. Кирпичников допускает возможность существования в Северо-Восточном Причерноморье в конце X – начале XI в. ремесленного центра, производящего шлемы этой разновидности⁶⁷. Заманчиво было бы видеть в качестве такого центра древнерусскую Тмутаракань.

На основании вышеизложенного следует полагать, что рассмотренные фрагменты принадлежали сфероконическому шлему X–XI вв., скорее всего древнерусскому по происхождению.

Предметы воинского снаряжения

Набор предметов, составлявших характерное для населения, оставившего могильник, снаряжение воина, установлен на основании набора инвентаря погребения 5 – воинского кенотафа начала XII в. В него входили нож, кресало, путы, снабженные костяными петлями. В числе внекомплексных находок представлены ножи и кресало. К воинскому снаряжению отнесен также складной серп – подобное орудие необходимо было всаднику во время похода, чтобы нажать травы на корм коню.

Ножи представлены двумя экземплярами. Первый, длиной 14 см, имеет клинок с прямой спинкой и слегка вогнутым у основания, плавно сужающимся к концу лезвием. Черен для рукояти слегка наклонен в сторону лезвия, он выделен с двух сторон, а от спинки он отделен небольшим выступом. У основания клинка с одной из сторон желобок длиной около 3 см, заходящий на черен (рис. 8. 1). По форме изделие напоминает нож из погребения 5 могильника Андреевская щель.

Второй нож несет следы ритуального повреждения – он согнут пополам. Приблизительная длина изделия – 18 см. Черенок выделен с обеих сторон. Клинок равномерно сужается к острому концу (рис. 8. 1).

⁶⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. – С. 25, 26; Кирпичников А. Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – С. 9–11; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 315; Колосков Е. Ранние славянские шлемы // Исторический журнал. – 2008. – № 12. – С. 35.

⁶⁵ Кирпичников А. Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – С. 15–18, рис. 18, 1, 3, 4, рис. 19–26.

⁶⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. – С. 27; Кирпичников А. Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – С. 21; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 315.

⁶⁷ Кирпичников А. Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – С. 26, 27, рис. 36–39.

Серп, так же, как и один из ножей, согнут пополам. Длина изделия – около 21 см. Черенок изделия слегка изогнут и на конце свернут в петлю. Клинок был равномерно изогнут и сужался к концу. У основания клинка расположен штифт для подвижного крепления серпа к рукояти, представляющий собой цилиндрический стерженек со шляпкой. Серп несет следы пребывания в огне (рис. 8. 3).

Складные серпы – одна из категорий погребального инвентаря, характерных для средневековых кремационных погребений Закубанья и Причерноморья⁶⁸. Близкие экземпляры, с петелькой на конце черенка, известны в материалах из памятников VIII–IX вв.: могильника Ленинский Путь⁶⁹ и в погребении 133 Борисовского могильника⁷⁰. Подобной формы серпы были распространены и позднее, в XI–XIII вв., о чем можно судить по находкам в кремационных погребениях могильников Северо-Восточного Причерноморья – Сапун и Цемдолинского курганного⁷¹.

Единственное найденное на могильнике вне комплекса кресало представляет собой вытянутую пластину с выступом и загнутыми концами, форма которых в силу плохой сохранности изделия неясна (рис. 8. 5). Судя по всему, кресало имело калачевидную форму. Длина изделия – 6,5 см.

Калачевидные кресала подобной формы имели длительный период бытования от X до XIV вв. Они широко представлены в материалах могильников Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья – Циплиевского⁷², Цемдолинских⁷³, Бжид 1⁷⁴.

Ременная гарнитура

Выразительную часть коллекции представляют предметы, связанные с ременной гарнитурой – металлические накладки, наконечники ремней, пряжки. В силу того что все предметы найдены вне комплексов, не всегда возможно связать их с конкретной гарнитурой – поясной, портупейной или уздечной.

Накладки. Представленные в коллекции изделия по форме разделяются на восемь типов.

⁶⁸ Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство? // Древности Кубани. Вып. 13. – Краснодар, 1998. – С. 23.

⁶⁹ Пьянков А. В. Раннесредневековый могильник у п. Ленинский Путь. – Рис. 1, 19.

⁷⁰ Гаврилухин И. О., Пьянков А. В. Древности и памятники VIII–IX веков. – С. 196, табл. 78, 30.

⁷¹ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – С. 220, рис. 100, 18, 19.

⁷² Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – С. 21, рис. 5, 14.

⁷³ Армарчук Е. А., Мальшиев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине. – С. 108, рис. 2, 10; рис. 12, 10; рис. 13, 23; рис. 14, 5; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 100, 10, 13, 17.

⁷⁴ Пьянков А. В. Урновые трупосожжения из могильника Бжид 1 // Древности Кубани. Вып. 9. – Краснодар, 1998. – С. 17, 22, рис. 1, 3, 4.

Тип 1. Прямоугольные накладки. Две одинаковые прямоугольные серебряные накладки размером 3,2 на 2,5 см, лицевые стороны которых украшены растительным орнаментом, выполненным в низком рельефе. В центре композиции расположен бутон, от которого к краям и углам отходят изогнутые побеги. Бляшки литые, отдельные детали орнамента доработаны резцом. На выступающих деталях рельефа сохранились следы позолоты. На оборотной стороне бляшек – по четыре штифта для крепления к кожаной основе, расположенные по углам (рис. 9. 2).

Накладка, близкая изделиям из Андреевской щели по форме и орнаментации, происходит из разрушенного погребения кургана 2 Ишимбаевского могильника IX-X вв. в Южном Приуралье⁷⁵. Орнаментальный мотив в виде бутона с отходящими от него побегами являлся одним из наиболее популярных в декоре металлических изделий X-XI вв. на значительном пространстве Евразии⁷⁶.

Тип 2. Сердцевидные накладки. Бронзовая и серебряная выпуклые накладки сердцевидной формы. Точные размеры не восстанавливаются, поскольку оба изделия повреждены. Сохранившаяся ширина – 3 см, высота – 3 см. Бляшки литые. Лицевые стороны украшены идентичным растительным орнаментом. В основе композиции лежит трилистник, два расположенных в нижней части лепестка которого клювовидной формы, третий, верхний, – ромбовидный. Между лепестками расположены выпуклые завитки в форме запятой, утолщенные части которых выходят за пределы сердцевидного контура накладки. Рельеф дополнен гравировкой: клювовидные лепестки украшены завитком с глазком посередине, ромбовидный – изображением бутона. Края бляшки окаймляет узкий пояс, покрытый гравированными поперечными насечками. Штифты для крепления на оборотной стороне не сохранились (рис. 9. 3, 4).

Бляшки из Андреевской щели относятся к кругу ременных сердцевидных накладок с каплевидными и овальными выступами на краях из комплексов X в. Подобные изделия найдены на Северном Кавказе и на Нижнем Дону. Наиболее простая из них – серебряная бляшка, входившая в состав инвентаря разрушенного погребения из Дардонского могильника. Она украшена только выступами по краям, лицевая сторона плоская, рельефный орнамент отсутствует⁷⁷. Более сложный растительный орнамент на аналогичных по форме серебряных бляшках из Саркела: две найдены в культурном слое городища, одна входила в состав известного клада деталей парадного и повседневного поясов, украшений и монет⁷⁸. Некоторые их детали сходны с элементами орнамента рассматриваемых накладок. И саркельский, и дардонский комплексы относятся ко второй половине X века⁷⁹.

⁷⁵ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М., 1981. – С. 88, рис. 46, 14.

⁷⁶ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X-XI вв. // Культура и искусство средневекового города. – М., 1984. – Рис. 1.

⁷⁷ Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. – 1983. – № 2. – Рис. 4, 6.

⁷⁸ Там же. – Рис. 2, 6, рис. 5, 3, 4.

⁷⁹ Там же. – С. 74, 75.

По форме и орнаментации публикуемые накладки близки малым серебряным бляшкам из погребения древнерусского дружинника второй половины X в., открытого в 1900 г. в Киеве на ул. Рейтарской⁸⁰, но отличаются от них более усложненным рельефным рисунком. Известны подобные бляшки и в материалах других древнерусских некрополей Поднепровья – Киевского и Шестовицкого могильников⁸¹.

В форме и орнаментике саркельских и киевских бляшек, по мнению исследователей, прослеживаются как венгерские, так и восточные («салтовские») мотивы⁸².

Тип 3. Круглая накладка. Бронзовая литая накладка круглой формы диаметром 2,9 см. На лицевой стороне рельефный орнамент: две двойных concentрических окружности, между которыми помещено кольцо, составленное из 12 дуг, в центре внутреннего кольца – трехлепестковая розетка. Штифты для крепления на оборотной стороне не сохранились (рис. 9. 4).

Подобные круглые бронзовые ременные уздечные накладки с рельефным узором известны среди находок из конских захоронений могильника X–XII вв. Кольцо-Гора⁸³. Орнаментация большинства бляшек отличается от публикуемой, однако центральную часть малых бляшек из погребения 30 украшает аналогичная розетка в виде трилистника⁸⁴. Подобный же трилистник помещен и на щитках подвесок-решм из погребения 1 (конец XI–XII вв.) того же могильника⁸⁵.

Тип 4. Прямоугольные накладки с фигурными краями. Одиннадцать одинаковых бронзовых накладок в форме прямоугольника с полукруглым выступом с одной из узких сторон и аналогичным по форме вырезом с противоположной, размерами 2 × 1,4 см. Изделия литые. Лицевая сторона бляшек украшена расположенными по принципу зеркальной симметрии S-образными завитками, образованными двойным валиком. Завитки окружают выпуклые точки, такая же выпуклая точка расположена в центре бляшки между завитками. Выступ украшен рельефным округлым или каплевидным колечком с выпуклой точкой в центре. Продольные края окаймлены рельефным бортиком. Лицевая сторона накладок покрыта позолотой. На оборотной расположено по два штифта для крепления бляшек к кожаной основе (рис. 9. 1).

Бляшки подобной формы служили для сплошного покрытия ремня⁸⁶: выступы одной накладки входили в совпадающий по форме вырез соседней.

⁸⁰ Сагайдак М. А. Великий город Ярослава. – Киев, 1982. – С. 10, рис. на с. 11.

⁸¹ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. – С. 42, рис. 6, 21.

⁸² Макарова Т. И., Плетнева С. А. Указ. соч. – С. 71, 72; Сагайдак М. А. Указ. соч. – С. 12.

⁸³ Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. н. э. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. – Орджоникидзе, 1983. – Рис. 1, 8, 9, 16, 18, 21.

⁸⁴ Там же. – С. 105, рис. 1, 17, 18.

⁸⁵ Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1986. – Рис. 2, 8, 9.

⁸⁶ Орлов Р. С. Указ. соч. – С. 41.

Аналогичные по форме бляшки с иной орнаментацией встречены в погребении 41 аланского могильника Кольцо-Гора⁸⁷ и в древнерусском Шестовицком могильнике⁸⁸. Среди декоративных мотивов шестовицких накладок представлен элемент, имеющийся на бляшках Андреевской щели – каплевидное колечко с точкой, но расположено оно не на выступе, а с противоположной стороны – у края выреза⁸⁹.

S-овидные завитки, симметрично расположенные напротив друг друга, часто с точкой между ними – орнаментальный мотив, нередко встречающийся на предметах поясной гарнитуры и других металлических деталях одежды эпохи Средневековья. Один из наиболее ранних случаев подобного орнамента отмечен на византийского происхождения пряжке VII в., найденной на городище Варахша в Средней Азии⁹⁰. Встречается он и позднее, например на поясных накладках из погребений Старокорсунского алано-болгарского могильника второй половины VIII – первой половины IX в. на Правобережье Кубани⁹¹. Наиболее поздние находки с аналогичной орнаментацией – золотые нашивные бляшки из половецкого погребения XIII в. в кургане у с. Дубовики в Поднепровье⁹².

Тип 5. Кольцевидная накладка. Фрагмент плоского кольца диаметром около 3,5 см. По внешнему и внутреннему краям кольцо окаймлено рубчатыми валиками, между которыми расположен ряд выпуклых «жемчужин». Следы крепления не сохранились (рис. 9. 6).

Находка, вероятно, представляет обломок рамки изделия, аналогичного детали портупей сабли из погребения 15 могильника второй половины VIII – первой половины IX в. у станицы Старокорсунской на Правобережье Кубани. Изделие атрибутировано В. Н. Каминским как «псевдопряжка с круглой рамкой и вытянутым подвижным щитком». Рамка старокорсунского экземпляра крупнее, чем у публикуемого, но также украшена пояском «жемчужин» между двумя валиками⁹³.

Тип 6. Пятиугольная накладка. Бронзовая литая накладка пятиугольной формы с направленной вниз вершиной и треугольным вырезом в верхней части. Высота – 1,7 см, ширина 1,6 см. На лицевой стороне по краю проходит поясик выпуклых «жемчужин» в углубленном поле, в центральной части – гравированное изображение бутона. На оборотной стороне три штифта со шляпками для

⁸⁷ Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора. – Рис. 5, 13.

⁸⁸ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. – С. 41, рис. 6, 24.

⁸⁹ Там же. – Рис. 6, 24.

⁹⁰ Распопова В. И. Византийские поясные пряжки в Согде // КСИА. – 1968. – Вып. 114. – С. 34, рис. 10 а.

⁹¹ Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. – 1987. – № 4. – Рис. 4, 17; рис. 10, 59.

⁹² Шалобудов В. Н. Еще раз о находках распряженных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1990. – С. 113, 116, рис. 2, 12.

⁹³ Каминский В. Н. Указ. соч. – Рис. 3, 23, с. 194, 201.

крепления к ременной основе. Бляшка найдена вместе с накладками 4 типа. Возможно, она служила наконечником украшенного ими ремня (рис. 9. 7).

Накладки подобной «шевронovidной» формы с иной орнаментацией известны по находкам в кочевнических погребениях X-XI вв., например в кургане 6 Муракаевского могильника в Южном Приуралье⁹⁴. Такой же формы бляшка (дополненная, правда, круглым вырезом) отливалась в одной из киевских литейных форм X века⁹⁵.

Тип 7. Фигурная ажурная накладка. Бронзовая накладка в форме распускающегося бутона. Композиция решена по принципу симметрии. От центральной оси накладки отходят дуги, завершающиеся изогнутыми лепестками с насечками по верхнему краю. Верхняя кромка пластины образована центральным овальным выступом, к которому с двух сторон примыкают округлые ажурные завитки, между ними и лепестками расположены ажурные каплевидные выступы. Отдельные детали изображения доработаны гравировкой. На оборотной стороне четыре штифта со шляпками для крепления. Размеры изделия: длина 4,3 см, высота 2 см (рис. 9. 8).

В районе Анапы известно еще одно подобное украшение. В 1990 г. в распоряжение автора поступила ажурная бронзовая накладка, случайно найденная в окрестностях ст. Натухаевской. Поскольку станица расположена на территории Приморского района г. Новороссийска, находка была передана в Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, где хранится в настоящее время. Это сегментовидная пластина с тремя прорезями, волнистый верхний край которой имеет в средней части овальный вырез и украшен насечкой. Образованные прорезями дуги украшены неглубокими бороздками. С оборотной стороны изделие снабжено четырьмя штифтами, расположенными по верхнему краю, причем один из них несет следы ремонта – для его крепления с внешней стороны пробито отверстие. Длина изделия – 4,8 см, высота – 2,3 см (рис. 9. 9).

Обе анапские находки относятся к известной группе ремennых накладок из средневековых памятников. Обычно подобные бляхи называют крыловидными или бабочковидными. Накладки аналогичной формы, но не столь ажурные (с одной прорезью, а не с двумя и с тремя, как у анапских), известны по находкам в аланских могильниках XI-XII вв. Верхней Кубани (Дардонском⁹⁶) и Центрального Предкавказья (Рим-Гора⁹⁷, Кольцо-Гора⁹⁸ и Змейском⁹⁹). Принадлежность

⁹⁴ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. – С. 142, рис. 70, 8.

⁹⁵ Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. Набор литейных форм для поясных украшений X в. // Древности Среднего Поднепровья. – Киев, 1981. – С. 107, рис. 1 б; рис. 4; Орлов Р. С. Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – Киев, 1982. – Рис. 6, 11.

⁹⁶ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М., 1971. – Табл. 33 б, 9, 14, 15.

⁹⁷ Рунчи А. П. Катакомбы Рим-Горы. – Рис. 8, 8.

⁹⁸ Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. – Рис. 1, 4; рис. 3, 4, 6; рис. 5, 25.

⁹⁹ Кузнецов В. А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. ALANICA III. – Владикавказ, 1995. – Рис. 2, 6.

данных предметов к элементам воинской портупеи сомнений не вызывает: крыловидные бляхи встречены в погребениях вооруженных мужчин и находились рядом с сабельными клинками и остатками колчанов¹⁰⁰. Близкий предмет происходит из кремационного погребения X-XI вв. кургана 2 могильника Колосовка 1 в Закубанье: он также располагался рядом с набором наконечников стрел¹⁰¹. Бронзовая крыловидная накладка встречена в кургане 21 (IX – начало XI вв.) кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи¹⁰². Известна аналогичная бляшка и из числа киевских находок¹⁰³.

Бляшки украшены различным орнаментом, отражающим, видимо, художественные пристрастия мастеров или заказчиков. Композиция накладки из Андреевской щели передает тот же, широко распространенный в X-XI вв. мотив распускающегося цветка¹⁰⁴, что и рассмотренные выше прямоугольные серебряные бляшки.

Тип 8. Круглая накладка с прямоугольной петлей. Железная накладка в форме плоского кружка с частично сохранившимся прямоугольным выступом – петлей для подвешивания вертикального ремешка. Края выступа слегка фасетированы. Диаметр бляшки – 2,7 см. На оборотной стороне два штифта со шляпками, для крепления к ремню. Изделие несет следы пребывания в огне (рис. 9. 10). Среди известных автору материалов обнаружить аналогии данной накладке не удалось.

Художественно оформленные металлические накладки для ремней пояса, портупеи и конской упряжи занимали важное место в экипировке средневековых воинов, поскольку подчеркивали социальный статус их владельцев. При изготовлении предметов гарнитуры и при составлении ременных комплектов зачастую пересекались и сочетались разные стилистические и культурные традиции. Интернациональный синкретизм воинских ременных наборов объясняется как участием в их создании мастеров различных школ, так и стремлением представителей знати обладать социально престижными предметами, вне зависимости от их культурной принадлежности¹⁰⁵.

В ременной гарнитуре из разрушенных погребений Андреевской щели имеются элементы, находящие аналогии не только на Северном Кавказе, но и на широком пространстве от Поднепровья до Приуралья. Это свидетельствует об

¹⁰⁰ Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. – С. 78; Кузнецов В. А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. – С. 321.

¹⁰¹ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. – С. 163, табл. XXI, 1.

¹⁰² Плетнева С. А. Печенег и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). – М., 1990. – С. 61, рис. 19, 1.

¹⁰³ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X-XI вв. – Рис. 6, 27.

¹⁰⁴ Там же. – Рис. 1.

¹⁰⁵ Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела. – С. 76; Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. Набор литейных форм для поясных украшений X в. – С. 109–113; Орлов Р. С. Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла. – С. 163–173; Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X-XI вв. – С. 32, 33.

обширных контактах дружинной прослойки оставившего могильник населения с воинской знатью других народов.

Наконечники ремней. На территории могильника найдено два бронзовых наконечника ремня.

Первый имеет форму выпуклой желобчатой пластины с округленным нижним краем. Изделие сильно повреждено коррозией. На лицевой стороне по краю прослеживается желобок. На оборотной – два штифта для крепления наконечника к коже (рис. 9. 11). Длина изделия – 4 см, ширина – 1,5 см.

Второй также имеет форму вытянутой пластины, но, в отличие от первого, он плоский. Нижний край наконечника округлен, верхний имеет сегментовидный вырез. На оборотной стороне два штифта для крепления (рис. 9. 12). Длина наконечника – 3,8 см, ширина – 0,7 см.

Пряжка. Найдена в пахотном слое. Имеет фигурную рамку с выпуклой спинкой, вогнутыми боковыми сторонами, расширяющимися к передним углам, и выпуклой передней частью. Сечение рамки округлое, передняя ее сторона раскована. Пряжка снабжена продольным прогнутым язычком (рис. 9. 13). Размеры рамки – 5 × 3 см, толщина – 0,4 см. Пряжка несет следы пребывания в огне. Судя по размерам, она могла быть как поясной, так и входить в состав конского снаряжения.

Конское снаряжение

Предметы конской упряжи представлены в коллекции деталями парадного конского убора (начельниками, решмами, налобником), фрагментами удила, стремени, обоймой, подпружной пряжкой и кольцами.

Предметы конского убора. На территории могильника найдены детали парадного снаряжения верхового коня: два медных начельника, налобник, обломок двух решм. Данные находки уже послужили предметом публикации¹⁰⁶, поэтому ограничимся краткой их характеристикой.

Первый начельник состоит из основания в виде сегмента шара и прикрепленной к нему четырьмя заклепками цилиндрической втулки с закраиной. Втулка прикреплена к основанию четырьмя заклепками с круглыми шляпками (сохранилось три). По краям основания расположено пять отверстий для крепления начельника к кожаной основе, три поодиночке и два рядом, в одном из них сохранился гвоздик-заклепка с круглой шляпкой (рис. 10. 1). На внешней поверхности изделия следы серебрения. Высота начельника 6,8 см, диаметр основания 11 см.

Как уже отмечалось¹⁰⁷, эта находка аналогична начельнику из погребения 5 могильника Андреевская щель¹⁰⁸ (оба они отнесены Е. А. Армарчук к одному

¹⁰⁶ Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. – С. 59–71; Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – С. 70–72; 81–86.

¹⁰⁷ Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. – С. 60, 61.

¹⁰⁸ Там же. – С. 60, 61, рис. 1, 2.

типу – I-1¹⁰⁹), а также начальникам из разрушенного в 1957 г. погребения могильника X-XI вв. Колосовка в Среднем Закубанье¹¹⁰ и катакомбы 1 аланского могильника конца XI – первой половины XII в. Кольцо-Гора в Центральном Предкавказье¹¹¹. Находка предмета вне комплекса позволяет предложить для него только широкую датировку – X-XII вв.

Второй начальник сильно деформирован: погнут и поломан. Он состоял из слегка выпуклого четырехлепесткового основания и прикрепленной к нему цилиндрической втулки с выпуклым усеченно-биконическим навершием. Место крепления втулки к основанию прикрыто лентой, прикрепленной пятью заклепками с круглыми выпуклыми шляпками, выполненными в форме розеток. По краям «лепестков» – основания отверстия для крепления начальника к кожаной основе, в трех из которых сохранились аналогичные заклепки (рис. 10. 2). На втулке сохранились следы позолоты, на основании – серебрения. Сохранившаяся высота начальника 6 см, максимальная длина 15 см.

Как уже отмечалось¹¹², близких аналогий данному предмету не известно, форма же основания указывает на довольно раннюю, по сравнению с двумя другими находками на могильнике, дату этого изделия, поскольку начальники с фигурными краями основания известны в памятниках более раннего (VIII-IX вв.) времени.

Изделие, определяемое как налобник, представляет собой овальную пластину с трапецевидными выступами по краям и круглым углублением в центре. Наличие позолоты в углублении позволяет именно эту сторону изделия считать лицевой. По углам трапецевидных выступов расположены отверстия с заклепками, имеющие такие же, как и на рассмотренном выше втором начальнике, розетковидные шляпки (рис. 10. 3). Возможно, и налобник, и начальник входили в древности в единый уздечный комплект. Длина изделия 7,5 см, ширина 5,5 см.

Две однотипные уздечные бляхи можно отнести к категории сбруйных подвесок-решм. Изделия повреждены, некоторые детали восстанавливаются приблизительно. Обе бляхи имели форму, близкую к листовидной. В верхней части прикреплялась вытянутая дуговидная, украшенная насечками пластина, на одном из изделий с сохранившимся шарниром для подвижного крепления. В центре пластин расположена прорезь, в одном случае овальная, в другом – каплевидная, окаймленная приклепанным выпуклым валиком с четырьмя отходящими в стороны трехлепестковыми выступами. В верхней части каплевидной прорези сохранилась петелька, судя по всему, для подвешивания бубенчика (рис. 10. 4, 5). Размеры пластин: длина 9–9,5 см, ширина 6,5–7 см.

¹⁰⁹ Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII веков. – С. 81, 82.

¹¹⁰ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. – С. 154, рис. 11.

¹¹¹ Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X-XII вв. н. э. Кольцо-Гора. – С. 106, рис. 2, 2; Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. – С. 76, 80, рис. 2, 9.

¹¹² Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X-XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. – С. 61; Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII веков. – С. 83.

Несмотря на то, что рассмотренные предметы убранства коня найдены вне комплексов и заметно повреждены, нельзя не отметить, что содержавшие их некогда уздечные комплекты относились к кругу парадных наборов, распространенных в воинской среде северокавказских алан и носителей обряда кремации Закубанья и Причерноморья.

Технологическое исследование рассмотренных сбруйных украшений показало, что при их изготовлении использовались приемы, аналогичные применявшимся для изготовления подобных же изделий из аланских могильников X–XII вв.¹¹³

Удила. С территории могильника и из пахотного слоя происходят четыре обрывка двусоставных железных удил (рис. 13. 1–4). Во всех случаях это звенья удил в виде круглого или подпрямоугольного сечения стержней с петлями на концах. Длина звеньев 8–9 см. В петлях двух из них, возможно, принадлежавших одному экземпляру, сохранились кольца для поводьев диаметром 4,8 см из круглой в сечении проволоки (рис. 13. 1, 2). Металлографический анализ фрагментов удил из Андреевской щели показал, что два экземпляра откованы из сырцової стали, а один из кричного железа¹¹⁴.

Стремена. В коллекции содержатся 7 экземпляров и два небольших обломка стремян. По форме стремяна можно разделить на три типа.

Тип 1. Стремена арочного контура с выделенной, отделенной от дужки перемычкой петель и выгнутой дуговидной в сечении подножкой с продольным валиком. 3 экземпляра. Все стремяна подверглись в древности ритуальной деформации, поэтому основные их параметры (высоту и ширину) установить невозможно. Судя по всему, высота стремян составляла 16–17 см, а ширина 10–12 см. Два стремяна, найденных при раскопках в пахотном слое в нескольких метрах друг от друга, почти идентичны – оба имеют петлю прямоугольных очертаний, ромбического сечения дужку и одинаково оформленную подножку шириной 3,5 и 4 см (рис. 11. 2, 3). Возможно, они входили в один седельный комплект. Третье стремя, найденное в выкиде из траншеи, отличается от них пятиугольной формой петли, подпрямоугольным сечением дужки и узкой (2,7 см) подножкой (рис. 11. 1).

Наиболее архаичным выглядит стремя с пятиугольной петлей – подобные в Северо-Восточном Причерноморье известны по находкам в кремационных погребениях IX в. могильника Дюрсо¹¹⁵. В Закубанье стремя арочного контура с отделенной перемычкой петель известно в материалах из разрушенных погребений кремационного Псекупского 4 могильника X–XII вв.¹¹⁶ Можно отметить

¹¹³ Конькова Л. В. Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи из могильника «Андреевская щель» // КСИА. – 2004. – Вып. 216. – С. 71–78.

¹¹⁴ Завьялов В. И. Результаты археометаллографического исследования стремян и удил из могильников Северо-Восточного Причерноморья // Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – С. 116, 117.

¹¹⁵ Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. – Табл. 91, 4.

¹¹⁶ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса. – Табл. XXX, 6.

и сходство стремян с экземпляром из могильника в Южной Озереевке, отличающимся от них плоской дужкой¹¹⁷.

По материалам древнерусских памятников А. Н. Кирпичников относит стремяна данного типа к разновидностям, бытовавшим в IX – начале XI в.¹¹⁸ Е. А. Армарчук экземпляры из Андреевской щели и аналогичные им стремяна из памятников Северо-Восточного Причерноморья датирует X в.¹¹⁹

Тип 2. Стремяна арочного контура с раскованной верхней частью дужки, в которой имеется прямоугольная прорезь, и выгнутой подножкой. Высота 12–14 см, ширина 12,5 см, ширина подножки 3,5–3,8 см. Два экземпляра, найденные в выкиде из траншеи поблизости друг от друга и, видимо, входившие в один седельный комплект, идентичны: они имеют плоскую в сечении дужку и подножку, усиленную тремя валиками – по краям и посередине (рис. 12. 1, 2).

Третье стремя, поднятое на пашне близ курганов в равнинной части могильника, имеет каплевидного сечения дужку, почти плоскую в сечении подножку и несколько иначе оформленную прорезь (рис. 12. 3). Стремя деформировано, но последствия ли это погребального ритуала или результат воздействия плуга, сказать затруднительно.

Два поднятых на территории могильника обломка стремян принадлежат этому же типу (рис. 12. 4, 5).

Такой же формы стремяна с подножками, снабженными четырьмя валиками, входили в седельный комплект коня, захороненного на могильнике в погребении 5 начала XII в.¹²⁰ В Закубанье такие стремяна встречены в могильниках, датированных XI – началом XIII в. – Колосовском (погребение 1957 г.¹²¹), Ленинахабльском¹²², Циплиевском¹²³. В Северо-Восточном Причерноморье подобные стремяна, выделенные Е. А. Армарчук в тип IV-3, сопровождали захоронения коней, датируемые XII–XIII вв., на могильниках Южноозереевский, Сапун и Цемдолинский курганный¹²⁴. Стремяна, близкие по форме третьему экзем-

¹¹⁷ Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – Рис. 5, 4.

¹¹⁸ Кирпичников А. В. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – 1973. – Вып. Е 1-36. – С. 47, рис. 65, 5; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 318, табл. 146, 5.

¹¹⁹ Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – С. 18, 19.

¹²⁰ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 95, 19; Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – Рис. 4, 8, 9.

¹²¹ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. – С. 154, табл. XII, 7.

¹²² Носкова Л. М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее. – С. 202, 203, рис. 5, 16; рис. 13, 11.

¹²³ Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – С. 18, 20, рис. 4, 3.

¹²⁴ Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине. – С. 103, рис. 9, 5, 11; рис. 12, 23, 24; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – С. 218, табл. 98, 3, 4; Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – Рис. 15, 1-3; рис. 16, 1, 3, 4.

пляру, встречены здесь и в более поздних памятниках, например в погребении 44 Цемдолинского могильника на пашне, датированном XII–XIV вв.¹²⁵ Сбруйные наборы из погребений аланского могильника Кольцо-Гора, в которых встречены аналогичные по форме стремяна, датированы концом XI – первой половиной XII в.¹²⁶ В материалах Древней Руси стремяна аналогичной формы известны для XII–XIII вв.¹²⁷ Комплекс с близким (вплоть до сечения подножки) третьему из описанных стремянем, открытый на кочевническом некрополе Саркела-Белой Вежи, датирован XI–XII вв.¹²⁸

Тип 3. Стремя округлого контура, с прямоугольным выступом сверху, окаймляющим прямоугольную прорезь, и выгнутой подножкой с продольным валиком. В месте перехода дужки в подножку по обеим сторонам невысокие треугольные выступы, направленные книзу (рис. 13. 7). Высота стремени 14,5 см, ширина 14 см, ширина подножки, сильно разрушенной коррозией, составляла около 4,5 см.

Близкой формы стремяна с несколько иным (близким к арочному) контуром в Северо-Восточном Причерноморье известны по находкам в комплексах XI–XIII вв.: в погребении лошади на могильнике Шесхарис¹²⁹, в кургане 25 могильника Сапун¹³⁰ и кургане 1 могильника Васильевка¹³¹. В древнерусских памятниках стремяна округлого контура появляются еще в X–XI вв., однако наличие выступов-кулачков характерно для изделий XII–XIII вв.¹³²

В целом датировка найденных на могильнике стремян укладывается, как и датировка других категорий находок (сабель, наконечников стрел), в рамки IX–XIII вв. Представленные в коллекции типы обычны для памятников Северо-Западного Кавказа. Примечательно, что те же разновидности стремян были распространены в это время и у кочевавших в соседних регионах половцев¹³³.

Обойма. Массивная медная обойма в виде двух вытянутых пятиугольных щитков, соединенных слегка подграненным, полукруглого сечения кольцом. Щитки имеют по два расположенных напротив друг друга отверстия с остатками железных заклепок (рис. 13. 5). Размеры предмета: 4 × 1,2 × 1,6 см. Обойма могла, в комплекте с кольцами и другими подобными деталями, служить для

¹²⁵ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 102, 48.

¹²⁶ Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. н. э. Кольцо-Гора. – С. 106, рис. 1, 23; рис. 2, 13, 14; Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. – С. 80, рис. 2, 10; рис. 5, 24.

¹²⁷ Кирпичников А. В. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. – С. 50, рис. 66, 3, 4; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 318, табл. 146, 15, 16.

¹²⁸ Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. – С. 61, рис. 10, 7.

¹²⁹ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – Табл. 98, 1.

¹³⁰ Там же. – Табл. 97, 42; Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – Рис. 6, 6.

¹³¹ Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – Рис. 6, 5.

¹³² Кирпичников А. В. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. – С. 51; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – С. 318, табл. 146, 12.

¹³³ Зеленский Ю. В. Предметы упряжи из половецких погребений Прикубанья и Восточного Закубанья // Древности Кубани. Вып. 12. – Краснодар, 1998. – С. 10, рис. 1, 2, 3.

подвижного крепления ремней узды. Впрочем, аналогичные обоймы известны и в составе металлических наборов средневековых всаднических плетей¹³⁴.

Пряжка. Происходит из подъемного материала. Имеет прямоугольную форму, со слегка закругленными передними углами. Рамка изготовлена из круглого в сечении стержня и слегка изогнута. Пряжка снабжена продольным язычком, сильно прогнутым и слегка выходящим за пределы рамки. Сечение язычка овальное (рис. 13. 6). Размеры рамки пряжки – 6,3 × 5,3 см, толщина – 0,6 см. Следов пребывания в огне изделие не несет. Судя по большим размерам, пряжка, скорее всего, служила для соединения ремней подпруги.

Кольца. К деталям конской упряжи могут быть отнесены два металлических кольца. Первое, медное, найдено в разрушенном погребении лошади при раскопках 1991 г. Это круглое колечко диаметром 1,7 см, с сегментовидного сечения ободком шириной 0,3 см (рис. 13. 8). Второе, железное, происходит из подъемного материала. В плане оно овальное, размерами 4,6 × 3,7 см, изготовлено из круглой в сечении проволоки диаметром 0,4 см (рис. 13. 9).

Некоторые выводы

Таким образом, в рассмотренных материалах представлены практически все основные категории оружия, воинского и конского снаряжения. Хронологические рамки коллекции оружия – от IX (трехлопастные наконечники стрел, стремяна 1 типа, возможно, сабли с линзовидным перекрестием) до XIII (слабоизогнутые сабли, без следов пребывания в огне, возможно, одно из стремян 2 типа) веков.

Предметы, связанные с военным делом, составляют заметную часть коллекции из Андреевской щели и, судя по всему, представляли большую часть инвентаря разрушенных погребений могильника. Так, при сборах 1987 г. на территории могильника было найдено 39 предметов, из них к категории оружия, воинского и конского снаряжения принадлежало 23. В сборах и при раскопках (вне комплексов) в 1991 г. было сделано 64 находки, из них 46 относились к атрибутам воинского и всаднического комплекса. Из 5 найденных в 1992 г. вне комплексов предметов – 4.

Среди находок присутствуют предметы, которые следует отнести к категории социально престижных. Это парадные детали конского убора (в первую очередь, конечно же, начельники), сабельный клинок с долом, а также сабля, снабженная инкрустированным драгоценным металлом перекрестием, шлем, некоторые детали поясной гарнитуры. Данные предметы, несомненно, сопровождали захоронения (или кенотафы) знатных дружинников, занимавших высокие места в воинской иерархии¹³⁵. Среди разрушенных комплексов было по

¹³⁴ Кирпичников А. В. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. – Рис. 41, 1; рис. 74, 2, 3, 4; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. – Табл. 148, 1.

¹³⁵ Армарчук Е. А. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. // Древний Кавказ: ретроспекция культуры. XXIV Крупновские чтения. Тез. докл. – М., 2004. – С. 9–11.

меньшей мере два (судя по количеству найденных начальников), не уступавших по составу инвентаря открытому при раскопках погребению 5 – воинскому кенотафу конца XI – первой половины XII в., сопровождавшемуся набором престижного оружия и захоронением коня с роскошным убранством¹³⁶. Примечательна находка фрагментов золоченого шлема – подобные шлемы, по данным А. Н. Кирпичникова, являлись атрибутами военачальников высокого ранга¹³⁷. Остается только сожалеть, что значительное число погребений могильника оказалось разрушено, неизвестными остались особенности погребального обряда, многие вещи дошли до нас в сильно поврежденном виде или вообще были утрачены.

Значительная часть предметов подвергалась ритуальной поломке. Чаще всего подобным образом обращались с саблями, но изредка деформации подвергались и другие предметы (наконечник копья, нож, серп, детали конской узды, возможно, поясные накладки). Эта особенность погребальной обрядности фиксируется в кремационных могильниках с VIII-IX вв. – времени их появления в Закубанье и в Северо-Восточном Причерноморье¹³⁸. Истоки обычая, при котором возникла необходимость повреждения оружия и других предметов, следует искать в религиозно-мифологических представлениях населения, оставившего в Закубанье и на Черноморском побережье могильники с погребениями по обряду трупосожжения. Изучение данного пласта культуры носителей обряда кремации только начинается на основании отдельных, редких пока находок памятников декоративно-прикладного искусства с изображением мифологических сцен¹³⁹.

Археологи, изучавшие материалы закубанских и причерноморских могильников с обрядом трупосожжения, отмечают значительное содержание оружия, предметов воинского и конского снаряжения в погребальном инвентаре¹⁴⁰.

¹³⁶ *Армарчук Е. А.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – С. 215, 216, табл. 95; *Новичихин А. М.* Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – С. 26–41.

¹³⁷ *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. – С. 13, 14.

¹³⁸ *Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство? – С. 20, 21.

¹³⁹ *Пьянков А. В.* Поясная подвеска со сценой охоты из могильника Казазово 2 в Адыгее // Археология и этнография Северного Кавказа. – Краснодар, 1998. – С. 78–91; *Король Г. Г.* Два предмета-украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора) // РА. – 2004. – № 2. – С. 157–167; *Король Г. Г.* Семантика уникального декора предметов конской упряжи XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья // ЭО. – 2005. – № 6. – С. 157–167; *Король Г. Г.* Декор украшений конского убора из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья // *Армарчук Е. А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – С. 136, 137.

¹⁴⁰ *Дитлер П. А.* Могильник Колосовка № 1. – С. 123; *Новичихин А. М.* Анапский район в Средние века // Очерки по истории Анапы. – Анапа, 2000. – С. 91; *Новичихин А. М.* Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. – С. 35; *Пьянков А. В.* Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – С. 16; *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных

Складывается впечатление, что оставившее эти памятники население придавало большое значение занятию военным делом и, вероятно, военным промыслом. Судя по частым находкам в погребениях сабель, деталей снаряжения верхового коня, а также случаям совершения на могильниках сопровождающих (или ритуальных) захоронений боевых коней, ведущую роль в вооруженных формированиях этого населения играли воины-всадники¹⁴¹.

В работах А. В. Пьянкова и Е. А. Армарчук приведены доказательства в пользу того, что носителей обряда трупосожжения, обитавших в Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье в VIII–XIII вв., следует отождествлять с историческими касогами¹⁴². Отмеченная «милитаризация» инвентаря кремационных погребений может, как представляется, служить дополнительным аргументом в пользу предложенной исследователями этнической атрибуции. В средневековых письменных источниках касоги часто представлены именно как вооруженная сила: из четырех русских летописных сообщений о касогах, три – это описание или упоминание военных конфликтов¹⁴³.

Могильник в Андреевской щели – ближайший к русским владениям на Тамани касожский некрополь. Очень возможно, что представители воинского сословия оставившей его группы населения могли быть участниками событий, запечатленных древнерусскими летописцами.

источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – С. 204; *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Древности и памятники VIII–IX веков. – С. 196; *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. – С. 203, 204; *Армарчук Е. А.* Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. – С. 9–11; *Армарчук Е. А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – С. 7.

¹⁴¹ *Пьянков А. В.* Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. – С. 16; *Новичихин А. М.* Анапский район в Средние века. – С. 91; *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. – С. 206; *Армарчук Е. А.* Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. – С. 9–11; *Армарчук Е. А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – С. 108.

¹⁴² *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – С. 198–206; *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Древности и памятники VIII–IX веков. – С. 199; *Армарчук Е. А.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XII веков. – С. 225.

¹⁴³ *Дзамихов К. Ф.* Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор // *Культура и быт адыгов.* Вып. VIII. – Майкоп, 1991. – С. 300–312; *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. – С. 200.

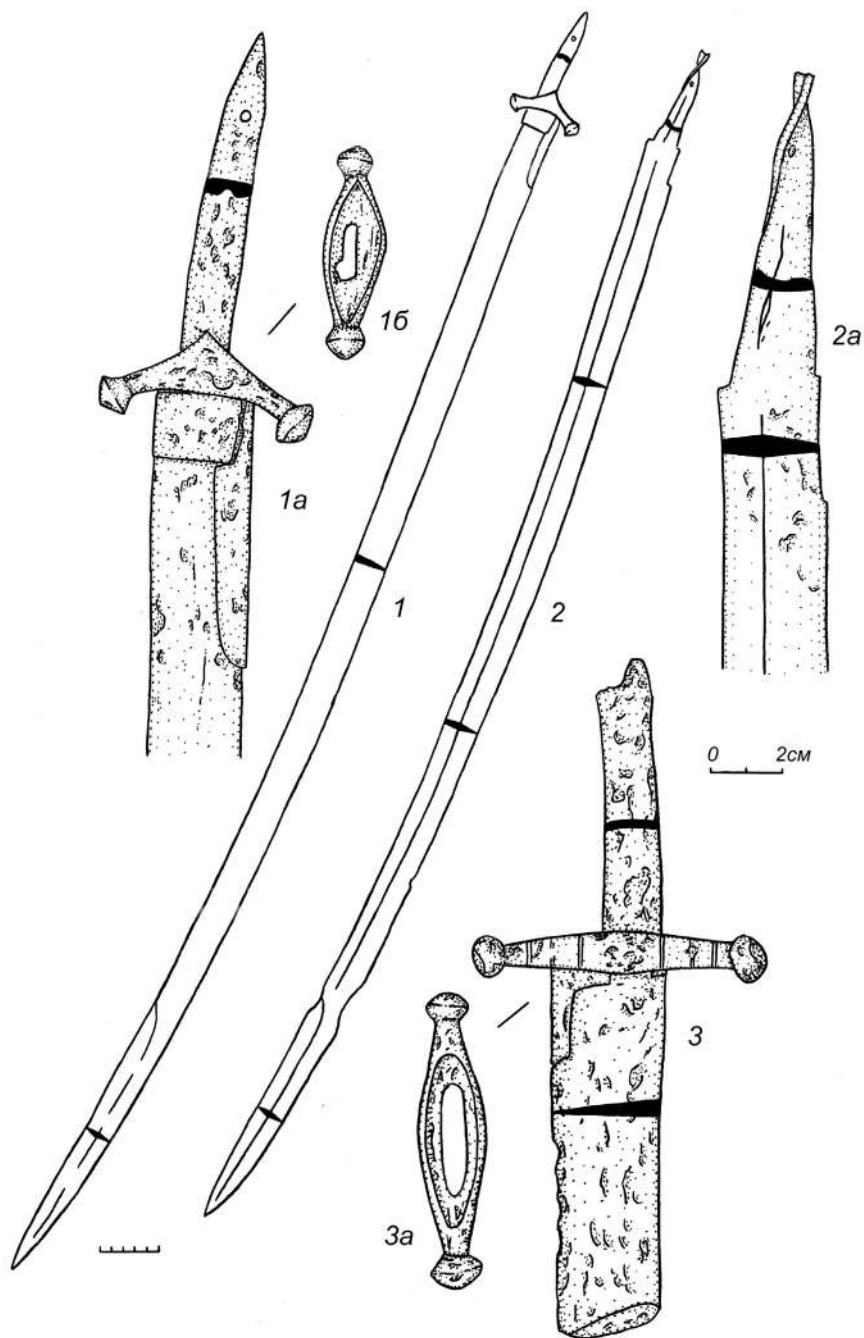

Рис. 1. Сабли (1, 2) и фрагмент сабли (3). Железо

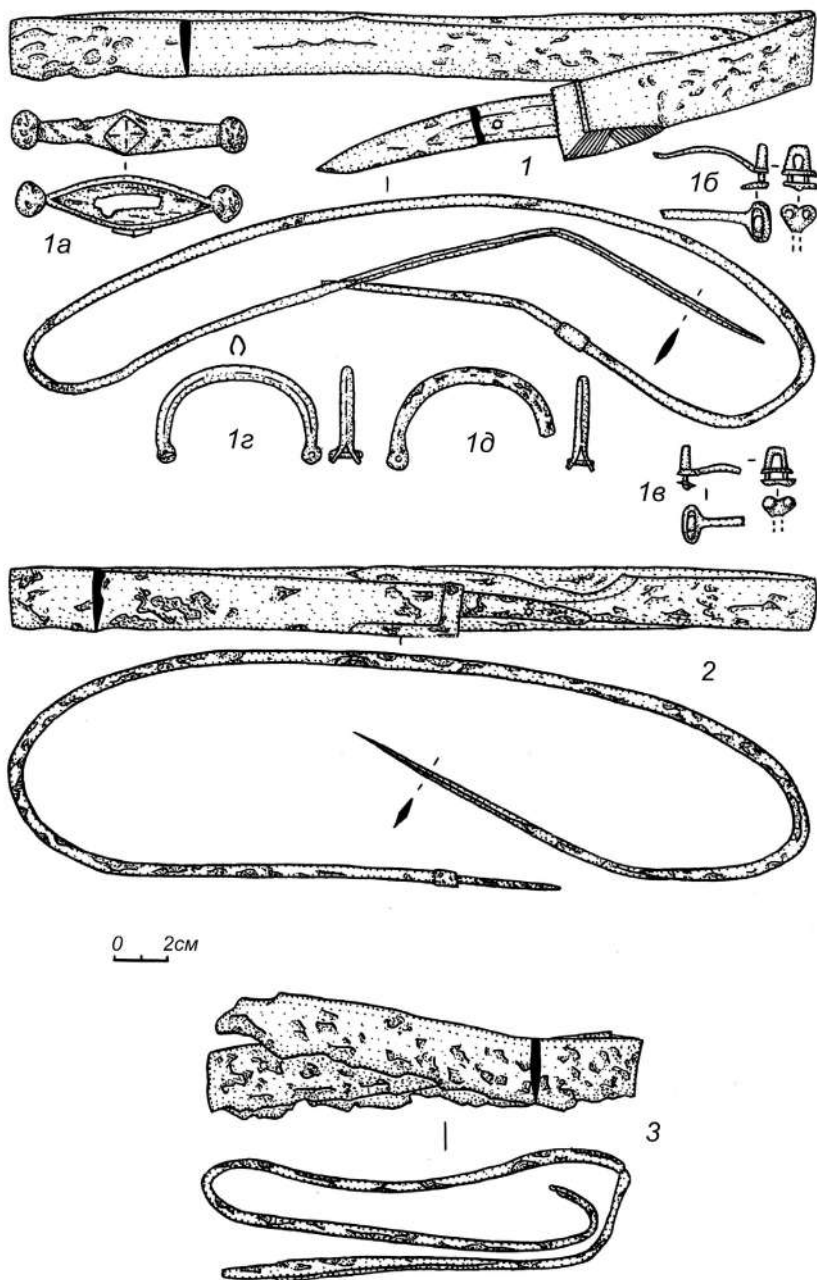

Рис. 2. Сабля, свернутая в 1,5 оборота (1), и ее детали (1, а–д), сабельный клинок из погребения 5 (2), фрагмент сабли, свернутой в 2,5 оборота (3). Железо

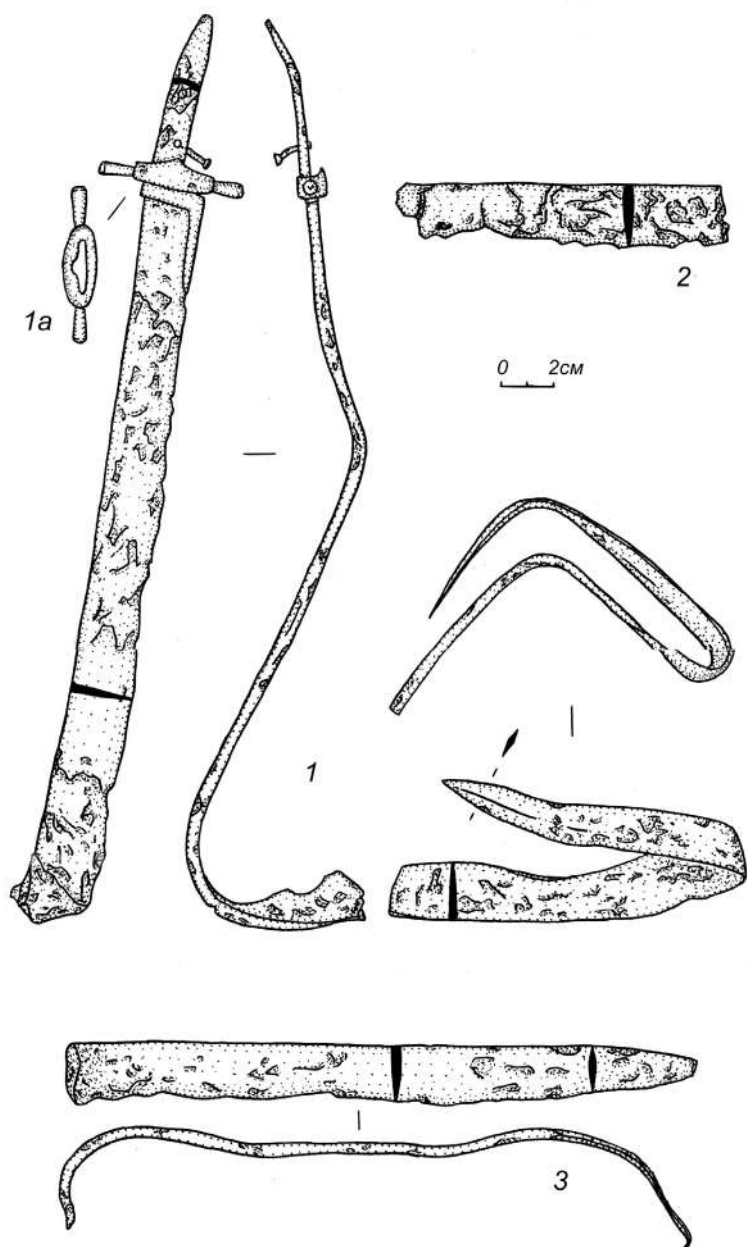

Рис. 3. Сабля (1), фрагменты сабель (2, 3). Железо

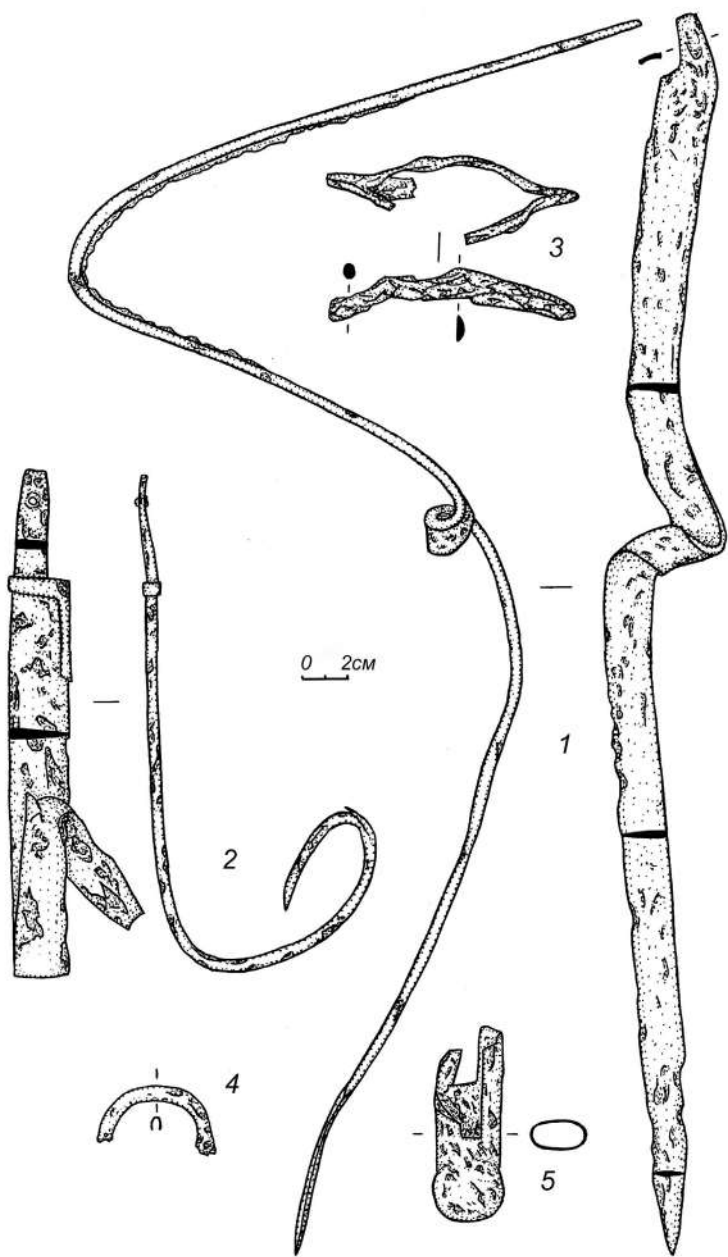

Рис. 4. Сабля (1), фрагмент сабли (2), перекрестье (3),
портупейная скоба (4), наконечник ножен (5). Железо

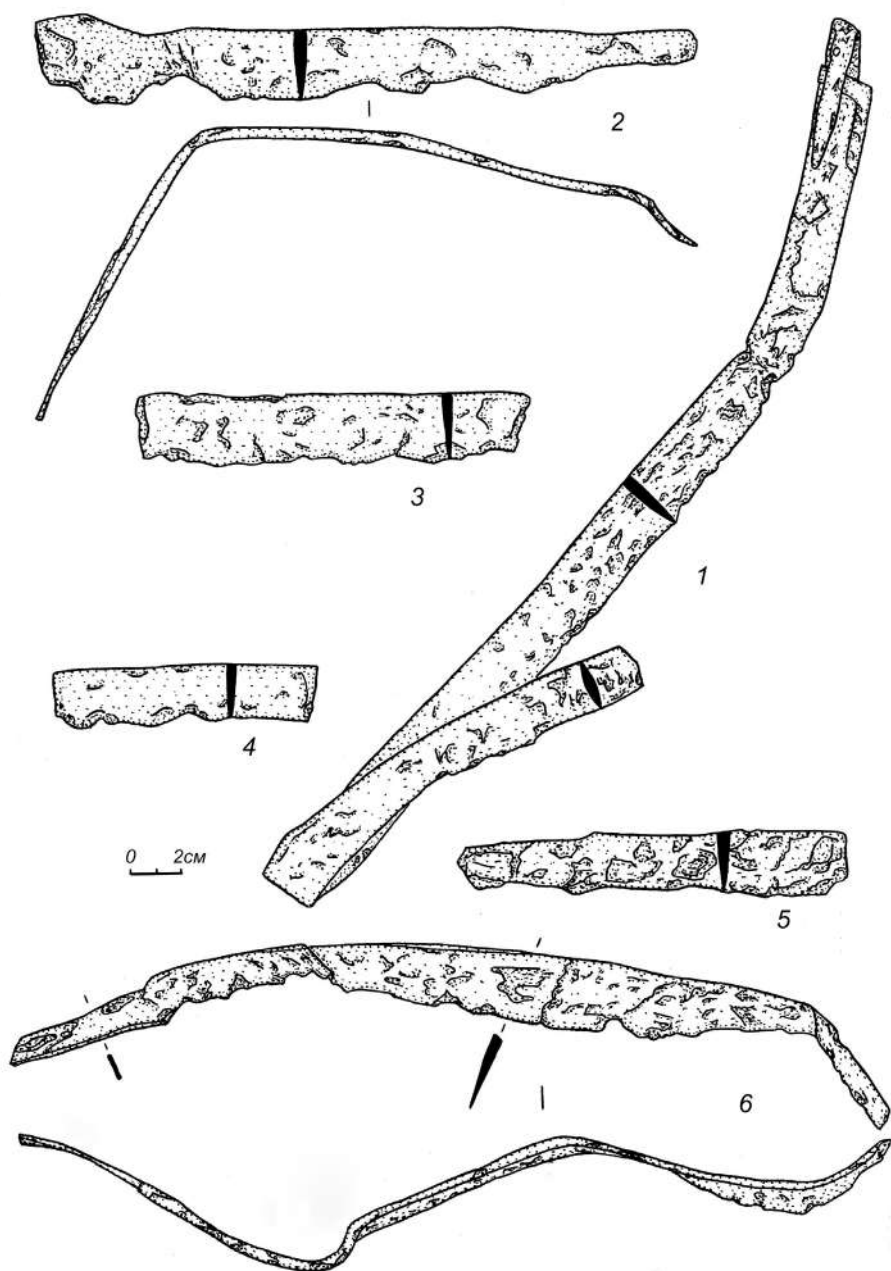

Рис. 5. Сабля (1), фрагменты сабель (2–6). Железо

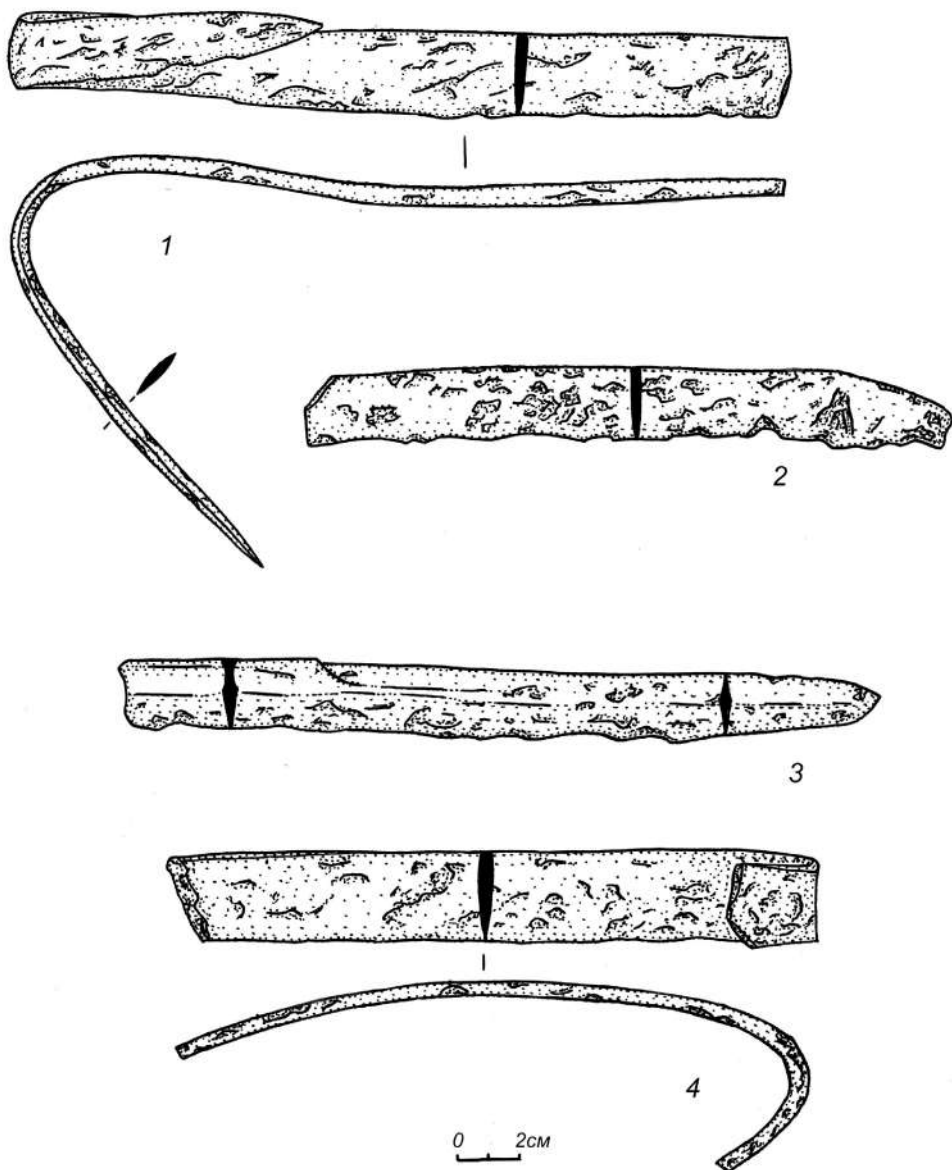

Рис. 6. Фрагменты сабель. Железо

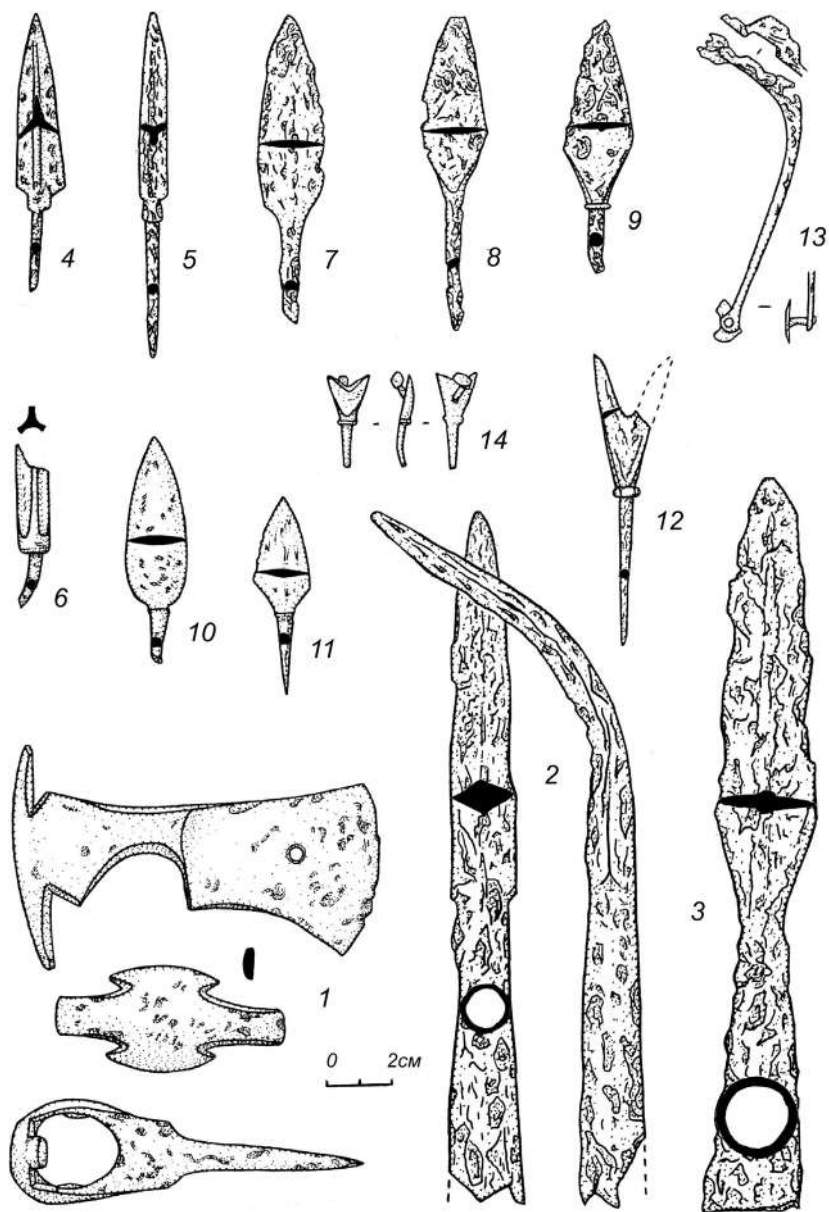

Рис. 7. Боевой топор (1), наконечники копий (2, 3),
наконечники стрел (4-12), детали колчанов (13, 14). Железо

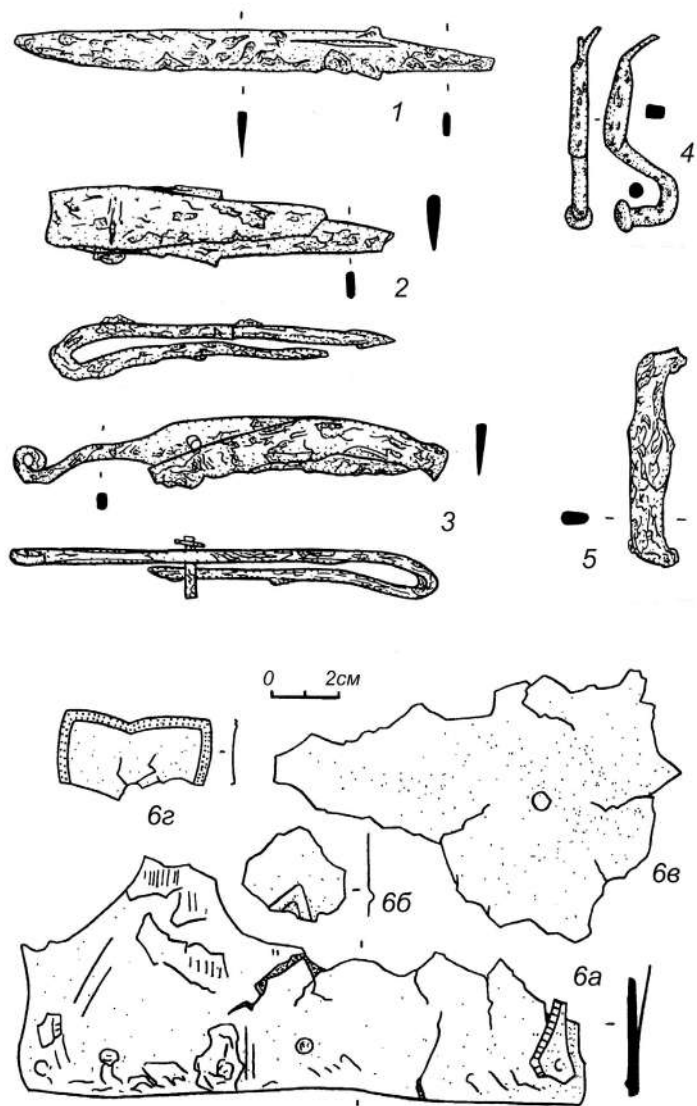

Рис. 8. Ножи (1, 2), серп (3), колчаный крюк (4), кресало (5), фрагменты шлема (6). 1–5 – железо, 6 – железо и медь

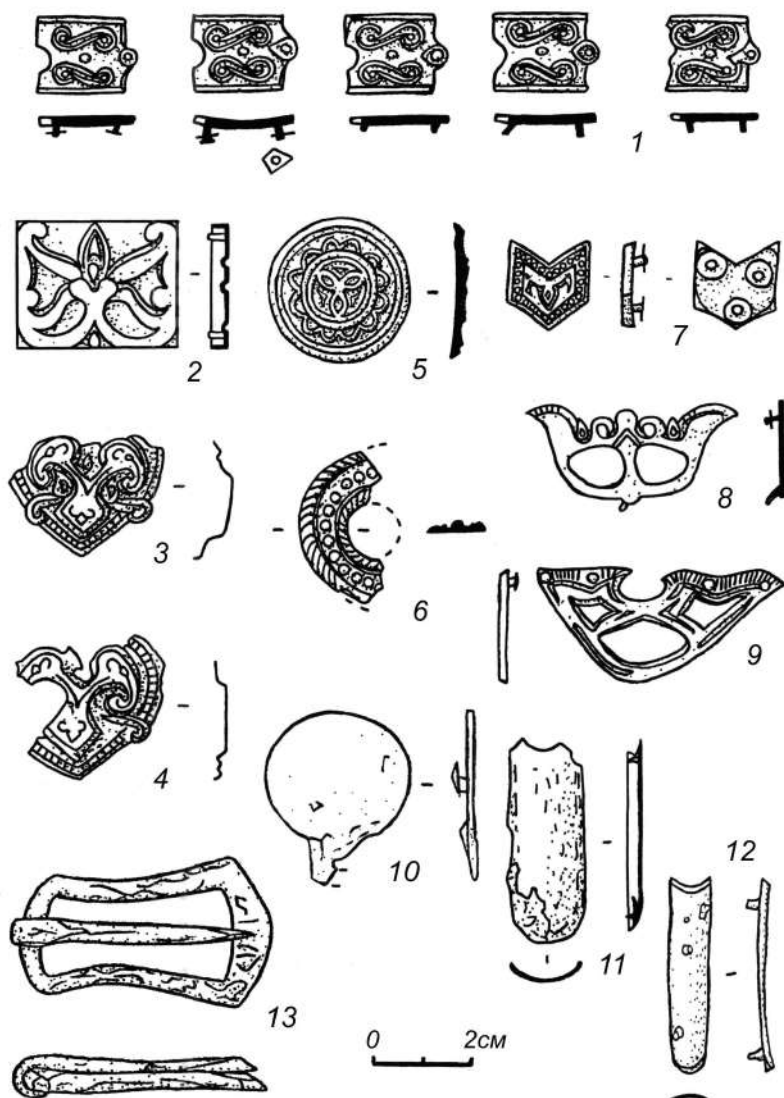

Рис. 9. Детали ременной гарнитуры: накладки (1–10),
наконечники ремней (11, 12), пряжка (13) из могильника
Андреевская щель (1–8, 9–13) и ст. Натухаевской (9).
1–9, 11, 12 – бронза, 10, 13 – железо

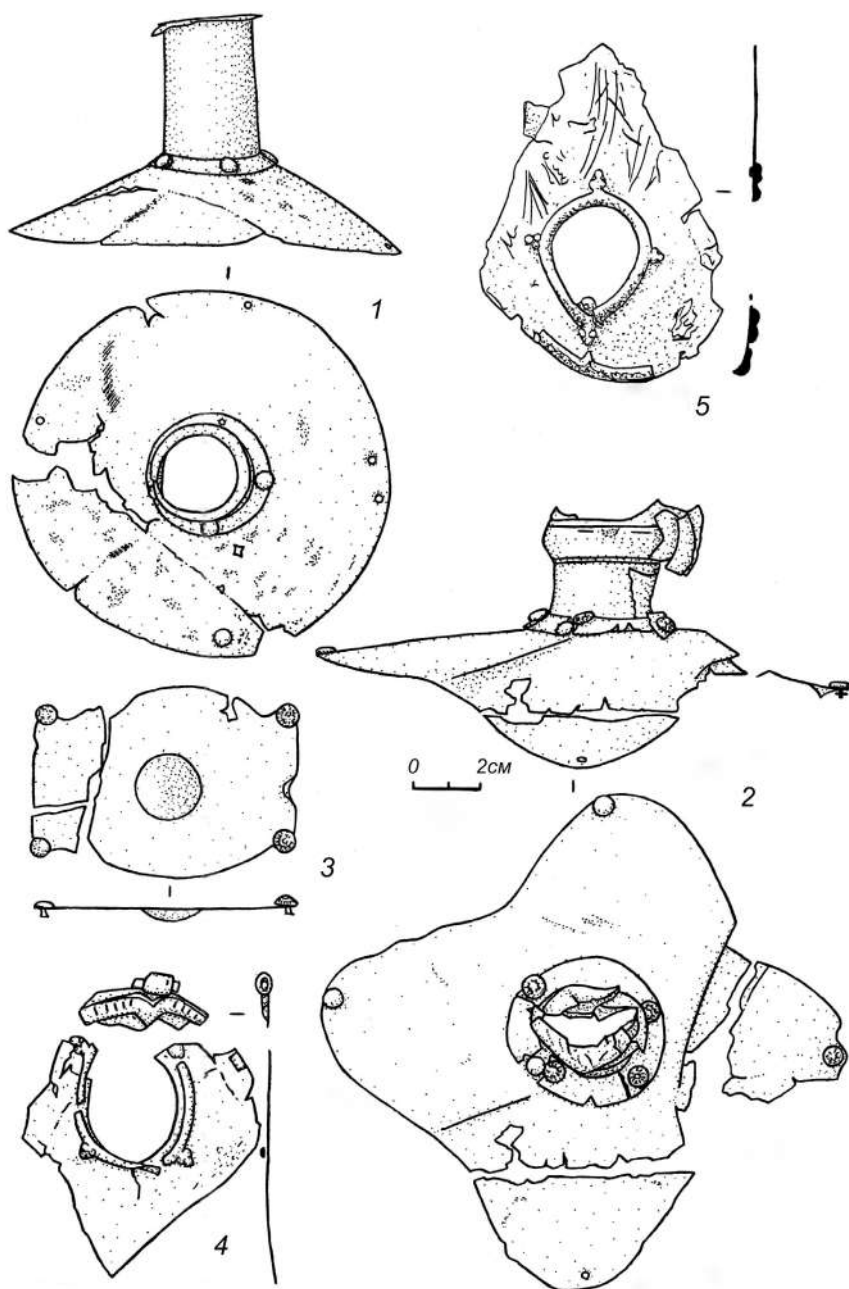

Рис. 10. Парадные детали конского убора: начельники (1, 2), налобник (3), уздечные бляхи (4, 5). Медь

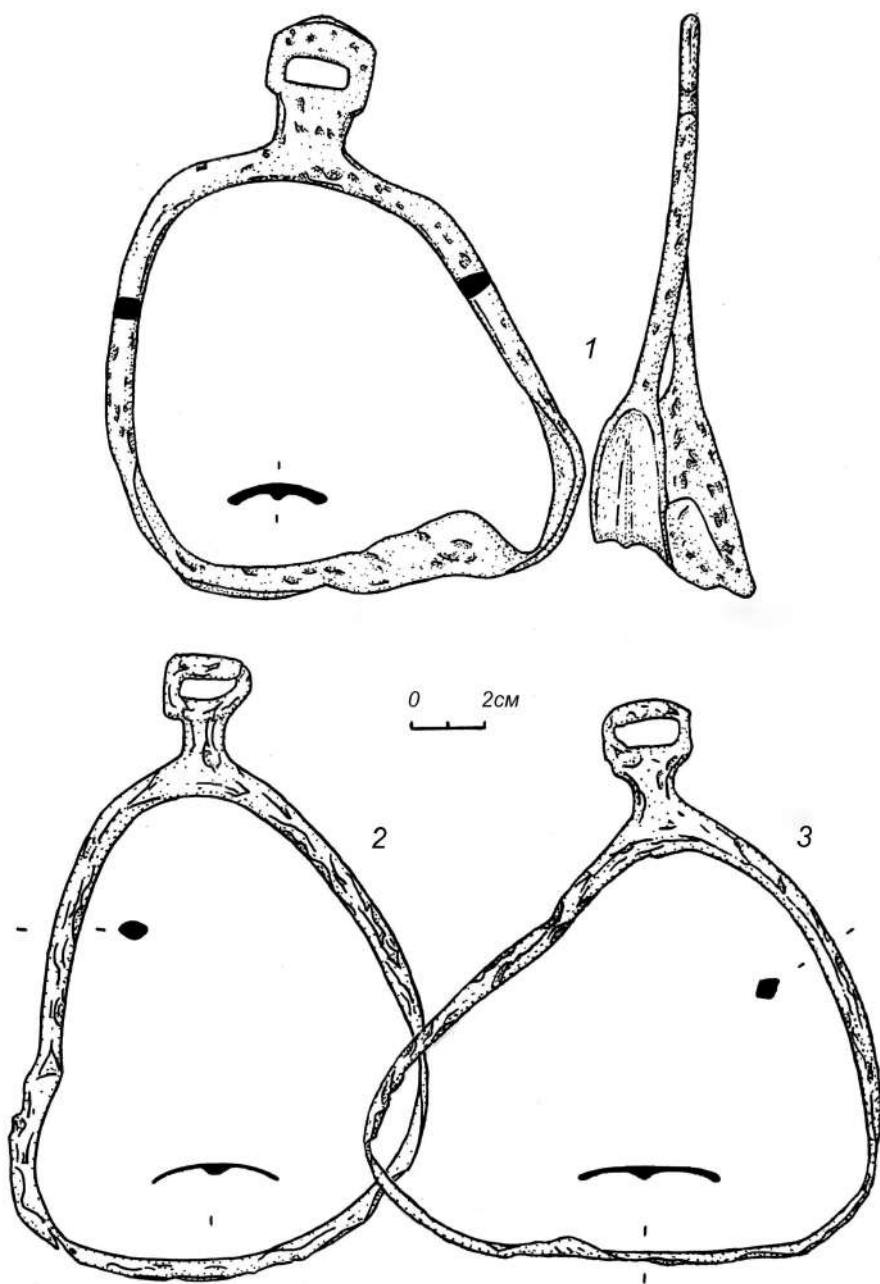

Рис. 11. Стремена 1 типа. Железо

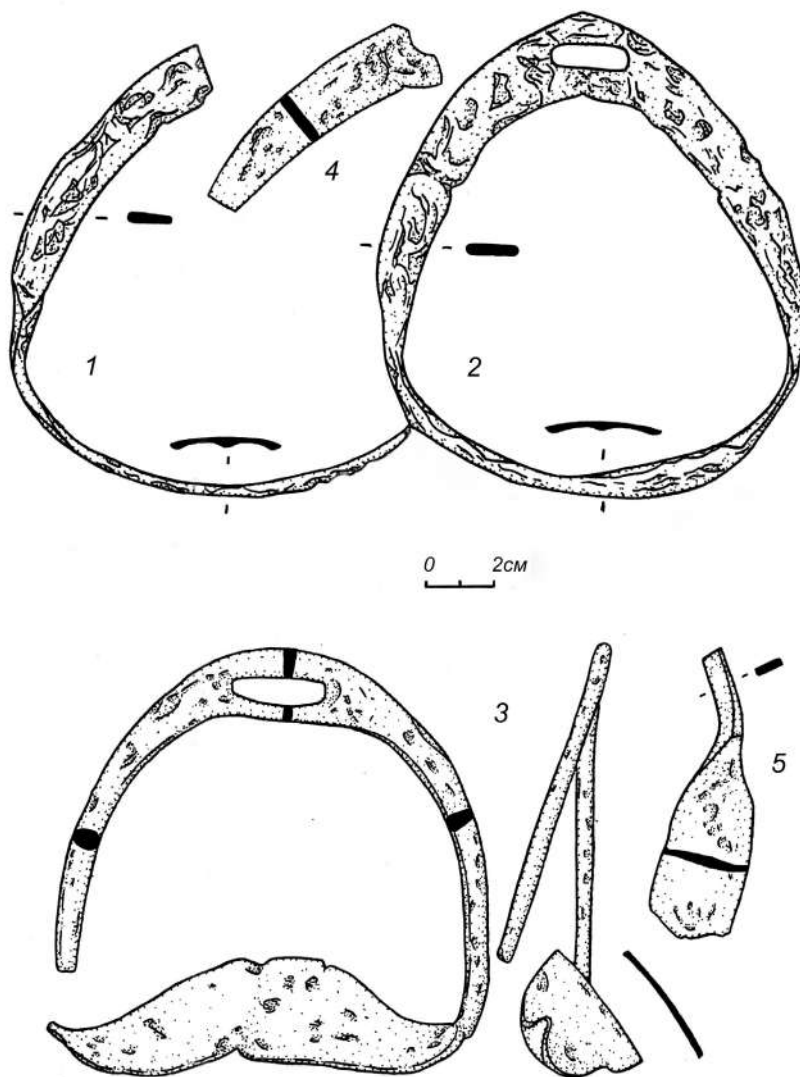

Рис. 12. Стремена и фрагменты стремян 2 типа. Железо

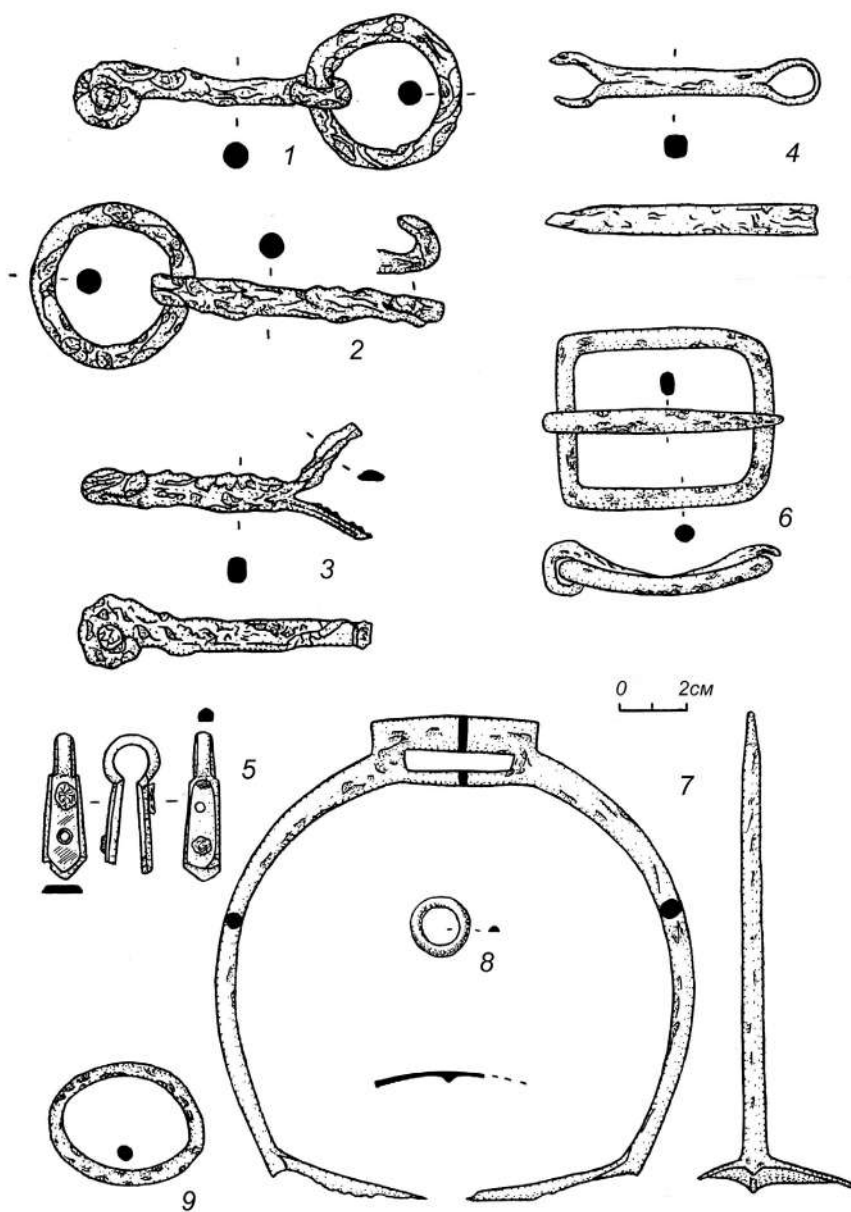

Рис. 13. Предметы конского снаряжения: удила (1–4), обойма (4), пряжка (5), стремя 3 типа (6), кольца (8, 9). 1–4, 6–8 – железо, 5, 9 – бронза

ДРЕВНЕРУССКИЕ СТРЕЛЬЦЫ (по летописным данным)

Для славянских народов лук и стрелы были традиционным, известным в течение многих веков видом оружия. Об этом свидетельствуют как археологические, так и письменные источники. Так, например, наконечники стрел не являются чем-то редким и необычным среди славяно-русских древностей периода формирования государственности¹. О том, насколько привычными в тогдашнем обществе были лук и стрелы, говорит уже хотя бы тот факт, что данный вид метательного оружия послужил основой для измерения расстояний на местности – существовала мера длины – «стрелище»². Учитывая же ту роль, какую играли лучники (арбалетчики) в средневековых войнах и Востока, и Запада, факт существования в армиях домонгольской Руси специфических отрядов воинов-лучников не кажется чем-то экстраординарным. В летописях эти отряды названы стрельцами. Из семантики термина и летописных данных вытекает и основная их характеристика – ведение боевых действий с помощью оружия дистанционного боя. С одной стороны, появление стрельцов в древнерусских войсках – естественное явление, вытекающее из самой логики средневековых войн, с другой – источники заставляют обратиться к его более глубокому анализу.

Во-первых, бросается в глаза момент появления термина на страницах летописей: древнейший случай использования слова «стрельцы» относится к 1093 г., в описании битвы русских князей Святополка Изяславича, Владимира и Ростислава Всеволодовичей против половцев на реке Стугне³. И это притом, что факты использования русичами лука и стрел в условиях войны фиксируются еще с X в. Вспомним, активно пользовались этим видом оружия воины Игоря во время похода на Византию в 941 г.⁴ и во время Балканской кампании Святослава, в боях за Преславу и Доростол⁵. В договоре Игоря с греками стрелы

¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие: лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. – Вып. Е 1-36. – М., 1966. – С. 35–48; 109–116.

² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. – М., 1997 (Далее – Лавр.). Стб. 109 («и ста Володимерь... в лимени дали града стрелище едено...»), 384 («не дошедше стрелища оудиного...»); Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. – М., 1998 (Далее – Ипат.). Стб. 95 («и ста Володимерь... в лимени вьдале града стрелище единого...»).

³ Лавр. Стб. 220; Ипат. Стб. 211.

⁴ Лавр. Стб. 44; Ипат. Стб. 33.

⁵ Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 71, 80; Иоанн Скилица. О войне с Русью // Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 125.

упомянуты сразу после щитов и мечей в качестве высшей кары за нарушение условий договора⁶.

Факт такого позднего (в сравнении со временем освоения славянами лука и стрел) появления термина «стрельцы» можно было бы считать случайностью, если бы не другие связанные с этим названием наблюдения.

Под 1093 г. не только впервые зафиксированы стрельцы. Битва на Стугне – это первое в отечественных источниках упоминание об использовании лучников в сформированных боевых отрядах. До этого не встречаем ни одного упоминания о русских лучниках в условиях боев на открытых ландшафтах. Византийские авторы VI-VII вв. почти единогласно указывают на ограниченное использование этого оружия славянами в войнах с Империей. Не все из них вообще упоминают лук и стрелы в перечне славянского вооружения⁷. В известиях о походе 941 г. ясно сказано, что Игоревы воины стреляли в основном по мирному населению или, в крайнем случае, по немногочисленным отрядам местных ополченцев. Об участии лучников в боях с регулярной армией ромеев – ни слова. Подобная ситуация наблюдается и в описании усобиц 1016, 1019 и 1024 гг.⁸ Известиям древнерусских летописей созвучны и свидетельства иностранцев. Ибн-Мискавейх достаточно подробно описывает оружие русов: это копье, щит, меч, дубина и что-то похожее на кинжал (вероятно, речь о скрамасаксе) – лук и стрелы не упомянуты⁹. Согласно Льву Диакону, русичи активно пользовались луком и стрелами *со стен* Преславы и Доростола, отбивая приступы византийцев, но до момента решающего сражения под Доростолом Диакон ни разу не говорит о луке и стрелах в боях *под стенами*¹⁰. Причина вывода лучников на поле перед городом становится понятной в контексте упоминаний о кавалерии русичей. Лев Диакон по ходу повествования неоднократно вспоминает о непривычности русов к конному бою¹¹, что в целом вполне вписывается в общую историю становления древнерусской конницы¹². Только последняя, решающая битва заставила Святослава ввести в действие абсолютно все имеющиеся средства – так на поле битвы появился наскоро собранный конный отряд, который тем не менее не смог кардинально повлиять на ход событий. Вероятно, выход лучников был еще одной «соломинкой», за которую хватались русичи в попытке спасти положение.

Нарисованная здесь картина может показаться надуманной, мол, отсутствие (ограниченность) упоминаний о лучниках объясняется не уникальностью, а обыденностью этого явления. И невнимание современников к их участию в

⁶ Лавр. Стб. 48.

⁷ Шувалов П. В. Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе Римского времени и в раннем Средневековье. – СПб, 2004. – С. 254–260; Стратегикон Маврикия. – СПб, 2004. – С. 190–191.

⁸ Лавр. Стб. 142, 144, 148. Ипат. Стб. 129, 131–132, 135–136.

⁹ Ибн-Мискавейх о походе русов на Бердаа в 943–944 гг. // «Откуда есть пошла русская земля...» Т. II. – М., 1986. – С. 576–578.

¹⁰ Лев Диакон. Указ. соч. – С. 44; 57–59; 70–82.

¹¹ Там же. – С. 70, 74, 75.

¹² Михайлов К. А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. – Новгород, 1994. – С. 93–103.

сражениях – оттого, что им присутствие лучников на поле боя казалось чем-то самоочевидным, не достойным отдельного упоминания. На это возразим, что тот же Лев Диакон достаточно внимателен к прочим подробностям военного характера, он фиксирует использование метательного оружия при штурме и защите городов, участие византийских лучников в полевых действиях, нелюбовь русичей к конному бою и т. д. Поэтому, как нам кажется, вполне можно доверять этому автору в вопросах тактики русов периода Балканской войны.

В целом, можно утверждать, что в русских армиях середины X в. не существовало отдельных отрядов лучников, способных в условиях боя на открытой местности взаимодействовать с основными силами и выполнять конкретные тактические задачи.

История средневековой Западной Европы тоже не дает примеров отдельных стрелецких отрядов, по крайней мере, до эпохи Крестовых походов.

Использование метательного оружия при защите крепостей зафиксировано на протяжении всего доогнестрельного периода в истории Старого Света. Но пеший лучник эффективен только в условиях обороны или внезапных нападений из засады. Можно привести несколько показательных примеров из европейской истории. Во время завоевания Уэльса английское рыцарство столкнулось с нетрадиционными, «неблагородными» методами ведения войны. Вместо масштабных битв и рыцарских поединков англичане встретили партизанскую войну, во время которой несли большие потери от валлийских лучников. К слову сказать, именно от валлийцев англичане переняли большой лук, с помощью которого удалось выиграть этапные битвы Столетней войны: Креси, Пуатье, Азенкур. Но даже в этих, триумфальных для европейских пеших лучников, битвах англичане начинали бой с оборонных позиций, откуда, пользуясь погодными и ландшафтными условиями, расстреливали атаки французских рыцарей.

Древнерусская военная машина эпохи Балканской войны еще не была приспособлена к сложным манипуляциям с личным составом, не существовало самого деления войска на тактические единицы. Во всяком случае, именно такой вывод подсказывают источники. Оптимальным боевым порядком, приспособленным для борьбы как с пешим, так и с конным противником, стала фаланга, которая в значительной степени отвечала и чисто военным, и психологическим условиям, обеспечивая необходимые мощь и крепость на поле боя¹³. А в условиях, когда большие армии набирались только на время походов и, в значительной степени, из ополченцев, не привычных к суровой дисциплине, говорить о делении на роды войск и связанную с этим организацию командования и подготовки не приходится.

Ситуация кардинально меняется, когда речь заходит о конных лучниках, яркие примеры которых дали многочисленные кочевые народы.

Собственно, именно с конными лучниками и связано первое упоминание о древнерусских стрельцах. В известии о Стугненской битве термин использован

¹³ Подробнее наш взгляд на этот вопрос см.: *Терещенко О. В.* Піхота та кавалерія у військах Давньої Русі X-XI ст. // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX-XI ст.). – Чернівці, 2006. – С. 187–191.

по отношению и к половецким, и к русским воинам¹⁴. То, что половецкие лучники – безусловно конные, вытекает из факта традиционности в кочевом обществе конного войска. Поскольку одним и тем же термином обозначены отряды противоборствующих сторон, можем с большой долей вероятности предположить и общую смысловую нагрузку: стрельцы – лучники-кавалеристы. Косвенно такое понимание летописной статьи подтверждается и обстоятельствами, в которых проходила битва. Это был целенаправленный рейд в степное пограничье с целью дать генеральное сражение и отогнать половцев подальше от порубежья. Агрессивный характер предприятия диктовал и условия его проведения. Залогом успеха должна была стать кавалерия, способная противостоять кочевникам. В случае затягивания боя или отступления половцев пешие лучники не могли бы преследовать вражескую и поддерживать собственную кавалерию, потому вполне вероятно, что русские лучники (или, во всяком случае, определенная их часть) в Стугненской битве выступали в качестве конницы.

Но даже если в случае с битвой на Стугне такая трактовка неверна, то в целом для домонгольского времени складывается впечатление, что термином «стрельцы» на Руси обозначались именно конные лучники. За период с 1093 по 1232 гг. (последний домонгольский случай использования термина) стрельцы упомянуты более 30 раз. В большинстве случаев прямо или косвенно можно проследить указания на то, что это именно всадники. И наоборот, есть свидетельства, что пехотинцев стрельцами не называли. Во время осады Луцка в 1149 г. навстречу врагам «пешцы вышедше из города и стреляющися...»¹⁵. Аналогичный случай зафиксирован и три года спустя во время осады Чернигова войсками Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича: Андрей, сын Долгорукого, двинулся сражаться с теми, кто «вышедши пешим из города стрелятся»¹⁶. Пешие лучники стрельцами не названы – они просто «пешцы».

Определив, что летописные стрельцы – это конные лучники, попробуем охарактеризовать особенности тактического использования этого рода войск.

Практически во всех случаях стрельцы – войска первого эшелона. Они всегда составляют авангард войска и выполняют соответствующие такой роли функции. Так было в 1093 г. на Стугне, в 1097 г. под Перемышлем¹⁷, в 1148 г. под Любечем¹⁸, в 1149 г. под Переяславлем¹⁹, в 1150 г. на Ольшанице²⁰, в 1151 г. на Лыбиди²¹, в 1154 г. на Суле²², в 1176 г. под Владимиром²³, в 1177 г. на Липице²⁴ и т. д.

¹⁴ Лавр. Стб. 220; Ипат. Стб. 211.

¹⁵ Лавр. Стб. 324, Ипат. Стб. 389.

¹⁶ Лавр. Стб. 339. Ипат. Стб. 457.

¹⁷ Лавр. Стб. 271, Ипат. Стб. 246.

¹⁸ Ипат. Стб. 361.

¹⁹ Ипат. Стб. 381.

²⁰ Ипат. Стб. 401.

²¹ Лавр. Стб. 332.

²² Лавр. Стб. 343.

²³ Лавр. Стб. 376.

²⁴ Лавр. Стб. 381.

Галицко-Волынское летописание приводит примеры, когда на марше стрельцов размещали на флангах²⁵ либо в авангарде и на флангах²⁶.

В случаях, когда стрельцы отрывались далеко вперед от основных войск, они вполне были способны вести самостоятельные действия. Хотя для домонгольской эпохи такие ситуации не были типичными. Во всяком случае, первое и едва ли не единственное упоминание об этом относится к битве на Калке: «И оустретоша Татарове полкы Роускыя. Стрелци же роускыи победиша и и гнаша в поле далеце секоуще и взяше скоты их»²⁷. Здесь для нас важно еще и указание на состав экипировки стрельца. Из процитированного известия следует, что на вооружении стрельцов было и клинковое или короткодревковое оружие (русичи посекали татар). Более раннее известие относится к 1186 г. (битва Игоря Новгород-Северского с половцами). Согласно Лаврентиевской летописи, половецкие стрельцы в ожидании своих главных сил в течение трех дней удерживали русичей и не подпускали их к реке – источнику воды. Бились половцы, «копы ся не снимали»²⁸. Суть этой фразы становится понятной в контексте военной истории евразийских кочевников. Так, Маврикий²⁹, описывая современных ему кочевников Северного Причерноморья, свидетельствует: многие степняки имели во время боя лук со стрелами и копье, носившееся за плечами. В зависимости от ситуации воин мог пользоваться поочередно тем или иным видом оружия. Среднеазиатские источники монгольского времени содержат изображения всадников, экипированных щитом, саблей, луком со стрелами и копьем: до момента перехода на рукопашный бой копье удерживалось с помощью ременных петель на ноге и плече кавалериста³⁰; подобный способ ношения копья дожил до начала XX в. и неоднократно зафиксирован художниками того времени³¹. Имея такой широкий спектр аналогий, правомерно утверждать, что и половцы использовали аналогичный способ ношения копья, а фраза «не снимаемая копьа» значит, что половцы вели дистанционный обстрел, не прибегая к рукопашной. А поскольку именно стрельцы-кочевники, в первую очередь половецкие, стали прототипом стрельцов древнерусских, то логично предположить и подобность комплекса вооружения.

В этом контексте интересна география распространения термина «стрельцы». Он отсутствует в Новгородской Первой летописи. В Лаврентиевской летописи стрельцы упомянуты 9 раз (за период с 1093 по 1223 гг.), 8 из которых связаны с событиями в Южной Руси³² и только один – с событиями на Северо-Востоке (Ли-

²⁵ Ипат. Стб. 813, под 1251 г.

²⁶ Ипат. Стб. 831-832, под 1256 г.

²⁷ Ипат. Стб. 743.

²⁸ Лавр. Стб. 398.

²⁹ Стратегикон Маврикия. – С. 186.

³⁰ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М., 2002. – С. 71, 73.

³¹ Валькович А. Лейб-казакам к Первомаю. Новые сведения о мундире гвардейских казаков в эпоху Отечественной войны // Цейхгауз. – 2006. – № 23. – С. 23–25; Федоров В. Г. Холодное оружие. – М., 2010. – С. 93–98.

³² Лавр. Стб. 220, 327, 331-332, 343, 360, 376, 398, 507.

пецкая битва 1177 г.³³). Статистика Ипатьевской летописи значительно богаче: на ее страницах, начиная с 1093 г., термин упомянут порядка 26 раз (последний случай – 1256 г.), и всегда – в связи с событиями на Юге и Юго-Западе³⁴. Такая статистика свидетельствует о южном происхождении термина «стрельцы», что не противоречит общей логике процесса становления военной организации Древней Руси: отряды стрельцов создавались для противодействия мобильной коннице степняков, от них же были позаимствованы и адаптированы к местным особенностям приемы тактики и комплекс вооружения.

Теперь попытаемся сделать некоторые предположения относительно социального и этнического состава стрелецких отрядов. Стрельцы – конные лучники, способные, кроме того, к бою древковым и клинковым оружием. Это бойцы первой линии во время боя и авангард во время марша. Такая универсальность может достигаться только при условии постоянных тренировок и соответствующего обеспечения. Соответственно, делаем вывод о принадлежности стрельцов к дружинной прослойке. Обычно источники упоминают о стрельцах на стадии завязки боя, после начала рукопашной летописец о них забывает и переносит внимание читателей на представителей княжеско-боярской элиты. Такое невнимание к стрельцам свидетельствует об их второстепенном, по отношению к боярству, статусу – т. е. имеем основания говорить о стрельцах как о представителях младшей дружины. Аргументы «за» есть и в источниках. Во время нашествия половцев на Переяславщину в 1149 г. князь Изяслав Киевский «Черныя Клобуuky и молодь свою пустита напередь до Переяславля». Чуть ниже этот отряд назван стрельцами: «Пришедши же стрелци от Изяслава и от Ростислава и възбиша ратныя от города»³⁵. Мы склонны, по крайней мере в данном случае, считать понятия «молодь» и «младшая дружина» синонимами. Соответственно, определение социального статуса стрельцов как членов младшей дружины не вызывает возражений.

Как видно из приведенных цитат, киевские князья в качестве стрельцов действовали и кочевников-федератов, возможно даже используя их в смешанных с русичами соединениях. Так, в 1151 г. киевская коалиция на озере Малый Рутец, видя отступление войск Юрия Долгорукого, «пустиша по них стрелци своя Черныя Клобуuky и Русь»³⁶. Подобный случай зафиксирован и под 1190 г.: «Поскочиша стрелци Русскыи и Чернии Клобууци»³⁷. Учитывая многочисленные свидетельства летописей о совместных действиях Киева и черноклобуков, можем уверенно говорить, что такие русско-черноклобуцкие отряды на южном пограничье не были редким явлением.

XIII век привнес некоторые изменения в сложившийся за предыдущие полтора столетия комплекс вооружения стрельца. А. Ф. Медведев в работе «Ору-

³³ Лавр. Стб. 381.

³⁴ Ипат. Стб. 211, 331, 361, 378, 379, 381, 401, 436, 474, 558, 575-576, 601, 632, 639-640, 671-672, 725, 742-744, 756, 768.

³⁵ Ипат. Стб. 379.

³⁶ Ипат. Стб. 436.

³⁷ Ипат. Стб. 671-672.

жие Новгорода Великого» обратил внимание на строки Ипатьевской летописи о стрельцах Даниила Галицкого, «державшим в руках рожанци свои и наложившимъ на ни стрелы своя»³⁸. Согласно, как нам кажется, справедливому замечанию ученого, под рожанцами с наложенными на них стрелами действительно следует понимать арбалеты³⁹.

Выше мы уже говорили об отсутствии термина «стрельцы» в Новгородской Первой летописи. В связи с этим заметим, что единственным местом в данном источнике, где в описании битв XI–XIII вв. говорится об использовании лука и стрел, является рассказ о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. Для древнерусского ареала подобные известия отсутствуют. На этом основании можно было бы сделать вывод о неразвитости военно-стрелцкого дела на территории Новгородщины, если бы не известия Ливонской рифмованной хроники. Орденский хронист неоднократно обращает внимание на большое количество лучников в войсках Пскова, Суздаля и Новгорода⁴⁰. Потому саму возможность существования формирований конных лучников в указанном регионе нельзя отрицать. Другое дело, что источники, как в свое время заметил М. Г. Рабинович⁴¹, не позволяют дать однозначного ответа на этот вопрос. Мы же, исходя из цели данной работы (раскрытие смыслового наполнения южнорусского термина «стрельцы», а не история использования лука и стрел на территории всей Руси), проблему лучников в северной части древнерусского региона оставляем для дальнейших исследований.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

До появления отечественной кавалерии как самостоятельного рода войск древнерусские лучники не играли заметной роли на полях сражений. Лук и стрелы были оружием защиты городов, засад, а наибольшее значение имели, вероятно, на охоте. Перемены наблюдаются со второй половины XI в., когда доминирующей силой в войске становится конница, а на южных рубежах Руси появляются половецкие племена, для противодействия которым и создавались подразделения стрельцов. Первая фиксация стрельцов летописцами (1093 г.) представляет их уже сформированными отрядами. Стрельцы набирались из числа младшей дружины и представляли собой мобильные отряды кавалеристов, вооруженных как для дистанционного, так и для рукопашного боя. Киевские князья задействовали для такой службы не только славянские контингенты, но и зависимых от них черных клобуков. Лучники-пехотинцы под определение «стрельцы» не подпадали, возможно, из-за непринадлежности к дружинной прослойке. Сам термин имеет явное южное происхождение и ни

³⁸ Ипат. Стб. 813, под 1251 г.

³⁹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. – МИА. № 65. – М., 1959. – С. 149.

⁴⁰ Старшая ливонская рифмованная хроника // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л., 1966. – Стихи 2110, 2215–2216, 2241–2245. О том, что это именно лучники, а не арбалетчики, см. с. 217.

⁴¹ Рабинович М. Г. Из истории русского оружия IX–XV вв. // Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. I. – М.–Л., 1947. – С. 91–92.

единого раза не встречен в новгородском летописании. Во владими́ро-суздальском летописании понятие «стрельцы» тоже редкое явление. В то же время исследование региональных особенностей военных систем будет способствовать более глубокому пониманию не только военной, но также и социальной, культурной, этнической истории Древней Руси. В этом контексте характер боевого применения лучников на севере, северо-востоке и северо-западе Руси заслуживает отдельного рассмотрения.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ ВСАДНИКА И ВЕРХОВОГО КОНЯ КОНЦА XII – ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIV в., ПРОИСХОДЯЩИЙ С ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В ВЕРХОВЬЯХ ДОНА

В результате многолетних исследований средневековых памятников Куликова поля было убедительно доказано, что освоение верховьев Дона древнерусским населением (предположительно выходцами из Пронско-го княжества) приходится на рубеж XII-XIII вв. Перед нами предстает неизвестный по письменным источникам факт продвижения древнерусского населения глубоко на юг за десятки лет до прихода войск Батыя. В конце XII – первой половине XIII в. на данной территории появляется свыше 200 сельских поселений и 4 крепости-форпоста¹. Последующее монгольское нашествие привело к значительному сокращению древнерусского населения и запустению городищ-форпостов, которые, по всей видимости, были разобраны. На протяжении второй половины XIII – первой половины XIV в., благодаря стабилизации социально-политической жизни в пределах Золотой Орды, происходит повторное освоение ранее оставленных мест. Оно было прервано в эпоху «великой замятни». На момент Донского побоища рассматриваемые территории становятся незаселенными, превращаясь в часть «дикого поля», и осваиваются вновь лишь в XVI веке².

Прежде чем перейти к описанию предметов вооружения, следует кратко остановиться на характеристике материала, полученного в результате работ Верхне-Донской археологической комплексной экспедиции (ВДАЭ). В верховьях Дона было открыто свыше 250 памятников для периода конца XII – последней трети XIV в. На 22 памятниках были проведены археологические раскопки. На трех домонгольских и шести золотоордынских поселениях был предпринят планшетный сбор подъемного материала с применением детекторов металла. Остальные поселения исследовались в рамках общих археологических разве-

¹ Гоняный М. И. Археологические памятники Куликова Поля // Куликово поле и Донское побоище. – М., 2005. – С. 114.

² Там же. – С. 159.

док³. В результате проведенных исследований было установлено, что для периода освоения территории Куликова поля в конце XII – первой трети XIII в. существовало 201 неукрепленное поселение с характерной гнездовой структурой расселения. В домонгольский период зафиксировано 25 гнезд, различных по площади и количеству входящих в них селищ. Для периода середины XIII – третьей четверти XIV в. выделяются 13 гнезд, в которые объединены 95 памятников. Несмотря на столь масштабные исследования, предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня происходят лишь с 16 памятников. Около 15% от общего числа учтенных вещей было обнаружено при археологических раскопках, вся остальная серия получена при планшетном сборе предметов с последующей их инструментальной привязкой⁴.

Серия предметов представлена как оборонительным снаряжением (обрывки кольчуг, умбон), так и различными видами наступательного оружия. К вооружению ближнего боя следует отнести фрагменты и детали от длиннокликового оружия (два перекрестья сабель и наконечник ножен), ударного древкового оружия (три фрагмента булавы и один обломок шестопера), древкового рубящего вооружения или шанцевого инструментария (2 целых и 12 обломков топоров). С территории «куликовских» селищ происходят 2 экземпляра наконечников копий, характеризующих набор применявшихся на данной территории типов оружия среднего боя. К оружию дальнего боя или ручному метательному оружию традиционно относят луки и стрелы, самострелы и арбалетные болты, метательные копьа. Для памятников верховьев Дона характерно развитое применение «лучного боя», о чем мы можем судить по значительной (175 экз.) серии железных наконечников стрел, происходящих с территории 12 памятников конца XII – второй половины XIV в. В данной работе также будут рассмотрены предметы, связанные со снаряжением всадника и верхового коня.

Кликовое оружие

Как уже сказано выше, длиннокликовое оружие представлено двумя сабельными перекрестьями и наконечником ножен.

Сабельные перекрестья относятся к двум типам. К первому типу относится перекрестье, найденное на селище Куликовка 4 и датированное перв. пол. XIII в. (рис. 2, 15). Перекрестье с характерным арочным оформлением центральной части. Верхняя дуга значительно выгнута и приострена, тогда как нижняя чуть изогнута. На концах крестовины расположены хорошо читаемые шаровидные утолщения. Длина перекрестья 74 мм, высота 20 мм. А. Н. Кирпичников относил распространение перекрестий с шаровидными окончаниями к аварскому

³ Там же. – С. 95–162.

⁴ Последнее придает исследуемым предметам, с точки зрения характеристики источника, преимущественно подъемный характер, что делает зачастую невозможным хронологическое дробление материала с тех памятников, которые существовали на протяжении всего рассматриваемого периода.

времени, а пик распространения их датировал IX–XI вв.⁵ Характерной особенностью ранних разновидностей крестовин с шариками на концах является прямое, без изгиба, построение перекрестья (тип I по А. Н. Кирпичникову). В последующие столетия они приобретают ярко выраженную «арковидность»⁶. Подобные образцы были выделены в отдельную разновидность (1 тип 2 разновидность по А. В. Евглевскому и Т. М. Потемкиной). Они происходят из кочевнических погребений, датированных преимущественно XII–XIV вв.⁷, а также из Золотаревского городища, время гибели которого определяется первой третью XIII века⁸.

Второе перекрестье, происходящее с поселения Устье 3, датированного концом XII–XIV вв., относится ко второму типу сабельных гард, по разработанной типологии А. Н. Кирпичникова⁹. Перекрестье имеет характерные типобразующие признаки: ромбическое расширение центральной части, с прямыми асимметричными концами, более длинный конец крестовины был расположен со стороны лезвийной части сабельного клинка (рис. 2, 14). Длина изделия 95 мм, высота 27 мм. Данные признаки более всего подходят к перекрестьям, выделенным по материалам погребений позднесредневековых кочевников Восточной Европы в отдельный вариант (2 тип, 1 вариант по А. В. Евглевскому и Т. М. Потемкиной). Датируются аналогичные крестовины XII–XIV веками¹⁰.

Таким образом, описанные выше перекрестья относятся к наиболее распространенным типам сабельных гард, бытовавшим в XII–XIV вв. на территории Восточной Европы, как в домонгольский период, так и в эпоху золотоордынского владычества. Известны они на территории памятников, разрушенных монголами, широко распространены в погребениях поздних кочевников Восточной Европы. Находка сабельных перекрестий на территории русских селищ верховьев Дона говорит об использовании сабли в данном регионе как основного типа клинкового оружия, находящего прямые аналогии в кочевнической материальной культуре.

Помимо перекрестий с памятника Устье 3 происходит подпрямоугольный по форме и овальный в сечении наконечник ножен. Размер изделия 30 × 35 мм (рис. 2, 16).

Ударное древковое оружие на памятниках Куликова поля представлено тремя бронзовыми древнерусскими булавами и одним железным шестопером (рис. 3, 1-4).

Бронзовые литые булавы относятся к типичной категории древнерусского наступательного оружия. Уже во второй половине 60-х годов XX в. А. Н. Кир-

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. – Е 1-36. Вып. 1. – М., 1966. – С. 63.

⁶ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 308, 336.

⁷ Евглевский А. В., Потемкина Т. М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк, 1999. – С. 172–175.

⁸ Белорыбкин Г. Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 137.

⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 63.

¹⁰ Евглевский А. В., Потемкина Т. М. Указ. соч. – С. 172–176.

пичниковым по древнерусским материалам было выделено 6 стойких типов на-
верший булав¹¹. На основании данного материала были поставлены и успешно
решены вопросы о центрах производства литых булав, их типологической взаи-
мосвязи и времени бытования каждого типа в отдельности. Так, было установ-
лено, что самые распространенные III и IV типы булав, бытовавшие в конце
XII – начале XIII в. почти на всей территории Древней Руси, имели несколько
стойких центров производства, среди которых главнейшим в период до мон-
гольского нашествия оставался Киев. Именно к этим типам следует отнести
фрагменты трех бронзовых булав, обнаруженных на территории древнерусских
памятников Куликова поля, датируемых концом XII – первой половиной XIII в.

Две булавы происходят с территории селища, расположенного у летописно-
го города Чур-Михайлова (Архангельское 1). Одна из них относится к IV типу
(по А. Н. Кирпичникову, см. рис. 3, 4). Определение типа второй булавы (рис. 3, 2),
равно как и еще одного фрагмента, происходящего с территории селища Фе-
доровка 6 (рис. 3, 3), датированного более широкими рамками XIII–XIV вв., за-
труднительно из-за малого размера дошедших до нас фрагментов. Как правило,
это осколки пирамидального шипа, размеры и форма которых все же позволяют
отнести их к III или IV типу бронзовых булав. Верхняя граница бытования булав
этих типов определяется первой половиной XIII в. – временем, когда были унич-
тожены, в результате монгольского нашествия, основные киевские центры по
производству этого вида оружия¹².

Другим видом ударного наступательного оружия, встреченным на селищах
Куликова поля, являются шестоперы (рис. 3, 1). Обломок шестопера был обна-
ружен на территории селища Грязновка 4, датированного XIV в. Высота сохра-
нившейся части 78 мм. Сохранился фрагмент шестопера с двумя перьями и ча-
стью втулки. Данный тип, по позднесредневековой терминологии, может быть
отнесен к «пернатым», так как имел 8 ударных выступов – перьев. Сами перья
имеют пятиугольную форму. Появление шестоперов на территории Восточ-
ной Европы относится либо к самому кануну монгольского завоевания, либо
напрямую связывается с монгольской военной традицией¹³. Наибольшее рас-
пространение шестоперов как на территории русских удельных княжеств, так
и в восточноевропейских степях следует отнести к XIV веку¹⁴. Также с XIV в.
шестоперы распространяются в Западной и Центральной Европе в виде «ме-
таллического цилиндра, оснащенного перьями, радиально расходящимися
в стороны от наверхия»¹⁵. Таким образом, можно отметить, что в верховьях
Дона бытовали типичные виды булав, характерные для всей территории Древ-
ней Руси. Они являлись важнейшим элементом вооружения древнерусского

¹¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 49.

¹² Там же. – С. 53.

¹³ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. – М., 1976. – С. 28.

¹⁴ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. – М., 2002. – С. 66, 67, 69.

¹⁵ Шкриванич Г. Оружје у средњовековној Србији, Босни и Дубровнику. – Београд, 1957. – С. 90–92; Бехайм В. Энциклопедия оружия. – СПб, 1995. – С. 261.

дружинника¹⁶. В эпоху ордынского владычества распространяется иной тип ударного древкового оружия – шестоперы.

Топоры представлены двумя целыми образцами, одним фрагментом обушной части и одиннадцатью фрагментами лезвийных частей.

Выделяются две разновидности рабочих топоров, которые могли использоваться в качестве оружия или шанцевого инструмента. К первой разновидности относятся два топора (рис. 4, 3-4), происходящие с селища Веденец 1, датируемого XIV в. Длина целого экземпляра составила 183 мм. Диаметр круглой втулки 42 мм. Ширина лезвия 56 мм. От второго топора дошла округлая обушная часть с внутренним диаметром 30 мм. По Новгородской хронологии древностей, подобные топоры относятся ко второму типу и датируются XIII – началом XV в.¹⁷ Ко второй разновидности следует отнести проушной топор с характерным длинным, слегка изогнутым и узким лезвием; обушная часть круглая в сечении и имеет выступы как с внутренней, так и с внешней стороны (рис. 4, 1). Топор происходит с поселения Устье 3. Длина топора 354 мм, ширина лезвийной части 39 мм, диаметр округлой обушной части 38 мм. Подобные топоры довольно широко распространены в Верхнем Посурье, Примокшанье и датируются XIII-XIV вв. Их относят к бортному специализированному инвентарю¹⁸.

Копья представлены двумя целыми экземплярами. По форме наконечника выделяются два типа.

Копье с удлинённо-треугольным пером и ясно выраженными плечиками (рис. 5, 1). Поперечное сечение ромбическое с четкой гранью. Происходит с селища Федоровка 6, датированного XIII-XIV вв. Длина пера 90 мм. Длина всего наконечника 150 мм. Соотношение ширины пера к длине 1:3. Втулка расширяется книзу. Диаметр втулки 25 мм. Данный тип относится к широко распространенной группе древнерусских наконечников типа III, по типологии А. Н. Кирпичникова, датируемых VIII–XIII вв. Известны они и в более позднее время¹⁹.

Копье с пером в виде четырехгранного в сечении стержня и с воронковидной втулкой (рис. 5, 2). Происходит с селища Устье 3, датированного XIII-XIV вв. Длина пера 145 мм, ширина 8 мм, длина копья 247 мм. Диаметр втулки 30 мм. Копья данного типа относятся к пикам (тип V, по классификации А. Н. Кирпичникова), время появления которых для Европы определяется VIII-IX вв. На территории Древней Руси особое распространение пики получают в предмонгольское время и существуют, несколько видоизменившись, до конца Средневековья, оставаясь господствующим типом среди наконечников копий²⁰.

¹⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 54.

¹⁷ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – 1959. – № 65. – С. 30, рис. 12.

¹⁸ Алихова А. Е. Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск, 1959. – Табл. 74, 7; Белорыбкин Г. Н. Новые материалы Золотаревского поселения. – С. 413.

¹⁹ Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея // Труды Исторического музея. – М., 1913. – С. 13–17; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 12–14.

²⁰ Городцов В. А. Указ. соч. – С. 5–7; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 15–16.

Помимо наконечников копий с поселения Устье 3 происходит железная оковка концевой части древка – вток. По средневековым материалам, втоки выделяются двух типов: это либо конические – воронковидные – оковки, либо оковки, оформленные в виде маленького копьеца, имеющего ромбическую форму пера. Вток из Устья 3 имеет копьевидную форму. Длина втока 110 мм, диаметр втулки 23 мм. Судя по диаметру втулки, данная оковка могла относиться либо к древку легкого копья, которое также могло использоваться для метания, либо к посоху.

Метательное оружие. Для памятников Куликова поля древнерусского и ордынского периодов характерно применение в качестве оружия дальнего боя прежде всего лука и стрел. Данный вид оружия представлен только серией железных наконечников стрел. Всего было учтено 175 экземпляров, из них 145 типологически определяемых по классификации А. Ф. Медведева, 11 индивидуальных экземпляров и 19 – неопределимых из-за плохой сохранности.

Наконечники стрел. Типы приведены в соответствии с типологией А. Ф. Медведева²¹.

Тип 3. Ромбовидные втульчатые наконечники (рис. 6, 1). Тип представлен 2 экземплярами. Они происходят с селища Устье 3 и Федоровка 6. Длина 55 мм, ширина 12 мм, длина втулки 15–27 мм. Датируются наконечники подобной формы VII–XIV вв. и распространены преимущественно в Прикамье. Редко встречаются вдоль западных границ Руси. По мнению А. Ф. Медведева, для территории Древней Руси они в целом не характерны²². В данном случае следует отметить, что, несмотря на общую схожесть рассматриваемых экземпляров с ранними наконечниками, описанными А. Ф. Медведевым, возможно, перед нами кустарные поделки наконечников, изготовленных совершенно в ином историческом контексте, и вряд ли они могут быть с полной уверенностью отнесены к типу 3. Возможно, их следует рассматривать в череде индивидуальных и самостоятельных типов, бытовавших на рассматриваемой территории в период развитого Средневековья.

Тип 13. Треугольные трехлопастные черешковые стрелы (рис. 6, 2-3). Тип представлен 2 экземплярами. Два наконечника происходят с территории памятника IX–X вв. на многослойном поселении Устье 3. Длина боевой части наконечника 40–43 мм, ширина 13 мм, длина черешка 23–30 мм. А. Ф. Медведевым наконечники подобной формы датируются VII – началом X в. Они известны в Саркеле, Цимлянском городище, в Дмитриевском могильнике и на Княжей горе²³.

Тип 21. Остролистные трехлопастные наконечники (рис. 6, 5). Тип представлен 1 экземпляром. Происходит с поселения Устье 3 из скопления предметов материальной культуры, датируемого IX–X вв. Наконечник, отнесенный к данному типу, сильно фрагментирован, поэтому судить о его размерах затруднительно. Ширина пера 19 мм. Появляются наконечники подобной формы на рубеже эр и бытуют до начала X в. Известны на всей территории Восточной Европы²⁴.

²¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие // САИ. – Е 1-36. – М., 1966.

²² Там же. – С. 56.

²³ Там же. – С. 59.

²⁴ Там же. – С. 61.

Тип 24. Трехлопастные наконечники с миниатюрной боевой частью и вытянутой шейкой или без нее (рис. 6, 4, 6). Тип представлен тремя экземплярами. Наконечники происходят с селищ Березовка 4 (1 пол. XIII в.), Березовка 5 (XIII–XIV вв.) и поселения Архангельское 1 (1 пол. XIII в.). Длина боевой части наконечника (пера) 25 мм. Ширина 10–15 мм. Длина шейки 20 мм. Длина черешка 30 мм. Датируются наконечники подобной формы XII – 1 половиной XIII в. По мнению А. Ф. Медведева, данный тип прекращает свое существование в эпоху монгольского нашествия. Известны единичные находки варианта наконечников этого типа, характеризующегося отсутствием выраженной шейки. Отличаются они от аналогичных наконечников типа 13 миниатюрными размерами боевой части и датируются XIII–XIV вв.²⁵

Тип 29. Двухшипный наконечник без упора (рис. 6, 7). Тип представлен одним сильно фрагментированным экземпляром. Происходит с селища Веденец 1, датируемого XIV в. Аналогичные наконечники среди восточноевропейских материалов датируются довольно широкими рамками с I в. н. э. по XIV в. включительно. В северо-западных областях Руси аналогичные наконечники продолжают бытовать до XIV–XV вв. По всей видимости, они по функциональному назначению относятся к охотничьим образцам²⁶.

Тип 30. Двухшипный наконечник с вытянутой шейкой и упором (рис. 6, 8). Тип представлен 1 экземпляром. Происходит с поселения Устье 3. Длина 105 мм. Длина двухшипного окончания 15 мм. Длина черешка 41 мм. Характерной особенностью данного наконечника является косая насечка в нижней половине длины шейки, которая, возможно, была инкрустирована. Датируются подобные наконечники VIII–IX вв., но наиболее близкие аналогии с маленькими по длине боевыми частями относятся к XII–XIII вв. и характерны преимущественно для Западной Руси²⁷.

Тип 37. Наконечники стрел с треугольным по форме пером (рис. 6, 9–11). Тип представлен тремя экземплярами. Происходят с поселения Устье 3 (XIII–XIV вв.) и селища Грязновка 2 (XIV в.). Длина 55–83 мм. Длина пера 37–55 мм. Длина черешка 18–30 мм. Датируются подобные наконечники VIII–XIV вв. включительно. Примечательно, что наиболее крупные образцы этого типа, подобные наконечнику из Грязновки 4, датируются XIV веком²⁸.

Тип 41. Ромбовидные с расширением в нижней трети длины пера («гнездовского» типа, по Медведеву, вариант 2). Тип представлен 5 экземплярами. Происходят с территории памятников, датированных XIII–XIV вв., – Устье 3 (рис. 7, 1, 2, 4) и Веденец 1 (рис. 7, 3). Данный вариант наконечников характеризуется пропорциями 1:2–1:3 и меньшими размерами, нежели обычные наконечники «гнездовского» типа. Длина пера 43–57 мм, ширина 15–21 мм, длина черешка 30 мм. Сечение линзовидное или ромбическое. Данный тип широко распространен с середины XI по XIV в. включительно. Особенно широко они

²⁵ Медведев А. Ф. Указ. соч.

²⁶ Артемьев А. Р. Города Псковской земли. – М., 1998. – С. 77, 7.

²⁷ Медведев А. Ф. Указ. соч. – С. 62.

²⁸ Там же. – С. 64.

употреблялись в XII–XIV вв.²⁹ По функциональному назначению наконечники относятся к универсальным – рассекающим.

Тип 43. Ромбовидные с расширением в середине длины пера (рис. 7, 5). Тип представлен 2 экземплярами. Происходят с поселения Устье 3. Длина пера 45–52 мм, ширина 12–16 мм, длина черешка 40 мм. Сечение линзовидное или ромбическое. Данный тип широко распространен с середины IX по первую половину XIII в. На памятниках эпохи ордынского периода он не известен³⁰. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным – рассекающим.

Тип 46. Ромбовидные – уплощенные в сечении с расширением в нижней трети длины пера без упора (рис. 7, 6–8). Тип представлен 7 экземплярами, которые происходят с территории селищ Куликовка 4 (рис. 7, 8), Устье 3 (рис. 7, 6), Федоровка 6, датированных в пределах XIII–XIV вв. Пропорция пера 1:2–1:3. Длина пера 34–60 мм, ширина 10–24 мм, длина черешка 20–40 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников датируются X–XIII вв.³¹

Тип 60. Двурогий «срезень» с упором. Наконечник, обнаруженный на поселении Устье 3, относится к варианту 60 б, по типологии А. Ф. Медведева, датированному преимущественно второй половиной XIII – XIV в. (рис. 7, 9). Характерной особенностью данного варианта являются прямые боковые и заточенные внутренние стороны «рогов». Длина целого наконечника 67 мм, длина боевой части 37 мм, длина черешка 30 мм³².

Тип 61. Остролистные (рис. 7, 10–12). Тип представлен 5 экземплярами. Характерным отличием наконечников этого типа от выделенных А. Ф. Медведевым является иное соотношение высоты пера к его ширине. Если для раннесредневековых образцов этого типа характерны наконечники с пропорциями пера, равными 1/3, а в X–XIII вв. они имеют пропорции 1:4–1:5, то наконечники, происходящие с Устья 3 и Архангельского 1, имеют соотношение 1:2. Длина пера 28–42 мм, ширина 14–17 мм, длина черешков 15–20 мм. Сечение плоское, линзовидное или ромбическое³³.

Тип 62. Ланцетовидные наконечники с упором (рис. 8, 1–3). Тип представлен 4 экземплярами. Они происходят с поселения Устье 3 и поселения Архангельское 1, датированного XIII в. Пропорции пера 1:4. Длина наконечников до 90 мм. Длина пера 54–67 мм. Длина черешка около 30 мм. Ланцетовидные наконечники являются довольно характерными для военной материальной культуры Древней Руси эпохи IX – первой половины XI в. Однако встречаются они и позже и известны для конца XII – первой половины XIII в. Поздние наконечники имеют менее вытянутые пропорции³⁴.

Тип 67. Срезни, в виде узкой вытянутой лопаточки с упором, являются самым массовым типом (24 экз.) для Верхнего Дона, что составляет 17% от общего

²⁹ Там же. – С. 65.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. – С. 67.

³² Там же. – С. 72.

³³ Там же. – С. 73.

³⁴ Там же.

числа наконечников (рис. 8, 4, 8; рис. 9, 1–8; рис. 10, 1–7). Распространены по всей территории Верхнего Дона вообще и Куликова поля в частности. Происходят с таких памятников, как Устье 3 (рис. 8, 4, 8; рис. 9, 1, 5–8; рис. 10, 1–7), Федоровка 6, Куликовка 1 (рис. 9, 4), Веденец 1 (рис. 9, 3), Монастырщино 3 и 5 (рис. 9, 2) и поселения Архангельское 1. Пропорции пера 1:3–1:5. Длина пера 40–67 мм, ширина 8–20 мм. Наконечники данного типа появились в Восточной Европе вместе с войсками Батыя. Время бытования их определялось XIII–XIV вв.³⁵

Однако бытуют подобные наконечники и в первой половине XV века³⁶. Выделяется две разновидности. К первой можно отнести срезни, имеющие проникатель в виде клина с тупым углом, ко второй разновидности относятся срезни с прямым или дуговидным оформлением острия.

Тип 68. Секторовидные, широкие срезни. Тип представлен двумя экземплярами. Происходят с поселения Устье 3 (рис. 10, 9) и селища Монастырщино 5 (рис. 10, 8). Пропорции пера 1:2. Длина наконечников свыше 70 мм. Длина пера 46–58 мм. Длина черешка около 30 мм. Данный тип, как и предыдущий, связывается с монгольской военной традицией, привнесенной сюда в эпоху Батыева нашествия³⁷.

Тип 72. Кунжутнолистные наконечники стрел. Представлен тремя экземплярами. Происходят с поселения Устье 3 (рис. 8, 5, 7) и селища Грязновка 2 (рис. 8, 6), датированного XIV в. Пропорции пера 1:2. Длина наконечников 54 мм. Длина пера 26–43 мм. Длина черешка около 20 мм. Данный тип распространяется в Восточной Европе вместе с монгольскими войнами в первой трети XIII века и существует на протяжении всего золотоордынского периода³⁸.

Тип 78. Ланцетовидные наконечники, ромбического сечения. Пять наконечников, происходящих с памятников Устье 3 (рис. 8, 11–12), Веденец 1 (рис. 8, 9–10) и Долгое 6, относятся к поздней разновидности этого типа, представленной образцами с пропорциями пера 1:4–1:6, датированной XII–XIV вв. Длина таких наконечников 78–92 мм, длина пера 47–57 мм, длина черешка 24–40 мм³⁹.

Тип 81. Килевидные, сплюснутые наконечники (рис. 11, 1–4). Представлены 5 экземплярами, происходящими с поселения Устье 3 и Архангельское 1. Пропорции пера 1:2–1:3. Длина наконечника 39–54 мм, длина пера 17–25 мм, длина черешка 17–33 мм. Данный тип датируется с X по XIV вв. включительно. По функциональному назначению относится к бронебойным типам⁴⁰.

Тип 87. Шиловидные, квадратного или ромбического сечения, с вытянутой круглой в сечении шейкой. Тип представлен 13 экземплярами (рис. 11, 5–7, 9, 10). Происходят с поселений Устье 3, селищ Веденец 1, Куликовка 4 и Федоровка 6. Вес 7–15 граммов. Пропорции пера 1:5–1:6. Длина наконечников 53–71 мм, длина

³⁵ Медведев А. Ф. Указ. соч. – С. 75.

³⁶ Девуреченский О. В. Наконечники стрел Московского государства конца XIV–XVII века // Археология Подмосквья. Т. 3. – М., 2007. – С. 289.

³⁷ Там же. – С. 76.

³⁸ Там же. – С. 78.

³⁹ Там же. – С. 80.

⁴⁰ Там же.

пера 38–53 мм, ширина 6–10 мм, длина черешка 30–60 мм. Подобные наконечники датируются XII–XIV вв. включительно⁴¹. По функциональному назначению относятся к бронебойным, с прокалывающим действием.

Тип 90. Шиловидные, квадратного сечения, с простым упором. Тип представлен 8 экземплярами, происходящими с территории поселений Устье 3 и Архангельское 1, а также селища Веденец 1 (рис. 11, 8–11). Вес 4–9 граммов. Пропорции пера 1:5–1:7. Длина пера 20–50 мм, ширина проникающего 7 мм, длина черешка 25 мм. Рассматриваемый тип датируется широкими рамками от рубежа нашей эры и по XVII в. включительно⁴². По функциональному назначению данные наконечники относятся к бронебойным с прокалывающим действием.

Тип 91. Пирамидальные, с массивной короткой боевой головкой, квадратного или ромбического сечения (рис. 12, 1–12). Тип представлен 13 экземплярами, происходящими с Устьинского поселения, датированного XIII–XIV вв., и памятника XIV в. – селища Грязновка 2. Пропорции пера 1:3–1:4. Длина пера 16–53 мм, ширина проникающего 7–12 мм, длина черешка 20–35 мм. Данный тип датируется X–XIV вв.⁴³

Тип 94. Шиловидные, квадратные в сечении или близкие к ромбу, со слабо выраженным упором. Представлен 10 экземплярами (рис. 11, 12; 13, 1–8). Происходят с территорий селищ Куликовка 4, Федоровка 6, поселения Устье 3. Пропорции пера 1:4–1:7. Длина пера 20–50 мм, ширина 7–8 мм, длина черешка 11–30 мм. Сечение проникающего имеет ярко выраженную квадратную или близкую к квадратной ромбическую форму. Сечение основания пера рассматриваемого типа округлое, овальное или подквадратное. Абрис проникающего шиловидный или пирамидальный. Наконечники данного типа датируются X–XIV вв. включительно⁴⁴.

Тип 95. Узкие, шиловидные или пирамидальные, квадратные или ромбические в сечении с перехватом у черешка (рис. 13, 9–12; 14, 1–4). Наконечники этого типа представлены 10 экз. Происходят с территорий селища Куликовка 4 (рис. 14, 12) и поселений Устье 3 и Архангельское 1 (рис. 13, 9–12). Пропорции пера 1:5–1:6. Длина пера 38–50 мм, ширина 7–8 мм, длина черешка 15–32 мм. Выделяется вариант крупных шиловидных наконечников с длиной пера 70–80 мм и пропорциями пера 1:7–1:8. Наконечники данного типа датируются VIII–XIV вв. включительно⁴⁵.

Тип 100. Долотовидные наконечники. Наконечники этого типа известны в двух вариантах, отличающихся пропорциями и длиной. Наиболее крупные наконечники типа 100 относятся к варианту 2, который и распространен на селищах верховьев Дона. Представлены 15 экз. Происходят с селища Монастырщино 5 (рис. 15, 6) и поселения Устье 3 (рис. 15, 1–5, 7, 8; рис. 16, 1–5). Пропорции пера 1:6–1:9. Длина пера 45–81 мм, ширина 7–11 мм, длина черешка 25–51 мм. Наконечники данного типа датируются преимущественно XI–XIII вв. включи-

⁴¹ Медведев А. Ф. Указ. соч. – С. 82.

⁴² Там же. – С. 83; Девуреченский О. В. Указ. соч. – С. 281.

⁴³ Медведев А. Ф. Указ. соч. – С. 83.

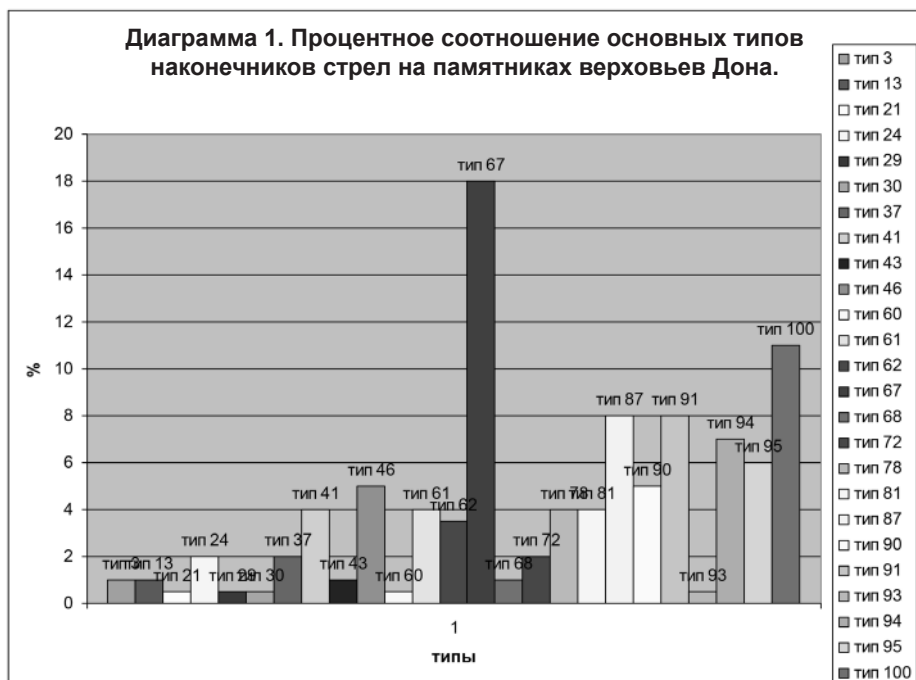
⁴⁴ Там же. – С. 84.

⁴⁵ Там же.

тельно. Подобные наконечники связывались именно с русским населением, так как для южных кочевников и западных соседей Руси были нехарактерны⁴⁶. Однако следует заметить, что подобные наконечники также характерны для древностей «аскизского круга», имеющих ярко выраженные следы в материальной культуре поселений верховьев Дона⁴⁷.

Помимо типически известных наконечников, описанных выше, следует упомянуть 11 индивидуальных образцов, не перекликающихся с типологией Медведева (рис. 14, 5–11).

Процентное соотношение типов наконечников стрел, бытовавших на территории селищ верховьев Дона, отображенное на диаграмме 1, демонстрирует следующую картину.

Наиболее распространенными являются так называемые «срезни» (тип 67) и серия типов бронебойных наконечников (87, 91, 94, 95, 100). При этом следует отметить, что для верхнедонских поселений характерно многообразие применявшихся наконечников. Рассмотрение всех типов в целом позволяет перейти к анализу серии наконечников стрел с точки зрения общей функциональной типологии, основанной на характере воздействия стрелы⁴⁸.

⁴⁶ Медведев А. Ф. Указ. соч. – С. 86.

⁴⁷ Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. – М., 1983. – С. 10, табл. XIX, 30–44; Гоняный М. И. Археологические памятники Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище. – М., 2005. – С. 158, 159.

⁴⁸ Деуреченский О. В. Указ. соч. – С. 300–301.

Все типы наконечников стрел могут быть подразделены на:

- узкие и граненые (преимущественно прокалывающие или бронебойные по функциональному назначению);
- узкие и плоские (универсальные по функциональному назначению);
- широколопастные и плоские (преимущественно рассекающие по функциональному назначению)⁴⁹.

Статистический анализ наконечников стрел с учетом их функционального назначения (см. диаграмму № 2) выявил однозначное превалирование бронебойных наконечников (58% от общего числа). Вторая в количественном выражении группа – широколопастные рассекающие (24%), и третья – узкие и плоские наконечники – универсальные (18%)⁵⁰.

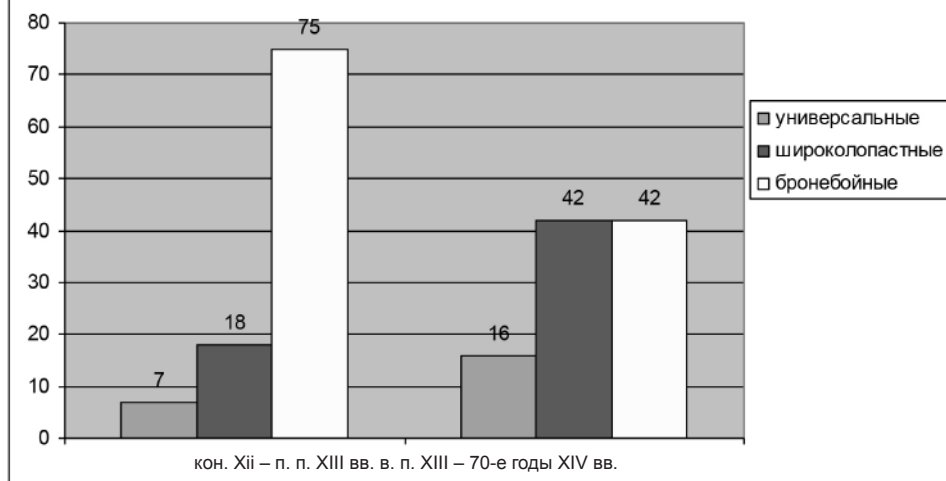
Выделенные функциональные группы довольно хорошо иллюстрируют не только сами типы применявшихся стрел, но и те задачи, которые ставили перед данным видом вооружения как в древнерусскую эпоху, так и в эпоху Золотой Орды. Сравнительный анализ процентного соотношения функциональных групп наконечников стрел для древнерусского комплекса и комплекса эпохи ордынского владычества позволяет предварительно реконструировать основные черты эволюции данного вида вооружения.

Как видно из диаграммы 3, отмечается общее для двух периодов большое количество применяемых бронебойных наконечников стрел. В золотоордынскую эпоху происходит значительное возрастание (в процентном отношении более чем в 2 раза) «срезней» и прочих типов широколопастных наконечников стрел. При этом, несмотря на сокращение процента бронебойных наконечников, их общее количество и представительность разнообразия типов сохраня-

⁴⁹ Для удобства восприятия в дальнейшем выделенные три группы наконечников будут называться «бронебойными», «универсальными» и «широколопастными рассекающими».

⁵⁰ Из-за крайней малочисленности при подсчетах основных функциональных групп не учитывались наконечники гарпунного типа, представленные типами 29, 30.

Диаграмма 3. Процентное соотношение основных функциональных групп (для двух хронологических периодов обживания Куликова поля).

ется. Растет также и процент универсальных, клиновидных типов наконечников стрел, которые во второй половине XV в. станут доминирующими для территории всей Восточной Европы⁵¹. Таким образом, мы можем отметить, что в наборах наконечников стрел в древнерусский и золотоордынский периоды происходит общая тенденция выравнивания функциональных групп наконечников стрел, выражающаяся в сокращении бронебойной серии наконечников, с которыми начинают конкурировать так называемые «срезни», привнесенные в первой трети XIII в. на просторы Восточной Европы монгольскими войсками.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о типах и видах применяемых луков, налучей и колчанов с сопутствующим снаряжением и «прибором», бытовавших у населения верховьев Дона. Думается, что не будет большой ошибкой, если мы предположим, что они не должны отличаться от аналогичных образцов, которые применялись в древнерусский и золотоордынский периоды⁵². Таким образом, на основе рассматриваемого материала можно сказать, что эволюция комплекса наконечников стрел и общее развитие применявшегося ручного метательного оружия происходило на данной территории в контексте общих изменений в военном деле Восточной Европы. Если в начале XIII в. оно отражало типично древнерусские черты, характерные для дружинной воинской традиции, то позднее довольно рельефно отмечается влияние монгольского набора вооружения.

⁵¹ Двуреченский О. В. Указ. соч. – С. 301–303.

⁵² Медведев А. Ф. Указ. соч. – С. 5–21.

Защитное снаряжение

Из всех видов защитного вооружения, распространенных на территории Древней Руси в XIII–XIV вв., наиболее массовым становится защитная одежда, собранная из железных пластин, – «чешуйчатая» или «пластинчатая» (ламеллярная)⁵³. Совершенно иная ситуация проявляется для территории Куликова поля. На сегодняшний день единственным видом защитной одежды, встреченным на территории поселений верховьев Дона, являются кольчуги. Всего было найдено 19 обрывков в виде кольчатых плетений или отдельных колец. Примечательно, что все фрагменты происходят с территории шести неукрепленных поселений-селищ. Более всего (семь отдельных находок кольчужных колец и обрывков) происходит с памятника XIV в. Грязновка 2 (рис. 2, 1–3, 5–8); три отдельных кольца было обнаружено в качестве подъемного материала на памятнике первой половины XIII в. – Александровское 1; кольчужный комок и сцепка из двух колец, а также три отдельных кольца происходят с Устья 3 (рис. 2, 4, 10–13), два кольца из Архангельского 2 и по одному кольцу – с селища Федоровка 6 (рис. 2, 9) и селища Монастырщино 3. Кольчужные кольца по способу изготовления представлены двумя типами: это либо кольца, изготовленные из дрота, ветви которого соединены при помощи гвоздя, либо так называемые штампованные, или просечные, кольца. По всей видимости, кольчуги, применявшиеся воинами верховьев Дона, собирались в типичной для XIII–XIV вв. технике, когда один ряд колец, собранных «на гвоздь», соединялся с двумя рядами, собранными из просечных колец. В одном случае (обрывок кольчуги из Грязновки 2, состоящий из 6 колец, собранных в два ряда) было установлено, что кольчуга набиралась из колец, в двух рядах которых располагались кольца, собранные на гвоздь. Кольчужные кольца имеют различные размеры – от 10 до 17 мм. При этом просечные кольца, как правило, больше тех колец, что собирались «на гвоздь». Диаметр дрота составлял 1,5–3 мм. Основная масса колец, собранных «на гвоздь», имеет круглый в сечении дрот, просечные кольца либо уплощены, либо (в одном случае) имеют линзовидное сечение.

Помимо кольчужных колец к деталям защитного снаряжения может быть отнесен округлый в плане предмет, обнаруженный на селище Малая Каменка, датированном XIII–XIV вв. Данное изделие сварено из двух пластин, образующих невысокий усеченный конус, круглый в основании (рис. 17, 18). Высота 65 мм, диаметр по основанию 140 мм. В основании пластины отмечаются два отверстия для крепления, расположенных друг против друга в 10–12 мм от края пластины. Возможно, еще два таких же отверстия были расположены в изломанных краях, образуя крестообразные точки крепления-монтажки. Интерпретация функционального назначения изделия довольно затруднительна. В качестве предположения

⁵³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. – 1959. – № 65. – С. 173–175, 178–180; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 16; Макушиников О., Лупиненко Ю. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 18. – Минск, 2003. – С. 213–225.

можно высказать версию, что данный предмет являлся металлической оковкой центральной части щита – умбоном. Однако данное предположение сталкивается с рядом трудноразрешимых противоречий. В настоящее время древнерусские щиты и русские щиты эпохи владычества Золотой Орды практически не известны. Изобразительные и археологические источники демонстрируют нам ряд тенденций в эволюции средневекового щита. В эпоху раннего Средневековья доминировали большие деревянные круглые щиты с металлическими умбоном и оковками по краю. Умбоны от таких щитов представляли собой полусферические или сфероконические по форме изделия с характерной полочкой в основании для крепления. Подобные щиты хорошо известны по европейским параллелям, они связываются зачастую с «варяжской» военной традицией⁵⁴. Более распространенным типом щитов для X–XII вв. признаны вытянутые миндалевидные щиты с укрепленной умбоном центральной частью⁵⁵. В XIII–XIV вв. происходит изменение в сторону более мелких кавалерийских круглых, подтреугольных или коротких миндалевидных щитов, на которых исчезают практически все металлические части, в том числе и умбон. Таким образом, ни сами умбоны XIII–XIV вв., происходящие с территории Древней Руси, ни изобразительные источники, несущие изображение щитов с умбонами, нам не известны⁵⁶. Отмеченная эволюция от тяжелого щита с железными элементами защиты к меньшим кавалерийским щитам связана, по всей видимости, с общим изменением военного дела Древней Руси, когда основным воином становится хорошо оснащенный защитной одеждой конный воин – дружинник, имеющий такой тип щита, который бы обеспечил ему ведение маневренного, динамичного боя. Утяжеленный щит уходит в прошлое, уступая основную защитную функцию пластинчатому доспеху⁵⁷.

В отличие от щитов, использовавшихся на Руси, щиты, бытовавшие на территории восточноевропейских степей и Северного Кавказа XIII–XIV вв., нам известны несколько лучше⁵⁸. Одной из характерных черт кочевнического щита – калкана – является применение значительной металлической гарнитуры и, в том числе, умбонов. Умбоны калканов принципиально отличаются от умбонов раннесредневекового периода и от той находки, что мы рассматривали выше. Это отличие заключается в системе крепления умбонов к основе. Умбоны калканов представляли собой конструктивную базу, на которую собирался плетеный щит. Большая часть полусферических железных умбонов имела отверстие в центральной части и несколько отверстий по краям, к которым крепились две железные полосы, выполнявшие функцию армирования всей плетеной конструкции щита-калкана. Как мы видим, умбон из Малой Каменки к типичным щитам-калканам отнесен быть не может, прежде всего потому, что имеет совершенно иную конструкцию крепления и форму. Тем не менее, несмотря на все вышесказанное,

⁵⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 32–36.

⁵⁵ Там же. – С. 38.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. – С. 175.

⁵⁸ Горелик М. В. Халка-Калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии. – Казань, 2004. – С. 182.

следует отметить, что из-за ограниченности наших знаний о типах щитов, применявшихся в Восточной Европе в XIII-XIV вв., полностью отрицать возможность интерпретации рассматриваемого изделия как умбона мы не можем.

Таким образом, рассмотрев набор фрагментов от доспехов, происходящий с территории селищ Куликова поля, мы можем отметить следующее. На сегодняшний день мы можем сказать, что на памятниках верховьев Дона древнерусского и золотоордынского периодов единственным представленным типом защитной одежды являются кольчатые доспехи. При этом с определенной степенью допущения можно утверждать, что девятнадцать кольчужных колец и обрывков могли относиться к не менее чем десяти отдельным доспехам. Полное отсутствие пластинчатых доспехов выглядит довольно контрастно в сравнении с новгородскими, псковскими и московскими материалами, где для XIV-XV вв. преобладают преимущественно остатки пластинчатых доспехов⁵⁹. Ни для древнерусского периода, ни для более позднего периода фрагментов боевых наголовий с рассматриваемой территории не представлено. В качестве дополнительного защитного элемента, возможно, применялись щиты, снабженные умбонами, столь не характерными для русской военной традиции XIII-XIV вв.

Снаряжение всадника и верхового коня включает в себя весь спектр приспособлений, который представлен стременами, шпорами и фрагментами удила.

Два стремени, обнаруженные на поселении Устье 3 и селище Колесовка 1, датированы по сопутствующему материалу XIII-XIV вв. Стремя, происходящее с поселения Устье 3, сохранилось только в верхней своей части, которая оформлена в виде стрелчатой арки (рис. 19, 2). В расширенной части пластины прорублено прямоугольное отверстие для ремня. Данное арочное оформление стремян характерно для типов VII и IX, по типологии А. Н. Кирпичникова. Характерным признаком стремени из Устья являются небольшие уступы, образованные от сужения верхней части к дрововидной в сечении боковине, которая затем должна была переходить к подножке. Возможно, перед нами не просто следы излома, а характерный признак домонгольских стремян Древней Руси, отнесенных А. Н. Кирпичниковым к IX типу⁶⁰. Однако против данного предположения говорит отсутствие орнамента на пластинчатой части дужки стремени, столь характерной для этого типа. По типологии Г. А. Федорова-Давыдова, данные стремяна относятся к типу Г 3, датированному XII – началом XIII в.⁶¹

Второе стремя происходит с селища Колесовка 1 (рис. 19, 1). Оно сохранилось полностью и может быть уверенно отнесено к X типу (по А. Н. Кирпич-

⁵⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. – Е 1-36. Вып. 3. – М., 1971. – С. 16; Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII-XV вв. – М., 1976. – С. 33-35; Девуреченский О. В. «Броня крепка». Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // Родина. – 2005. – № 12. – С. 65-68; Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII-XVII века) // Археология Подмосквья. Вып. 4. – М., 2008. – С. 200, 201.

⁶⁰ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. – Е 1-36. – Л., 1973. – С. 45.

⁶¹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 104.

никову). Датируются такие стремена XII–XIV вв. Наиболее близкой аналогией по типологии Г. А. Федорова-Давыдова является тип Е 1, датированный второй половиной XIII–XIV вв.⁶²

Шпоры представлены 8 фрагментами (1 скоба шпоры с половинкой держателя колеса, четыре петли и три звездочки от шпоры). Шпоры происходят с территории четырех памятников: Устье 3 (рис. 20, 6–8), Федоровка 6 (рис. 20, 2, 4), Архангельское 1 и Куликовка 4 (рис. 20, 3, 5). Характеризуя шпоры, употреблявшиеся на данной территории, следует сказать, что все они относятся, скорее всего, к наиболее позднему V типу (по А. Н. Кирпичникову), время появления которого – первая треть XIII века⁶³. Колесики имеют две разновидности. К первой следует отнести колесики с разреженным расположением отдельно выступающих 6–8 шипов (рис. 20, 2–3). Диаметр таких колес 33–35 мм. Датируются подобные шпоры XIII–XV вв.⁶⁴ К другому типу относится находка колесца, происходящая из селища Александровка 1 (рис. 20, 1). Данный образец представляет собой многолучевое колесо (19 лучей), образованное из многих приостренных пластин, наваренных одна на другую с уступом и тем самым образующих сплошной круг диаметром 45 мм. Датируются подобные экземпляры по западноевропейским аналогиям второй половиной XIV – первой половиной XV в.⁶⁵ Характерно, что по керамическому материалу и комплексу индивидуальных находок селище датируется первой половиной XIII в. Последнее может говорить либо о случайном попадании шпоры на территорию памятника, либо о не совсем верной датировке селища.

Петли от шпор подразделяются на две разновидности. Наиболее массовой являются петли типа 3, по систематизации А. Н. Кирпичникова⁶⁶. Данный тип петель не может являться хроноиндикатором, так как характерен для большей части шпор, бытовавших от раннего Средневековья до золотоордынского периода включительно. Происходят подобные петли с поселения Устье 3 и селища Куликовка 4, датированных XIII–XIV вв. С памятника, датированного тем же периодом, Федоровка 6, происходит фрагмент дужки шпоры с петлей типа V (по систематизации А. Н. Кирпичникова).

Рассмотренные типы шпор, представленные на памятниках верховьев Дона, демонстрируют нам довольно яркую картину применения всадниками именно этого средства управления конем. Также примечательным фактом является отсутствие среди находок в настоящее время более ранних типов, характерных преимущественно для домонгольской традиции. Описанные типы находят прямые параллели с образцами шпор, бытовавшими как в Восточной, так и в Западной Европе в XIII – начале XV в.⁶⁷

⁶² Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. – С. 104.

⁶³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. – С. 68.

⁶⁴ Там же. – С. 68, 69.

⁶⁵ Там же. – С. 59; Clark, J., Ellis, B. M. A., etc. The medieval horse and its equipment. – London, 2004. – P. 148, 149.

⁶⁶ Кирпичников А. Н. Указ. соч. – С. 63.

⁶⁷ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. – М., 1976. – С. 48–50; Clark, J., etc. – P. 133–149.

Предметы конской упряжи представлены 17 фрагментами удил. 11 фрагментов происходит с поселения Устье 3, три фрагмента грызел от удил с селища Архангельское 1, два фрагмента удил с домонгольского селища Куликовка 4 и один обломок грызла с селища Бутырки 2 (рис. 21). В основном это стержни грызел длиной 7–11 см. В сечении все они округлые или подпрямоугольные. Большая их часть имеет длину около 7,6 см. Диаметр удильных колец равняется 5–5,5 см. С поселения Устье 3 происходят одни целые удила. Они отличаются от всех остальных находок куликовского региона своими крупными размерами. Длина составляет 10–12 см. При этом обращают на себя внимание и крупные размеры удильных петель. Как на древнерусских поселениях, так и на поселениях ордынского периода не найдено ни одного псалия.

Для общего анализа описанного выше материала представляется необходимым кратко остановиться на рассмотрении исторической топографии памятников верховьев Дона.

Как уже было сказано, предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня были найдены только на шестнадцати селищах. На территории укрепленных городищ вооружение не обнаружено. Следует отметить, что на десяти селищах оружие и снаряжение верхового коня и всадника находятся в количестве от 1 до 3 штук (Березовка 4, 5 Архангельское 2, Бутырки 2, Бучалки 3, Долгое 6, Колесовка 1, Малая Красная каменка 1, Монастырщино 3 и 5). На пяти памятниках (Архангельское 1, Веденец 1, Грязновка 2, Куликовка 4 и Федоровка 6) представлено серией от 11 до 18 предметов. На поселении Устье 3 обнаружена серия в 163 предмета. Примечательно, что перечисленные селища, где обнаружены серии более чем 10 предметов, являли собой сравнительно крупные, площадью от 7 до 15 га, поселения⁶⁸. Как правило, подобные памятники являются крупнейшими в группе селищ-гнезд. Они имеют сложную структуру с выделенными производственными комплексами и довольно представительную серию статусных вещей, характеризующих владельческую прослойку населения верховьев Дона⁶⁹. Характеризуя памятники, на которых были найдены единичные предметы вооружения, следует сказать, что это, как правило, поселения площадью до 2 га. Они имеют в составе материальной культуры серию предметов, которые также выделяют их из общей серии рядовых памятников. К таким селищам, в частности, можно отнести Монастырщино 3, 5 и Березовка 5. Здесь представлены: серия стеклянных браслетов и предметы «аскизского круга», многочисленные обломки поясной гарнитуры, перстни-печатки, собственно предметы вооружения⁷⁰.

⁶⁸ Гоняный М. И. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. – М., 1990. – С. 94, 95; Гоняный М. И. Археологические памятники Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище. – М., 2005. – С. 95–162.

⁶⁹ Гоняный М. И. Археологические памятники Куликова поля. – С. 152.

⁷⁰ Гоняный М. И. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону. – С. 93–95; Гоняный М. И., Кокорина Н. А., Свирина А. Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5. // Труды ГИМ. Вып. 82. – М., 1993. – С. 159; Гоняный М. И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений кон-

Представляется необходимым остановиться и на описании размещения памятников, содержащих предметы вооружения, в рамках рассматриваемого региона. Для домонгольского периода (рис. 1) отмечается широтное расположение поселений вдоль течения рр. Непрядвы и Дона с интервалом 2–5 км друг от друга. Они тяготеют к устьям рр. Непрядвы и Дона и рр. Мокрой Таболы и Дона (рис. 1). Отдельно размещаются памятники, также расположенные в широтном направлении вдоль реки Б. Сукромна и у впадения ее в р. Дон.

Для золотоордынского периода отмечается то же широтное расположение памятников вдоль течения рр. Непрядвы и Дона, Сукромны и Дона. Но в качестве особенности, по сравнению с древнерусским временем, зафиксированы находки оружия на крупных памятниках – центрах гнезд, расположенных у верховьев и отвершков рек. Здесь во второй половине XIII – XIV вв. возникли новые гнезда поселений (рис. 1а).

Несмотря на все вышесказанное, следует отметить, что обозначенная схема может отражать не законченную ситуацию, а уровень наших знаний и количество детально исследованных памятников, при увеличении которых картина может несколько видоизмениться.

Отдельно следует сказать о поселении Устье 3. Это один из крупнейших по площади памятник верховьев Дона, который, как считает М. И. Гоняный, является административным центром всего региона⁷¹. Возникнув в эпоху древнерусской колонизации, поселение пережило ряд этапов. Гибель памятника приходится на 60–70-е гг. XIV в., эпоху «великой замятни». Само поселение было разгромлено и не восстанавливалось. Именно в данной исторической судьбе памятника, как центрального поселения региона, на которое были направлены основные завоевательные устремления противников, следует видеть причину столь значительной серии предметов вооружения (66 % от общего числа), выделяющейся на общем фоне. Осмелимся предположить, что зафиксированная этапность освоения верховьев Дона связана во многом с судьбой этого поселения⁷².

Характеризуя весь набор вооружения, происходящий с территории верховьев Дона, следует отдельно рассмотреть древнерусский комплекс вооружения и комплекс вооружения золотоордынского периода. Для периода конца XII – первой трети XIII в. на рассматриваемой территории мы фиксируем типичный набор предметов вооружения, бытовавший в древнерусских княжествах. В качестве наступательного оружия следует упомянуть литые бронзовые булавы, исчезающие в ордынский период, ряд типов домонгольских наконечников стрел, шиловидные копья. В качестве клинкового оружия употребляется сабля, что также характерно для южнорусских княжеств в данное время⁷³. Оборони-

ца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитур) // *Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга.* – М., 2005. – С. 91.

⁷¹ Гоняный М. И. Тюркские элементы... – С. 91.

⁷² Гоняный М. И., Деуреченский О. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А. Разведки в районе Куликова поля, охранные раскопки в юго-восточном Подмоскowie // *АО*, 2001. – М., 2002. – С. 133–135.

⁷³ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // *Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село.* – М., 1985. – С. 308.

тельный доспех представлен только фрагментами кольчужных «броней», распространенных по всей Древней Руси в домонгольский период⁷⁴.

Несколько изменяется картина в золотоордынскую эпоху. Важным признаком, маркирующим развитие комплекса вооружения, является прежде всего набор приспособлений для управления боевым конем, эволюция типов накопников копий, стрел, длинноклинкового оружия и, как следствие, используемые виды защитного вооружения. Для второй половины XIII-XIV вв., по материалам русских городов, отмечается общая тенденция вытеснения в количественном выражении применявшихся кольчатых «броней». Они сменяются на более распространенные в этот период ламеллярные доспехи и утяжеленные чешуйчатые панцири (характерные преимущественно для второй половины XIII-XIV вв.⁷⁵). Более чем на двести лет кольчуги уступают свое первенство пластинчатым панцирям. В этот период происходит сложение законченного европейского кавалерийского комплекса вооружения, включающего в себя «досчатые» (чешуйчатые) доспехи, способные удерживать таранный копейный удар. Соответственно протекает и эволюция наступательного вооружения в сторону утяжеления и повышения его бронебойных качеств и, как следствие, характерная глубокая посадка в седле с применением шпор и усиленных стремян. Совершенно иную картину мы видим при характеристике кочевнического вооружения. В восточноевропейских степях доминирующими являются именно кольчатые типы брони, в качестве основных типов наступательного оружия выступают сабли и лук со стрелами⁷⁶.

В связи с этим, оценивая предметы вооружения второй половины XIII – первой четверти XIV в., найденные на селищах Верхнего Дона, можно сказать, что их комплекс демонстрирует нам смешанный характер. Как было описано выше, для данной территории совершенно не известны пластинчатые доспехи, вместо них выступают в качестве распространенного вида защитной одежды кольчуги. Также мы не видим ни одной находки, которую можно было бы связать с мечами, характерными для русских княжеств в этот период. На поселениях Верховьев Дона воинами применяются сабли. Начиная с эпохи монгольского

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. – Е 1-36. Вып. 3. – М., 1971. – С. 16; Девуреченский О. В. «Броня крепка». Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы. – С. 66.

⁷⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 101–117; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV века // СА. № 2. – М., 1987. – С. 212–227; Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.) // Куликовская битва в истории культуры нашей Родины. – М., 1983. – С. 244–270; Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. – М., 2002. – С. 18–28; Зеленский Ю. В., Каминская И. В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник Вып. 1. – Краснодар, 1993. – С. 83–87; Горелик М. В., Дорофеев В. В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока – Л., 1990. – С. 119–132; Виноградов В. Б., Нарожный У. И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1994. – С. 68–83; Кравец В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. – Воронеж, 2005. – С. 31–45.

нашествия меняется и набор стрел. Наряду с характерной для русских княжеств серией бронебойных типов стрел доминирующими становятся «срезни». В связи с этим интересно отметить, что совершенно не характерным для степной традиции является массовое применение шпор, которые маркируют особый тип управления конем, характерный для европейской и русской военной традиции. Приведенные данные контрастно выглядят не только на фоне комплекса вооружения столиц русских княжеств, но и на фоне серии предметов вооружения, использовавшихся населением, проживавшим на Верхнем Дону в бассейне р. Воронеж. Отсюда, с территории селищ XII–XV вв., происходит незначительная по количеству, но представительная серия предметов вооружений, в состав которой входит значительное число наконечников копий и сулиц, прекрасно сохранившегося романского меча, боевого топора и серии наконечников стрел. Оборонительный доспех представлен находками панцирных пластин⁷⁷. Таким образом, мы видим узнаваемый набор вооружения, характерный для русской военной традиции развитого Средневековья. Думается, понимание столь существенной разницы в комплексе вооружения для сопредельных территорий только в рамках оружиеведческой темы невозможно. С одной стороны, необходимо дальнейшее пополнение источниковой базы и сравнительный анализ полученных комплексов на базе более представительной серии предметов с граничащих территорий, что позволит достаточно определенно обозначить причину отмеченных явлений. С другой стороны, необходимо специализированное исследование в рамках политической и экономической истории для территории всего Верхнего Подонья в целом в рассматриваемый период.

Таким образом, на основании приведенного материала пока очень трудно делать какие бы то ни было окончательные выводы. Тем не менее можно предположить, что либо перед нами сложение локального варианта южнорусского типа вооружения, несущего на себе значительный отпечаток степной военной традиции, либо, что не исключено, определенная часть рассмотренного оружия могла принадлежать кочевническим формированиям, находившимся в непосредственном контакте с жителями Верховьев Дона.

⁷⁷ Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. – Воронеж, 2004. – С. 159–165.

Археологические памятники конца XII — середины XIII в.: 1 — сел. Мельгуново-2; 2 — сел. Мельгуново-4; 3 — сел. Мельгуново-5; 4 — сел. Кораблино-4; 5 — сел. Кораблино-8; 6 — сел. Кораблино-1; 7 — сел. Рагозинки-5; 8 — сел. Комиссаровка-1; 9 — сел. Федоровка-1; 10 — сел. Рагозинки-1; 11 — сел. Рагозинки-1а; 12 — сел. Рагозинки-6; 13 — сел. Лесопитомник-4; 14 — сел. Троицкое-4; 15 — сел. Троицкое-2; 16 — сел. Троицкое-3; 17 — сел. Бирюковка-3; 18 — сел. Троицкое-1; 19 — сел. Бирюковка-2; 20 — сел. Кораблино-9; 21 — сел. Лесопитомник-1; 22 — сел. Липовка-1; 23 — сел. Липовка-2; 24 — сел. Лесопитомник-3а; 25 — сел. Лесопитомник-3; 26 — сел. Рагозинки-3; 27 — гр. мог. у д. Бутырки; 28 — сел. Бутырки-2; 29 — гор. у д. Колодези (Богдановский Городок); 30 — сел. Колодези-2; 31 — сел. Колодези-1; 32 — сел. Бегичевские Выселки-2; 33 — сел. Бегичевские Выселки-1; 34 — сел. Бегичевские Выселки-4; 35 — сел. Бегичевские Выселки-3; 36 — сел. Федоровка-4а; 37 — сел. Федоровка-6; 38 — сел. Поваляевка-1; 39 — сел. Выглядовка-1; 40 — сел. Васюково-1; 41 — сел. Нижние Ясенки-1; 42 — сел. Бутырки-4; 43 — сел. Бутырки-6; 44 — сел. Новый путь-5; 45 — сел. Новый путь-4; 46 — сел. Новый путь-3; 47 — сел. Ильино-1; 48 — сел. Ильино-2; 49 — сел. Суходол-2; 50 — сел. Суходол-3; 51 — сел. Суходол-1; 52 — сел. Пыжово-1; 53 — сел. Гагарино-2; 54 — сел. Гагарино-1; 55 — сел. Горки-4; 56 — сел. Горки-1; 57 — сел. Горки-5; 58 — сел. Горки-12; 59 — сел. Горки-10; 60 — сел. Горки-9; 61 — сел. Горки-11; 62 — сел. Тужиловка-2; 63 — сел. Тужиловка-1; 64 — сел. Горки-2а; 65 — сел. Горки-6; 66 — сел. Горки-26; 67 — сел. Горки-2; 68 — сел. Горки-3; 69 — сел. Косьмовка-2; 70 — сел. Косьмовка-1; 71 — сел. Гороховка-2; 72 — сел. Гороховка-4; 73 — сел. Отрада-2; 74 — сел. Отрада-3; 75 — сел. Метеневка-3; 76 — сел. Метеневка-2; 77 — сел. Метеневка-1; 78 — сел. Метеневка-6; 79 — сел. Метеневка-5; 80 — сел. Метеневка-4; 81 — сел. Казановка-14; 82 — сел. Софьинка-2; 83 — сел. Казановка-17; 84 — сел. Казановка-12; 85 — сел. Казановка-8; 86 — сел. Казановка-11; 87 — сел. Казановка-10; 88 — сел. Казановка-9; 89 — сел. Казановка-7; 90 — сел. Казановка-6; 91 — сел. Казановка-5; 92 — сел. Казановка-3; 93 — сел. Казановка-2; 94 — сел. Казановка-2а; 95 — сел. Казановка-1; 96 — сел. Грязновка-5; 97 — сел. Грязновка-6; 98 — сел. Грязновка-7; 99 — сел. Грязновка-9; 100 — сел. Грязновка-8; 101 — сел. Грязновка-4; 102 — сел. Себинка-7; 103 — сел. Себинка-6; 104 — сел. Себинка-4; 105 — сел. Себинка-5; 106 — сел. Себинка-2; 107 — сел. Себинка-1; 108 — сел. Себинка-3; 109 — сел. Ляпуновка-3; 110 — сел. Ляпуновка-2; 111 — сел. Ляпуновка-1; 112 — сел. Ляпуновка-1а; 113 — сел. Ростово-5а; 114 — сел. Ростово-4; 115 — сел. Ростово-4а; 116 — сел. Ростово-3; 117 — сел. Михайловское-2; 118 — сел. Михайловское-4; 119 — сел. Михайловское-1; 120 — сел. Михайловское-3; 121 — сел. Страховка-1; 122 — сел. Сафоновка-1; 123 — сел. Богдановка-4; 124 — сел. Красные Буйцы-2; 125 — сел. Красные Буйцы-1; 126 — гор. в пос. Красные Буйцы; 127 — сел. Галевка-1; 128 — сел. Клиновое-2; 129 — сел. Клиновое-1; 130 — сел. Бахметьево-2; 131 — сел. Бахметьево-1; 132 — сел. Семеновка-3; 133 — сел. Семеновка-1; 134 — сел. Семеновка-2; 135 — сел. Селезневка-1; 136 — гр. мог. у д. Селезневка; 137 — сел. Селезневка-2; 138 — сел. Малиновка-2; 139 — сел. Малиновка-1; 140 — сел. Ульяновка-1; 141 — сел. Березовка-1; 142 — сел. Березовка-4; 143 — сел. Березовка-5; 144 — сел. Монастырщина-5; 145 — сел. Монастырщина-7; 146 — сел. Монастырщина-2в; 147 — гр. мог. у с. Монастырщина (Грызловский); 148 — сел. Монастырщина-3; 149 — сел. Татинки-2; 150 — сел. Татинки-3; 151 — сел. Татинки-1; 152 — сел. Татинки-4; 153 — сел. Журишки-4; 154 — сел. Журишки-3; 155 — сел. Журишки-2; 156 — сел. Журишки-1; 157 — сел.

Журишки-5; 158 — сел. Куликовка-5; 159 — сел. Куликовка-4; 160 — сел. Смолка-3; 161 — сел. Смолка-2; 162 — сел. Смолка-1; 163 — сел. Смолка-5; 164 — сел. Смолка-4; 165 — сел. Барановка-2; 166 — сел. Барановка-1; 167 — сел. Барановские Выселки-3; 168 — сел. Бучалки-7; 169 — сел. Бучалки-2; 170 — сел. Бучалки-1; 171 — сел. Бучалки-8; 172 — сел. Бучалки-9; 173 — сел. Астапово-2; 174 — сел. Астапово-1; 175 — сел. Федоровка-5; 176 — сел. Федоровка-4; 177 — сел. Федоровка-3; 178 — сел. Федоровка-2; 179 — сел. Федоровка-1; 180 — сел. Вединец-4; 181 — сел. Вединец-1а; 182 — сел. Вединец-3; 183 — гр. мог. у д. Исаковские Выселки; 184 — сел. Исаковские Выселки-1; 185 — сел. Красное-5; 186 — сел. Красное-4; 187 — сел. Красное-2; 188 — сел. Красное-1; 189 — юр. у д. Красное (Пустое Красное Городище); 190 — сел. Себино-2; 191 — сел. Себино-3; 192 — сел. Себино-4; 193 — сел. Себино-6; 194 — сел. Себино-7; 195 — сел. Себино-8; 196 — сел. Колесовка-4; 197 — сел. Колесовка-2; 198 — сел. Колесовка-1; 199 — сел. Колесовка-5; 200 — гр. мог. у д. Устье; 201 — сел. Устье-2; 202 — гор. у д. Устье (Чичино); 203 — сел. Устье-1а; 204 — сел. Колесовка-6; 205 — сел. Прилипки-2; 206 — сел. Прилипки-3; 207 — сел. Прилипки-4; 208 — сел. Прилипки-5; 209 — сел. Малые Курцы-1; 210 — сел. Грибоедово-2.

Перечень памятников.

Сокращения: гор. – городище, гр. мог. – грунтовый могильник, пос. – поселение, сел. – селище.

1 – сел. Мельгуново-4; 2 – сел. Мельгуново-5; 3 – сел. Кораблино-4; 4 – сел. Кораблино-3; 5 – сел. Кораблино-1; 6 – сел. Рагозинки-5; 7 – сел. Рагозинки-1; 8 – сел. Рагозинки-1а; 9 – сел. Рагозинки-6; 10 – сел. Лесопитомник-1; 11 – сел. Лесопитомник-1а; 12 – сел. Бегичевские Выселки-1; 13 – сел. Федоровка-1а; 14 – грунтовый могильник у д. Федоровка; 15 – сел. Федоровка-4; 16 – сел. Федоровка-3; 17 – сел. Федоровка-2; 18 – сел. Федоровка-1; 19 – сел. Федоровка-6; 20 – сел. Федоровка-7; 21 – сел. Поваляевка-2; 22 – сел. Поваляевка-3; 23 – сел. Выглядовка-1; 24 – сел. Бестужево-1; 25 – сел. Нижние Ясенки-2; 26 – сел. Кобяково-2; 27 – сел. Кобяково-1; 28 – сел. Васюково-1; 29 – сел. Васюково-2; 30 – сел. Кобяково-3; 31 – сел. Пыжево-4; 32 – сел. Пыжево-3; 33 – сел. Пыжево-5; 34 – сел. Пыжево-6; 35 – сел. Пыжево-2; 36 – сел. Горки-4; 37 – сел. Горки-5; 38 – сел. Гороховка-1; 39 – сел. Гороховка-3; 40 – сел. Казановка-12; 41 – сел. Казановка-5; 42 – сел. Казановка-3; 43 – сел. Казановка-4; 44 – сел. Казановка-2а; 45 – сел. Грязновка-3; 46 – сел. Грязновка-2; 47 – сел. Грязновка-1; 48 – сел. Задонщина-1; 49 – сел. Татинки-6; 50 – сел. Березовские Выселки-1; 51 – сел. Березовка-1а; 52 – сел. Березовка-5; 53 – сел. Монастырщина-5; 54 – сел. Монастырщина-10; 55 – сел. Монастырщина-2в; 56 – гр. мог. у с. Монастырщина (Грызловский); 57 – сел. Монастырщина-3; 58 – сел. Татинки-4а; 59 – сел. Татинки-4б; 60 – сел. Барановские Выселки-2; 61 – сел. Барановские Выселки-1; 62 – сел. Бучалки-4; 63 – сел. Бучалки-5; 64 – сел. Бучалки-6; 65 – сел. Бучалки-3; 66 – сел. Вединец-10; 67 – сел. Вединец-9; 68 – сел. Вединец-8; 69 – сел. Вединец-7; 70 – сел. Вединец-2; 71 – сел. Вединец-6; 72 – сел. Вединец-5а; 73 – сел. Вединец-5; 74 – сел. Вединец-1; 75 – сел. Вединец-11; 76 – сел. Исаковка-1; 77 – сел. Красное-6; 78 – сел. Красное-3; 79 – сел. Красное-5; 80 – сел. Красное-4; 81 – сел. Исаковские Выселки-1; 82 – гр. мог. у д. Исаковские Выселки; 83 – сел. Себино-3; 84 – сел. Себино-4; 85 – сел. Себино-8; 86 – сел. Себино-9; 87 – сел. Колесовка-1; 88 – сел. Колесовка-2; 89 – сел. Колесовка-3; 90 – сел. Колесовка-4; 91 – сел. Колесовка-5; 92 – сел. Колесовка-6; 93 – сел. Устье-3; 94 – сел. Устье-2; 95 – гр. мог. у д. Устье.

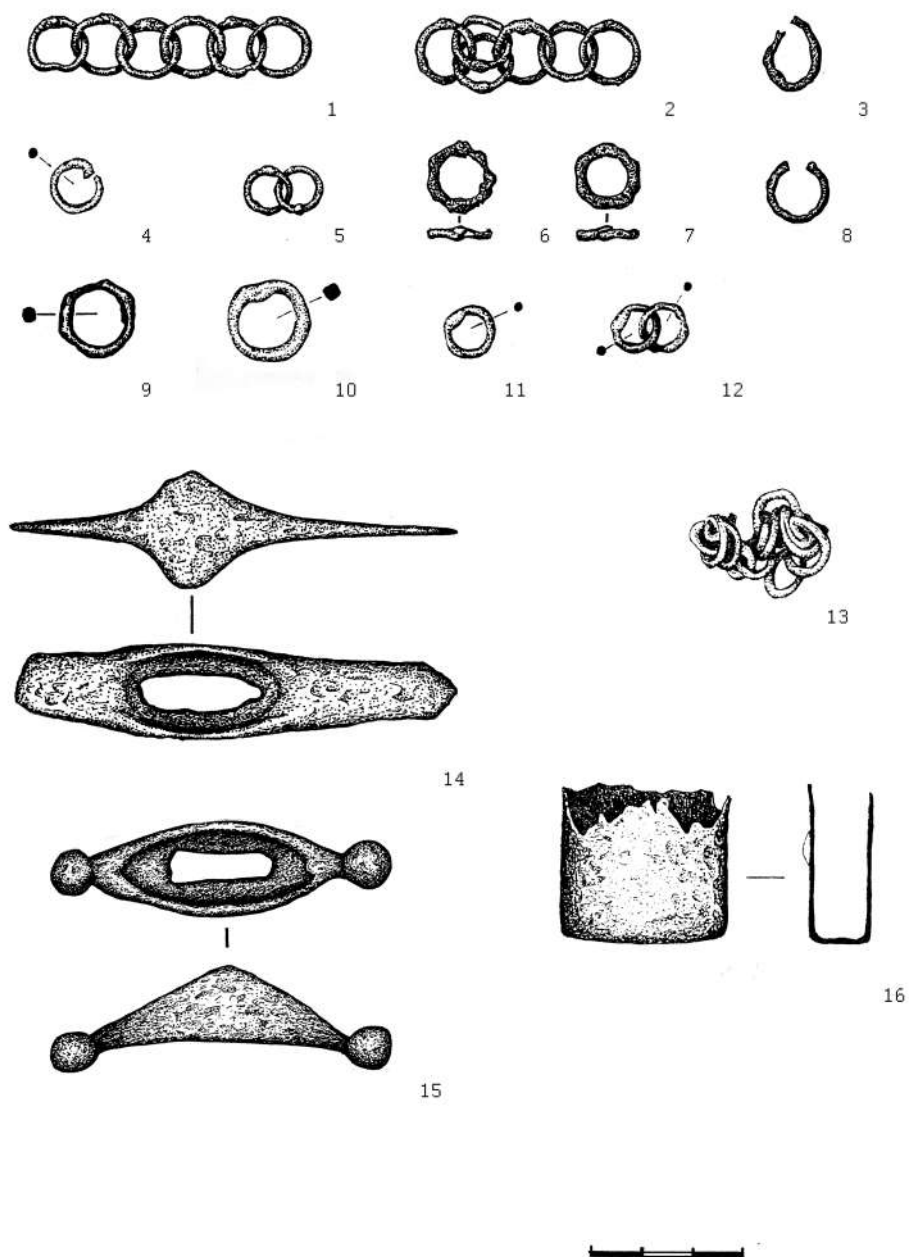

Рис. 2. Обрывки кольчуг. Сабельные перекрестья и наконечник ножен.
1-3, 5-8 – Грязновка 2; 4, 10-13, 14, 16 – Устье 3; 9 – Федоровка 6; 15 – Куликовка 4

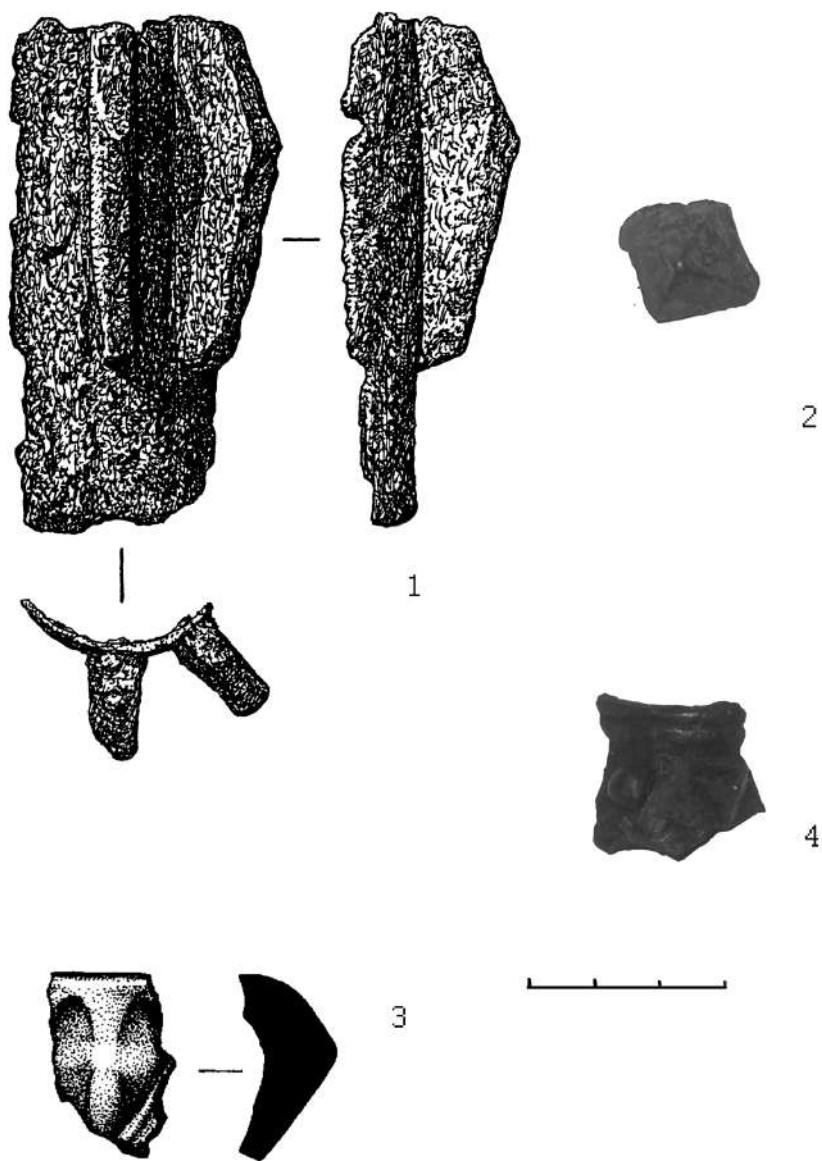

Рис. 3. Ударное древковое оружие. 1 – Грязновка 4;
2, 4 – Александровское 1; 3 – Федоровка 6

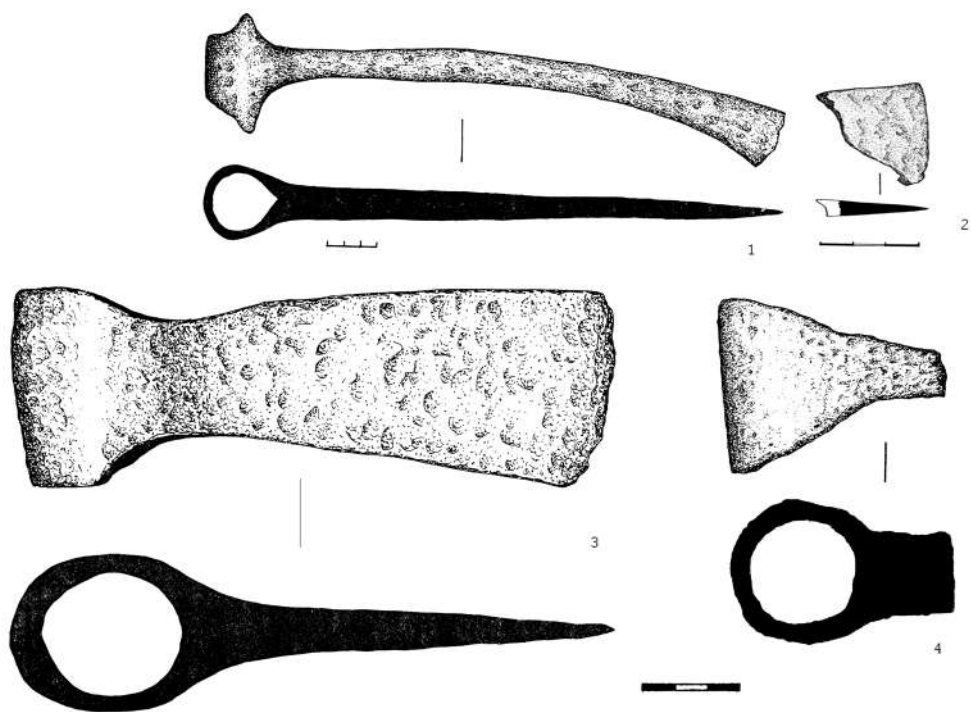

Рис. 4. Топоры. 1, 2 – Устье; 3, 4 – Веденец

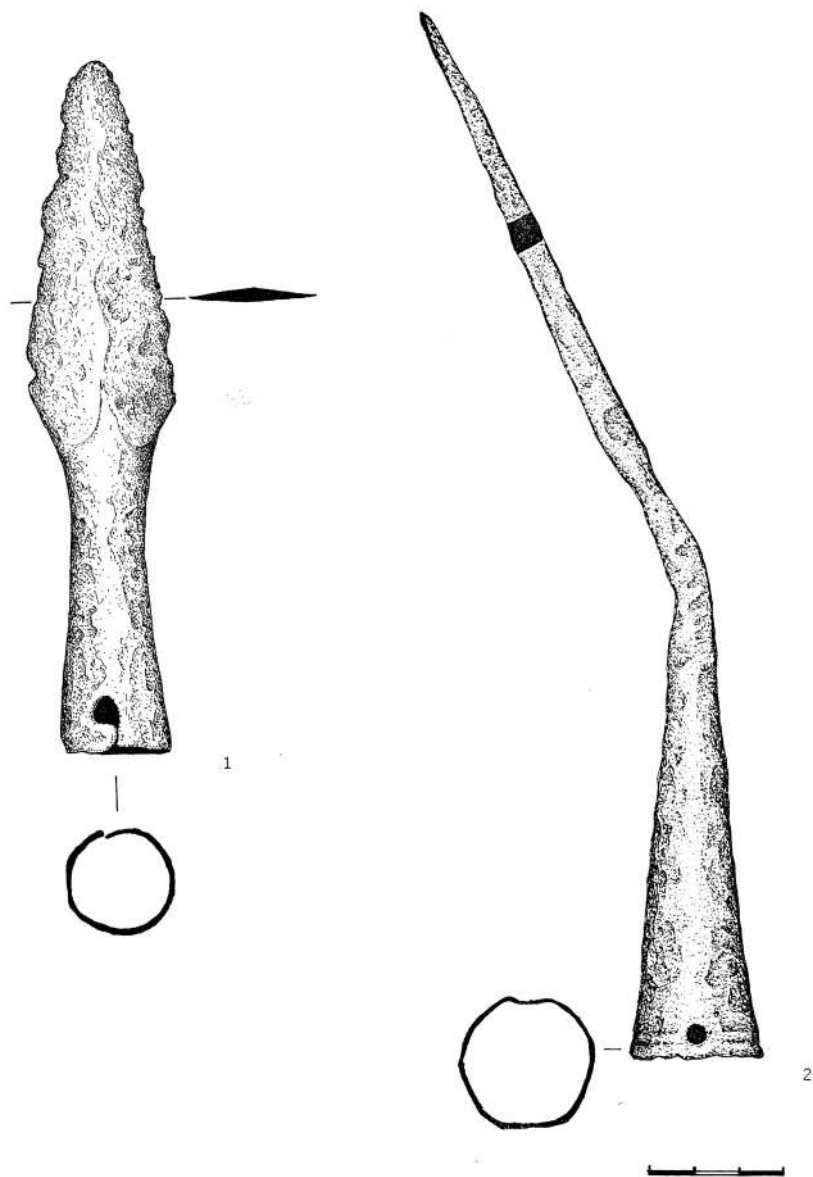

Рис. 5. Наконечники копий. 1 – Федоровка 6; 2 – Устье 3

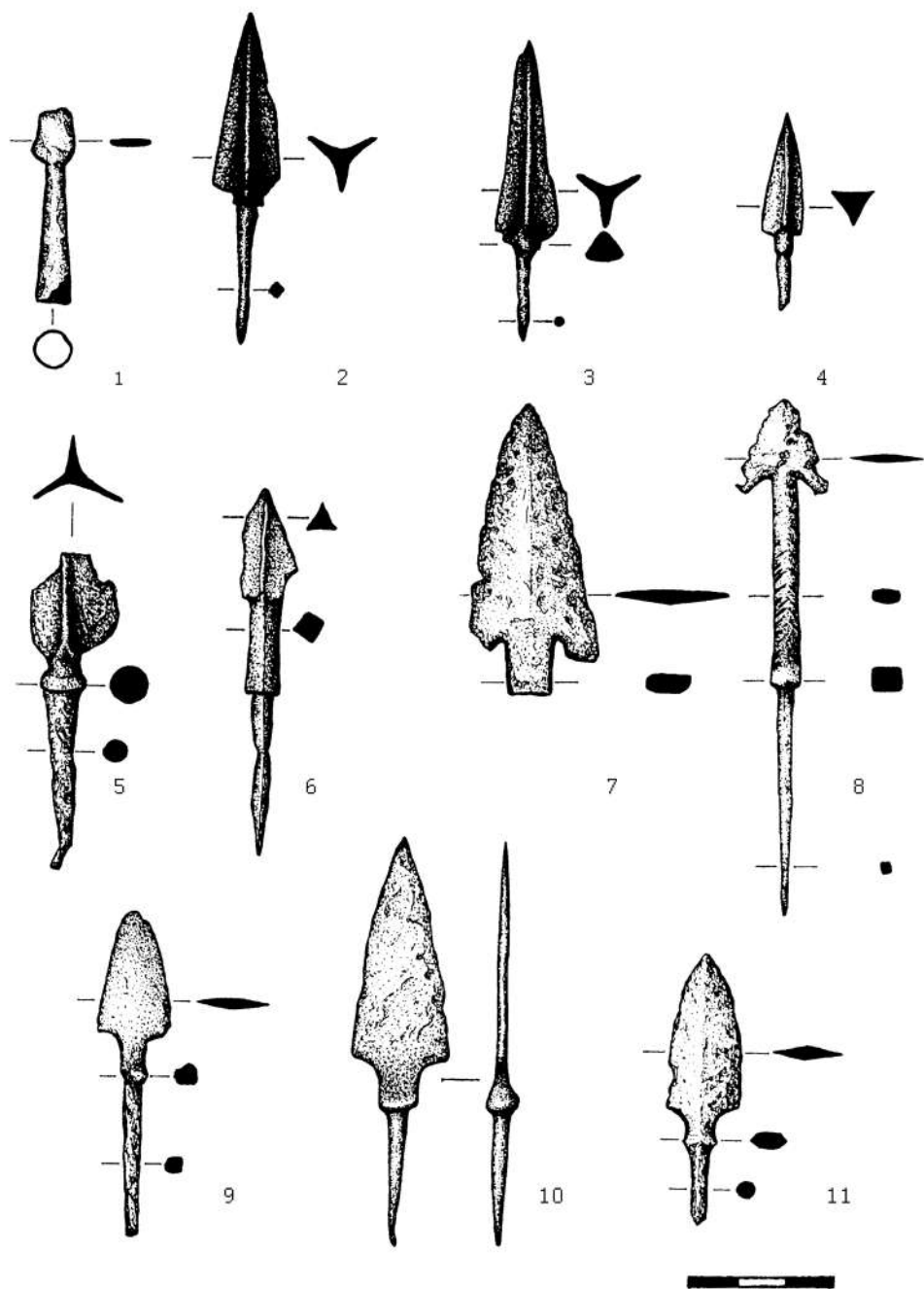

Рис. 6. Наконечники стрел. 1–3, 5, 8, 9, 11 – Устье 3; 4 – Березовка 4;
7 – Веденец 1; 10 – Грязновка 4

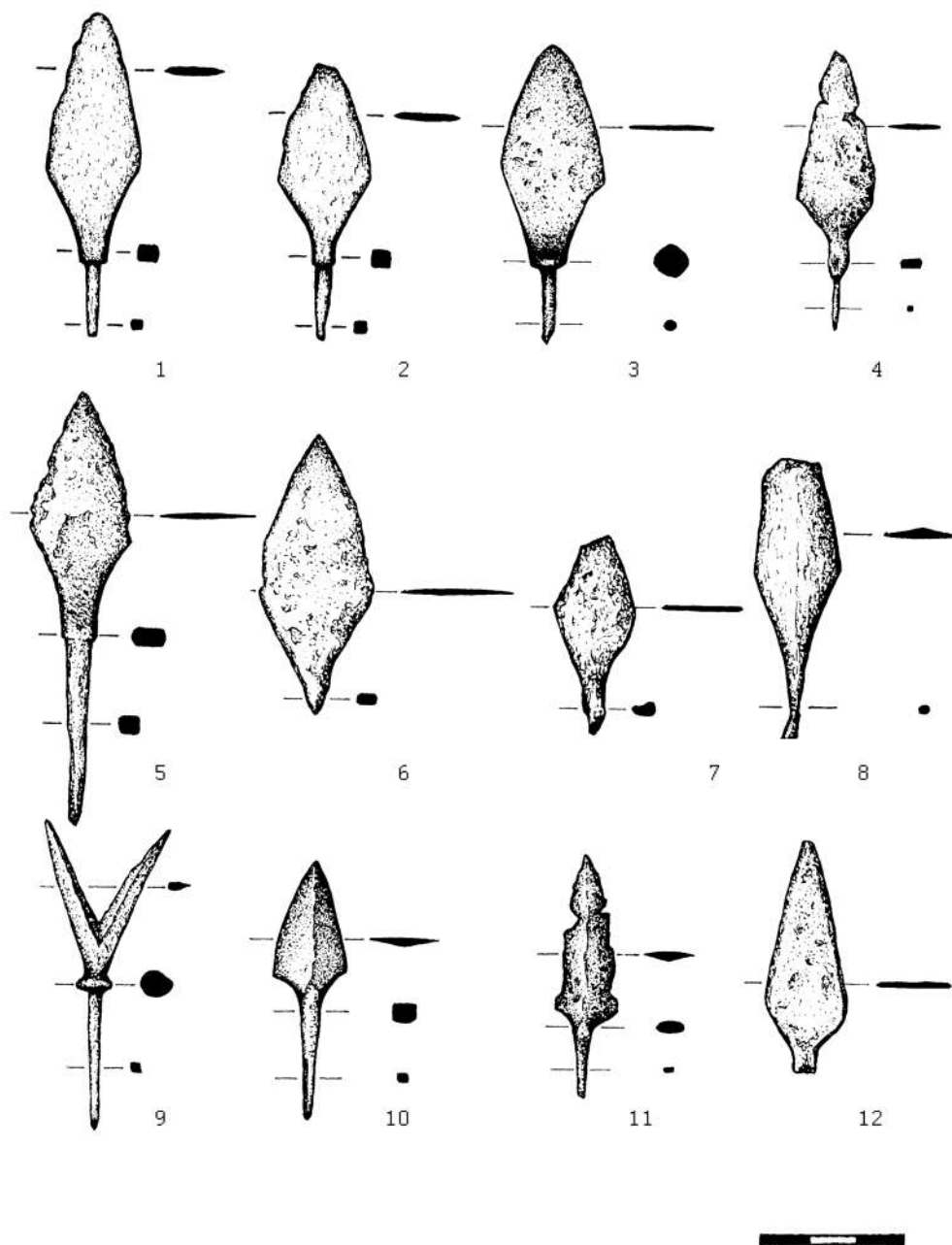

Рис. 7. Наконечники стрел. 1, 2, 4-7, 9-12 – Устье 3;
3 – Веденец 1; 8 – Куликовка 4

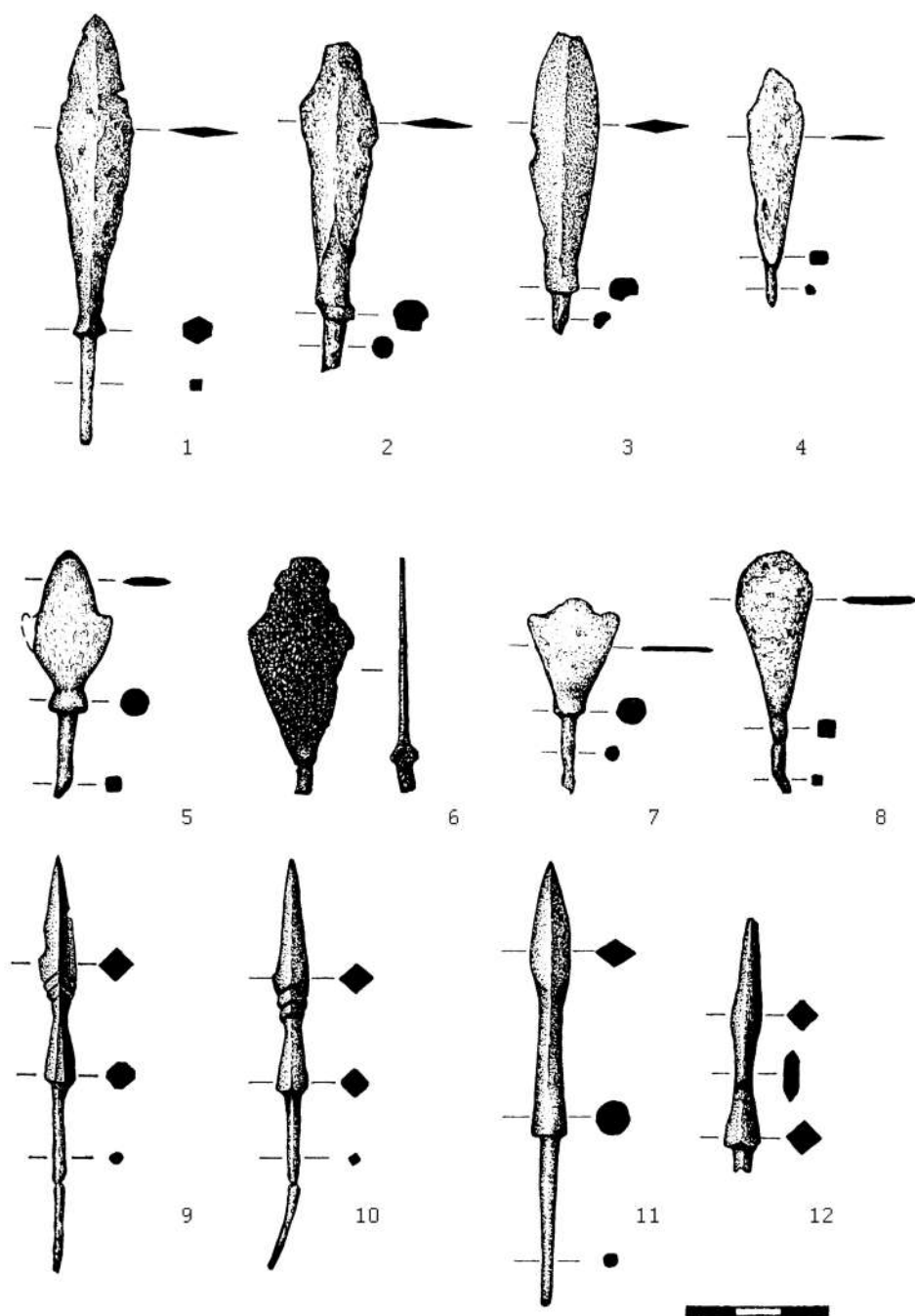

Рис. 8. Наконечники стрел. 1-5, 7, 11, 12 – Устье 3;
6 – Грязновка 3; 9, 10 – Веденец 1

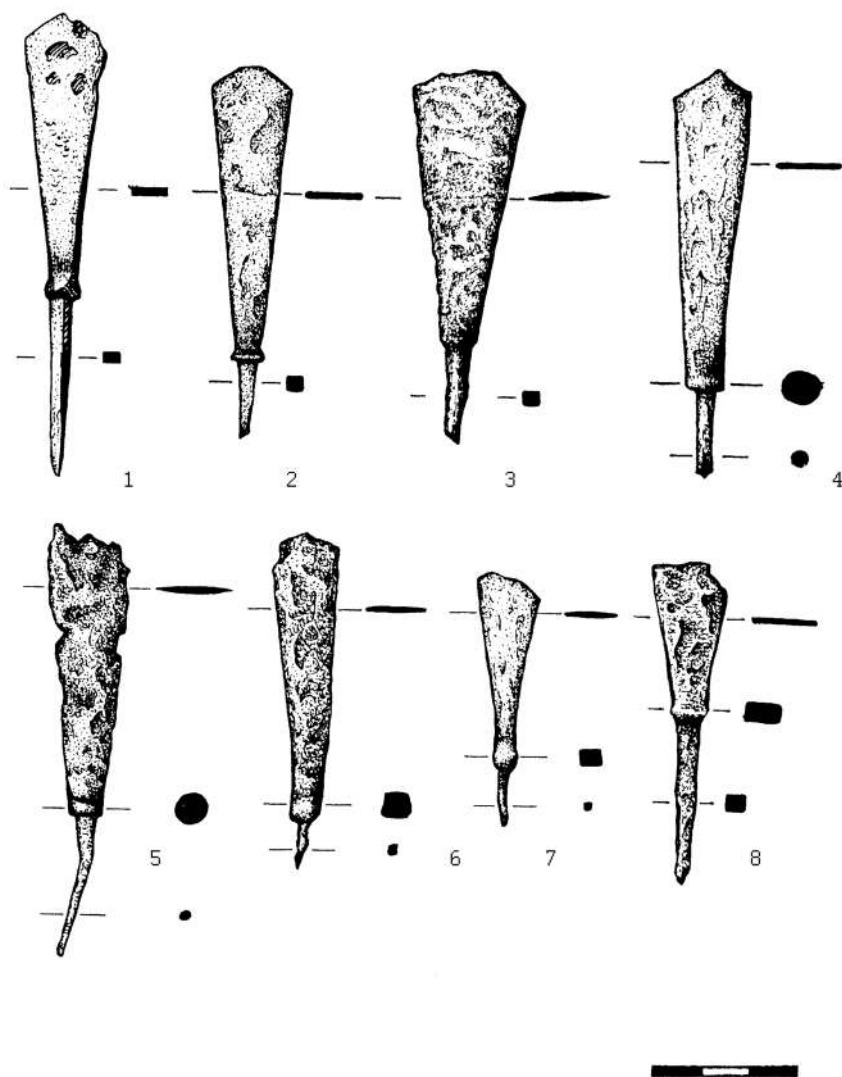

Рис. 9. Наконечники стрел. 1, 5-8 – Устье 3; 2 – Монастырщина 5;
3 – Веденец 1; 4 – Куликовка 4

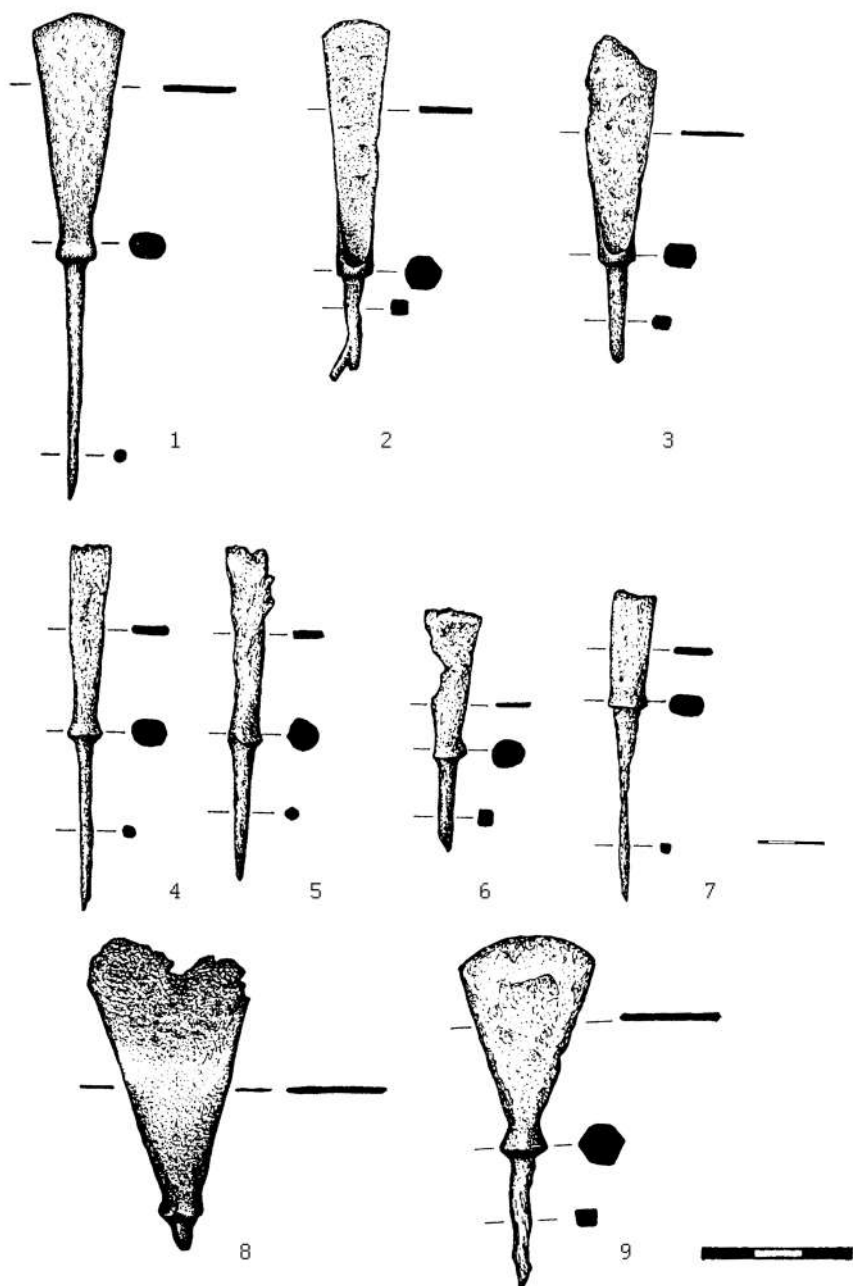

Рис. 10. Наконечники стрел. 1–7, 9 – Устье 3; 8 – Монастырщина 5.

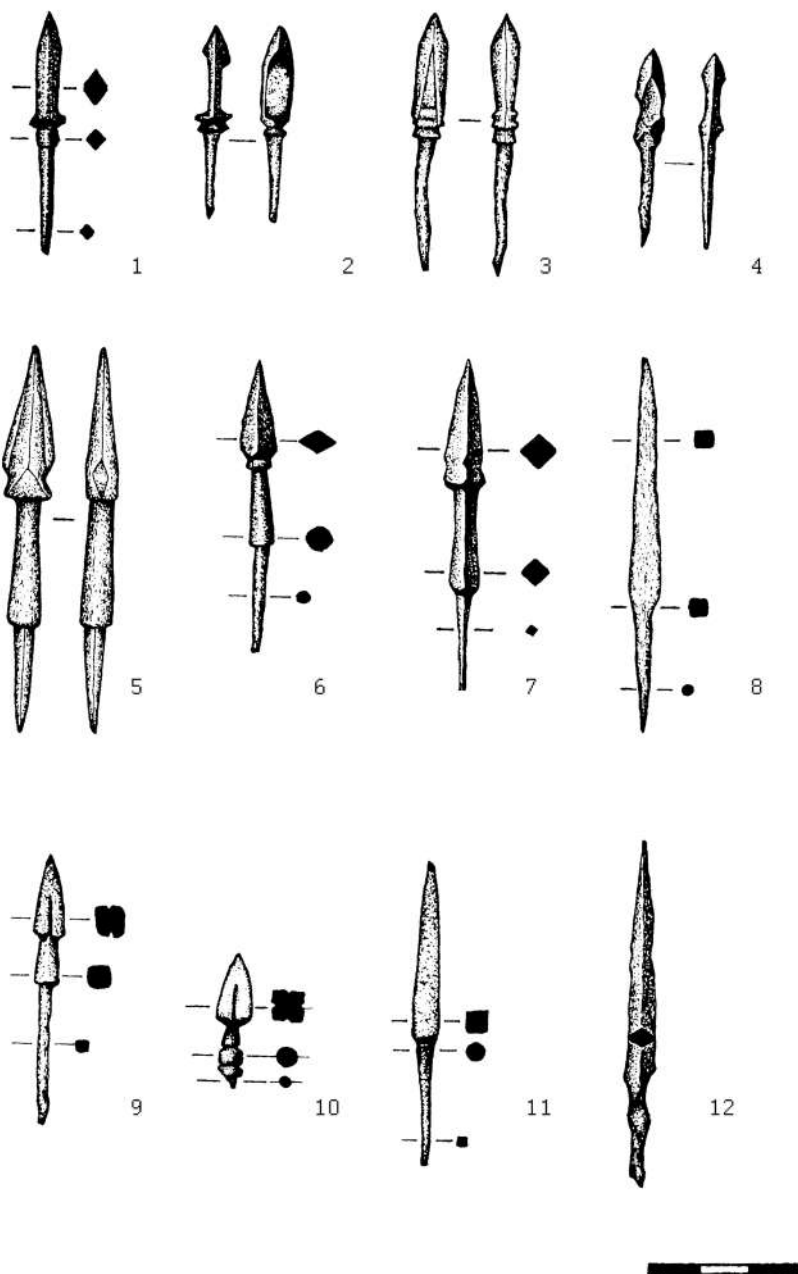

Рис. 11. Наконечники стрел. 1–6, 8, 9, 11, 12 – Устье 3;
7 – Веденец 1; 10 – Куликовка 4

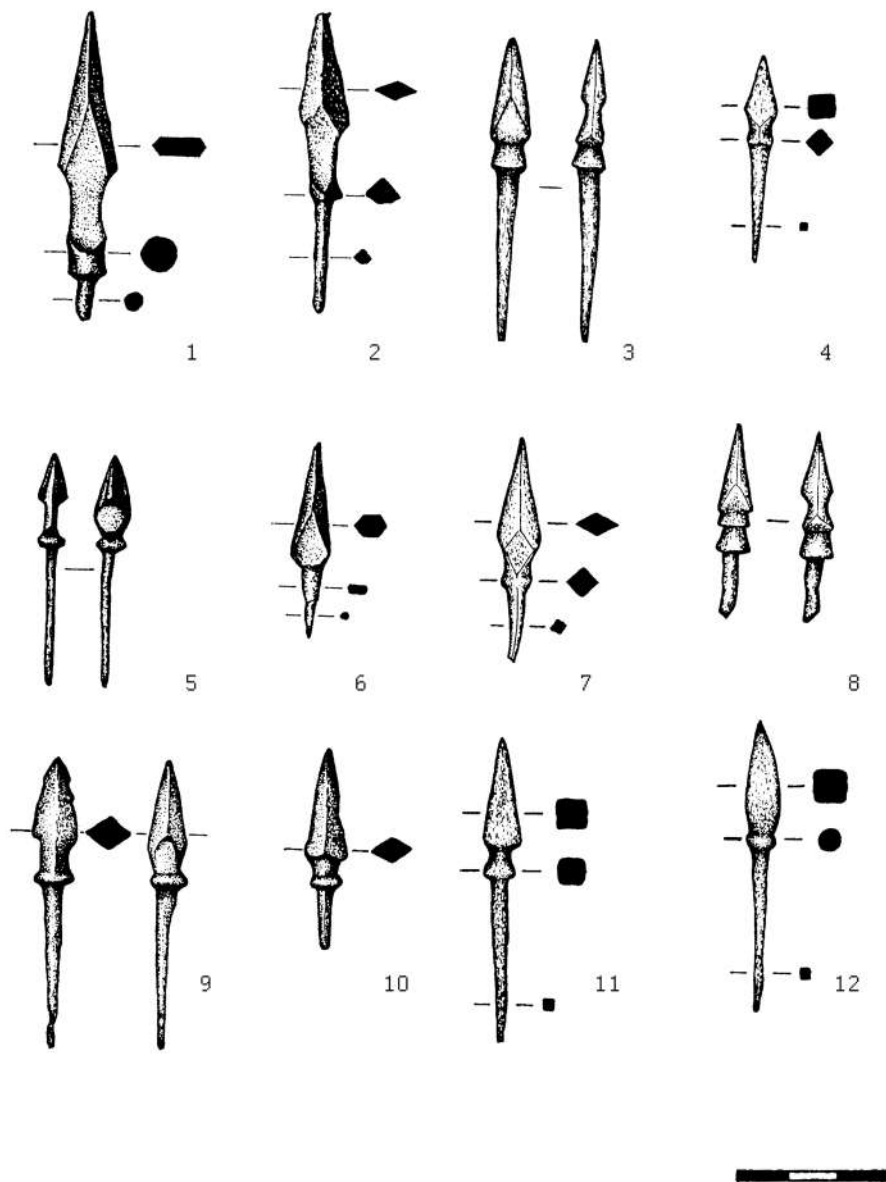

Рис. 12. Наконечники стрел. 1–8, 10–12 – Устье 3; 9 – Грязновка 2

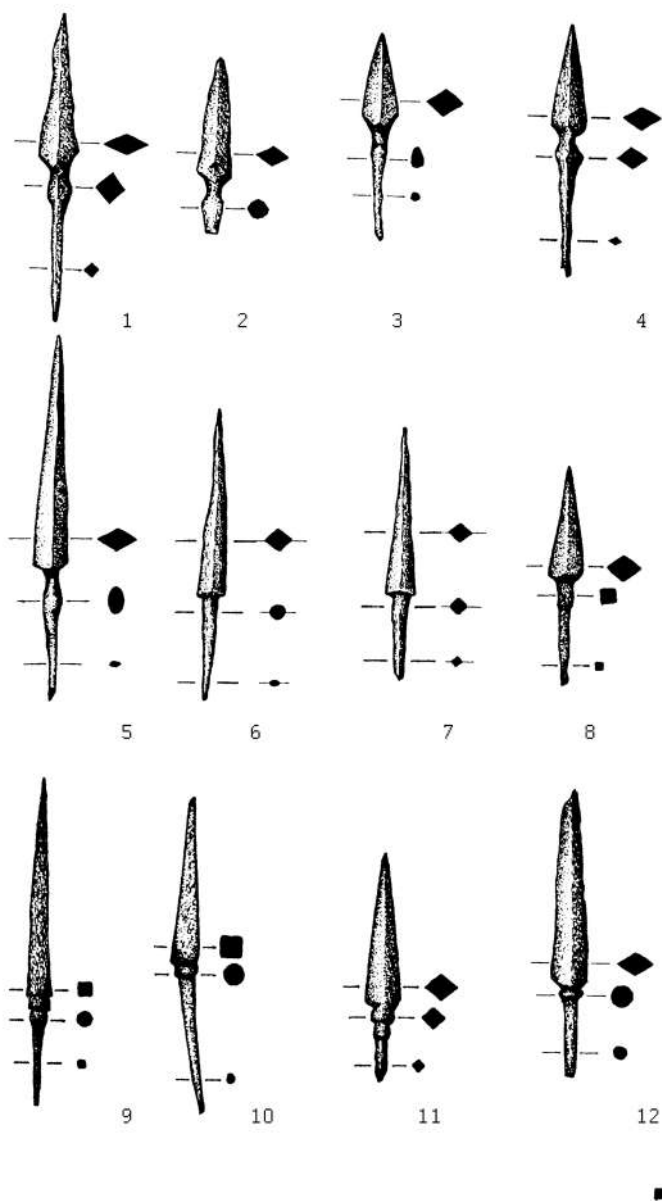

Рис. 13. Наконечники стрел. 1–5, 8–12 – Устье 3; 5, 6 – Куликовка 4

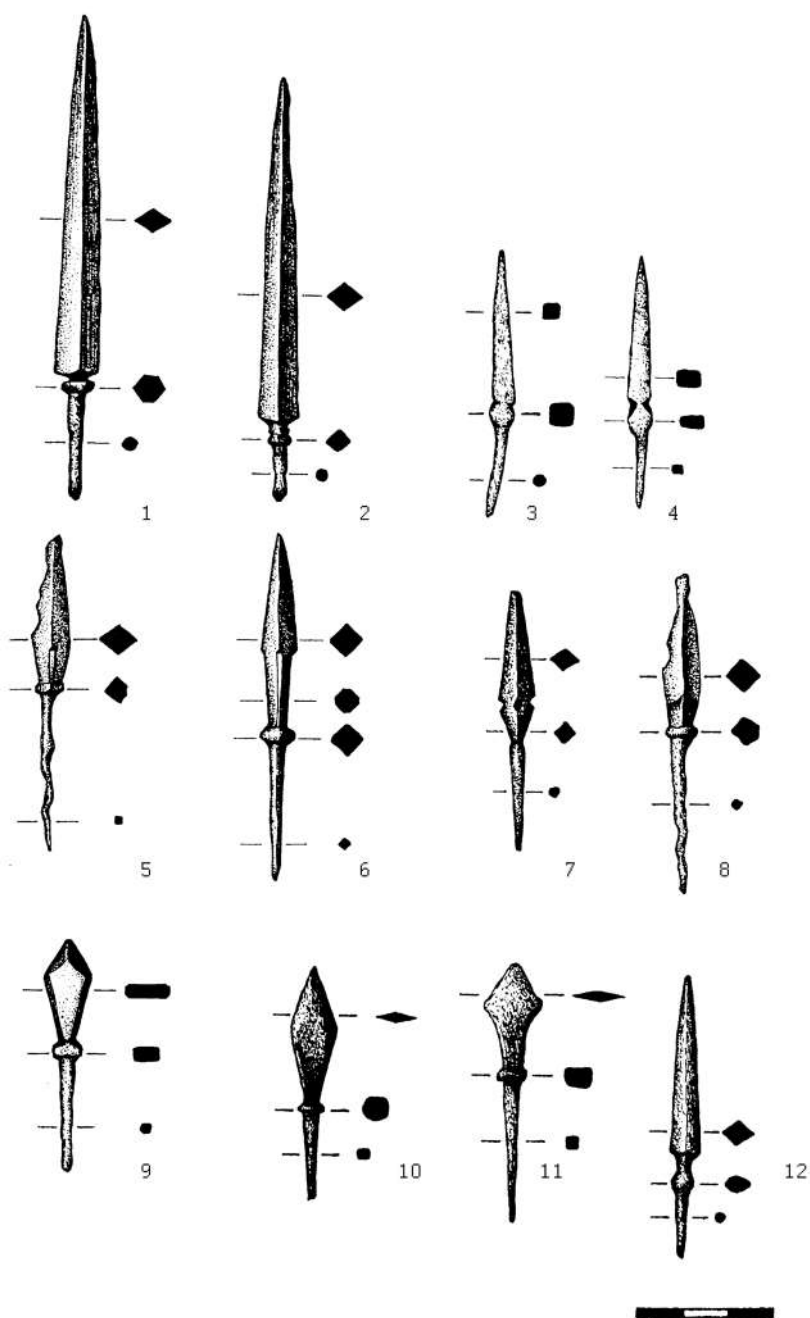

Рис. 14. Наконечники стрел. 1–4, 7–11 – Устье 3;
5, 6 – Веденец 1; 12 – Бучалки

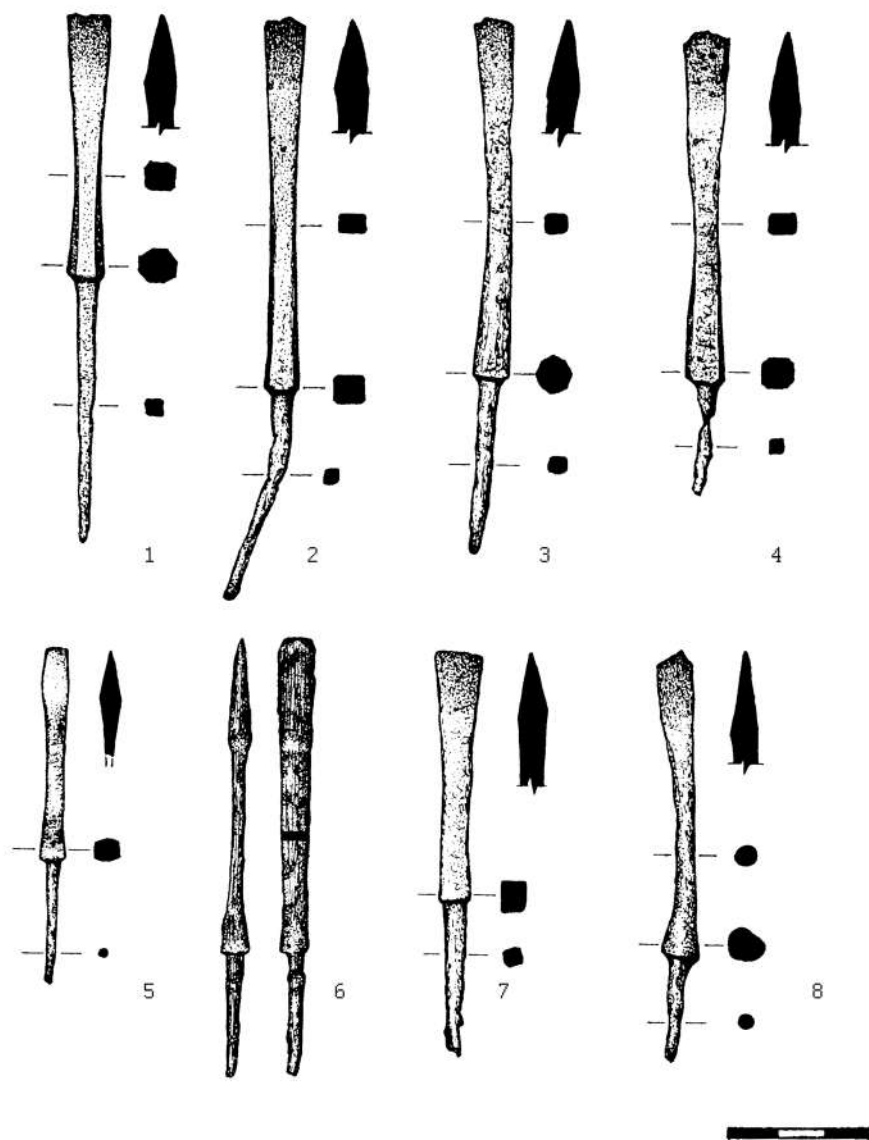

Рис. 15. Наконечники стрел. 1-5, 7, 8 – Устье 3; 6 – Монастырщина 5

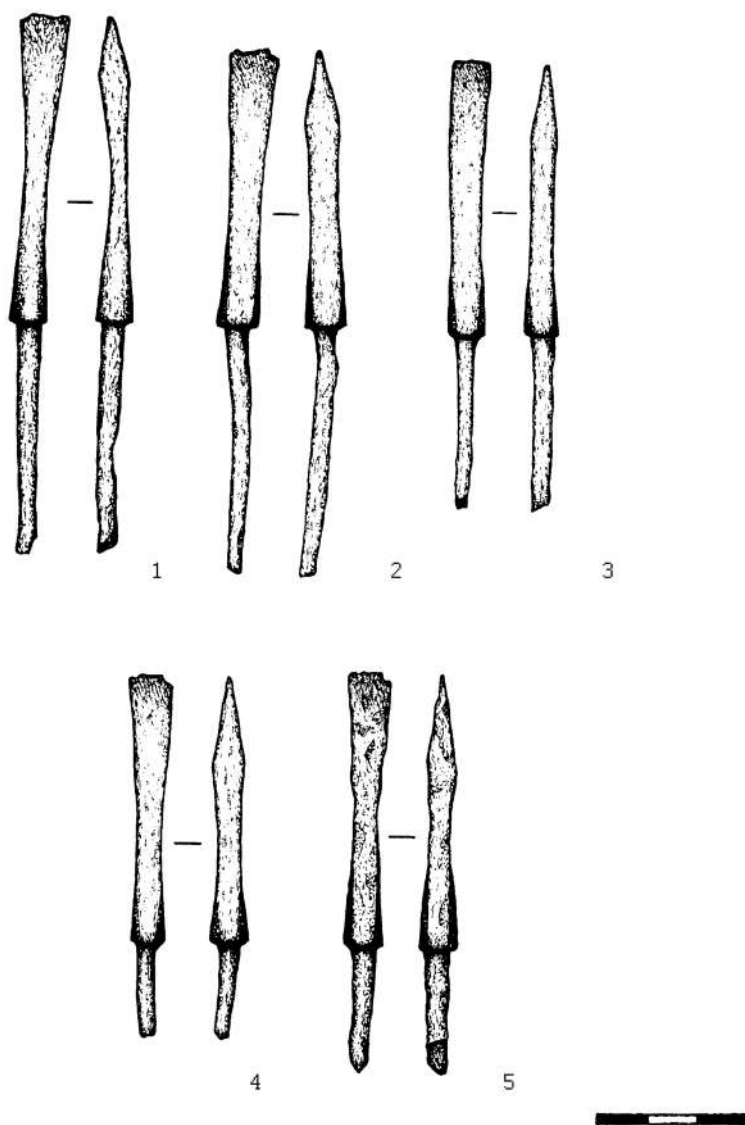

Рис. 16. Наконечники стрел. 1–5 – Устье 3

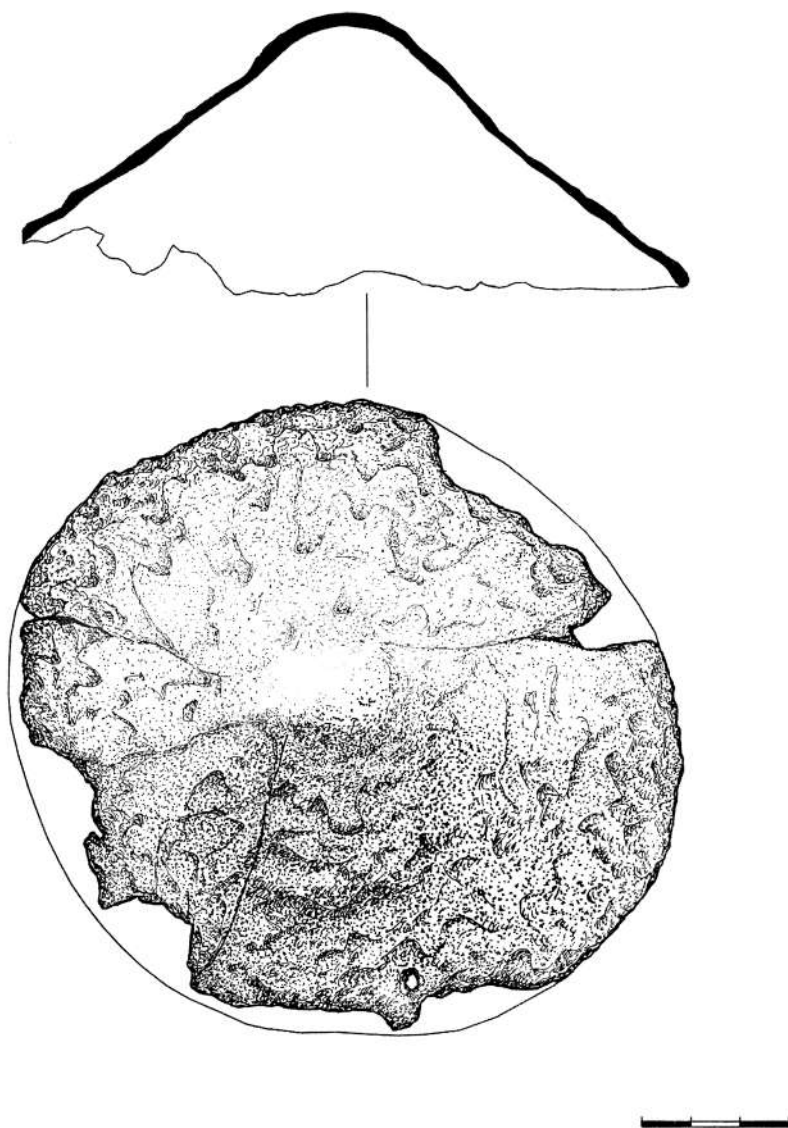

Рис. 17. Умбон от щита(?). Малая Каменка

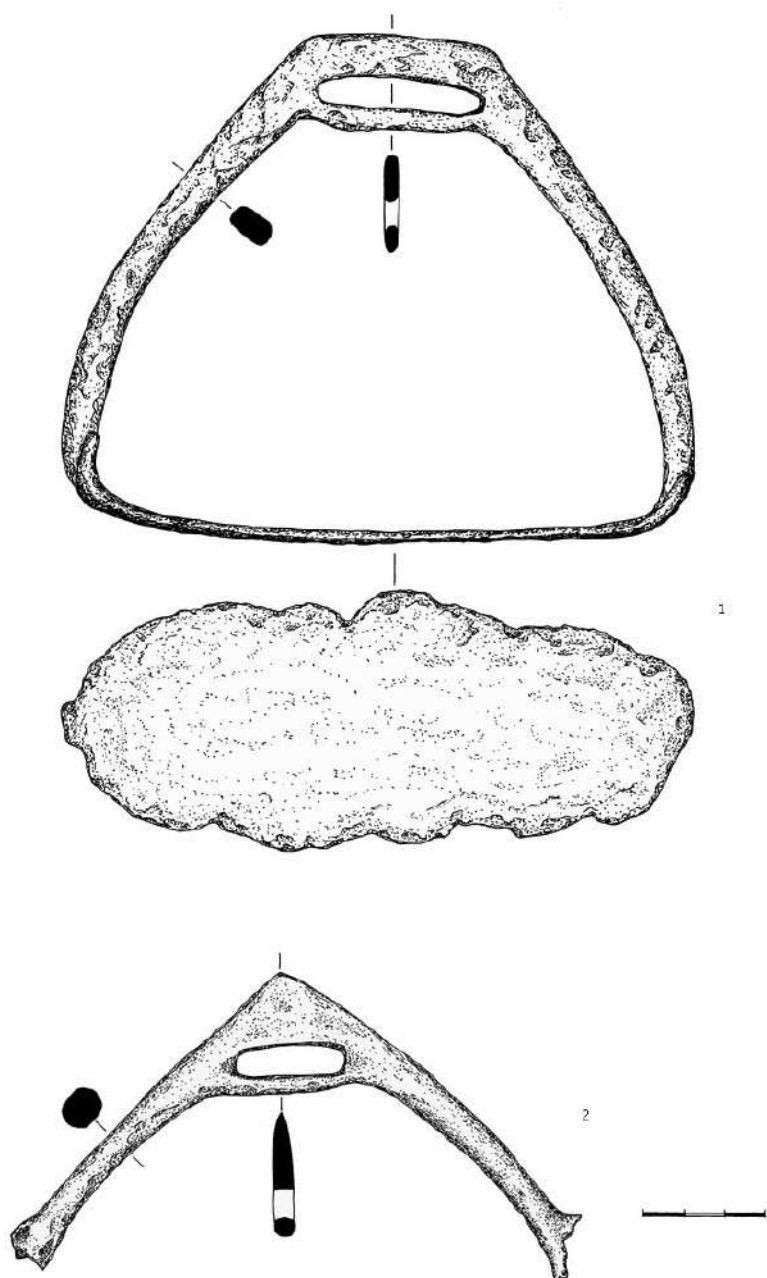

Рис. 19. Фрагменты стремян. 1 – Колесовка 1; 2 – Устье 3

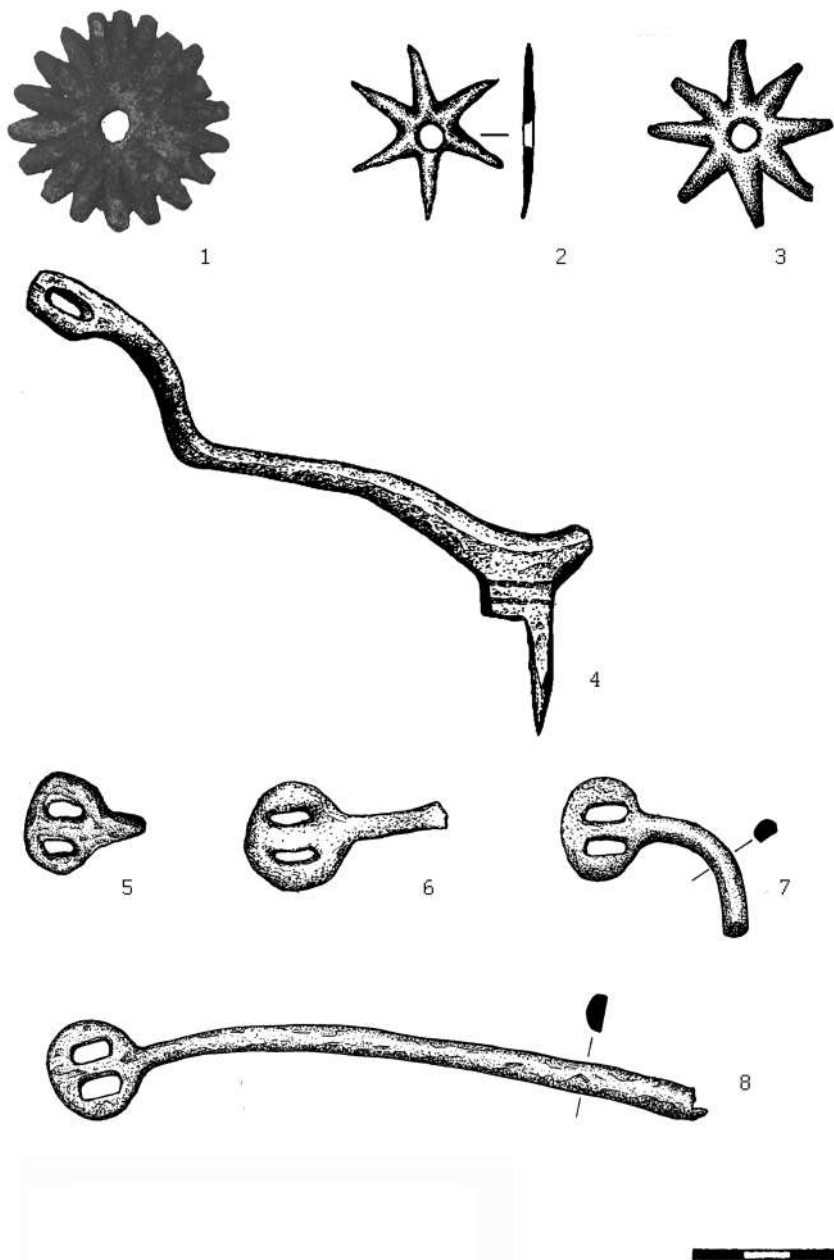

Рис. 20. Фрагменты шпор. 1 – Александровка 1; 2, 4 – Федоровка 6;
3, 5 – Куликовка 4; 6–8 – Устье 3

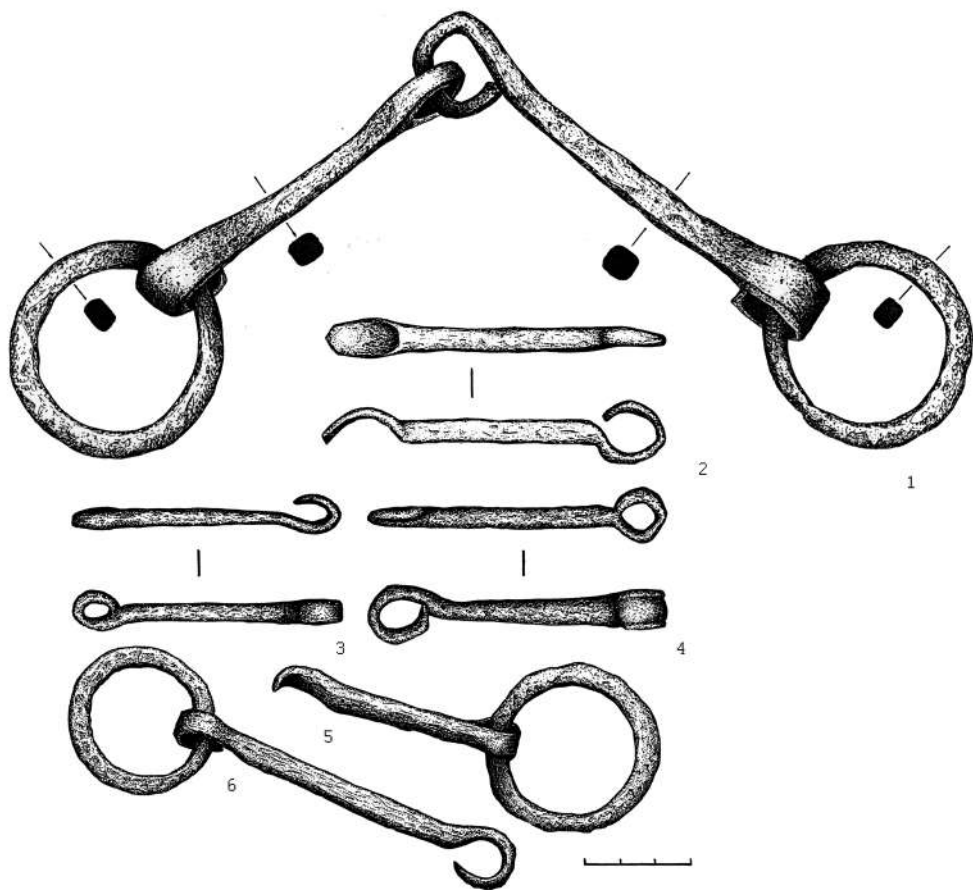

Рис. 21. Фрагменты удил. 1, 5, 6 – Устье 3;
4 – Бутырки 2; 7, 8 – Куликовка 4

ЗАЩИТА КОНЕЧНОСТЕЙ В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОИНА (по материалам Великого Новгорода)

В отечественной историографии вопрос о происхождении и использовании в древнерусском комплексе защитного вооружения элементов защиты конечностей остается до сих пор плохо изученным. Недостаток фактического материала является одной из основных причин, затрудняющих работу исследователей. Ситуация усугубляется почти полным отсутствием письменных и изобразительных источников, хотя бы косвенно указывающих на возможность существования в древнерусском комплексе вооружения некоторых типов приспособлений для защиты конечностей. Следовательно, основным источником по этой теме является археологический материал.

В ходе анализа коллекции вооружения из фондов хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника нами обнаружены бесспорные свидетельства, указывающие если не на использование, то, по крайней мере, на знакомство жителей древнего Новгорода с такими элементами защиты конечностей, как латные перчатки и наручи. При написании данной работы мы привлекли ранее не изученные материалы и пересмотрели интерпретацию уже опубликованных находок. Большинство этих предметов уникально не только для новгородского региона, но и для всей территории Древней Руси. Для максимально достоверной атрибуции потребовалось привлечение широко круга аналогий из материалов как прилегающих к новгородской земле территорий, так и территориально удаленных.

Впервые в отечественной науке попытку изучения комплекса вооружения Великого Новгорода предпринял А. Ф. Медведев¹. Главной задачей работы была максимально полная публикация коллекции предметов вооружения, найденных в ходе археологических раскопок в 1947-1948 гг. и в 1951-1956 гг. При рассмотрении фрагментов пластинчатых доспехов впервые были отмечены детали защиты конечностей².

¹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 121–191.

² Там же. – С. 178.

В том же году была напечатана работа вышеупомянутого автора, посвященная истории защитного снаряжения Руси³. В основу статьи легли археологические находки фрагментов пластинчатых доспехов из раскопок 1943–1957 гг. различных древнерусских городов, и прежде всего Новгорода. В этой работе, помимо уже опубликованных в статье «Оружие Новгорода Великого» элементов защиты конечностей, в научный оборот вводятся еще две важные находки, речь о которых пойдет ниже.

Обращаясь к опубликованным А. Ф. Медведевым материалам, А. Н. Кирпичников идентифицировал «часть металлической перчатки»⁴, пластинки которой А. Ф. Медведев отнес к деталям наруча середины XIV в.⁵

В 1985 г. вышла из печати совместная работа А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева, в которой вновь сообщается о существовании частей от наручей или перчаток, найденных в Новгороде в слоях 1200–1250 гг.⁶ Пластинки, на которые ссылаются авторы⁷, вероятно, не являются деталями защитного снаряжения для кисти. А. Ф. Медведев в статье «Оружие Новгорода Великого» определял эти пластинки как детали наручей или поножей⁸. Некоторые современные исследователи также склонны относить их к деталям/фрагментам поножей⁹. В данной работе мы предлагаем свою версию интерпретации этой находки.

Подводя итог краткому обзору литературы, отметим, что вопрос о происхождении и использовании в средневековом Новгороде элементов защиты конечностей остается на сегодняшний день практически неизученным. Следует отметить, что рассмотрение ряда оружейных вопросов позволяет осветить и другие аспекты жизни средневекового города, а именно: внешнюю торговлю, ремесленное производство и социальную дифференциацию населения.

Первая категория защиты конечностей, с которой мы начнем, – это защита кисти – латные перчатки. В отечественной историографии, за исключением беглых упоминаний в указанных работах А. Ф. Медведева и А. Н. Кирпичникова, а также публикации (без описания) детали пальца перчатки из Ольгинского раскопа во Пскове¹⁰, работ по этой теме нет.

Можно еще упомянуть небольшую заметку белорусского исследователя Ю. А. Заяца, в которой кратко рассмотрены находки деталей перчаток из ар-

³ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. – 1959. – № 2. – С. 119–134.

⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – С. 36.

⁵ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси ... – С. 130, рис. 4, 2.

⁶ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 317.

⁷ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси ... – С. 127, рис. 2, 9–10.

⁸ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. – С. 178.

⁹ Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. – М.–СПб, 2005. – С. 257–258.

¹⁰ Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Медведева. Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 г.). – Псков, 2008. – С. 48, рис. 18, 14.

хеологического комплекса на р. Мене, замка в г. Дубровно и г. Орши (территория современной Белоруссии). К сожалению, незначительное количество находок этого типа снаряжения не позволило автору сделать какие-либо серьезные выводы¹¹.

Несколько лучше обстоит дело в зарубежной историографии. Первые публикации находок деталей перчаток, обнаруженных в замке Таннеберг (Германия), относятся к середине XIX в.¹² Массовые находки в первой половине XX в. происходят из Кугельсбурга (Германия), из замка Кюснах (Швейцария), из Ёрум и Борингхольма (Дания), из собора Кентерберри (Англия), из Альсё Хус, а также Лунда¹³ и братских могил под г. Висбю (Швеция)¹⁴. Из современных находок можно указать публикации фрагментов перчатки из замка Хюненберг (Швейцария)¹⁵, деталей перчаток из арсенала замка Хербед (Германия)¹⁶, деталей перчаток из замка Чхув¹⁷ и находки перчатки с поля битвы при Грюнвальде¹⁸ (Польша).

Тем не менее немецкий исследователь М. Голль (*Matthias Goll*), который посвятил специальное исследование западноевропейским латным перчаткам, указывает, что в европейской науке история развития пластинчатых перчаток остается недостаточно изученной. Он также обратил внимание на то, что не существует всеобъемлющей работы, посвященной истории защиты кисти¹⁹.

При изучении фактического материала из фондов Новгородского музея-заповедника, накопленного за полвека, прошедшие после публикации работ А. Ф. Медведева, нами обнаружено несколько интересных пластинок, по-видимому, имеющих отношение к элементам защиты кистей рук.

Первые две находки – подтрапезиевидные пластины из черного металла с усеченными углами и тремя заклепками с широкими шляпками. Найдены на Кировском (Славенском) раскопе в квадрате № 3 и соседнем квадрате № 12 в напластованиях, относящихся к шестому и седьмому строительным горизонтам, датированным первой половиной XIV в.²⁰

¹¹ Заяц Ю. А. Приспособления для защиты кисти руки в доспехе средневекового воина // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 22. – Мінск, 2006. – С. 232–234.

¹² Hefner-Alteneck von, J. H., Wolf, J. W. Die Burg Tannenberg und ihre Ausgrabungen. – Frankfurt, 1850. Taf. X, E-F.

¹³ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. – Stockholm, 1939. Vol I: Text. P. 230–243.

¹⁴ Ibid. – P. 414–434.

¹⁵ Frey von, J. Der Neufund eines Panzerhandschuhs aus der Burgruine Hünenberg ZG: ein Beitrag zur typologischen Entwicklung der mittelalterlichen Schutzbewaffnung im 14. Jahrhundert // Mittelalter 14/3. – Basel, 2009. – P. 91–101.

¹⁶ Peine, H.-W. Ein Blick in die Waffenkammer des Hauses Herbede an der Ruhr // Das Brigantinen-Symposium auf Schloss Tirol. Heft 3. – Innsbruck, 2004. – P. 67. Abb. 15.

¹⁷ Szpunar, A., Glinianowicz, M. Uzbrojenie późnośredniowieczne z zamku w Czchowie w Małopolsce // Acta Militaria Mediaevalia. T. II. – Kraków – Sanok, 2006. – S. 149. Tabl. 6.

¹⁸ Mielczarek, M., Nadolski, A., Nowakowski, A., Odoj, R. Badania archeologiczne na Polach Grunwaldu w latach 1988–1990 // Studia Grunwaldzkie, T. 2. – Olsztyn, 1992. – S. 85. Rys. 5.

¹⁹ Goll, M. Mit Eiserner Faust. Der Freiburger “Faltenbunndelhandschuh”. Genese, Werkstatt und Technologie. – Norderstedt, 2009. – S.17.

²⁰ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 196–199.

Размеры первой пластины (НГОМЗ КП25060/А19-673, Н-1972, Кировский р-п, 21-3 № 538): высота – 1,95 см, ширина – 2,35 см, толщина – 0,05–0,1 см, высота заклепок – 0,2–0,25 см, зазор между шляпками заклепок и поверхностью пластины – около 0,1 см, диаметр шляпок – около 0,7 см (рис. 1, а; 5, а). Размеры второй пластины (НГОМЗ КП25060/А19-674, Н-1972, Кировский р-п, 22-12 № 539): высота – 2,03 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,05–0,1 см, высота заклепок – 0,2–0,27 см, зазор между шляпками заклепок и поверхностью пластины – около 0,1–0,19 см, диаметр шляпок – 0,55–0,65 см (рис. 1, б; 5, б).

Впервые данные пластинки упоминаются Б. А. Колчиным и Е. А. Рыбиной при описании предметов вооружения, найденных на Кировском (Славенском) раскопе в 1971–1974 гг. Тогда они были определены как «пластины от стального доспеха»²¹.

Сравнительно-типологический анализ находок позволил заключить, что ближайшей аналогией новгородским находкам являются пластины от защитной перчатки № 2, найденной в 1929 г. в братской могиле воинов, павших в битве при Висбю в 1361 г.²² (рис. 1, в, г, д, е, ж, з, и). Благодаря непотревоженности культурного слоя и хорошей сохранности находки из Висбю удалось установить достоверное положение большей части пластин в ее конструкции. Подтрапечиевидные пластины, аналогичные новгородским, образовывали «пальцы» металлической перчатки и крепились при помощи заклепок на внутренней поверхности матерчатой или кожаной основы. Новгородские пластины не сохранили следов основы, но, судя по зазору между шляпками заклепок и поверхностью пластин, ее толщина была равна 0,1–0,2 см.

Шведский исследователь Б. Тордeman (*Bengt Thordeman*), который опубликовал материал из братских могил под Висбю, предполагал, что появление металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин относится ко второй четверти XIV в.²³ (напомним, что пластинки с Кировского раскопа в Новгороде залегали в слоях, относящихся к периоду не позднее первой половины XIV в.). Можно предположить, что новгородские пластинки попали в культурный слой в промежуток между двумя пожарами 1311 г. и 1340 г.²⁴ Это в свою очередь дает нам некоторые основания предполагать более ранний генезис металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин в Европе.

Вещевой комплекс Кировского (Славенского) раскопа изобилует западноевропейскими находками, что не раз было отмечено в научной литературе²⁵. В слоях XIV в. обнаружены предметы, относящиеся непосредственно к импорту, в том

²¹ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова... – С. 224.

²² Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361...P. 422, Fig.412, 1, 12, 32, 33, 40, 41, 51.

²³ Ibid. – P. 243.

²⁴ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Указ. соч. – С. 196–197.

²⁵ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. – М., 1978. – С. 119–120; Она же. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. – Новгород, 1994. – С. 87.

числе указывающие на западное направление новгородской торговли: цветные металлы, янтарь, самшит, хрустальные вставки перстней, западноевропейские ткани. Кроме импортных вещей, необходимых для ремесленного производства, следы которого отчетливо фиксируются на раскопе, встречены находки исключительно бытового характера. Среди них предметы, обнаруженные при раскопках торгового двора иностранных купцов (Готский раскоп): керамика рейнского типа, металлический кустодий с изображением всадника, деревянные подсвечники с геометрическими знаками. Все эти обстоятельства позволили исследователям предположить возможность временного проживания иностранных купцов на территории усадьбы²⁶. Среди предметов вооружения в одном строительном горизонте с пластинами обнаружены бронебойные наконечники арбалетных стрел (рис. 1, *к*, *л*) (НГОМЗ КП25060/А19-11, Н-1972, Кировский р-п, пл.22, кв.10 №540; НГОМЗ КП25060/А19-12, Н-1972, Кировский р-п, пл. 22, кв. 17 № 541). По типологии А. Ф. Медведева, они относятся к первой разновидности типа 8 втульчатых наконечников арбалетных стрел – лавролистные ромбического сечения²⁷, или к типу V, по А. Н. Кирпичникову²⁸. Аналогичный наконечник, датированный XIII-XIV вв., встречен среди материалов Готского раскопа²⁹. А. Ф. Медведев отмечал, что наконечники этого типа встречаются преимущественно к западу от Новгородской земли: в Смоленске, Изяславле, Пскове, Друцке, Гродно, Риге, где датируются XIII–XV вв.³⁰ При раскопках крепости Орешек около 48% арбалетных наконечников составляли наконечники этого типа, а в слоях 2 пол. XIV-XV вв. они являются доминирующими (более 50% от общего количества арбалетных наконечников стрел)³¹. Найденные при раскопках замка Отепя (Южная Эстония) аналогичные наконечники также датируются 2 пол. XIV – нач. XV в.³² Кроме того, найденные в Новгороде наконечники имеют полное сходство с некоторыми наконечниками из братской могилы в Висбю³³. Датировка западноевропейских наконечников имеет еще более широкие рамки. Б. Циммерман наконечники, аналогичные найденным в Новгороде, отнес к типу T2-5 и датировал кон. XII–XV в., отмечая, что, возможно, это самый долговечный тип наконечников арбалетных стрел, исчезнувший только с появлением огнестрельного оружия³⁴.

Таким образом, опираясь на вышесказанное, можно предполагать, что находка западноевропейского элемента защиты может быть связана с присутствием иностранных гостей на территории усадьбы. При этом надо учитывать

²⁶ Рыбина Е. А. Западные европейские находки XIII-XIV вв. ... – С. 87-88.

²⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – М., 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников [Вып.] Е 1-36). – С. 94.

²⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – С. 71.

²⁹ Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978. – С. 211.

³⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – С. 94.

³¹ Кильдюшевский В. И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. – СПб, 1999. – С. 65-66.

³² Mäesalu, A. Weapons in Otepää castle in 1396 // Castella Maris Baltici V. – Rudkøbing, 2001. – P. 2.

³³ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 124-125. Pic. 134.

³⁴ Zimmermann, B. Mittelalterliche Geschosspitzen: kulturhistorische, archäologische und archäometallurgische Untersuchungen. – Basel, 2000. – S. 1–53.

возможность того, что, несмотря на многочисленные запрещения, некоторые предметы защитного снаряжения попадали в Новгород контрабандой из Европы³⁵ и могли принадлежать состоятельному новгородцу.

Следующая пластина из Новгорода была найдена на Никитинском раскопе в 2002 г. (рис. 1 м; 5, в) (НГОМЗ НВ 23293/пр. к А199-389, Н-2002, Никитинский р-п, 25 – вост. тр. № 21). Она имеет вытянутую семиугольную форму, шириной – 2,1 см, высотой – 3,3 см, при толщине металла – 0,05 см. Выгиб пластины продольный и равен 0,6 см. В центральной части изделия расположена заклепка. Зазор между ней и внутренней частью пластины из-за наличия окислов без дополнительных реставрационных работ установить затруднительно. Высота заклепки составляет 0,4 см.

Несмотря на сам факт присутствия в средневековых слоях Новгорода данной находки, нельзя уверенно сказать, является ли этот предмет импортом, или это продукт местных мастеров, относится ли он вообще к комплексу вещей из раскрытых усадеб, т. к. найден в траншее, из-за чего выпадает из археологического контекста, и, как следствие, его датировка представляется затруднительной. По нашему мнению, очень высока вероятность того, что пластина могла попасть в культурный слой не ранее начала интенсивной застройки участка, что соответствует середине XIV в.³⁶ И, судя по глубине залегания (пласт 25), относится к ранним слоям «усадебного периода», датированного 40 гг. XIV – сер. XV в.³⁷

Данная пластина так же, как и пластина с Кировского раскопа, вероятно, является деталью защитной перчатки. Такое предположение мы делаем, опираясь на аналогичные находки среди материалов из Висбю, где обнаружены схожие по морфологическим и конструктивным признакам пластины. Продолговатые пластины с заклепкой в центральной части встречены у перчаток № 1³⁸ (рис. 1, н, о) и № 8³⁹ (рис. 1, п).

Вероятно, в конструкции защитной перчатки пластина с Никитинского раскопа, по аналогии с находками из Висбю, располагалась на пальце кожаной или матерчатой основы/перчатки. Судя по характеру заклепки, имеющей полусферическую шляпку на наружной поверхности пластинки и расклепанное основание изнутри, можно достаточно уверенно говорить, что пластинка крепилась снаружи основы.

Высокая вероятность того, что это предмет импорта, может быть подкреплена тем обстоятельством, что на территории Древней Руси аналогичные средства защиты очень редки.

Очень интересной и сложной в атрибуции представляется находка, найденная на Неревском раскопе, состоящая из скрепленных между собой двух фигурных пластин фрагментарной сохранности (два фрагмента), идентифицированная

³⁵ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV веках. – М., 1963. – С. 311; 315.

³⁶ Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. – М., 2010. – С. 38.

³⁷ Там же. – С. 127.

³⁸ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... P. 417, Fig. 407, 7, 12.

³⁹ Ibid. – P. 431, fig. 422, 2.

А. Н. Кирпичниковым в работе 1976 г. как «часть металлической перчатки»⁴⁰ (рис. 2, а; 5, з, д) (НГОМЗ КП 35338-1388, Н-1957, Неревский р-п, 12-1499 № 9). Впервые эти пластины были опубликованы в 1959 г. А. Ф. Медведевым в работе «К истории пластинчатого доспеха на Руси»⁴¹. В публикации был предложен вариант графической реконструкции формы пластин. Однако из-за схематичности изображения была неверно передана форма сохранившихся частей, вследствие чего оказывается под вопросом и реконструкция утраченных элементов. А. Ф. Медведев и А. Н. Кирпичников датировали данную находку 1 пол. – сер. XIV в.⁴², а это значит, что хронологически она близка к находкам из Висбю, датированным не позднее 1361 г.

Первый из двух фрагментов представляет собой фигурную пластину с четырьмя сохранившимися аккуратными заклепками по краям для фиксации подкладки или несущей основы. Высота пластины – 6,5 см, ширина – 6,4 см. Выгиб составляет 1,5 см. Толщина металла около 0,1 см.

В центре пластины расположено дугообразное ребро жесткости. Нижняя сторона пластины имеет округлую форму и небольшой отгиб кромки наружу. У верхней стороны пластины фигурный край с двумя дугообразными вырезами. В правой верхней части фиксируется небольшая утрата (возможно, в этом месте пластины находилась еще одна заклепка). Изнутри пластины, в верхней части, имеется прикрепленный с помощью сохранившейся заклепки один из фрагментов второй пластины.

Вторая пластина сохранилась в виде двух фрагментов. Один из них прикреплен заклепкой к первой пластине, что указывает на то, что в древности пластины были между собой соединены в одной конструкции. Изначальная форма верхней пластины, по-видимому, отличалась от формы нижней. В то же время, несмотря на это, в обеих пластинах присутствуют некоторые схожие черты. В первую очередь это относится к ребру в центральной части пластины и дугообразным вырезам в верхней кромке. На левом выступе верхней пластины, образованном вырезом, располагается заклепка, подобная описанным выше. Реконструируемая высота всей пластины около 5 см. Высота наибольшего фрагмента – 3,8 см, ширина – 4,9 см.

По нашему мнению, наибольшее сходство данные пластины имеют с пластинами защитных перчаток, прикрывающими основание большого пальца⁴³. Для обоснования этой версии необходимо обратиться к подробному анализу формы верхней и отчасти нижней пластины.

Верхняя пластина, в отличие от нижней, сохранила только один дугообразный вырез. В реконструкции А. Ф. Медведева гипотетически предполагается существование и второго выреза (видимо, по аналогии с нижней пластиной).

⁴⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. ... – С. 36.

⁴¹ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 130, рис. 4, 4.

⁴² Там же. – С. 130, рис. 4, 4; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв... – С. 36, 37, рис. 11, 5.

⁴³ Б. Тордеман называет такие пластины: «*The plate at the base of the thumb*» – пластина в основании большого пальца. См.: Thordeman, B. *Armour from the battle of Wisby 1361*... P. 419.

Верхняя пластина в месте выреза имеет заметный небольшой отгиб кромки внутрь. Сочетание формы дугообразного выреза и отгиба кромки встречается в некоторых деталях защитных перчаток, что характерно – в пластинах, прикрывающих основание большого пальца. Отгиб дугообразной кромки внутрь встречен на пластинах перчаток № 3 (рис. 2, б)⁴⁴ и № 4 (рис. 2, в)⁴⁵ из Висбю, перчаток из замка Кюсснах, Швейцария (рис. 3, а)⁴⁶, и замка Борингхольм, Дания (рис. 3, б)⁴⁷. Подобную форму, но без отгиба кромки, имеет и пластина перчатки № 2 из Висбю (рис. 3, в)⁴⁸. К тому же на пластине перчатки № 3 из Висбю, судя по прорисовке в книге Б. Тордемана, просматривается ребро жесткости, что также сближает данную находку с нашими пластинами.

Итак, если наше предположение верно и пластины, найденные на Неревском раскопе, действительно являются частью защитной металлической перчатки, то логично предположить наличие второго дугообразного выреза, подобного имеющимся на пластинах перчаток № 2, № 3 и № 4 из Висбю. В связи с этим стоит обратить внимание на обломанный край новгородской пластины, в месте, где заканчивается сохранившийся дугообразный вырез. При внимательном рассмотрении в этом месте заметна небольшая деформация, выраженная в отгибе кромки металла наружу. Сложно однозначно сказать, является ли отгиб кромки специально задуманным, или это следствие механического воздействия, приведшего к поломке. Тем не менее нечто подобное мы встречаем на пластине от перчатки № 3 из Висбю (рис. 2, б), у которой кромка полукруглого выреза отогнута наружу для шарнирного сочленения посредством заклепок с одной из двух пластин, прикрывающих большой палец⁴⁹.

Еще одной интересной находкой является большая подтрапезиевидная пластина с Неревского раскопа (рис. 3, г; 6) (НГОМЗ КП 35338-1384, Неревский р-п, б/п). К сожалению, данная пластина депаспортизирована, из-за чего затруднена ее датировка и топографическая привязка в пределах границ Неревского раскопа.

Размеры пластины: высота – 11,4 см, наибольшая ширина – 9,9 см. Вес пластины – 38 г. Толщина металла около 0,1 см. Один из углов пластины отсечен по ломанной под тупым углом линии (возможно, кузнечным способом при помощи зубила), в результате чего получился вырез, остальные три угла скруглены. Пластина снабжена двумя рядами заклепок, по 3 заклепки в каждом. Верхний ряд начинается на уровне угла выреза, другой расположен вдоль линии нижнего края. Характер заклепок предполагает крепление пластины поверх несущего материала. Пластина немного выгнута, примерно вдоль оси, проходящей через центральные заклепки верхнего и нижнего ряда. Высота выгиба – 1,7 см.

⁴⁴ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 426, fig. 416, 10.

⁴⁵ Ibid. – P. 427, fig. 417, 2.

⁴⁶ Ibid. – P. 233, fig. 211, первая справа.

⁴⁷ Ibid. – P. 234, fig. 212, первая справа.

⁴⁸ Ibid. – P. 422, fig. 412, 10.

⁴⁹ Ibid. – P. 421.

Ближе всего по форме и конструкции «неревская» пластина напоминает пястные пластины⁵⁰ от защитных перчаток № 1 (рис. 3, д)⁵¹, № 5 (рис. 4, а)⁵², № 6 (рис. 4, б, в)⁵³ и № 7 (рис. 4, з)⁵⁴ из Висбю. Характерными признаками этих пластин являются: подтрапцевидная форма с ровной поверхностью, изгиб вокруг пястной части кисти, крепление поверх несущего материала-основы. Аналогичные признаки наблюдаются у новгородской пластины. Кроме этого, два ряда заклепок и вырез в основании указательного пальца на пястной пластине перчатки № 5 указывают на некоторое сходство с рассматриваемой пластиной с Неревского раскопа. Справедливости ради стоит отметить, что в публикации Б. Тордемана на графическом изображении пястной пластины от перчатки № 5 вырез в основании большого пальца подразумевается как утрата и предполагаемый недостающий фрагмент обозначен пунктирной линией⁵⁵. Поэтому данный признак в качестве доказательства принадлежности пластины из Новгорода к деталям защитных перчаток можно считать действительным только в случае, если графическая реконструкция в публикации Б. Тордемана не верна.

Второй категорией защиты конечностей среди новгородского материала является защита предплечья – наручи. На сегодняшний день в Великом Новгороде найдено два фрагмента этого доспеха.

Первый фрагмент (НГОМЗ КП 42250/А188-112 Неревский р-п, 1959, яр. 8, пл. 7, кв. 1907) найден в 1959 г. в 8-м ярусе, пласт 7 квадрат 1907, на Неревском раскопе. Его длина – 7,9 см, ширина – 7,5 см, толщина металла – 0,08–0,11 см, вес – 34 г. (рис. 7; 8). Находка представляет собой фрагмент нижней части внешней пластины правого наруча. Внутренний торцевой край пластины значительно отвальцован. С внутренней стороны пластины сохранился полуовальный фрагмент петли, которыми крепились обе створки. Фрагмент петли фиксируется одной заклепкой. Находка имеет дугообразное сечение. Датируется пластина по строительству мостовой 1369 г.

Второй фрагмент (НГОМЗ НВ 23201/Пр. к А188-32. Неревский, б/п) происходит из коллекции археологических находок из раскопок в Новгороде и Перыни Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (рис. 9; 10). К сожалению, фрагмент депаспортизирован. Известно только, что он так же, как и первый фрагмент, происходит с Неревского раскопа, другие детали не известны. Находка представляет собой фрагмент внутренней створки левого наруча. Ее длина – 12 см, наибольшая ширина – 6,8 см, толщина металла – около 0,1 см. Торцевая часть у створки разрушена коррозией. С противоположной стороны створки вдоль верхнего края сохранилось 11 круглых

⁵⁰ Б. Тордeman называет такие пластины: «*The metacarpal plate*» – пястная пластина. См.: Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 414.

⁵¹ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 417, fig. 407, 2.

⁵² Ibid. – P. 428, fig. 418, 1.

⁵³ Ibid. – P. 430, fig. 420, 1, 2.

⁵⁴ Ibid. – P. 430, fig. 421.

⁵⁵ Ibid. – P. 428, fig. 418, 1.

отверстий, 3 из них разрушены коррозией. При этом внешний торец створки не ровный, а несколько скошен под небольшим углом, в левую сторону. На створке с левой стороны сохранились следы крепления одной петли для фиксации пряжки: это сильно корродированная, по-видимому фигурно оформленная, узкая металлическая полоса. Со стороны внешнего края часть этой полосы загибалась, образуя тем самым пазы, в которых пряжка крепилась. На данный момент в пазах сохранилась нижняя стенка пряжки. Сама крепежная пластина фиксировалась на створке посредством трех заклепок. В целом находка сильно деформирована, но, безусловно, изначально она имела дугообразное сечение. Как уже было сказано выше, находка является депаспортизированной, поэтому установить ее датировку не представляется возможным. А. Ф. Медведев, который публиковал этот экземпляр ранее, продатировал его 1-й половиной XIII в.⁵⁶

В отечественной историографии этот тип наручей принято называть персидским термином *базубанд*⁵⁷. В целом находки таких двустворчатых наручей хорошо известны в Восточной Европе. Непосредственно с территории Древней Руси происходит еще не менее четырех находок наручей-базубандов: целый наруч найден на городище Сахновка⁵⁸, внутренняя створка от наруча происходит с летописного Червеня⁵⁹, обломок внешней створки обнаружен на окольном городе⁶⁰ и, как минимум, один гарнитур в обломках в оружейной мастерской⁶¹ Гомеля. Известны находки наручей типа *базубанд* и в золотоордынских памятниках. Шесть гарнитуров происходят из захоронений: в кургане 180 Парканы⁶², кургане 3/1 Каирка⁶³, кургане 1/1 Озерное⁶⁴, кургане 4/1 Ботиево⁶⁵, кургане 1/2

⁵⁶ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 129, рис. 3, 8.

⁵⁷ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С. 257; Он же. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 196.

⁵⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств X–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1–36. – Л., 1971. – Рис. 23.

⁵⁹ Zbierski, A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czeremna nad Huczwą // Arceologia Polski. T. IV, z. 1. – Warszawa- Wrocław, 1959. – S. 145. Rys. XVI.

⁶⁰ Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. – Гомель, 2009. – С. 120, рис. 103.

⁶¹ Макушников О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності південної Русі. – Чернівці, 1993. – С. 122, рис. 1, 6; Макушников О. Л., Лупиненко Ю. М. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 18. – Мінск, 2004. – С. 218, рис. 10.

⁶² Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – Киев, 1951. – С. 29.

⁶³ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев, 1999. – С. 190, рис. 47, 1, 2.

⁶⁴ Гаврилов А. В. Отчет о раскопках курганов у с. Озерное Скадовского района Херсонской области в 1992 году. – Архив ИА НАНУ №1992/91. – С. 46, 48, 50–51, рис. 16, 18–30; 18, 27–28; 20, 27–28; 21, 30.

⁶⁵ Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Кургани доби бронзи та розвиненого середньовіччя біля гирла р. Корсак у Приазов'ї // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. – Київ, 1997. – С. 15.

Дмитриевская⁶⁶ и в кургане 1/2 Балабаны II⁶⁷. Целый гарнитур происходит из золотоордынского слоя городища Яловень⁶⁸. Обломки еще одного гарнитура зафиксированы в обнаруженном кладе на городище Старый Орхей⁶⁹. Стоит заметить, что авторы публикации приняли их за поножи, но размеры находок указывают на то, что это именно наручи⁷⁰. Возможно, фрагментами наруча является находка в кургане 1/1 Коллекторский⁷¹.

Достаточно хорошо двусторчатые наручи-базубанды известны на памятниках Северного Кавказа, синхронных золотоордынским⁷². В первую очередь, это находки из погребений: один гарнитур(?) в обломках⁷³ и еще фрагменты одного наруча найдены в полуподземном коллективном склепе № 2 у селения Верхний Лейми⁷⁴; гарнитур из склепа № 1 у поселка Верхний Оздик⁷⁵, обломок внутренней створки из склепа № 6 Килийского могильника⁷⁶, обломок внешней створки из склепа № 5 у селения Цеча-Ахк⁷⁷, гарнитур из погребения в каменном ящике у селения Верхний Алкун⁷⁸ и гарнитур из разрушенного погребаль-

⁶⁶ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. – Краснодар, 2003. – С. 202, рис. 3, 3; Кочкаров У. Ю. Позднесредневековые погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. Вып. 217. – М., 2004. – С. 97, рис. 2, 5.

⁶⁷ Postică, Gh, Sava, E. Complexe funerare nomazilor medievali de lângă satul Bălăbani, raionul Traclia, Republica Moldova // Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie. Tom. 47, nr. 1. – București, 1996. – P. 78-79. Fig. 6, 6; 7, 2-4; Sava, E. Necropola tumulară Bălăbani – II // Moldovei. № XIX. – București, 1996. – P. 202. Fig. 6, 2-4.

⁶⁸ Vornic, V., Tabuncic, S., Ciobanu, L., Ursu, I., Iarmulschi, V. Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a orașului // Revista Arheologică. Seria nouă. Vol. IV, nr. 1. – Chișinău, 2008. – P. 202. Fig. 9.

⁶⁹ Бырня П. П., Рябой Т. Ф. Два клада из Старого Орхея. – Кишинев, 2000. – С. 78, рис. 117, 4–7.

⁷⁰ Там же. – С. 78.

⁷¹ Чахидзе В. Н., Дружинина И. А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. – М., 2010. – С. 121, рис. 5, 5.

⁷² Чахкиев Д. Ю. Золотоордынские черты в военном деле вайнахов (XIII–XV) // Первые Архивские чтения. – Назрань, 1994. – С. 14-15.

⁷³ Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1985. – С. 63.

⁷⁴ Там же. – С. 62, рис. 1, 3.

⁷⁵ Чахкиев Д. Ю. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990. – С. 97, рис. 11, 2-3.

⁷⁶ Нарожный Е. И., Мамеев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 г. в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990. – С. 74, рис. 12, 10.

⁷⁷ Чахкиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожный Е. И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1986. – С. 74.

⁷⁸ Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 136, рис. 1, 5-6.

ного комплекса у селения Макажой⁷⁹. Еще обломок одной внешней створки происходит с поселения Цеча-Ахк⁸⁰. Также имеются еще две находки, которые, возможно, относятся к более позднему времени: целый наруч в склепе № 8 у селения Фалхан⁸¹ и обломок одной створки, обнаруженный на берегу р. Лабы близ ст. Темиргоевской⁸². Здесь стоит указать, что находки более поздних наручей, XV–XVII вв., известны и в других регионах. Так, внешняя створка наруча XV в. происходит из округа болгарского г. Опака⁸³, фрагмент внешней створки наруча XVII в. был найден на месте битвы под Берестечком⁸⁴. В целом, наручи XV–XVII вв. хорошо известны по музейным собраниям, поэтому мы не видим смысла на них останавливаться более подробно. В то же время болгарский исследователь Станимир Дмитров, взяв за основу материал именно позднего периода, предпринял попытку систематизировать часть имеющихся находок. Он попытался создать некую промежуточную типологию, в основу которой был положен принцип соединения и устройства внутренних створок⁸⁵. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что эта типология является весьма уязвимой. Дело в том, что такой подход вполне оправдывает себя в работе с целыми гарнитурами из музейных коллекций, но для археологического материала, где значительная часть находок представлена во фрагментированном виде, он не годится. В значительной мере это относится и к обеим новгородским находкам, их сохранность не позволяет ответить однозначно, как створки фиксировались друг с другом. Между тем, обе находки несколько отличаются друг от друга по устройству торцевой части.

Фрагмент внешней створки из раскопок 1959 г. имеет сильный отвальцованный край с внутренней торцевой стороны. На территории Руси эта особенность встречена только на фрагменте внешней створки, найденной на окольном городе в Гомеле (рис. 11, а). Станимир Дмитров считает, что это техническое решение предназначено для лучшей фиксации аппликаций из цветного металла, которые известны по материалам более позднего времени⁸⁶. Но в нашей ситуации с этим выводом согласиться трудно, на фрагменте из Новгорода не встречено никаких следов крепления, подразумевающих

⁷⁹ Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003. – С. 153, рис. 11, 1.

⁸⁰ Там же. – С. 152, рис. 10, 2.

⁸¹ Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и Средневековья Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1981. – С. 101, рис. 3, 52.

⁸² Петриченко Б. Е. Фрагмент боевого наруча из ст. Темиргоевской // Пятые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). – Армавир, 1998. – С. 43, рис. 1.

⁸³ Дмитров С. Налакътник от района Опака // Попово в миналото. Т. 5. 50 години музей в Попово: Доклади и съобщения от научна конференция, проведена на 7 юни 2007 г. – Разград, 2008. – С. 221–232.

⁸⁴ Свєшников І. К. Битва під Берестечком. – Львів, 1993. – С. 264.

⁸⁵ Дмитров С. Налакътник от района Опака. – С. 223–225.

⁸⁶ Там же. – С. 231.

подобное украшение. В свою очередь, такая особенность встречена на внешней створке наруча, который был найден в царском дворце в г. Велико-Тырново, Болгария (рис. 11, б-в)⁸⁷. Эта находка относится к финальному периоду Второго Болгарского царства⁸⁸, то есть к середине – второй половине XIV в. Данный экземпляр очень интересен: он имеет весьма близкую конструкцию наручам-базубандам, но при этом отличается от них.

На наш взгляд, этот экземпляр очень похож на одну группу наручей, известных по немногочисленным западноевропейским изображениям начала – середины XIV в., некий симбиоз базубандов и западноевропейских двустворчатых цилиндрических наручей. Подобные наручи изображены на надгробии немецкого рыцаря Конрада Заинсхайма (*Konrad Seinsheim*), умершего в 1369 г. (рис. 12, а). Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с некоей промежуточной традицией, которая не относится ни к Востоку, ни к Западу, и ее истоки нужно искать где-то на Балканах, возможно, в Византии. Фрагментированность новгородской, впрочем, как и гомельской, находки не позволяет с уверенностью отнести их к этой традиции. Вполне возможно, что значительная отвальцованность торцевой части была вызвана пожеланием заказчика доспеха, хотя, на наш взгляд, это маловероятно. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с импортом.

Вторая новгородская депаспортизированная находка имеет особенность, связанную с оформлением внешнего торца. Речь идет об отверстиях, которые расположены вдоль верхнего края створки. Ближайшей аналогией являются наручи из одной частной польской (?) коллекции, составляющие один гарнитур, опубликованные в 1997 г. польским исследователем Я. Гутовским (*Jasek Gutowski*)⁸⁹. У этой пары наручей, как и у описываемой находки, вдоль верхнего края внутренних створок расположены отверстия. Судя по следам коррозии, они служили для пришивания подкладки или, что более вероятно, для пришивки рукавицы. Дело в том, что оба наруча гарнитура имеют приплетенную защиту кистей, при этом ее устройство, в своем роде, уникально. Эта защита устроена следующим образом: с внутренней торцевой стороны обеих створок проделаны небольшие круглые отверстия. Посредством их к створкам крепится кольчатое плетение, которое образует защиту тыльной стороны кисти, до первых фаланг пальцев включительно и большого пальца полностью. Две крайние фаланги оставшихся четырех пальцев защищает приплетенная металлическая полуовальная пластина (рис. 13). В целом, кольчатые рукавицы известны по русским наручам XVI-XVII вв. Они абсолютно одинаковы по покрою с вышеописанными и изнутри, а иногда и сверху, покрывались матер-

⁸⁷ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить магистра юридиико-исторического факультета Великотырновского университета Станимира Дмитрова за предоставленные фотографии.

⁸⁸ Николова Я. Домашният бит и въоръжението в двореца на Царевец според археологическият материал // Царевград-Търнов. Т. 2. Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани. – София, 1974. – С. 302. Обр. 111.

⁸⁹ Gutowski, J. Katalog zabytków tatarskich. Tom I: Broń i uzbrojenie Tatarów. – Warszawa, 1997. – № 40.

чатой или кожаной подкладкой (рис. 14)⁹⁰. Что касается гарнитура из польской (?) частной коллекции, то роль кольчатого плетения в них не ограничивается защитной функцией кисти. Кольчатым плетением соединены и обе створки наручей. Этот прием также характерен для большинства базубандов XV–XVII в. Автор публикации атрибутировал гарнитура как турецко-татарский по происхождению и отнес его к XVI в. На это исследователя подтолкнуло наличие клейма на обоих наручах, похожего, по его мнению, на «тамгу Гиреев»⁹¹. Здесь стоит заметить, что ни иранская, ни индийская традиции, где в XVI–XIX вв. довольно часто встречается кольчатое прикрытие кисти, такого технического решения не знали. В этих регионах кольчатое полотно нашивалось на матерчатую основу, которая затем пришивалась к базубандам⁹².

Между тем, для Руси XIII в. есть находки наручей, у которых присутствуют отверстия и вдоль внутреннего торца, как у гарнитура, опубликованного Я. Гутовским. Речь идет об упомянутых выше обломках гарнитура из Гомельской мастерской (рис. 15, а-б) и о внутренней створке из Червена (рис. 15, в). В отношении последней находки стоит заметить, что польский исследователь Витольд Светославский (*Witold Świątosławski*) под воздействием взглядов М. В. Горелика⁹³ считает, что она является частью комплекса вооружения монголо-татар и была ими утеряна во время западного похода 1240-1241 гг.⁹⁴ В то же время другой польский исследователь П. Стрыж (*Piotr Struż*) не исключает ее древнерусского происхождения⁹⁵. Но самое примечательное, что за пределами Древней Руси такая конструкция наручей до сих пор ни разу не встречена.

Вполне вероятно, что отверстия вдоль внутреннего торца гомельской и червенской находок, как и у наручей, опубликованных Я. Гутовским, служили для приплетения кольчатой защиты кисти. О. А. Макушников в одной из своих последних работ в отношении гомельской находки об этом пишет напрямую⁹⁶.

При этом схожесть описанного гарнитура с новгородской находкой не заканчивается только гипотетической защитой кисти. У обоих экземпляров очень интересно устроены застёжки. На большинстве наручей, где удалось проследить систему крепления, она выглядит следующим образом. По внешнему

⁹⁰ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. I. – СПб, 1841. – С. 51-52, рис. 41-42; Солнцев Ф. Г. Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Государя Императора Николая I. Отд. 3: Броня, оружие, кареты и конская сбруя. – М., 1853. – С. 53, рис. № 56.

⁹¹ Gutowski, J. Katalog zabytków tatarskich. – S. 56.

⁹² Дмитров С. Налакътник от района Опака. – С. 225. Обр. 6; Mohamed, B. The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. – Milano, 2008. – P. 311. № 299.

⁹³ Świątosławski, W. Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów (XII–XIV w.). – Łódź, 1996. – S. 21.

⁹⁴ Świątosławski, W. Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w. – Łódź, 1997. – S. 40.

⁹⁵ Struż, P. Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce // Acta Archaeologica Lodziensia. – Łódź, 2006. – S. 20-21.

⁹⁶ Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. – С. 120.

краю внутренней створки на небольшом расстоянии крепятся две прямоугольные или овальные пряжки-застежки. В свою очередь, на внешней створке очень близко к внешнему краю расположены два узких прямоугольных отверстия, в которые продевался и там фиксировался ремешок. Лишь у гарнитура из Гомельской мастерской ремешки пропускались через специально смонтированные на внешней створке колечки⁹⁷. Посредством этого ремешка и пряжек наручи и крепились на руке. У обоих экземпляров принцип крепления такой же, но устроен он немного по-другому. Пряжки крепились не непосредственно к створкам, а на вытянутых, фигурно оформленных узких металлических полосах, которые не только служили украшением, но и усиливали створки как ребра жесткости. По полностью сохранившемуся гарнитуру из частной польской (?) коллекции можно говорить о том, что ремешки на внешних створках новгородских наручей крепились посредством таких же вытянутых, фигурно оформленных узких металлических полос. Все вышесказанное наводит нас на предположение, что новгородская находка и гарнитур, опубликованный Я. Гутовским, если и не датируются одинаково, то наверняка принадлежат к одной традиции. Единственное, что может смущать, – это способ скрепления обеих створок на наручах гарнитура из частной польской (?) коллекции при помощи кольчатого плетения. Что касается археологических находок, имеющих в нашем распоряжении, в отношении гомельских наручей мы с уверенностью можем констатировать, что у них обе створки крепились при помощи петель. В отношении новгородской находки и находки из Червеня что-либо конкретное утверждать мы не можем, так как внутренние стороны в обоих случаях коррозированы, но мы не исключаем, что их могли фиксировать между собой при помощи кольчатого плетения.

К сожалению, на данный момент генезис двустворчатых наручей в Восточной Европе остается невыясненным. Так, опубликовавший одну из первых находок наруча с городища Сохновка А. Н. Кирпичников, следуя в русле научной мысли своего времени, поспешил отнести ее к древнерусским изобретениям⁹⁸. В свою очередь, М. В. Горелик чуть позже высказал предположение о том, что на Русь этот экземпляр был занесен монголо-татарами⁹⁹. Две эти точки зрения господствуют до сих пор¹⁰⁰.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 20-21.

⁹⁹ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. – С. 196; Он же. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.). – С. 258.

¹⁰⁰ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари. – С. 195; Бырня П. П., Рябой Т. Ф. Два клада из Старого Орхья. – С. 94; Макушиников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. – С. 120; Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии). – С. 77; Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.). – С. 137-138; Чахкиев Д. Ю. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии. – С. 96; Чахкиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожный Е. И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооруже-

Между тем, первые двустворчатые наручи в Восточной Европе встречены в хазарских погребениях IX в. Об одной находке, обнаруженной в 134 погребении Борисовского могильника, сообщает В. В. Саханев¹⁰¹, еще один гарнитур происходит из могильника Дюрсо¹⁰². Наручи входили в состав погребения, обнаруженного случайно в 1927 г. в черте Новороссийска¹⁰³. Целый наруч этого периода, который происходит из грабительских раскопок в Краснодарском крае, был недавно передан в коллекцию ГИМ, сейчас готовится его публикация¹⁰⁴. К сожалению, нам ничего не известно о бытовании базубандов в Восточной Европе в период с XI по начало XIII в. Но, возможно, это связано с плохой изученностью комплекса вооружения этого времени, вызванной непредставительной археологической базой. Как бы там ни было, находки наручей с территории Древней Руси позволяют говорить, что эта деталь доспеха в целом использовалась в древнерусском комплексе вооружения. А депаспортизированная новгородская находка указывает на то, что на Руси использовался свой тип наручей, который по конструкции отличался от базубандов прочих территорий Восточной Европы.

К третьей категории защиты конечностей – защите плечевого сустава, наплечникам – среди новгородского материала с полной уверенностью может быть отнесена одна находка. Б. А. Колчин и В. Л. Янин в своей совместной статье, посвященной пятидесятилетней годовщине раскопок Новгорода, указали, что в 1958 г. на раскопе XXVIII в слое XIV в. был найден «тонкий стальной наплечник пластинчатого доспеха с орнаментом, нанесенным золотой наводкой. На наплечнике изображен грифон»¹⁰⁵. К сожалению, на сегодняшний день невозможно установить, что представляет собой данная находка. Авторам не удалось найти эту находку среди коллекций НГОМЗ, ГИМ и ГЭ – основных мест хранения новгородских археологических коллекций. Также не удалось установить, где хранится опись этого года раскопок.

В целом, наплечники – относительно редкая находка для археологии. С территории Древней Руси их известно несколько: находки XIII в. из Минска¹⁰⁶, Ви-

ния у вайнахов. – С. 75-76; Vornic, V., Tabuncic, S., Ciobanu, L., Ursu, I., Iarmulschi, V. Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a oraşului. – Р. 205-206.

¹⁰¹ Саханев В. В. Раскопки на Съверномъ Кавказъ в 1911-1912 гг. // Извѣстія Императорской Археологической комисіи. Вып. 56. – СПб, 1914. – С. 144.

¹⁰² Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – С. 204.

¹⁰³ Чайковский Г. Случайные находки древностей в 1924–1927 гг. на Черноморском побережье (В окр. г. Новороссийска, по данным местн. музея природы и истории) // Записки: Северо-Кавказ. Краевое общество археологии, истории и этнографии. Кн. I (Т. III). Вып. 3-4. – Ростов-на-Дону, 1927-28. – С. 76.

¹⁰⁴ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить за предоставленную информацию сотрудника Отдела археологических памятников ГИМ С. С. Зозулю.

¹⁰⁵ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник «50 лет археологии Новгорода». – М., 1982. – С. 29.

¹⁰⁶ Загорюльский Э. М. Возникновение Минска. – Минск, 1982. – Табл. XI.

щенского¹⁰⁷, Бородинского¹⁰⁸ и Свислоческого¹⁰⁹ городищ, а также находка XIV в. из Твери¹¹⁰.

Известны напечники и с сопредельных территорий. С территории Великого Княжества Литовского это находки XIII-XIV вв. из Гродно¹¹¹ и с городища Бубай¹¹², находка второй половины XIV в. с Гочевского городища¹¹³. С территории Золотой Орды это напечники рубежа XIII-XIV вв. из кургана у местечка Чойош, на востоке Венгрии¹¹⁴, и напечники XIV в. из погребения у с. Озерное, на Херсонщине¹¹⁵. По имеющейся у нас информации, еще одни напечники в составе золотоордынского погребения были найдены в конце 1980-х гг. в распаханном кургане между д. Таволжанка и д. Слоновка Новооскольского района Белгородской области. К сожалению, находка утеряна¹¹⁶. В литературе есть упоминание о находке напечников в золотоордынском погребении у с. Ботиево, в Запорожье¹¹⁷, но на самом деле это верхняя часть внутренней створки наручей¹¹⁸. Возможно, напечником является подтреугольная пластина, найденная в составе (?) ламеллярного

¹⁰⁷ Загорюльский Э. М. Вишинский замок XII-XIII вв. – Минск, 2004. – С. 120, рис. 64, 2.

¹⁰⁸ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // Материалы и исследования по археологии СССР. № 92. – М., 1960. – С. 109, рис. 58, 8.

¹⁰⁹ Кошман В., Плавінскі М. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005-2007 гадоў): да пытання аб мангольскіх нападках на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. IV. – Мінск, 2008. – С. 103. Мал. 3, 4; Плавинский Н. А., Кошман В. И. Предметы вооружения середины XIII в. из раскопок городища Свислочь // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. 2. – М., 2010. – С. 144, рис. 3, 4.

¹¹⁰ Напечник был найден в 1997 г. в ходе раскопок В. А. Лапшина, информацию любезно предоставил К. А. Жуков (ИИМК РАН).

¹¹¹ Плавінскі М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. – Мінск, 2001. – С. 145. Мал. 6, 12.

¹¹² Габрунайте К. Локальные подражания раннесредневековых шлемов русского типа в Литве // Acta Baltico-Slavica. Т. 2. – Białystok, 1965. – С. 127, рис. 8.

¹¹³ Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. – Курск, 2008. – С. 153, 155, рис. 1, 1; Барышев Г. В. Находки предметов вооружения и защитного снаряжения на территории Гочевского археологического комплекса // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. – Курск, 2009. – С. 269, 282, рис. 10, 2.

¹¹⁴ Pálóczi-Horváth, A. A csölyosi kun sírlelet // Folia Archaeologica. № 20. – Budapest, 1969. – P. 111. Ab. 2, 1-2.

¹¹⁵ Гаврилов А. В. Отчет о раскопках курганов у с. Озерное Скадовского района Херсонской области в 1992 году. – С. 45-46, 48, 50-51, рис. 15, 16 – 16, 16.

¹¹⁶ Об этой находке нам несколько лет назад любезно сообщил Д. В. Рукавишников (ИА РАН).

¹¹⁷ Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Кургани доби бронзи та розвиненого середньовіччя біля гирла р. Корсак у Приазов'ї. – С. 15.

¹¹⁸ Болтрик Ю. В., Фіалко Е. Е. Отчет о работе приазовского отряда экспедиции «Сула» в 1993 году. – Архив ИА НАНУ №1993/149. – С. 51-52, табл. 19, 4; 20.

доспеха в золотоордынском погребении в кургане 4 могильника Авиловский I, в Поволжье¹¹⁹. Два наплечника, входившие в состав одного из двух монгольских доспехов, найдены в тайнике на горе Ийи-Кулак в Пий-Хемском районе Тувы¹²⁰. Абсолютно идентичный им наплечник, только с наведенным серебром и золотом орнаментом, недавно был приобретен в коллекцию Столичного музея искусств г. Нью-Йорка (*The Metropolitan Museum of Art*), США¹²¹. Известны наплечники и по материалам Западной Европы. Целая серия наплечников, 2 полных гарнитура¹²² и одна отдельная находка второй половины XIV в. происходят из шведского Висбю¹²³. Наплечники этого же времени входили в состав двух бригантин, обнаруженных при раскопках швейцарского замка Кюснах в кантоне Швиц¹²⁴ и в состав бригантини из раскопок замка Хиршштайн, Бавария¹²⁵.

В отечественной литературе есть упоминания находок еще двух наплечников. Первый был найден в составе доспеха на Абаканском железном руднике, но в данном случае нас смущает материал наплечника – бронза¹²⁶. Второй экземпляр происходит из раскопок Панкратова в 1912 г. между станицами Когопкино и Змейское, в Северной Осетии¹²⁷, он интерпретирован как наплечник М. В. Гореликом, несмотря на размеры находки: – 23 × 20 см¹²⁸.

К сожалению, на сегодняшний день не рассмотрены типология наплечников и их происхождение в Восточной Европе. Но в отношении новгородского наплечника в целом можно констатировать, что украшение данного элемента доспеха характерно для Древней Руси XIII в. Так, технологические следы под инкрустацию присутствуют на наплечнике из Гродно¹²⁹, инкрустация сохранилась на наплечнике с Бородинского городища¹³⁰. Нам известен еще один однотипный

¹¹⁹ Воронцов И. А. Средневековые погребения в низовьях реки Иловли // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. – Волгоград, 2002. – С. 330, рис. 5, 6.

¹²⁰ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – С. 251, 253, табл. IV, ж.

¹²¹ La Rocca, D. J. Warrior of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armour of Tibet. New York, 2006. P.138. Fig.47.

¹²² Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. – Vol. I. P. 346, 396. Fig. 367, 388.

¹²³ Ibid. – P. 112. Fig. 102, 3.

¹²⁴ Gessler, E. A. Die Spangenharnische von Küssnacht // Zeitschrift für Historische Waffen-und Kostümkunde. NF., Bd. I. (11). – Berlin, 1925. – P. 211-216.

¹²⁵ Hermann Historica OHG. 52. Auktion: «Alte Waffen, Antiken, Jagdliches, Varia». 04./05. Mai 2007. – München, 2007. – P. 436-437. Abb. 3641.

¹²⁶ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – Новосибирск, 1979. – С. 134.

¹²⁷ Горелик М. В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21-25 апреля 2008 г. Тез. докл. Международной научной конференции. – Владикавказ, 2008. – С. 139. Таб. I, 13.

¹²⁸ Там же. – С. 137.

¹²⁹ Плавински М. А. Засцерагалнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. – С. 145. Мал. 6, 12.

¹³⁰ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. – С. 109, рис. 54, 8.

наплечник XIII в. из несанкционированных раскопок восточнолитовских курганов¹³¹. На находке сохранились технологические следы под инкрустацию и следы покрытия в виде капелек серебра, расплавившегося во время обряда кремации.

Судя по новгородской находке, традиция украшения наплечников сохранилась и в XIV в.

Помимо находки, упомянутой Б. А. Колчиным и В. Л. Яниным, к наплечникам может быть отнесена еще одна находка (НГОМЗ КП 17771/А1-324 Неревский раскоп, 1952, пл.15, кв.150 № 5927). На Неревском раскопе (пласт 15, квадрат 150) была найдена подтреугольная, с левой асимметричной стороной, пластина (рис. 16; 17). С широкой торцевой стороны на пластине сохранилась часть петли. Она представляет собой согнутую пополам, огибающую с двух сторон торец наплечника квадратную пластину с пропиленными на сгибе пазами. Крепится петля двумя сквозными заклепками, расположенными по торцам, которые расклепывались изнутри. С боковых сторон по периметру находки густо расположены 20 отверстий. Вероятнее всего, они служили для пришнуровки подкладки. С правой стороны, как бы вторым рядом, на удалении друг от друга еще три отверстия, причем нижние, от петли, значительно шире остальных. Пластина в сечении слегка выгнута в обеих плоскостях, вдоль и поперек. Общие размеры пластины: 10,2 × 9,8 см., толщина металла – 1,5 мм. Датируется находка рубежом XIII-XIV вв.

А. Ф. Медведев, который опубликовал находку, посчитал, что это наколенник¹³². Позднее А. Н. Кирпичников в своем фундаментальном труде по вооружению Древней Руси артибутировал ее как наплечник¹³³. В более поздней совместной работе оба исследователя вообще предпочли не касаться этой находки¹³⁴. Между тем, она очень близка ряду наплечников. В первую очередь, это наплечники от доспеха № 1 из братских могил под Висбю (рис. 18, а-б)¹³⁵. Обе находки близки по форме, размерам и устройству петель, которыми они крепились к доспеху¹³⁶. Самое главное отличие заключается в отсутствии отверстий для пришнуровки подкладки на шведском наплечнике. Но именно этой деталью новгородская находка схожа еще с двумя экземплярами. Речь идет о вышеупомянутых наплечнике, найденном на городище Царский Дворец Гочевского археологического комплекса, в башне второй половины XIV в. (рис. 18, в)¹³⁷, и наплечниках из золотоордынского погребения у с. Озерное на Херсонщине¹³⁸.

¹³¹ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить к. и. н. Н. А. Плавинского (Национальный исторический музей Республики Беларусь) за предоставленную информацию.

¹³² Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 130.

¹³³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 20.

¹³⁴ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Т. 15: Древняя Русь. Город. Замок. – М., 1985. – С. 317.

¹³⁵ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. Vol. II... Pl. 2-9.

¹³⁶ Ibid. Vol. I... P. 112. Fig.102, 2.

¹³⁷ Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец». – С. 153.

¹³⁸ Гаврилов А. В. Отчет о раскопках курганов у с. Озерное Скадовского района Херсонской области в 1992 году. – С. 45-46, 48, 50-51; рис. 15,16 – 16,16.

У гочевского наплечника, так же как и у новгородского, с боковых сторон сохранились расположенные в один ряд отверстия, всего их 16, по 8 с каждой стороны. Озерновские наплечники по периметру полностью были обшиты кожаным рантом¹³⁹. При этом все три находки очень схожи по форме. Это не оставляет сомнений, что новгородская находка является наплечником. Здесь стоит сделать небольшое отступление. Дело в том, что во Флорентийском Баптистери (итал. *Battistero di San Giovanni*), на мозаике византийской работы в сцене «Сказал фараон Иосифу: “Будешь над домом моим”» у стражника, приведшего Иосифа, показаны поножи, которые имеют подтреугольные саботоны, обшитые по периметру кожаным рантом (рис. 12, б). Эти саботоны очень похожи на новгородскую находку, что может подвергнуть сомнению ее интерпретацию. При этом мозаика датируется, как и новгородская находка, рубежом XIII-XIV вв. Также следует отметить, что асимметрия одной стороны характерна для ранних саботонов¹⁴⁰. Но форма новгородской пластины четко указывает на то, что перед нами наплечник.

Среди новгородского материала есть еще две находки, которые предварительно могут быть отнесены к защите конечности. Первая – это три фрагмента доспеха, обнаруженные в 1956 г. на Неревском раскопе на границе 14 и 15 ярусов, пласт 20, квадрат 1177Б (ГЭ КП 639-221/РА31-223, Неревский раскоп, 1956 г., яр. 14/15, пл. 20, кв. 1177Б). Все три фрагмента четко собираются в одну большую деталь (рис. 19; 20), которая в общей сложности состоит из пяти узких горизонтально расположенных полос. Нижний край полос разделен на полуовальные фестоны. В двух верхних полосах таких фестонов пять, но, судя по состоянию левой стороны, обе пластины обломаны. Три нижние полосы обломаны на уровне трех фестонов. У самой верхней пластины верхний край отвальцован. Соединяются пластины между собой заклепками, которые изнутри аккуратно расклепаны, диаметр шляпок заклепок – 0,25 см. Заклепки располагаются по центру второго и последнего справа «столбцов» фестонов. На одной пластине, в каждом «столбце», кроме верхней пластины, по две заклепки. Первая заклепка соединяет пластину с предыдущей, а нижняя с последующими пластинами. В верхней пластине, соответственно, только одна заклепка в «столбце», которая ее соединяет с последующей пластиной. Таким образом, получается достаточно жесткая конструкция. На третьем и четвертом справа «столбцах» фестонов головки заклепок имитированы кернением, и создается впечатление, что заклепки проходят по всем фестонам. Исходя из этого, для общего «завершения» конструкции с левой обломанной стороны не хватает, как минимум, одного «столбца» фестонов. На крайний правый фестон второй пластины сверху выходит сквозное отверстие, которое было сделано пробойником изнутри, причем отверстие пробито не только через низ второй, но и верх третьей пластин. Возможно, оно служило для продевания шнура или ремешка, которыми доспех крепился на конечности. В сечении фрагмент выглядит ду-

¹³⁹ Гаврилов А. В. Указ. соч. – С. 11.

¹⁴⁰ Thordeman, B. *Armour from the battle of Wisby 1361*. Vol. I... P. 114; 120-122. Fig. 106; 111-112; 115.

гообразно. Общий размер сохранившегося фрагмента: максимальная высота – 5,5 см, ширина по дуге – 15,9 см, толщина – в пределах 0,04 – 0,06 см, вес – 35 г. Если исходить из того, что слева у пластин обломано по одному фестону, то общая ширина конструкции, при среднем размере фестона чуть более 3 см, должна равняться около 19-20 см.

Есть два предположения относительно того, частью какой защиты является найденный фрагмент. Первое: исходя из жесткой конструкции и достаточно широкого обхвата, с большой долей вероятности можно предположить, что данная находка является фрагментом поножа или наголенника. Так, ширина поножей из золотоордынского погребения у ст. Дмитриевская (рис. 21, б), одной из двух находок, известных на сегодня в Восточной Европе, равна 18 см¹⁴¹, что весьма близко новгородскому экземпляру. Правда, стоит заметить, что у наголенников из Царского дворца в г. Тырново (рис. 21, а) ширина составляет всего 12,5 см¹⁴². Второе предположение: описанный фрагмент является частью защиты плеча, тем, что в древнерусском доспехе называлось «зарукавье»¹⁴³. В пользу этого свидетельствуют две миниатюры из «Зафар-наме» Шараф ал-Дина Йазди списка библиотеки Бостонского музея. На них у двух воинов показаны бронированные рукава, собранные из таких фигурно оформленных пластин (рис. 22, а-б). Данный список четко датируется 1495 г.¹⁴⁴ В свою очередь, новгородская находка относится к более раннему времени, поскольку постройка 14 яруса датируется 1224 г., а 15 яруса – 1238 г. Но на миниатюрах из «Зафар-наме» бронированные рукава из фигурно оформленных пластин показаны в комплекте с такими же фигурно оформленными наплечниками. Мы не случайно обратили внимание на эту деталь: дело в том, что среди древнерусского археологического материала исследователи не раз отмечали находки фигурно оформленных деталей «рукавов» и наплечников. Так, Э. М. Загорульский опубликовал две фигурно оформленные пластины: из Минска, начала XIII в.¹⁴⁵, и Вишненского городища, середины XIII в.¹⁴⁶, происходящих, по его мнению, от «рукавов». Н. А. Плавинский в одной из своих работ приводит фигурно оформленный наплечник, происходящий из раскопок Старого Замка в Гродно, XIII-XIV вв.¹⁴⁷ Фигурно оформленный наплечник XII-XIII вв., найден-

¹⁴¹ Зеленский Ю. В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. – М., 2008. – С. 116.

¹⁴² Николова Я. Домашний бит и вооружение в дворца на Царевец според археологический материал. – С. 301-302. Обр. 112.

¹⁴³ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. – С. 50-51, рис. 38.

¹⁴⁴ Gorelik, M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. – London, 1979. – S. 62-63. Figs. 206-207.

¹⁴⁵ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Табл. XI.

¹⁴⁶ Загорульский Э. М. Вишинский замок XII-XIII вв. – С. 120, рис. 64, 2.

¹⁴⁷ Плавинский М. А. Засцерагалнае ўзбраенне IX-XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. – С. 145. Мал. 6, 12.

ный на Бородинском городище, опубликовал В. В. Седов¹⁴⁸. Еще один фигурно оформленный наплечник был найден В. И. Кошманом при раскопках городища Свислочь¹⁴⁹. Известны находки таких фигурно оформленных наплечников и на сопредельных территориях. Один фигурно оформленный наплечник, происходящий из братских могил на поле битвы при Висбю 1361 г., в своей работе приводит шведский исследователь Б. Тордеман (*Bengt Thordeman*)¹⁵⁰. О нескольких фигурно оформленных пластинах «от наплечников», обнаруженных на городище Бубяй в Литве (XI–XIV вв.), сообщает К. Габрюнайте¹⁵¹.

В целом, по мнению белорусского исследователя Н. А. Плавинского, фигурно оформленные наплечники вполне типичны для запада Древней Руси, где они появляются на рубеже XII–XIII вв. и бытуют вплоть до начала XIV в.¹⁵² Поэтому нельзя полностью исключать версии и в пользу принадлежности этого фрагмента к защите плеча.

Вторая находка – это пластина, обнаруженная на Неревском раскопе, пласт 12, квадрат 1499, № 9 (рис. 19, в; 23) (НГОМЗ КП 35338-1388, Н-1957, Неревский р-п, 12-1499 № 9). Пластина представляет собой узкую металлическую полосу, слегка изогнутую в сечении, размерами 18,2 × 4,3 см. С правой стороны, на расстоянии 1,2 см от края, и в середине пластины, строго по центру, расположено по одной заклепке, которые расклепаны изнутри. Возможно, была и третья заклепка, которая располагалась с левого края. А. Ф. Медведев в работе, посвященной пластинчатым доспехам Руси, с левого края зафиксировал разрушенное монтажное отверстие, в которое такая заклепка могла вставляться¹⁵³. К сожалению, с левой стороны пластина имеет утраты, и однозначного ответа о наличии еще одной заклепки нет.

Находка датируется серединой – второй половиной XIV в. Есть несколько предположений относительно того, частью какого элемента защиты конечностей могла являться эта пластина.

Во-первых, пластина могла входить в состав оплечий. Так, в тайнике на горе Ийи-Кулак в Пий-Хемском районе Тувы в составе одного из доспехов были найдены очень похожие пластины¹⁵⁴. Они представляют собой узкие металлические полосы такой же формы, как и вышеописанная находка, размером 15 × 2 см. По их верхнему краю, в центре и с обоих концов расположено по заклепке.

¹⁴⁸ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. – С. 109, рис. 54, 8.

¹⁴⁹ Кошман В., Плавінскі М. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005-2007 гадоў): да пытання аб мангольскіх нападках на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. – С. 103. Мал. 3, 4; Плавінскі Н. А., Кошман В. И. Предметы вооружения середины XIII в. из раскопок городища Свислочь. – С. 144, рис. 3, 4.

¹⁵⁰ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. Vol. I. P. 112. Fig. 102, 3.

¹⁵¹ Габрюнайте К. Локальные подражания раннесредневековых шлемов русского типа в Литве. – С. 127, рис. 8.

¹⁵² Плавінскі М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. – С. 146-147.

¹⁵³ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 130, рис. 4, 3.

¹⁵⁴ Монгуш В. Т., Грач А. Д. Обследование тайника в Пий-Хемском районе Тувы // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 227.

По мнению М. В. Горелика, из этих пластин были набраны оплечья, они состояли из 18-19 пластин каждое и доходили длиной до локтя (рис. 22, в)¹⁵⁵. В целом, доспех относится к монгольской паноплии и датируется второй половиной – концом XIII в.¹⁵⁶

На первый взгляд, при общей схожести находок обращают на себя внимание разное расположение заклепок и более крупные размеры у новгородской пластины. Поэтому говорить уверенно, что пластина с Неревского раскопа относится к оплечьям, имея в виду слабую степень изученности этого типа доспеха, на сегодняшний день не вполне корректно.

Второй вариант – новгородская находка может быть отнесена к наплечникам. Так, в составе клада, который был найден в 1968 г. на Абаканском железном руднике, среди панцирных пластин присутствует одна пластина очень схожей конструкции¹⁵⁷. Она представляет собой бронзовую прямоугольную полосу размерами 13 × 6 см. С левого края и в середине пластины, четко по центру, расположены заклепки, которые раскованы снаружи. По всему периметру и по середине, вдоль, в одну линию, прочеканен точечный орнамент (рис. 22, г).

М. В. Горелик предположил, что изначально в состав доспеха входило две таких пластины, они выполняли функцию наплечников и крепились поверх основы, поперек плеча, украшая доспех¹⁵⁸. Здесь стоит заметить, что исследователь допустил ошибку, заклепки раскованы снаружи, а это указывает на то, что пластина крепилась под основу. Между тем, в целом его версия вполне рабочая. Так, в средневековом кочевническом погребении, обнаруженном И. В. Синициным в семи километрах от с. Джангала, в местности Бек-Бике (Северо-Западный Казахстан), в состав доспеха входили наплечники, которые были набраны из подобных пластин. Каждый наплечник формировали три пластины схожей конфигурации, размерами 12 × 7 см¹⁵⁹.

По мнению Я. И. Сунчугашева и М. В. Горелика, клад датируется XIII-XIV вв.¹⁶⁰ Но тот факт, что пластины панцирного набора в составе клада являются вторично

¹⁵⁵ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – С. 251, 253-254. Табл. IV, е; Табл. V, 3; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб, 2008. – С. 483, рис. 201, 6-7.

¹⁵⁶ Матвеев А. С. Комплекс монгольских доспехов XIII в. из Тувы (общая характеристика) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. – СПб, 1998. – С. 236.

¹⁵⁷ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – С. 134.

¹⁵⁸ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – С. 184.

¹⁵⁹ Синицин И. В. Археологические памятники по реке Малый Узень (Самарская область и Западный Казахстан) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Вып. XXXII. – М., 1950. – С. 111; Коровкин Д. С. Комплекс вооружения из погребения кочевника, обнаруженного на восточном берегу озера Сарайдин, в местности Бек-Бике // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. № 1. – СПб, 2003. – С. 52-53.

¹⁶⁰ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – С. 133-134; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.). – С. 257.

использованными, на что указывают заклепки, которые местами расположены поверх нашивных отверстий¹⁶¹, позволяет датировать доспех не ранее XIV в.

Как и в первом случае, при внешнем сходстве, опять же, присутствуют существенные различия. Во-первых, обращает на себя внимание материал, из которого изготовлена абаканская находка. Во-вторых, ее пропорции: при меньшей длине, по сравнению с новгородской пластиной, она более широка. И, в-третьих, абаканская пластина располагалась под основой, а новгородская – поверх нее, на что указывает характер расположения замыкающих головок у заклепок.

И третий вариант – новгородская находка могла входить в состав набедренника (возможно, крестца или паха. – *А.К., Ю.К.*). Так, в коллекции Саратовского областного краеведческого музея хранится ламинарный набедренник (по версии автора публикации, не исключено, что защита крестца или паха. – *А.К., Ю.К.*)¹⁶². Набедренник состоит из трех горизонтально расположенных пластин схожей конфигурации, их длина колеблется от 20,5 см до 20,9 см, ширина – от 7,8 см до 8,7 см, общий размер конструкции: 20,9 × 18,5 см (рис. 24)¹⁶³. Но, в отличие от новгородской находки, пластины в «саратовском» набедреннике между собой не скреплялись заклепками, а связывались шнурами. Между тем, набедренники схожей конструкции, в которых пластины крепились при помощи заклепок, хорошо известны в Западной Европе в XV–XVI вв. Но, как и в случае с оплечьями, заклепки на них были смещены либо к нижнему, либо к верхнему краю, в зависимости от направления пластин в конструкции, что опять же является разногласием в конструкции.

Таким образом, на сегодняшний день при недостаточной изученности вопроса установить однозначно, деталью какого элемента защиты конечностей является новгородская пластина, не представляется возможным.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть некоторые важные выводы, сделанные в ходе работы.

Как показало исследование, защита конечностей в древнерусском комплексе вооружения, по-видимому, не уступала аналогичному виду защиты воинов других регионов и шла в ногу со временем. В некоторых случаях, как было показано в настоящей работе, датировка новгородских находок позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о времени бытования аналогичных предметов (генезис металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин в Европе).

¹⁶¹ *Петренко Ю. А., Петренко А. Л.* Переоформленные предметы вооружения на Среднем Енисее в позднем Средневековье (по материалам Минусинского и Абаканского музеев) // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья. – Новосибирск, 2003. – С. 62.

¹⁶² *Коровкин Д. С.* Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников восточноевропейских степей в XIII–XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. – Тула, 2005. – С. 239–240; 242, рис. 2.

¹⁶³ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить н. с. Санкт-Петербургского государственного университета МВД, к. ю. н. Д. С. Коровкина за предоставленные фотографии.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что некоторые категории вооружения могли быть импортными. Это можно наблюдать на примере латных перчаток. Тем не менее пока у нас нет возможности оценить объем импорта вооружения в Новгород, но факт его существования удалось подтвердить вещественно.

По нашим наблюдениям, формирование отечественного средневекового комплекса вооружения шло путем максимально широкого заимствования как самих вещей, так и инноваций. Вопрос о влиянии западноевропейского и восточного типов защитного снаряжения, а шире – и всего комплекса вооружения, на формирование древнерусского является перспективным направлением и должен стать предметом специального комплексного исследования.

В заключение хотелось бы заострить внимание коллег на некоторых наблюдениях, полученных в ходе данного исследования.

Прежде всего, отметим, что до сих пор острой остается проблема атрибуции предметов вооружения и, в частности, защитного доспеха среди археологического материала. В первую очередь это касается деформированных и фрагментированных предметов из черного и цветного металлов, как наиболее проблемных, встречающихся в ходе археологических работ. Очень часто идентификация этих предметов без специальных реставрационно-консервационных работ по очистке от почвенных и коррозионных загрязнений осложнена, а иногда просто невозможна. И, как показывает практика, некоторые предметы так и остаются обезличенными, попадая в музейные коллекции с маркировкой «предмет железный» и т. п. Далеко не последнюю роль в атрибуции предметов играет сравнительно-типологический анализ с привлечением максимально широкого круга аналогий. В связи с этим очень важной является исследовательская работа непосредственно с вещественным материалом. Это касается работы с предметами как во время проведения раскопок, так и после их передачи на музейное хранение. По-видимому, пересмотр музейных собраний позволит выявить еще некоторое количество ранее не опознанных предметов, относящихся к древнерусскому комплексу вооружения (в частности, защитного снаряжения), имеющих существенное значение для оружейведческой науки.

Таким образом, настоящей публикацией авторы хотят привлечь внимание оружейников и археологов к недостаточно освещенным в научной литературе предметам из археологических коллекций. Принципиальная возможность существования данных предметов в археологических материалах Древней Руси до сих пор считалась маловероятной. Представленный в настоящей публикации материал позволяет по-новому взглянуть на комплекс вооружения Древней Руси в целом и Новгорода в частности.

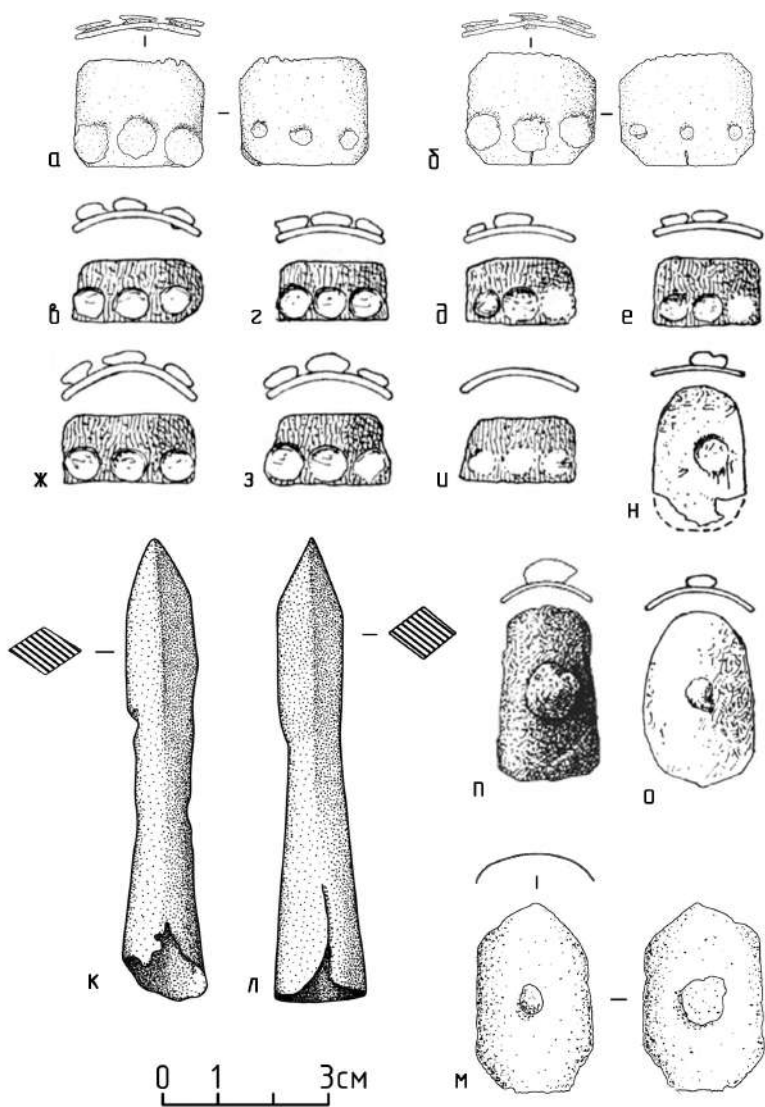

Рис. 1. а, б – Пластины от пальца латной перчатки. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в. Прорисовка; в, г, д, е, ж, з, и – Пластины от пальцев латной перчатки № 2. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); к, л – Наконечники арбалетных стрел. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в. Прорисовка; м – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Никитинский раскоп. сер. XIV – сер. XV вв. Прорисовка; н, о – Пластины от пальцев латной перчатки № 1. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); п – Пластина от пальца латной перчатки № 3. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

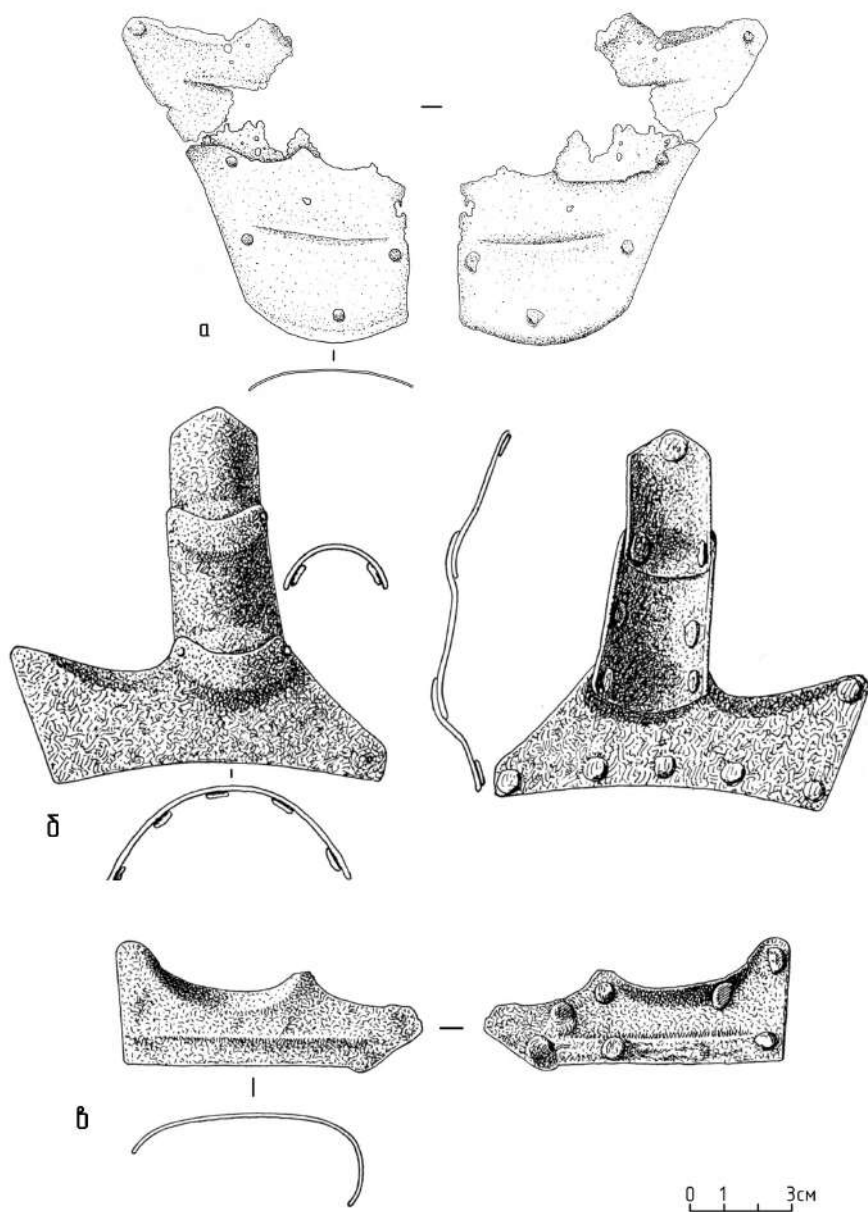

Рис. 2. *а* – Пластины латной перчатки, защищающие основание большого пальца. Новгород, Неревский раскоп. 1 пол. – сер. XIV в. Прорисовка; *б* – Пластина латной перчатки № 3, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); *в* – Пластина латной перчатки № 4, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

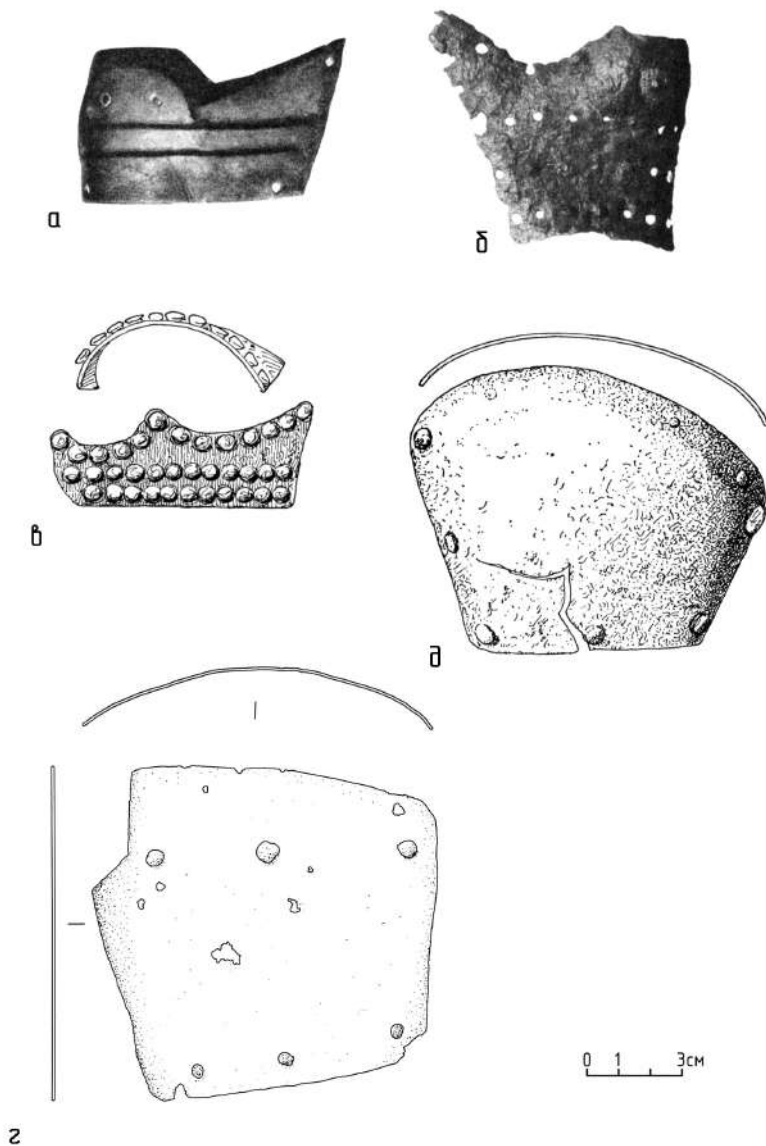

Рис. 3. *а* – Пластина латной перчатки, защищающая основание большого пальца. Замок Кюсснах. Фото (по: Thordeman, 1939, Fig. 211); *б* – Пластина латной перчатки, защищающая основание большого пальца. Замок Борингхольм. Фото (по: Thordeman, 1939); *в* – Пластина латной перчатки № 2, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); *г* – Пястная пластина латной перчатки. Новгород, Неревский раскоп. Прорисовка; *д* – Пястная пластина латной перчатки № 1. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

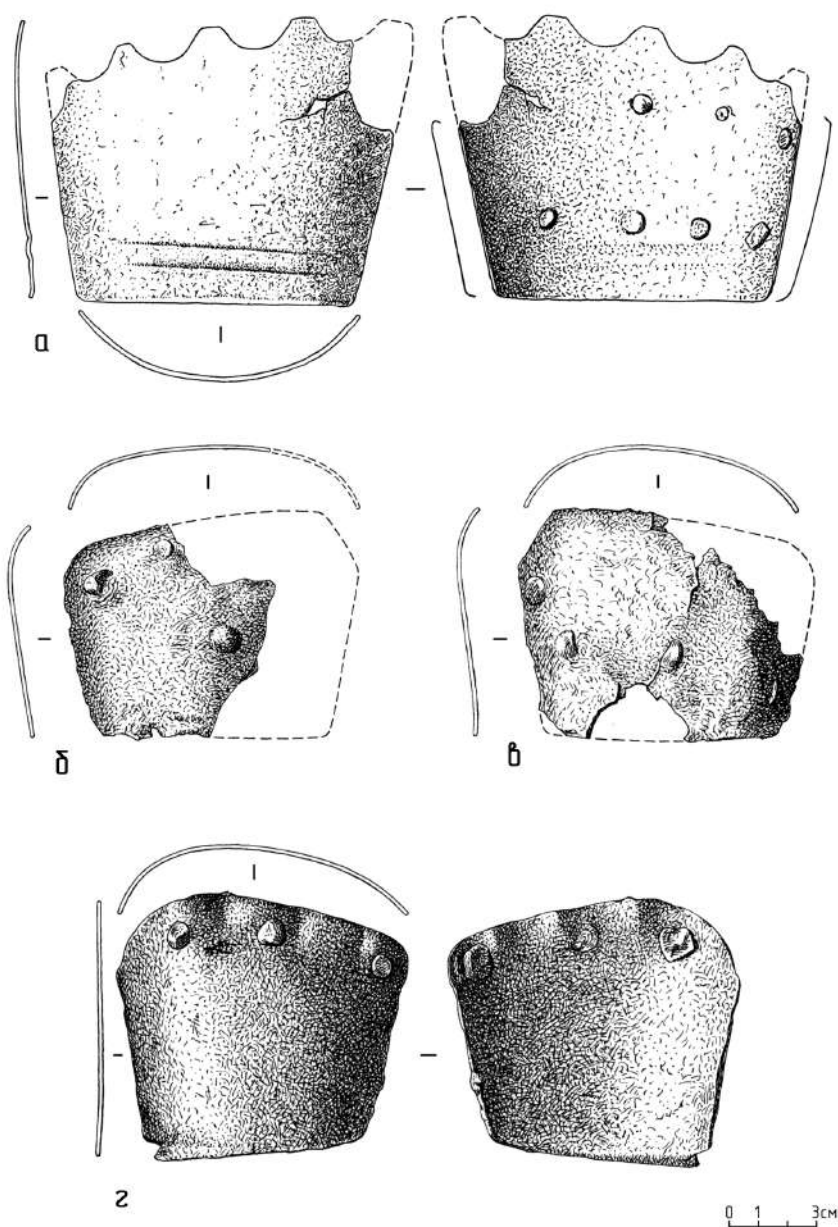
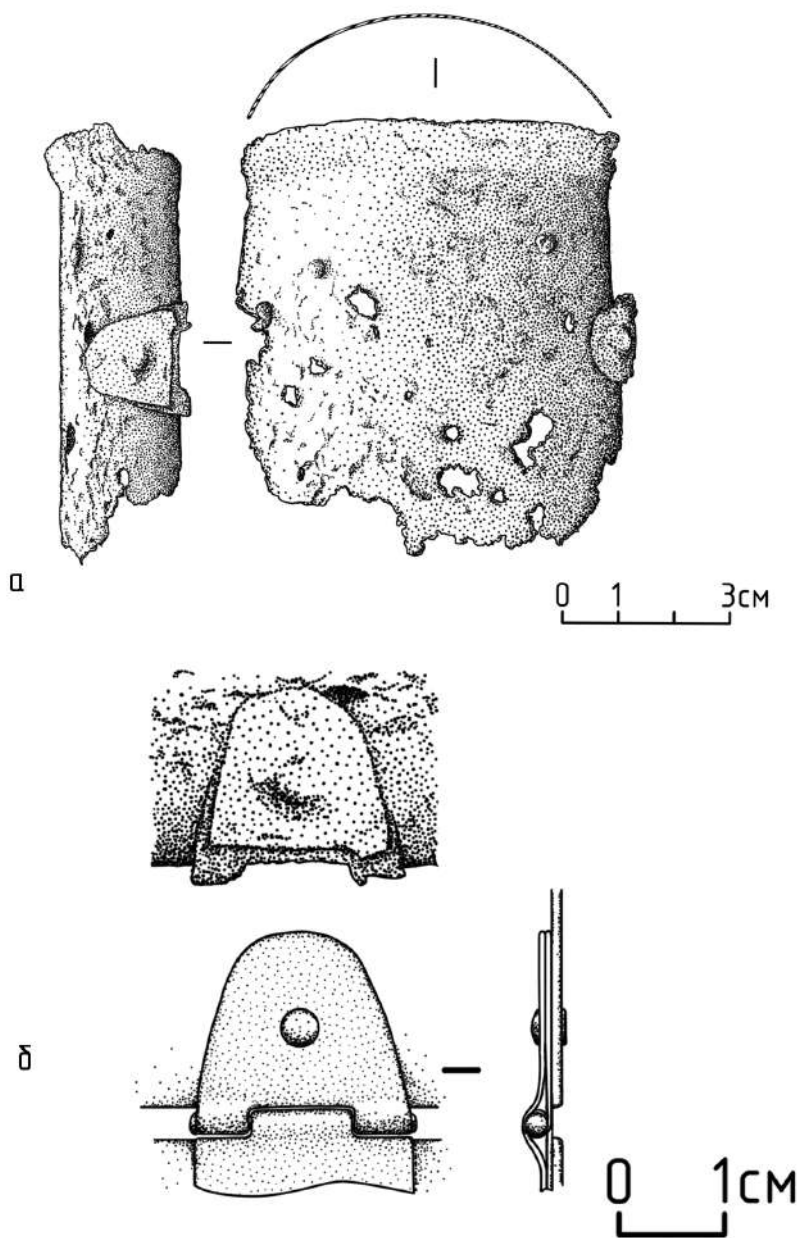

Рис. 4. *а* – Пястная пластина латной перчатки № 5. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); *б, в* – Пястные пластины латных перчаток № 6. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); *в* – Пястная пластина латной перчатки № 7. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

**Рис. 7. Фрагмент внешней створки наруча. Новгород, Неревский раскоп, 1959 г.
2 пол. XIV в. а – Общий вид. Прорисовка; б – Петля наруча.
Вариант графической реконструкции**

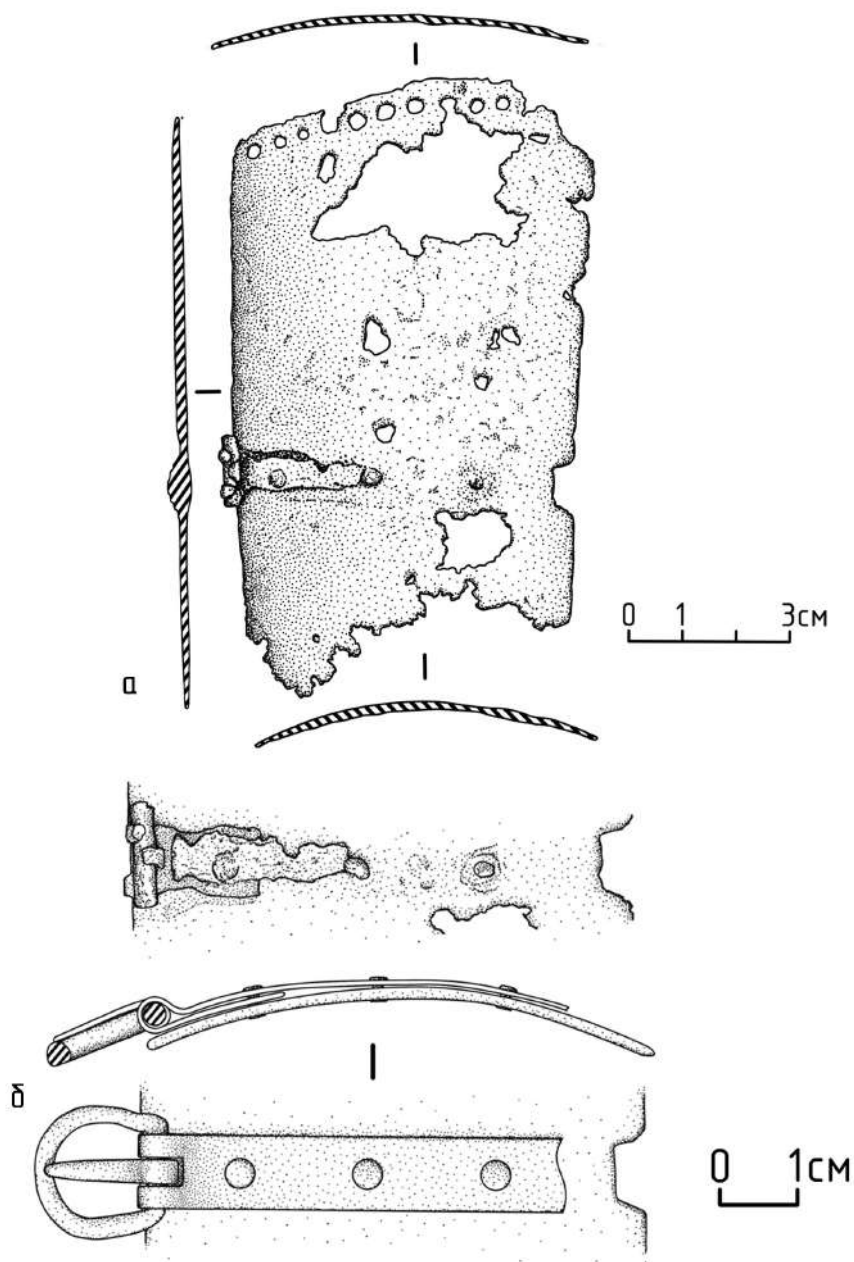

Рис. 9. Внутренняя створка наруча. Новгород, Неревский раскоп, 1 пол. XIII в. (?): а – Общий вид. Прорисовка; б – Пряжка наруча. Вариант графической реконструкции

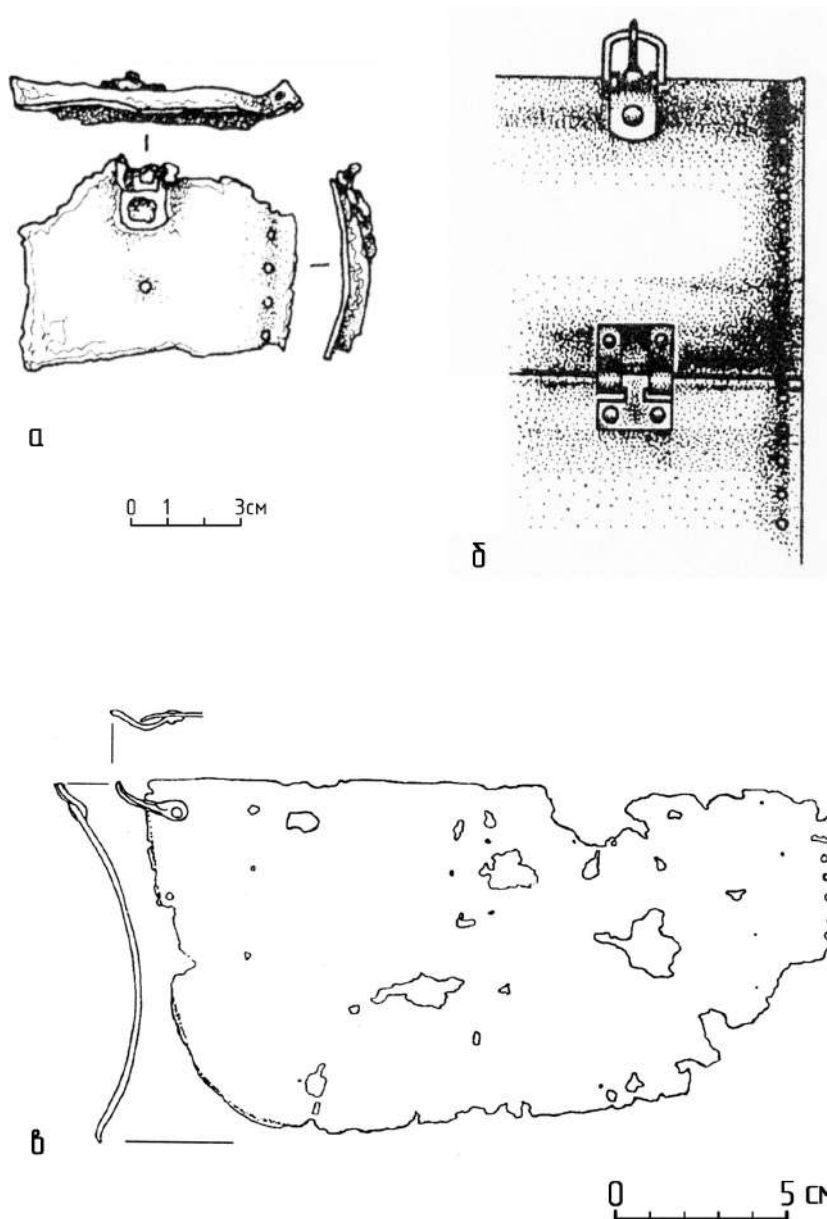

Рис. 15. *а* – Обломок створки наруча. Гомель, Оружейная мастерская. Сер. XIII в. Прорисовка (по: Макушников, Лупиненко 2004); *б* – Реконструкция нижней торцевой части наруча. Гомель, Оружейная мастерская. Сер. XIII в. Прорисовка (по: Макушников, Лупиненко 2004); *в* – Внутренняя створка наруча. Червен. Сер. XIII в. Прорисовка (по: Struż, 2006)

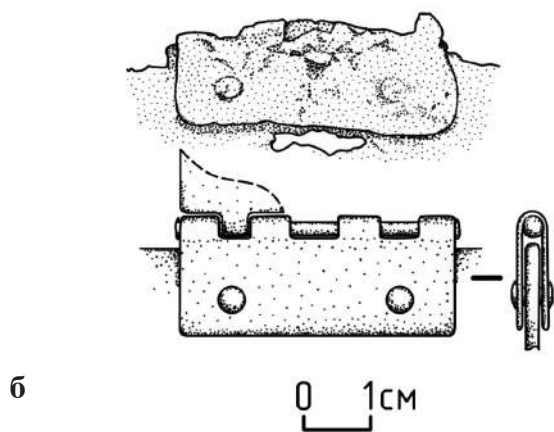
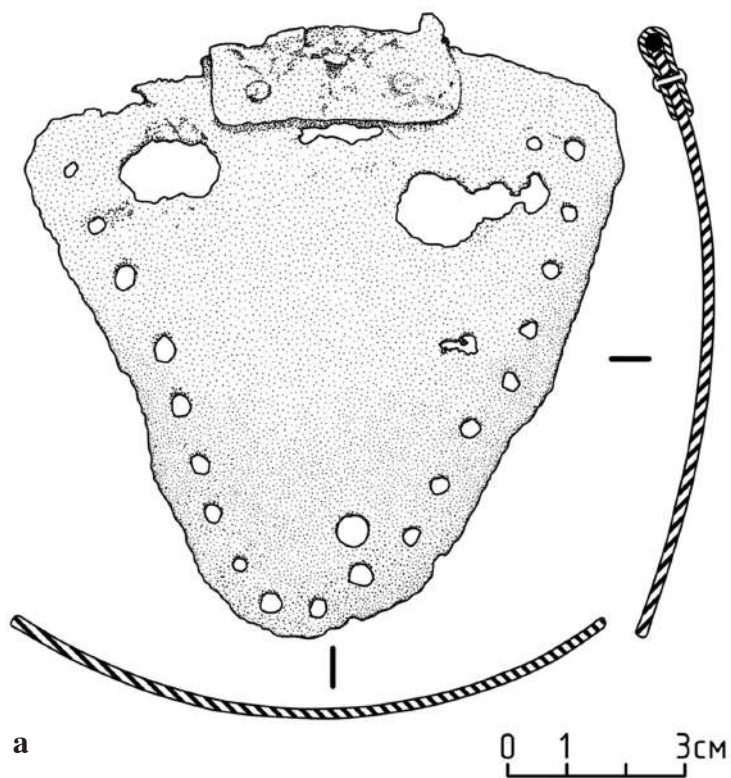

Рис. 16. Наплечник. Новгород, Неревский раскоп. Рубеж XIII-XIV в.:
а – Общий вид. Прорисовка; *б* – Петля наплечника.
 Вариант графической реконструкции

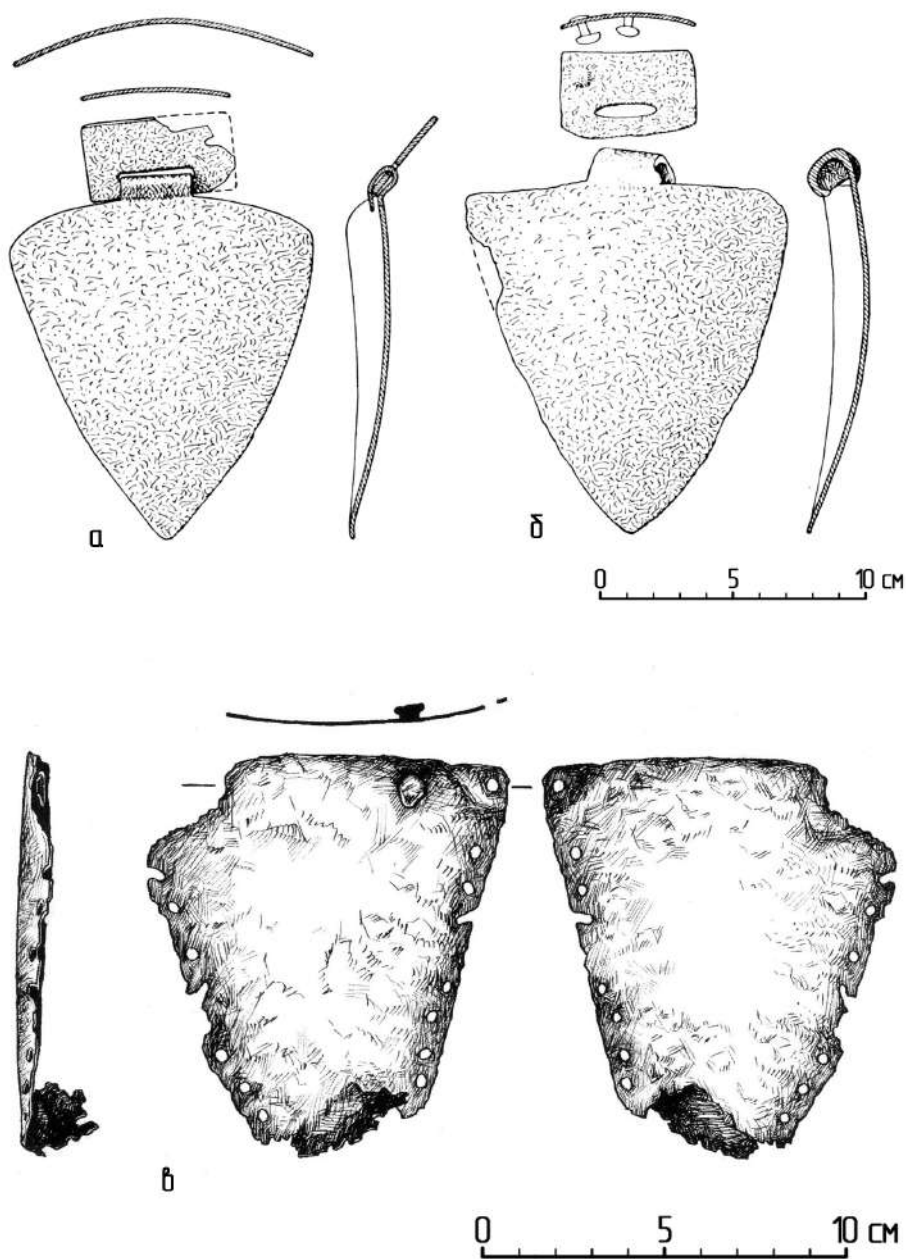

Рис. 18. *а, б* – Наплечники от доспеха № 1. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); *в* – Наплечник с городища Царский Дворец. Гочево, Курская обл. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Стародубцев, Зорин 2008)

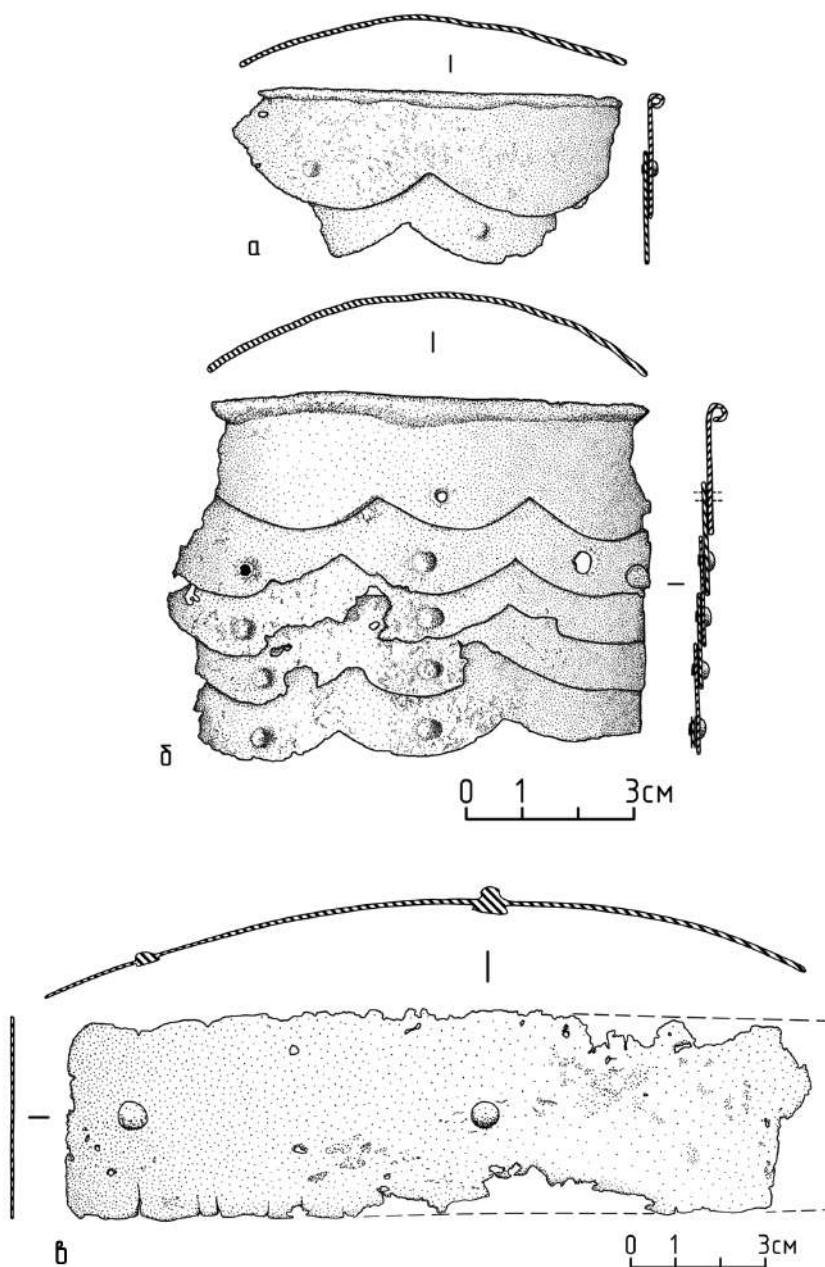

Рис. 19. а, б – Защита конечностей. Новгород, Неревский раскоп. 1224–1238 гг. Прорисовка; в – Пластина. Новгород, Неревский раскоп. Сер. – 2-я пол. XIV в. Прорисовка

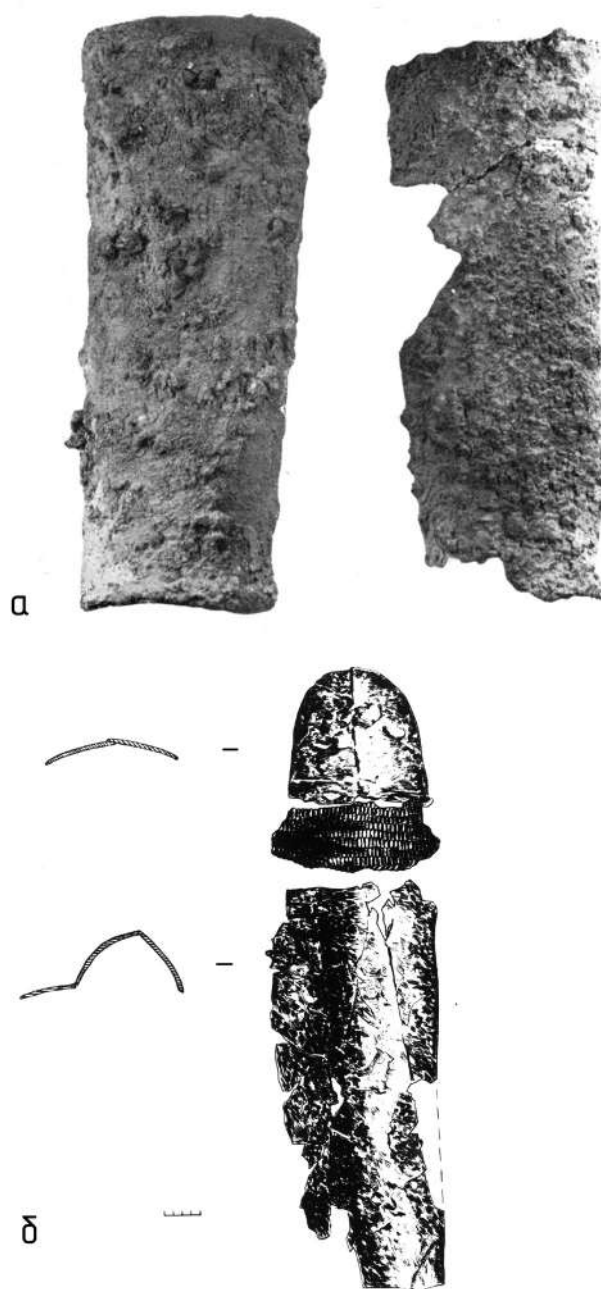

Рис. 21. *а* – Наголенники. Тырново, Царский дворец. 2 пол. XIV в. Фото. (по: Николова, 1974); *б* – Прикубанье, золотоордынское погребение у ст. Дмитриевская. Прорисовка (по: Зеленский, 2008)

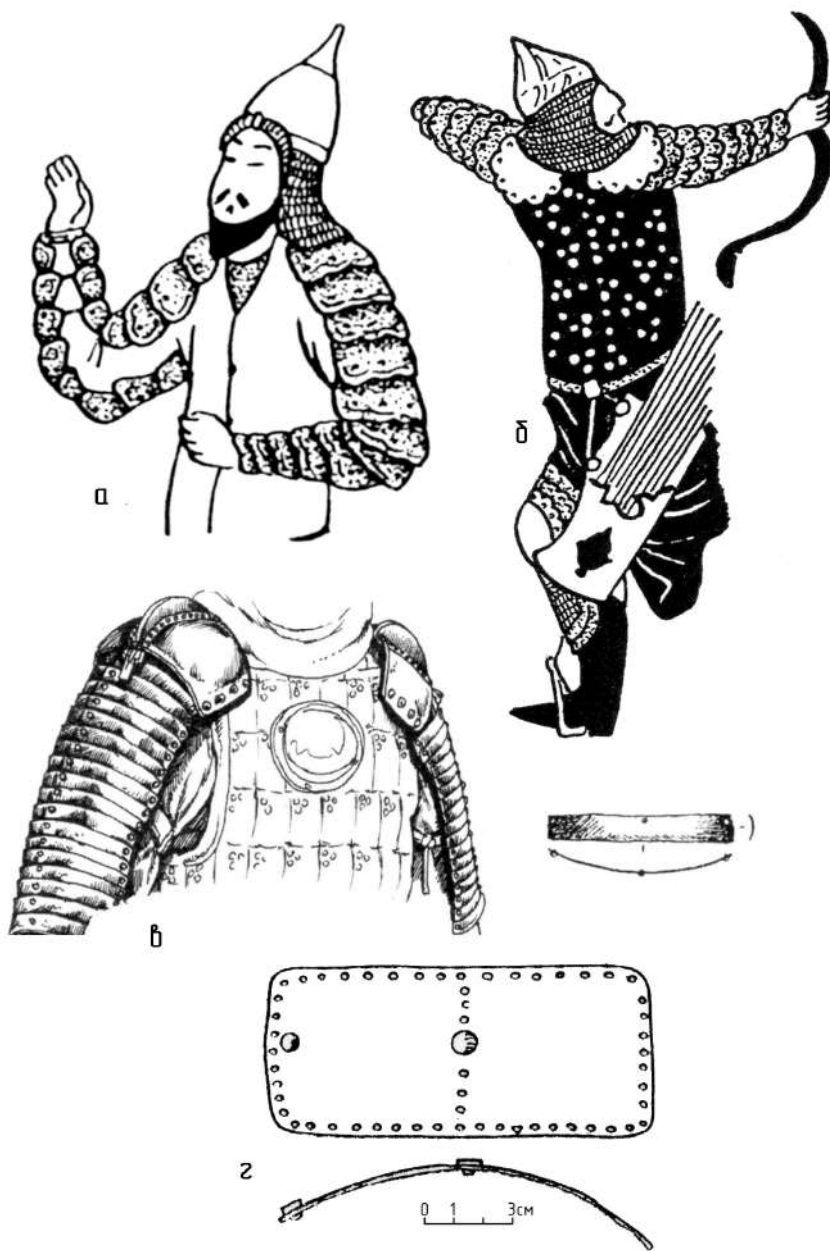

Рис. 22. а, б – Бронированные рукава на миниатюрах «Зафар-наме» Шараф ал-Дина Йазди. Герат. 1495 г. Прорисовка (по: Gorelik, 1979); в – Оплечья. Тайник на горе Ийи-Кулак. 2 пол. – сер. XIII в. Прорисовка (по: Бобров, Худяков 2008); г – Наплечник (?). Абаканский железный рудник. Рубеж XIII–XIV вв. Прорисовка (по: Сунчугашев, 1979).

СТВОРЧАТЫЕ НАРУЧИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. ИЗ ЛЕТОПИСНОГО ГОМИЯ

ОРУЖЕЙНАЯ (слесарно-сборочная) мастерская открыта на территории окольного города летописного Гомия (современный Гомель) в 1987 г. археологической экспедицией под руководством О. А. Макушникова. Комплекс представляет собой остатки большого наземного дома, имеющего две углубленные камеры-подклета. Особенностью вещевого комплекса подклета 1 является сочетание предметов, характерных для жилища (керамика, стеклянные браслеты, замки, серп, коса и др.), с набором столярных и слесарных инструментов и огромным количеством элементов наступательного и защитного вооружения, их заготовок и полуфабрикатов¹. Надпись, выявленная на остатках точеной деревянной орнаментированной чаши, позволяет предположить, что здесь работал мастер Федор². Мастерская функционировала в первой половине XIII в. и погибла во время монгольского нашествия осенью 1239 года³.

Фрагменты наручей располагались компактно. Говорить о первоначальном количестве изделий затруднительно, так как непосредственно у места залегания наручей значительная часть объема мастерской (около 20%) была занята кирпичным фундаментом здания XIX в. Тогда же, при закладке фундамента, произошло разрушение сохранившихся наручей и смешение их остатков. Сохранность материала удовлетворительная, но отсутствует металлическая основа структуры. Предметы залегали в мощном зольно-угольном слое.

Всего обнаружено 68 фрагментов этого элемента доспеха (рис. 1–15). Фрагменты имеют размеры от 10 мм до 115 мм в длину. Изначальная толщина металла на наиболее хорошо сохранившихся фрагментах 1–1,7 мм.

Идентификации изделия послужили 12 фрагментов с рядом специфических признаков (рис. 1–5). В первую очередь, они, как и остальные фрагменты (рис. 6–15), показывают, что изделие было изготовлено из равномерно согнутого железного листа. Идентификационные признаки представлены следующими конструктивными особенностями.

¹ Макушников О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності Південної Русі. – Чернівці, 1993. – С. 121–125.

² Макушников О. А. Памятники эпиграфики и сфагистики из летописного Гомия // Гістарычна-археалагічны зборнік № 15. – Мінск, 2000. – С. 73–75.

³ Макушников О. А. В поисках древнего Гомия. – Гомель, 1994. – С. 44.

Радиально отогнутый край. Зафиксировано шесть фрагментов (рис. 1; 2:2; 3; 16). На пяти у основания изогнутого края параллельно кромке, на расстоянии 4–5 мм от края, в один ряд расположены отверстия диаметром 2 мм с интервалом 8–11 мм. На одном фрагменте отверстия не прослеживаются (рис. 3). Фиксируемая толщина металла 1,5–1,7 мм.

Завальцованный край. Зафиксирован один фрагмент, собранный из двух полус желез, один край которого завальцован. Ширина завальцованной кромки 3 мм (рис. 4:2). Фиксируемая толщина металла 1 мм.

Загнутый край. Зафиксирован один фрагмент. Сложенная вдвое кромка шириной 3,5 мм отогнута под углом 90° по отношению к основной стенке (рис. 2:2; 16:2). Фиксируемая толщина металла 1 мм.

Пряжки. Зафиксирована одна пряжка со щитком, приклепанная к фрагменту на расстоянии 37 мм от радиально отогнутого края (рис. 2:2; 16:1). Внутренний размер пряжки 13 мм.

Кольца крепежные. Зафиксировано два кольца с внешним диаметром 14 мм, прикрепленные к двум фрагментам (рис. 4). Способ крепления не прослеживается. В качестве ближайшего аналога можно привести вариант крепления кольца к пластинке с помощью петельки – от доспеха XII–XIII вв. из городища Сампсониев Остров⁴.

Шарниры. На двух фрагментах зафиксировано наличие звеньев шарнира в виде буквы Н толщиной 4–5 мм (рис. 2:1; 16:2). На фрагменте с завальцованным краем звено шарнира приклепано на расстоянии 7 мм от края.

На некоторых фрагментах имеются одиночные отверстия либо прослеживаются их следы (рис. 2:2; 6).

Таким образом, характер фрагментов позволяет предполагать, что в первоначальном виде изделие состояло из изогнутых в одной плоскости железных пластин с различного рода отделкой, соединенных шарнирами и ремнями посредством пряжек и колец. Отличие в отделке идентичных фрагментов, а также поврежденность археологического комплекса в XIX в. позволяет предположить, что в мастерской находилось не менее двух однотипных изделий.

Поиски аналогий среди археологического материала, происходящего из памятников первой половины XIII в. с территории Руси и сопредельных с ней территорий, привели к однозначному заключению. Ближайшим аналогом гомейским находкам является трубчатый наруч створчатой конструкции, датированный 1200–1240 гг., из городища Сахновка (бывш. Каневский уезд, Украина)⁵. В кургане 1 у станции Дмитриевская (Краснодарский край, Россия) среди прочего вооружения обнаружена пара наручей, практически идентичных сахновскому⁶. Самое интересное, что в состав доспеха погребенного воина входили и поножи аналогичной с на-

⁴ Моргунов Ю. Ю. Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. – М., 2003. – С. 90–91, рис. 39.9.

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств X–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1–36. – Л., 1971. – С. 20, рис. 23.

⁶ Кочкаров У. Ю. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2004. – С. 94–107, рис. 1; 2:5.

ручами створчатой конструкции с наколенниками⁷. По ряду признаков памятник датирован концом XII – началом XIII в. В Чермно над Гучвой (Польша) обнаружена внутренняя створка трубчатого наруча середины XIII века⁸.

Как и наручи из Сахновки и станицы Дмитриевская, гомейские наручи состояли из двух створок, крепящихся между собой двумя шарнирами. Для фиксации створок служили две пряжки.

Детальное обследование фрагментов наручей позволило выявить их конструктивные особенности и предложить реконструкцию всего изделия. Прежде всего, интерес вызывают крепежные детали. Учитывая удовлетворительное состояние пряжки (рис. 2:2), устройство ее конструкции и способ функционирования вопросов не вызывают (рис. 17:1). Логично предположить, что для крепления к створке наруча ремня использовались сохранившиеся кольца (рис. 4). Ремень пришивался к кольцу (рис. 17:1). Этот способ монтажа делает изделие ремонтпригодным по сравнению, например, с приклепкой ремня непосредственно к створке.

Учитывая фрагментарность сохранности шарнира и некоторую условность идентификации, его конструкция восстанавливается следующим образом. Н-образное основание из толстого металла одной стороной приклепывалось к створке, а на другую сторону накидывалась парная петля и приклепывалась ко второй створке (рис. 17:2).

Градация фрагментов створок по толщине позволяет предположить, что посредством этого признака возможна идентификация внешней (высокой) и внутренней (низкой) створок наруча. В этом плане показательны фрагменты на рис. 2:2 и 4. Толщина краев стенок у них 1 мм, поэтому края створок были упрочнены посредством завальцовки и загиба краев. У фрагмента на рис. 4:2 завальцованный край, параллельный направлению изгиба, ровный, и это позволяет предполагать, что это верхняя часть внутренней створки. Внутренняя створка наруча из Чермно над Гучвой также имеет толщину стенок 1 мм и обработку краев⁹. Фрагменты с толщиной стенок 1,5–1,7 мм не имеют завальцовок и загибов, что позволяет отождествлять их с внешней створкой. Ввиду того, что все фрагменты согнуты в одной плоскости, наручи из гомийской мастерской не имели выпуклости внешней створки на уровне локтевого сустава, характерного для восточноевропейских образцов XIV в. Пара таких наручей обнаружена в воинском погребении в селе Каирка Херсонской области (Украина)¹⁰.

Ряд отверстий, расположенных у радиально отогнутого края, позволяет предположить два варианта их функционального назначения. В первом случае через них пришивался смягчающий подбой для обеспечения большего комфорта при использовании (рис. 17). Для лучшей фиксации подбоя могли служить

⁷ Гаврилов А. В. Указ. соч. – С. 96, рис. 1; 2:6.

⁸ Struż, P. Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce // *Acta Archaeologica Lodziensia*. – Łódź, 2006. – S. 20–21, rys. 25.7.

⁹ Struż, P. Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce // *Acta Archaeologica Lodziensia*. – Łódź, 2006. – S. 20–21, rys. 25.7.

¹⁰ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев, 1999. – С. 190, рис. 47: 1, 2.

одинокое отверстие, расположенные на поверхности створок, и сложенная вдвое и отогнутая кромка внутренней створки. Во втором случае через них пришивалась защитная рукавица (рис. 18) либо клапан для защиты кисти руки. В позднесредневековых XV–XVII вв. и этнографических XVIII–XIX вв. наручах аналогичной конструкции именно такая защита кисти руки была наиболее распространенной в Персии и Индии¹¹. В XVI¹², XVII и даже в XVIII в. наручи идентичной конструкции использовались в Речи Посполитой¹³. Возможно, функции отверстий в гомейских наручах совмещались.

Вопрос о возможности использования в первой половине XIII в. защиты кисти руки в комплекте со створчатыми наручами на территории Руси следует рассмотреть особо. Дело в том, что эти усиливающие элементы к доспеху активно использовались развитыми в военном отношении народами Центральной и Средней Азии уже в I тысячелетии н. э.¹⁴, но защита кисти руки там не была характерной, несмотря на достаточную монументальность доспеха в целом. Однако в первой половине XIII в., параллельно с археологически фиксируемым временем использования наруча на территории Руси, в западноевропейском кольчатом доспехе получает развитие защита кисти руки. Она начала эволюционировать во второй половине XII в. за счет удлинения рукавов доспеха. Так, у воинов с иллюстраций Винчестерской Библии (около 1170 г.) кольчатым доспехом защищены внешняя и внутренняя стороны ладоней, а также полностью кисти рук¹⁵. Аналогичную защиту конечностей имеют воины с иллюстраций «Энеиды» Генриха фон Вельдеке (Германия, около 1200 г.)¹⁶. Логично предположить, что русские мастера-бронники пошли по тому же пути, что и их западноевропейские коллеги в области повышения защитных функций доспехов (оглядка на западноевропейский доспех при конструировании защиты кисти руки вполне могла иметь место). Но, кроме кольчатых доспехов, на территории Руси использовались и гомогенные по структуре усиливающие элементы к доспеху – трубчатые наручи створчатой конструкции. К ним тоже была применена эта новация.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенные факты и наблюдения, наручи из гомельской оружейной (слесарно-сборочной) мастерской представляют собой довольно совершенное и новаторское для своего времени защитное средство (рис. 18). На сегодняшний день источниковая база, к сожалению, не позволяет объективно рассмотреть генезис этого усиливающего эле-

¹¹ Robinson, R. *Oriental Armour*. – London, 1967. pl. IV: A; XIV: A, B; XV: B; XV; fig. 17: E; 19: D, F.

¹² Быхан Ю. М. *Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст.* – Минск, 2002. – С. 68–69; 80–81.

¹³ Ракава Л. В., Белявіна В. Н. *Мужчынскі касцюм на Беларусі*. – Минск, 2007. – С. 294–297.

¹⁴ Горелик М. В. *Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э.* // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1993. – С. 176, рис. 14; Распопова В. И. *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. – Л., 1980. – С. 83, рис. 51, 55–57.

¹⁵ Граветт К., Николь Д. *Норманны. Рыцари и завоеватели*. – М., 2007. – С. 25, 88, 89.

¹⁶ Nicolle, D. *Medieval warfare source book. Vol. I: Warfare in Western Christendom*. – London, 1995. P. 110.

мента к доспеху на территории Руси по состоянию на первую половину XIII в. Вовсе не исключена возможность его создания русскими мастерами ввиду общего усиления защитных средств в XIII в.¹⁷ Известным исследователем средневекового ремесла Б. А. Колчиным был сделан вывод об очень высоком техническом и экономическом уровне развития русской металлургии и кузнечного ремесла в первой половине XIII века¹⁸. Это, на наш взгляд, предполагает новаторские разработки, без оглядки на достижения других народов. Так, Русь была пионером в использовании колесиковых шпор¹⁹, чешуйчатых доспехов оригинальной структуры²⁰. Наручи из Гомия, по всей видимости, не являлись эксклюзивным изделием. Общий характер находок в мастерской свидетельствует о выпуске в большинстве своем стандартной, серийной продукции. Это подтверждает вывод А. Н. Кирпичникова об унификации и стандартизации производства оружия на территории Руси в XII-XIII вв.²¹ При этом все обнаруженные изделия отличаются высоким качеством изготовления. Наручи относятся к этой категории стандартных и унифицированных изделий. Так, створки наручей не только изготавливались из сплошного листа, но и набирались из полос (рис. 4:2; 18:2). Это показатель экономного расходования материала мастером. В целях снижения массы изделия мастером применено рациональное бронирование. Внешние створки, наиболее подверженные воздействию оружия, изготовлены из более толстого металла, нежели внутренние.

Факт находки фрагментов створчатых наручей в точно датированном первой половиной XIII в. производственном комплексе вносит серьезный аргумент в давнюю дискуссию о происхождении этого средства защиты. Уникальность и единичность находки Сахновского наруча привела в свое время к неоднозначности его трактовки. А. Н. Кирпичников, соглашаясь с доводами руководителя раскопок в Сахновке В. Е. Гизе, отнес наруч к элементам русского доспеха первой половины XIII в.²² Известный исследователь восточного вооружения М. В. Горелик идентифицировал сахновский наруч как персидский базубанд, занесенный на территорию Южной Руси монгольской армией. При этом сам исследователь уточнил, что массовое использование базубандов на Востоке начинается не ранее последней трети XIV в.²³ На сегодняшний момент русское происхождение створчатых наручей из Сахновки, Чермно над Гучвой и Гомия стало очевидным.

¹⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1–36. – Л., 1971. – С. 15, 20.

¹⁸ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – № 32. – С. 207.

¹⁹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // САИ. – Е 1–36. – Л., 1973. – С. 68–70.

²⁰ Лупиненко Ю. М., Макушников О. А. Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15. – Мінск, 2008. – С. 140–154.

²¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 73.

²² Там же. – С. 20, 21.

²³ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С. 257–258.

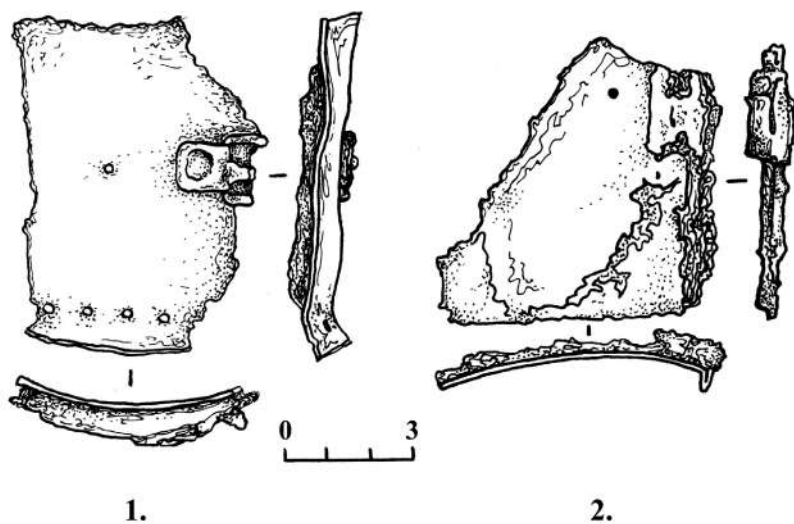

Рис. 16. Фрагменты наручей. Прорисовка

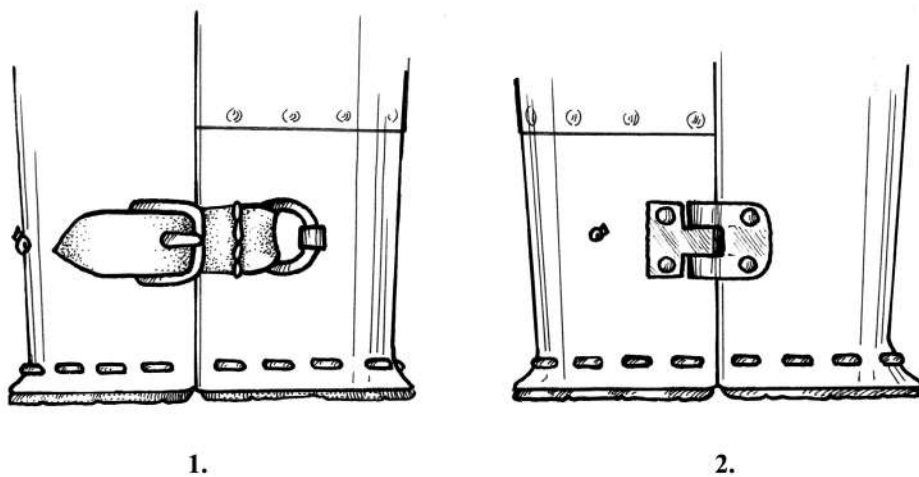
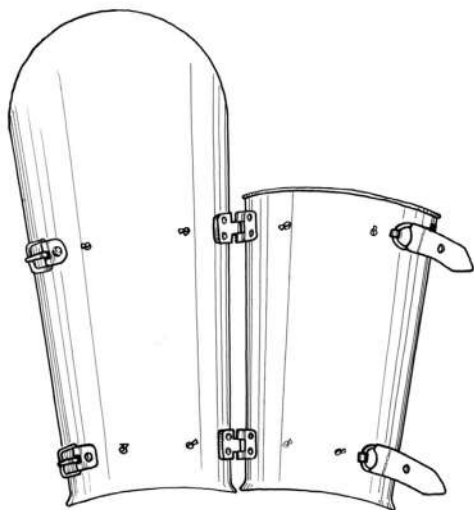
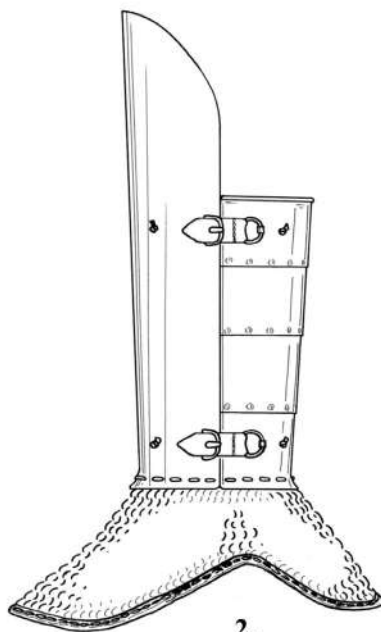

Рис. 17. Варианты реконструкции фурнитуры

1.

2.

Рис. 18. Варианты реконструкции наручей

ШЛЕМ ИЗ ДОРОГОБУЖА НА ГОРЫНИ

Во время археологических раскопок в 1989 г. на детинце Дорогобужа (одноименное село в Гошанском районе Ровенской области Украины) было исследовано древнерусское жилище № 15, погибшее во время разгрома города в XIII в., среди многих категорий вещей в нем найден шлем древнерусского воина.

Находки шлемов на территории Западной Волыни единичны. Древнерусские шлемы случайно были найдены у с. Мокрое Дубенского района Ровенской области и во Владимире-Волынском. Шлем из с. Мокрое, вероятно, происходил из погребения, открытого в 1925 г. Он хранился в Дубно, но был утерян во время Второй мировой войны. Изделие относится к типу сфероконических (II тип по классификации А. Н. Кирпичникова) и датируется рубежом X–XI вв. О двух шлемах из Владимира-Волынского имеются лишь краткие известия. Они были найдены в 1923 и 1931 гг., вероятно, в древних погребениях. Один из шлемов (№ 8 в каталоге А. Н. Кирпичникова) был обложен медным листом и «инкрустирован»¹.

Во время раскопок городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области Украины в 1958–1960 гг. экспедицией под руководством М. К. Каргера были найдены фрагменты трех шлемов (№ 23, 28, 29 в каталоге А. Н. Кирпичникова), в том числе налобная пластина с наносником².

Шлем из Дорогобужа происходит из закрытого комплекса, поэтому кратко остановимся на характеристике постройки. Жилище № 15 находилось у юго-восточного края детинца, вблизи оборонительного вала³. Толщина культурного слоя на этом участке около 3,4 м от уровня современной дневной поверхности. Отложения X–XIII вв. в раскопе имели мощность около 1–1,2 м и были перекрыты наслоениями литовско-польского времени. Остатки наземного жилища находились на глубине 2,2–2,5 м от уровня современной дневной поверхности. Была открыта глинобитная печь, вокруг которой прослежена прослойка древесного тлена коричневого цвета. Толщина прослойки у печи достигала 0,3 м и

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1-36. – Л., 1971. – С. 85.

² Там же. – С. 85, 86.

³ Прищепя Б. А., Никольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. До історії населення Західної Волині X–XIII ст. – Рівне, 1996. – Рис. 5; 6; 24.

постепенно уменьшалась по мере удаления от центра постройки (рис. 1). Печь была сооружена на деревянном каркасе в южном углу жилища на уровне пола, ее размеры 1,15 × 0,95 м, сохранилась на высоту 0,6 м. Стенки печи, обращенные к стенам жилища, в плане прямые, а внутренняя стенка (северо-восточная) – дугообразная в плане.

Большинство находок обнаружено у печи или в самой печи. На печном поде лежали два ключа от навесных замков, бронзовый наконечник ножен меча и два обломка массивного пластинчатого широкосрединного браслета. За печью выявлена пара стремян, а возле северо-восточной стенки печи лежали еще одно стремя и шлем. Перед устьем печи найдены железный серп и наконечник копья. На уровне пола постройки собраны также три навесных замка, скоба, шиферное пряслице, мраморный нательный крестик. Из украшений отметим бронзовые височное кольцо и браслет, скрученный из проволоки, стеклянные браслеты. В заполнении печи и жилища собраны многочисленные фрагменты гончарных горшков первой половины XIII вв.⁴

Концентрация различных находок XII–XIII вв. в жилище, прослеженные следы пожара в виде угольно-золистых прослоек позволяют надежно датировать комплекс временем татаро-монгольского погрома Дорогобужа в середине XIII в. Позже на месте разрушенного жилища № 15 были похоронены в братской могиле погибшие жители города.

Дорогобужский шлем сохранился почти полностью, хотя он был поврежден во время пожара, а в дальнейшем разрушался в результате коррозии изделия в земле. В настоящее время на основании наголовия есть трещины, утрачены небольшие участки металлических пластин. Отбитый еще в древности наносник лежал отдельно, на расстоянии 1,25 м на северо-запад от шлема. В связи с этим отметим, что в жилище были и другие поврежденные или сломанные вещи (например, бронзовые наконечник ножен меча, браслет), которые, вероятно, предполагалось отремонтировать или использовать как сырье.

Общее состояние сохранности шлема позволяет проследить основные элементы его конструкции (рис. 2; 3). Он относится к типу сфероконических с полумаской. Высота изделия от основания корпуса до конца наверх 32 см. В земле шлем деформировался, поэтому основание корпуса овальное в плане, размерами 17 × 24 см. Корпус изготовлен из трех пластин: лобной и двух боковых, защищавших виски и затылок. Края лобной пластины наложены на края боковых пластин, так что ширина соединения составляет 1,2–1,4 см. Шов между двумя боковыми пластинами проходит посередине тыльной части корпуса. Толщина пластин – 1,5–2 мм. Корпус высокий, с заметным заломом на середине высоты, он делит наголовие на две части. Нижняя часть округлая, а верхняя – в форме конуса с шестью гранями. Она увенчана навершием, которое крепилось с помощью шести выступов – «лапок». Навершие на середине высоты имеет сферическое утолщение – «яблоко». Конец наверх также украшен сферическим утолщением, но меньшего диаметра. На основании наголовия возле

⁴ Прищепна Б. А., Нікольченко Ю. М. Указ. соч. – Рис. 29.

правого виска зафиксирована петля, продетая в отверстие, для крепления бармицы – металлической сетки, защищавшей шею.

Лобная часть шлема дополнительно была защищена прямоугольной пластиной, ее нижний край имеет дуговидные вырезы для глаз и оформлен в виде рельефных надбровных дуг, а также дополнен объемным наносником размерами $8,5 \times 5,2 \times 2,8$ см.

Мы не можем указать точную аналогию шлему из Дорогобужа. Однако близкие по отдельным элементам конструкции изделия известны на территории Руси, прежде всего по находкам в Среднем Поднепровье. Сфероконические высокие шлемы найдены в курганах кочевников XII–XIII вв. в Поросье, в урочище Королевино возле Таганчи, вблизи сел Бурты, Мироновки. А. Н. Кирпичников отнес их к типу IIб и связал с Русью, контактирующей с кочевниками⁵. Их объединяет с дорогобужским шлемом также наличие высоких наверхий, которые крепились с помощью «лапок», и использование пластины, защищавшей нос. Однако шлем из Дорогобужа отличается рядом элементов конструкции. Его наверхие ниже и крепилось с помощью шести «лапок», а не четырех, как у шлемов из Поросья. Последние также были снабжены плоскими наносниками, не имеют резкого залома на середине высоты наголовия и граней на верхней части корпуса.

Четыре грани на верхней части корпуса имели шлемы, найденные в погребениях черных клобуков XII–XIII вв., исследованных в Среднем Поднепровье (Ковали, Липовец). Они отнесены А. Н. Кирпичниковым к типу III и определены как кочевнические, форма которых заимствована из Передней Азии⁶. Такие шлемы дополнены железными масками, защищавшими лицо воина.

Дорогобужский шлем имеет объемный наносник, выполненный вместе с лобной пластиной. Полумасками с объемными наносниками были снабжены невысокие сферические шлемы, отнесенные А. Н. Кирпичниковым к типу IV. Это шлем из Киева и богато украшенный шлем, найденный у с. Лыкова, недалеко от Юрьева-Польского⁷. Сфероконический шлем с полумаской был найден в половецком погребении второй половины XIII в. в кургане у с. Таборовка⁸.

Сравнение дорогобужского шлема с известными раньше находками позволяет наметить один из путей усовершенствования этого вида защитного снаряжения в XIII в.: использование сфероконической формы и граненой верхней части наголовия, наличие дополнительной лобной пластины, выполненной вместе с объемным наносником. Дорогобужская находка свидетельствует об умелом соединении местными оружейниками времен Даниила Галицкого традиций, которые развивались на Руси, и технических достижений соседних кочевых народов. Позже, в XIV–XVI вв., высокие сфероконические шлемы с граненой верхней частью корпуса, но без вырезов для глаз и наносника, были

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 28–29, 32; табл. XII, 1, 3; XIII, 2.

⁶ Там же. – С. 29, 32; табл. XIV, 1, 2.

⁷ Там же. – Табл. XVI, 2; XVII, 1.

⁸ Петров Ю. Ю. Древнерусские шлемы с полумасками // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. – СПб–Псков, 1997. – С. 141.

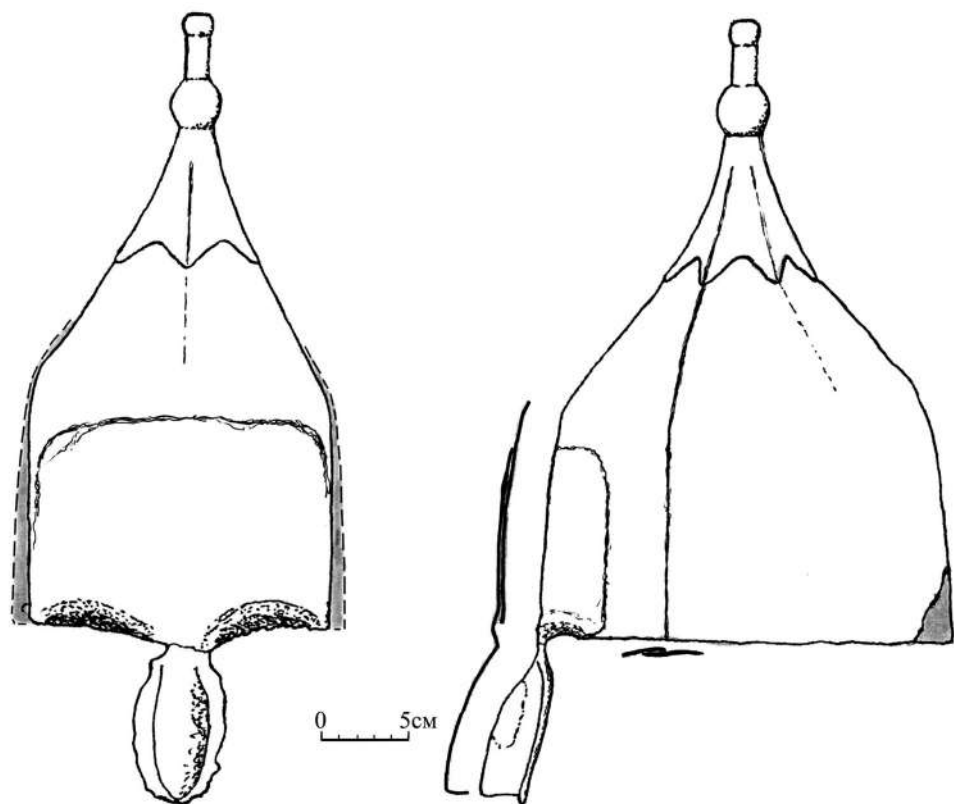

Рис. 2. Шлем из Дорогобужа

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЕХНИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОПЬЯ В КОННОМ БОЮ (по данным мусульманских военных трактатов XIII–XV вв.)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ копья конными воинами древности и Средневековья до сих пор остается недостаточно изученным. Источники, на которые может опираться исследование этой проблемы, целесообразно разделять на неспециализированные и специализированные.

Неспециализированные источники в данном случае – это многочисленные изображения и исторические или художественные описания. Их недостатком является то, что их создатели ставили перед собой цели, совершенно отличные от достоверного и понятного для нас изображения конкретных боевых техник. Поэтому неспециализированные источники часто не могут прояснить картину необходимым образом. Тем не менее в большинстве случаев военные историки опираются именно на них, так как специализированные источники для многих эпох и регионов или отсутствуют, или пока не введены в научный оборот.

Специализированные источники в данном случае – это военные наставления и руководства, которые были написаны со специальной целью описания правильного выполнения боевых техник. Конечно, и наличие таких руководств не гарантирует прояснения всех вопросов, потому что они часто недостаточно подробны и рассчитаны на читателя, уже заранее обладающего какими-то знаниями, которые далеко не всегда присутствуют у современного исследователя. Однако наибольшим недостатком специализированных источников является то, что они часто просто отсутствуют.

Так, хотя количество созданных в античности военных трактатов весьма значительно, ни в одном из них нет описания нормативных действий в бою всадника, вооруженного копьем, не предназначенным для метания. Несмотря на то что копьеносные всадники имели широчайшее применение и часто представляли собой важнейшую военную силу в Европе, начиная с Александра Македонского, специальные руководства по использованию всадником копья появляются в Европе не ранее XV в., и эти поздние руководства уже отражают не столько боевые, сколько турнирные практики, отличия которых от боевых были, по-видимому, весьма существенными. Еще большие отличия от средневековых и древних боевых копейных практик должны иметь техники действия

пикой в кавалерийских частях европейских армий XIX–XX вв. Таким образом, как раз для периода, когда копьеносные конные воины имели в Европе величайшее значение, специализированные европейские источники по проблеме отсутствуют.

В то же время значительная часть этого периода, а именно отрезок с VIII по XV вв., является временем расцвета мусульманской военной литературы¹. Несомненно ее важность для изучения средневекового военного дела не только Ближнего Востока, но и всех имевших с ним культурные связи регионов, включая Западную Европу и Россию. Тем не менее эти источники не подвергались пока широкому изучению даже теми военными историками, которые специализируются на мусульманском мире, что, в общем, довольно странно, поскольку благодаря усилиям филологов, которые рассматривают эти тексты как памятники литературы и языка, некоторые из них даже доступны в переводах на современные европейские языки.

Прежде всего, это книга андалузского араба Али ибн Абдуррахмана ибн Ху-зайля аль-Андалуси «Хильят аль-фурсан ва-ши‘ар аш-шудж’ан» (1392), переведенная на французский² и испанский³ языки; отдельные отрывки оттуда, носящие не военный, а анекдотический характер, перевела на русский язык Б. Я. Шидфар⁴.

Еще в 1863 г. О. Ф. фон Шлехта-Вассерд опубликовал в «*Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*» сокращенный немецкий перевод староосманской книги «Силахшор-наме», которая была написана автором Фирдевси-и Руми (другие псевдонимы – Фирдевси-и Тавиль, Узун Фирдевси, Ильяс Фирдевси Челеби; настоящее имя – Шерафеддин Муса ибн Хызыр) в 1499 г.⁵ К сожалению, в имевшемся в распоряжении фон Шлехта-Вассерда оригинальном тексте некоторые части утрачены, а сама публикация не совсем удовлетворяет современным научным стандартам.

Важнейшее значение имеют издания написанной в XIV в. в мамлюкском Египте на кыпчакском языке книги «Муньят аль-гузат»⁶.

Кроме того, переведены на турецкий и европейский языки некоторые трактаты о стрельбе из лука⁷, на которых мы здесь останавливаться не будем.

¹ Наиболее полный и современный на настоящий момент обзор арабских военных текстов доступен в работе: Shihab al-Sarraf. Mamluk furusiyah literature and its antecedents // Mamluk Studies Review VIII (I). – Chicago, 2004. P. 141–200.

² Ibn Hodeil. La Parure des Cavaliers et L’Insigne des Preux / Transl. L. Mercier. – Paris, 1924.

³ Ibn Hudayl. Gala de Caballeros, Blasón de Paladines / Transl. M. J. Viguera. – Madrid, 1977.

⁴ Средневековая андалусская проза. – М., 1985. – С. 355–370.

⁵ Das Buch vom Fechter von Firdewsi / Aus dem Türkischen in Text und Übersetzung veröffentlicht durch O. F. v. Schlechta-Wassehrd // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. XVII. 1863. S. 1–38.

⁶ Uğurlu, M. Münyetü’l-Guzat. Ankara, 1987 – издание оригинального текста в латинской транскрипции и словарь; Öztopçu K. Munyatu’l Ghuzat. A 14th Century Mamluk-Kipchak Military Treatise. Cambridge, 1989 – факсимиле, латинская транскрипция, английский перевод, словарь, лингвистическое исследование.

⁷ Elmer, R. P. Arab archery. A book on the Excellence of the Bow and Arrow and the Description thereof. – Princeton, 1945; Boudot-Lamotte, A. Contribution à l’étude de l’archerie musulmane, principalement d’après le manuscrit d’Oxford Bodléienne Huntington no. 264. – Damas, 1968; Öztopçu, K. Kitab fi ilm an-nuşşab. A 14th Century Archery Treatise in Mamluk-Kipchak. – Istanbul, 2002.

Имеются также современные издания нескольких средневековых арабских военных текстов, не снабженные научным аппаратом и переводом.

В некоторых из средневековых ближневосточных военных трактатов использованию копья уделяется пристальнейшее внимание; особенно это относится к «Муньят аль-гузат», где технике применения всадником копья посвящено 84 из 231 страницы оригинальной рукописи. Однако, кажется, до сих пор единственным исследователем, который рассматривал проблему с привлечением средневековых ближневосточных руководств, остается Д. Николь. Но даже у него в диссертации арабским техникам работы копьем уделяется всего несколько строчек, в которых говорится следующее:

«Основным арабским термином для копья или пики, используемых и в коннице, и в пехоте, был *румх*. Для всадников копье традиционно считалось наиболее надежным и эффективным оружием воина вплоть до XIV в. *Румх* мог быть сделан из тростника или прочного дерева, и к XII в. его могли держать одной или двумя руками, а также зажимать под мышкой. В более ранние периоды арабских всадников характеризовал, вероятно, двуручный стиль фехтования копьем, и определенно не зажимание его под мышкой»⁸.

Согласно ссылкам, приведенное описание опирается почти исключительно на неспециализированные исторические источники, а из специализированных Д. Николь пользовался только французским переводом книги ибн Хузайля. Однако как раз там работе копьем уделяется очень мало внимания, описывается лишь стиль с копьем, зажатым под мышкой, и рассматриваются не действия против реального противника, а только тренировочные упражнения:

«Кто захочет научиться действовать копьем и достигнуть ловкости в этом, пусть устроит для этого мишень, которая являет собой шест или что-то подобное, воткнутое в землю, ростом со всадника. Надо укрепить ее снизу и прикрепить вверху кольцо или веревку петель, подобной кольцу. Затем пусть [всадник] отъедет от нее и погонит свою лошадь во всю прыть, и, когда приблизится к той мишени, зажмет свое копье под мышкой и расположит его относительно подмышки так, чтобы легко было нести его и выдерживала сила его; затем попадет острием в эту подвеску; затем быстро повернет свое копье, чтобы освободить острие от кольца. И иногда нужно повернуть копье назад или проскакать мимо кольца и взять копье, подхватив его за ним. И иногда кольцо поворачивают, задевая его, и продолжают делать так по мере возможности, пока не станет удобно действовать. И не прекращают поражать, по воле Аллаха.

И это о способах держания копья во время встречи [с мишенью], и удара им, и освобождения после этого, и надо доводить это до простоты и продолжать упражняться до очевидности, из разных положений, в разных случаях и разными путями»⁹.

«Силахшор-наме» и особенно «Муньят аль-гузат» дают значительно более обширную и интересную информацию.

⁸ Nicolle, D. The Military Technology of Classical Islam. Thesis presented to the University of Edinburgh for the Degree of Doctor of Philosophy. 1982. P. 87.

⁹ Ibn Hudayl. Gala de Caballeros, Blasón de Paladines. – P. 194-195.

В «Муньят аль-гузат» выделяются четыре основных хвата копья.

Первый хват называется «старым хорасанским». Левая рука поддерживает копьё снизу на расстоянии аршина от головы всадника, одновременно зажимая поводья; правая рука помещается на расстоянии четырех пальцев от заднего конца копья и прижимает его к поясу, так что копьё идет по диагонали над шеей лошади¹⁰.

Второй хват называется «новым сагрским». Левая рука держит копьё на расстоянии четырех пальцев от заднего конца, зажимая одновременно поводья; правая рука держит копьё спереди на расстоянии чуть больше аршина от головы всадника¹¹.

Третий хват называется «сирийским». Копьё зажимается под мышкой правой руки и путем переноса через шею лошади может направляться как справа, так и слева¹².

Четвертый хват называется «йеменским» или «дейлемским». Правая рука держит копьё в трех аршинах от заднего конца, так что ладонь поддерживает его снизу¹³.

Хорасанский, сагрский и йеменский хваты имеют зеркальные варианты. Для сирийского хвата автор тоже допускает существование зеркального варианта, но отмечает при этом, что реально он применяется только левшами.

Значительное внимание уделяется переходу из одного хвата в другой, так как разные хваты по-разному пригодны и для нанесения удара из разных позиций, и для отражения копья неприятеля¹⁴. Внимание воина должно быть сосредоточено именно на том, чтобы отбить вражеское копьё, и считается, что при правильном выполнении отбивание всегда успешно; сам же воин должен наносить удар лишь тогда, когда неприятель допустит ошибку и будет неспособен защититься от удара. Именно это и является самой примечательной особенностью описанной в «Муньят аль-гузат» тактики ведения боя, и техника отбиваний описывается там специально и весьма подробно.

«Эта глава разъясняет, как отбивать копьё. Некоторые люди отбивают копьё снизу вверх. Я не думаю, что это везде хорошо. Знай, что ловкость копейщика заключается в отбивании копья. Поэтому всегда направляй свое копьё над копьём противника и следи, чтобы никогда не ударить его копьё раньше, чем [твое копьё] будет над его копьём; тогда отбивай, так как будешь знать, что наверняка не сделаешь ошибки. Если сделаешь ошибку, твое копьё упадет на землю, и ты сам позволишь отбить [свое копьё] и тебя поразить. И если ты используешь сагрский хват направо, то остерегайся, потому что здесь случается много ошибок, но успех в том, чтобы отбросить копьё [противника], обвив его своим копьём. Чтобы нанести удар, ты, прежде чем отбивать, когда противник отобьет твое копьё, вытяни и извлеки свое копьё из-под его копья и ударь,

¹⁰ Uğurlu, M. Münyetü'l-Guzat. S. 45-46.

¹¹ Op. cit. S. 46-47.

¹² Op. cit. S. 47-48.

¹³ Op. cit. S. 48.

¹⁴ Op. cit. S. 48-50.

потому что его копьё, когда он будет отбивать, станет тяжелым и упадет на землю. Если он отобьет твоё копьё вверх, то сделай своё копьё невидимым [т. е. уведи из поля зрения], внезапно удали. Его копьё уйдёт вверх; ты используй момент [букв. входи], коли. Однако при [используемом противником] сирийском хвате [описанное] отбивание не удастся. Тогда [следует использовать отбивание] снизу вверх, потому что основание его копья зажато у него под мышкой: когда ты будешь отбивать сверху вниз, его подмышка не позволит его копьё упасть вниз. Если противник нападает, держа копьё по-сирийски, то при отбивании следи, чтобы не сделать ошибку, потому что в случае ошибки возвратит копьё сверху вниз труднее, чем снизу [букв. с земли] вверх. Когда ты опасаясь своего противника, то помещай своё копьё над его копьём. Не отбивай его копья, жестко давя сверху, но скорее возвращая ниже, так что копьё у вас обоих будут, несомненно, отбиты. И всегда остерегайся, чтобы он не вытащил своё копьё из-под твоего копья и не ударил. Также остерегайся, чтобы он не сделал тебе тех хитростей, о которых я тебе говорил и которым учил раньше. Когда с тобой нет копья, отбивай деревянной частью камчи. Если нет камчи, отбивай чалмой, скомкав ее. Отбивай чем угодно, если на тебя нападают, потому что в этом безопасность»¹⁵.

Поскольку в большинстве случаев в «Муньят аль-гузат» предпочитают двуручные хваты и копьё противника всегда отбивается, щит, по мнению источника, конному копейщику только мешает. Он полезен лишь при защите от стрел и дротиков¹⁶; в другом месте указывается, что при действии копьём щит может быть повешен на спину¹⁷.

Интересную информацию даёт «Муньят аль-гузат» о противостоянии конного и пешего воинов, если оба вооружены копьями. Позиция конного в этой ситуации рассматривается как безусловно более слабая; описываются ситуации, когда даже конный спешивается, чтобы увереннее противостоять другому конному. В этот момент можно постараться его поразить, ибо в момент спешивания противник действовать своим копьём не может. Если же неприятель уже твердо стоит на земле, то поразить его копьём всаднику не удастся; в этом случае рекомендуется застрелить врага из лука¹⁸.

Описание техники копейного боя в «Силахшор-наме» является по сравнению с «Муньят аль-гузат» менее детальным и не всегда достаточно ясным, но очевидно, что в этих трактатах излагаются две самостоятельные системы, обладающие лишь поверхностным сходством.

В двенадцатой главе «Силахшор-наме», которая специально посвящена копейному бою, говорится следующее:

«Знай, что существует четыре способа удара копьём. Для каждого способа есть свой удар и своя поза, например, над рукой мастера, если и твой неприятель, и ты сражаетесь копьями.

¹⁵ Op. cit. S. 82–84.

¹⁶ Op. cit. S. 73.

¹⁷ Op. cit. S. 72.

¹⁸ Op. cit. S. 72.

Первый [способ] тот, что ты бьешь неприятеля копьем, будучи *мунхариф* (ар. повернутый, отвернувшийся). В сражении *мунхариф* – это значит, что ты будешь сражаться, подняв правую руку и вытянув левую руку, держа свое копье так, словно стреляешь из лука. Но когда сражаешься, наблюдай за держащей копье левой рукой неприятеля. Поднимай [свое копье] настолько высоко и держи на таком уровне, чтобы наблюдать за острием копья неприятеля. Чтобы не ошибиться, острия двух копий требуют промежутка между ними примерно в одну пядь (*карыш*). Однако смотри за тем копьем, не упускай из виду конца неприятельского копья, а своим копьем поигрывай в руке туда и сюда, чтобы обмануть противника, и когда одно копье сблизится с другим до одной пяди, тогда-то и прищпорь коня и, рассчитав, ударь неприятеля в грудь, чтобы не ошибиться, и враг твой был повержен, и жизнь его обращена во прах, и грудь его пробита.

Второй удар таков, что ты будешь держать хват копья и позытуру на коне снова такие же, как я упомянул. Но отличие в том, что левую руку ты держишь неподвижно, а копьем поигрывает правая рука, чтобы неприятель, увидев во время боя поигрывающую копьем твою руку, счел, что ты сейчас ударишь, и взял свое копье двумя руками, дабы отбить. Как только он возьмет копье двумя руками, его грудь останется открытой. Тогда ты тоже быстро перехватишь свое копье двумя руками и, твердо привстав на лошади на стремянах, нанесешь неприятелю удар. [Копье] пройдет сквозь его бок, словно ланцет, но [для этого] нужно особое проворство.

Третий удар таков, что его называют «плечевой удар». Когда ты будешь в бою против неприятеля, возьмешь ближний к тебе конец копья в ладонь правой руки, будешь держать его снизу, а левую руку поместишь сверху копья, будешь держать сверху вниз. И будешь стоять против неприятеля, прижимая свою грудь к копыю. И затем будешь поигрывать правой рукой на копье. Как только неприятель приблизится, опусти копье и направь его под живот лошади неприятеля, словно нацеливаешься, чтобы неприятель решил, что ты целишь копьем в его лошадь. Подобно этому, в военном деле делают такую хитрость, что, когда неприятель приближается, бросают копье между ногами его коня. Ноги вражеского коня запутываются о копье, всадник падает вместе с конем, и его уничтожают. Затем твой неприятель делает еще так. Неприятель стремится отбить и отразить твое копье, но ты пробиваешь защиту неприятеля и уничтожаешь его.

Четвертый удар таков, что это подмышечный удар. Его позытура с копьем такая, что ты находишься в положении *мунхариф*, а копье твое на уровне плеча, как мы упомянули выше, и нет нужды упоминать повторно. Будешь стоять таким способом. А копье на коне одна рука будет держать сверху и другая рука снизу. Противоположный конец копья подними, чтобы он смотрел в голову неприятеля. Неприятель же, увидев, как ты поднимаешь острие копья, подумает, что оно целит ему в голову, и тот неприятель поднимет свое собственное копье, чтобы отбить. Когда подмышка поднявшего копье неприятеля окажется открытой, тогда проворно ударь его копьем в подмышку. Однако остерегайся

неприятеля и не будь небрежным, чтобы не погибнуть из-за неосведомленности и беспечности»¹⁹.

В следующей главе объясняется «путь сражаться с неприятелем девятью способами», однако лишь первый из них относится к копью.

«Если в конном бою выйдет сражаться с тобой пеший человек, и ты на коне, нужно, чтобы ты уздой притянул голову коня и держал повод коротким. И находясь напротив того вступающего в сражение пешего, когда он встанет навстречу и напротив, ты на коне крепко будешь держать острие копья вниз и древко копья вверх, а именно поднимешь настолько, чтобы копье [поднималось] к твоей подмышке. После этого вступающий в бой пеший скорее всего атакует голову твоего коня. В это время внезапно отверни голову коня и нацель копье в голову противника. Как только он подойдет настолько близко, что голова этого пешего неприятеля окажется под твоим копьем, пробей голову того пешего копьем сквозь темя и убей его. Однако требуется предельное проворство, чтобы тот пеший не ударил твоего коня в голову и не причинил тебе вред первым»²⁰.

В этом описании примечательно, что всадник, которому противостоит пеший воин, должен стоять на месте и ждать, пока приближающийся противник не поставит себя в уязвимое положение. Очевидно, что эта тактика базируется на принципах, аналогичных подробно изложенным в «Муньят аль-гузат». Заслуживает внимания и то, что пеший противник вооружен лишь булавой, но не копьем: очевидно, последний случай не разбирается по той же эксплицитно объясненной в «Муньят аль-гузат» причине, что пеший копеещик имеет над конным решительное преимущество.

Рассмотренные тексты составляют лишь небольшую часть средневековой мусульманской военной литературы. Очевидно, и написанное в них о применении копья всадником составляет лишь часть освещенных в текстах техник, и для лучшего понимания общей картины необходимо изучение большего количества военных трактатов.

Однако следует поставить вопрос, насколько полно излагаемые в текстах техники соответствуют тому, что реально применялось в боевой практике. Имеющиеся в рассмотренных нами текстах приемы использования копья выглядят вполне эффективными, однако при изучении средневековых ближневосточных трактатов о стрельбе из лука Дж. Лейтем замечает, что по крайней мере одна из описанных там позиций практически недоступна для реального воспроизведения²¹.

Особую проблему представляет правомерность привлечения ближневосточных текстов для изучения военного дела других регионов. Изобразительные источники указывают на значительный, хотя и не полный параллелизм в использовании разных хватов копья между мусульманским Ближним Востоком,

¹⁹ Das Buch vom Fechter von Firdewsi. S. 11-13.

²⁰ Op. cit. S. 13-14.

²¹ Latham, J. D. Notes on Mamlūk Horse-Archers // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 32, No. 2. 1969. P. 267.

кочевым миром Евразии и Восточной Европой. Несомненно, средневековые ближневосточные традиции использования копья развивались не в изоляции, а в тесных связях с традициями смежных территорий. Изучение таких связей представляет собой перспективную тему для будущих исследований, но уже сейчас можно утверждать, что историческое значение средневековых мусульманских военных текстов далеко не ограничивается областью Ближнего Востока.

СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ЛУКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

МЕТАТЕЛЬНОЕ оружие для многих раннесредневековых народов Евразии не только было одним из важнейших элементов комплекса вооружения, но и определяло характер всей военной культуры общества. Поэтому изучение развития этого вида оружия позволяет не только более детально реконструировать историю военного дела, но и выявить этнокультурные контакты и влияния, что особенно важно для такого региона, как Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье, который во второй половине I тыс. н. э. представлял собой пестрый конгломерат автохтонных и пришлых племен со своими традициями в области вооружения. Анализ метательного оружия Волго-Камья также дает возможность выявить соотношение общих тенденций эволюции сложносоставных луков и стрел с их местными особенностями, а также полнее представить пути модификации оружия дистанционного боя на общем фоне изменений его в Восточной Европе и Центральной Азии.

Ключевым звеном в развитии набора метательного оружия было совершенствование луков, так как именно увеличение их поражающей силы, дальности и скорости стрельбы являлось основой для изменения всего снаряжения лучника. Все это, несомненно, способствовало появлению устойчивого интереса к истории лука в различных регионах, особенно в зоне евразийских степей и сопредельных территорий, где это оружие развивалось особенно динамично. Между тем, вопросы, связанные с историей лука народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, стали объектом изучения сравнительно недавно, и им пока не уделялось должного внимания в историографии, что заставляет специально обратиться к этой проблеме.

Лук как ручное оружие, предназначенное для метания стрел, судя по целому ряду данных, широко использовался тюркскими и финно-угорскими племенами Среднего Поволжья в конце I тыс. н. э. В отечественной оружейведческой литературе утвердилось мнение о делении всех луков на три группы. Под простыми подразумеваются луки, сделанные из единого куска дерева; под сложными – такие же луки с цельной деревянной основой, но дополненные различными материалами; у сложносоставных деревянная основа состояла из нескольких частей (обычно из разных пород дерева), усиленных рогом, костяными накладками,

берестой, сухожилиями и кожей¹. К сожалению, отсутствие деревянных деталей луков простых и в значительной мере сложных в материалах раннебулгарских погребений I тыс. н. э. в Среднем Поволжье и Прикамье затрудняет их анализ и заставляет рассматривать сложные и сложносоставные луки в целом.

Тетива для луков свивалась из конского волоса, шелковых нитей или сыромятной кожи. Петли, судя по находкам, были различными. Луки тщательно оберегали и до сражения носили со снятой тетивой в специальных налучьях – длинных кожаных мешках, оберегавших кибить от попадания влаги. В различных булгарских памятниках обнаружены десятки костяных петель для налучья. С их помощью налучья вместе с колчанами носили на специальном ремне на поясе.

Судя по историческим данным, пробойная сила средневековых луков достигала мощности 80 кг (оптимальная – 20–40 кг). Например, современные спортивные луки для мужчин имеют мощность до 20 кг, т. е. на уровне самых слабых средневековых. Обычная дистанция стрельбы была 60–150 м, хотя наиболее мощные луки могли послать стрелу на расстояние более 400 м. Скорострельность средневековых лучников достигала 10–12 выстрелов в минуту, особенно при поражении сомкнутой массы воинов, а не во время прицельной стрельбы.

Конструктивно данные луки состояли из деревянной основы – кибити, выполнявшей роль рычага для многократного увеличения мускульной энергии стрелка, и тетивы – несущей части лука, придававшей ускорение стреле. Кибить, которая могла быть как цельной, так и комбинированной из разных пород дерева, в свою очередь состояла из середины (или рукояти) – места хвата рукой – и концов, на которых крепилась тетива, и соединяющих их между собой изогнутых, гибких плеч (или рогов)² (рис. 1). Особенностью этих луков было армирование костяными и эластичными роговыми накладками середины и концов, которые более прочно закрепляли плечи, делая кибить комбинированным оружием, сочетавшим неподвижные и гибкие части, что резко увеличивало рефлексирующую силу плеч³.

Особенности сочетания различных видов костяных накладок на концы и рукоять лука довольно разнообразны и показательны для развития луков, что позволяет классифицировать сложные и сложносоставные луки именно по этому признаку. Впервые такую типологию на материалах Центральной Европы аварского и венгерского времени составил К. Шебештьен, который, изучив со-

¹ Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1966. – С. 29; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) (VIII–XIV вв.) // САИ. – Е 1-36. – М., 1966. – С. 10–13; Литвинский Б. А. Сложносоставной лук древней Средней Азии // СА. – № 4. – М., 1966. – С. 51–69; Каминский В. Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. Вып. 170. – М., 1982. – С. 48–51; Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 45; 47.

² Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. – С. 73; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 66.

³ Литвинский Б. А. Сложносоставной лук древней Средней Азии. – С. 65–69.

хранившиеся образцы сложносоставных луков из этнографических коллекций и детально проанализировав костяные накладки из археологических объектов, сумел реконструировать важнейшие узлы сочленений луков различных конструкций⁴. Для раннесредневековых древностей Восточной Европы подобная типология была разработана А. М. Савиным и А. И. Семеновым⁵ и опробована другими исследователями⁶. Используя их методику, удалось более точно реконструировать форму лука и характер сочленения его деталей для сложносоставных луков Среднего Поволжья и Приуралья, выявить их место в истории метательного оружия Восточной Евразии⁷.

Все находки сложносоставных луков Среднего Поволжья можно разделить на три хронологическо-типологические группы: 1. тюрко-болгарский (ранне-болгарский) этап (середина VIII – середина X в.), который характеризуется становлением этнокультурной общности в Среднем Поволжье; 2. болгарский (вторая половина X – первая треть XIII в.), основным содержанием его было развитие средневекового военного дела; 3. золотоордынский (вторая треть XIII – XV в.), связан с монгольскими завоеваниями и становлением татарского военного дела (рис. 2, 13). Все три этапа имеют особенности источниковедческого характера: на первом этапе основную часть представляют материалы погребальных памятников – курганных и грунтовых могильников, а на втором и третьем этапах находки происходят из слоя поселений. Определенные различия имеются также в направлении этнокультурных связей, влиявших на формирование набора луков: на первом этапе развитие стрелкового оружия во многом объяснялось племенными традициями и особенностями боевой практики; на втором выбор луков определялся общими тенденциями развития стрелкового комплекса в Булгарии; а на третьем произошел переворот в истории стрелкового оружия и полная замена типов лука в соответствии с центральноазиатскими традициями империи Чингисхана.

⁴ Sebestyen, K. Rejetelyes csontok nepvandorlaskori sirokban // Dolgozatok a M. Kir Ferenc Jozsef Tudomanyegetem Archeologiai Intezetebol. – Szeged, 1930.

⁵ Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // I Кубанская археологическая конференция (тезисы докладов). – Краснодар, 1989. – С. 104–107; Они же. К реконструкции лука хазарского времени // Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца (тезисы докладов). – Луганск, 1990. – С. 169–171.

⁶ Измайлов И. Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 39–44; Измайлов И. Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины VIII – X вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 242–259; Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего Средневековья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 4. Хазарское время. – Донецк, 2005. – С. 73–99.

⁷ См.: Измайлов И. Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья.

1. Тюрко-болгарский (раннебулгарский) этап (рис. 4, 5)

Находки, относящиеся к деталям сложных и сложносоставных луков второй половины I тыс. н. э., уже получили определенное освещение в археологической литературе. Основной материал, характеризующий луки, происходит из могильников конца VII – середины X в. («раннебулгарский» период) из района Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья: Большеитарханского⁸, Большеити-ганского⁹, Танкеевского¹⁰, Лебяжского¹¹, «Золотонивского»¹², Осиновского III¹³, Бруснянского II и IV, Новинковского II и Шиловского¹⁴.

Самыми ранними из выявленных модификаций сложносоставных луков, применявшихся населением Поволжья и Нижнего Прикамья в конце VII – начале VIII в., судя по имеющимся данным, были луки «гунно-болгарского» типа. Несомненно, что этот лук был довольно мощным оружием и его применение привело в тот период к появлению целого ряда новых типов плоских и граненых наконечников стрел¹⁵. Позднее, начиная, видимо, с середины VIII в., этот «болгарский» лук выходит из употребления в Нижнем Прикамье и на Средней Волге. Объясняется это как мощной инфильтрацией в регион тюркских и угорских племен с юга и востока, принесших с собой новые типы метательного вооружения, так и повсеместным изменением конструкции сложносоставного лука, что было вызвано стремлением приспособить его к новым условиям боевой практики.

Подобный тип лука обнаружен, судя по обломкам концевых боковых накладок, в погр. 2 кург. 24 Бруснянского II могильника, из погр. 1 кург. 2 Бруснянского IV и погр. 2 кург. 1 Шиловского могильников¹⁶. Реконструкция этих луков

⁸ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. – М., 1964.

⁹ Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. – 1976. – № 2. – С. 158–178; Халиков А. Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней родине) // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984. – С. 122–133; Chalikowa E. A., Chalikow A. H. Altungarn an der Kama and im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). – Budapest, 1981.

¹⁰ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Вып. I: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 94–155; Он же. Культура ранней Волжской Булгарии. – М., 1992.

¹¹ См.: Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии.

¹² Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Научные труды КГПИ. Т. 230: Древняя история Поволжья. – Куйбышев, 1979. – С. 202–240.

¹³ Богачев А. В., Мышкин В. Н. Раннеболгарский курган у с. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья. – Самара, 1995. – С. 65–74.

¹⁴ Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998.

¹⁵ Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения. Северной Азии. – Новосибирск, 1987; Измайлов И. Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья.

¹⁶ Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге... – С. 116, рис. 25, 3-4; табл. X, 5; XI, 1-5.

сильно затруднена из-за ограбления погребения и некомплектности находок. Вместе с тем в этих погребениях явно присутствуют наиболее характерные детали данного типа лука – концевые боковые накладки с приостренным нижним концом и концевые фронтальные и тыльные накладки. К сожалению, срединные боковые накладки найдены без пары в обоих погребениях (погр. 1 кург. 2 Бруснянского IV и погр. 2 кург. 1 Шиловского могильников), а некоторые костяные обломки можно трактовать как детали фронтальных и тыльных срединных пластин.

Конструкция их хорошо известна и описана на материалах Волго-Камья по находке довольно полного комплекта накладок подобного типа лука из погребения Такталучукского могильника¹⁷. Таким образом, практически нет сомнений в том, что в этих погребениях встречены обломки лука «болгарского» типа, хотя и, возможно, с некоторыми особенностями в конструкции (клиновидный приостренный конец, не такой выраженный трапецевидный характер у срединных боковых накладок). Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с некоторой модификацией раннего «гунно-болгарского» лука.

Луки «венгерского» типа (рис. 6–9)

Одновременно с «тюркскими» луками в Среднем Поволжье в VIII–IX вв. зафиксировано применение также так называемого «венгерского» лука. Костяные обкладки лука этого типа происходят из двух впускных погребений кургана близ пионерлагеря «Золотая нива», исследованного в 1977 г. Л. Н. Жигулиной. Основное погребение его относится к срубному времени, а впускные – скорее всего, раннебулгарского периода, судя по комплексу находок, и отнесены исследователями ко второй половине VIII–IX вв.¹⁸

Оба лука из погребений практически идентичны и включали несохранившуюся деревянную кибить, армированную парой срединных боковых накладок и двумя парами концевых – фронтальной и тыльной. Однако между ними есть и различия, которые позволяют разделить их на два подтипа и считать их особой формой лука «венгерского типа».

Срединные боковые имеют вид вытянутых овалов с зауженными концами, выровненными по всей площадке пластины, и изогнуты в профиле по ширине. Практически все они обломаны и частично деформировались от времени, но в целом находятся в удовлетворительном состоянии, что позволяет реконструировать форму лука. Длина накладок 13–14 см, ширина до 3 см, а толщина – 0,2 см. Внешняя поверхность их большей частью была гладкая; неглубокой перекрещенной косой нарезкой покрыты только концы (2–3 см), а глубокой косой – фронтальный край пластины и редкой – остальная поверхность. Обратная сторона пластины вся густо изрезана косым решетчатым рифлением. Край всех

¹⁷ См.: Измайлов И. Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья.

¹⁸ Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья. – С. 215–216.

этих пластин заострены. Эти накладки, определенно, крепились к рукояти лука, проклеивались и спирально перетягивались сухожилиями, для чего и служило рифление. Ширина кибита при этом, видимо, составляла 3-4 см.

Концевые накладки состояли из комплекта фронтальной и тыльной пластин. Первые (сохранилось 3 экз.) имеют вид длинных (до 16 см) и узких (до 0,9 см) подтреугольных в профиле пластин, имеющих в верхней части вырез для тетивы (глубиной до 0,3 см). К сожалению, на всех накладках обломан верхний край, поэтому очень трудно судить о его характере. Судя по аналогиям, верх пластины обычно на треть возвышался над ушком. Накладка плавно изогнута в профиле по длине и заострена к нижнему краю. Вся поверхность накладки покрыта косой неглубокой рельефной нарезкой. В паре с этой накладкой использовалась концевая тыльная, дублирующая фронтальную с обратной стороны. Всего таких пластин известно две и еще две, видимо, в обломках. Все они имели вид вытянутого (более 16 см) узкого (ширина от 1 до 2,5 см) равнобедренного треугольника, изогнутого в профиле по длине. Нижний тупой край их с внешней стороны приострен и покрыт полосчатым неглубоким рифлением. Остальная поверхность гладкая. Верхний конец обломан. С внутренней стороны вся накладка расчерчена косой решеткой в неглубоком рельефе, такой же насечкой покрыт и кососрезанный край пластин.

Судя по этим деталям, конец деревянной кибита заключался между узкой, с ушком для тетивы, и тыльной подтреугольной пластинами, образуя окончание лука (толщиной до 3-3,5 см), при этом, видимо, тыльная накладка была несколько смещена книзу по отношению к фронтальной. Наличие нарезки по всей длине пластины говорит о том, что сухожилия стягивали концы лука вплоть до ушка тетивы, а отсутствие срединных тыльных накладок может свидетельствовать в пользу соединения здесь внакладку гибких роговых плечевых обкладок¹⁹.

Пока трудно говорить о реальных размерах «венгерских» луков, но несомненно, что они так же, как и «тюркские», имели размеры до 150 см. Эффективность «венгерских» луков обеспечивалась за счет большей эластичности, чем у «гуннских» и «болгарских» типов, но в то же время более прочным сочленением гибких и неподвижных узлов, чем у «тюркских», что позволяло увеличивать дальность стрельбы при сохранении скорострельности²⁰.

Подобные накладки известны в Северном Причерноморье и в Венгрии, где считаются развитием «хазарского» и «салтовского» типов лука²¹. Недаром его носители явно связаны с южными степными районами, что демонстрирует их обряд погребения, который несколько отличается от остальных погребений Среднего Поволжья конца I тыс. н. э. Вместе с тем следует отметить, что данная конструкция не типично «венгерская», так как в ней присутствует не только узкая фронтальная, но и тыльная пластина, отличающаяся размерами от узких

¹⁹ Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья. – С. 106.

²⁰ Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика: От стрел до ракет. – Новосибирск, 1995. – С. 66-89.

²¹ Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья. – С. 106; Они же. К реконструкции лука хазарского времени. – С. 170-171.

«игловидных» накладок «венгерского» типа. Не исключено, что само появление такого варианта «венгерского» лука связано с желанием соединить достоинства различных типов луков. К сожалению, пока трудно говорить о широком распространении подобного типа лука в Среднем Поволжье в VIII–X вв.

Луки «тюркского» типа (рис. 10-11)

Этот тип сложносоставных луков отличался наличием одной пары срединных боковых и комплекта (реже – одинарных) концевых накладок. По характеру набора накладок и особенностей их устройства все костяные детали лука делятся на типы²².

Всего из памятников раннебулгарского времени с территории Среднего Поволжья известно 36 подобных костяных накладок из 20 погребений (в 13 случаях они сохранились парами). Все эти костяные пластины довольно однообразны и имеют длину от 12 до 18 см, хотя сохранилось два небольших экземпляра (длина 8,5 и 9 см и ширина 2–2,8 см). Судя по количеству находок разной длины, не исключено, что ранние булгары использовали два вида накладок – 9–14 см (11 экз.) и 15–18 см (24 экз.). Возможно, эти накладки применялись на луках различной мощности и длины, хотя нельзя полностью исключить и влияние определенной племенной традиции.

Все костяные накладки имеют вытянутую овальную с зауженными концами форму и несколько изогнуты в профиле по ширине. Толщина этих пластин 1–1,5 мм, а края уплощены и приострены. Внешняя поверхность их в основном гладкая и только по краю (до 5 мм) идет косая, перекрещивающаяся неглубокая нарезка; хотя есть пластины, у которых рифление занимает до половины их длины. Внутренняя поверхность их также вся покрыта мелкой нарезкой в виде косой решетки. Судя по характеру изгиба и нарезки парных накладок, толщина рукояти кибити составляла около 2 см.

Сложносоставной лук, снабженный парой срединных боковых накладок, обеспечивающих прочное и эластичное крепление выгнутых плеч, позволял, видимо, усиливать их рефлексия за счет удлинения рогов. Отсутствие концевых накладок можно объяснить желанием уменьшить зону жесткости, увеличить подвижную часть лука. Нельзя также отрицать возможности применения в таком луке разных пород дерева и мягкого рога. Об этом свидетельствует отсутствие срединной тыльной пластины, которая, скорее всего, была заменена на гибкие роговые или деревянные обкладки плеча²³. Все эти новые конструктивные детали, возможно, делали его достаточно удобным и эффективным оружием²⁴.

²² Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья. – С. 104–107; Они же. К реконструкции лука хазарского времени. – С. 169–171.

²³ Мамаев Х. М., Чакхчиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. – С. 70; 78.

²⁴ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 207–217; Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика: От стрел до ракет. – С. 66–89.

В могильниках эти накладки представлены неравномерно: в Большетарханском могильнике из 34 погребений с оружием они встречены 2 раза (обе парами), в Большетиганском – из 17 в 11 (8 парами и в двух – по 3 накладки), в Танкеевском – из более 100 – в 5 (однажды парой и 4 – по одной), в погребении Лебяжского – 1 (не парная). В Новинковском (курган 17, погр. 1), Осиновском III могильниках накладки встречены парами, а в Брусянском II (кург. 16, погр. 6) обнаружены три накладки, причем парные накладки относятся к подтипу крупных, а единичная – к малому. Вероятно, единичный обломок срединной боковой пластины обнаружен в одиночном кургане Брусянского II могильника²⁵. В погребениях остатки этих луков чаще всего (8 случаев) были обнаружены с правой стороны от умершего (7 – в Большетиганском и 1 – в Большетарханском могильниках, 1 – в Новинковском II, кург. 17, погр. 1), очевидно, справа лежали накладки на лук и в Осиновском III могильнике, хотя погребение было сильно разграблено еще в древности. Пять раз они зафиксированы слева (3 – в Большетиганском и по одному – в Большетарханском и Танкеевском могильниках). В 7 случаях местоположение лука относительно костяка определить не удалось (разрушенное погребение, кенотаф и т. д.). Все эти данные заставляют думать, что наиболее характерным было положение этого лука справа от погребенного, что отражает, видимо, представление о месте этого вида оружия в системе погребального инвентаря среди населения Среднего Поволжья в конце I тыс. н. э.

Подобные сложносоставные луки со срединными боковыми накладками широко представлены находками из памятников VII–X вв. Южной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы. Происхождение их связано со степными районами Южной Сибири, где они появились в период тюркского великодержавия (VII–VIII вв.)²⁶. Д. Г. Савинов предложил называть этот тип лука «тюркским», отмечая, что их распространение было связано с эпохой тюркских каганатов в обширном регионе от Монголии до Верхней Оби и Прииртышья²⁷. В Восточной Европе накладки таких луков известны из целого ряда памятников от Прикубанья до Венгрии и Дунайской Болгарии, иногда в комплекте с концевыми накладками. Сходная форма и один археологический период использования этого типа позволяют считать их деталями сходных по конструкции типов лука²⁸. Подобные детали сложносоставных луков в VIII–X вв. широко использовались, видимо, в Южном Приуралье, где встречены в погребениях Каранаевского, Старохалиловского, Лагереvского, Бекешевского и Ямаши-Тауского могильников²⁹, а также в

²⁵ Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – С. 116, табл. LXXIII, 9.

²⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.–Л., 1965. – С. 87; Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 149.

²⁷ Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука... – С. 149.

²⁸ Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья. – С. 106–107; Они же. К реконструкции лука хазарского времени. – С. 170–171.

²⁹ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М., 1981. – Рис. 15; 17; 34; 37; 51; 57; 60; Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников... – С. 178.

Верхнем Прикамье, где найдены в памятниках этого времени (Мыдлань-Шай, Варни, Тольен и т. д.)³⁰.

Судя по всем этим аналогиям, сложносоставные луки «тюркского» типа у населения Среднего Поволжья раннебулгарского периода имеют больше южносибирские, чем причерноморские истоки, что, видимо, объясняется инфильтрацией сюда тюркских и угорских племен из Верхнего Прикамья, Зауралья и Заволжья. Хотя влияние тюркской военной культуры на распространение этих передовых типов луков трудно переоценить, вряд ли этот факт можно объяснить лишь проникновением тюрков. Так как были регионы вне тюркских каганатов, где эти луки использовались (Прикамье, Приуралье), и одновременно внутри ареала империи тюркютов не везде этот тип лука был преобладающим.

Все это заставляет думать, что появление и сравнительно быстрое распространение сложносоставных луков с парой срединных боковых накладок (часто еще с различными типами концевых) было связано, скорее всего, с военно-техническими причинами: усилением мощи этих луков за счет увеличения длины подвижных плеч, более эластичного крепления рогов к рукояти и концам, общим увеличением скорострельности лучников при сокращении дистанции стрельбы, а также, видимо, применением новых материалов в конструкции кибиты. Эти усовершенствования привели к тому, что они почти повсеместно вытеснили «гунно-болгарские» типы луков, в том числе и в Среднем Поволжье и Прикамье. Вероятно, есть также определенная связь между внедрением в боевую практику этих луков и появлением новых типов плоских («гнездовские», срезны и т. д.) и граненых наконечников стрел.

Лук «хазарского» типа

Наиболее интересная находка лука, близкого к этим типам, происходит из Южного Приуралья, о чем свидетельствуют накладки «хазарского» лука из 3 кургана Тамар-Уткульского могильника³¹.

Особенностью данного типа лука является наличие концевых накладок, которые представляют собой крупные трапециевидные в сечении пластины (длина до 15 см и ширина 2,5–3 см). С внутренней стороны вся накладка расчерчена косой решеткой в неглубоком рельефе. От других типов концевых фронтальных накладок они отличаются тем, что глубокая выемка для тетивы сделана примерно на трети расстояния от верхнего края накладки, а внешняя часть их расчерчена косой решеткой почти до выреза для тетивы.

³⁰ Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. – Свердловск, 1962. – С. 55–56, табл. XI, 20–22; Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. – Ижевск, 1980. – Табл. XIX, 18–19; Он же. Толвенский могильник IX – начала X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1988. – Рис. 4, 18.

³¹ Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.). – С. 178, рис. 2, 2.

Срединные боковые пластины имеют вид вытянутого (более 15–15,5 см) узкого (ширина 2,7 см) равнобедренного треугольника, изогнутого в профиле по длине. Нижний тупой край их с внешней стороны приострен и покрыт полосчатым неглубоким рифлением. Таким же рифлением покрыт по всей длине и один край (внешний?) пластины. Остальная поверхность гладкая. С внутренней стороны вся обкладка расчерчена косой решеткой в неглубоком рельефе, такой же насечкой покрыт и кососрезанный край пластин.

Ранее вслед за исследователями Осиновского III курганного могильника³² я полагал, что и в этом погребении обнаружены обломки концевых фронтальных накладок подобного типа. Следует сказать, что это курганное погребение, видимо, было разрушено, поэтому установить первоначальное положение деталей лука и их соотношение между собой не представлялось возможным, что и породило ряд недоразумений в отношении реконструкции лука. Было сделано предположение, что кроме срединных боковых там обнаружены также концевые накладки. Однако подробное их изучение заставляет отказаться от этого предположения. Очевидно, исследователи, и я вслед за ними, приняли за обломки костяных пластин строгали для обработки древков стрел.

Таким образом, можно сделать вывод о наибольшей распространенности в середине VIII – середине X в. накладок «тюркского» типа. Одновременно в боевой практике населения Среднего Поволжья сохраняются также «болгарский» и «венгерский» типы, а также проникают единичные экземпляры луков других типов («хазарский»). Особенностью набора луков в данном регионе является преобладание именно «тюркского» лука, тогда как в ареале салтово-маяцкой культуры представлено гораздо большее разнообразие различных типов луков с разнообразной комбинацией накладок, например, «салтовские» и «хазарские» луки здесь получили значительное распространение³³. По последним данным, подтверждающим этот вывод, практически все сложносоставные луки, выявленные в степной и лесостепной зоне Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э., относятся именно к этим типам луков³⁴. Вполне возможно, что подобное распределение находок, диссонирующее в целом с тенденциями, присущими развитию стрелковых наборов салтово-маяцкой культуры, связано с направлением этнокультурных контактов населения Волго-Уральского региона, для которого важную роль играли связи с кочевниками Южного Урала, Западной Сибири и Центральной Азии, тогда как с населением Хазарского каганата они находились в военно-политической конфронтации.

³² Богачев А. В., Мышкин В. Н. Раннеболгарский курган у с. Осиновка. – С. 65–74, рис. 4, 1-2; Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – С. 116, рис. 25, 2.

³³ Савин А. М., Семенов А. И. К реконструкции лука хазарского времени. – С. 169–171.

³⁴ Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего Средневековья. – С. 72–99.

2. Булгарский этап (рис. 13)

Следующий этап развития луков в Волго-Уральском регионе связан с военно-политическим и этнокультурным взаимодействием Волжской Булгарии с племенными группами Южного Приуралья, Заволжья и Нижнего Поволжья. Письменные (арабо-персидские и русские) источники неоднократно отмечают использование булгарами луков и стрел во время военных действий, что не оставляет сомнений в массовости использования этого оружия.

В средневековой Булгарии довольно распространенным типом лука оставался тот же «тюркский» тип составного лука (рис. 14). Находки от него представлены срединными боковыми накладками. Прав был Ф. Ш. Хузин, когда отмечал, что подобных накладок с территории Булгарии довольно мало, и указывал на одну³⁵, которую отнес к лучным накладкам, очевидно, по недоразумению. Дело в том, что эта накладка из коллекции А. Ф. Лихачева, хранящаяся ныне в НМ РТ (ГМТР № 5427-28, Бил.-33), не имеет насечек на тыльной стороне, что исключает ее использование в качестве срединной боковой накладки. На сегодняшний день из всех собраний и коллекций известно несколько накладок, которые можно отнести к этому типу (всего 3 экз.). Одна обнаружена при раскопках Болгарского городища и хранится в ГИМе (ГИМ XIII-2, № 3705), одна найдена при раскопках Старотинчалинского поселения (Ульяновская обл.)³⁶. Все они довольно стандартны и представляют собой широкие подпрямоугольные пластины с несколько скошенными в одну сторону или овальными концами (длина 14, ширина 2,5–3,5 см). Они имеют чуть изогнутый вид и покрыты крупной штриховой нарезкой по краю лицевой стороны обеих пластин и крупной продольной нарезкой по обратной стороне.

Еще одна накладка может быть отнесена к срединным боковым с определенной долей сомнения. Этот обломок костяной пластины Ф. Ш. Хузин назвал в своей публикации концевой боковой накладкой³⁷. Накладка (длина 12 см, ширина 2,5 см) имеет округленный верх, гладкую поверхность с лицевой стороны и тыльную, прорезанную глубокой продольной нарезкой (рис. 15). Этот обломок найден при раскопках Билярского городища в слое XII-XIII вв.³⁸ Эта накладка не характерна для срединных боковых тем, что не имеет штриховки по лицевой части для крепления с кибитью, но и концевой боковой она быть не может, поскольку небольшое углубление (скол) по краю пластины слишком мало и неглубоко, чтобы удерживать тетиву. Не исключено все же, что это какая-то разновидность срединной боковой пластины.

³⁵ Хузин Ф. Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – С. 133, табл. XLV, 6.

³⁶ Васильева И. Н. Старотинчалинское поселение и проблемы изучения сельской округи Волжской Булгарии // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара, 1991. – С. 187, рис. 3, 11.

³⁷ Хузин Ф. Ш. Снаряжение всадника и верхового коня. – С. 131-132, табл. XLV, 5.

³⁸ Там же.

Особенностью развития луков в XI–XII вв. как в Булгарии, так и Восточной Европе в целом является то, что в конструкции луков вновь стали использовать концевые фронтальные накладки. Всего их ныне известно из разных собраний 9 экз. Их размеры различаются, что позволяет выделить два подтипа концевых фронтальных накладок: 1. длиной 10–15 см и массивным (длина до 3 см, толщина 1,5 см) выступающим над вырезом верхним краем (6 экз.) (рис. 16, 17); 2. длинные узкие (16–20 см) с небольшим (до 1,5 см) выступающим верхним краем (3 экз.) (рис. 18, 19). Подобные концевые накладки встречаются в памятниках Восточной Европы в X–XIII вв.: на Руси, в Подонье у кыпчаков (Саркел), а также в Прикамье и у тюркских народов Западной Сибири, Алтая и Забайкалья³⁹. Некоторые исследователи даже связывают появление данных концевых накладок в Подонье с движением кимаков⁴⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что на вооружении болгарских лучников появляются луки с концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы, снабженные также срединными боковыми пластинами. Не исключено, что подобная конструкция лука появилась у болгар под влиянием заволжских йемеков, как и ряд других военно-технических новшеств в вооружении и конском снаряжении в конце X – первой трети XIII в. Возможно, она была вызвана переменами в военном деле, связанными с общим усилением доспеха. Для противодействия тяжеловооруженному противнику требовалось не увеличивать быстроту стрельбы, а повышать ее дальность и поражающую мощь. Для этого были нужны луки, способные выдерживать его возрастающую мощь, что в первую очередь должно было затронуть узлы жесткости лука – середину и концы. Очевидно, в связи с этим постепенно изменяется и весь стрелковый набор, включая набор стрел, появляются запястные пластины для левой руки лучника.

3. Золотоордынский этап (рис. 20)

«Монгольский» тип лука с фронтальной срединной накладкой, имеющий характерный «веслообразный» вид. С территории Среднего Поволжья выделяется находка подобной костяной накладки из района Билярского городища. Она представляет собой крупную костяную накладку с веслообразными концами с размерами: общая длина 27 см; длина «лопаточек» 6,5 и 9; ширина «лопаточек» 1,7–2,8 и 2,3–2,5 см; ширина центральной части «лопаточек» 1,8 см; толщина концов 0,3 см, средней части 0,4 см. Вся накладка имеет выгиб во внешнюю сторону до 1,2 см. «Лопаточки» плавно закруглены и покрыты гребенчатой, довольно редкой продольной насечкой. Для этой накладки специфичны: довольно длинные концевые «лопаточки», четко обозначенные невысокими

³⁹ Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб, 2001. – С. 46; Иванова М. Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998. – Рис. 49, 9–11.

⁴⁰ Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков. – С. 46.

«плечиками»; постепенное сужение «лопаточек» к концам; уменьшение толщины «лопаточек» к концу за счет среза заготовки, на расстоянии 1 см от плечиков; отсюда же начинается насечка, на «плечиках» она лишь обозначена.

Аналогии этой накладке достаточно многочисленны, часть из них сходны по форме, а часть имеет близкие конструктивные особенности. Наиболее ранние экземпляры подобных накладок происходят из памятников XI–XIV вв. из Центральной Азии и Южной Сибири⁴¹. По периодизации А. А. Гавриловой, луки данного типа относятся к четвертой стадии развития лука «с массивными вкладышами: одним срединным, врезанным в кибить, и в редких случаях одним концевым, вставленным в расщепленный конец кибити (часовенногорские и забайкальские)»⁴². Изучение истории сложносоставных луков в свете новых археологических материалов (Осинкинский могильник XII–XIII вв.) позволило Д. Г. Савинову сформулировать вывод о данном типе лука как о важнейшем этапе эволюции луков в типологически связанной линии развития луков Южной Сибири древнетюркского и предмонгольского периодов⁴³. К данному выводу присоединился Ю. С. Худяков в обобщающей работе по истории вооружения средневековых центральноазиатских и южносибирских кочевников, отметив, что данный тип лука бытует в Забайкалье уже в конце I тыс. н. э., а с XI–XII вв. становится общераспространенным для всей территории Центральной Азии, в чем, по его мнению, «проявился процесс универсализации отбора наиболее эффективных для соответствующего набора стрел и средств защиты форм лука и процесс унификации общераспространенных типов во всем историко-культурном регионе»⁴⁴. Форма и размер накладок данного типа в Центральной Азии претерпели за период позднего Средневековья ряд изменений под влиянием этнокультурных или технологических причин, но основными тенденциями были увеличение массивности фронтальной пластины, которая стала трапецевидной в плане и, утратив веслообразные концы, в период позднего Средневековья приобрела уплощенные чуть расширенные окончания⁴⁵.

Практически все аналогичные накладки из Восточной Европы происходят из поздnekочевнических погребений Поволжья и Южного Приуралья XIII–XIV вв.⁴⁶ Еще одна довольно близкая аналогия билярской находке обнаружена в Новго-

⁴¹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – С. 88; Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири и Центральной Азии. – С. 155–158, рис. 4–5; Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск, 1991. – С. 99, рис. 49; 50, 1–5.

⁴² Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – С. 88.

⁴³ Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири и Центральной Азии. – С. 155–158, рис. 4–5.

⁴⁴ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – С. 103.

⁴⁵ Там же. – С. 159–160, рис. 6.

⁴⁶ Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М., 1988. – С. 13, рис. 2, 9; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 25, рис. 3, 7.

роде в слоях второй половины XII в., где она найдена в результате раскопок в 1953 г. в комплексе с довольно хорошо сохранившейся кибитью лука, что позволило подробно реконструировать данный тип лука⁴⁷.

Подобные же находки веслообразных фронтальных накладок известны из могильников Черных Клобуков⁴⁸. Весьма интересно, что дважды (погребения курганов 312 и 366) срединная фронтальная накладка обнаружена в комплексе со срединной боковой⁴⁹. Датировка этих курганов сложна и вызывает дискуссию. Ряд исследователей считает возможным датировать все поросские курганы XII – началом XIII в.⁵⁰, а другие склонны разделять погребальные комплексы из Поросья на два культурно-хронологических этапа: кыпчакский (XII – первая половина XIII в.) и золотоордынский (середина XIII – XIV в.)⁵¹. Между тем, даже принимая систему датировки Г. А. Федорова-Давыдова, следует отметить, что, по крайней мере, два погребения⁵² со срединными фронтальными костяными накладками можно датировать серединой XIII в. Есть основания полагать, что находки, включая обломок лука из слоев Новгорода и окрестностей Биляра, также следует относить ко времени не ранее этой даты и связывать с военно-политическими событиями, вызванными монгольскими завоеваниями.

Скорее всего, совершенство и удобство этого типа лука способствовали заимствованию его различными народами вместе с характерным набором новых форм стрел уже в предмонгольский период. Все это позволяет датировать данный тип лука для территории Среднего Поволжья начиная с конца XII в., хотя основной расцвет луков данного типа приходится на XIII–XIV вв.

Позднее, в XIII–XVI вв., в Восточной Европе и степях Евразии подобные луки претерпевали заметную трансформацию, при этом одной из тенденций стало исчезновение к XIV в. срединных фронтальных костяных накладок. Весьма убедительно эти процессы развития сложных и сложносоставных луков в Улусе Джучи прослежены для района Предкавказья, где зафиксировано исчезновение костяных накладок на лук и появление двухклинных рукоятей⁵³.

Сложносоставные луки «монгольского» типа были довольно развитым оружием дистанционного боя. Конструктивно костяная «лопаточка» выполняла роль срединной фронтальной накладки, которая придавала кибити дополнительную жесткость и усиливала всю систему лука. Обычно «монгольские» луки

⁴⁷ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. – М., 1959. – С. 139–143, рис. 8, 10; *Он же*. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) (VIII–XIV вв.). – С. 10–12, табл. 1, 6.

⁴⁸ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // САИ. – Е 1-19. – М., 1973. – Табл. 11, 1; 15, 2-3; 16, 7; 20, 9.

⁴⁹ Там же. – Табл. 11, 1-2; 15, 1-3.

⁵⁰ Там же. – С. 15–19.

⁵¹ Федоров-Давыдов Г. А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. – № 3. – М., 1965. – С. 62–63, рис. 1; *Он же*. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – С. 11–32; 115 и далее.

⁵² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – Табл. 11, 1-2; 16, 7.

⁵³ Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. – С. 54–56; 66–71, рис. 6, 7.

использовались в комплекте со срединными боковыми и (реже) с боковыми концевыми накладками. Данные луки являются довольно развитым типом кочевнических луков, сочетающих мощный узел жесткости в центре кибити и гибкость плеч. Достигалось увеличение мощности за счет выгнутости срединной фронтальной пластины и использования в конструкции плеч гибкости рога и разных пород дерева. Одновременно с «монгольским» типом лука распространяются новые формы наконечников стрел: широколезвийные и фигуролистные плоские томары, пирамидальные и долотовидные бронебойные.

Таким образом, материалы по истории лука в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье в VIII–X вв. свидетельствуют, что в этот период шел процесс активного изменения метательного вооружения. На смену распространенным здесь в предшествующий период сложносоставным лукам «гунно-болгарского» типа во второй половине VIII в. пришли луки новой конструкции. Самыми популярными из них были луки, снабженные парой срединных боковых накладок. Для этого «тюркского» типа лука было характерно, видимо, также использование в конструкции гибкого рога на тыльной стороне плеч, укрепленного с помощью боковых рукоятных обкладок. Эти усовершенствования позволили как создать мощный узел жесткости в середине, так и, скорее всего, увеличить гибкость и упругость плеч, сделав их более эластичными и длинными, вероятно, даже асимметричными. По мнению оружейников, такой лук был более приспособлен для быстрой стрельбы на небольших дистанциях и был более надежен в употреблении⁵⁴. Вместе с тем нельзя не отметить, что именно вместе с этим «тюркским» луком в Среднее Поволжье проникают и впервые начинают активно применяться граненые бронебойные наконечники стрел, что может свидетельствовать в пользу достаточной мощи луков такого типа. Появление «тюркских» луков в Волго-Камье, определенно, можно связать не только с проникновением сюда новых волн тюркских и угорских (болгаро-огурских) племен из Прикамья и Зауралья, но и с изменениями в евразийском метательном вооружении.

Одновременно сюда проникают другие типы луков, таких как «венгерский» и «хазарский». Своеобразие погребального обряда и самих накладок свидетельствуют об инфильтрации в население Среднего Поволжья новых южных, вероятно, болгарских (болгаро-огурских) групп со своим набором оружия. Однако достаточно широкого распространения они не получили, и регион Среднего Поволжья, Нижнего и Верхнего Прикамья и даже Южного Приуралья во второй половине VIII–X в. был зоной распространения «тюркского» лука с парой срединных боковых накладок, которые, скорее всего, наиболее адекватно отвечали требованиям развития военного дела в регионе.

Письменные (арабо-персидские и русские) источники неоднократно отмечают использование булгарами луков и стрел во время военных действий, что не оставляет сомнений в массовости использования этого оружия. В средневековой Булгарии довольно распространенным типом лука оставался тот же

⁵⁴ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – С. 74.

«тюркский» тип составного лука. Одновременно на вооружении болгарских лучников появляются также луки с концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы.

Позднее, в середине XIII в., в Среднем Поволжье, как и во всей Северной Евразии, преобладающим становится «монгольский» тип лука с фронтальной срединной накладкой, имеющий характерный «веслообразный» вид, характерный для стрелкового набора золотоордынского периода.

Таким образом, можно сказать, что история лука в Среднем Поволжье прошла путь, характерный для истории метательного оружия всей Евразии.

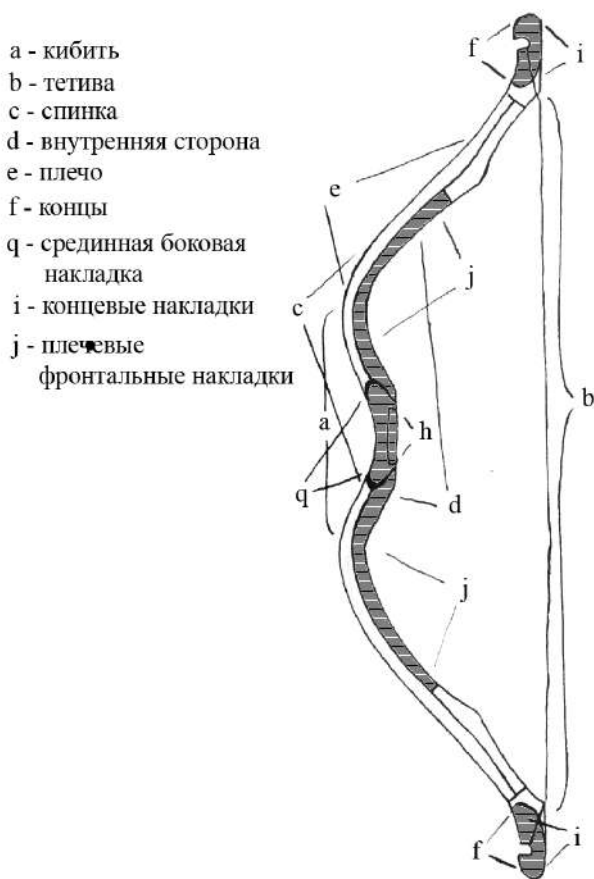

Рис. 1. Устройство лука

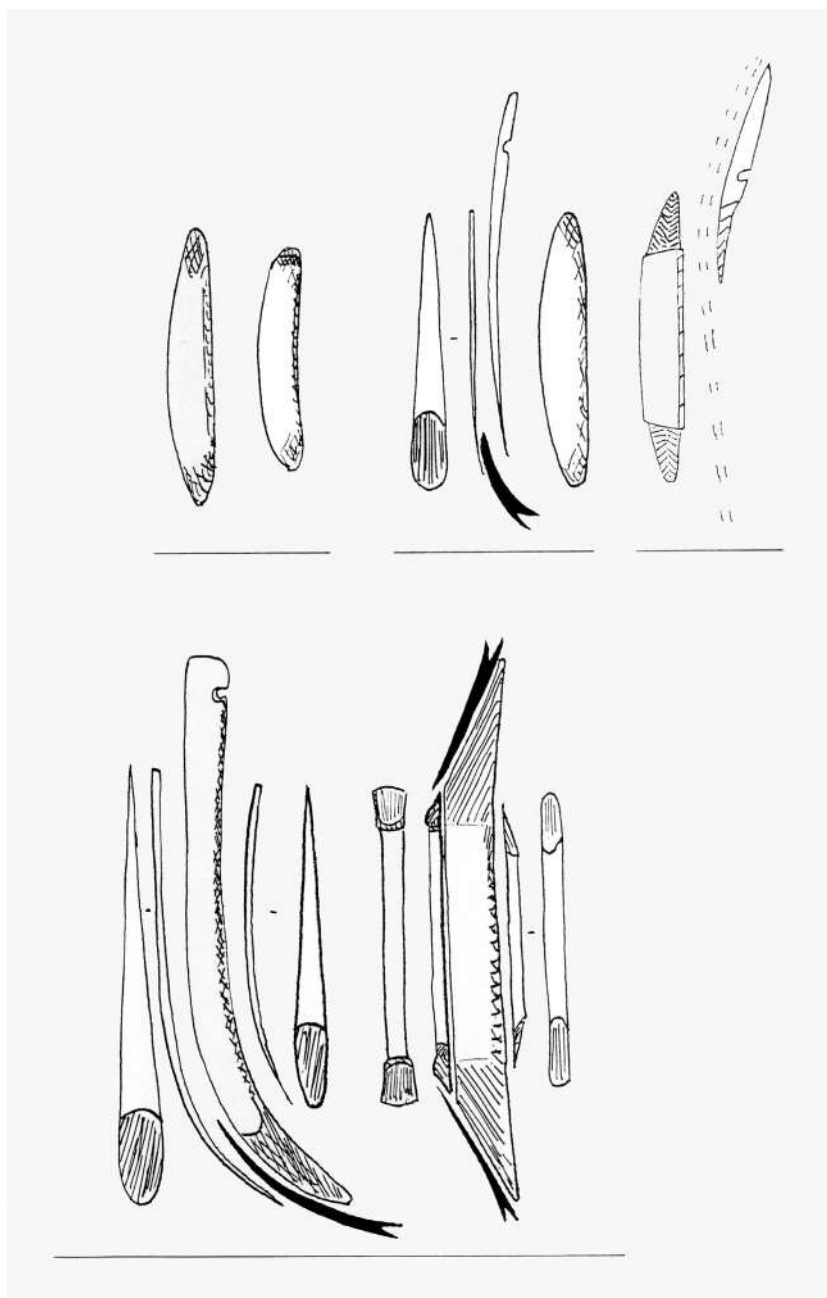

Рис. 2. Типология луков VIII–X вв.

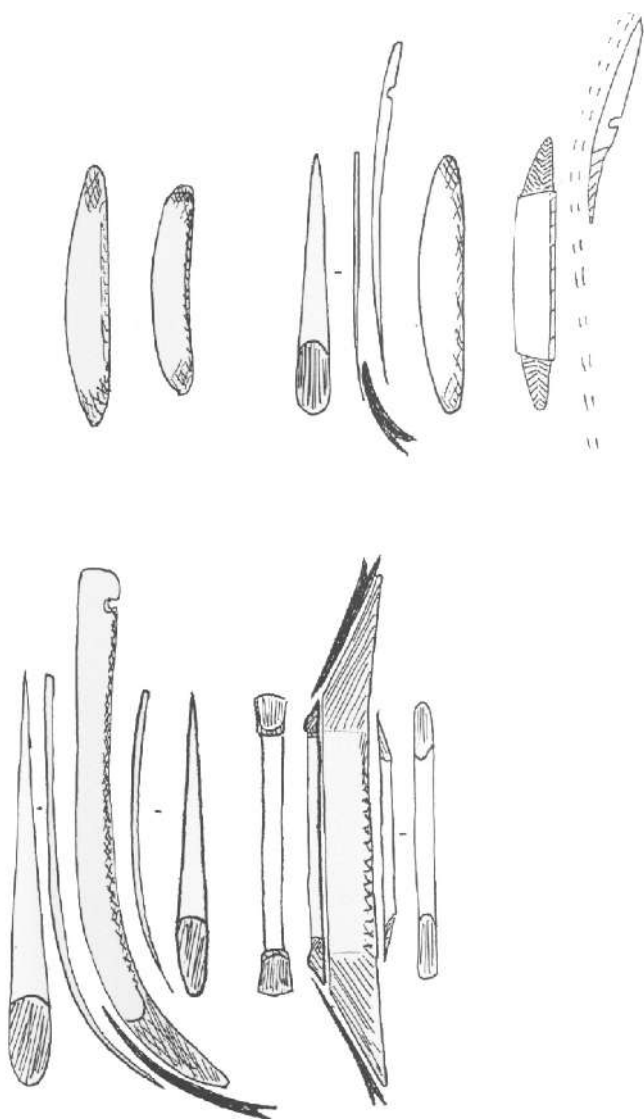

Рис. 3. Типы накладок луков

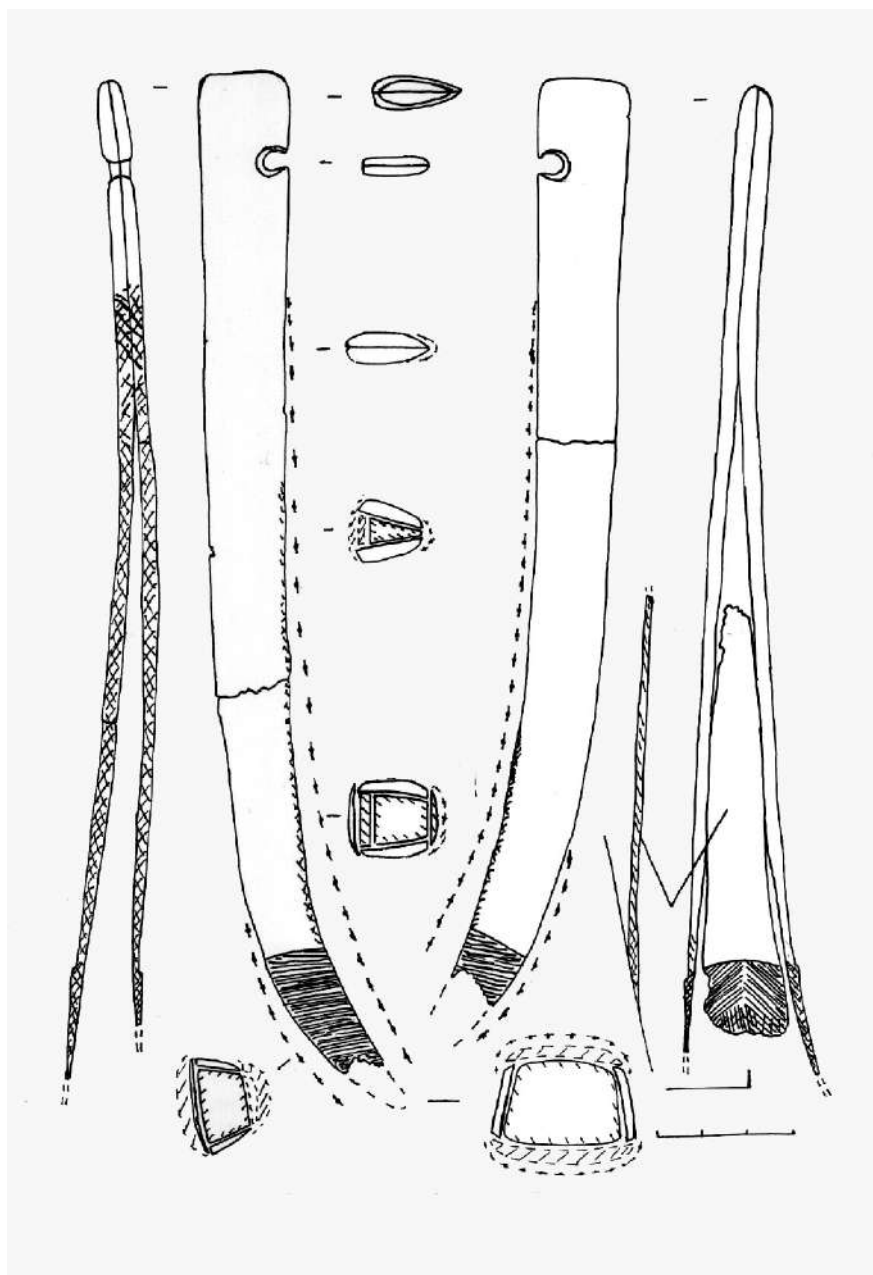

Рис. 4. Болгарский тип лука. Концевая часть

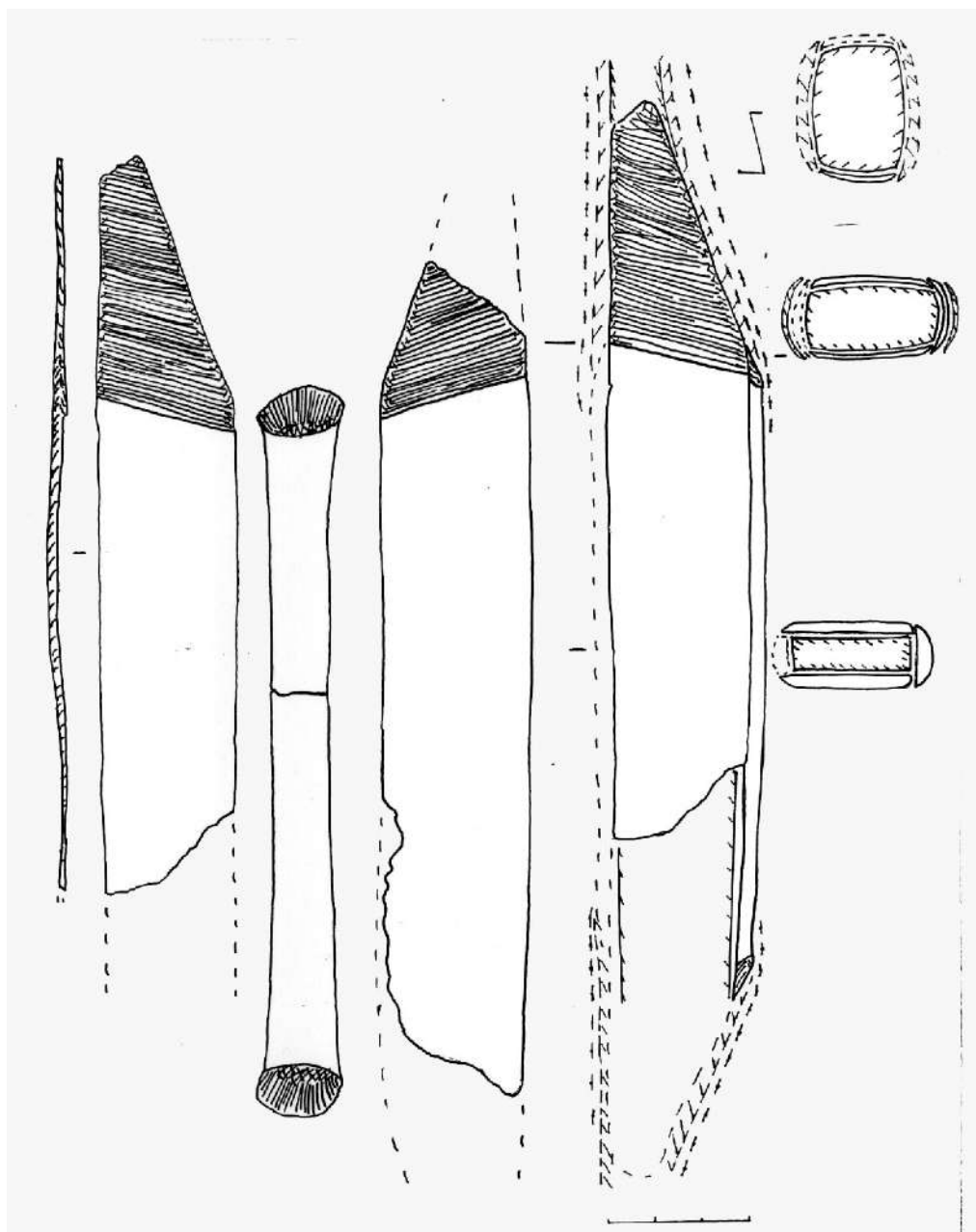

Рис. 5. Болгарский тип лука. Центральная часть

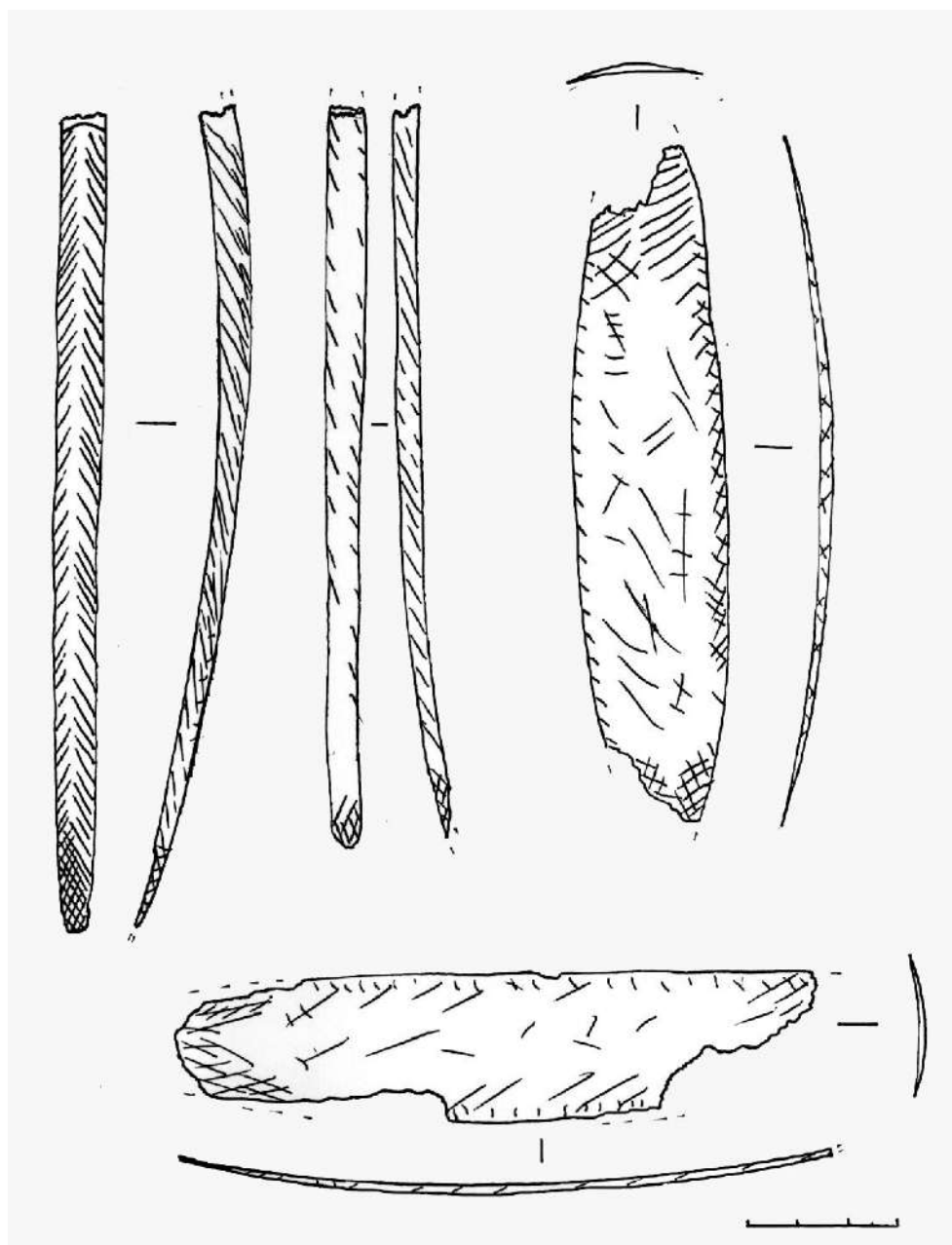

Рис. 6. Венгерский тип лука

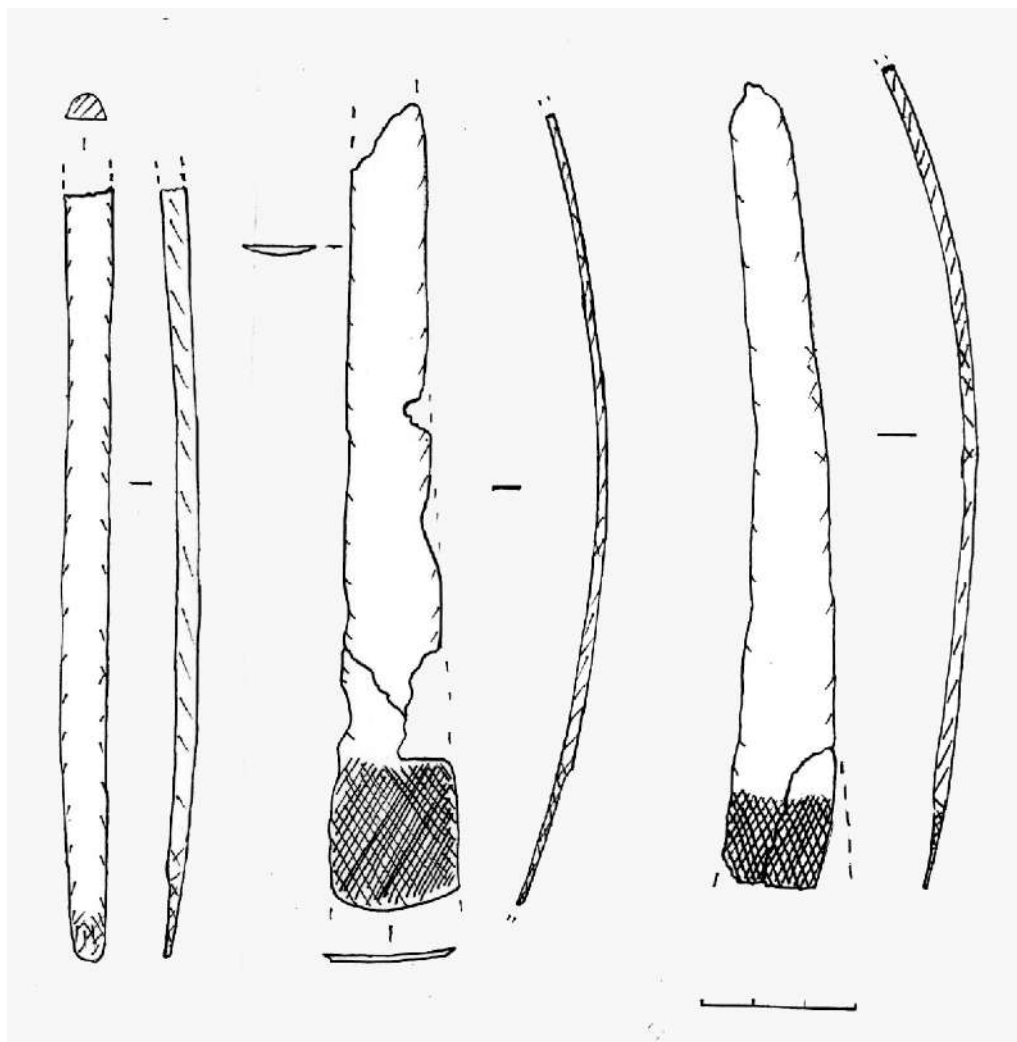

Рис. 7. Венгерский тип лука

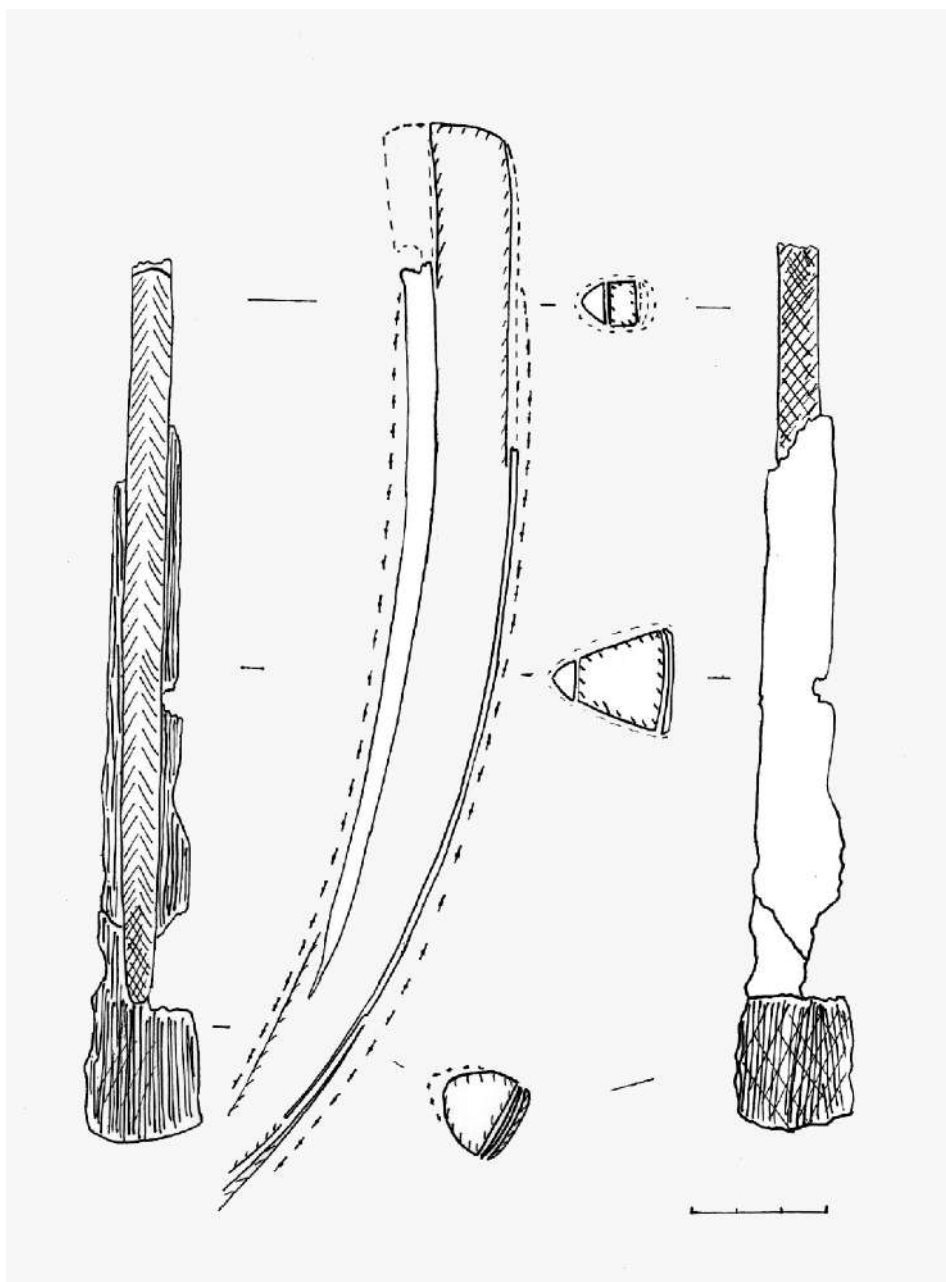

Рис. 8. Венгерский тип лука. Концевая часть

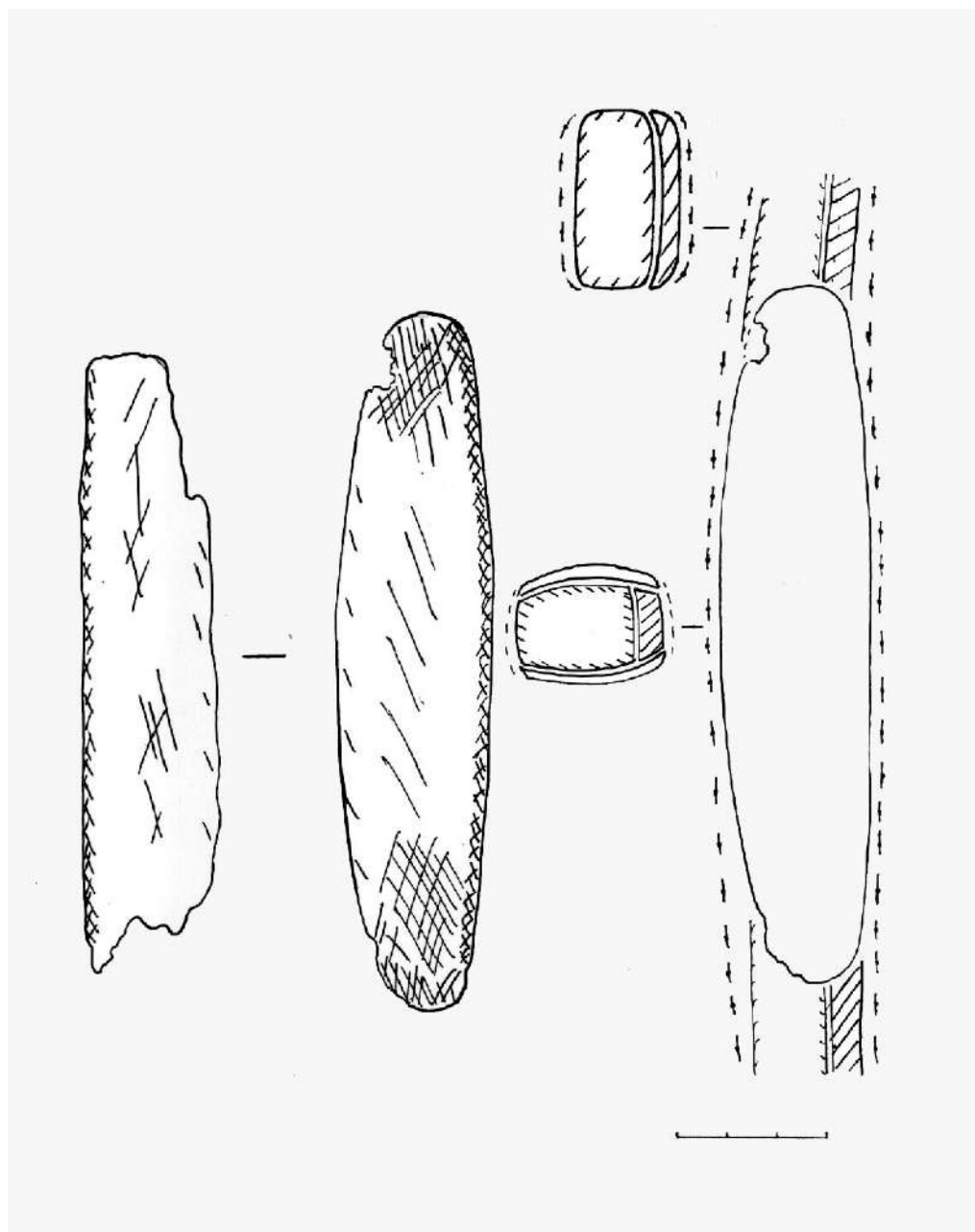

Рис. 9. Венгерский тип лука. Центральная часть

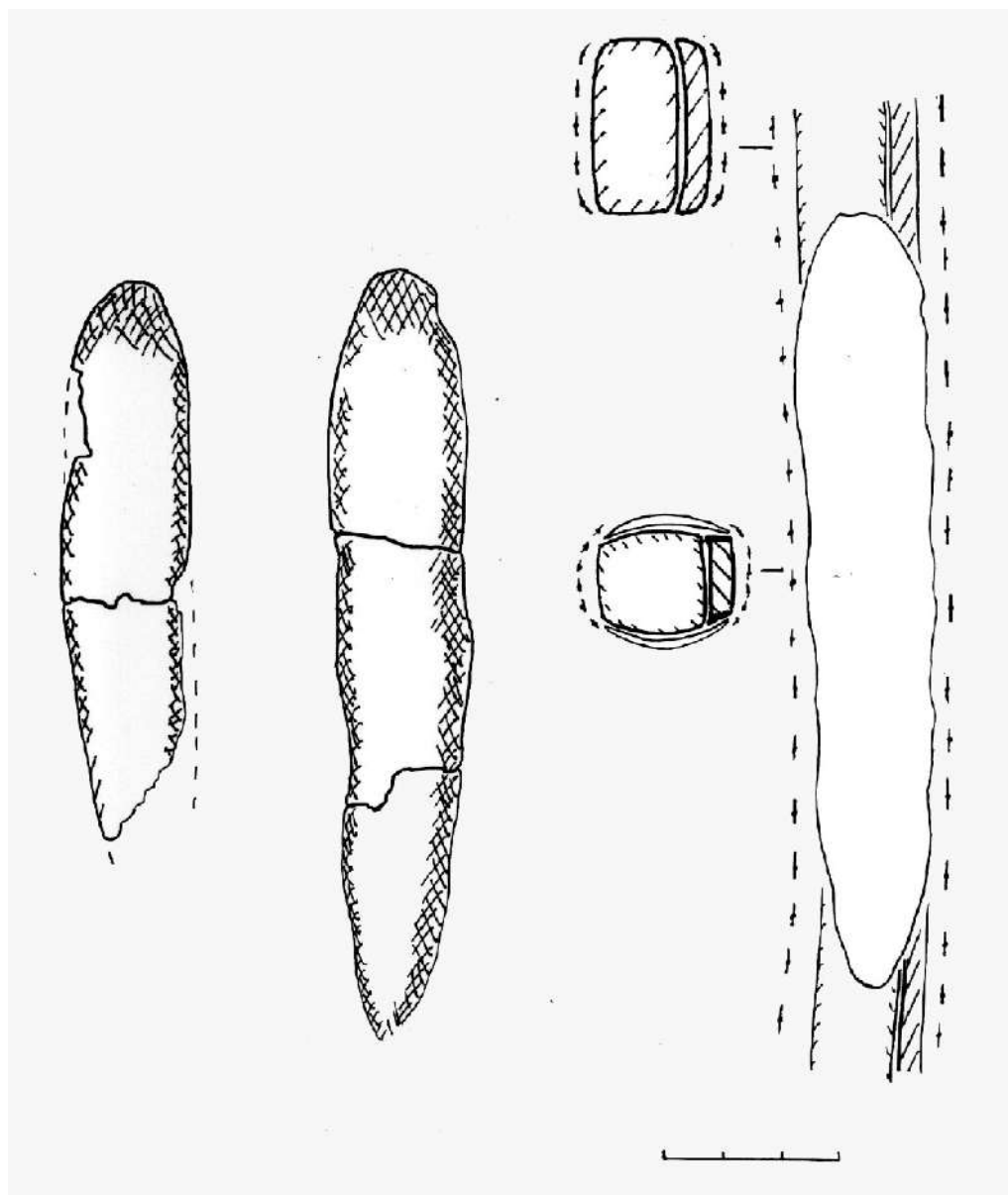

Рис. 10. Тюркский тип лука. Тип 1. Центральная часть

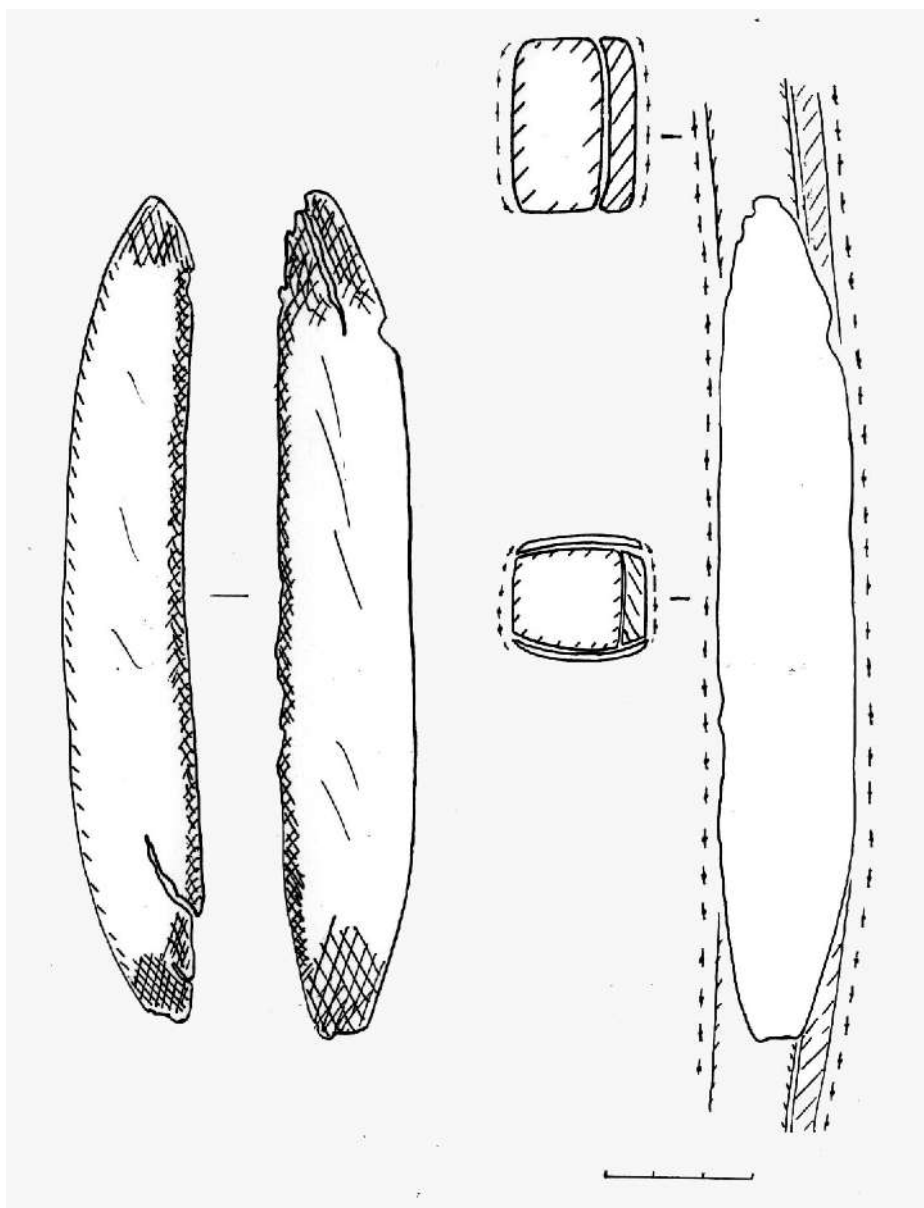

Рис. 11. Тюркский тип лука. Тип 2. Центральная часть

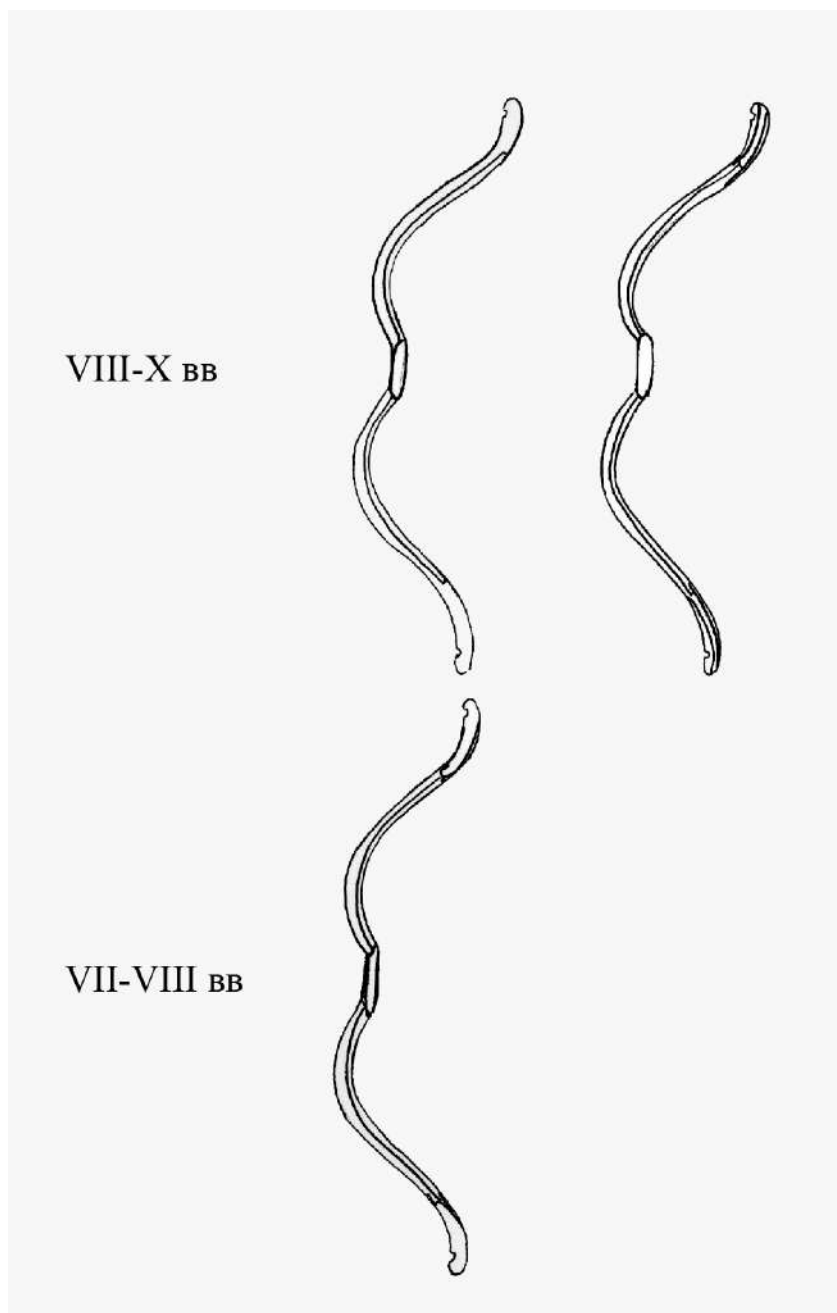

Рис. 12. Типы луков VIII-X вв.

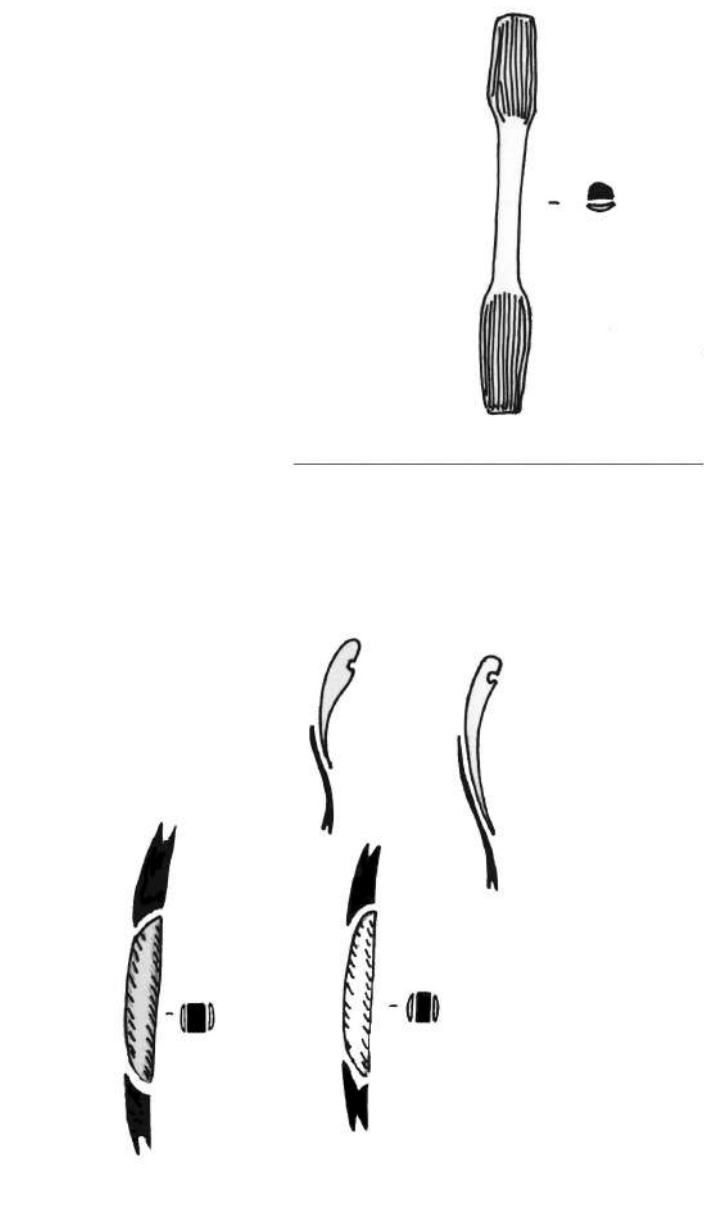

Рис. 13. Типология луков X–XV вв.

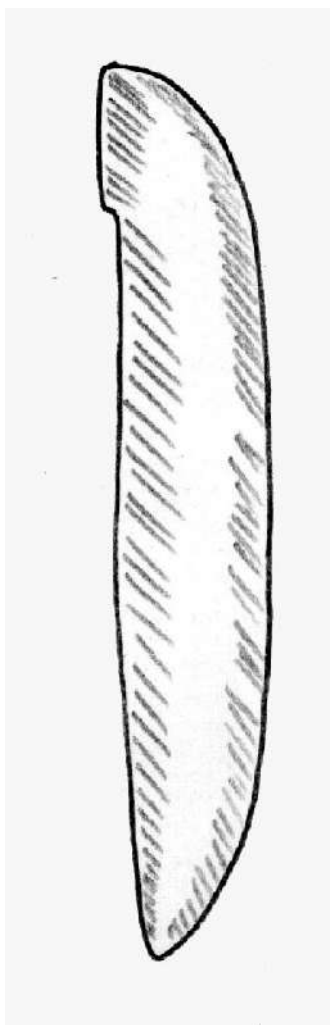

Рис. 14. Тюркский тип лука.
Срединная боковая пластина

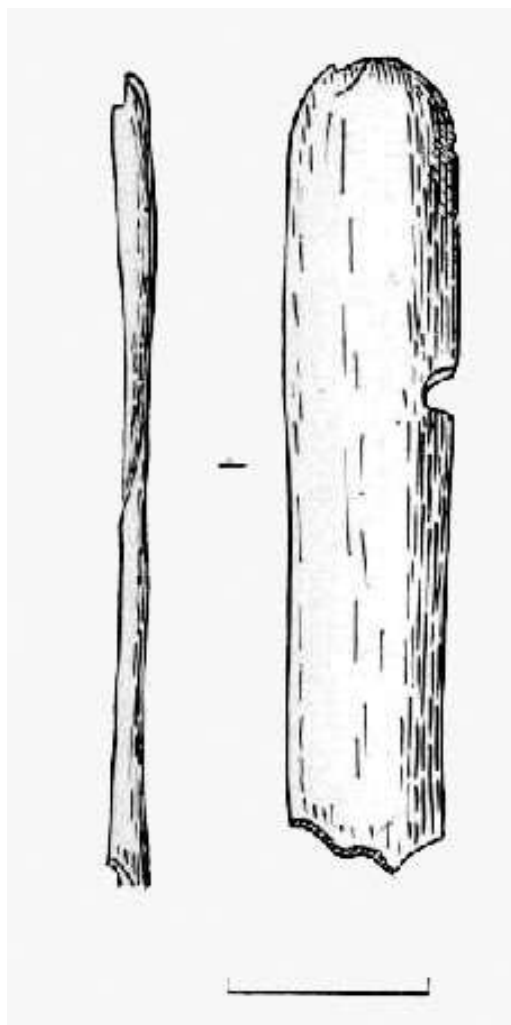

Рис. 15. Тюркский тип лука.
Срединная боковая пластина

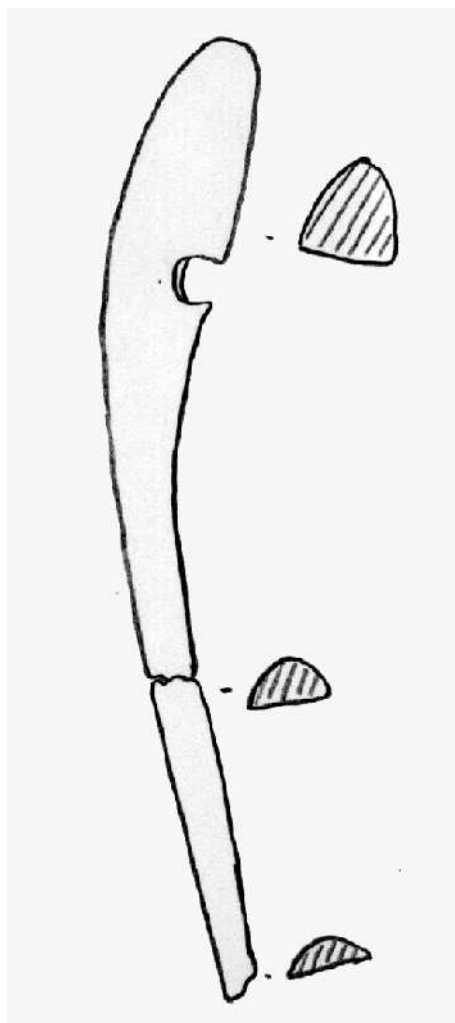

Рис. 16. Тюркский тип лука.
Концевая фронтальная пластина. Тип 1

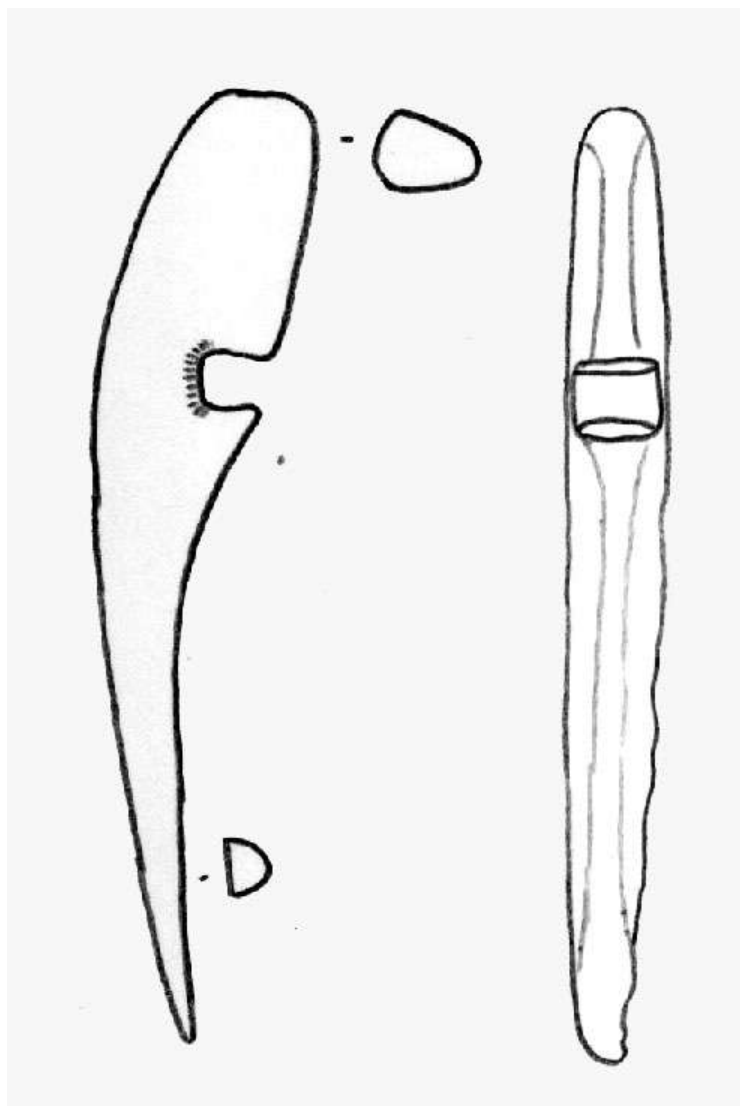

Рис. 17. Тюркский тип лука.
Концевая фронтальная пластина. Тип 1.

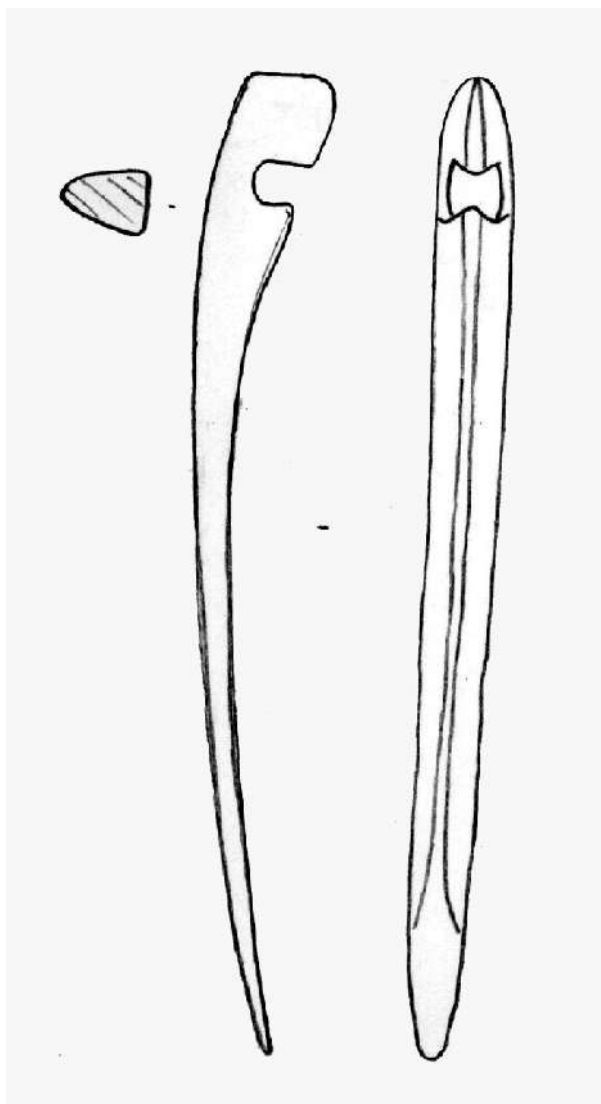

Рис. 18. Тюркский тип лука.
Концевая фронтальная пластина. Тип 2

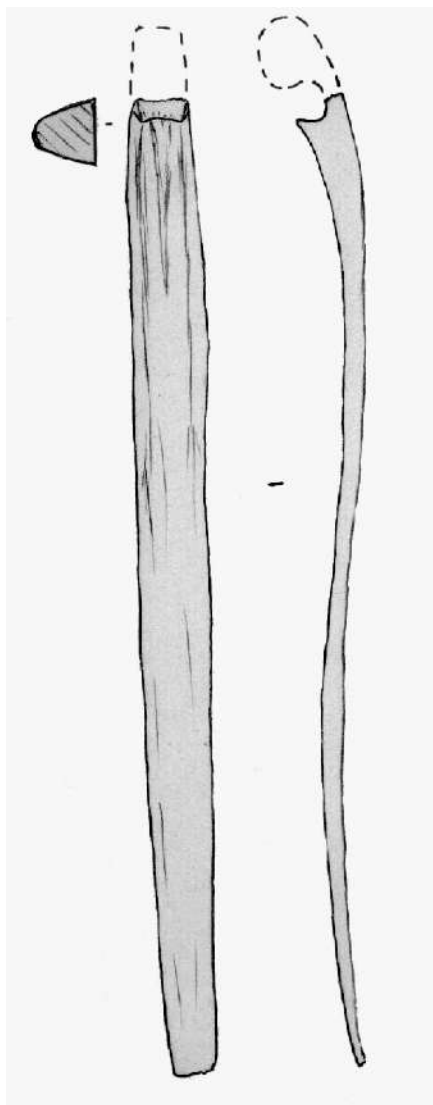

Рис. 19. Тюркский тип лука.
Концевая фронтальная пластина. Тип 2

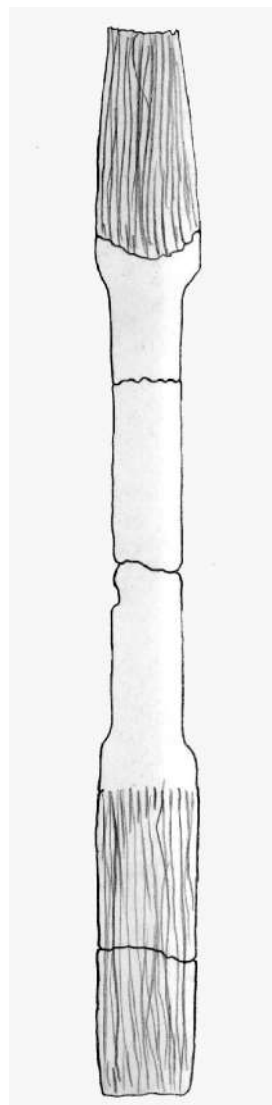

Рис. 20. Монгольский тип лука.
Срединная фронтальная накладка

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

*Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 09-01-00124а)*

В РАССМАТРИВАЕМОМ регионе оружие найдено в 153 погребениях, что составляет 28,6% от 534 языческих погребений XIII-XIV вв., задействованных в настоящей работе. В свою очередь, имеющаяся выборка погребений с оружием позволяет при статистическом анализе установить нижний порог значимости признаков не менее 3% (со степенью вероятности = 0,95)¹.

Предваряя вопрос заинтересованных читателей, считаю необходимым сразу отметить, что ничего сенсационного анализ комплекса вооружения золотоордынских кочевников Урало-Поволжского региона на материале исследуемой выборки не дает. Практически все из известных в регионе предметов вооружения укладываются в типологию, разработанную в свое время Г. А. Федоровым-Давыдовым², кроме того, значительная их часть по состоянию на середину 1980-х гг. была опубликована³. За прошедшие с тех пор годы коллекция предметов вооружения золотоордынских кочевников Урало-Поволжья хотя и пополнилась, но кардинальных изменений в наших представлениях об ассортименте и типах оружия рассматриваемой группы населения не произвела.

Абсолютное большинство погребений – 77% – содержат железные наконечники стрел характерных для рассматриваемой эпохи типов:

ВII – трехгранное в сечении перо (рис. 1,1,2) – 5 экз.;

ВIII – плоские листовидной формы (рис. 1,3–5) – 17 экз.;

ВIV – плоские ромбической формы (рис. 1,6–8) – 11 экз.;

ВV – плоские треугольной формы, максимальная ширина приходится на основание пера – 5 экз.;

ВVI – двурогие стрелы (рис. 1, 9) – 2 экз.;

¹ Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев, 1990. – С. 64.

² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – Гл. 2.

³ Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.

BVII – треугольной формы, но в виде перевернутого основанием вверх треугольника, максимальная ширина приходится на режущую грань – 4 экз.;

BVIII – прямоугольной формы, чуть суживающиеся к основанию – 4 экз.;

BIX – в виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью (рис. 1, 19, 20) – 54 экз.;

BX – аналогичный, но ударная грань слегка вогнута – 1 экз.;

BXI – вытянутая лопаточка, заканчивающаяся двумя короткими ударными гранями, сходящимися под тупым углом (рис. 1, 12–14, 21) – 28 экз.;

BXIII – фигурные, с небольшим пером, ударная грань имеет треугольный выступ (рис. 1, 15–18) – 7 экз.;

BXVI – полукруглой формы, с небольшим пером, прямой или вогнутой ударной гранью (рис. 1, 10, 11) – 3 экз.;

BXVII – треугольной формы с вогнутыми боковыми гранями, слегка расширяющимся основанием и уступом при переходе пера в черешок (рис. 1, 22–27) – 7 экз.

Обычно стрелы помещали в берестяные колчаны острием вверх, но иногда в могилах их находят без колчанов у ног, или у черепа, или у таза погребенного. В одном погребении встречается не более пяти наконечников. Подобные стрелы использовались при скоростной бесприцельной стрельбе и применялись для нанесения ран противнику, его коню, перерезывания тетивы луков⁴.

Костяные наконечники стрел (всего 8 экз.) найдены в восьми погребениях (4,5% от всех погребений с оружием):

тип IV – черешковые, листовидной формы и треугольного сечения (рис. 1, 4–7) – 6 экз.;

тип V – черешковый с треугольной головкой ромбического сечения (рис. 1, 8) – 1 экз.

В погребениях костяные наконечники размещались так же, как и железные. Однако в к. 1 Тлявгуловского могильника черешковый костяной наконечник (рис. 1, 8) торчал вертикально возле головки бедра погребенного.

Назначение костяных наконечников в контексте тогдашней тактики ведения боевых действий не совсем понятно. Характерно, что найдены они в могильниках – Тлявгуловский, кург. 1; Новый Кумак, к. 11; Жарсуат, к. 1; Каратугайская волость, к. 4; Харьковка I, к. 9; Давыдовка III, к. 2; Свинуха (Лесное), к. 5; Агаповский – расположенных в северных лесостепных районах Джучиева улуса или прилегающих к лесостепи.

Стрелы помещались в берестяные колчаны, найденные в 54% рассматриваемых погребений. Из них в 34% действительно стрелы находились в колчане, в остальных наконечников стрел найдено не было. Колчаны представляют собой берестяной футляр трапециевидной формы с расширяющимся дном, длиной 70–80 см. Судя по нахождению наконечников стрел *in situ*, они в колчан помещались оперением вниз (рис. 2, 10–12). Каждый четвертый из найденных в регионе колчанов (26,5%) украшен

⁴ Горелик М. В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 157.

костяными орнаментированными накладками с резным зооморфным, растительным или геометрическим орнаментом (рис. 2, 15, 16) (Аткарский, к. 18; Бахтияровка II, к. 63, 76, 23, 34; Бахтияровка III, к. 84, 96; Белокаменка, к. Д-40; Бережновский, к. 49; Бережновский II, к. 5; Давыдовка III, к. 4; Ленинское, к. 9; Лиман, к. 2; Маячный I, к. 94; Молчановка III, к. 2; Покровский IV, к. 18; Ровное, к. Д-38; Скатовка, к. 1; Тамар-Уткуль, к. 10; Худай-Берген IV, к. 4; Царевский, к. 10; Шебалино, к. 2).

Очевидно, стрелы в могилы помещали вместе с луками. Во всяком случае, 4,5% рассматриваемых погребений содержат костяные обкладки лука (Бахтияровка II, к. 46, 76; Иловля, к. 3; Комсомольский VI, к. 3; Лебедевка VIII, к. 6; Озеро Раим, к. 7; Сайхин, к. 2), причем только в одном случае – Сайхин, к. 3 – они найдены без наконечников стрел.

7,8% рассматриваемых погребений содержат сабли (Бахтияровка II, к. 30, 41, 76; Даниловка, к. 1; Ивановские IV, к. 1; Иловля, к. 3; Камышин, к. 1; Курнаевка, к. 1; Лебедевка II; Лебедевка VIII, к. 6; Мордово; Новая Молчановка, к. 2), из которых большинство (5,2%) содержали также и наконечники стрел. Сабли представляют собой простые, слегка изогнутые клинки с черешком для рукояти, слегка отогнутым вперед, и простым перекрестьем. Каких-либо изысков в виде украшений или дополнительных деталей сабель или ножен не обнаружено (рис. 3, 1–4). В погребениях сабли лежали справа или слева от погребенного, вдоль его бедра острием вниз.

Несмотря на использование «копейного удара», распространенного тактического приема монгольской конницы⁵, наконечники копий обнаружены только в 4-х из рассматриваемых погребений (2,6%) (Никольское I, к. 3; Суслы, к. 40; Терновка, к. 1; Харьковка I, к. 9). Сохранились они очень плохо, но в тех случаях, где сохранились, они представляют собой трехгранную пику с несомкнутой конусообразной втулкой-раструбом (рис. 3, 5).

Доспехи в погребениях рассматриваемого периода найдены в шести погребениях (3,9%) – Лебедевка II и III Озерновский, к. 3; Мамбетбай, к. 3; Новый Кумак, к. 11; Озеро Раим; Бахтияровка II, к. 23. Однако полный комплект доспехов, то есть шлем и панцирь (кольчуга), найдены только в двух (Лебедевка II и III; Озерновский, к. 3).

Доспехи из кургана Лебедевка II полностью нигде не публиковались. Поэтому о панцире можно сказать только то (если судить по плану погребения), что он закрывал тело человека почти до колен. Шлем из указанного кургана публиковался неоднократно, но в ранних работах⁶ он опубликован неверно – показаны ребра жесткости, отсутствующие на шлеме, и не указано, что основание шишака шлема оформлено в виде цветка (рис. 4, 1).

Защитный комплекс из кургана № 3 Озерновского III могильника тоже уже был опубликован⁷. Автор предлагает свою реконструкцию озерновского доспеха

⁵ Горелик М. В. Указ. соч. – С. 159.

⁶ Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа, 1984. – С. 109; Иванов В. А. Указ. соч. – С. 181.

⁷ Овсянников В. В. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 141–149.

в виде своеобразной рубахи, прикрывавшей торс и бедра воина. В подобном виде озерновский доспех представлен в реконструкции художника О. Федорова «Монголы у стен Рязани», воспроизведенной на обложке журнала «Родина» (1997, № 3-4)⁸.

Однако М. В. Горелик реконструирует данный доспех несколько по-иному – в виде кирасы, доходящей до талии, с двумя подвижными клапанами спереди, прикрывающими бедра и низ живота (рис. 4, 3-4)⁹.

Шлем из Озерновского III могильника имеет сферическую форму диаметром 20 см, высотой 19 см, с навершием, завершающимся подвижной полукруглой рамкой. Тулья шлема состоит из восьми кованых железных пластин, из которых четыре верхних – фигурной формы, и усиливающего полукруглого ребра посередине. Верхние пластины склепаны с нижними железными заклепками. В нижней части пластины соединены железным обручем, в передней части которого сделаны вырезы для глаз и наносник, от которого сохранилось только основание (рис. 4, 2)¹⁰.

Наборы вооружения в кочевнических погребениях золотоордынского времени распределяются следующим образом: 68,6% погребений содержат только наконечники стрел; из них в 33,9% погребений стрелы находились в берестяных колчанах. Полный набор стрелкового оружия – наконечники стрел в колчане и костяные обкладки лука – найден только в двух погребениях (Бахтияровка II, к. 46 и 76). В трех погребениях – Лебедевка VIII, к. 6; Иловля, к. 3; Бахтияровка II, к. 76 – найдены наконечники стрел, костяные обкладки лука и сабля. 15,7% погребений из всех предметов вооружения содержат только колчаны, а 3,2% – наконечники стрел и саблю.

Конечно, можно было бы, как это делается в некоторых научных публикациях, попытаться дать «реконструкцию» воинской структуры золотоордынских кочевников Урало-Поволжья, оперируя при этом статистическими данными ассортимента и сочетаний типов оружия в погребениях. Тогда получилось бы, что кочевническая конница улуса Джучи на 84% состояла из лучников или что в степях Урало-Поволжья жили и были погребены только лучники. Что, конечно же, не соответствует ни историческим реалиям, ни логике. Следовательно, единственно верный вывод, к которому мы приходим в результате анализа приведенных выше данных, заключается в том, что набор предметов вооружения в погребениях кочевников золотоордынского времени рассматриваемого региона едва ли отражает реальную структуру их войска и реальное место конкретного индивида в войсковой структуре. Мысль отнюдь не новая. В более широком смысле она была высказана достаточно давно, но должного развития и распространения в отечественной археологии не получила¹¹. Рассмотренный выше материал объективно подтверждает ее правоту.

⁸ По требованию автора и редакции журнала «Родина» все рисунки не могут тиражироваться и воспроизводиться, поэтому отсылаем заинтересованного читателя к указанному изданию.

⁹ <http://steppe.hobi.ru/materials/gorelic-20.shtml>

¹⁰ Там же.

¹¹ Гуляев В. И. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. Вып. 201. – М., 1990. – С. 108 и сл.

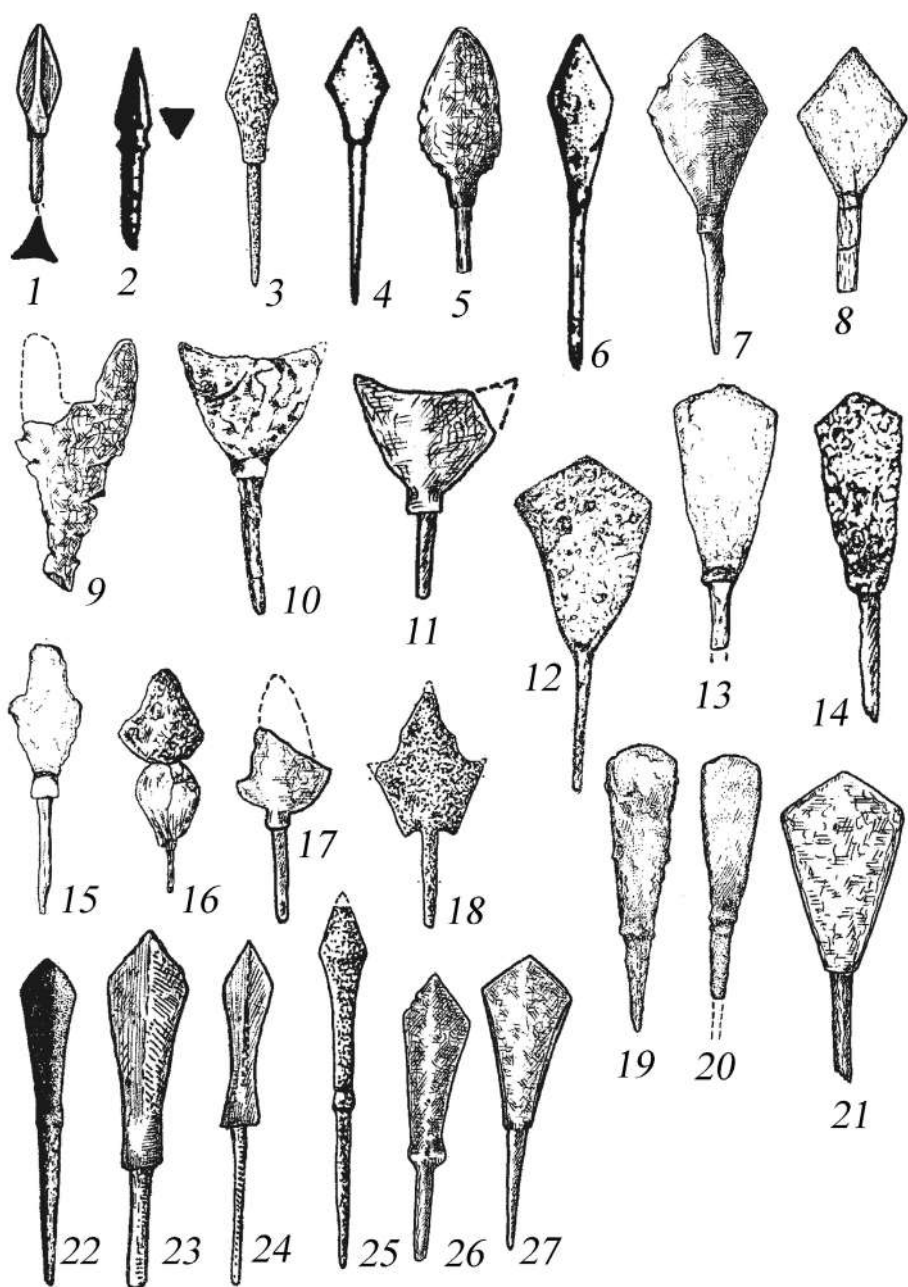

Рис. 1. Типы наконечников стрел из кочевнических погребений
Урало-Поволжья XIII-XIV вв.

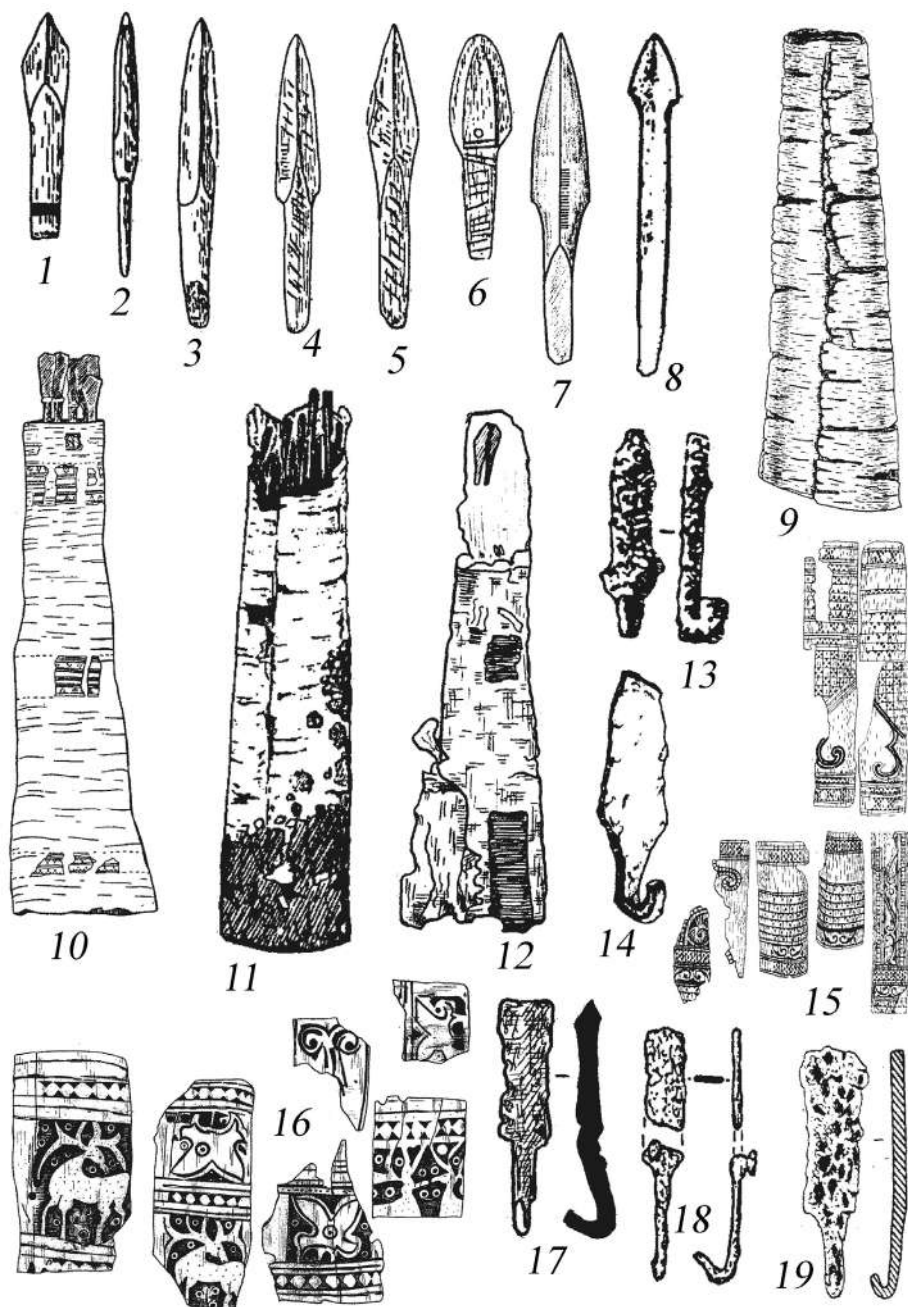

Рис. 2. Костяные наконечники стрел, колчаны и колчаные детали из кочевнических погребений Урало-Поволжья XIII-XIV вв.

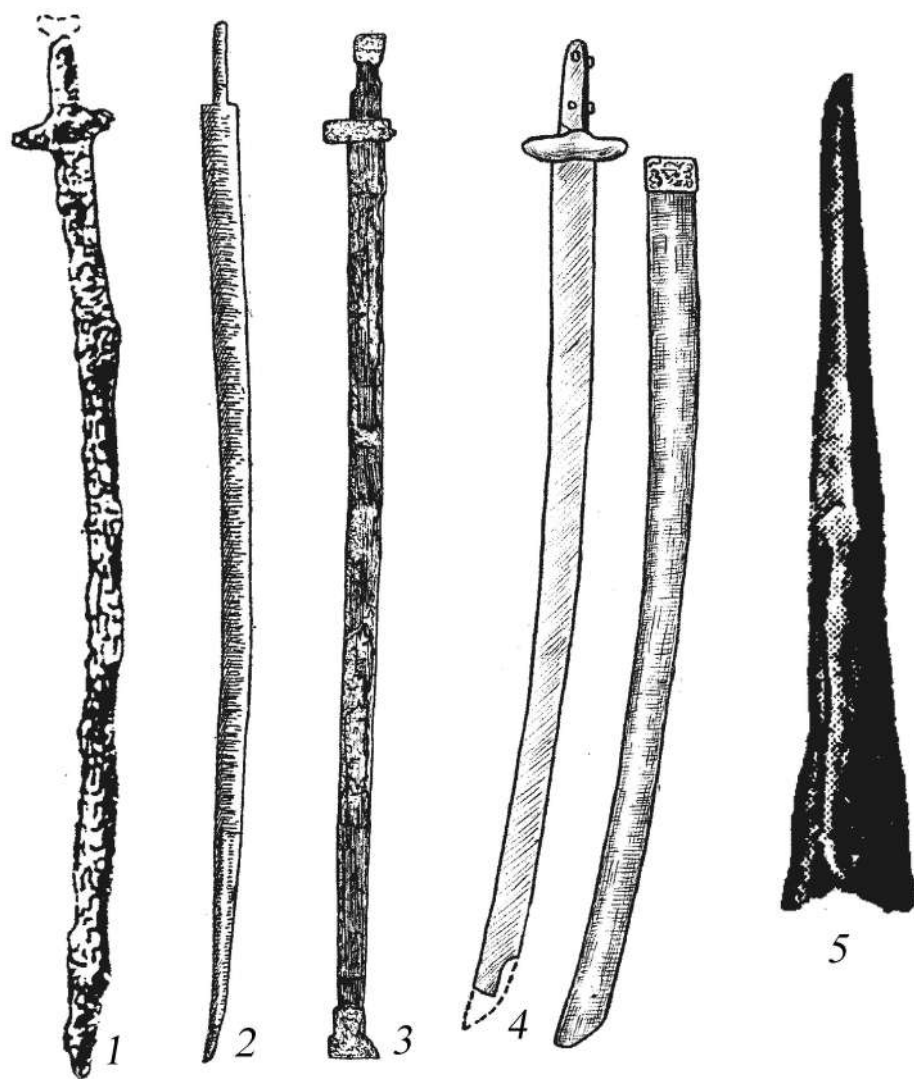
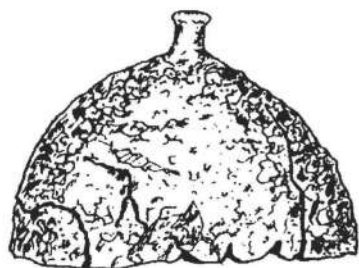

Рис. 3. Сабли из кочевнических погребений
Урало-Поволжья XIII-XIV вв.

1

2

3

4

Рис. 4. Доспехи из кочевнических погребений
Урало-Поволжья XIII-XIV вв.

НАБОР ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. ДУНДА-КИРЕТЬ БИЧУРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ¹

Вопрос о доспехах монголов эпохи развитого Средневековья является на сегодняшний день дискуссионным, что обусловлено редкостью находок предметов защитного вооружения в центральноазиатском регионе. В этом плане значительный интерес представляет набор панцирных пластин с территории Забайкалья, населенной в XIII–XIV вв. монгольскими племенами и входившей в состав Великого монгольского государства.

Доспех с внутренним креплением пластин является одним из традиционных для Монголии, Прибайкалья (Предбайкалья и Забайкалья) и Южной Сибири, но в ходе археологических раскопок, как правило, находят разрозненные пластины и очень редко – большие наборы панцирных пластин, на основе которых возможно реконструировать целый доспех. Такой набор был найден в Туве в 1976 г. А. Д. Грачом², позднее эта находка была описана в исследованиях Ю. С. Худякова, А. И. Соловьева, А. С. Матвеева, Л. А. Боброва³. Реконструкция доспеха в мате-

¹ Авторы выражают искреннюю признательность сотруднику музея БНЦ СО РАН Сергею Александровичу Батурину за помощь в оцифровке доспешных пластин и Михаилу Васильевичу Сластину, дизайнеру-верстальщику газеты «Вечерний Улан-Удэ. Неделя», за помощь в обработке фотографий и иллюстраций к данной статье. Также выражаем огромную благодарность работникам ООО «Улан-Удэнский авиазавод», Центральной заводской лаборатории Михаилу Гурьевичу Задевалову, Николаю Семеновичу Ильину, Людмиле Ивановне Змановской за помощь в установлении химического состава панцирных пластин.

² Монгуш В. Т., Грач А. Д. Обследование тайника в Бий-Хемском районе Тувы // Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. – С. 227.

³ Худяков Ю. С. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 135–163; *Он же*. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. – Новосибирск, 1997; *Он же*. Защитное вооружение nomadов Центральной Азии. – Новосибирск, 2003; *Он же*. Сабля Баггара: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб, 2003; Матвеев А. С. Комплекс монгольских доспехов из Тувы (общая характеристика) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб, 1998. – С. 232–236.; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб, 2008.

риале была проведена М. В. Гореликом⁴. Набор панцирных пластин, найденный в могильнике Окунево VII в Западной Сибири, был описан в статье Ю. В. Герасимова⁵. Панцирные пластины из Бурятии были описаны в двух небольших статьях Е. М. Бандурой. Исследователь описал пластины, их количественный состав, привел размеры, дал классификацию, хронологическую и этническую привязку, кратко описал технологию реставрации панцирных пластин, а также реконструировал сам доспех, который ныне выставлен в экспозиции музея Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН (БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ)⁶. Пока это единственная, известная из публикаций, находка такого количества доспешных пластин в Бурятии. Данный набор панцирных пластин, больше известный как «базинский доспех», с момента публикации описания привлекает интерес ученых-оружиеведов и любителей истории, занимающихся исторической реконструкцией и моделированием. Графическая реконструкция указанного доспеха была проделана Л. А. Бобровым, который изобразил Галдан-Бошогу-хана, одетого в «базинский доспех»⁷. Также представляет определенный интерес реконструкция данного доспеха, созданная участниками военно-исторического клуба «Шарухань» (г. Харьков, Украина). Тем не менее указанные реконструкции, на наш взгляд, требуют корректировки и уточнения, поскольку их авторы не обладали всей полнотой информации о данном доспехе, так как Е. М. Бандура не опубликовал прорисовок или фотографий панцирных пластин. Поэтому публикация этих материалов, несомненно, будет представлять большой интерес.

Данный набор панцирных пластин был найден в ходе раскопок 1985–1987 гг. в местности Базино в трех км на север от с. Дунда-Киреть Бичурского района археологами БНЦ СО РАН Н. В. Именохоевым и Л. В. Лбовой. По мнению Е. А. Бандуры, данный набор пластин принадлежал чешуйчатому доспеху с фрагментами, соединенными с помощью ламеллярного набора⁸. При осмотре пластин нами было установлено, что все они относятся к доспеху с внутренним креплением пластин. О том, что они крепились изнутри основы, говорит зазор с лицевой стороны пластины между головкой заклепки и внешней ее поверхностью, который присутствует на подавляющем большинстве экземпляров. Пластин с системой отверстий, характерных для ламеллярного доспеха, не выявлено. Всего нами было насчитано 189 пластин, 11 из которых представляют собой

⁴ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Военное искусство, снаряжение, оружие. – М., 2002; Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. – М., 1983. – С. 244–269.

⁵ Герасимов Ю. В. Погребения с вооружением в позднесредневековом комплексе могильника Окунево VII на Татарском увале // Наследие древних и средневековых культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 16–18.

⁶ Бандура Е. М. Доспех из местности Базино // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 1998. – С. 6–8. Он же. Проблемы реставрации и реконструкции базинского доспеха // Наследие древних и средневековых культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 6–7.

⁷ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... – Рис. 7, цветная вкладка; http://www.zaimka.ru/kochevie/bobrov2_il4.shtml

⁸ Бандура Е. М. Проблемы реставрации и реконструкции базинского доспеха. – С. 7.

обломки размером от 2×2 см до 4×1 см. В первой публикации, посвященной данному доспеху, Е. М. Бандура указал, что было найдено 159 пластин в оградке и на кургане керексура⁹. Во второй публикации про этот же доспех Е. М. Бандура писал, что было обнаружено 169 пластин «в пределах ограды крупного керексура»¹⁰. Обстоятельства находки в обоих случаях не уточнялись.

Пластины рассматриваемого нами доспеха представлены несколькими типами различной конфигурации. Вероятно, часть из них нашивалась изнутри основы панциря, после чего дополнительно приклепывалась. Другая часть пластин только приклепывалась, в большинстве случаев при помощи двух заклепок. Имеются 4 крупные пластины с отбортовкой, которые приклепаны тремя заклепками, расположенными в виде треугольника. Большинство пластин имеет систему из 6 отверстий для пришивания к основе и две заклепки, расположенные вертикально одна над другой. Отверстия в таких пластинах расположены в 2 ряда по 3 отверстия в каждом вдоль верхнего края пластины с левой или правой стороны. Также имеются пластины с аналогичной системой крепления, но с одной заклепкой. Кроме того, есть пластинки с тремя-четырьмя отверстиями для пришивания и одной заклепкой. В набор также входит пластина со срезанным углом, без заклепок, с отверстиями для пришивания (рис. 20, 3). Некоторые пластины крепились только одной заклепкой (рис. 4, 1).

Все пластины были изготовлены вручную, каждая индивидуально, поэтому размер даже однотипных пластин колеблется в пределах от ± 1 до ± 4 мм. Всего нами было выделено по форме и способу крепления 20 типов панцирных пластин.

Тип 1. Прямоугольная пластина с 2 заклепками и отбортовкой по краю. Размеры: $10,2 \times 8,6$ см; $10,3 \times 8,9$ см; $10 \times 8,2$ см; $10,3 \times 8,2$ см (рис. 2, 1, 2).

Тип 2. Прямоугольная пластина с 3 заклепками и отбортовкой по краю. Размеры: $10,4 \times 9,2$ см; $10,2 \times 8,4$ см; $10,8 \times 8,5$ см, размеры одной пластины установить не удалось (рис. 2, 3).

Тип 3. Прямоугольные пластины с 6 отверстиями для пришивания и двумя заклепками.

Вариант 1. Прямоугольная пластина с 6 отверстиями по 3 в ряд, в верхней левой четверти пластины с 2 заклепками, расположенными в правой нижней четверти пластины. Размер: $7,4 \times 5,2$ см (рис. 7, 1).

Вариант 2. Пластина с 6 отверстиями в верхней левой четверти и 2 заклепками в верхней правой четверти пластины. Размер: 7×5 см (рис. 7, 2).

Вариант 3. Пластина с шестью отверстиями в верхней левой четверти и двумя заклепками в верхней левой четверти. Размер: $7,2 \times 5,4$ см (рис. 7, 3).

Вариант 4. Пластина с 6 отверстиями в верхней левой четверти и 2 заклепками в нижней левой четверти. Размер: $7,1 \times 4,9$ см (рис. 7, 4).

Вариант 5. Пластина с 6 отверстиями, расположенными в средней части верхнего края пластины, и 2 заклепками в верхней правой четверти пластины. Размер: $7,6 \times 5,2$ см (рис. 7, 5).

⁹ Бандура Е. М. Доспех из местности Базино. – С. 84.

¹⁰ Бандура Е. М. Проблемы реставрации и реконструкции базинского доспеха. – С. 6.

Вариант 6. С 6 отверстиями в верхней левой четверти и двумя заклепками в верхней левой четверти. Размер: $7,7 \times 5,7$ см (рис. 7, 6).

Вариант 7. С 6 отверстиями в верхней левой четверти и 2 заклепками, расположенными в середине верхней части пластины (в одно отверстие для пришивания вставлена и расклепана заклепка). Как разновидность варианта 7 может выступить пластина с аналогичным расположением отверстий для пришивания, но с заклепками, немного сдвинутыми вправо от вертикальной оси пластины (рис. 7, 7,8).

Вариант 8. С 6 отверстиями в верхней правой четверти и 2 заклепками в верхней правой четверти. Размер: $5,8 \times 7,6$ см (рис. 3, 1).

Вариант 9. С 6 отверстиями в верхней правой четверти и двумя заклепками, расположенными в середине и в нижней части пластины, немного сдвинутыми вправо от вертикальной оси пластины (рис. 3, 2).

Вариант 10. С 6 отверстиями в левой верхней четверти, с 2 заклепками в левой верхней четверти и срезанным верхним правым углом. Размер: $7,4 \times 5$ см (рис. 7, 3).

Тип 4. Прямоугольная пластина с 6 отверстиями и одной заклепкой.

Вариант 1. С 6 отверстиями в верхней левой четверти и одной заклепкой в нижней левой четверти. Размер: $5,6 \times 4,9$ см (рис. 8, 1).

Вариант 2. С 6 отверстиями в верхней левой четверти и одной заклепкой в нижней части пластины, немного смещенной вправо от вертикальной оси пластины. Размер: $6,2 \times 5,2$ см (рис. 8, 2,3).

Вариант 3. С 6 отверстиями в верхней левой четверти и одной заклепкой в верхней левой четверти пластины. Размер: $5,8 \times 4,7$ см (рис. 8, 4,6).

Вариант 4. С 6 отверстиями в верхней левой четверти и одной заклепкой в верхней правой четверти пластины (отверстие немного смещено направо от вертикальной оси пластины). Размер: $6 \times 5,1$ см (рис. 8, 5).

Тип 5. Прямоугольная пластина с 4 отверстиями для пришивания в правой верхней четверти и одной заклепкой в середине нижней части пластины. Размер: $5,4 \times 3,5$ см (рис. 4, 7).

Тип 6. Прямоугольная пластина со срезанным нижним левым углом, 4 отверстиями для пришивания, одной заклепкой. Размер: $7 \times 3,8$ см (рис. 3, 4).

Тип 7. Подквадратная пластина с 4 отверстиями в левой верхней четверти и одной заклепкой, смещенной влево от вертикальной оси пластины. Размер: $4,6 \times 4,4$ см (рис. 4, 8).

Тип 8. Прямоугольная пластина с тремя отверстиями для пришивания и одной заклепкой в середине пластины. Размер: $7,8 \times 2,4$ см (рис. 3, 7).

Тип 9. Прямоугольная выгнутая пластина с тремя отверстиями для пришивания в правой верхней четверти и одной заклепкой в середине верхней части пластины. Размер: $5,5 \times 4,6$ см (рис. 1, 4).

Тип 10. Прямоугольная пластина с 2 отверстиями для пришивания в верхней левой четверти и 2 заклепками. Размер: $5,7 \times 3,1$ см (рис. 4, 6).

Тип 11. Подпрямоугольная пластина с 4 отверстиями для пришивания в верхней правой четверти и одной заклепкой в левой верхней четверти пластины. Размер: $5,4 \times 3,7$ см (рис. 4, 9; 18, 7).

Тип 12. Прямоугольная пластина с округлым нижним краем, четырьмя отверстиями для пришивания и одной заклепкой, расположенной в нижней левой четверти. Размер: 5,5 × 4,5 см (рис. 4, 10).

Тип 13. Прямоугольная пластина с 2 заклепками в верхней и нижней частях пластины. Размер: 9,1 × 4 см (рис. 1, 5).

Тип 14. Прямоугольная пластина с 2 заклепками в центре пластины, расположенными одна над другой. Размер: 9,2 × 3,5 см (рис. 1, 6).

Тип 15. Прямоугольная пластина с 6 отверстиями для пришивания, расположенными в правой верхней четверти пластины. Размер: 5,6 × 4,8 см (рис. 3, 6).

Тип 16. Прямоугольная узкая пластина с двумя заклепками.

Вариант 1. Прямоугольная узкая пластина с 2 заклепками в верхней правой четверти пластины. Размер: 7,8 × 3,3 см (рис. 1, 7).

Вариант 2. Прямоугольная узкая с 2 заклепками в верхней левой четверти и в середине пластины. Размер: 7,5 × 3,4 см (рис. 1, 8).

Тип 17. Прямоугольная пластина с 2 заклепками в верхней левой четверти пластины. Размер: 8,3 × 6,8 см (рис. 1, 1).

Тип 18. Прямоугольная пластина с 2 заклепками.

Вариант 1. С 2 заклепками в середине верхней части пластины и отверстиями в верхней левой части пластины и нижней левой части пластины. Размер: 7,4 × 5,3 см (рис. 1, 3).

Вариант 2. С двумя заклепками, по одной в верхней левой четверти и в нижней левой четверти пластины. Размер: 7,8 × 5,8 см (рис. 1, 2).

Вариант 3. С двумя заклепками в верхней правой четверти пластины и в нижней правой четверти пластины. Размер: 8 × 5,4 см (рис. 5, 1).

Тип 19. Подквадратная пластина с тремя заклепками. Размер: 5,4 × 5,3 см (рис. 4, 5).

Тип 20. Прямоугольная пластина с одной заклепкой в верхней правой четверти. Размер: 4,6 × 3,8 см (рис. 4, 1).

Особый интерес представляет пробитая стрелой, копьем или каким-то другим оружием прямоугольная пластина. Ее размер 9 × 7,8 см., вдоль одной из длинных сторон расположены две заклепки, дополнительно имеется два круглых отверстия диаметром около 4 мм, толщина пластины – 1 мм (рис. 3, 8; 9, 1, 2). Данная пластина была пробита изнутри. На это указывает след от снаряда, которым пробили пластину. Характерное входное отверстие линзовидной формы находится с вогнутой стороны пластины, а выходное отверстие расположено с выгнутой стороны пластины, где находятся большие головки заклепок.

Толщина пластин, по данным Е. М. Бандуры, указанным в публикациях, составляла 2-3 мм. В то время как толщина большинства измеренных нами пластин составила от 1 мм до 1,5 мм. Возможно, измерения толщины пластин производились Е. М. Бандурой до работ по реставрации и консервации пластин, с чем связаны расхождения в данных. Поскольку пластины были откованы вручную, то не все они равной толщины. Имеются пластины, толщина которых с одной стороны составляет 1 мм, а с другой – 1,5 мм. Большая часть пластин, видимо, была выгнута сильнее или слабее в 1 или 2 плоскостях, возможно, в за-

висимости от расположения пластины в составе панциря. Часть пластин сильно повреждена коррозией, поэтому трудно сказать, какое место они занимали в составе доспеха. Одна пластина сильно замята, что видно по одной из больших пластин с 3 заклепками и отбортовкой (рис. 13, 4)¹¹.

Большой интерес представляют данные о качестве металла и химическом составе доспешных пластин, поскольку, основываясь на них, можно более обоснованно говорить о качестве доспехов, производимых кочевниками Центральной Азии в эпоху Средневековья. Отечественные ученые проводили исследования по анализу функциональных свойств защитного вооружения, но данные о качестве доспешных пластин встречаются в публикациях довольно редко¹². А. С. Матвеев отмечал, что панцирные пластины из тайника на горе Ийи-Кулак в Туве изготовлены не из железа, а из стали, которая отличается весьма высоким качеством – значительно лучшим, чем современная ему европейская сталь¹³. К сожалению, А. С. Матвеев не привел данных о химическом составе металла. С. Г. Скобелев писал, что разнотипные панцирные пластины из Приенисейского края выполнены из железа разного качества, но, как правило, из высокоуглеродистой стали¹⁴.

Одна из пластин от «базинского доспеха» была передана авторами настоящей статьи на анализ в Лабораторию спектрального и химического анализа ООО «Улан-Удэнский авиационный завод». Для сравнения в лабораторию была передана еще одна пластина, найденная Н. В. Именохоевым в окрестностях г. Улан-Удэ (рис. 32) и входившая, судя по системе отверстий, в состав ламеллярного доспеха. Из Лаборатории было получено свидетельство № 042 от 20 января 2009 г. По заключению специалистов, доспешная пластина состоит из «чистого железа», где общая примесь составляет 0,37%. Содержание углерода в металле составляет 0,04%, что, по словам специалистов лаборатории, соответствует современному сорту стали СТ-3, СТ-4. Ниже приводится таблица, в которой отражен химический состав доспешных пластин.

Номер образца	Химический состав в %							
	C	Fe	Si	Mn	Cr	Ni	Cu	Al
1. с. Дунда-Киреть, Бичурский район (местность Базино)	0,04	основа	0,2	0,01	0,05	0,01	0,01	0,05
2. г. Улан-Удэ	0,04	основа	0,1		0,05	0,01	0,01	0,05

¹¹ На фотографии из-за искажения плохо видно, что пластина замята.

¹² Петренко А. Л. Защитные свойства средневековых панцирей юга Сибири и Центральной Азии (по материалам эксперимента) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2004. – С. 102–112.; Коробейников С. Н., Худяков Ю. С. Анализ функциональных свойств защитного вооружения номадов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2001. – № 4 (8). – С. 108–115; Матвеев А. С. Комплекс монгольских доспехов из Тувы (общая характеристика) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб, 1998. – С. 232–236.

¹³ Матвеев А. С. Комплекс монгольских доспехов из Тувы. – С. 232–236.

¹⁴ Скобелев С. Г. Характеристика комплекса вооружения коренного и русского населения Приенисейского края в XVII–XVIII веках, имеющего общее происхождение // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007. – С. 155–169.

Полученные данные свидетельствуют о том, что пластины «базинского доспеха» были откованы из очень чистого, но слабоуглеродистого железа. Из подобного железа, по данным ряда ученых, изготовлялось большинство хозяйственного инвентаря в Прибайкалье и Южной Сибири. Одним из первых состав черного металла изучил В. В. Ралов, который приводил данные о ноже из южной Сибири «раннего периода», «в 100 частях» которого содержатся 99,43% части железа¹⁵. Корейский ученый Хоанг Ван Кхоан, исследовавший металлографию изделий из Хакасско-Минусинской котловины, изучил 213 предметов из черного металла (ножи, серпы, тесла, топоры), датированных VIII в. до н. э. – XII в. н. э., и пришел к выводу, что в большинстве случаев использовалась низкоуглеродистая и среднеуглеродистая сталь. Основная масса изделий изготавливалась из металла с содержанием углерода около 0,3% и подвергалась последующей обработке для улучшения его качественных характеристик – цементации, закалке. В цементированных зонах науглероженность достигала 0,7–0,8%. Исследователем отмечается высокая чистота железа вне зависимости от науглероженности. В 79% изделий шлаковое содержание не превышает 2-3%¹⁶. В статье Н. М. Зинякова отмечается, что в производстве тех или иных видов вооружения кузнецы дифференцированно подходили к применяемому металлу. Различные предметы вооружения изготавливались из стали разного качества и/или железа в зависимости от назначения. Так, для изготовления мечей применялись железо и высокоуглеродистая сталь высокого качества. Для изготовления кинжалов и ножей использовался металл хорошего качества. Наконечники копий ковались из низкоуглеродистой стали невысокого качества. Дляковки наконечников стрел брался металл низкого качества с большим содержанием углерода¹⁷. По данным Б. Б. Дашибалова, исследовавшего археологические памятники Байкальского региона раннего и развитого Средневековья, отнесенные им к культуре курыкан и хори, анализ наконечников стрел из коллекции поселения Шохтой (р. Мурин, Эхирит-Булагатский район бывшего Усть-Ордынского Бурятского национального округа, ныне Иркутская область) показал, что в них содержится 98,7% чистого железа. Население курумчинской культуры в производстве предметов вооружения и хозяйственного инвентаря использовало очень чистый черный металл, который содержал 99,43% железа¹⁸. В некоторых письменных источниках также сообщается о том, что для производства доспехов в государствах Центральной Азии использовалось «мягкое железо». В частности, испанский посол при дворе Тамерлана Руи Гонсалес де Клавихо писал: «Среди этого оружия несли три тысячи пар лат, украшенных красным сукном, хорошо исполненных; только они не делают их очень крепкими и не умеют закалять железо»¹⁹.

¹⁵ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, 1995. – С. 141.

¹⁶ Хоан Ван Кхоанг. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. – XII в. н. э.) // СА. – 1974. – № 4. – С. 122.

¹⁷ Зиняков Н. М. Технология производства железных предметов елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976. – С. 106–114.

¹⁸ Дашибалов Б. Б. Указ. соч. – С. 21, 141.

¹⁹ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). – М., 1990. – С. 140.

Рассмотрев данные о материале, который шел на изготовление доспехов, можно предположить, что в Прибайкалье и Южной Сибири бытовали пластинчатые доспехи разного качества. Высококачественные куяки, пластины которых были изготовлены из высокоуглеродистой стали, использовала знать и, возможно, профессиональные воины. По данным Л. А. Боброва и Ю. С. Худякова, в монгольском законодательстве начала XVII в. имеется упоминание о «личных доспехах нойона». Высококачественным панцирям давали собственные имена, а их стоимость «по средневековым меркам была астрономической»²⁰. Для изготовления доспехов рядовых воинов могли использовать обычное малоуглеродистое, но очищенное от шлаков и соответственно пластичное, ковкое железо.

Аналогии пластинам из Бичурского района Республики Бурятия хорошо известны по археологическим находкам с территории Южной Сибири, Северной и Центральной Азии²¹.

Пластинчатые доспехи известны на территории Прибайкалья со времени хунну, об этом говорит находка панцирных пластин при раскопках Иволгинского городища²². В последующее время железными ламеллярными панцирями пользовалось население бурхотуйской и курумчинской культур²³. Металлический доспех был известен населению ундугунской культуры²⁴. В эпоху развитого Средневековья (X–XIV вв.) ламеллярные панцири использовали уйгуры, кидани, монголы и другие народы Центральной Азии²⁵. Согласно наблюдениям М. В. Горелика, с IX–XI вв. на территории Прибайкалья и Минусинской котловины фиксируются находки фрагментов от панцирей с внутренним креплением пластин – бригантин²⁶. Найденные на территории Забайкалья пластины от панцирей с внутренним креплением датируются IX–XIV вв.²⁷ Однако датировку части пластин следует пересмотреть. В частности, внимание привлекает пластина из памятника Амаголон I, обнаруженная в плиточной могиле и описанная

²⁰ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... – С. 391.

²¹ Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. – С. 164, рис. 25, 6, 7; С. 165, рис. 26, 1, 2.

²² Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) памятник хунну в Забайкалье. – Л., 1985.

²³ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск, 1991; Асеев И. В. Прибайкалье в Средние века (по археологическим данным). – Новосибирск, 1980; Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск, 2000.

²⁴ См.: Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.

²⁵ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии; *Он же*. Вооружение Турфанских уйгуров // Военное дело и военная археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 83–91; *Он же*. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск, 1991; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 163–208.

²⁶ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех. – С. 183.

²⁷ Там же.

в монографии А. В. Асеева, И. И. Кириллова, В. В. Ковычева. Авторами публикации она датирована позднесуздальским временем²⁸, в то время как М. В. Горелик датирует ее второй половиной XIII – первой половиной XIV в. или второй половиной XIV в. и позднее. На наш взгляд, пластина из Амаголон I должна датироваться временем не ранее конца XVI в., а скорее всего XVII – началом XVIII в. Она отличается от «базинских» системой расположения заклепок. Аналогичные пластины выставлены в экспозиции Читинского краеведческого музея, где датированы XVI в., из таких же пластин собран доспех, датированный нами XVII – началом XVIII в., хранящийся в Музее истории Бурятии имени М. Н. Хангалова²⁹. Аналогичные пластины использовались для изготовления панцирей мастерами-оружейниками Маньчжурии, Китая, Монголии в XVII–XVIII вв.³⁰

Ближайшие аналогии пластин «базинского доспеха» известны по находкам в Южной Сибири. Значительным сходством обладает набор от панциря № 1, обнаруженного в тайнике на горе Ийи-Кулак в Туве. Данная находка датируется учеными XIII–XIV вв.³¹ Близки по геометрии панцирные пластины из Центрального музея Монголии и из Абазы на Енисее, которые датируются Ю. С. Худяковым XIII–XIV вв. Похожие пластины с системой из шести отверстий, но без заклепок происходят из Владимиро-Суздальской земли, они были датированы М. В. Гореликом XIV–XV вв., но, судя по аналогам из Сибири, относятся к XIII в.³² Похожие пластины входили в состав западносибирских

²⁸ Асеев А. В., Кириллов И. И., Ковычев В. В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск, 1984. – С. 177, табл. XXV.

²⁹ Мясников В. Ю. Защитное вооружение кочевников Байкальского региона в XVII – начале XVIII в. // Народы внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и социальной динамике. – Улан-Удэ, 2006. – С. 47–50; *Он же*. Вооружение, тактика и стратегия кочевников Центральной Азии в XVII – первой половине XVIII в. на примере Байкальского региона // Вестник Бурятского университета. Сер. 18: Востоковедение. – Улан-Удэ, 2006. – Вып. 3. – С. 51–67.

³⁰ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. – Новосибирск, 2003. – С. 66–212.

³¹ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии... – С. 52, 54, рис. 33.

³² Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. – М., 1983. – С. 244–269, табл. III. 1 (Абаза, р-н Абакана), 2 (Минусинский музей), 3 (р-н Нижнего Абакана, ГЭ, коллекция В. В. Радлова), 9 (Владими́ро-Суздальская земля XIV–XV вв.); Худяков Ю. С. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 135–163, рис. 5. 6, 7, 8; рис. 6. 1, 2 (Абаза) Минусинская котловина, Баянхонгорский аймак в Монголии. С. 148 – описание; С. 145, 149 – прорисовки; *Он же*. Сабля Баггара: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб, 2003. – С. 137, рис. 24; С. 163, рис. 30, 3, 4, 5, 7; *Он же*. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии... – С. 19, рис. 8. 3, 4, 5, 7 (кыргызы); С. 51, рис. 31. 1–6. (Тува); *Он же*. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. – С. 164, рис. 25. 1, 6, 7, 8; С. 165, рис. 26. 1, 2; С. 165, рис. 28. 5; С. 173, рис. 34. 16, 17.

(Верхняя Биджа) и южносибирских (Абаза) панцирей³³. По предположению Ю. С. Худякова, панцири с такими пластинами производились кыргызами на Енисее с XI-XII вв. вплоть до XVIII в. Причем пластины с 6 отверстиями для пришивания относятся к XI-XII вв.³⁴ А пластины с отверстиями для пришивания и заклепками и только с заклепками – к XIII-XIV вв. Мало отличаются, по мнению Л. А. Боброва и Ю. С. Худякова, от пластин из Абазы остатки панциря из шаманского погребения в могильнике Ортыз-Оба в Минусинской котловине, которые по русской утвари датируются XVII-XVIII вв. Похожие пластины, которые также датируются XVII-XVIII вв., были обнаружены у с. Шивера Емельяновского района Красноярского края, причем в одном наборе находились и рельефные, и гладкие пластины³⁵.

Таким образом, судя по имеющимся материалам, набор панцирных пластин из местности Базино может быть довольно широко датирован. Доспехи, состоящие из подобных пластин, использовались в период с XIII в. до начала XVII-XVIII вв. Судя по аналогам из Южной Сибири, нижняя граница бытования доспехов, в состав которых входят пластины, совмещающие две системы крепления – заклепки и отверстия для пришивания, относится к XIII-XIV вв. Более ранние пластины не имеют заклепок, а поздние не имеют системы отверстий для пришивания к основе. Однако использоваться такой доспех или переоформленные пластины могли вплоть до позднего Средневековья – начала Нового времени.

Довольно сложно реконструировать покрой и расположение различных пластин в составе доспеха. По мнению Е. М. Бандуры, пластины доспеха из местности Базино – это детали «чешуйчатого панциря». Исследователь предположил, что «такой доспех покрывал не только грудь и спину, но также предплечья и имел длинный подол»³⁶. По его мнению, более массивные пластины прикрывали грудь и спину, средние скреплялись между собой и с большими пластинами. Маленькие пластины применялись на стыках между элементами брони для улучшения гибкости, а также для защиты предплечий. Пластины нашивались таким образом, что нижняя часть пластинок верхнего ряда перекрывала верхнюю часть пластин нижнего ряда. Он предположил, что вес панциря будет составлять около 14–16 кг. Со ссылкой на М. В. Горелика Е. М. Бандура сообщает, что доспех по покрою представлял собой панцирь-кафтан и поддевался под твердый доспех покроя «корсет-кираса»³⁷. Датируется данный комплект исследователем по-разному, в первой публикации XI–XIII вв., во второй XIII–XIV вв.

³³ Худяков Ю. С. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии. – С. 145, рис. 5, 6; С. 149, рис. 6, 1, 2.

³⁴ Худяков Ю. С. Сабля Багыра... – С. 137, рис. 24.

³⁵ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... – С. 382.

³⁶ Бандура Е. М. Доспех из местности Базино. – С. 86.

³⁷ Бандура Е. М. Проблемы реставрации и реконструкции базинского доспеха // Наследие древних и средневековых культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 7.

Покрой панцирей XIII–XIV вв. на основе находок из Тувы (Ийи-Кулак) и Хакасии (Абаза) восстанавливали М. В. Горелик и Ю. С. Худяков. М. В. Горелик изобразил панцирь в виде халата с косым запахом, Ю. С. Худяков – в виде нераспашной рубахи с коротким рукавом.

Представление о покрое кирасы дает уже упоминавшаяся выше находка пластин от панциря из могильника Окунево VII на р. Тара. Панцирь представлял собой жилет длиной около 70 см, линия разреза проходила по правой стороне через плечо вдоль туловища до подола. Панцирь застегивался с помощью ремешков – двух на правом плече и одном на боку, дополнительная фиксация достигалась с помощью поясного ремня³⁸.

Интерес, безусловно, представляют панцири, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и Оружейной палате. Один из панцирей, хранящихся в Эрмитаже, состоящий из двухчастной кирасы и отдельно надеваемых оплечий, М. В. Горелик считает возможным отнести к Золотой Орде конца XIV – начала XV в. Фото слабого качества этого доспеха и прорисовка были опубликованы этим же исследователем³⁹. Покрой «пластинчатых жилетов» из Оружейной палаты со ссылкой на М. В. Горелика был описан в статье Ю. С. Худякова и Л. А. Боброва. «Панцирь состоял из жилета с подолом и узкими оплечьями», застегивался ремешками на боку⁴⁰. К сожалению, подробное описание и прорисовки данного доспеха не опубликованы.

По нашему мнению, пластины от «базинского доспеха» крепились изнутри основы и являются остатками бригантины. В состав панциря входило много разнотипных пластин. Мелкие выгнутые пластины, судя по всему, должны были располагаться в районе ключицы – ими были подбиты лямки (рис. 1, 4; рис. 4, 7–9). Пластины со срезанными углами, скорее всего, использовались для оторочки рукавной проймы и выреза для шеи (рис. 3, 3–6). Судя по поздним доспехам, прямоугольные пластины с 2 заклепками (рис. 2, 4), возможно, составляли передник, который должен закрывать область паха, а прямоугольные пластины с 2 заклепками, расположенными одна над другой на вертикальной оси пластины, служили для бронирования середины спины и располагались вдоль позвоночника (рис. 1, 3). Не совсем понятно, какое место занимали в составе доспеха крупные пластины с двумя и тремя заклепками (рис. 2, 1–3) – возможно, из них формировалась какая-то дополнительная защитная деталь. Трудно сказать, какой участок панциря бронировался узкими прямоугольными пластинами с 2 заклепками (рис. 1, 5–8) и пластинами с 3 отверстиями и одной заклепкой (рис. 3, 6). Поскольку пряжек среди пластин не было обнаружено,

³⁸ Герасимов Ю. В. Погребения с вооружением в позднесредневековом комплексе могильника Окунево VII на Татарском увале // Наследие древних и средневековых культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 17.

³⁹ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. – М., 1983. – С. 244–269; Он же. Армии монголо-татар X–XIV вв. Военное искусство, снаряжение, оружие. – М., 2002.

⁴⁰ Худяков Ю. С., Бобров Л. А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего Средневековья. – URL: http://zaimka.ru/03_2002/hudyakov_equipment/

можно предположить, что детали доспеха соединялись между собой при помощи завязок, как на кукле с гравюры Е. М. Корнеева «Братские татары», что, по мнению Л. А. Боброва, являлось в позднем Средневековье особенностью панцирей забайкальских бурят⁴¹.

Панцири с пластинами, подобными пластинам из местности Базино, судя по археологическим находкам, получили в эпоху развитого Средневековья довольно широкое распространение. Их остатки известны на огромной территории от Забайкалья и Монголии до Центральной России, что говорит о бытовании однотипных доспехов на территориях, входивших в состав монгольских государств или находившихся в зависимости от них.

Поскольку пока не зафиксировано находок доспехов в первоначальном положении, их покрой реконструировать можно только предположительно. Учитывая гипотезу А. Л. Петренко о переоформлении и повторном использовании панцирных пластин⁴², можно сделать вывод, что данный доспех с большой вероятностью был собран из нескольких панцирей, вышедших из употребления. В пользу этого говорит тот факт, что в ряде пластин есть незадействованные отверстия, а на пластинах с 6 отверстиями заклепки вставлены в отверстия для пришивания.

В заключение мы можем отметить, что набор панцирных пластин из местности Базино представлял собой доспех с внутренним креплением пластин, известный в исторической и оружейно-этической литературе как бригантина. У монгольских народов в позднем Средневековье такой доспех могли назвать илтасун хуяг или бэктэр хуяг⁴³. Основа для панциря, как правило, шилась из ткани – красного сукна или шерстяной ткани, бархата черного, зеленого, желтого цветов⁴⁴. Материалом для доспешных пластин послужило высококачественное железо с минимальным включением примесей и малым содержанием углерода (0,04%). Подобного рода металл применялся в древности и Средневековье в Южной Сибири и в южных районах Восточной Сибири как для изготовления предметов вооружения, так и орудий труда. Установить покрой панциря в настоящий момент затруднительно, не исключено, что «базинский доспех» был собран из нескольких старых доспехов. Судя по аналогиям, он должен был представлять собой кирасу и, возможно, дополнительные защитные детали – наплечья, передник, набедренники. В настоящий момент мы можем датировать данную находку XIII–XIV вв. и связать ее с монголоязычными племенами Забайкалья, входившими в состав Монгольского государства.

⁴¹ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... – С. 663.

⁴² Петренко А. Л. Переоформление предметов вооружения на Среднем Енисее в позднем Средневековье (по материалам Минусинского и Абаканского музеев) // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья. – Новосибирск, 2003. – С. 59–65.

⁴³ Халха джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. – М., 1995. – С. 34.

⁴⁴ Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сборник документов. – М., 1996. – С. 213, 123; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири...; Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск, 1987. – С. 61.

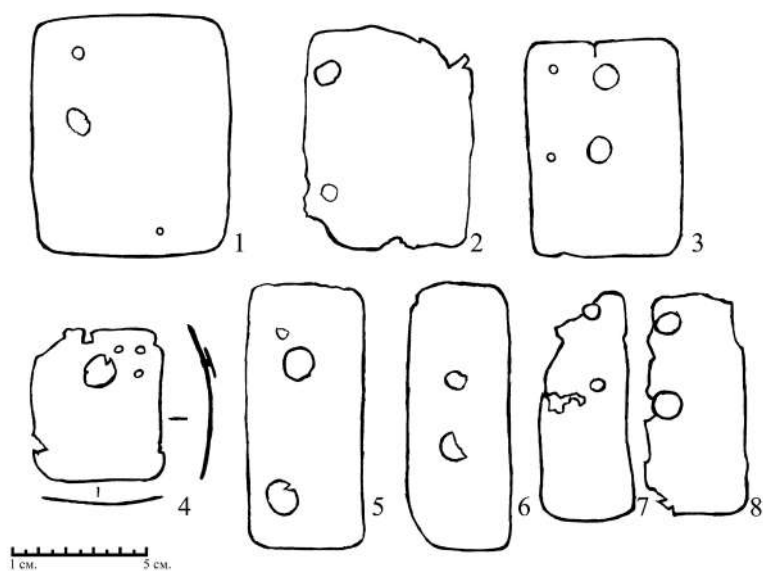

Рис. 1. Фрагменты панцирных пластин

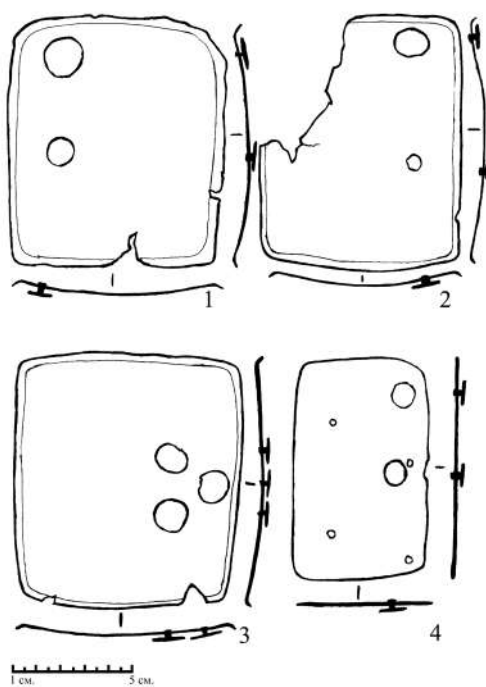

Рис. 2. Фрагменты панцирных пластин

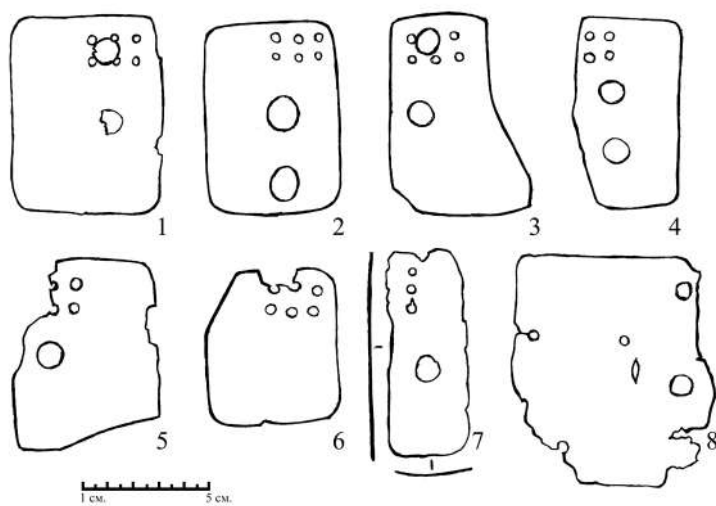

Рис. 3. Фрагменты панцирных пластин

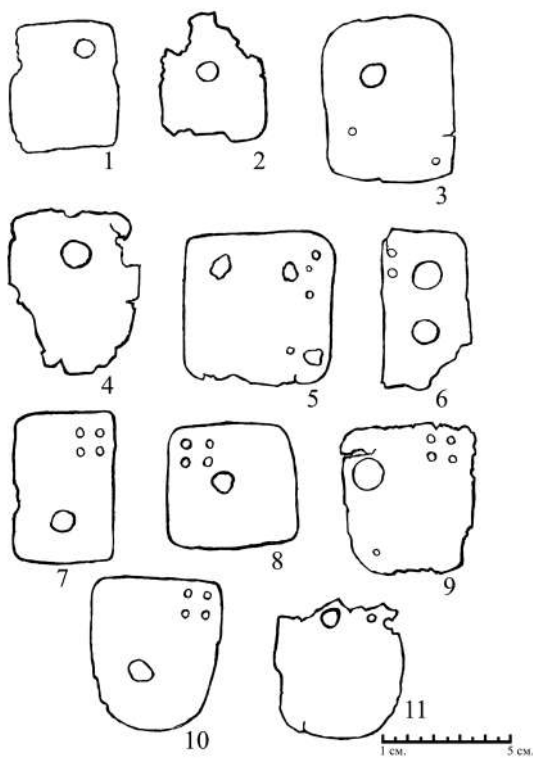

Рис. 4. Фрагменты панцирных пластин

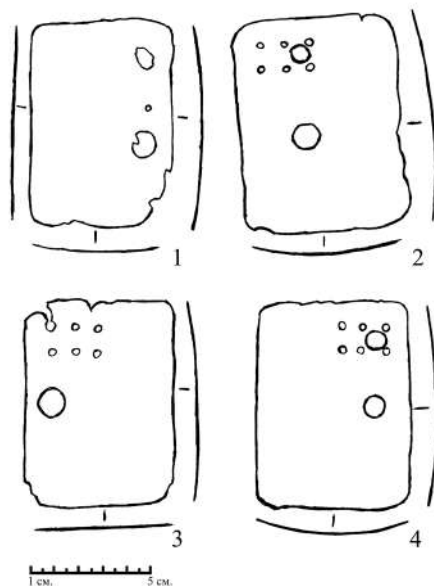

Рис. 5. Фрагменты панцирных пластин

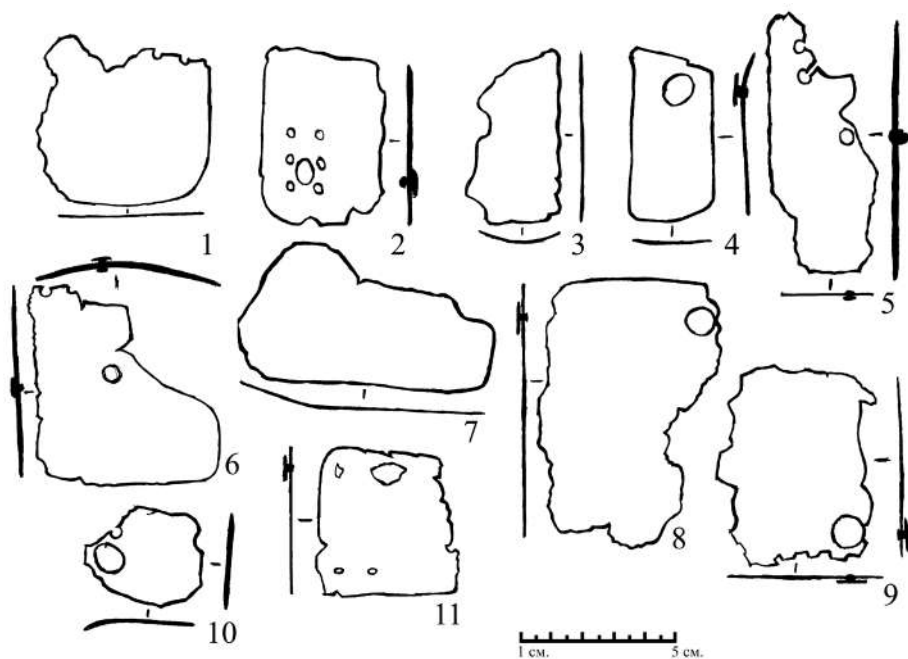

Рис. 6. Фрагменты панцирных пластин

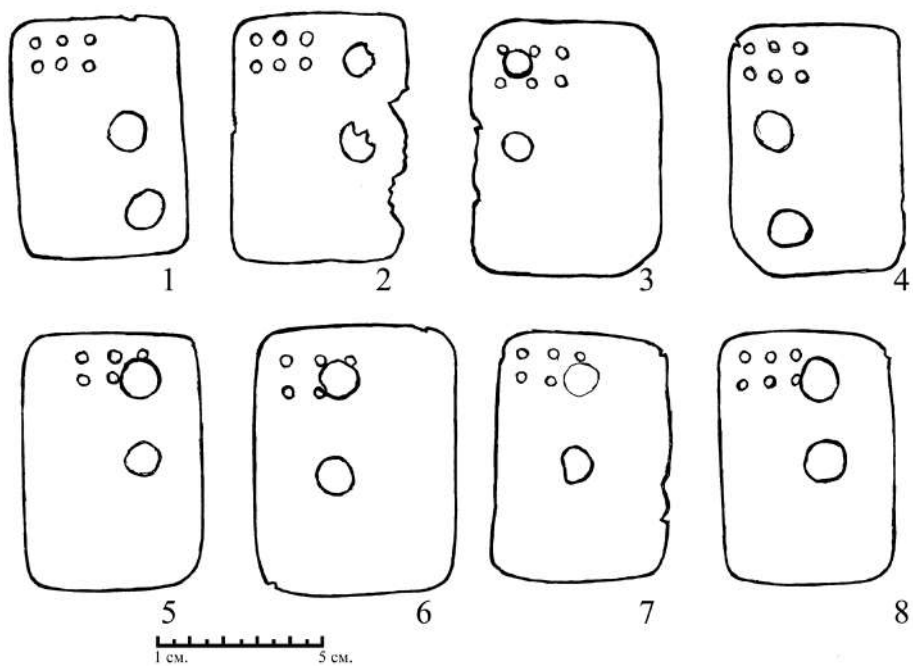

Рис. 7. Фрагменты панцирных пластин

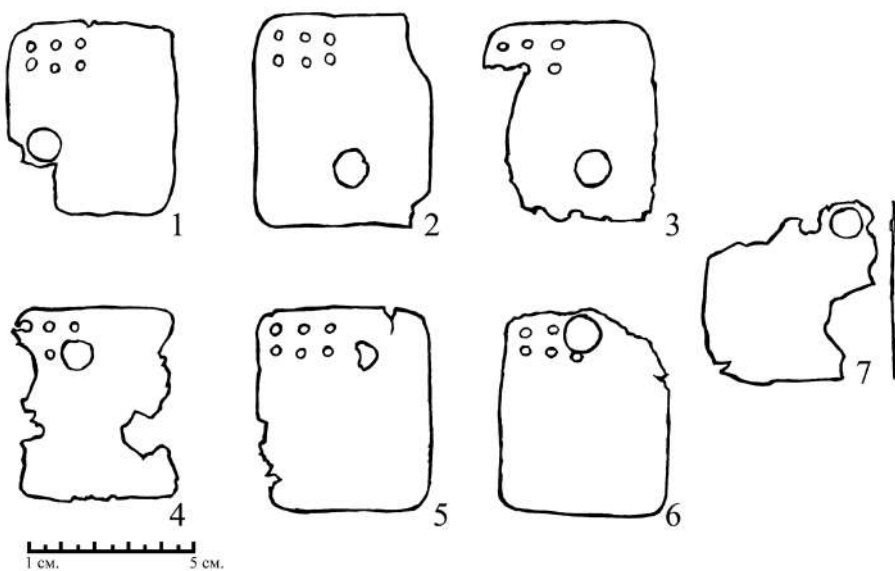

Рис. 8. Фрагменты панцирных пластин

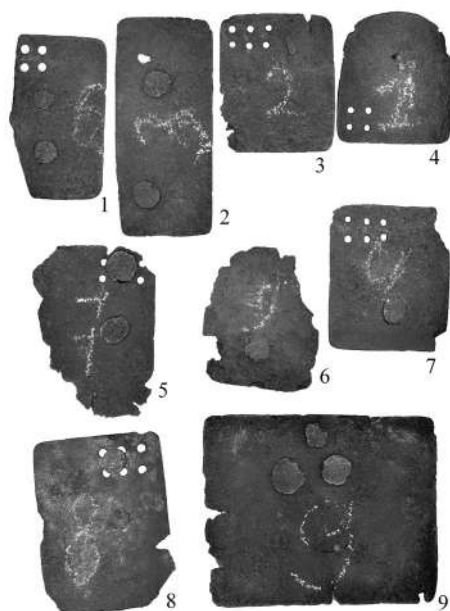

Рис. 10. Фрагменты панцирных пластин

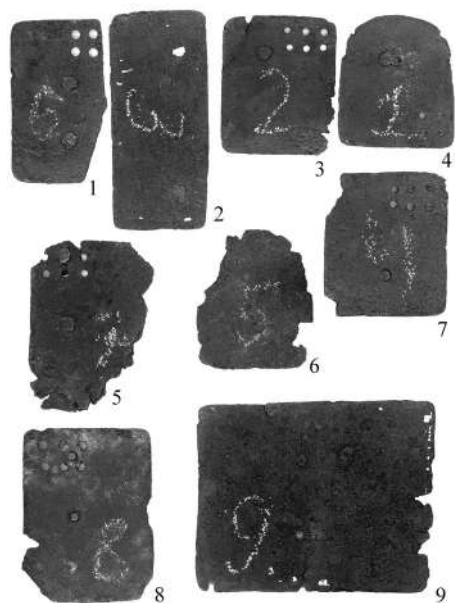

Рис. 10 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

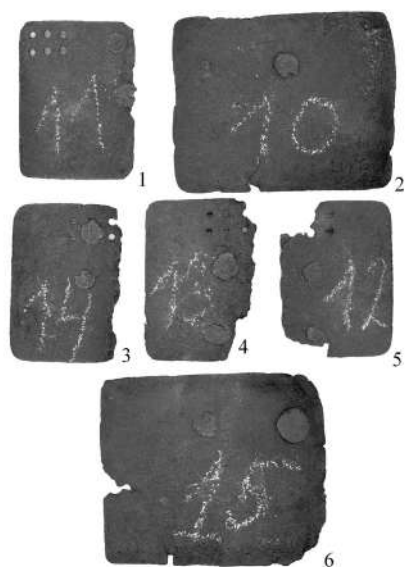

Рис. 11. Фрагменты панцирных пластин

Рис. 11 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

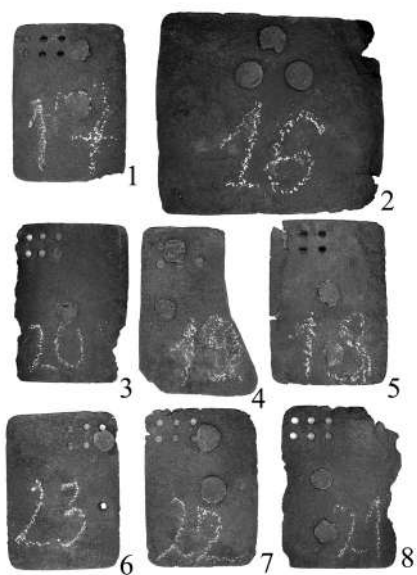

Рис. 12. Фрагменты панцирных пластин

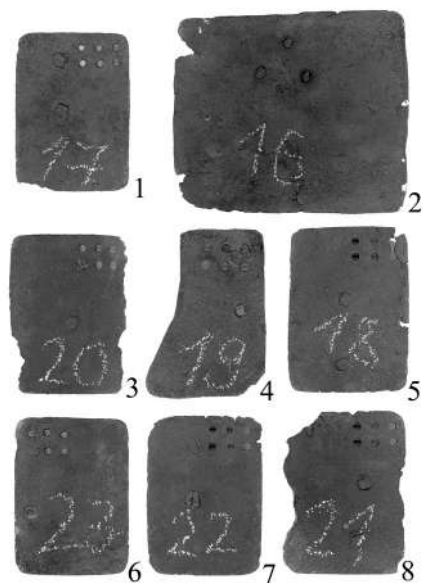

Рис. 12 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

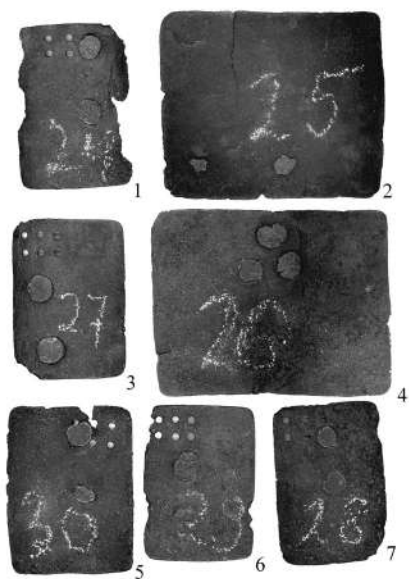

Рис. 13. Фрагменты панцирных пластин

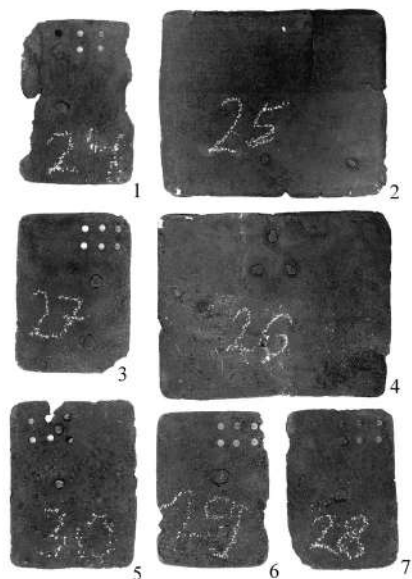

Рис. 13 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

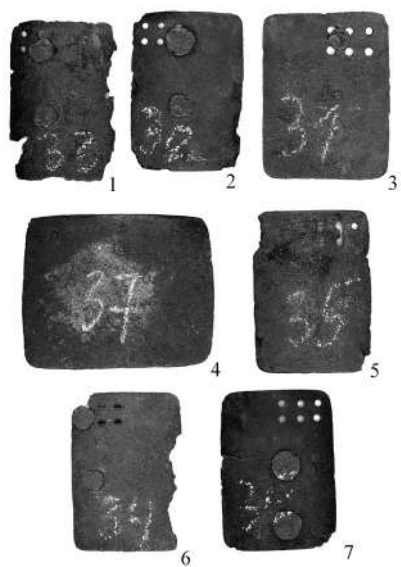

Рис. 14. Фрагменты панцирных пластин

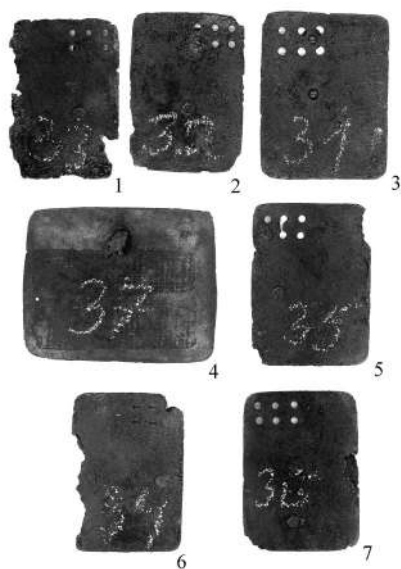

Рис. 14 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

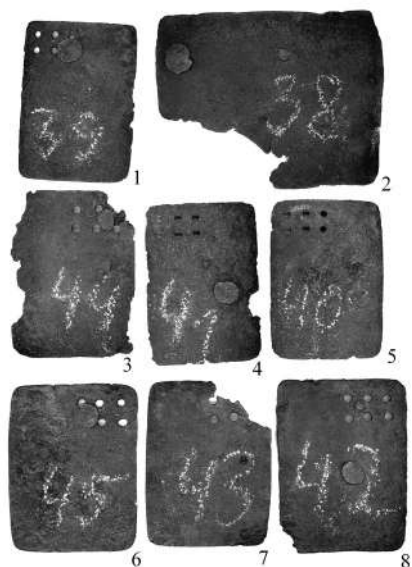

Рис. 15. Фрагменты панцирных пластин

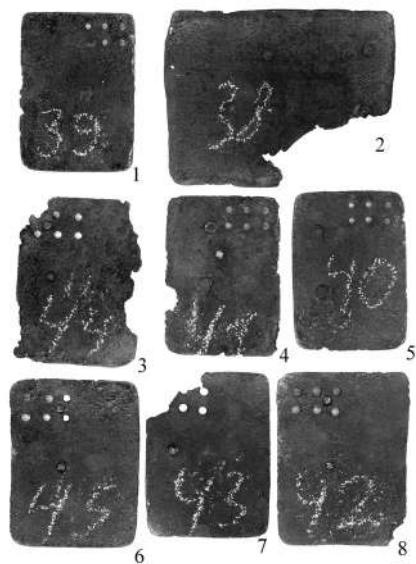

Рис. 15 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

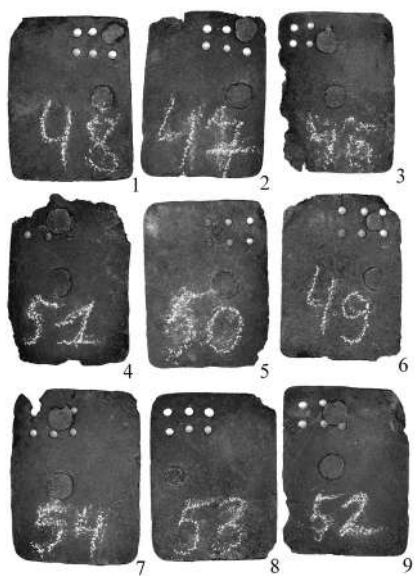

Рис. 16. Фрагменты панцирных пластин

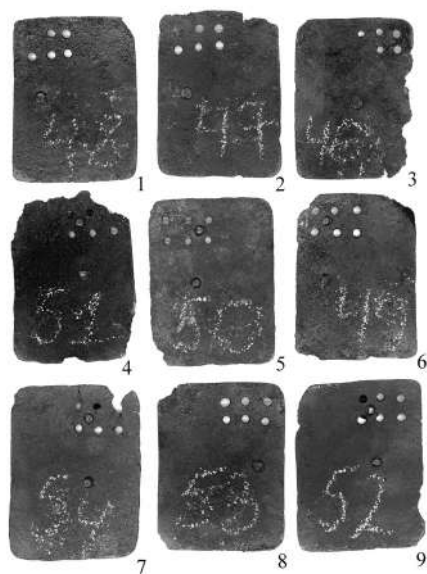

Рис. 16 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

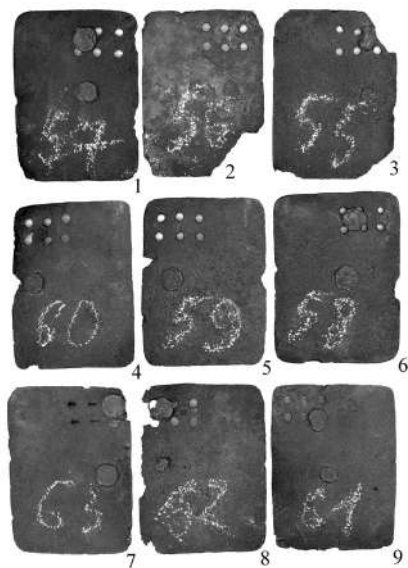

Рис. 17. Фрагменты панцирных пластин

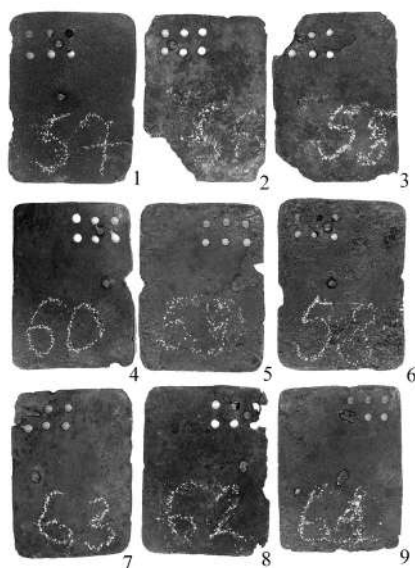

Рис. 17 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

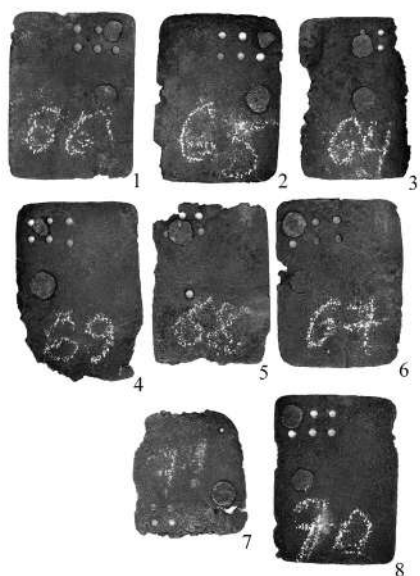

Рис. 18. Фрагменты панцирных пластин

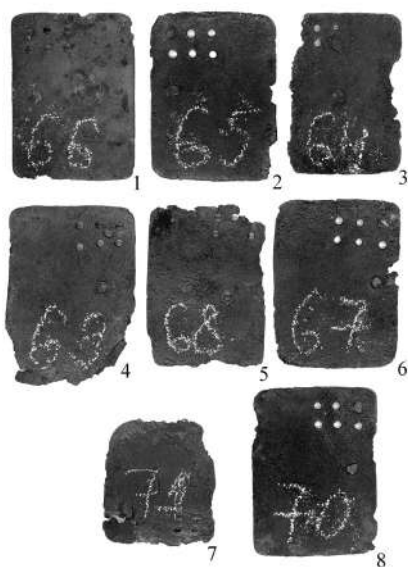

Рис. 18 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

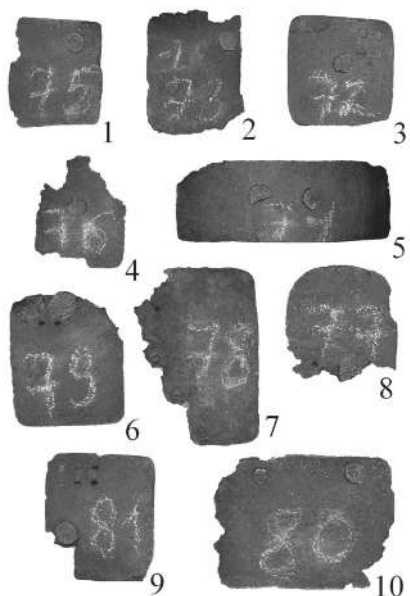

Рис. 19. Фрагменты панцирных пластин

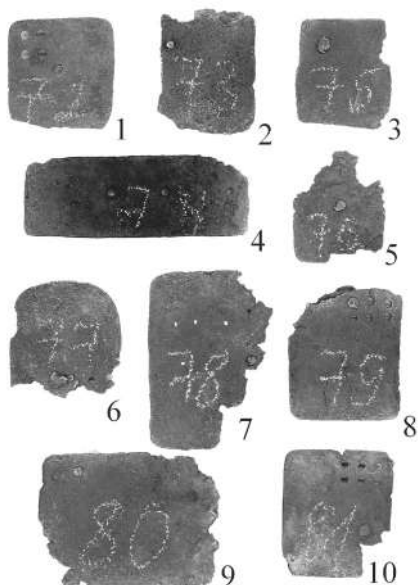

Рис. 19 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

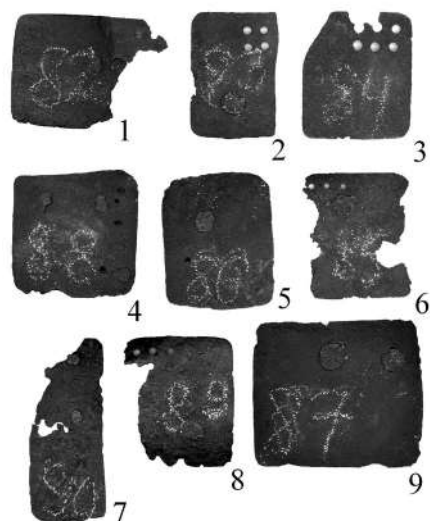

Рис. 20. Фрагменты панцирных пластин

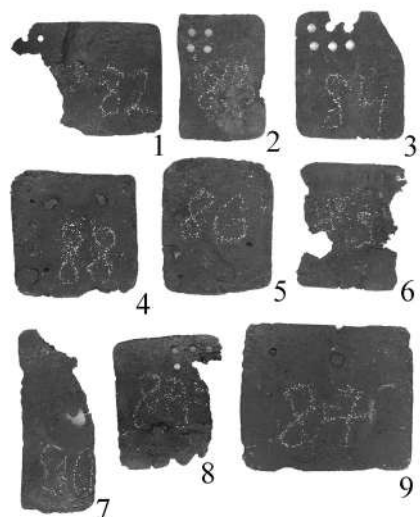

Рис. 20 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

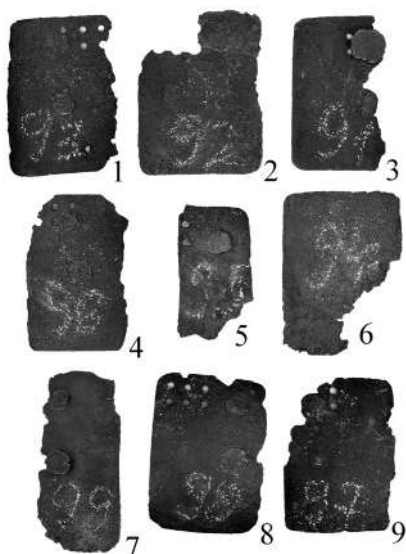

Рис. 21. Фрагменты панцирных пластин

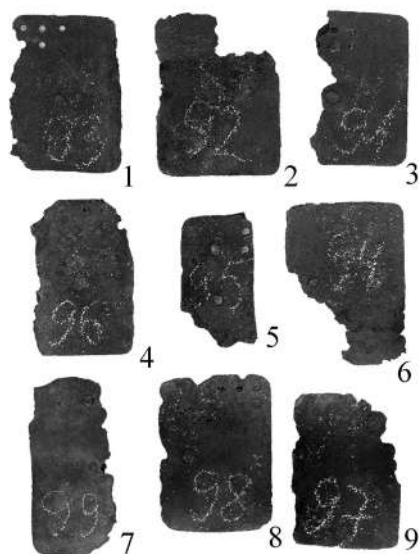

Рис. 21 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

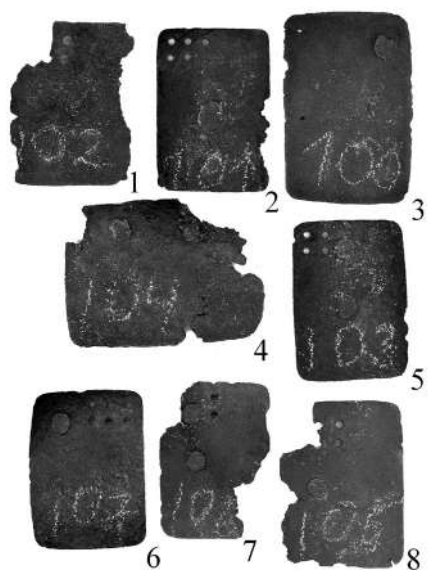

Рис. 22. Фрагменты панцирных пластин

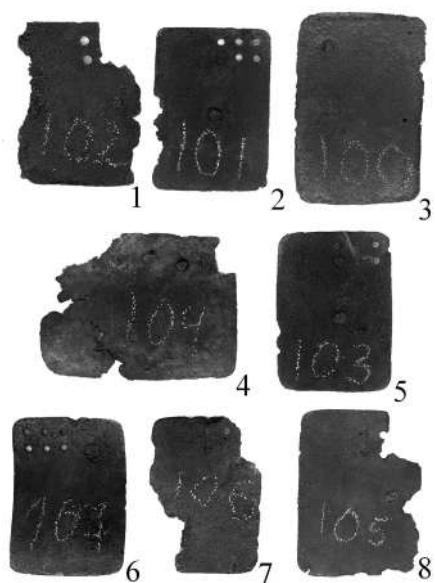

Рис. 22 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

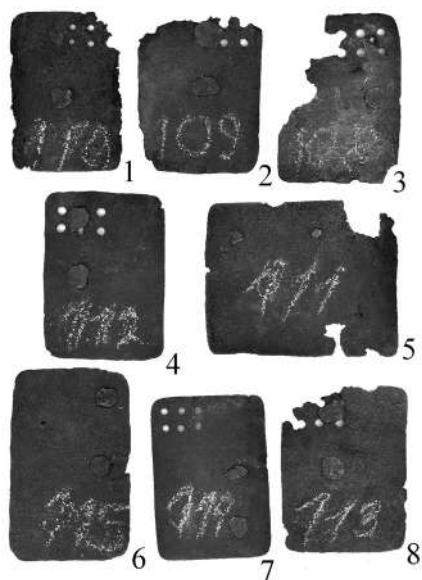

Рис. 23. Фрагменты панцирных пластин

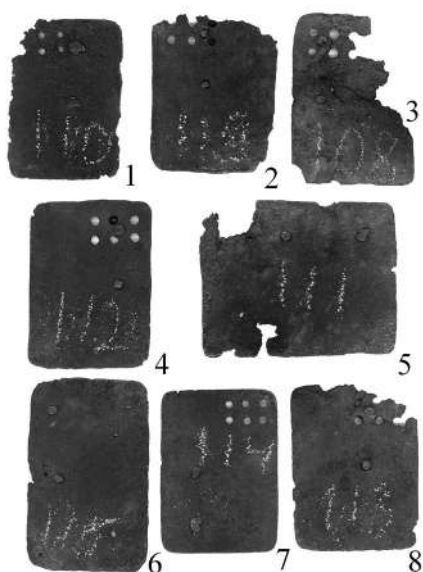

Рис. 23 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

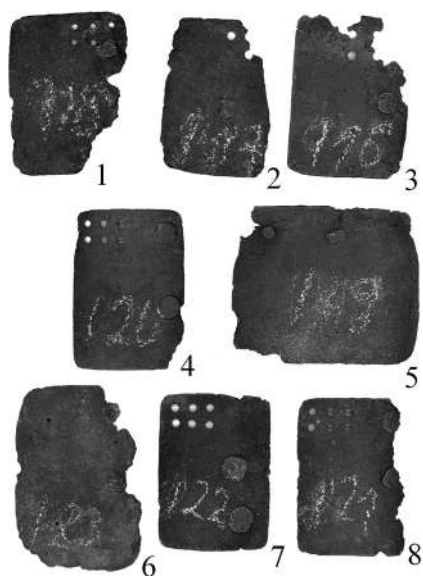

Рис. 24. Фрагменты панцирных пластин

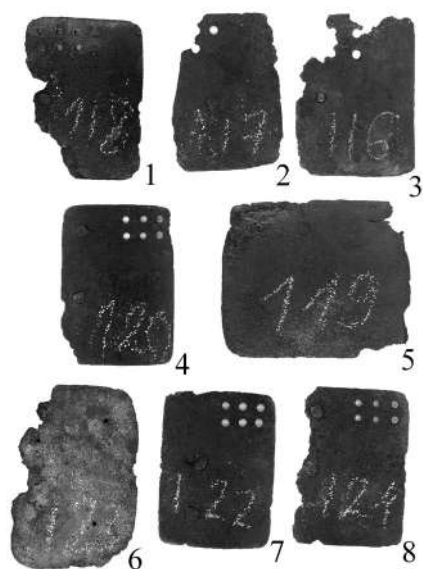

Рис. 24 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

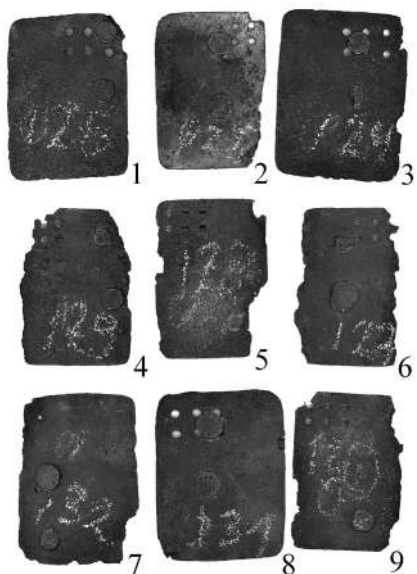

Рис. 25. Фрагменты панцирных пластин

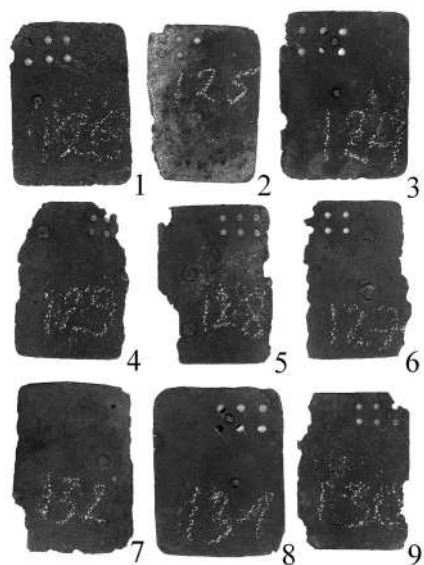

Рис. 25 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

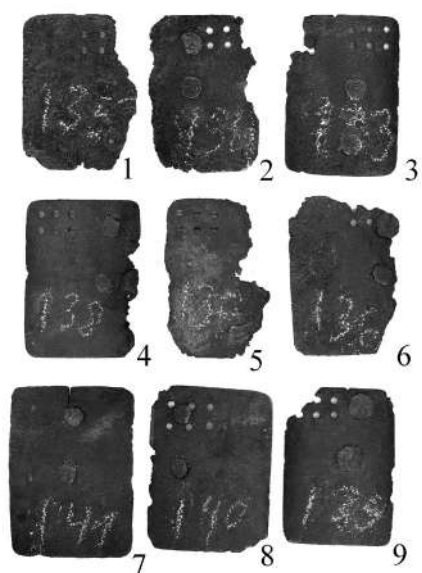

Рис. 26. Фрагменты панцирных пластин

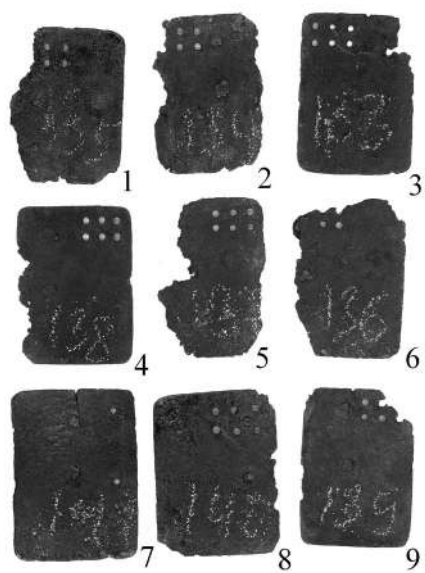

Рис. 26 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

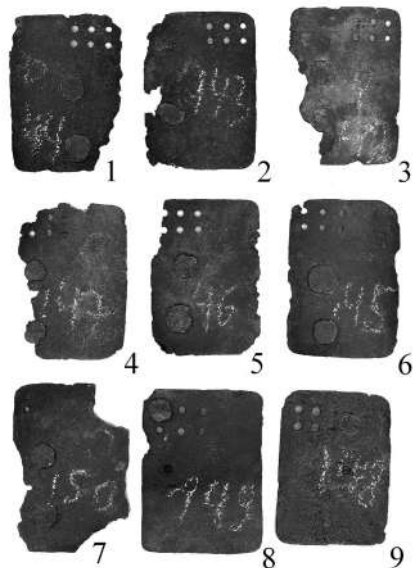

Рис. 27. Фрагменты панцирных пластин

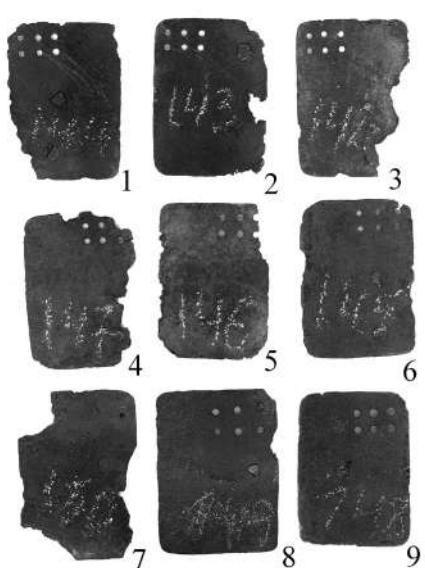

Рис. 27 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

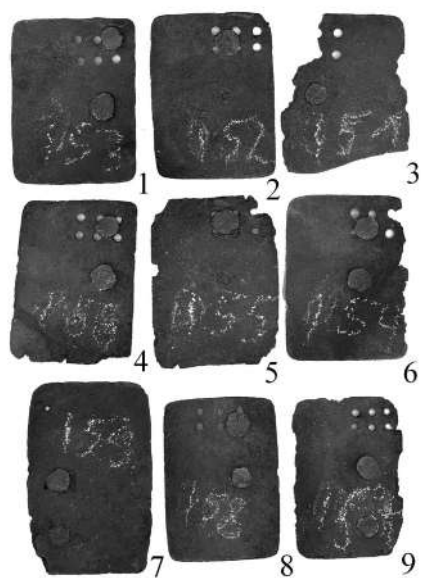

Рис. 28. Фрагменты панцирных пластин

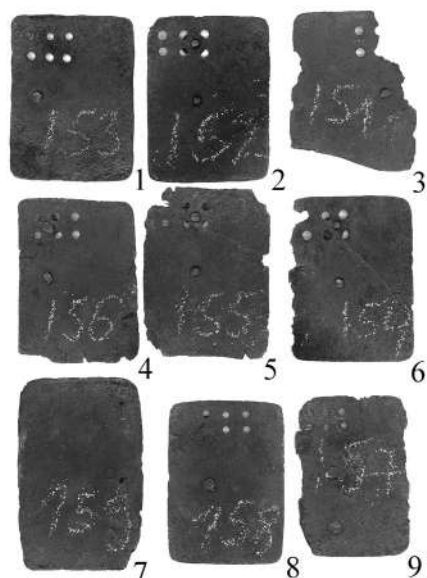

Рис. 28 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

КОМПЛЕКТ ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН С ТЕРРИТОРИИ ВИЛЬНЮССКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО НИЖНЕГО ЗАМКА

Вильнюсский Великокняжеский Нижний замок систематически и успешно исследуется с 1988 г. На территории замка обнаружены фрагменты разных типов доспехов, датирующиеся от второй половины XIV в. до момента разрушения замка в 1655 г., когда русское войско почти без боя захватило, ограбило и частично сожгло город и замок. Из нескольких типов пластинчатых доспехов, найденных на территории Великокняжеского замка, довольно интересным объектом являются пластины чешуйчатых доспехов. При раскопках обнаруживаются, как правило, одиночные пластины такого типа, которые чаще всего встречаются в культурных слоях XV в.¹ Несмотря на то что их форма, количество заклепок и изгиб отличаются друг от друга, для них характерен ряд отверстий по одному краю. Необходимо сказать, что данные пластины могли пришиваться как по своей верхней части, так и по обеим боковым сторонам. Так как зачастую сторона крепления обнаруженных пластин не очень ясна, мы будем считать сторону с отверстиями верхней и полагать, что скрепление проводилось по верху.

В 2006 г. при исследовании внешней стороны северо-восточного корпуса Нижнего замка, в северо-западной его части, в слое середины – второй половины XV в. обнаружен комплект из 28 целых и немного поврежденных чешуйчатых пластинок (фото 1, 2)². Такое количество деталей от одного комплекта чешуйчатых доспехов при археологических раскопках обнаруживается довольно редко. Большое количество похожих пластинок от одного комплекта найдено

¹ Blaževičius, P., Bugys, P., Kaminskaitė, I. Vilniaus Žemutinės pilies Valdovų rūmai. LDK valdovų rūmų rytinio ir šiaurinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2006–2007 m. ataskaita (отчет готовится); Kuncevičius, A., Tautavičius, A., Urbanavičius, V. Vilniaus žemutinės Pilies rūmų teritorijos 1990 m. archeologinių tyrinėjimų ataskaita. Vilnius, 1990. c. 81; Merkevičius, A. Žemutinės pilies teritorija. Senojo arsenalo kieme tiestos kanalizacijos griovio kasimo darbų priežiūros ataskaita. Vilnius. 1995. c. 44; Steponavičienė, D., Blaževičius, P., Gendrėnas, G. Vilniaus žemutinės pilies Valdovų rūmų teritorija. II ofisinio (Dvariškių rūmų) 2003-2005 m. archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius, 2006. c. 41; Ožalas, E. Vilniaus žemutinės pilies teritorija. Pietinio, Rytinio ir Vakarinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2002 m. ataskaita. 2003. c. 257; Ožalas, E. Vilniaus žemutinė pilis. Pietinio korpuso prieigų archeologiniai tyrimai į rytus nuo Valdovų rūmų 2004-2006 m. (отчет готовится).

² Blaževičius, P., Bugys, P., Kaminskaitė, I. Vilniaus Žemutinės pilies Valdovų rūmai. LDK valdovų rūmų rytinio ir šiaurinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2006–2007 m. ataskaita (отчет готовится).

только в так называемом «городе Довмонта» в Пскове (120 штук) и в новгородской усадьбе посадника Онцифора Лукича (47 штук). Пластинки псковского доспеха были сильно повреждены коррозией, поэтому сравнить их с найденными в Вильнюсе пластинами довольно сложно. Но все-таки по количеству заклепок и расположению отверстий можно полагать, что псковские пластинки относятся к похожему типу доспеха. То, что с одной стороны отверстия отсутствуют, наверное, можно объяснить толстым слоем коррозии. Хотя пластинки «доспехов Довмонта» довольно похожи на анализируемые нами пластинки, они датируются другим временем – концом XIII – первой половиной XIV в. Фрагмент доспеха из усадьбы Онцифора Лукича состоял из 47 пластин, которые пришивались по одному краю и имели по одной заклепке. Большую их часть (33 штуки) составляли узкие пластины, аналогии которым мы находим в Вильнюсе. Новгородские пластинки датируются серединой XIV в.³

Приступая к анализу панцирных пластин из вильнюсского комплекта, необходимо отметить, что почти на всех из них присутствует изгиб по центру. В одной плоскости выгнуты только три более узкие пластинки и две похожие по ширине пластинки с пряжками. Также надо отметить, что большинство пластинок изготовлены в форме слабо выраженной трапеции, когда верхняя и нижняя сторона отличаются друг от друга на три или четыре миллиметра. При дальнейшем анализе для обозначения ширины пластинки будет использоваться размер более длинного ее края.

Пластины этого доспеха можно разделить по количеству заклепок. На первый взгляд, кажется, что заклепки расположены хаотично, но все-таки можно разглядеть, что расположение заклепок на некоторых из них повторяется. Тем не менее остается неясной причина различия количества заклепок в пластинах, также неизвестно, какие пластины располагались по краям, а какие крепились в центре и верхней части доспехов. Распределив пластины по количеству заклепок и другим, более специфическим особенностям, описание следует начать с самых широких и имеющих больше всего заклепок (по три). Таких пластин в комплекте одиннадцать штук. При одинаковом количестве заклепок ширина пластинок колеблется от 61 до 90 мм, высота – от 68 до 90 мм. Доминируют более широкие пластины. Расположение заклепок в пластинах различное, поэтому для удобства анализа их можно разделить на три группы: вариант «*L*» (рис. 1а), вариант «зеркальной *L*» (рис. 1б) и вариант «*A*» (рис. 1с). Здесь каждая буква напоминает расположение заклепок в пластине. На большинстве пластин заклепки выстроены по принципу «зеркальной *L*» (6 шт.), меньше – правильной «*L*» (3 шт.) и по принципу «*A*» (2 шт.). Описывая пластины группы «*L*», важно сказать, что верхняя заклепка может уходить как немного вправо, так и немного влево. Потому следует заметить, что пластинки варианта «*A*» могут быть вариантом правильной или перевернутой «*L*», где верхняя заклепка удаляется как в одну, так и в другую сторону. Заклепки всех трех групп пластин скрепляют два нескрепленных края линии шивки. Все упомянутые пластины должны были

³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – С. 35–36; Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. – 1959. – № 2. – С. 131–132.

перекрывать нижнюю и левую от себя пластину. Такой принцип перекрывания свойствен всем пластинам с тремя заклепками, вне зависимости от расположения заклепок.

По две заклепки расположены на шести пластинах, из которых только на одной расположено заклепок вертикальное (рис. 2), все другие заклепки на пластинках расположены горизонтально (рис. 2). Высота пластинок колеблется от 71 до 79 мм, ширина – от 66 до 83 мм. Кроме того, на одной чешуйке посреди горизонтально расположенных заклепок проделано отверстие. Ширина этого отверстия совпадает с шириной заклепки, потому теоретически можно предположить, что на этой пластинке когда-то было три заклепки. Хотя подобный вариант не наблюдается на остальных пластинках. По расположению заклепок можно сказать, что метод перекрывания большинства этих пластинок был аналогичен пластинам с тремя заклепками, т. е. они тоже должны были перекрывать соседнюю нижнюю и левую от себя пластинку.

Среди восьми пластинок, имеющих одну заклепку, одна сохранилась плохо. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что эта пластина имела только одну заклепку. Кроме того, сохранившаяся заклепка расположена около не перекрываемого края, поэтому предполагается, что на несохранившихся фрагментах могли располагаться одна или две заклепки. Высота пластинок с одной заклепкой колеблется от 71 до 72 мм (узких – от 40 до 55 мм), ширина – от 61 до 72 мм. Определить, как перекрывались такие пластины, достаточно трудно, потому что заклепки некоторых пластин сдвинуты от центра влево, а заклепки трех более узких деталей расположены почти в самом центре. Было бы логично полагать, что они располагались ближе, у перекрывающего края, так как, скрепив сторону этого края, не скрепленную сторону должен был бы прижимать закрывающий край другой пластины. Исходя из этого принципа, можно полагать, что две пластины этого варианта закрывали нижнюю и левую от себя пластинку. Еще две заклепки таких же пластинок удаляются несколько влево, но способ их скрепления, наверное, не является аналогичным вышеупомянутым пластинкам, так как у них закруглен правый край. Обычно так закруглялись перекрывающие углы пластинок в чешуйчатых доспехах, поэтому можно полагать, что эти пластинки могли закрывать не только нижнюю, но и правую от себя деталь. Похоже, что такой же принцип перекрытия был свойствен и двум самым узким пластинкам.

Наверное, самыми интересными деталями в этом комплекте являются пластинки с прикрепленными пряжками, имеющие по две заклепки (рис. 3). Одна из этих пластинок (рис. 3а) имеет одно круглое отверстие. Но довольно трудно сказать, была ли там заклепка, образующая «L»-образную структуру клепания. Размеры этих пластин – 53 × 70 мм и 55 × 71 мм. Размер застёжек одинаковый – 20 × 20 мм. Как было упомянуто в начале, пластины изогнуты в одной плоскости, поэтому логично предполагать, что они служили для застегивания корпуса доспеха.

Наиболее вероятно, что найденный на территории Вильнюсских замков комплект пластин когда-то был частью одного доспеха. Сложнее сказать, от какой именно части доспеха эти пластины. Может быть, ряд однообразных пла-

стинок мог закрывать определенную часть корпуса, но также можно полагать, что разные пластины могли крепиться одна около другой, таким способом создавая единую геометрическую плоскость.

Все анализируемые 28 пластинок можно выделить в четыре подтипа. Это пластинки с тремя, двумя, одной заклепкой, а также с застежкой. Чешуйки с тремя заклепками по расположению заклепок можно выделить в три варианта («L», «зеркальная L» и «A»), а детали с двумя заклепками можно разделить на пластинки с горизонтальным и вертикальным размещением заклепок.

На территории современной Литвы, кроме Вильнюсских замков, аналогичных находок пока не было обнаружено. Однако найденные в Вильнюсе пластинки с одной заклепкой имеют прямые аналоги среди археологических находок русских земель. В иконографических источниках чешуйчатые доспехи зафиксированы как для Западной, так и для Восточной Европы XIV-XV вв. Так что такие панцири действительно можно считать одним из широко распространенных типов в Европе⁴. Также можно заметить, что в Восточной Европе данный тип доспеха пользовался большей популярностью. В Западной Европе пластинчатые панцири со временем все больше уступали место латному доспеху и в большинстве случаев чешуйки использовались уже как дополнительные детали латного доспеха.

Ситуация в Литве во второй половине XIV – начале XV в. была довольно напряженной – на Вильнюсские замки неоднократно нападали. Штурмы Нижнего замка продолжались с 1365 до 1402 г.⁵ Так как ни одно нападение не увенчалось успехом, можно смело утверждать, что и обсуждаемые пластинки действительно могли принадлежать защищаемой стороне. Кстати, следы нападений достаточно четко можно увидеть и в археологическом материале Нижнего замка: в слоях этого периода найдено много арбалетных болтов, снарядов метательных машин и бомбард. Также довольно большое количество доспешных пластин, датированных второй половиной XIV – началом XV в., указывает на те самые события в городе и замке. Такое датирование поддерживают не только следы разрушений и дендрохронологические данные, но и немалое число нумизматических находок – динарии Витовта и Ягайло, пражские гроши, золотоордынские монеты и их подделки⁶.

Описываемые пластины найдены с внешней стороны северо-восточного корпуса Нижнего замка, в северо-западной его части, где стояли деревянные постройки середины XV в. Можно надеяться, что более точные сведения о предназначении этих построек мы получим при дальнейшем археологическом

⁴ Żygulski, Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa, 1975. S. 90.

⁵ Gudavičius, E. Lietuvos istorija nuo seniausių laikų iki 1569 metų. Vilnius. 1999. P. 205; Vygasdas Marburgietis. Naujoji Prūsijos kronika. Vilnius. 1999. P. 131, 208; Vijkas-Kojelavičius, A. Lietuvos istorija. Vilnius. 1988. P. 306.

⁶ Blaževičius, P., Bugys, P., Kaminskaitė, I. Vilniaus Žemutinės pilies Valdovų rūmai. LDK valdovų rūmų rytinio ir šiaurinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2006–2007 m. ataskaita (отчет готовится).

изучении этой территории. Довольно трудно сказать, каким путем в войско Великого Княжества Литовского пришел этот тип доспеха. Похожий археологический материал указывает на влияние русских земель. В этом случае сложно определить, напрямую ли были переняты эти чешуйчатые доспехи из восточных земель великого княжества и привезены иноземными воинами без особых изменений, или же уже здесь они приобрели своеобразный, «местный» вариант. Также, теоретически, нельзя отвергнуть версии о западном или даже местном происхождении этого типа чешуйчатых доспехов.

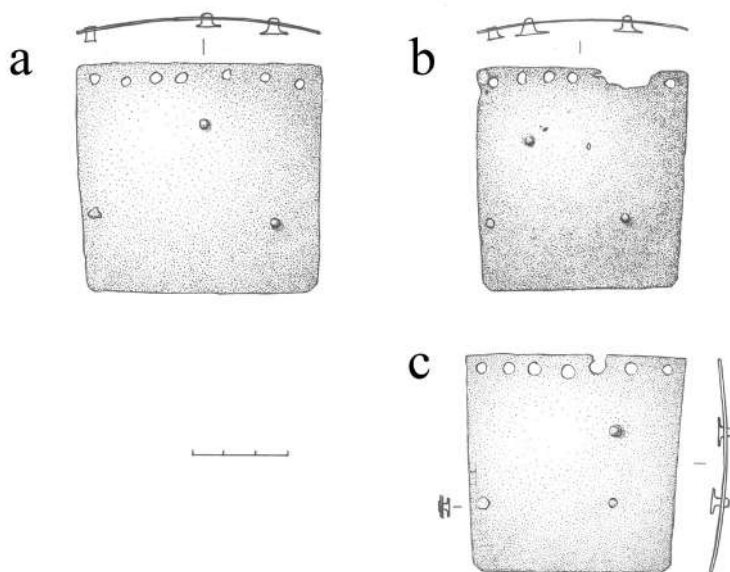

Рис. 3. Пластинки с тремя заклепками
(рисунок М. Меляускаса (M. Mieliauskas))

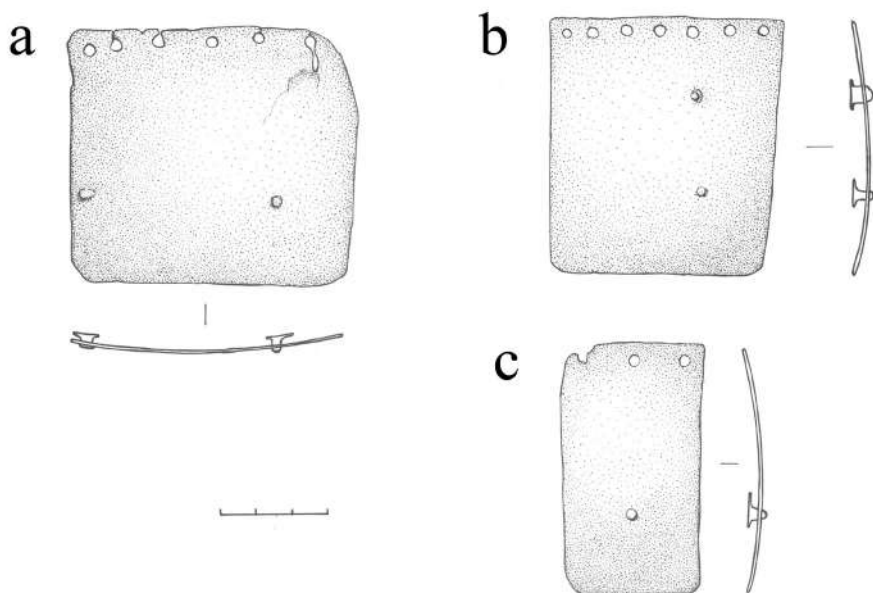

Рис. 4. Пластины с двумя и одной заклепкой
(рисунок М. Меляускаса)

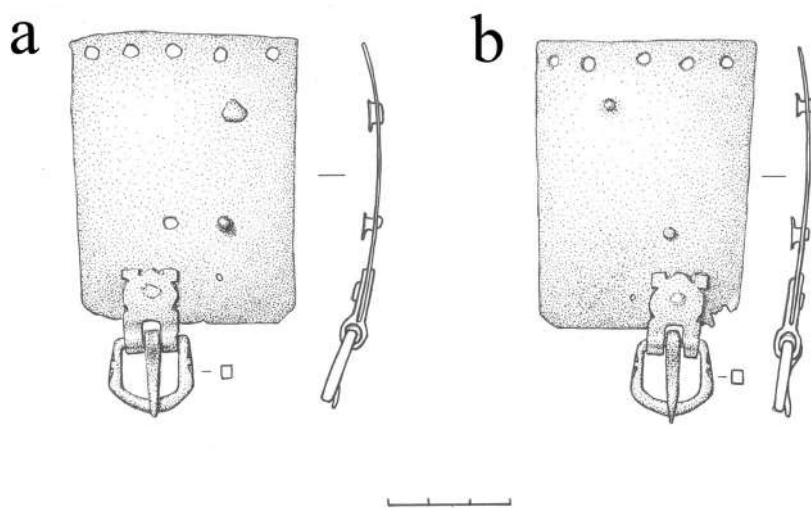

Рис. 5. Пластины с пряжкой
(рисунок М. Меляускаса)

**САБЛЯ И МЕЧ ЭПОХИ РАЗВИТОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ИМЕНИ СИМОНА ДЖАНАШИЯ (Г. ТБИЛИСИ)
(к истории появления и распространения
сабли в Грузии)**

КАЖЕТСЯ парадоксальным, что в Грузии, история которой насыщена нескончаемыми войнами и где кустарное изготовление традиционного оружия имело широкий размах вплоть до 30-х гг. XX в., археологического средневекового оружия известно сравнительно немного (более-менее многочисленны разве что находки наконечников стрел и копий). Обусловлено это объективными причинами. Как известно, уже в первой половине IV в. христианство в Грузии становится государственной религией, что быстро приводит к изменению обряда погребения, и в результате этого в наше время археологические раскопки могильников очень редко дают интересующий нас материал¹. Однако есть и субъективные причины. Поля сражений в Грузии археологически почти не изучены. Недостаточно внимания уделено и изучению этнографических собраний оружия в музеях Грузии и за ее пределами².

В данной статье речь пойдет о двух предметах, хранящихся в археологическом отделе Национального музея имени Симона Джанашия (г. Тбилиси), и проблеме их датировки. Также мы попытаемся проследить время исчезновения меча и появления сабли в комплексе вооружения грузинских воинов. Надо отметить, что исследователю данной темы доступен удивительно богатый спектр разнообразных источников, которые мы постараемся максимально ис-

¹ Исследователи предполагают, что исчезновение инвентаря из погребений в Грузии было связано не только с религиозным, но и с экономическим фактором (*Чилашвили Л. А.* Путеводитель выставки «Материальная культура Грузии IV–XVIII вв.». – Тб., 1990. – С. 25).

² Следует отметить, что специальных исследований по грузинскому средневековому оружию очень мало и, по-видимому, многие интересные археологические находки еще не опубликованы.

пользовать. Огромное количество грузинских фресок³, чеканных икон⁴, а также миниатюр, надгробий, грузинских и иностранных письменных источников могут дать ответы на многие вопросы. Изучение византийского, турецкого, монгольского и персидского оружия также помогает восполнить пробелы в знаниях о средневековом оружии грузинских воинов.

* * *

В 1957 г. во время плановых археологических работ на городище Вани⁵ (Западная Грузия, Ванский р-н) было найдено так называемое «погребение воина». Погребение располагалось на вершине холма, на расстоянии 1 метра от обрыва. Инвентарь погребения состоял в основном из оружия (согласно отчету – железный «меч», три наконечника стрелы, два наконечника копья, навершие знамени, серебряное украшение (подвеска) и две железные, ажурные, покрытые золотым листом бляшки)⁶. В центральной части погребения позднее была выкопана яма, доверху наполненная валунами, ранее покрывавшими погребение, и обломками черепицы. В отчете не говорится о том, насколько повредила яма остальную часть погребения, однако центральная часть могилы была полностью уничтожена. Не исключено, что была изъята и часть инвентаря.

Сабля (в отчете обозначенная как меч) из Вани⁷ сломана пополам и местами сильно корродирована, однако в целом предмет сохранился довольно хорошо (рис. 1). Общая длина сабли 110 см. Сабля массивная, толщина обуха до 10 мм. Длина клинка 93 см. Изгиб клинка слабый. Острие клинка на протяжении 20 см обоюдоострое. Вдоль обуха проходит дол, который кончается в 25 см от острия. Режущая часть пяты клинка (8 см) тупая, но из-за того, что лезвие не полностью очищено от коррозии, трудно утверждать, покрыто ли лезвие накладкой или изначально отковано подобным образом. Рукоять сабли сохранилась полностью, что дает точное представление об ее конструктивных особенностях⁸.

³ Из-за обилия фресок Грузию иногда называют «музеем фрески» (Средневековые фрески Грузии: Кат. выст. / Государственный музей искусств Груз. ССР / Сост. Д. Г. Иосебидзе, А. М. Лидов. – М., 1985. – С. 5).

⁴ В распоряжении грузинских исследователей находится до 2500 средневековых работ (Сакварелидзе Т. А. Грузинское чеканное искусство XIV–XIX веков (на грузинском языке). – Тб., 1987. – С. 3).

⁵ Античный город фактически прекратил свое существование в середине I в. до н. э.

⁶ Вани. Археологические раскопки (на грузинском языке). Т. IV. – Тб., 1979. – С. 133.

⁷ Саблю из Вани часто называют «мечом» (Вани. Археологические раскопки. Т. IV. – С. 133; Артилаква В. Е. Железообрабатывающее ремесло древней Грузии. – Тб., 1976. – С. 37, 125, 126, 170, табл. 71-2; Чилашвили Л. А. Путеводитель выставки «Материальная культура Грузии IV–XVIII вв». – С. 51), видимо, из-за мечевидной рукояти. Нам кажется, что оружие с изогнутым однолезвийным клинком все же правильнее называть саблей.

⁸ Навершие рукояти и перекрестье ванской сабли, по-видимому, откованы из листового металла в виде двух отдельных половинок, возможно, с использованием специальной матрицы, и затем спаяны. Именно в этой технике исполнены детали рукояти меча из Хевсурети, речь о котором пойдет ниже.

В числе прочих артефактов в ванском погребении были обнаружены две ажурные позолоченные бляхи (рис. 2). Именно они, на наш взгляд, наиболее информативны с точки зрения датировки захоронения, к чему мы вернемся чуть ниже. Бляхи представляют собой две плоские ажурные железные пластины, покрытые золотом. Размеры блях 4,5 × 4,5 см и 4,3 × 5,5 см. На оборотной стороне одной из них сохранился железный штырек. Видимо, таких штырьков изначально было несколько, с их помощью бляхи крепились на основу (кожаную?). Техника изготовления блях сравнительно несложна. Их лаконичный орнамент создает очень приятное впечатление. Представляется, что на фоне черной кожи ажурное золото изделия выглядело особенно эффектно.

Надо признать, что своим местоположением и богатством инвентаря погребение ванского воина очень нетипично для средневековой Грузии. Тем не менее оружие, положенное в могилу, как будет показано ниже, очень хорошо вписывается в общую картину развития грузинского средневекового оружия, что делает возможным предположение о его местном происхождении.

Второй предмет, о котором пойдет речь, – меч, поступивший в музей из Хевсурети (историческая провинция Грузии, современный Душетский район)⁹.

Меч сломан посередине клинка, место слома почти не погнуто (рис. 3). Состояние металла очень хорошее: меч покрыт незначительным слоем окислов, местами виден чистый металл, следов глубокой коррозии немного¹⁰. Длина клинка (без черена рукояти) – 97 см. Длина черена рукояти – 8,8 см. Максимальная ширина клинка – 4,7 см. Ширина клинка у острия – 3,8 см. В верхней трети клинка металл сточен в виде неглубокой канавки размерами 9 × 1 × 0,5–0,7 см. Возможно, таким образом была сточена надпись.

Хорошо сохранились железные перекрестье и навершие рукояти меча, с лицевой стороны инкрустированные проволокой белого металла (рис. 4). Орнамент очень прост, состоит из параллельных и перекрещенных линий. Деревянная часть рукояти отсутствует полностью. Детали меча, по всей видимости, были откованы в виде половинок и затем спаяны в единое целое.

Меч из Хевсурети примечателен еще одной особенностью: в верхней трети клинка кромка одного лезвия затуплена ударами молотка, из-за чего клинок приобрел небольшую кривизну (возможно, лезвие было еще и немного переточено). Налицо робкая попытка приблизить форму меча к сабельной. Видимо, когда меч подвергся этой переделке, сабля уже была основным видом длинноклинкового оружия.

⁹ Чилашвили Л. А. Путеводитель выставки «Материальная культура Грузии IV–XVIII вв.». – С. 22.

¹⁰ Надо отметить, что на участках, где выходит чистый металл, ясно различается крупный узор литого булата.

Руководитель Ванской экспедиции Н. В. Хоштария в свое время датировала погребение примерно X в.¹¹ Что послужило основанием подобной датировки, не совсем ясно. Ранее на том же участке были обнаружены обломки керамических и стеклянных сосудов VIII-IX вв.¹², что, видимо, и было учтено при датировке захоронения¹³.

Позднее В. Е. Артилаква для подтверждения датировки обратился к грузинским средневековым изобразительным источникам. Заметив сходство формы клинка, перекрестья¹⁴, навершия рукояти¹⁵ с изображениями на средневековых грузинских фресках, чеканных иконах и надгробиях, он также датировал предметы примерно X-XI вв.¹⁶

Книга В. Е. Артилаква фактически является первой попыткой систематизации грузинских железных орудий труда и оружия с периода раннего железа и до позднего Средневековья включительно. Вместе с тем нужно отметить, что работа изобилует неточностями и ошибками, что сильно уменьшает ее значимость¹⁷.

¹¹ Вани. Археологические раскопки. Т. IV. – С. 133; *Хоштария Н. В.* Археологические раскопки в Вани в 1959 году. Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1959 г. – Тб., 1960. – С. 48.

¹² *Хоштария Н. В.* Археологические раскопки в Вани в 1959 году. – С. 48.

¹³ До начала реконструкции музея сабля из Вани и меч из Хевсурети экспонировались в разделе периода развитого феодализма и датировались соответственно X-XI веками (*Чилашвили Л. А.* Путеводитель выставки «Материальная культура Грузии IV-XVIII вв». – С. 51).

¹⁴ По не совсем ясной формулировке автора, на фреске Мацхваришской церкви мы видим «прямой однолезвийный меч, рукоятка и перекрестье которого подобны обнаруженным в Дманиси и Вани» (*Артилаква В. Е.* Железообрабатывающее ремесло древней Грузии. – С. 126). «Аналогичные изображения» автор видит также «в церкви св. Ивлие и Квирике, в фресках Лагами (должно быть «Лагурка». – *И.Б.*), в грузинских чеканных иконах и надгробных памятниках (штандарт знамени церкви св. Георгия в Мestia (XI в.), чеканная плита из Шемокмеди, икона из Лахили (XI в.), Джуматская икона св. Георгия (XI в.), надгробная каменная плита в сел. Бза» (Там же. – С. 126).

¹⁵ Надгробные плиты в селах Бза и Ахалсопели; барельеф иконостаса в Цебельде; чеканные иконы Хирхониси (X в.), Св. Георгия из Бравалдзали (X в.) и Джумати. – Там же. – С. 126.

¹⁶ Там же. – С. 18, 126, 170.

¹⁷ Многие ошибки автора кочуют из одной работы в другую, что приводит к путанице. Поэтому нам кажется важным озвучить хотя бы те из них, которые напрямую связаны с темой данной работы. По утверждению В. Е. Артилаква:

- «Меч» из Вани (Там же. – С. 37, 125, 126, 170, табл. 71-2) имеет «прямую спинку» (Там же. – С. 125, 170).

- Рукоять ванской сабли имеет золотую инкрустацию (Там же. – С. 125, 126).

- В ванском погребении была также обнаружена византийская золотая монета рубежа X-XI вв. (Там же. – С. 37, 125). Упоминание о монете нигде более не встречается.

- В. Е. Артилаква видит в мече из Хевсурети «однолезвийный меч (курсив наш. – *И.Б.*) с прямой спинкой» (Там же. – С. 170). Об особенностях хевсуретского меча уже говорилось выше, в его описании.

- Автор упоминает также «меч из Зуртакети» («длина 102 см, ширина 4 см». – Там же. – С. 125, 170) и меч с Дманисского городища (Там же. – С. 37, 125, 170, табл. 71,1). В 1962 г. во

Помимо неточностей и ошибок технического характера, приведенные В. Е. Артилаква параллели с грузинскими средневековыми изобразительными источниками не совсем убедительны. Причина этого в том, что в отличие от рукоятей, в которых однозначно виден единый стиль исполнения, клинки ванской сабли и хевсуретского меча кардинально отличаются. Есть существенные отличия и в перекрестьях. Так что говорить об общих аналогиях в изобразительном материале сразу для обоих предметов не совсем верно.

Детальный осмотр убеждает, что далеко не все приведенные автором изображения действительно имеют сходство с предметами из Вани и Хевсурети. Так, например, перекрестья с фрески св. Ивлие и Квирик в Лагурке (рис. 5.13), с Джуматской иконы Св. Георгия (рис. 5.10), с Мацхваришской сабли (рис. 5.14) и некоторых из плит Бза (рис. 5.3), действительно, схожи с перекрестьем меча из Хевсурети. Перекрестье, изображенное на иконе из Шемокмеди (рис. 5.2), действительно, похоже на ванский образец. С другой стороны, об аналогичности, например, изображения со штандарта знамени церкви Св. Георгия в Мestia (рис. 5.12) говорить не приходится.

Что касается круглой формы навершия рукояти, то на иконе из Хирхониси (рис. 5.4), иконостасе Цебелди и некоторых надгробиях Ахалсопели (Бза) и Гохнари (Адзикви) (рис. 5.3), действительно, можно увидеть аналогичные изображения, однако в случае, например, с Джуматской иконой (рис. 5.10) сходство очень сомнительно.

время археологических раскопок в Зуртакети (Дманисский район) в кургане бронзового века было обнаружено впускное погребение развитого Средневековья. Согласно отчету археологических раскопок, погребение содержало несколько конских зубов, железные удила, остатки железной кольчуги, железный наконечник стрелы, крючкообразный предмет неизвестного назначения и разрезанную на 3 части византийскую монету Константина X (1059–1067 гг.). (*Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети (на грузинском языке). – Тб., 1969. – С. 43; См. также: *Чилашвили Л. А.* Путеводитель выставки «Материальная культура Грузии IV–XVIII вв». – С. 22; *Он же.* Города в феодальной Грузии (на грузинском языке). Т. II. – Тб., 1970. – С. 31; *Он же.* Городище Урбниси. (Историко-археологическое исследование) (на грузинском языке). – Тб., 1964. – С. 96. Однако о мече в отчете не упоминается. Наличие меча в погребении руководитель вышеупомянутой экспедиции г-н О. М. Джапаридзе опроверг и в частной беседе. Что касается «меча с Дманисского городища», о нем нам также не удалось найти никаких упоминаний – ни устных, ни письменных. Приведенное в книге В. Е. Артилаква графическое изображение «меча из Дманиси» (*Артилаква В. Е.* Железообрабатывающее ремесло древней Грузии, табл. 71-1) является графическим изображением меча из Хевсурети.

- «Прямой однолезвийный меч» (курсив наш. – *И.Б.*) (Там же. – С. 126) на фреске мацхваришской церкви коронации Деметре I (1140 г.) на самом деле изображен в ножнах (рис. 5.14), к тому же в изображении читается небольшой сабельный изгиб.

- На фреске Лаши-Георгия в Бертубани изображена сабля, а не «меч» (Там же. – С. 126) (рис. 5.17). На Джуматской иконе св. Георгия, напротив, изображен «меч» а не сабля (Там же. – С. 18) (рис. 5.10). На Бочормской иконе св. Георгия изображены не «сабля и щит» (Там же. – С. 18), а копьё и щит.

Как было сказано выше, формы перекрестья и навершия сабли из Вани и меча из Хевсурети имеют сильное сходство с некоторыми изображениями на фресках и чеканных иконах X-XI вв. Однако для датировки сабли из Вани более существенное значение, на наш взгляд, имеют ажурные позолоченные бляхи, обнаруженные в числе прочих артефактов в ванском погребении.

Точное местоположение блях относительно клинка *in situ* неизвестно¹⁸, однако можно предположить, что бляхи являются частью портупей и служили украшением подвеса сабли, наподобие сабель из богатых аланских погребений XII в. и так называемой сабли Карла Великого¹⁹. Подтверждают это предположение многочисленные изображения клинкового оружия на грузинских фресках, чеканных иконах, барельефах, надгробных плитах X-XIV вв. Можно заметить, что на памятниках X – начала XII вв. подковообразные, реже – аркообразные подвесы портупей изображены повсеместно. Особенно ярко подвес такого типа представлен на памятниках второй половины X – первой половины XI в. К рубежу XI-XII вв. подобный подвес уменьшается в размерах и впоследствии совсем исчезает (рис. 5).

С точки зрения датировки эти детали особенно важны. Если в случае с рукоятью четкость изображения имеет большое значение, то даже самое мелкое или расплывчатое изображение данного типа подвеса уже является явным датирующим элементом.

Интересно, что на некоторых чеканных иконах на изображении подвеса можно увидеть небольшие кружки (один или несколько), что можно интерпретировать как прорезы на металле, аналогичные ванским образцам (рис. 5.5, 6, 8). По всей видимости, в ажурной же технике исполнены наконечники ножен сабель и мечей на многих памятниках X-XI вв.

¹⁸ К сожалению, графическая зарисовка могильника не столь детальна (См.: Вани. Археологические раскопки (на грузинском языке), т. IV, рис. 7).

¹⁹ Л. Чарелишвили указывает на то, что бляхи имеют аналогии в материалах памятников Северного Кавказа и что это дает возможность датировать ванское погребение XI веком (Чарелишвили Л. Из истории грузинского оружия (Хмали) // Квали натели (памяти Михаила Гегешидзе) (на грузинском языке). – Тб., 1998. – С. 85, 86). К сожалению, исследователь ограничивается только этим немногословным указанием. Автор указывает также, что погребение датируют найденные в нем наконечники стрел, в чем, в свою очередь, опирается на исследование В. Е. Артилаквы (Там же. – С. 85). Безусловно, наконечники стрел могут помочь в датировке погребений, однако, помимо книги В. Е. Артилаквы, исследований по грузинским средневековым наконечникам стрел не существует. К сожалению, раздел книги В. Е. Артилаквы, посвященный наконечникам стрел, грешит такими же ошибками, что и остальные части книги. Поэтому обоснование датировки погребения на основании наконечников стрел надо считать делом будущего.

Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье // Историко-археологический альманах. Вып. 3. – Армавир, 1997. – С. 63; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX-XIII вв. – Л., 1966. – С. 66; Laszlo, G. The art of migration period. – Budapest, 1974. – S. 72, 154, fig. 145.

Особенно интересны для датировки ванской сабли надгробные плиты из сел Ахалсопели (Бза) и Гохнари (Адзикви)²⁰. В этих селах исторической провинции Квемо Картли сохранились древние могильные плиты с изображением различных вещей, касающихся прижизненной деятельности усопшего, – сельскохозяйственных орудий, боевого оружия, предметов, используемых в богослужении и т. д.²¹ Р. О. Шмерлинг, исследовав церкви и надгробия упомянутых сел, считает правильным отнести их к X – началу XI в.²² Надгробия из Ахалсопели и Гохнари выполнены в простой, лубочной манере, смысл барельефов прост – рассказать об усопшем путем изображения тех предметов, которые лучше всего характеризуют жизнь покойного. Подобная реалистичность делает могильные камни из Ахалсопели и Гохнари еще более достоверным источником, чем фрески или чеканные иконы, где можно встретить византийское влияние, стилизацию, канонику и т. д.

Для нас особенно важно, что сабли²³, изображенные на могильных камнях, перекрестьем, слабым изгибом, а главное, своеобразным подвесом обнаруживают сильное сходство как с артефактами из Вани, так и с изображениями на грузинских фресках и чеканных иконах X–XI вв. Таким образом, опираясь на вышеприведенные изображения, мы полагаем правильным датировать ванскую саблю примерно рубежом X–XI вв.

Ванская сабля вписывается в общее развитие сабель X–XI веков. Так, изогнутая форма перекрестья ванской сабли (а также хевсуретского меча) характерна для сабель Восточной Европы второй половины X–XI вв.²⁴

Навершие рукояти грушевидной формы, характерное для аланских и венгерских древностей, не встречается позже XI в.²⁵ Малая кривизна клинка и сравнительно небольшая длина полосы также указывают на период ранее XII в.: X – первую половину XI в.²⁶ К сожалению, до нас не дошел подвес меча из Хевсурети, однако, принимая во внимание сильное сходство рукояти меча с руко-

²⁰ В 1974 г. часть надгробий из сел Ахалсопели и Гохнари была перенесена в Этнографический музей Грузии имени Г. Читая (Кекелидзе Р. Надгробные камни из Алгетского ущелья (на грузинском языке) // Дзеглис мегобари. – № 34. – Тб., 1974. – С. 29).

²¹ Надо отметить, что на тех плитах, где изображено боевое оружие, изображения сельскохозяйственных предметов, как правило, отсутствуют, и наоборот. Плиты отражают не только профессиональную деятельность усопших, но и социальный статус: видимо, плиты с оружием принадлежали местным профессиональным воинам – мелким дворянам, «азнаурам».

²² Шмерлинг Р. О. Архитектурные памятники района древних селений Адзикви и Бза // Сообщения Академии наук Грузинской ССР «Мацне». – Тб., 1969. – № 2, 1. – С. 108, 112, 116, 120, 126, 130.

²³ Р. О. Шмерлинг говорит о «длинных прямых мечах» (Там же. – С. 127).

²⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 68. У. Ю. Кочкаров определяет время бытования перекрестья этого типа чуть шире – X–XII вв. (Кочкаров У. Ю. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. По материалам Северо-Западного Предкавказья: Оружие ближнего боя: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – С. 41).

²⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 68.

²⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 67; Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего Средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане). – СПб, 1993. – С. 126.

ятью ванской сабли, а также с вышеупомянутыми изображениями, с большой долей вероятности можно предположить, что меч из Хевсурети относится к той же эпохе и, надо полагать, имел такой же характерный подвес.

* * *

В связи с датировкой ванской сабли встает вопрос о времени появления и распространения подобного вида оружия среди грузинских воинов, а также о времени вытеснения саблей меча. К сожалению, удовлетворительных ответов на эти важные для грузинского оружиеведения вопросы до сих пор нет.

Самый очевидный путь для решения этой проблемы, лингвистический, к сожалению, не вносит особой ясности. Для обозначения длинноклинкового оружия в грузинском языке наиболее распространены слова «хмали» (более старая форма «хрмали») и «махвили». В современном грузинском языке под словом «махвили», как правило, подразумевают меч, а под словом «хмали» – саблю. На основании анализа грузинских средневековых письменных источников исследователь Г. Д. Акопашвили пришла к интересному выводу, что использование «махвили» (имеется в виду меч) ограничивается IX-X вв. Примерно с X в. «махвили» выходит из употребления и его место занимает «хмали» («хрмали») (имеется в виду сабля)²⁷. Однако исследователь, не будучи оружиеведом, упустила из виду одну важную деталь: нет оснований считать, что грузинский язык развитого Средневековья делал те же различия между словами «хмали» и «махвили», что и современный разговорный грузинский язык²⁸. Следовательно

²⁷ Акопашвили Г. Д. Рыцарство в средневековой Грузии (на грузинском языке). – Тб., 1992. – С. 50.

²⁸ Например, в древнегрузинском тексте Ветхого Завета встречается использование «хрмали» и «махвили» как синонимов: «Ибо упился хрмали мой на небесах... Махвили Господа наполнится кровью...» (Ис. 34,5-6), в то время как в греческом варианте в обоих случаях написано «махаира» (*Джавахишвили Ив. А.* Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. IV. Военное облачение и военное дело (на грузинском языке). – Тб., 1962. – С. 248). В древнегрузинских переводах «Истории Орбелианов» Стефаноса Орбелиани упоминается «Орпири басри хмали» – обоюдоострый острый «хмали» (Иностранные источники истории Грузии. IV. Древнегрузинские переводы «Истории Орбелианов» Стефаноса Орбелиана / Грузино-армянские тексты подготовила к изданию, предисловием и указателем снабдила Е. В. Цагарейшвили (на грузинском языке). – Тб., 1978. – С. 34, Б). В своем классическом словаре толкового грузинского языка (нач. XVIII в.) грузинский лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани говорит, что «некоторые племена или сердца людей предпочитают изогнутые, а некоторые прямые “хмали”» (имеются в виду мечи или палаши) (*Сулхан-Саба Орбелиани*. Толковый словарь грузинского языка / Подготовил к изданию по автографическим рукописям И. Абуладзе (на грузинском языке). Т. I. – Тб., 1991. – С. 444). Грузинские просветители и ученые конца XVIII – начала XIX в. Иоане Батонишвили и Вахушти Батонишвили, описывая древнегрузинское оружие, «махвили» не упоминают вовсе, ограничиваясь словом «хмали» («хрмали») и т. д. (*Вахушти*. Описание Царства Грузинского (География Грузии) (на грузинском языке) / Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили, – Тб., 1941. 6, 36-40; Грузинская проза, книга VI, Иоане Батонишвили, Калмасоба (на грузинском языке). – Тб., 1984, – С. 7-577, «сачурвелни»). В свое время на эту особенность древнегрузинского языка обратила внимание исследователь средневековой грузинской одежды Н. В. Чопикашвили, к сожалению, не

но, появление в X в. слова «хмали» и замену им «махвили» нельзя понимать буквально.

Еще менее вероятно, что такие различия делал грузинский язык развитого Средневековья. Ранние грузинские сабли фактически снабжены мечевыми деталями рукояти, поэтому даже современные исследователи предпочитают именовать их мечами (см. выше). С другой стороны, изменения в лексике IX–XI вв., когда среди грузинских воинов, по всей видимости, распространяется сабля, вряд ли можно считать случайными. По-видимому, новое слово действительно пришло вслед за новым оружием, но, скорее всего, являлось просто синонимом, постепенно поглотившим старое название («махвили»). Примерно с XI в. слово «махвили» получает более широкое значение – режущего оружия вообще, «хмали» же – конкретно клинкового оружия²⁹.

Из-за незначительного количества археологического материала для решения вопроса о времени появления сабли в Грузии большое значение имеют изобразительные источники. В свое время известный грузинский историк, академик Ив. А. Джавахишвили отметил интересный факт: если на фреске в Бетании царевич Лаша-Гиорги изображен с мечом, то на фреске в Бертубани, изображающей царя Лашу-Георгия, мы уже видим саблю, т. е. с 20-х гг. XIII в. изображение сабли уже встречается³⁰. Однако наличие сабли на фреске в Бертубани никак не является иллюстрацией ее появления в грузинской воинской среде, скорее, это можно назвать признанием нового вида оружия в церковном искусстве.

В. Е. Артилаква считал, что, «согласно археологическим материалам, прямые мечи в Грузии были в употреблении до X–XI вв.»³¹, «...начиная с XII–XIII вв. изготавливаются уже слегка прогнутые мечи... А на фресках и миниатюрах последующих времен мы уже встречаем изображения только слегка изогнутых мечей (сабель)...»³². Однако фактический материал, приведенный автором, не состоятелен. Коснулась этой проблемы и Н. Чофикашвили, сделав, однако, противоречивые выводы³³.

приведя конкретных примеров (*Чопикашвили Н. В.* Грузинский костюм (VI–XIV вв.) (на грузинском языке). – Тб., 1964. – С. 62). По всей видимости, такое понимание упомянутых терминов пришло в грузинский под влиянием русского языка.

²⁹ *Акопашвили Г. Д.* Рыцарство в средневековой Грузии. – С. 53.

³⁰ *Джавахишвили Ив. А.* Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. – С. 253.

³¹ *Артилаква В. Е.* Железообрабатывающее ремесло древней Грузии. – С. 37.

³² Там же. – С. 126.

³³ Н. В. Чопикашвили на основании фресок в Тцаленджихе и Лагами предполагает, что в XIV в., несмотря на появление сабли, меч остается основным видом оружия (*Чопикашвили Н. В.* Грузинский костюм. – С. 62). Однако ранее исследовательница принимает сложившуюся точку зрения, что меч в начале XIII в. (или в первой половине XIV в.) был вытеснен саблями (Там же. – С. 39; С. 60). Надо отметить, что этот вопрос был затронут и в работе А. Н. Кирпичникова и В. П. Коваленко с указанием на работы Д. Николя: «Судя по многочисленным изображениям кривых клинков, они, довольно редкие в XI в., столетием позже получили определенное распространение в Иране, Грузии, Азербайджане, Армении, Анатолии, Египте» (*Кирпичников А. Н., Коваленко В. П.* Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего Средневековья. – С. 127).

Как известно, на территориях, географически очень близких к Грузии (Северное Причерноморье, Предкавказье), сабля появилась уже в VII–VIII вв.³⁴, что само по себе заставляет усомниться в том, что в Грузию сабля проникла лишь к XII в. Ванская находка, изображения сабель на могильных плитах Ахалсопели и Гохнари указывают, что сабля была хорошо известна грузинским воинам не позже начала XI в.³⁵ Гибридные мечевидные рукояти этих сабель позволяют предположить, что процесс эволюции происходил, возможно, не без влияния кочевых народов Северного Предкавказья, однако на основе местных форм оружия, в первую очередь мечей, находки которых в Северо-Западном Предкавказье с VIII по XIV вв. неизвестны³⁶.

Можно предположить, что распространению сабли способствовало появление в Грузии турок-селджуков, а также появление в грузинской армии в 1091 г. большого количества кипчаков после реформы Давида IV Строителя³⁷. Тем не менее надо признать, что на грузинских фресках и чеканных иконах X–XIV вв. изображения мечей действительно преобладают, причин чему может быть несколько. Во-первых, надо полагать, что в Грузии процесс распространения сабли и последующего исчезновения меча занял не одно столетие, так же, как это произошло, например, на Руси или в восточных и центральных регионах ислама³⁸. Во-вторых, надо принять во внимание, что рукояти и перекрестья грузинских мечей и ранних сабель очень похожи. Ранние сабли слабо изогнуты, а в своем большинстве клинки на фресках изображены в ножнах. Незначительная кривизна ножен может разве что указывать на то, что перед нами изображения сабли, а не меча (что, впрочем, может быть и результатом небрежности мастера). В-третьих, нельзя ли предположить, что грузинское церковное искусство видело в сабле некую чуждость, если можно так выразиться, «поганость», отождествляя с ней образ воина-кочевника?! Если мелкие детали вроде эфеса или подвеса сознательно или подсознательно влияли на работу иконописца,

³⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 61; Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего Средневековья. – С. 126; Кочкаров У. Ю. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. – С. 27, 28.

³⁵ В связи с этим интересно, что в некоторых могильниках Душетского р-на, в слоях III–IV вв. обнаружены прямые однолезвийные клинки длиной до 90 см (размер с череном рукояти). Как известно, подобного рода оружие принято считать исходной точкой в эволюции сабли (Кочкаров У. Ю. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. – С. 11). Предметы хранятся на базе Жинвальской археологической экспедиции в г. Душети. Благодарим господина Р. Р. Рамишвили, любезно согласившегося ознакомить нас с указанными предметами.

³⁶ Кочкаров У. Ю. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. – С. 52.

³⁷ В последнее время утверждается мнение о том, что количество кипчаков, переселившихся в Грузию при Давиде IV Строителе, не превышало 25 000 человек, среди которых количество воинов составляло не более 5000 (вопреки средневековой летописи, где говорится о примерно 200 000 кипчаков) (Маргшвили С. Мифы и реальность о царствовании Давида Строителя. Война против Селджукского мира. – Тб., 2006. – С. 93–98). Однако в любом случае можно предположить, что вооружение кочевников повлияло на грузинское вооружение.

³⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 66; Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего Средневековья. – С. 127.

то не была ли сабля намеренно исключена из канонического изображения святых воинов? Не случайно, что изображение сабли мы впервые встречаем на «лубочных» могильных плитах, впоследствии на светском портрете ктитора, который, надо полагать, этнографически более правдоподобен, нежели изображения религиозного характера.

Можно предположить, что меч окончательно пропал из арсенала грузинских воинов лишь после вторжения монголов³⁹. Возможно, меч дольше сохранился в Западной Грузии, которую меньше коснулось монгольское нашествие. Быть может, не случайно, что в Лагами (вторая пол. XIV в.) (рис. 5.20) на величественном ктиторском портрете Шалвы Кириклиани изображен прямой меч⁴⁰.

* * *

Принимая во внимание редкость археологического материала, при изучении грузинского средневекового оружия особенно важно учитывать основные процессы развития оружия, происходившие в регионе в X–XI вв. Нам видятся два течения, наиболее сильно влиявшие на развитие грузинского оружия. С одной стороны, это влияние кочевых народов, идущее со стороны Северного Предкавказья, – аварское, венгерское, аланское, кипчакское, а с другой – влияние византийского оружия, известного нам большей частью по изобразительным источникам.

Как говорилось выше, ванская сабля демонстрирует некоторое сходство с саблями из богатых аланских погребений⁴¹ и саблей Карла Великого⁴². В основном это касается прибора ванской сабли (грушевидное втульчатое навершие, изогнутое перекрестье с втулкой, характерные подвесы). Сабли из Вены и аланских погребений близки к ванской находке и по датировке – вторая половина XI – первая половина XII в.⁴³ Однако, если и были сабли из курганов Северного Кавказа и Венской штацкамеры изготовлены в аланских⁴⁴, венгерских⁴⁵, киевских или восточноевропейских⁴⁶ мастерских, можно говорить лишь о некотором внешнем сходстве, возможно, о взаимном влиянии, но не более.

³⁹ Как известно из рассказов путешественников и редких археологических находок, монголы пользовались саблями (Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск, 1991. – С. 130, 131).

⁴⁰ Чопикашвили Н. В. Грузинский костюм. – С. 37, 39.

⁴¹ Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье. – С. 63.

⁴² Киричников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – Л., 1966. – С. 66; Laszlo, G. The art of migration period. S. 72, 154, fig. 145.

⁴³ Киричников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 66; Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье. – С. 63.

⁴⁴ Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье. – С. 63.

⁴⁵ Laszlo, G. The art of migration period. S. 72, 154; Киричников А. Н., Коваленко В. П. Оружия, датированные и подписные клинки сабель раннего Средневековья. – С. 127.

⁴⁶ Киричников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 66.

В конструкции рукояти есть и существенное отличие: если у первой группы сабель рукоять несколько наклонена к лезвию, то прямая рукоять ванской сабли (а также сабель, изображенных на могильных плитах Ахалсопели и Гохнари) как бы еще продолжает местную традицию мечевого производства.

При взгляде на меч из Хевсурети невольно вспоминаются слова ал-Кинди о том, что «мечи Рума сделаны из мягкого железа, стройны и просты, не имеют дола»⁴⁷. Изображения мечей на византийских памятниках того времени также имеют большое сходство как с хевсуретским мечом, так и с грузинскими современными изображениями мечей. Хороший пример тому – широко известный триптих из Арбавиля (конец X – первая половина XI в.). Однако булатный клинок⁴⁸ меча из Хевсурети указывает скорее на восточное или местное его происхождение⁴⁹. Широкий плоский клинок и втульчатые железные части рукояти Хевсуретского меча имеют сильное сходство с некоторыми древними мечами из Музея Армии в Стамбуле. К сожалению, их происхождение не совсем ясно⁵⁰. Версия об изготовлении мечей в исламском регионе с оглядкой на византийские образцы видится нам очень интересной. С другой стороны, нам кажется, что меч из Хевсурети в совокупности с грузинскими изображениями клинков X–XI вв. позволяет предположить более раннее производство мечей из стамбульского музея, нежели середина XIV в.⁵¹

⁴⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. – С. 44.

⁴⁸ Наше утверждение, что клинок меча из Хевсурети откован из булата, основывается лишь на визуальном осмотре предмета. Безусловно, без специального металлографического исследования это не более чем рабочая гипотеза.

⁴⁹ Надо отметить, что у нас нет каких-либо свидетельств о производстве булата в Грузии в указанное время, однако известно, что в Тифлисе еще в IX в. были мастера, прекрасно умевшие работать в том числе и с импортным индийским вутцом (*Чолокашвили К. К.* К истории оружейного производства в Грузии (по этнографическим материалам): дисс. ... канд. ист. наук (на грузинском языке). – Тб., 1961; *Чолокашвили К. К.* Из истории грузинского булата. – Тб., 1964. – С. 6; *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. – М., 1995. – С. 170–174). Поэтому мы считаем возможным допустить подобное и в Средневековье.

⁵⁰ Оставляя открытым вопрос о византийском или исламском происхождении оружия (Alexander, D. G. *European Swords in the Collections of Istanbul: Part 1. Swords from the Arsenal of Alexandria // Waffen und Kostümkunde* 27 (1985). P. 87), D. G. Alexander выделил две группы рукоятей с так называемыми грибовидными навершиями (группы XIV и XV). Для первой группы характерны закругленные кончики перекрестья или в виде стилизованных голов животных. На некоторых клинках имеются также надписи, посвященные эмиру Яблуге. Однако предположение, что это может быть атабек Каира Яблуга ат-Тамури (1361–1366) очень условно (Там же. – С. 87). Тем более что автор упоминает грибовидное навершие примерно 1000 г. (Там же. – С. 90). В целом исследователь считает эти мечи провинциальной работой, возможно, подражанием византийским мечам (Там же. – С. 90). Для второй группы, выделенной исследователем, характерно перекрестье с «манжетом». С большой осторожностью D. G. Alexander предполагает североафриканское или испанское происхождение клинка XIV в. (Там же. – С. 90).

⁵¹ Интересно, что исследователь обращает внимание на то, что мечи, подобные первой группе, изображены на византийских и грузинских иконах, однако грубая грузинская чеканка XIV–XV вв., сделанная с оглядкой на великолепные образцы X–XII вв., вряд ли является хорошим тому примером (Там же. – С. 89).

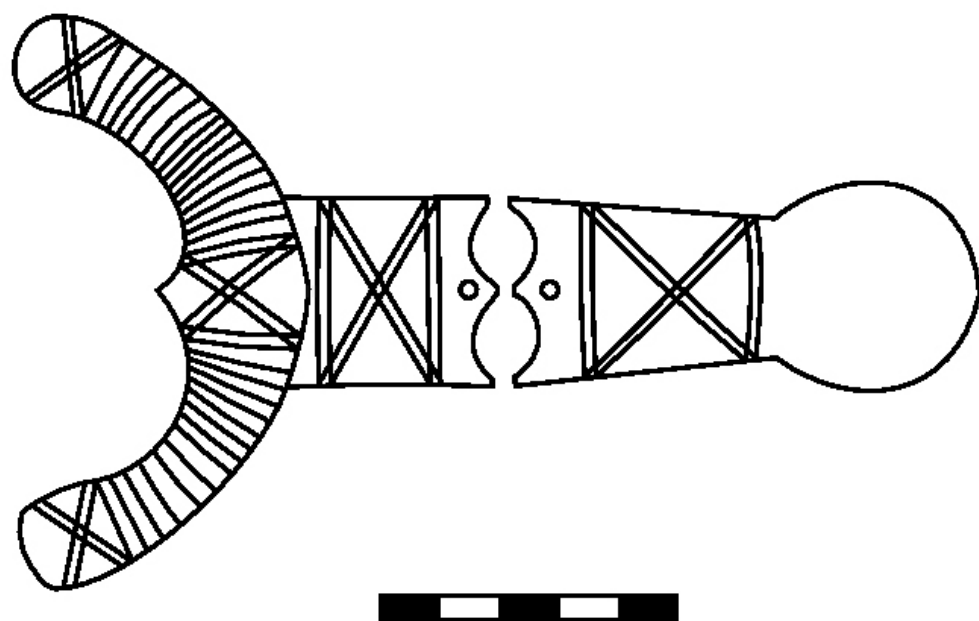

Рис. 4. Прорисовка рукояти меча из Хевсурети

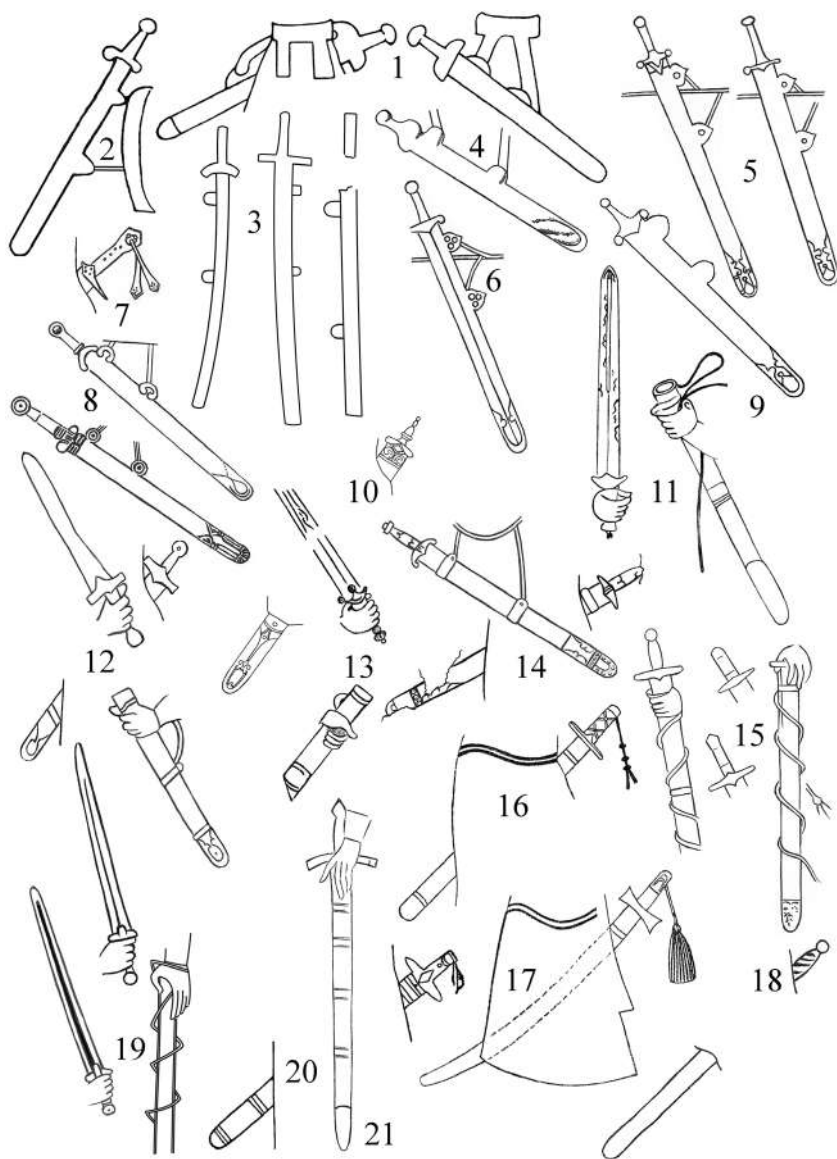

Рис. 5. Древнегрузинские изображения мечей и сабель (X–XIV вв.)¹. 1 – Кваиса-джвари. Рельеф с изображением сыновей Тбелского еристава (вторая половина X в.) (по Н. В. Чофикашвили). 2 – чеканная икона из Шемокмеди (X в.). 3 – надгробные плиты из сел Ахалсопели (Бза) и Гохнари (Адзикви) (X – начало XI вв.). 4 – чеканная икона из Хирхониси. Святой всадник (Св. Георгий (?), X в.) (по В. Е Артилаква). 5 – чеканные иконы из Бравалдзали. Пеший Св. Георгий и

¹ Надо отметить, что некоторые из изображенных здесь чеканных икон погибли во время антирелигиозного движения 20-х годов XX в. Прорисовки делались на основе фотографий, приведенных в работе Г.Н. Чубинашвили (Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тб., 1959).

пеший Св. Фёдор (конец X – начало XI в.). 6 – чеканная икона из Чукули. Св. Георгий (ок. 1000 г.). 7 – чеканный крест из Самтависи. Св. Фёдор (?) (ок. 1030 г.). 8 – Никорцинда. Рельеф тимпана западного портала. Св. Георгий. Рельеф восточного фасада. Св. Георгий (до 1014 г.). 9 – чеканная икона из Бравалдзали (Парахети). Конный Св. Георгий (конец X – начало XI вв.). 10 – чеканная икона из Джумати. Пеший Св. Георгий. Вклад ериставт еристава Вардана Варданисдзе (по В. Артилакв) (XI в.). 11 – Ифрари. Фреска Св. Архангела Михаила (1096 г.). 12 – чеканное навершие знамени из Сванети (XII в.). 14 – Мацхвариши. Фреска коронации Деметре I-го. Фреска Св. Георгия (1140 г.). 15 – Тимотесубани. Фрески Св. воинов (1205-1215 гг.). 16 – Бетания. Фреска Лаши-Георгия (1207-1213 гг.) (по Н. В. Чофикашвили). 17 – Бертубани. Фреска Лаши-Георгия (начало XIII в.) (по Н. В. Чофикашвили). 18 – Ачи, фреска Св. Георгия (конец XIII в.). 19 – Лаштхвери. Фреска Св. Архангела Михаила, Св. Дмитрия (XIV в.). 20 – Лагами. Фреска Шалвы Киркишлиани (вторая половина XIV в.) (по Н. В. Чофикашвили). 21 – Убиса. Фреска Св. воина (начало XIV в.).

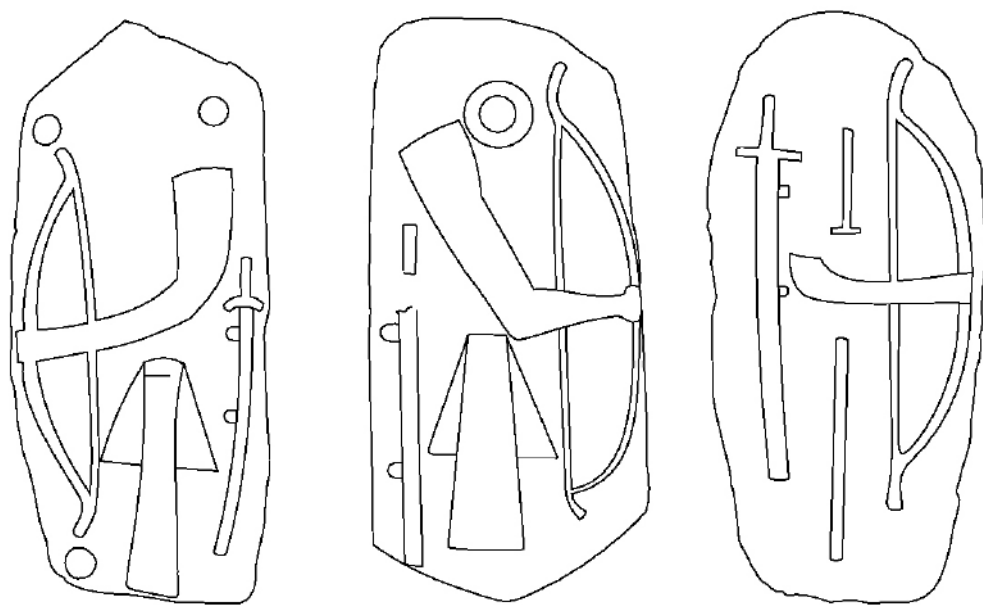

Рис. 6. Прорисовка надгробных плит из сел Ахалсопели (Бза) и Гохнари (Адзикви)

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА (по археологическим материалам)

История Сибирского ханства сегодня вызывает большой интерес исследователей, что вполне объяснимо. Государственное образование, оформившееся в Западной Сибири в XVI в. на основе Тюменского юрта, сыграло значимую роль в исторических судьбах не только сибирских народов, но и Российского государства в целом. Проблемы истории Сибирского ханства поднимались историками, этнографами, и с недавнего времени начали рассматриваться археологами. В то же время одной из наименее изученных страниц в истории развития военного дела народов Северной Азии является вооружение населения Сибирского ханства, лишь сравнительно недавно ставшее объектом исследований со стороны оружейников. Причины такого положения дел можно найти в некоторых особенностях развития науки. Памятники и музейные материалы эпохи позднего Средневековья долгое время не привлекали внимания археологии, поскольку относились скорее к области этнографии или истории. В результате фонд вещественных источников для изучения данного периода не накапливался, не сохранялся и не изучался. Вопросы военного дела и вооружения рассматривались в рамках иных подходов – на основе фольклорных, письменных или изобразительных источников. Кроме того, история таких периферийных регионов, как Западная Сибирь, не считалась достойной внимания большой науки; военное дело коренного населения кратко освещалось, главным образом, в связи с походом Ермака – событием эпохальным для судеб как Сибири, так и Московского государства¹. Только в 1990-х гг. на основе интеграции археологических и этнографических исследований поднимается волна интереса к памятникам материальной культуры предков современных сибирских народов².

¹ См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1986.

² *Могильников В. А.* Позднесредневековые материалы комплекса памятников у д. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень, 1997; *Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск, 1990; *Соловьев А. И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири в Средневековье. – Новосибирск, 1987; *Худяков Ю. С., Бобров Л. И.* Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина. // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С. 99–102.

Исследования, посвященные вопросам вооружения и военного дела сибирского населения эпохи позднего Средневековья, крайне немногочисленны. Фундаментальное исследование А. И. Соловьева ограничивалось материалами Барабы, а также раннего и развитого Средневековья угорских народов тайги³. Комплексы вооружения угорских народов от эпохи раннего железного века до позднего Средневековья рассматривал А. П. Зыков⁴. Историография изучения вооружения и военного дела собственно сибирских татар исчерпывается несколькими статьями⁵. Используя археологические материалы из позднесредневековых комплексов Барабы, Среднего и Нижнего Прииртышья, авторы реконструируют комплекс вооружения сибирского татарского воина. Отмечая редкость находок предметов защитного вооружения в памятниках сибирских татар, Ю. С. Худяков и Л. А. Бобров приходят к выводу о низком уровне развития средств защиты в войске хана Кучума, что повлияло и на тактику последнего: «Сравнительно редко они вступали в ближний бой, уступая противнику в средствах защиты»⁶. При этом реконструировать внешний вид использовавшихся сибирскими татарами доспехов авторам не удалось из-за недостатка вещественных источников. Таким образом, вопросы использования воинами Сибирского ханства защитного вооружения, степени его распространенности, внешнего облика и конструктивных особенностей остался открытым. Между тем ответы на них позволят не только расширить современные представления об уровне развития военного дела у сибирских аборигенов, но и по-иному поставить проблемы политической и культурной истории региона, взаимоотношений с Москвией и Средней Азией.

Письменные источники по истории средневековых государственных образований аборигенов Сибири сравнительно немногочисленны и не уделяют внимания такому вопросу, как состав и специфика снаряжения и вооружения воинов. Новая геополитическая ситуация, сложившаяся в результате включения территории Сибирского ханства в состав Московского государства, потребовала от русской администрации знания особенностей военного дела восточных и южных соседей. Начинается сбор сведений о защитном и наступательном оружии народов Центральной Азии, об особенностях военной организации, тактики и стратегии, но объектом интереса становятся, разумеется, потенциальные соперники и союзники, а отнюдь не покоренное еще Ермаком население Сибирского ханства. Информацию по интересующему нас вопросу содержат, пожа-

³ Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири в Средневековье. – Новосибирск, 1987.

⁴ Зыков А. П. Угорское наследие. – Екатеринбург, 2002.

⁵ Герасимов Ю. В., Шлюшинский А. В. Доспех позднесредневекового воина из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск–Омск, 2006. – С. 248–252; Герасимов Ю. В., Шлюшинский А. В. Комплекс защитного вооружения татар XV–XVII вв. (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск–Омск, 2006. – С. 135–139; Худяков Ю. С. Хан Кучум и его воины // Родина. – 2000. – № 5; Худяков Ю. С., Бобров Л. И. Указ. соч. – С. 99–102.

⁶ Худяков Ю. С., Бобров Л. И. Указ. соч. – С. 101.

луй, только «скаска» казаков, пришедших вместе со своим атаманом покорять землю неведомую, но и здесь описания вооружения и снаряжения противника имеют крайне лапидарный и обобщенный характер. Более поздние записки путешественников по Сибири ориентированы, главным образом, на этнографию коренных народов и, хотя содержат некоторые сведения по культурной и политической истории региона, заполнить существующий пробел не могут. Кроме того, часть этих материалов до настоящего времени не введена в широкий научный оборот и остается недоступной для специалистов. Ограниченность и разрозненность источниковой базы стала препятствием и для историков XIX в., ориентировавшихся, главным образом, на письменные сведения.

Этнографические источники, а в частности эпос сибирских татар, также редко содержат описание комплекса вооружения воинов. Чаще всего информаторы сообщают об использовании лука, реже – о холодном оружии и кольчуге.

Изучение археологических памятников сибирских татар значительно расширило источниковую базу исследований по обозначенной нами проблеме. Комплексное использование археологических, исторических и этнографических материалов позволило реконструировать набор вооружения воина Сибирского ханства.

Судя по археологическим свидетельствам, подтверждающим эпические сведения, основным оружием сибирских татар являлся лук со стрелами. Остатки одиннадцати составных цельнодеревянных и с костяными накладками луков обнаружены в могильниках Абрамово 10 и Кыштовка 2, расположенных в Барабинской лесостепи⁷. Скорее всего, цельнодеревянные конструкции были ведущей формой лука в Западной Сибири, что соответствовало универсальным тенденциям развития ручного метательного оружия в позднем Средневековье. Цельнодеревянные луки состояли из двух тщательно обработанных и подогнанных друг к другу пластин из дерева разных пород. В центральной части лук утончался в продольном сечении, но расширялся в поперечном для уменьшения гибкости. С той же целью концы луков изготавливались из отдельных кусков дерева или кости. Общая длина кибиты составляла 120–140 см.

Наконечники стрел – частые находки на памятниках Средневековья. На вооружении татарских лучников находились стрелы с разнообразным набором железных и костяных наконечников, различие форм которых было связано с функциональным назначением. Татарские воины применяли стрелы с массивными широкими наконечниками и округлым, тупым или вильчатым острием, предназначенные для нанесения болезненной кровоточащей раны. Для пробивания панцирной брони, рассечения и раздвижения колец кольчуги татарские воины использовали бронебойные четырехгранные и линзовидные стрелы. Среди металлических наконечников преобладали небольшие по размеру, плоские, асимметрично-ромбические и боеголовковые, предназначенные для борьбы с незащищенным доспехом противником. С той же целью наряду с железными применялись стрелы, оснащенные различных форм костяными наконечниками.

⁷ Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск, 1990.

Использование костяных наконечников в боевых целях документируется находками таковых в костяках погребенных. Отработанная веками технология и простота изготовления позволяли производить костяные наконечники любому воину, охотнику и даже подростку, овладевающему навыками будущей взрослой «производственной» жизни⁸. Численность костяных наконечников стрел значительно превышала металлические. Общее соотношение для памятников Барабинской лесостепи составляет 71 – железных и 72 – костяных; для памятников Прииртышья 63 и 67 соответственно. Стрелы хранились в кожаных колчанах вычурной формы, украшенных орнаментом и металлическими бляшками.

Для ближнего боя воины Сибирского ханства использовали в основном кинжалы и топоры; сабли и копыя получили значительно меньшее распространение. В распоряжении исследователей имеется один экземпляр сабли и три наконечника копия, обнаруженные в могильниках Барабы⁹.

Археологические материалы по защитному вооружению сибирских татар вплоть до недавнего времени оставались крайне немногочисленными. Так, в могильнике Малый Чуланкуль 1 (Венгеровский район Новосибирской области), оставленном барабинскими татарами¹⁰, обнаружены два фрагмента различных типов доспеха. Оба происходят из разграбленных погребений; сохранившиеся части не позволяют восстановить ни размеры, ни конструктивные особенности панцирей. В первом погребении кургана № 6 обнаружена сломанная панцирная пластина, имеющая форму вытянутого прямоугольника размерами 9 × 3,5 см. По мнению авторов, наиболее вероятно ее принадлежность к чешуйчатому панцирю на мягкой основе, хотя покрой и размеры последнего восстановить не удастся¹¹. Из погребения 1 кургана № 10 происходят обрывки кольчуги. Плетение набиралось из железных колец диаметром 8 мм, изготовленных из круглой проволоки диаметром 1–1,5 мм. По мнению исследователей, плетение состояло из сварных колец, соединенных между собой клепаными. В данном случае покрой и размеры защитной одежды также не поддаются определению.

Ю. С. Худяков и Л. А. Бобров, говоря об использовании сибирскими татарами защитного вооружения, упоминают не только барабинские материалы, но и кольчуги, обнаруженные на городище Искер¹². Упомянутыми находками вплоть до недавнего времени исчерпывались археологические материалы по защитному вооружению воинов Сибирского ханства. Поэтому большой интерес представляет уникальная находка целого панциря, обнаруженного при раскоп-

⁸ Шлюшинский А. В. Костяные наконечники стрел с этнографо-археологических комплексов Надеждинка IV, VII, Бергамак II, III // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 229–230.

⁹ Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск, 1990.

¹⁰ Там же. – С. 26.

¹¹ Там же. – С. 77.

¹² Худяков Ю. С., Бобров Л. И. Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С. 101.

ках могильника Окунево 7, расположенного в Муромцевском районе Омской области (рис. 1).

Курганный могильник находится в 1,7 км к западу-северо-западу от д. Окунево в северной и центральной частях Татарского увала.

В могилах обнаружены датирующие предметы, развалы сосудов, остатки перекрытий, бусы, пронизки, медные украшения, раковины каури, каменные скребки, фрагменты керамики, каменные и железные наконечники стрел, бисер, счетные жетоны, русские деньги (серебряная денга), железный нож, огниво (кремь и кресало). Часть могил (некоторые средневековые) имеет следы деревянных перекрытий.

Памятник, представляющий собой многослойный некрополь, содержит погребения позднего неолита – ранней бронзы, раннего железного века, раннего и позднего Средневековья. История его изучения насчитывает уже более трех десятков лет, результаты исследований опубликованы в достаточно полном объеме¹³. Открыт он был А. И. Петровым в 1979 г., исследовался В. А. Могильниковым в 1981, В. И. Матющенко в 1985, 1987–1992, 1998–1999 и 2003 гг. В общей сложности исследовано почти три сотни погребений, из которых 107 датируются XVI–XVII вв.¹⁴ и, по мнению исследователей, оставлены группой тарских татар (аялы)¹⁵. Указанный комплекс могил донес до нас небольшую, но интересную коллекцию предметов вооружения, которая включает наконечники стрел, детали конской упряжи, кинжалы, ножи и доспех. Полученный материал позволяет воссоздать внешний облик и состав вооружения сибирских воинов эпохи вхождения в Московское государство, что представляется весьма важным для изучения особенностей военного искусства аборигенного населения. Собранная коллекция оружия как таковая до настоящего времени не публиковалась, хотя отдельные ее элементы неоднократно использовались исследователями¹⁶. Все

¹³ Матющенко В. И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево [ОМ VII] // Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3. – Омск, 2003; Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск, 1994; Могильников В. А. Позднесредневековые материалы комплекса памятников у д. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень, 1997.

¹⁴ Герасимов Ю. В., Горбунова Т. А. Позднесредневековый комплекс могильника Окунево VII: итоги и перспективы изучения // V Конгресс антропологов и этнографов России. – Омск, 2003.

¹⁵ Матющенко В. И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево; Могильников В. А. Позднесредневековые материалы комплекса...

¹⁶ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 106–169; Герасимов Ю. В. Оружие в погребальном обряде тюркского населения Барабы XVI–XVII вв. (по археологическим материалам) // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 2008. – С. 138–144; Герасимов Ю. В., Шлюшинский А. В. Доспех позднесредневекового воина из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск, 2006. – С. 248–252; Герасимов Ю. В., Шлюшинский А. В. Комплекс защитного вооружения татар XV–XVII веков (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск, 2006. – С. 135–139.

полученные материалы (коллекция, полевая документация и экземпляр отчета) поступили в фонды Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, где хранятся и поныне¹⁷.

Предметы вооружения содержались лишь в единичных погребениях, из общего числа исследованных к настоящему времени достоверно можно говорить только о десяти таких могилах. В пяти из них подобные находки представлены единичными предметами: железный наконечник стрелы в могиле № 33, по одному костяному – в могилах № 74 и № 188, по одному ножу – в могилах № 221 и № 228; с точки зрения реконструкции комплекса вооружения эти объекты малоинформативны¹⁸. В могиле № 220 найдены железный нож, 1 железный и 3 костяных наконечника стрел, расположенные в ногах погребенного, что позволяет предположить помещение их в захоронение как имитацию колчана. Могила № 229 содержала по одному железному и костяному наконечнику стрел и нож, обнаруженные у бедра погребенного. Наиболее полные комплекты, позволяющие составить представление о вооружении и снаряжении конного воина Сибирского ханства, были получены при исследовании трех комплексов, описания которых приведены ниже¹⁹.

Могила № 248 содержала погребение взрослого мужчины. Сопроводительный инвентарь: железные стремена, кольчатые удила и набор стрел, помещенных либо в колчане, от которого не сохранилось деталей, либо же одной связкой, которая, скорее всего, колчан имитировала. В состав колчанного набора включены девять железных и один костяной наконечники стрел. Из числа железных наконечников три относятся к типу срезней с разными формами пера, три – ромбических в сечении с удлинненно-ромбовидной боевой головкой, один – иволистный с линзовидным сечением, один – долотовидный. Костяной наконечник имеет ромбическое сечение и боевую головку подтреугольной формы. Интересной деталью захоронения является разрушение верхней части костяка, совершенное, скорее всего, после распада соединительных тканей; не исключено, что какая-то часть сопроводительного инвентаря была утрачена в результате осквернения погребения.

Могила № 260, в отличие от вышеописанной, прослеживалась по наличию небольшой насыпи высотой до 0,25 м, при разборке которой был обнаружен бронзовый котел, лежавший вверх дном. При его расчистке получен богатый набор предметов, включавший придонную часть небольшого котелка, обломки двух ножей, кресало, фрагмент деревянного сосуда, бронзовый колокольчик, костяной кинжал, обломок оселка, фрагмент керамического сосуда, а также обломки неопределимых железных изделий. Впрочем, не исключено, что это подношение относилось либо к соседней могиле № 259, расположенной под одной насыпью с описываемой, либо к обеим сразу. Погребенный был уложен на спине, головой на СЗ, руки вытянуты вдоль тела, кисти покоились на тазовых костях; детали по-

¹⁷ Матюценко В. И. «Работы на могильнике Окунево VII в полевом сезоне 1999 г. Полевая документация» // Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, дело № 158 – 5 ф. IV, коллекция № 235 – 9.

¹⁸ Матюценко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск, 1994.

¹⁹ Матюценко В. И. «Работы на могильнике Окунево – VII в полевом сезоне 1999 г. Полевая документация» // Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, дело № 158 – 5 ф. IV, коллекция № 235 – 9.

гребального ритуала ничем не отличались от общего канона памятников этого круга. Снаряжение верхового коня в сопроводительном инвентаре представлено железными кольчатыми удилами и тремя железными язычковыми пряжками подпрямоугольной формы, две из которых аналогичны друг другу. У левой голени погребенного обнаружен железный проушной топор, под которым лежали один плоский ромбовидный железный и четыре костяных наконечника стрел остриями вниз, а также железная пряжка овальной формы; еще одна пряжка близких очертаний найдена у левого колена. На левом тазобедренном суставе лежал сложенный железный нож, а на локтевом – железный и костяной наконечники стрел; еще один железный наконечник обнаружен под крестцом погребенного.

Наиболее интересный комплекс был получен в результате исследований в 1999 г. могилы № 267 (рис. 2), на поверхности обозначенной едва заметным всхолмлением. Никаких остатков надмогильного сооружения или иных признаков особого статуса умершего, отличающегося от остальных погребенных, не отмечено. При выборке насыпи был обнаружен железный проушной топор, располагавшийся, как позже выяснилось, в районе груди умершего. Положение костяка в могиле также соответствовало канонам, известным по другим захоронениям комплекса, но сопроводительный инвентарь резко выделял это погребение в ряду остальных. Вдоль левой ноги лежали разрозненно три костяных и пять железных наконечников стрел остриями по направлению ног, в области коленного сустава обнаружены две железные круглые язычковые пряжки, обломок круглой бронзовой бляхи и железный колчаный крюк, а левее таза – компактная группа костяных наконечников стрел, обращенных остриями по направлению к голове. Описанные детали дают основание предполагать, что стрелы были помещены в могилу в колчане, украшенном бронзовой бляхой, с портупейным ремнем. У левой плечевой кости лежал сильно коррозированный железный нож (кинжал?) с деревянной рукоятью, торцевая часть которой была украшена выпуклой бронзовой пластинкой овальных очертаний. Наибольший интерес из находок представляет полный набор панцирных пластин, уложенный на дно могилы в качестве погребального ложа (рис. 3, 4).

Все пластины изготовлены из железа. Полный набор включает около 130 единиц различных форм и размеров (рис. 5); возможно, еще 5 или 6 пластин в центральной части доспеха разрушены; к сожалению, характер разрушения установить пока не удалось. Вследствие коррозионных процессов на многих пластинах повреждены кромки, хотя и незначительно, и не фиксируются крепежные отверстия. Толщина пластин колеблется в пределах 2-3 мм. По размерам и форме пластины можно разделить на пять групп:

1. пластины прямоугольной формы, размеры колеблются в пределах 11,5...10 × 8...7 см, всего 31 (32) пластина; преобладающие размеры в данной группе – 10 × 7 см (27 шт.);
2. пластины прямоугольной формы 9,5...9 × 7...8 см, всего 80–82 шт.; в этой группе преобладают экземпляры размерами 9 × 7 см (70 шт.);
3. квадратные пластины 8,5...8 × 8,5...8 см, всего 7 или 8 шт;

4. квадратные пластины размером 6,5...6 × 6,5...6 см, всего 6 шт;
5. нестандартные пластины (со срезанным краем и углом, с фигурными вырезами), размерами 3,5...5,5 × 8...8,5 см, всего 7–9 шт.

Расположение каждой пластины в панцирном наборе лишь приблизительно коррелирует с ее размерами и конфигурацией, за исключением пластин последней группы, которые все располагались в верхней части; скорее всего, они использовались для оформления проймы и горловины доспеха. Наблюдаемое расхождение в размерах в пределах каждой из групп, на наш взгляд, объясняется необходимостью подгонки отдельных пластин для обеспечения желаемого сочленения рядов набора.

Основной набор доспеха состоял из семи горизонтальных рядов, каждый из которых включал по 15 или 16 пластин различных форм, защищавших спину и грудь воина, и двух рядов по 5 и 6 пластин сверху наспинной и нагрудной частей; прикрытия плеч включало 14 пластин. Приведем более подробное описание рядов доспеха.

Нижний ряд состоял из 16 пластин первой группы, т. е. наиболее крупных, набранных таким образом, что каждая левым краем (относительно положения в могиле, не учитывая возможности выворачивания доспеха) перекрывала предыдущую на 8–10 мм, это правило соблюдалось и во всех остальных рядах; общая ширина ряда составляла 10–10,5 мм, а длина достигала 110 см. Во втором присутствуют пластины первой и второй групп, всего 16 единиц; из-за разной высоты элементов набора высота ряда колеблется в пределах 9–10 см, а длина аналогична предыдущему. Третий ряд также включает в свой состав пластины двух групп, но собран из 15 штук; тем не менее за счет разницы в ширине отдельных пластин по длине он вполне сопоставим с вышеописанными. Следующие три ряда набирались преимущественно из пластин второй группы, по 14 в каждом, и только крайние относятся к первому типу. Следует учесть, что по 2 или 3 нагрудных и наспинных пластины пятого и шестого рядов сильно разрушены, поэтому их точные размеры установить не удастся. Общая ширина массива составляет 25–27 см при длине 108–110 см. Седьмой ряд собран из 14 пластин второй группы, имеет ширину 9 см и равную с предыдущими шестью рядами длину. Описанные семь рядов набора образуют основную часть панциря, прикрывавшую корпус воина до плечевой проймы. Верхнюю часть груди защищали 5, а верхнюю часть спины – 6 пластин восьмого ряда, принадлежащие к третьей и четвертой группам. Прикрытие левого плеча образовывали 2 пластины второй группы, 2 – четвертой и 2 или 3 – пятой, а правого – 4 или 5 пластин пятой группы и 2 – третьей; еще одна или две пластины пятой группы усиливали защиту горловины. Судя по расположению пластин в погребении относительно друг друга, ряды монтировались таким образом, что каждый верхний перекрывал нижний приблизительно на 10 мм, за исключением оплечий, где эта цифра могла быть и больше.

Элементы крепления пластин представлены заклепками и отверстиями диаметром 1,5 и 2,5–3 мм; последние, скорее всего, маркируют места выпав-

ших заклепок – их размеры совпадают с диаметром стержней сохранившихся заклепок. Все заклепки идентичны: длина стержня 4–5 мм, диаметр – 3–3,5 мм; диаметр полусферической головки достигает 7–8 мм. Расположены они таким образом, что их головки находятся с внутренней стороны пластины (по положению в могиле); под ними зафиксированы остатки мягкой основы доспеха в виде переплетенных нитей; характер ткани установить не удалось. Любопытно отметить, что зазор между поверхностью пластины и головкой заклепки достигает 2 мм; это заставляет предполагать наличие дополнительной органической прокладки между этими плоскостями. Возможно, что между пластинами и тканью прокладывался слой кожи, либо для каждой заклепки использовалась кожаная шайба. Нам представляется более технологичным первый вариант.

На правой стороне панциря обнаружены две небольшие железные пряжки вытянутых пропорций. Одна из них расположена перпендикулярно осевой линии доспеха в районе пояса, а вторая – под наклоном к осевой линии в районе плеча. После того как панцирь был снят, под ним в районе правой лопатки была обнаружена еще одна подобная пряжка²⁰. Учитывая их местоположение и безусловную принадлежность к доспеху, мы полагаем, что они служили для скрепления между собой наспинной и нагрудной частей. Следует отметить, что две пряжки располагались между нагрудным и наспинным массивами панцирных пластин, что может характеризовать некоторые особенности размещения доспеха в могильной яме. Возможно, что он был уложен в вывернутом наизнанку состоянии, отражая обряд ритуального убийства предмета, посылаемого в иной мир. Примером подобного ритуала, зафиксированного на рассматриваемом комплексе, может служить нож из могилы № 267, описанной выше. Отмеченная деталь является важной с точки зрения как реконструкции внешнего вида доспеха, так и при решении вопроса о возможном месте его производства. Расположенная в центре живота прямоугольная железная пряжка размерами 2,5 × 3 см, скорее всего, не имела отношения к самому панцирю, являясь элементом поясной гарнитуры.

Установленные детали позволяют восстановить особенности конструкции, покроя и внешний вид доспеха. При изготовлении железных пластин шаблон, вероятно, не использовался, хотя заметно стремление к стандартизации, в пользу чего свидетельствуют незначительные расхождения размеров в пределах каждой группы. Четырехугольные пластины монтировались на мягкой основе, в качестве которой выступала двухслойная конструкция, состоявшая из кожи и ткани. Такая комбинация делала панцирь несколько более жестким и упругим, повышая его защитные свойства. Крепление пластин к основе производилось двумя способами – жестким при помощи железных заклепок, головки которых оказывались с внутренней стороны одежды, и мягким – посредством шнура, продетого в мелкие отверстия; с его помощью, возможно, пришивалось и верхнее покрытие, если таковое существовало. Отметим, что расположение заклепок не привязывалось к периметру пластин, поэтому второй способ дополнял

²⁰ Матюценко В. И. «Работы на могильнике Окунево – VII в полевом сезоне 1999 г. Полевая документация» // Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, дело № 158 – 5 ф. IV, коллекция № 235 – 9; Матюценко В. И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево. Рис. 89 – 4, 5.

первый, обеспечивая более высокую подвижность воина при незначительных расхождениях самих пластин.

По одной из версий, опубликованной ранее авторами данной статьи, доспех представлял собой корсет-кирасу с правосторонним разрезом; застегивался при помощи трех ремешков: один в районе пояса, второй – ближе к пройме, и третий – под ключицей. Таким образом, правое оплечье находило внахлест на нагрудную часть на 5–6 см; дополнительную фиксацию обеспечивал поясной ремень. Лицевая сторона пластин зашлифовывалась, следов заклепок на ней не обнаружено, равно как и свидетельств наружного покрытия. Окружность панциря – 110 см, высота по пройме – около 55 см, до горловины – 65 см, максимальная – 75 см. Такой панцирь прикрывает корпус человека до тазобедренного сустава при росте 180 см; учитывая средний рост погребенного в могиле, можно полагать, что он доходил ему до верхней трети бедра.

Предложенный вариант реконструкции, опирающийся на непосредственные наблюдения за расположением пластин в исследованном погребении, вызывает ряд вопросов. Наличие бокового, а не осевого разреза подтверждается особенностями расположения пластин плечевого пояса: если набор правого плеча лежит горизонтально, то левого – поднимается вертикально, что четко видно на фотографии. Такая ситуация может возникнуть, если пластины левого плеча представляли собой сплошной массив на момент помещения панциря в могилу, в то время как правого уже были разделены разрезом. Позже, когда разрушилась органика основы, верхние пластины, уже коррозированные, были придавлены тяжестью костяка и грунта, а покрытие плеча сохранило вертикальное положение, дополнительно зафиксированное землей. Наблюдения за расположением пряжек не противоречат такому варианту конструкции. Но если предположить, что воин был правой рукой, не вполне логичным кажется размещение разреза с правой, а не с левой стороны. В бою правая сторона открыта для ударов противника в большей степени, а потому требует и более серьезной защиты. Кроме того, правый рукав может цепляться за пряжки во время стрельбы из лука или ближнего боя. Далее, головки заклепок наблюдались только на внутренней поверхности пластин, лицевая выглядела абсолютно гладкой. Учитывая, что головки имели полусферическую форму, такое их размещение кажется непрактичным: выступающие металлические детали неизбежно будут рвать поддоспешную одежду, цепляться за нее, мешая движениями воина. Расположение некоторых из заклепок может быть рационально объяснено только с точки зрения выполнения ими декоративных функций в дополнение к крепежным («цветок» в центральной части пластины). Вогнутый профиль самих пластин создает впечатление, что их внешняя поверхность была выполнена с нарушением всех технологических наработок того периода.

Эти вопросы могут быть разрешены предположением о том, что по отношению к панцирю был совершен ритуал «убийства» предмета, выразившийся в выворачивании наизнанку. В таком случае разрез оказывается с левой стороны, пластины приобретают классический выпуклый профиль, а головки заклепок оказываются на наружной поверхности доспеха, в то время как изнаночная сто-

рона пластин полируется для уменьшения трения. Заметим, что практика подобного ритуала в культурах коренных сибирских народов нередко подтверждается как археологическими, так и этнографическими данными²¹.

Открытым остается вопрос о месте производства доспеха. Местное происхождение маловероятно. Ю. С. Худяков и Л. А. Бобров отнесли его к кругу среднеазиатских куяков²². Согласимся с авторами, что отмеченные особенности конструкции, с учетом предложенной поправки к наблюдениям, соответствуют традициям производства, сложившимся в Средней Азии в указанное время.

Предметы русского и азиатского происхождения встречаются в большом количестве на археологических памятниках Сибири. Судить об уровне развития местного ремесленного производства предметов вооружения можно в основном по материалам археологических раскопок. По мнению исследователей, занимавшихся этой проблемой, этот уровень был довольно низким²³. В то же время торговля оружием, в частности предметами защитного вооружения, в XV–XVII вв. была явлением весьма распространенным, причем носила двуправленный характер, например из Московии в Среднюю Азию и обратно²⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические и исторические материалы позволяют утверждать, что воины Сибирского ханства использовали комплекс боевых защитных средств. По своим тактико-техническим характеристикам отдельные образцы были вполне современны. В то же время татарские отряды состояли главным образом из бездоспешных воинов, что снижало их боеспособность в условиях сражений конца XVI–XVII вв. Основная часть населения, которое входило в состав военных сил сибирских ханств, была представлена малоимущими. Их экономическое положение сказывалось на снаряжении, которое было довольно бедным. Об этом свидетельствуют материалы изученных татарских могильников. Такая ситуация характерна для многих народов, основой экономики которых являлось экстенсивное скотоводство, а принципами формирования воинского контингента – народное ополчение. Исторически подобная ситуация прослеживается у южных соседей западносибирских татар – казахов²⁵. Даже в армии Шейбани-хана латников было относительно немного. Основную массу воинов составляла легкая конница с «лучным боем». Похожая ситуация наблюдалась почти во всех армиях государств – «наследников» Золотой Орды²⁶.

²¹ Герасимов Ю. В. Оружие в погребальном обряде тюркского населения Барабы XVI–XVII вв. (по археологическим материалам) // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 2008. – С. 138–144.

²² Худяков Ю. С., Бобров Л. И. Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С. 99–102.

²³ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. II. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М., 1955. – С. 153–175.

²⁴ Бахрушин С. В. Путь в Сибирь в XVI–XVII вв. // Научные труды. – М., 1955. – Т. III, Ч. 1.

²⁵ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западной Сибири в конце XVI – начале – первой четверти XIX в. – Томск, 1981. – С. 213.

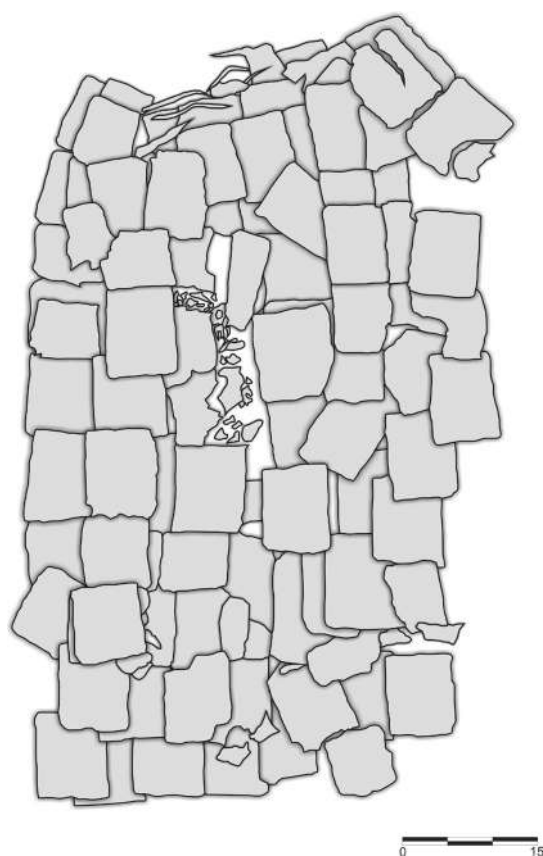
²⁶ Худяков Ю. С. Хан Кучум и его воины // Родина. – 2000. – № 5. – С. 114–115.

Косвенным подтверждением низкого уровня распространенности защитного вооружения в среде воинов Сибирского ханства является комплекс наступательного вооружения, реконструируемый по археологическим материалам XVI-XVII вв. Его основу составляют наконечники стрел, среди которых преобладают костяные. Среди железных проникающих бронебойные имеют незначительный удельный вес²⁷.

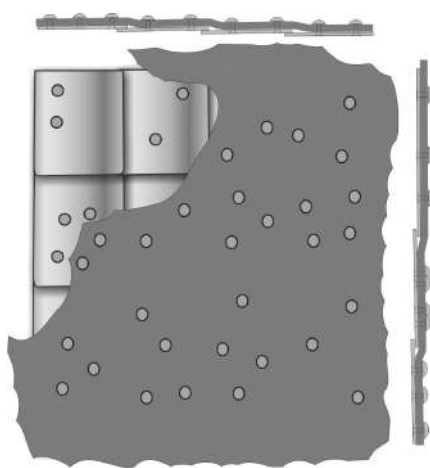
²⁷ Шлюшинский А. В. Костяные наконечники стрел с этнографо-археологических комплексов Надеждинка IV, VII, Бергамак II, III // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 229-230.

**Рис. 1. Карта Омской области с указанием места
расположения памятника**

**Рис. 4. Рисунок расположения
панцирных пластин в могиле № 267**

**Рис. 6. Реконструкция
фрагмента доспеха**

**Рис. 7. Реконструкция комплекса вооружения
воинов Сибирского ханства**

МОСКОВСКОЕ ВОЙСКО В БИТВЕ ПРИ ОРШЕ 1514 Г.¹

*«Отдых дается им редко,
ибо государь ведет войны то с литовцами,
то с ливонцами, то со шведами, то с татарами,
или даже если он не ведет никакой войны,
то все же ежегодно по обычаю ставит караулы
в местностях около Танаиса и Оки».*
Сигизмунд Герберштейн, имперский посол.

Состав

Вооруженные силы Московского государства в начале XVI в. находились в стадии постоянного реформирования. Это обуславливалось непрекращающимся с середины предыдущего столетия территориальным ростом самого государства, включением в его состав ранее независимых княжеств, а как следствие этого – и ростом численности вооруженных сил, вызванным влиянием (добровольным или принудительным) в их состав ратников присоединенных земель. Это во многом затрудняет определение реальных сил.

Войско издавна строилось по «территориальному» принципу. Войсковые единицы – «рати» или «полки» – носили названия земель, в которых набирались. На время правления Дмитрия Донского известны следующие: в 1369 г. на реке Торосне были «Москвичи, Коломенци и Дмитровци»², в 1377 г. на Пьяну он послал «рати свои, Володимерскую, Переславскую, Юрьевскую, Ярославскую»³. Апофеозом правления Дмитрия стал Новгородский поход 1386 г., в котором участвовали воины 29 «земель»: «...Были рати: Московьскаа, Коломеньскаа, Звенигородчкаа, Можайскаа, Волочкаа, Ржевьскаа, Серпоховьскаа, Боровьскаа, Дмитровьскаа, Переяславьскаа, Володимерськаа, Юрьевскаа, Муромьскаа, Мещерьскаа, Стародубьскаа, Суздальскаа, Городецкаа, Нижняго Новгорода, Костромскаа, Оуглечкаа, Ростовьскаа, Ярославьскаа, Можайскаа, Галичкаа, Бежичкаа, Белозерьскаа, Вологочкаа, Оустижьискаа, Новоторжскаа»⁴. По-ви-

¹ Представленная статья была написана в 2009 г. и доклад на ее основе зачитан на заседании Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ 15.01.2010 г. После этого по данной теме было опубликовано несколько работ, в частности А. Лобина. Автор не счел возможным вносить какие-либо изменения «задним числом», т. к. считает это некорректным.

² ПСРЛ. Т. XXV, Московский Свод. – М., 2004. – С. 184; ПСРЛ. Т. XIII, Никоновская Летопись. – М., 2000. – С. 11: «рать Московьскаа и Коломеньскаа и Дмитровьскаа».

³ ПСРЛ. Т. XXV, Московский Свод. – С. 193.

⁴ ПСРЛ. Т. IV, часть 1, Новгородская Четвертая Летопись. – М., 2000. – С. 345.

димому, базой такой организации служила византийская «фемная система». Со времен крещения Руси Ромейская держава служила примером подражания во всех областях жизни, в том числе и военной. Подобные «городовые полки» под командой воевод не княжеского достоинства отмечены и в домонгольские времена. Служили в них, наверное, «бояре» и так называемые «слуги вольные», имевшие во владении землю «тянувшею» к городу. Земля находилась либо в личном (или семейном) владении – *вотчина*, либо в поместном – на правах службы (аналог византийской *пронии*). Первое документальное упоминание о таких пожалованиях относится к временам Ивана Калиты⁵. Нечто подобное наблюдалось и в других княжествах, а также в «вечевых республиках». В первой трети XV в. независимых княжеств в пределах Великого княжества Владимирского практически не осталось, владетельными князьями, на правах удельных, остаются только отпрыски Ивана Калиты. Все прочие Рюриковичи переходят в разряд «служилых князей», к ним присоединяется много Гедиминовичей, перебежавших из Литвы. Все эти служилые начинают называться «детьми боярскими», вне зависимости от происхождения.

К середине XV в. великокняжеская рать состояла из двух основных частей: «двора» и «городовых»; подобно великокняжеским, организовывались и рати удельных князей. Разделение происходило в основном по характеру «службы». Служба могла быть «дальней» – когда сын боярский покидал свой дом на полгода, а иногда и больше, и должен был участвовать в походах князя, либо находиться при дворе, ожидая поручений и исполняя роль «придворной стражи». Такая служба требовала наибольших затрат, так как служилый человек находился далеко от дома, на самообеспечении – кормил себя, своих людей и лошадей. «Городовая» служба предусматривала участие сына боярского в защите родного уезда и его рубежей, она была менее затратная и давала служилому больше возможности бывать дома, пополняя необходимые запасы. Наименее затратной слыла служба «осадная», то есть гарнизонная: сын боярский сидел в своем городе, в своем «осадном дворе» и в случае необходимости защищал его. Для такой службы иногда не требовалось и боевого коня.

«Двор» состоял из наиболее «родовитых» представителей служилого сословия – потомков измельчавших княжеских фамилий и старых боярских родов, а также из выходцев из соседних княжеств и государств. Но и представителям «городов» можно было добиться такой чести благодаря своим способностям и умениям (самый показательный пример – Федор Басенок). Большинство из них имели вотчины, те, кто не имел, жаловались «поместьем» (земельным владением на правах службы без права наследования), со временем «поместье» могло перейти в разряд «вотчины». Назывались они «дети боярские дворовые». Кроме земельных пожалований, дворовые дети боярские могли получать «кормления» или денежное содержание от князя. За счет всего этого довольствия на службу они являлись «конны, людны и оружны» – т. е. на конях, со своим вооружением,

⁵ ДДГ. – М.–Л., 1950. – С. 10: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимъ, не иметь ли служити детям моим, село отоимут».

в сопровождении вооруженных людей; количество людей зависело от возможностей самого сына боярского (т. е. сколько он мог вооружить и содержать во время похода на свои средства). Развитию поместной системы, наиболее выгодной для государя, мешал недостаток «свободных» земель.

«Двор» являлся «мобильным войском», способным совершать дальние, длительные походы. Данное широкое значение «двора» следует отличать от более узкого – в смысле постоянной свиты государя. Лица, составлявшие свиту, именовались боярами «путными» (от слова «путь») и «введенными». Таким образом, «дворовые дети боярские» и являлись собственно войском, количество которого московские государи старались увеличивать всеми доступными средствами.

«Городовые» полки выполняли функцию «войск пограничных» – они защищали земли своего уезда от нападений врагов и к дальним походам не привлекались. Состояли из «детей боярских городовых» – в основном мелких вотчинников уезда, потомков «городового» боярства. Во главе «городов» были наместники или воеводы, поставленные на время от князя (великого или удельного), из дворовых, они осуществляли общее руководство. Взаимоотношение присланных руководителей с местными регламентировались «Уставными грамотами», во внутренних делах «города» присутствовало самоуправление.

Следует отметить, что «дворовые дети боярские» по месту проживания одновременно являлись и «городовыми». Их имения и поместья располагались в уездах «городов», и в случае внезапного нападения они, если не находились в походе, должны были участвовать в отражении врага. Наиболее интересен этот момент в отношениях великих и удельных князей: все «дворовые» в таком случае были обязаны защищать город, в коем имели землю. Таким образом, великокняжеский дворовый сын боярский мог попасть под команду удельного воеводы, и наоборот. Исключение составляли бояре «путные». Эти лица должны были сопровождать своего князя постоянно, вне зависимости от обстоятельств.

В области взаимодействия «двора» и «городовых» хотелось бы отметить битву на Листании зимой 1443-44 г. Против захватившего Переславль Рязанский татарского царевича Мустафы ибн Улуг-Мухаммеда Василий Васильевич направил свой двор с воеводами Василием Ивановичем Оболенским и Андреем Федоровичем Голтыевым, а также коломенского наместника Василия Ивановича Жука Лыкова с «городовым» полком⁶. Примечателен сей поход тем, что на него сохранилась роспись в Разрядной книге, коей нет ни в одной летописи: «Лета 6951-го года приходил царевич Мустофа на реза[н]ские места, и князь великий Василей Васильевич всеа Руси послал против ево воевод по полком: В большом полку князь Василей Оболенской. В передовом полку Василей Иванович Лыков Володимиров. В сторожевом полку Ондрей Голтыев»⁷. Как видно из росписи, дворовые составляли большой и сторожевой полки рати, а городовые – передовой.

⁶ ПСРЛ. Т. XXIII, Ермолинская Летопись. – М., 2004. – С. 151; ПСРЛ. Т. XII, Никоновская Летопись. – М., 2000. – С. 61.

⁷ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – М., 1977. – С. 17.

В 40-х гг. XV столетия в московском войске появляется новая категория воинов – «служилые татары». Сперва это был царевич Бердедат ибн Хуйдайдат, известный тем, что «не успевшу приити» на помощь Василию Васильевичу под Суздаль в 1445 г. Затем участники той же битвы (только с другой стороны) Касим и Якуб – дети Улуг-Мухаммеда. Рассорившись со своим старшим братом Махмудом (Мамутеком), они предпочли служить московскому князю. Их помощь во многом определила победу Василия Темного в войне за великий стол.

С приходом к власти Ивана III Васильевича ситуация в ратном деле начинает меняться. К первому своему большому походу – на Казань, весной 1469 г., – он привлекает всех, кого можно: «Тоя же весны по велице дни на другой неделе послал князь велики на Казанские места рать в судах, воевода Костянтин Беззубцев Александрович, а с ним многие дети боярские, двор свои, также и городовые дети боярские из всех градов своих и из всех отчин братии свое по тому же. А с Москвы послал сурожан и суконников и купчих детей и прочих всех Москвич, коих пригоже по своей силе, а воеводу над ними поставил Петра Васильевича Оболенского Нагово. И те поидоша Москвою рекою к Новгороду к Нижнему, а инии Клязьмою, а Коломничи все, которые по Оце, Окою поидоша, и Муромцы тако же, а Володимирцы и Суздальцы Клязьмою, Дмитровцы и Можайчи, и Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочие все Волжане Волгою к Нову же городу на один срок». Кроме того, к походу привлекались и ратники «северных городов» – устюжане, вологжане, удалось уговорить и «ватаманов» Вятки⁸. В походе участвовали ратники 13 «городовых полков», имевших возможность добраться до Казани на судах. Привлечение столь больших сил позволило покорить Казань и поставить ее в число «уделов» Московского государства.

Однако в следующем крупном походе – на Новгород, в 1471 г., – все тяготы опять ложатся на дворовых. Так называемую «Шелонскую кампанию», а следовательно, и войну, практически выигрывает «загонная» рать, включавшая в себя отряды воевод: великокняжеских – князя Данила Дмитриевича Холмского и боярина Федора Давыдовича, состоящих из «князей и детей боярских многих великокняжеского двора»⁹; удельного – Василия Федоровича Вельяминова из «княж Юрьевых» детей боярских¹⁰; татар Даньяра ибн Касыма (татары потеряли в войне аж 40 человек)¹¹.

Казалось бы – парадокс: против Казани направлено огромное войско, а против Новгорода лишь часть двора? Но ничего удивительного в том нет: на Казань шла «судовая» рать, воины передвигались в стругах, а до Новгорода доплыть из Москвы было затруднительно. Для передвижения и доставки припасов необходимы были лошади. Именно кони, по несколько на каждого всад-

⁸ ПСРЛ. Т. XXVI, Вологодско-Пермская Летопись. – М., 2006. – С. 225-226.

⁹ ПСРЛ. Т. IV, часть 1, Новгородская Четвертая Летопись. – С. 506: «А сам князь велики посла переди себе ратью предовыя полки своя, а в них посла воевод своих, князя Данила Дмитриевича Холмского да боярина своего Федора Давыдовича, а с ними своих князей и детей боярских многих от своего двора».

¹⁰ ПСРЛ. Т. XXIII, Ермолинская Летопись. – С. 159.

¹¹ ПСРЛ. Т. VI, Софийская Вторая Летопись. – М., 2001. – С. 175.

ника, следовательно, и мобильность, позволили полку Холмского по частям разгромить две «судовых» и конную «кованую» рать новгородцев. Ну и, конечно, воинское умение и хорошее вооружение. Примечательно, что в ходе кампании московские ратники не брали трофейного вооружения, а просто уничтожали его: «...А доспехи снимающе в воду метаху, а инии огню предаша, не бяху им требе, но своими доспехи всеми довольни бяху»¹². Конечно, городovým до такого расточительства было далеко, похвастаться обилием вооружения и коней они не могли, соответственно, и действовать столь эффективно не умели.

Перед Иваном III стояла задача – обеспечить городских детей боярских лошадами и таким образом повысить их боеспособность. С этой задачей он справился, организовав закупки в государственных масштабах. Уже в июле 1474 г. московский посол Никифор Федорович Басенок привел из Ахматовой Большой Орды на продажу огромный табун в 40 000 лошадей¹³. Впоследствии такая практика укоренилась, татары стали пригонять табуны почти каждый год, но этот случай был первый и уникальный: заклятый враг сам делился своими «стратегическими запасами» с потенциальным соперником. Подобное требовало определенных дипломатических усилий именно на государственном уровне. «Доброта» (или жадность) хана Ахмата в конце концов его и погубила через несколько лет на реке Угре.

Плоды отеческой заботы государя о своих служилых людях не замедлили появиться. Конная рать преумножалась с каждым годом. На момент следующего новгородского похода, осенью 1477 г., войско предстает совершенно в другом виде. От этого похода сохранились две росписи: одна – «походная», в ней отражено выдвижение отрядов на театр военных действий и их состав; вторая – «полковая», в ней отмечена разбивка этих же отрядов по титульным полкам. Всего упомянуто 30 территориальных отрядов, не считая удельных. Приведем обе по старейшему из дошедших до нас списку. Походная: «Октября 23 выехал князь велики ис Торшку, а пошел ратью на Новгород. А шел от Торшку на Волочек, а оттоле шел меже Яжелобицкие дороги и Мсти, а царевичю Даньяру велел итти от Торшку по-за Мсте, а с ним воевода великого князя Василеи Образец з боровичи. А по своей стороне Мсты велел итти князю Данилу Холмскому, а с ним дети боярские великого князя, двора его, многи да володимерци и переславци, и костромичи все. Да тою же дорогою велел итти бояром своим тферичем Григорью да Ивану Никитичем з дмитровци и кашинци, которые служат великому князю. А по правую же себе велел итти межи своеи дороги и Мсты князю Семену Ивановичю Ряполовскому, а с ним суздальци и юрьевци, а по левой руке от себя ис Торшку на Демон брату своему Андрею Меньшему, а с ним воевода великого князя Василей Сабуров с ростовци и ярославци, и углечане, и бежичаны, которые служат великому князю, да и матери своей воеводе Семену Федоровичю Пешку итти з двором еа с ним же велел. А меж Демоньские дороги и Яжелобицкие велел итти князю Александру Васильевичю да князю Борису Михайловичю Оболенским. А со князем Александром колужане и олексинци, и серпуховичи, хотуничи,

¹² ПСРЛ. Т. XXV, Московский Свод. – С. 288.

¹³ ПСРЛ. Т. XXV, Московский Свод. – С. 302.

и москвичи, и радонежцы да новоторжцы, Берновы и Глуховы. А со князем Борисом можаичи и волочане, и звенигородцы, и ружане, кои служат великому князю. А по Яжелобицкой дорозе велел итти Федору Давыдовичю, а с ним дети боярские и двора великого князя да коломничи все. Да по той же дорозе велел итти князю Ивану Васильевичю Оболенскому, а с ним братия его, все князи Оболенстии да и многие дети боярские великого князя двора»¹⁴. Полковая: «Да на том же стане, на Полинах, князь великий полки свои урядил, учинил, которому где бытии. Брату своему князю Ондрею Меньшому в передовом полку велел быти, да у него своим воеводам велел быти князю Данилу Холмскому с костромичи, да Федору Давыдовичю с коломничи, да князю Ивану Васильевичю Оболенскому с володимирци. А в правой руке велел князь велики быти у себе брату своему Андрею Большому, а у него велел быти тферскому воеводе князю Михаилу Федоровичю Микулинскому со тферечи, да своим воеводам Григорию да Ивану Житу Никитичем, а с ними дмитровцы и кашинцы. А в левой руке велел быти брату своему князю Борису, да у него князь Василий Михайлович Верейской, да матери его великие княгини Марии воевода Семен Пешков. А у себе в полку велел быти князь велики воеводе князю Ивану Юрьевичю да Василью Образцу Борисовичю, да князю Семену Рязполовскому с суздальцы да с юрьевцы; да князю Олександру Васильевичю с колужаны, и с олексинцы, да с серпуховичи, да с хотунцы, да с москвичи и с радоженцы и с новоторжцы, да князю Борису Михайловичю Оболенскому с можаичи, да с волочаны, да з звенигородцы, да з ружены; да Василью Собурову з галичаны, да с ярославцы, да с романовцы, да з бежачены, да з углечаны; да у себя же великий князь велел в полку быть переславцем всем»¹⁵. Сравнив эти росписи, можно заключить, что если в «походной» двор великого князя распределен по разным отрядам, то в «полковой» все дворовые собраны в княжеском (большом) полку. Туда же собраны и большинство городских – 19 городов, а у «походных» воевод, назначенных в другие полки, под команду удельных князей, оставлено только по одному «городу».

Следующим важным шагом Ивана III по укреплению и увеличению войска стало создание т. н. «новгородской силы». После присоединения Великого Новгорода земли большинства старых землевладельцев были конфискованы в пользу князя, а сами они переселены во внутренние районы и на восточные границы государства, не обошла конфискация и церковные земли. На их место, на правах «помещиков», поместили детей боярских из московских земель, а также часть «послужильцев» (т. е. «боевых холопов»). «Послужильцы» были взяты как из дворов действующих детей боярских, так и из дворов опальных московских и новгородских бояр, князей, житых и детей боярских. Переселенные новгородцы, раскиданные по разным уездам, стали такими же помещиками, но на московских землях¹⁶. Юридически и финансово помещик полностью подчинялся государю, тот мог его жаловать и наказывать, как хотел. Оставленные на местах новгородские землевладельцы получили название «земцы» или «своеземцы». Они несли

¹⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская Вторая Летопись. – С. 256-257.

¹⁵ Там же. – С. 259-260.

¹⁶ ПСРЛ. Т. VIII, Воскресенская Летопись. – М., 2001. – С. 218.

службу, как и «московские» дети боярские и помещики, испомещенные на новгородских землях. Появилась даже такая интересная категория – «своеземцы дворовые»¹⁷. Самые малообеспеченные – так называемые «пятибежники» – владельцы 50 четей земли, оказывали «помощь» «служилым земцам»¹⁸.

Операция, подобная новгородской, была проведена Иваном и на других присоединенных землях – на Вятке, в Тверском княжестве. Уже Василий в 1510 г. проделал подобное во Пскове. Тверское войско первоначально действовало как самостоятельное образование и внесло немалый вклад в победу на Ведроше и в войнах с Ливонским орденом в начале XVI в. Но по завещанию Ивана III княжество поделили на 4 части, разрушив тем самым его целостность. С Псковом относительно Оршинской кампании не совсем понятно. Присоединение Псковских земель произошло в 1510 г. В 1513 г. на осаду Смоленска из города взяли пищальников и земцев. Под Смоленском они просили государя поставить им воеводами старых псковских посадников. В то же время псковские дети боярские вместе с «новгородскую силою» под рукой Михаила Кислого совершили рейд к Полоцку, а потом к Смоленску¹⁹. То есть непонятно: был ли Псков с пригородами уже присоединен к «новгородской силе», как случилось вскоре, либо еще сохранял остатки военной «автономии»?

Внешний вид и вооружение

Как известно, в поход служилые должны были отправляться «конно, людно и оружно». То есть на своих конях, со своим оружием в сопровождении вооруженных слуг. Кроме того, обеспечиваться продовольствием они тоже должны были сами. «Смотренные списки», в которых указывалось все это добро, до нашего времени не дошли. Наиболее ранние относятся только ко второй половине XVI в. В своих предположениях мы можем опираться только на немногословные строки летописей и рассказы иноземцев, оставивших свои наблюдения. Наиболее ценны из них «Записки о Московии» имперского посла Сигизмунда Герберштейна²⁰.

Герберштейн бывал в Московском государстве дважды: в 1516-1517 и в 1525-1526 гг. Отличался въедливым характером, любознательностью и знанием сла-

¹⁷ ВИМОИДР. Кн. 12. – М., 1852. – С. 6: «А мест пустых в городе своеземцев Корельских дворовых...».

¹⁸ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. – М., 1905. Отд. 1. – С. 165–167; Отд. 2. – С. 2: «И земцом Ивану Кондратову да Сеньке Федосьеву с тех пяти беж по книгам давати подмога служилым земцам: Иванку да Петеле да Гриде да Ондрюшке Юрьевым детям Шабанова по полтине с обжи».

¹⁹ ПСРЛ. Т. V, Вып. 1, Псковские Летописи. – М., 2003. – С. 97: «А иная сила великого князя, князь Михаило Кислица с новгородскою силою и со псковскими детьми боярскими, были под Полоцком, а от Полоцка поидоша Литовскою землею под Смоленск к великому князю»; Вып. 2. – С. 259: «...а со Пскова взял 1000 пищальников и псковских земцев, тогда еще не сведены быша с своих вотчин».

²⁰ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. Тт. 1, 2. – М., 2008.

вянского языка. Эти качества помогли ему добиться расположения в московском обществе, благодаря чему он получил доступ к некоторым документам, не предназначенным для чужих глаз. По описаниям посланника позже были созданы интересные гравюры, на которых по сей день базируется представление о внешнем виде московского ратника тех времен. Наверное, самая последняя реконструкция внешнего вида создана О. Федоровым²¹. Кроме гравюр из записок Герберштейна имеются две гравюры, посвященные битве под Оршей. Одна – из брошюры А. Крицкого, изданной в Кракове в 1515 г.²². Вторая – из хроники М. Бельского. Наиболее известная (и красивая), пожалуй, картина «Битва под Оршей» неизвестного художника. По поводу времени написания картины и ее «историчности» сломано немало копий, но никто не сомневается, что в 30-х годах XVI в. она уже существовала. Основная претензия критиков картины в отношении московских воинов – у них слишком «восточный» вид. Многие думают, что автор, не зная, как выглядят московские ратники, нарисовал турок.

Постараемся восстановить внешний вид детей боярских на основании документов. В этом нам помогут «духовные». «Духовная» – завещание, писалось служилым «своим целым умом» практически перед каждым выступлением в поход (службой), а в случае его смерти скреплялось подписями свидетелей (послухов) и духовных лиц.

Настоящей находкой для исследователя служит духовная Григория Дмитриева сына Русинова, датированная 1521-22 гг. Ее ценность заключается в том, что Русинов перечисляет вещи, бывшие со служилым человеком непосредственно в походе. Часть «служебной рухляди» Русинов отправил домой, часть взял с собой на последнюю службу. В духовной отмечены следующие виды вооружения: «в коробе» – 5 панцирей, 5 шлемов, наручи персидского изготовления, 3 наручей московской работы, наколенники и панцирь, взятый в заклад. Кроме того, непосредственно на нем: персидский шлем и бахтерец²³. Обилие доспехов у Русинова не было исключением: другой сын боярский – Василий Уский Петров сын Есипов – в 1528 г. собирался оставить по себе, жене: 5 панцирей, 3 бахтерца, 3 наколенников, 6 наручей, кольчугу, 6 шлемов, 3 бутурлыка, 2 тягиля²⁴.

Духовная Есипова дала основание С. З. Чернову предположить, что тот мог выставить за свой счет 6 вооруженных воинов²⁵, с чем трудно не согласиться. Прак-

²¹ Федоров О. А. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина – середина XVI века) // Единорогъ. Вып. 1. – М., 2009. – С. 228–230.

²² Бохан Ю. М. Вайсковая справа у Вялікім Княстве Літоўскім (у другой палове XIV–XVI ст.). – Мінск, 2008. – С. 60–61.

²³ АРГ. – М., 1975. – С. 198–200: «...а в коробе доспеху: пять пансыров, да пять шоломов, да наручи шамахинские, да трои наручи московские, да наколенки; да тут же в коробе закладной пансырь в четырех гривнах Григорья Васильева сына Плещеева... «А со мною на службе доспеху: шолом шамахеиской да бехтерец...».

²⁴ АФЗХ. Часть 2. – М., 1956. – С. 91–93: жене – «пять пансырев; да три бехтерци, да трои наколенки, да шестеры наручи, да кольчюга; да шесть шоломов; да трои боторлыки»; прочим лицам: «тегиляй киндячен» и «тегиляй камчат».

²⁵ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации // Серия: Акты Московской Руси: микрореги-

тика передачи доспеха сыном боярским своим людям отмечена в духовной князя Андрея Федоровича Голенина от 1482 г.: «А которых есми людей своих отпустил на слободу, ино у них мои пансыри и шеломы, и жена моя те пансыри и шеломы поемлет»²⁶. Относительно Василия Уского Петрова сына Есипова следует заметить: после него, по-видимому, осталось шесть (или семь) сыновей, отмеченных в Дворовой тетради: Семен да Григорий (дважды), Иван, да Тимошка, да Истома Васильевы дети Уского – писаны по Вязьме, Михайло – по Белоозеру²⁷. Да и сам Василий после духовной 1528 г. здравствовал, по крайней мере, до 1543 г., когда Д. А. Белеутов хотел «дать ми Кулаку Петрову сыну Есипова меринец рыж... Взять ми на Кулаке на Петрове сыне Есипова шатер круглый нов. Взять ми на Кулаке ж конь в буре пег, да меринец рыж иноход... Взять ми на Уском на Петрове седло ординское Тимово сына тью да морхи червчеты шелковы»²⁸.

Следует отметить, что сам сын боярский мог иметь не один, а два доспеха: первый – для «прямого боя» (рукопашного); второй – для «лучного» (дистанционного). Данное предположение подтверждается наличием у Русинова двух различных «боевых» седел: «седло плоские луки, да седло лятцкое». «Седло плоские луки» – татарского образца, в нем можно было вертеться в разные стороны и стрелять из лука. «Седло лятцкое» – польское, западное, приспособленное к рубке или действию копьем. Кроме того, Русинов имел и походное, парадное седло: «седло сафьяно с тебенки с крымскими», а также «седло вьючное, да сумы, да кожа вьючная». Для каждого седла была и лошадь: «А лошадей моих на службе со мною: конь кокур, да конь рыж, да мерин саврас, да мерин голуб, да мерин гнед, да жеребчина ворона. Да со мною ж на службе княж Иванов конь карь Барашов иноход...». Кони в Московском государстве были воистину «всенародным богатством» и предметом заботы и учета. Все кони с описанием их возраста, масти и особых примет заносились в специальные книги. Каждая сделка с лошадьми фиксировалась и облагалась специальным налогом. Наверняка именно поэтому в служилой среде существовал обычай «мены» конями. Они передавали их друг другу, но «не насовсем», а «временно».

«Людьми» при детях боярских в то время состояли, в основном, обедневшие представители того же сословия или молодежь, не имевшая еще своей вотчины или поместья. Самый яркий пример – князь Иван княж Афонасьев сын Шелешпанской, который умер в холопах²⁹. Кроме того, можно отметить племянника Г. Д. Русинова – Василия Петрова сына Сморова (Морева). В том походе он был в числе «людей», по духовной получил часть вотчины Русинова и стал полноправным сыном боярским. Таким образом, переход из категории холопов в дети боярские и наоборот случался довольно часто. То есть «люди воинские» плавно «перетекали» из одного состояния в другое, но общая их чис-

ональные исследования. Т. 1. – М., 1998. – С. 309-310.

²⁶ АФЗХ. Часть 2. – М., 1956. – С. 18.

²⁷ ТКиДТ. – М. – Л., 1950. – С. 147, 190-191.

²⁸ АФЗХ. Часть 2. – С. 165.

²⁹ ТКиДТ. – С. 147: «Иван княж Афонасьев сын Шелешпанского. По смотру и по десятне 63 Третьяка Дубровина в холопах и умре».

ленность от этого менялась мало. Все зависело от количества «доброй паханой земли», которая позволяла содержать воинов.

Наступательное оружие в духовных отражено меньше, но и оно отмечено: «саадак... да саблю черькаскую» – у Есипова; «...лук ординской, а цена рубль...» – у Григория Михайловича Валуева; «сабля турская, долы резаны, наложены золотом, ножны у нее окованы серебром, оковы резаны, золочены, на подзоры, пояс у нее шолков, оковы серебряны, резаны, золочены; да са[бля]... (*строка оборвана, отс. 12–14 букв, конец слова восстановлен по смыслу*), резана, ножны оковы серебряны, резаны, на обеих саблях резано мое имя ... (*конец строки оборван, отс. 14–16 букв*) рмян окован серебром семьдесят стрел с одною; и кибирей и аргичей; и каи... (*конец строки оборван, отс. 14–16 букв*) с кречатым перьем да с орловым» – у князя Юрия Андреевича Оболенского; «две роганины, да две сабли» – у неизвестного³⁰; «сабля черкасская с наводом» – у Тимофея Окулова сына Бусурменова³¹.

Для описания остальной «служилой рухляди» и множества мелочей, необходимых в дальнем походе, вернемся к духовной Г. Д. Русинова: «...шатер, да пять гребенин, да два таза, да три сковородки медяны, две черны, а третья белая, да став блюд колужских, да укусница, да солоница, да перечница оловянные, да четыре седла вьючные, да четверы сумы, да четыре кожи вьючные... а платья: кожух черева лисьи, да с него спорок отлас дымчат, да однорятка колтырская багрова, да терлик безинной, да шапка с сободем, да шапка горлоната поношона, да колпак ордынской подложены пугвицы серебряны, да другой колпак здешней подложен, да у ожерелья у пристежновы четыре пугвицы серебряны з жемчюги з гурмыцкими, да ковер...». Подобные вещи встречаются и в остальных духовных. Особо следует отметить «колпаки ордынские» – это те самые белые шапки, которыми пестрит картина «Битва под Оршей». Литовский публицист Михалон Литвин оставил следующие сведения об этом головном уборе: «...их [татар] белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам грозный вид и устрашают врагов, хотя почти никто из них не носит шлемов. Этому приему также подражают москвитяне. А делаются эти шапки из овечьей шерсти, часто моются и купленные за один грош долго им служат»³². Белая шапка и красные сапоги были визитной карточкой московского воинства.

Таким образом, можно заключить, что служилое сословие Московского государства первой половины XVI в. было весьма богато обеспечено качественным вооружением восточного образца и лошадьми. Средний представитель на свои средства имел возможность содержать небольшой «двор» – около 5 человек. Интересно отметить: именно таким по численности было и минимальное подразделение войск Крымского ханства³³, в Астраханском такое подразде-

³⁰ АФЗХ. Часть 2. – М., 1956. – С. 92, 170, 211, 231.

³¹ Кошелева О. Е. Духовная Тимофея Бусурменова второй четверти XVI века // РД. Вып. 7. – М., 2007. – С. 255.

³² Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994. – С. 75.

³³ СИРИО. Т. 41. – СПб, 1884. – С. 378.

ние называлось «табун», возглавлялось соответственно «табунным головой». В целом, обилие коней (до 6) и наступательное вооружение совпадает с описанием, оставленным нам имперским послом Сигизмундом Герберштейном³⁴. Нельзя только согласиться с его мнением о чрезмерной воздержанности «московитов» и утверждением о небольшом количестве защитного вооружения. Из духовных следует обратное. По-видимому, это можно объяснить тем, что войско в боевых условиях посол не видел. Упрекать автора картины «Битва под Оршей» не стоит, он отобразил реальность. К слову, и на двух других гравюрах московские воины изображены в виде «кованой» рати. Последующее преобладание «тегиляйников» – результат реформ 1550-х гг., когда в состав войска включили много вновь поверстанных и городских, не имевших возможности обеспечить конями и вооружением не только своих людей, но зачастую и себя.

Большое внимание уделялось и одежде. В 1514 г., при встрече турецкого посольства, рязанским детям боярским, участвовавшим в этой спасательной операции, предписывалось: «Да чтобы еси молвил детям боярским моим и великие княгини, чтобы имали с собою платие лутчее, чтобы там съехався, видити их цветно»³⁵. По-видимому, и для похода существовала подобная норма, найти ее можно в документах более позднего времени: «Да государь ж царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси велел сказати бояром и околничим, и приказным людем, и столником, и стряпчим, и жилцом, и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людем, чтоб были все с ним, государем, и с сыном его з государевым царевичем, со князем Федором Борисовичем всеа Руси на его государеву службу против недруга его крымскова царя Казы-Гирея готовы и были б все людны и конны, и нарядны, и цветны»³⁶.

Численность

Во всех землях, включенных в состав Московского государства, существовали свои традиции, складывавшиеся многими поколениями. Самый простой пример: в Средневековье воинская повинность распространялась на людей, владеющих землей, но даже меры площади этой земли в разных княжествах назывались и исчислялись по-разному: чети, обжи, сохи (московская и новгородская) и др. Различны были и нормы: с какой площади пахотной земли сколько выставлять ратников. Чтобы привести все к единому знаменателю, т. е. «приравнять» всех служилых, требовался не один год. Окончательно это оформилось, скорее всего, к 1556 г., известному «Уложением»: «...со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе полном, а в далной поход о дву конь...». Там же был и «приговор» о главенстве «титульных полков»³⁷. До того подобной нормы, закрепленной законодательно, не существовало. Все зависе-

³⁴ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. Т. 1. – М., 2008. – С. 239–243, 249.

³⁵ СИРИО. Т. 95. – СПб, 1895. – С. 94.

³⁶ РК 1598-1638. 1974. – С. 105.

³⁷ ПСРЛ. Т. XIII, Никоновская Летопись. – С. 267–269.

ло от местных мер земли и цели сбора войска. Например, псковичи в оборонительном походе 1480 г. «тои ночи, иные на завтрее, много скрутившееся поеха с четыре сох конь и человек...», а в наступательном 1495 (на шведов) «срубился з десяти сох человек конны...». Третий, наиболее подробный случай псковской мобилизации описан на 1500 г.: «...князь псковской Александр Володимирович и посадники псковские и бояре и весь Псков пороубившееся з десяти сох конь, а з сорока рублев конь и человек в доспехе, а бобыли пешие люди, и поехаша конная рать, человек на кони в доспехе на Литвою князем великим в пособие»³⁸. Разница в 2,5 раза. Если принять «псковскую соху» равной «новгородской», соответственно 3 обжи, по 10 четей в каждой, то при обороне «рубил» одного ратника со 120 четей, а при дальнем походе – с 300. Если «оборонная» норма более-менее совпадает с «Уложением 1556 года», то «наступательная» меньше в 3 раза. Скорее всего, в 1556 г. была сделана попытка в несколько раз увеличить численность походного войска за счет привлечения «городовых» и тех, кто «не служит никому»³⁹. Норма эта для большинства оказалась неподъемной и в 1604 г. была уменьшена в 2 раза: «А мы, видяше, яко сие вельми тяжко бысть, повелехом отныне и впредь всегды, кто колико поместий и вотчин имеет, а сам коея ради вины на войну не идет, хоша старости и болезни для, или в приказах и градах судейства и управления ради, сам быть не может, ни сына пошлет, тому слати холопа от двусот четвертей с конем, с полным доспехом и запасом, кому граду куды идти велено будет»⁴⁰.

Наверняка и в других землях существовали подобные псковским нормы, по которым и собиралось войско, и были они меньше, чем в «Уложении 1556 года».

Про численность и тактические построения середины XV – начала XVI в. сведений сохранилось немного.

В 1435 г. князь Василий Юрьевич (тогда еще не Косой) с отрядом в 300 человек⁴¹ совершает рейд из Кашина к Вологде, разбивает по пути великокняжеских воевод, грабит город и уходит в Новгород.

В 1436 г. произошла битва при Скорятине. В ней отмечен «двор» князя Дмитрия Шемяки числом в 500 человек под командой воеводы Акинфа Волынского (внук Боброка), с противной стороны находились «дворы»: великого князя Василия Васильевича, удельных Дмитрия Юрьевича Красного, Ивана Андреевича Можайского и служилого литвина Ивана Бабы Дрютского, каждый из которых составлял отдельную тактическую единицу – полк⁴².

Зимой 1444-45 гг. на западные рубежи Московского государства состоялось нападение литвинов. Им противостояли «городовые» дети боярские удельных

³⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1, Псковские Летописи. – С. 76, 81, 84.

³⁹ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. – М., 2005. – С. 146: «Докучайко (Шапилов) з братьею не служит никому».

⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. VII. – С. 389.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XXIV, Типографская Летопись. – М., 2000. – С. 183.

⁴² ПСРЛ. Т. XXIII, Ермолинская Летопись. – С. 149: «...княжи Дмитриевы братни дворяне 500 человек...»; ПСРЛ. Т. XII, Никоновская Летопись. – С. 21-22: «...и все прочии полци князя великого изрядишеся по своему обычаю вскоре».

князей Ивана Андреевича Можайского, Михаила Андреевича Верейского и Василия Ярославовича Боровского – сами князья со своими дворами в это время воевали против татар на восточных границах. Каждый удельный отряд возглавлял свой воевода: Андрей Васильевич Луговица (из князей Шуйских) – 100 можайчей, Иван Судок – 100 вереичей и Житнев – 60 боровичей⁴³.

Летом 1445 г. мы встречаем дворы тех же удельных князей в сражении под Суздалем. Там вместе с великокняжеским двором их общая численность составляла около 1000 человек⁴⁴. В помощь к ним подошел владимирский «городовой» полк воеводы Алексея Игнатьевича (из Колычевых) в 500 человек⁴⁵.

Последнее упоминание о численности войск Василия Темного относится к 1456 г. В бою под Русой воеводы Федор Басенок и Иван Васильевич Стрига Оболенский умудрились с 200 воинами «двора» разгромить новгородскую рать. По новгородским известиям, в бою участвовали и татары⁴⁶.

Начиная с правления Ивана III, числа в летописях почти исчезают, за исключением заведомо завышенных. Про поход на Новгород в 1471 г. можно встретить и 10 000⁴⁷, и 5 000⁴⁸, и 4 000⁴⁹ воинов у князя Даниила Холмского. А по некоторым сведениям, численность рати составляла «1000 вой»⁵⁰, без учета татар. Последнее более похоже на правду, так как в помощь Пскову (и для того, чтоб поднять псковичей в поход) в то же время был послан московский воевода Василий Зиновьев Дятел с сотней человек. «И бысть Пскову от него велика истора, как самому кормом и его конем...»⁵¹.

С падением «ордынского ига» Иван III смог распоряжаться так называемыми «черными землями», до того служившими источником выплаты «выхода», то есть дани. Часть этих земель пошла в поместное землевладение, что увеличило численность войска. Кроме того, в «раздачу» пошли земли присоединенных княжеств и республик.

По данным К. В. Базилевича, в период с 1484 по 1500 гг. в Новгородчине земель наделили 1 310 человек. Не все они были детьми боярскими, не менее 280 – бывшие боевые холопы. С. Б. Веселовский, учитывая неполноту данных у К. В. Базилевича, предположил общую численность новгородских помещиков до 2 000 человек. Насколько это соответствует действительности, можно проверить на примере кампании 1501 г. на Псковщине. Относительно этого случая сохранились сведения, сколько проела присланная в помощь Пскову рать: «...и

⁴³ ПСРЛ. Т. XXV, Московский Свод. – С. 395.

⁴⁴ Там же. – С. 262: «...яко не с тысячу».

⁴⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская Вторая Летопись. – С. 105.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XII, Никоновская Летопись. – С. 111: «...а сих до двусот не оастся». ПСРЛ. Т. XVI, Летопись Авраамки. – М., 2000. – С. 195: «... и паде ту Москвиц и Татаров 50 человек».

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VI, Вып. 2, Софийская Вторая Летопись. – С. 171.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XVIII, Симеоновская Летопись. – М., 2007. – С. 231, ПСРЛ. Т. XXVI, Вологодско-Пермская Летопись. – М., 2006. – С. 237.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXIV, Типографская Летопись. – С. 190.

⁵⁰ Буганов В. И., Рогожин Н. М. Краткий Московский Летописец начала XVII в. из г. Галле (ФРГ) // АРИ. 8 выпуск. – М., 2007. – С. 552.

⁵¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2, Псковские Летописи. – С. 180-181.

псковичам много проторы, овса сто зобниц, а сена сто стогов, да тои проторы, кое на колачи, кое на хлебы, 25 рублей на один день»⁵². Согласно подсчетам К. В. Базилевича, с которыми соглашается Ю. Г. Алексеев, овсом, взятым у псковичей, можно было прокормить 5–5,5 тыс. лошадей⁵³. По моим подсчетам, получается несколько меньше – 4 тыс. лошадей. «Зобница» – мера измерения сыпучих тел, равная «коробье». По сохранившимся документам, на 10 коней полагалось четверть овса, на зобницу – 40, на 100 зобниц – 4 000 лошадей. Примечательно и еще одно совпадение: на этих лошадей, по тем же документам, приходилось 1500 ратников⁵⁴. Не вдаваясь в споры с корифеями российской науки, хочу только отметить, что и денежное содержание, принятое ими, – 1 деньга в день на ратника, крайне мала. 1 деньгу стоили тогда: 1 печеный хлеб, 1 калач, 1 сыр, 1 курица. Гусь ценился в 2 деньги, 100 яиц в 3⁵⁵. Минимальная выплата за всадника в доспехе, по «Уложению 1556 года», составляла 5 рублей, то есть 1 000 денег, что в пересчете на год составит примерно 2,5 деньга на день, а «государевым казакам» в 1572 г. в Новгороде давали на день по 5 денег или по 2 алтына⁵⁶, в зависимости от «чина». Не говоря уже о том, что дети боярские получали большее жалование, чем другие категории ратников. Состояла рать из новгородских помещиков и тверичей: «И князи велики прислали воевод своих князя Василия Васильевича Шоуйского и со князи и с помещики с новгородскими и с людьми своими и со всею ратною приправою, а в другую неделю приехал князь Данилей Пенка и с тверцы...»⁵⁷. Таким образом, «новгородская сила» вместе с «тверской ратью» летом 1501 г. насчитывала 1 500, в крайнем случае – 2 000 всадников. В битве при Сырице, завершившей кампанию, она выглядела следующим образом: «И бой им был с великого князя воеводы на реке на Сырице. А воеводы были по росписи по полком. В большом полку князь Данило Олександрович Пенко Ярославской да князь Иван Васильевич Шуйской, да князь Михайло Корамыш Курбской. В правой руке Иван Борисович Захарьин Бороздин да князь Ондрей Васильевич Кропотка, да князь Иван Гундоров Большой. В передовом полку князь Иван Дмитриевич Тулупьев да Михайло Ондреевич Колычов, да князь Федор Петрович Сицкой. В левой руке Петр Борисович Бороздин да Иван да Василей Григорьевичи Поплевины Морозовы. В сторожевом полку князь Иван Олександрович Буйнос Ростовской да Образец Синей. И на том бою убили воеводу Ивана Борисовича Бороздина, а бой был августа в 16 день. И немцы великого князя воевод побили»⁵⁸. По рос-

⁵² ПСРЛ. Т. V. Вып. 1, Псковские Летописи. – С. 85.

⁵³ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. – СПб, 2007. – С. 399–404.

⁵⁴ СИРИО. Т. 41. – СПб, 1884. – С. 441–442: «А на кони на их на двадцатеро лошадей и на две лошади, давати ему корм две четверти овса с полуосминою...» на 1502 г.; ДАИ. Т. 1. – СПб, 1846. – С. 129–130: «...а конского корму приготовить на десять лошадей по четверки овса»; «...а с царевичем и с уланы и князей, и мурз, и Тотар, и их людей тысяча пятьсот человек, ... а лошадей у них четыре тысячи».

⁵⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. – М., 1905. Отд. 1. – С. 90.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXX, Новгородская Вторая Летопись. – С. 193.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1, Псковские Летописи. – С. 85.

⁵⁸ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – М., 1977. – С. 67–68.

писи 5 полков и 14 воевод. Почему-то вместо Василия Шуйского фигурирует его брат Иван. Но в этом нет ничего удивительного: Василий мог заболеть, и его место занял брат. А может, ошибка переписчика, имя в летописи написано на поле с выносным знаком и другими чернилами. Тут уж вопрос, кому больше доверять – летописи или разрядной книге. Также следует отметить, что псковичи, официально не входившие тогда в Московское государство, в росписи не значатся, хотя в битве они участвовали во главе с князем Иваном Ивановичем Горбатым и 9 посадниками.

Про численность войск Василия III известий сохранилось немного. В разрядных книгах за 1508 г. есть начало одной из росписей: «В передовом полку князю Василью Васильевичу Шуйскому людей у себя оставить из своих людей которые у него 500 человек голов детей боярских опричь тех которые с ним князи и дети боярские из двора и из городов тех ему всех отдать князю Василью Даниловичу да князю Олександру Володимировичу и они себе тех людей поделят сами. А Ондрею Салтыкову быть у князь Василья Шуйского в полку с теми людьми, которые с ним». Надо учитывать и то, что в передовом полку были и другие воеводы: «В передовом полку князь Василей Васильевич Шуйской да князь Иван Михайлович Воротынской да князь Костентин Федорович Ушатой да в передовом же полку прибыльной воевода князь Василей Голенин». К сожалению, переписчик частной разрядной книги поленился переписать весь состав армии, ограничившись фразой: «А ся роспись людям с теми воеводами по полком...»⁵⁹. Теперь приходится гадать и предполагать. Из Летописей известно о войске, введенном во Псков при его присоединении в начале 1510 г.: «...и оставил во Пскове детей боярских 1000 да пищальников новгородских 500», кроме того «с Москвы пищальников казенных 1000 и воротников»⁶⁰. Непосредственно к кампании 1514 г. относится польское известие о передовом войске, подошедшем к Смоленску под началом М. Глинского: «*nuber dix Michael cum M. equitibus ad eos* (князь Михаил с 1000 всадников)»⁶¹. Состояло войско из передового полка основной армии, стоявшей в Дорогобуже (воеводы князь Михаил Львович Глинский и князь Михаил Васильевич Горбатой Кислица), усиленного отрядами Ивана Андреевича Челядина из Большого и князя Бориса Ивановича Горбатого из Сторожевого полков. Сам Василий выступил из Москвы 8 июня. «А с ним братья ево князь Юрьи да князь Семен Ивановичи да бояр и детей боярских дворовых 220 человек»⁶².

Из более поздних времен, регентства Елены Глинской, до нас дошло несколько документов, показывающих состояние дел в «силе новгородской». Осенью 1534 г., в преддверии новой войны, получившей название Стародубской, со Пскова в Литву сбежал «наместника псковского дьяк большой Родивон». Перебежчик поведал полный состав Новгородского войска: Псков – наместник Михайло Иванович Кубенский, с ним – 2 дьяка «великого князя», 12 «городничих»,

⁵⁹ РК 1475–605. Т. I. Часть 1. – С. 109–110.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1, Псковские Летописи. – С. 96; Вып. 2. – С. 258, 298–299.

⁶¹ Зимин А. А. Россия накануне нового времени. – М., 1972. – С. 160–161.

⁶² РК 1475–605. Т. I. Часть 1. – С. 138.

100 голов «детей боярских новгородцев»; из коих 30 послано на Рижскую дорогу, 30 на Красный городок, 40 «во Пскове застало». Опочка – наместник Андрей Квашнин, 15 «детей боярских старых, которые вжо не могут на службу ездити» и 150 пищальников «а наняли без ведома великого князя». На Ворониче – наместник Василий Снозин, «а при нем никого людей нет». На Велье – Тимофей Бутурлин, при нем 30 «земцев таковых, которые теж не могут на службу ехати». На Красном – Петр Заболцкий, при нем 30 человек новгородцев «которые ж деи лежат по дорогам на сторожи, для беглецов». Михайло Воронцов, наместник новгородский, – «лежал на Порхове», а с ним 500 голов детей боярских новгородцев, с них 300 послано на Луки, 200 «остатних в монастырю на Хлавицы». Дмитрий Воронцов, наместник псковский, – пошел с Вельи к Дедковичам, а с ним 300 голов детей боярских псковских «в головах старшии Тимофей а Федор Сабуров, Михайло а Шарап Плещеев, Иван Отяев, Иван Бурцов, Иван Долютик и Немир Воронцов»⁶³.

Следующим сохранившимся сообщением является «Список расспросных “речей” детей боярских взятых в плен под Полоцком», датированный маем 1535 г. Он в основном касается рати, сосредоточенной в Великих Луках, куда по предыдущему известию были посланы с Порхова 300 детей боярских новгородцев. По словам пленных на Великих Луках с воеводами князем Иваном Ивановичем Барбошиным, князем Дмитрием Федоровичем Палецким и Василием Разладиным Квашниным людей, новгородцев «на Луках при нас было полторы тысячи». Из них выбрали «нас, детей боярских, а з нами всих триста человек» и послали в погоню за литовскими казаками к Полоцку, где они и попали в плен. В том же документе имеются уточнения по остальным частям новгородского войска. Наместник новгородский Михайло Воронцов «с трема пятами, то есть с трема частями людей новгородских» в Порхове. Дмитрий Воронцов, наместник псковский, «з людьми псковскими» в Велье. Дворецкий новгородский Иван Бутурлин «а з ним выбрано людей подлейших новгородских с двух пятин» в монастыре на Ловати⁶⁴. Под «подлейшими людьми», надо думать, подразумевались так называемые «конные люди», которые снаряжались в службу с тяглых и нетяглых дворов по специальному указу. Они нам известны по «Разрядному и разметному списку, о сборе с Новгорода и Новгородских Пятин ратных людей и пороха, по случаю похода Казанского. 1545. Сентября»⁶⁵. Такую категорию служилых людей можно отнести к «посохе». В 1514 г. они если и набирались, то должны были участвовать в осаде Смоленска, после которой прямым ходом отправились домой, вместе с новгородскими и псковскими пищальниками.

Наиболее говорливым из пленных оказался луцкий помещик Василий Иванов сын Хрущев «родом з Ростова». Он существенно дополнил предыдущие известия. Пояснил состав отряда, посланного в погоню: «...нас детей боярских девеносто голов, а всих нас, с нашими людьми триста». Поправил товарищей,

⁶³ ПИВЕ. Т. VI. – Москва–Варшава, 2002. – С. 115–116.

⁶⁴ ПИВЕ. Т. VI. – С. 134–135.

⁶⁵ ААЭ. Т. I. – СПб, 1836. – С. 184–195. Тогда предполагалось набрать с новгородской земли 1973 конных ратных людей и 2000 пищальников – половину конных, половину пеших.

указав, что Михайло Семенович Воронцов пошел на Порхов не с тремя, а «с пятма пятинами». Простодушно рассказал гетману Ю. М. Радивилу: «Войско московское велико; нам молодым людем, ведати о нем нельзе». На настойчивые уговоры допрашивающих все-таки что-нибудь поведать сказал: «В тот час того войска новгородского и псковского было с князем Борисом Горбатым пятьдесят тысяч». Неизвестно, поверил ли тем словам Юрий Миколаевич или велел всыпать луцкому помещику горячих. Некоторые современные историки свято им верят и приводят их в качестве доказательства «тьмачисленности» московских ратей. Впрочем, Ю. М. Радивилу таковые слова были на руку: было чем оправдываться перед королем за бездействие. В заключение Хрущев сообщил о новшестве, введенном в московском войске: «И то поведал, чего деи перед тым, за князя великого Василия не бывало, абы люди владычни, мана-стырские сытничие и конюхи у войско ходили; теперь тым всим у войско пойти казано»⁶⁶.

Полки

Административно рать делилась на так называемые «титульные полки». Каждый из них, в свою очередь, делился на «воеводские» полки, во главе которых стояли воеводы, назначенные государем. «Воеводские» полки состояли либо из представителей одного «города», либо из «лучших» «розных городов». «Лучшесть» определялась по «роду», а также «конности, людности и оружно-сти». В целом, «воеводский» полк до реформ 50-х годов XVI в.⁶⁷ был аналогом «хорунги» или «роты». Мог насчитывать в своем составе от нескольких десятков до двух-трех, в крайнем случае, пяти сот всадников, т. е. столько, сколькими можно было управлять одному человеку. Низшей тактической и административной единицей являлся сам сын боярский со своим «двором». В отрядах «городовых детей боярских», несших сторожевую службу, возможно, существовало деление на десятки. В некоторых случаях «титульные полки» усиливались пичальниками и посошными, у которых были свои «воеводки».

Разделение на «титульные» полки в то время еще не устоялось, войско могло состоять из пяти, четырех, трех, двух, или даже одного полка, с разным количеством воевод в каждом. Все зависело от численности и цели, перед ним поставленной.

Иногда на одном направлении действовало несколько ратей, если предстояло биться, они объединялись. Тогда происходило и объединение полков, из которых рати состояли. Тактическое построение в битвах, которые случались крайне редко, бывовало двух видов: трехполковое и пятиполковое.

При трехполковом построении войска становились в три линии: передовой, большой, сторожевой полки. Первым атаковал передовой, стараясь расстроить

⁶⁶ ПИВЕ. Т. VI. – С. 137-138.

⁶⁷ Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в. // Единорогъ. Вып. 1. – М., 2009. – С. 196–226.

ряды неприятеля градом стрел, потом в дело вступал большой. Если враг выдерживал удар, то начинался отход под прикрытием сторожевого полка.

При пятиполковом построении в первую линию выдвигались полки правой руки, передовой и левой руки. Полк правой руки начинал атаку, затем ее поддерживал передовой полк, левая рука атаковала последней. Большой полк играл роль резерва: главный воевода посылал из него подкрепления («посылки») в те места, где это требовалось. Впоследствии большой полк наносил главный сокрушающий удар. Сторожевой полк находился в третьей линии и прикрывал тылы. Это правило, впрочем, не исключало и некоторых элементов маневрирования: например, при Ведроше сторожевой полк совершил обход литовского войска и нанес ему удар в тыл.

От предназначения полка зависела его численность и количество воевод. На Ведроше, к примеру, в войске было 5 полков под командой 16 воевод: «И тово же лета июня в 14 день был бой великого князя воеводам на Ведроше с литовскими людьми со князь Костентином Острожским. А государевы и великого князя воеводы были по полком по росписи: в большом полку служивые князи князь Семен Иванович Стародубской, князь Иванов сын Ондреевича Можайскова, да князь Василей Иванович Шемятич, да великого князя воеводы князь Данило Васильевич Щеня; в передовом полку князь Михайло Федорович Телятевской да князь Петр Васильевич Оболенской Нагой, да князь Володимир Борисович Туренин; в правой руке князь Осиф Ондреевич Дорогобужской да князь Федор Васильевич Тельпень Оболенской, да князь Петр Иванович Стригин Оболенской, да с тотары князь Иван Михайлович Воротынской; в левой руке князь Володимир Ондреевич Микулинской да Дмитрей Иванович Кындырев, да Петр Иванович Житов; в сторожевом полку боярин Юрьи Захарыч да Иван Васильевич Щедра Вельяминов»⁶⁸.

Назначение воевод в полки зависело от их знатности, родовитости и послужного списка. Чем выше место занимал воевода в московской иерархии, тем более многочисленный отряд он мог возглавлять. Поэтому для иностранных представителей огромный интерес представляли так называемые «родословцы», за которыми они охотились и платили огромные деньги нерадивым дьякам. Нередко при назначениях возникали споры о «местах» – «местничество», что иногда пагубно сказывалось на результатах военных действий.

Фактом вступления воеводы в должность являлось принятие им списков данных под его начало людей. Первым делом воевода должен был пересмотреть и пересчитать людей, отсеять негодных к службе и сообщить о результатах государю. После этого ответственность за «государевых людей» ложилась на него. Подобный же процесс происходил в конце похода, когда воевода «возвращал» государю его людей с отчетом о потерях. Ко всему этому следует помнить: «воеводство», а впоследствии «головство», не приносило его обладателю материальной выгоды, а, скорее, наоборот. В 1547 г. известный полководец Александр Борисович Горбатой (из Шуйских), чтоб собраться на службу, был вынужден продать и заложить все, что имел, вплоть до одежд и драгоценностей жены и дочери⁶⁹.

⁶⁸ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – М., 1977. – С. 60–61.

⁶⁹ АИ. Т. I. – СПб, 1841. – С. 210.

Кроме «представительских» расходов воевода в ходе кампании не только отвечал за действия своих подчиненных, но и должен был в случае чего снабжать их продуктами и конями. Далеко не каждому было такое под силу. Вследствие всего этого во главе войска стояли зачастую не «полководцы», а «хозяйственники».

1514 год

В кампанию 1514 г. наличные силы были разделены на 5 группировок. «Главная» базировалась в Дорогобуже, состояла из 5 полков под командой 11 воевод (из них 6 в боярском чине). Большой – воеводы боярин князь Даниил Васильевич Шеня и конюший и боярин Иван Андреевич Челяднин. Передовой – воеводы боярин князь Михаил Львович Глинский и князь Михаил Васильевич Горбатый Кислица. Правой руки – воеводы боярин князь Михаил Данилович Щенятев, князь Никита Васильевич Оболенский, князь Иван Федорович Ушатый.левой руки – воеводы боярин князь Андрей Иванович Булгаков и князь Иван Иванович Щетина Оболенский. Сторожевой – воеводы боярин князь Борис Иванович Горбатый и Дмитрий Васильевич Китаев⁷⁰.

«Северная», или «Новгородская», группировка сосредоточилась в Великих Луках. В ней было 5 полков и 9 воевод, в том числе один боярин и один окольныйничий. Большой – боярин князь Василий Васильевич Шуйский Немой и окольныйничий Иван Григорьевич Морозов. Передовой – князь Иван Иванович Темка Янов Ростовский. Правой руки – князь Петр Иванович Елецкий и Василий Овца Иванов сын Володимиров.левой руки – Иван Семенович Пупок Колычев и Иван Андреевич Колычев. Сторожевой – Замятня Константинович Сабуров и Дмитрий Данилов сын Иванов⁷¹.

«Южная» на Туле служила прикрытием от возможной «крымской опасности». Состояла из 5 полков и 10 воевод, из них 4 боярина и один окольныйничий. Большой – боярин князь Александр Владимирович Ростовский и боярин Михаил Юрьевич Захарьин. Передовой – князь Иван Михайлович Воротынский и Григорий Фомич Квашня. Правой руки – боярин князь Андрей Дмитриевич Курбский и окольныйничий Андрей Никитич Бутурлин.левой руки – князь Иван Семейка князь Семенов сын Ярославский и Юрий Иванов сын Замятин. Сторожевой – боярин князь Иван Андреевич Лугвица Микулинский и князь Иван Михайлович Шамин⁷².

Связующим звеном между «Главной» и «Южной» группировками служил отдельный полк на Угре, в нем было 3 воеводы: боярин Семен Иванович Воронцов, окольныйничий Иван Васильевич Хабар Симской и Петр Яковлевич Захарьин⁷³.

Восточные рубежи прикрывала «Мещерская» рать. На полки она не делилась, но в ней было 5 или 6 воевод: Федор Юрьевич Щука Кутузов, Григорий

⁷⁰ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 137–138; РК 1475–1598. – М., 1966. – С. 52–53.

⁷¹ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 139–140; РК 1475–1598. – С. 53.

⁷² РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 137. РК 1475–1598. – С. 52.

⁷³ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 139. РК 1475–1598. – С. 54.

Большой Ондреевич Колычов, Михайло Семенович Воронцов, князь Василей Ковер Кривоборской, да волостель мешерской, да Слеско Елецкой⁷⁴.

Как уже отмечалось ранее, передовые части «Главной армии» обложили Смоленск уже в середине апреля, через месяц подошли и основные силы во главе с «большим воеводою» Данилою Щеней. Однако этих сил для взятия города не хватало. Дипломатия Михаила Глинского без силового подтверждения тоже не приносила пользы. 8 июня 1514 г. великий государь в сопровождении братьев князей Юрия и Семена Ивановичей, бояр и дворовых детей боярских в числе 220 человек двинулся из Москвы в сторону Боровска. Для усиления своего воинства Василий вызвал часть сил с Тульской рати: на соединение с великим князем к Дорогобужу приказано было идти 4 воеводам: «...с Тулы велел князь великий итти за собою к Смоленску воеводам: князю Ивану Михайловичю Воротынскому да Семейке княж Семенову сыну Романовича, да Ондрею Ботурлину, да Григорью Фомину. Да с Тулы же велел итти в головах з детьми боярскими з дворовыми князю Василью княж Ондрееву сыну Нохтева да князю Александру Ситцкому, да Ивану Ондрееву сыну Шереметеву, да Ивану Васильеву сыну Собакину; а наезжати им себя велел в Дорогобуже»⁷⁵. Практически весь передовой полк и половина полков правой и левой руки. Кроме того, с Тулы вызывались все дворовые дети боярские из остальных полков. Назначение специальных «письменных голов» было вызвано стремлением пресечь на корню возможные «местнические споры».

Почти одновременно, 7 июня 1514 г., в северную группировку, в Великие Луки, послали Василия Сергеева сына Левашова с наказом Василию Васильевичу Шуйскому выступать в Литовские пределы, направлением на Оршу для разорения земель неприятельских и наблюдения за королем Сигизмундом, который собирал в Вильно и Минске войско. «Новгородская сила» двинулась широким фронтом, разоряя все вокруг, к Минску, Борисову и «Дрютским полям». «Северная» армия перед тем была разделена на две части – «Ударную» и «Резервную». «Ударная» состояла из 5 полков с 9 воеводами. Большой – боярин князь Василий Васильевич Шуйский и Михаил Андреевич Плещеев. Передовой – князь Иван Иванович Темка Ростовский, Дмитрий Китаев Новосильцев. Правой руки – князь Борис Тибет Уланов и Иван Андреевич Колычов.левой руки – Иван Семенович Колычов, «а с ним велено послать в товарищех сына боярского, кого пригоже». Сторожевой – Замятня Константинович Сабуров и Дмитрий Данилович Иванов. В «Резервной», оставленной в Великих Луках, было 3 полка, 3 воеводы. Большой – окольный Иван Григорьевич Морозов. Передовой – князь Петр Иванович Елецкий. Правой руки – Василий Овца сын Владимиров. «А в левую руку и в сторожевой полк велел государь выбрать Ивану Морозову детей боярских кого будет пригоже». Воевод среди новгородцев явно не хватало, скорее всего, из-за материального положения.

⁷⁴ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 139. В другой редакции: РК 1475–1598. – С. 56, фраза написана иначе: «в Мешере были воеводы Федор Юрьевич Кутузов, Григорей Большой Андреевич Колычов, Михайло Семенович Воронцов, князь Василей Ковер Кривоборской да волостель мешерской Слезка Елецкой».

⁷⁵ РК 1475–1598. – С. 54.

Совершив рейд по Литве, В. В. Шуйский прибыл к Смоленску в конце июля. Когда город сдался, он был назначен его первым наместником. Новгородская рать между тем занималась разорением литовской территории и базировалась на так называемых Дрютских полях. Для руководства воинством туда послали нового начальника – боярина князя Михаила Ивановича Булгакова с братьями и двух князей Оболенских.

События, произошедшие после взятия Смоленска, в рамки логики не укладываются. Михаил Глинский, только что «подаривший» город Василию, решается на измену. Возможно, сыграло роль невыполнение государем своего обещания, но решиться на подобный шаг, да еще в столь короткое время? Однако решение этой загадки не входит в нашу задачу. Известно, что Глинский был разоблачен, схвачен и закован в «железа». Успешную кампанию решили завершить. После присяги Мстиславля, Кричева и Дубровны оставалось только вывести войска, казаковавшие на Дрютских полях.

Загадки

Вывод войск с неприятельской территории во все времена весьма трудная задача. Потому для исполнения ее привлекаются наиболее опытные полководцы. Не стала исключением и осень 1514 г. К сожалению, в разрядных книгах о действиях московских воевод после измены Глинского прямых сообщений нет. Кто находился на западном рубеже? Кто участвовал в Оршинской битве? Кто и кем командовал?

Восстановить ход событий позволяют летописные сообщения. Практически во всех московских летописях сказано: «А по изменникове Глинского ссылке для его споны посылал (Василий III) на Дрютские поля со князем Михаилом снятися бояр своих Григория Федоровича да конюшего и боярина Ивана Андреевича и иных воевод своих с людьми своего дела беречи, а велел им сниматися с воеводами, з боярином и воеводою со князем Михаилом Ивановичем Булгаковым и с сынами воеводами, а велел им постоять на Непре, а сжидатися с теми людьми, которые посланы к Менску и к Борису и на Дрютские поля, и как сбируться с людьми, и князь великий велел князю Михаилу Булгакову и всем воеводам за собою итти»⁷⁶.

Приведенная цитата не оставляет сомнения в целях поставленных перед воеводами, – сбор разбросанных по литовским пределам войск и их последующий вывод в отчину. Старшинство воевод тоже оговорено: 1-й – М. И. Булгаков, 2-й – Григорий Федорович Давыдова Челяднин, 3-й – Иван Андреевич Челяднин. Остается только гадать: кем были «иные воеводы» и почему на поле боя под Оршей картина совершенно другая?

С войском, находившимся под командой М. И. Булгакова, вопросов не возникает, его роспись есть в разрядных книгах. Скорее всего, она составлена при передаче дел от В. В. Шуйского М. И. Булгакову:

⁷⁶ ПСРЛ. Т. XIII, Никоновская Летопись. – С. 21.

Большой полк – князя Михаил и Дмитрий Ивановичи Булгаковы.

Передовой полк – князя Иван Темка Ростовский и Никита Васильевич Оболенский.

Полк правой руки – князь Андрей Иванович Булгаков.

Полк левой руки – князь Андрей Михайлович Оболенский⁷⁷.

Отсутствует сторожевой полк. По-видимому, на момент передачи «списков» ратники, его составлявшие, отсутствовали – казаковали где-то под Минском или Борисовым. С этим предположением согласуется сообщение из источников с другой стороны. По ним летом 1514 г. литовский князь Василий Андреевич Полубенский разбил отряд «москвитов» в 300 человек, захватив 30 из них в плен⁷⁸. Куда потом делись остатки полка, неизвестно. Судя по всему, на соединение с М. Булгаковым они не пошли, а вернулись на Великие Луки.

Участие в битве воевод из росписи не вызывает сомнений: Михаил и Дмитрий Булгаковы были пленены, Темка Ростовский – убит «в передовом полку из пушки». Неопровержимо и участие в битве новгородцев, среди пленных указаны как воеводы, ранее упомянутые в войске В. В. Шуйского (Дмитрий Васильевич Китаев Новосильцев, Иван Семенович Колычев Пупок), так и рядовые новгородские дети боярские и земцы, а также псковские и великолукские дети боярские, входившие в новгородскую рать, в их числе новгородский конюший, «яселничий» – Федор Никитин сын Игнатьев Кобец.

Больше вопросов вызывает то, с какими людьми прибыли Г. Ф. Давыдов и И. А. Челяднин. Понятно, что не с «последними», если в числе пленных оказался великокняжеский постельник Ратай Иванович Ширяев Омельянов. По-видимому, с ними прибыли наиболее значимые дети боярские, те самые, что сопровождали в походе самого великого князя. Список пленных пестрит фамилиями, оставившими след в русской истории. Хотя, с другой стороны, в начале XVI в. служилых людей было не так уж и много, фамилий еще меньше, большинство приходились друг другу родственниками. Соответственно, если род не пресекался по какой-либо причине, то потомки тех людей и творили историю Государства Российского.

Архангелогородский летописец, который передает много уникальных известий о событиях, сообщает имена еще двух воевод. Это князя Иван Семейка и Иван Пронский. С Иваном Семеновичем Семейкой Ярославским мы уже встречались – он отмечен в числе воевод, в начале кампании отозванных из Тулы к государю. По некоторым сведениям, Семейка под Оршей погиб⁷⁹. Князь Иван Дмитриевич Пронский числится в списке пленных под Оршей, значит, в битве участвовал. В том же списке как воевода числится князь Борис Васильевич Ромодановский.

Таким образом, можно считать, что вместе с Григорием Федоровичем и Иваном Андреевичем в дополнение к войску Михаила Булгакова прибыли воеводы: князь Иван Семенович Семейка Ярославский, князь Иван Дмитриевич

⁷⁷ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 142.

⁷⁸ ПИВЕ. Т. VI. – С. 207.

⁷⁹ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. – М., 1995. – С. 28.

Пронский, князь Борис Васильевич Ромодановский. С ними, скорее всего, были дети боярские из свиты великого князя. Возможно, вместе с ними прибыли Дмитрий Васильевич Китаев Новосильцев – до того участвовавший в осаде Смоленска; и Иван Семенович Колычев Пупок – скорее всего, сопровождавший В. В. Шуйского на его новое наместничество; они должны были привести часть новгородцев и, возможно, татар из отряда Тибет Уланова.

По утвердившейся практике, возвратившиеся воеводы должны были занять свои прежние места, а вновь прибывшие, скорее всего, должны были пребывать в Большом полку. Каким образом установилось главенство воевод в «титularных полках», можно понять по их послужным спискам.

Боярин князь Михаил Иванович Булгаков Голица – из московских Гедиминычей, средний на тот момент из сыновей князя Ивана Васильевича Булгака (Патрикеева), племянник Д. В. Щени. Родоначальник князей Голицыных. Впервые упоминается в списке князей и детей боярских, сопровождавших Ивана III в Новгород в 1495 г. В 1502 г. 1-й воевода большого полка рати, посланной со Ржева «воевать Литовскую землю». Осенью 1506 г. послан на Плесо, 1-м воеводой; в объединенной рати «для казанского дела» – 1-й воевода полка правой руки. В 1509 г. в свите Василия при его поездке в Новгород писан 2-м боярином. Летом 1512 г., на Угре, сначала 1-й воевода передового полка, затем, после отъезда Д. Щени, оставлен главнокомандующим – 1-м воеводой большого полка, в погоне за царевичем Ахметом с Угры – в том же качестве. В зимнем 1512-13 гг. походе на Смоленск – писан 3-м боярином свиты государя, в войске 2-й (после брата государя Дмитрия Жилки) воевода сторожевого полка. Летом 1513 г. 1-й воевода большого полка на Угре. В 1514 г. участвовал в приеме турецкого посольства Кемаль-бея. Под Смоленск прибыл в свите государя.

Боярин Григорий Федорович Давыдова Хромого Челяднин – из старшей ветви старомосковского рода Акинфичей. Впервые упоминается в списке князей и детей боярских, сопровождавших Ивана III в Новгород в 1475 г., затем в 1495 г. В январе 1496 г. в походе на Гамскую землю 2-й воевода правой руки. Весной 1501 г. – 1-й окольный при дворе наследника Василия Ивановича в Твери. Осенью 1501 г. под Мстиславлем 1-й воевода правой руки. Осенью 1506 г. «по казанским вестям» 2-й воевода в Нижнем Новгороде. Осенью 1507 г. в новгородской рати, посланной из Великих Лук на Литву, 1-й воевода большого полка. Осенью 1508 г. 2-й воевода в походе с Великих Лук к Торопцу. В 1510 г., после присоединения Пскова, назначен его наместником. В 1512 г. 1-й воевода на Тарусе, позже «у Серпухова же, у Оки на берегу, с теми людьми, которые с ними». В погоне за царевичем Ахметом на реке Осетре воевода передового полка. В декабрьском 1512 г. походе писан 3-м боярином свиты государя, в войске 2-й (после Федора Волоцкого) воевода левой руки. В летнем походе 1513 г. 1-й боярин при государе. В 1514 г. участвовал в приеме турецкого посольства Кемаль-бея. Под Смоленск прибыл в свите государя.

Иван Андреевич Челяднин принадлежал к боярскому роду Акинфичей, одному из старейших в Москве, выдвинулся после прихода к власти Василия III. Первый раз он упоминается как конюший в свите великого князя в сентябре

1509 г., при поездке в Великий Новгород. В 1510 г. приводил к «крестному целованию» жителей Пскова, при его окончательном присоединении, в роли второго боярина. Потом стал 2-м псковским наместником. В 1512 г., после отъезда с Угры Д. В. Щени, назначается 2-м воеводой большого полка сосредоточенной там рати, в погоне за царевичем Ахметом с Угры в том же качестве. Осенью-зимой 1512 г. в рати, высланной «наперед» государева похода на Литовскую землю, 2-й воевода большого полка. Во втором походе к Смоленску, в 1513 г., – в свите государя 2-м боярином. В 1514 г. – 2-й воевода большого полка главной армии. Несмотря на головокружительную карьеру, Иван Андреевич всегда находился на втором месте.

Князь Иван Дмитриевич Пронский происходил из пронской ветви рязанских князей, Рюрикович. Участвовал в свадебном поезде князя Василия Семеновича Стародубского в 1508 г. Летом 1513 г., в рати на Туле, 1-й воевода полка правой руки.

Князь Иван Семейка князь Семенов сын Ярославский – из князей Ярославских. В феврале 1512 г. на Туле 1-й воевода полка левой руки. Весной 1513 г. на Туле – 2-й воевода передового полка, позван к главной рати. В 1514 г. – 1-й воевода левой руки в тульской рати, отозван к государю в Дорогобуж.

Князь Борис Васильевич Ромодановский, из стародубских Рюриковичей. Ранее упоминается только в списке князей и детей боярских, сопровождавших Ивана III в Новгород в 1495 г., после двух «старейших» братьев.

Князь Дмитрий Иванович Булгаков – младший из братьев Булгаковых, нигде и ничем себя до того не проявил, кроме как участием в свадебном поезде князя Василия Семеновича Стародубского в 1508 г. Князь Дмитрий был, по-видимому, очень молод, и этот поход под присмотром старших братьев должен был открыть его боевой путь. По иронии судьбы, первый поход стал и последним.

Князь Иван Иванович Темка Янов Ростовский – из ростовских князей. Помещик Водской пятины. В 1501 г. в новгородской рати воевода передового полка, с детьми боярскими Водской пятины стоял заставой в волости Корбоселки. В 1509 г. – наместник в Ивангороде, в 1513 г. – в Орешке. В 1514 г. – несменный 1-й воевода правой руки в «новгородской рати».

Князь Никита Васильевич Хромой Оболенский – из черниговских Рюриковичей, начавших служить Москве еще в середине XIV в. В 1500 г. присутствовал на свадьбе В. Д. Холмского. В 1512 г. был воеводой полка правой руки на Дорогобуже, в ноябре 1-й воевода полка левой руки рати, посланной «наперед» к Смоленску. В 1513 г. – воевода полка правой руки в передовой рати, посланной в Литовскую землю. В 1514 г. – 2-й воевода правой руки в главной армии, потом послан на Дрютские поля

Дмитрий Васильевич Китаев – из старомосковского рода (известного с XIV в.) Новосильцевых (Китаевых). В 1513 г. в передовой части новгородской рати воевода передового полка в походе на Полоцк, при соединении с основной новгородской ратью – 2-й воевода передового полка. В 1514 г. сперва 2-й воевода сторожевого полка в главной армии, затем послан для укрепления «новгород-

ской рати», 2-й воевода передового полка, участвовал в Смоленском взятии, опять возвращен к новгородцам.

Боярин князь Андрей Иванович Курака Булгаков – «московский Гедеминич», старший из сыновей боярина князя Ивана Васильевича Булгака, племянник Д. В. Щени. Родоначальник Куракиных. Упомянут в списке князей и детей боярских, сопровождавших Ивана III в Новгород в 1495 г. В 1507 г. на Вязьме воевода полка левой руки. В 1512 г., на Угре, при Д. В. Щене, 2-й воевода большого полка, после его отъезда – 1-й воевода полка правой руки. В 1513 г. на Вязьме – воевода полка левой руки, во время осады Смоленска 1-й воевода полка левой руки. В 1514 г. – 1-й воевода полка левой руки в главной армии, позже послан к Орше.

Андрей Михайлович Оболенский Дурной⁸⁰ – из князей Оболенских. Впервые упомянут во время свадьбы князя Василия Семеновича Стародубского в 1508 г., там он сопровождал великую княгиню Софью. Весной 1512 г., на Угре, 1-й воевода полка левой руки. Под Смоленск, наверное, как и М. И. Булгаков, прибыл в составе свиты государя, там и получил новое назначение.

Иван Семенович Пупок Колычев – из старомосковского боярского рода. Не позже 1495 г. помещик в Древской пятине. В 1513 г. на Великих Луках, в передовой части новгородской рати, посланной к Полоцку, 1-й воевода сторожевого полка, под Полоцком, после объединения, – 2-й воевода сторожевого полка новгородской рати. В 1514 г. – 1-й воевода левой руки новгородской рати, вместе с В. В. Шуйским ходил к Смоленску, затем вернулся к Орше.

Скорее всего, после объединения войско должно было выглядеть следующим образом:

Большой полк – боярин князь Михаил Иванович Булгаков, боярин Григорий Федорович Давыдова Челяднин, боярин и конюший Иван Андреевич Челяднин, «да в большом же полку были воеводы с людьми со князь Михайлом Булгаковым» князь Иван Дмитриевич Пронский, князь Иван Семенович Семейка Ярославский, князь Борис Васильевич Ромодановский, князь Дмитрий Иванович Булгаков.

Передовой полк – князь Иван Темка Ростовский, князь Никита Васильевич Оболенский и Дмитрий Васильевич Китаев Новосильцев. «А Сивиндук-мурзе Юмадыкову с тотары быть у передового полку на правой руке».

Полк правой руки – князь Андрей Иванович Булгаков.

Полк левой руки – князь Андрей Михайлович Оболенский и Иван Семенович Колычев⁸¹.

Осталось только прикинуть, сколько ратников насчитывало московское войско под Оршей. Разговоры о 80-тысячном воинстве не выдерживают никакой критики. Разместить такое количество всадников, а пехоты в то время москвиты

⁸⁰ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии... Именной указатель.

⁸¹ Роспись реконструирована по аналогии с росписью «Тово же году был бой под Оршею со князь Александром Острожским» из: РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – М., 1977. – С. 39-40; подобное же: роспись на Угре – С. 118-119. Татары – С. 110.

в поле не использовали⁸², на сильно пересеченной местности не представляется возможным. Само число 80 000 появилось из строк первых победных донесений, попавших потом в летописи: «...ибо неровно было Москвы в пят крат болши нежели Литвы»⁸³. Трофеи, захваченные Острожским, не подтверждают многочисленность московской рати. По польским данным, после битвы было захвачено 5 000 коней (позже выросших до 20 000) и 2 000 возов (позже – 5 000). Каждый московский ратник имел как минимум двух лошадей, соответственно напрашиваются два варианта: либо не было «полного разгрома», либо войско было раз в 20 меньше. С возами ситуация еще интереснее: после успешной битвы Острожский подошел к Смоленску якобы с 6 000 воинов и обозом в... 16 000 возов (!!!)⁸⁴.

Воеводы, или Дворовая тетрадь?

Наиболее простой способ определения численности московского войска на Оршанском поле – по количеству воевод. У нас есть имена 13. Прикидываем на них по 200 – 300 ратников, максимум 500, и получаем 2 600 – 3 900, в крайнем случае, 6 500 всадников боевого состава.

То, что у воевод не могло быть больше людей в «воеводских полках», легко доказать, взяв пример «негосударевых» походов более поздних времен, в которых «сотни», скорее всего, не создавались. Возьмем довольно известного полководца – окольного Дмитрия Ивановича Хворостинина. В 1580 г., как у 2-го воеводы передового полка, у него под рукой было: 15 выборных дворян, 54 углечанина и 164 вязмича, всего – 233 человека⁸⁵. В 1581 г., в бытность 1-м воеводой полка правой руки: 20 выборных дворян, 114 белян и 50 алексинцев, всего 184 человека⁸⁶. Отметим, что в тех списках помечены все люди. Доказательством служит Ряжская десятина 1579 г., согласно которой для войны было отобрано 100 детей боярских, с холопами «служилыми», «с конем», «кошевыми», набралось 144 человека⁸⁷, в разрядах 1580 г. их число округлено до 150. Если столь отдаленный пример не устраивает, можно обратиться к 1552 г.,

⁸² Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. Т. 1. – С. 243: «В сражениях они никогда не употребляли пехоты и пушек, ибо все, что они делают, нападают ли на врага, [преследуют ли его] или бегут от него, они совершают внезапно и быстро [и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними]».

⁸³ ПСРЛ. Т. XVII, Западнорусские Летописи. – М., 2008. – С. 347; 403. В ПСРЛ. Т. XXXII. В Хронике Литовской и Жмойтской – С. 105: «Комонник зас литовский, котрого было 16 000... бо москвы было пятькрат болш, ниж поляков, руси и литвы».

⁸⁴ Ярушевич А. Ревнитель Православия князь Константин Иванович Острожский. – Смоленск, 1896. – С. 135.

⁸⁵ 7088/1580 г. май. Разряды похода великаго князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей. Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. Том Шестой. – М., 1914. – С. 1–14.

⁸⁶ Буганов В. И. Документы о Ливонской войне. Археографический Ежегодник за 1960 г. – М., 1962. – С. 267.

⁸⁷ Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. Выпуск 1. – М., 1891. – С. 219–248.

когда на южном рубеже в Путивле для прикрытия Казанского похода находилось войско, в котором у наместника князя Федора Ивановича Кашина было 379 детей боярских «тамошних жильцов», а у воеводы Бахтияра Григорьева сына Зюзина – 180⁸⁸. Или воспользоваться уже известными нам сведениями от 1535 г., когда на Великих Луках у трех воевод было 1 500 «всех людей».

Способ простой, но разброс возможных цифр в этом случае будет от 2 500 до 6 500 человек, то есть больше, чем в 3 раза.

Попробуем усложнить себе задачу и привлечь такой источник, как Дворовая тетрадь, так как в ней имеются списки детей боярских «московских городов», то есть хоть какие-то ориентиры. Когда и для каких целей создан сей документ, окончательно не установлено. Последняя публикация в 1950 г.⁸⁹ производилась без учета вновь обретенного т. н. «Музейного списка». В последующих работах публикатор – А. А. Зимин – отмечал, что в нем имеется отличная от опубликованного варианта дата создания – 7060 (1551-52) г. и много интересных дополнений. Устоявшееся мнение, что в Дворовой тетради перечислены наиболее знатные люди Московского государства, вызывает вопрос: а для чего тогда была «Избранная тысяча», список которой датирован 1550 г.? Там действительно все бояре и окольные, а также представители наиболее знатных фамилий, причем большинство перечислено и в Дворовой тетради. В «Тысячной книге» специально отмечено предназначение данных людей: «помещиков детей боярских лутчих слуг... быти готовым в посылки...». То есть они и есть – элита, придворные в современном понимании слова. А остальные 3 500 человек Дворовой тетради? Кто они?

В заглавии сказано: «Бояри и князи и дьяки да и князи и дети боярские дворовые московские земли и приказные». Получается, это не придворные, не «элита», а все, кто служит царю и великому князю? Как служат? И на этот вопрос есть ответ в самом списке, целый пункт: «Резанцы же от дальные службы оставлены»⁹⁰. Выходит – в списке перечислены люди, на тот момент способные к дальней службе. Их не было много. Сам Иван Грозный жаловался, что под Казанью с ним было всего 15 000 человек⁹¹. С учетом боевых слуг и новгородского войска примерно столько и должны были выставить дети боярские, упомянутые в Дворовой тетради.

Для проверки данного предположения стоит оценить состояние московского общества тех времен. В этом нам поможет «Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг.»⁹². Данный документ отмечает не только имена землевладельцев, описывает их владения, но и указывает на характер отношений к «службе». Возьмем часть – опись Микулинского стана-уезда. В книге по нему числится 264 землевладельца (кроме церковных владений). Условно их можно поделить на 3 категории. Первая – те, кто «служат Царю и Великому Князю», – насчитыва-

⁸⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. – М.–СПб, 2007. – С. 316.

⁸⁹ ТКиДТ

⁹⁰ ТКиДТ. – С. 168.

⁹¹ Послания Ивана Грозного. – СПб, 2005. – С. 107, 317.

⁹² Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. – М., 2005. – С. 144–310.

ет 84 человека, или 32% от общего числа. Ко второй относятся люди, служащие частным лицам (по сути – «холопы»), их 62 человека, или 23%. Третья, наиболее значительная группа, «не служит никому», их 87 человек, или 33%. Оставшиеся 12% приходятся на вдов и на людей без пометок о службе, и их вполне можно причислить к последней категории. Из подсчета видно, что непосредственно царю и великому князю служит только треть землевладельцев, еще четверть может служить через своих непосредственных хозяев, а почти половина не служит вообще. Становится понятным несостоятельность аргумента «элитности» Дворовой тетради, сторонники которого утверждают, что актовый материал содержит множество фамилий, не упомянутых в ней. Действительно, 68% землевладельцев совершали сделки, владели имуществом, но не «служили царю и великому князю», соответственно, и в Дворовую тетрадь попасть не могли.

Обратимся непосредственно к «служилым», среди них: бояре – князь Семен Иванович Микулинский и Федор Михайлов сын Нагова, окольный – Василий Петрович Борисов, 25 дворовых детей боярских, отмеченных в Дворовой тетради⁹³, 3 служат по Новгороду, 3 сытника, 3 конюха и 1 янычар⁹⁴. Остается 46 человек, из них 4 точно являются отцами, братьями или сыновьями лиц, внесенных в Дворовую тетрадь. Это еще один аргумент против «особой знатности» лиц, в нее внесенных. Не может быть, чтобы отец был знатен менее своих троих сыновей, такое противно всем понятиям о «честности»⁹⁵. Резоннее предположить, что отец из-за возраста или ран переведен в «городовую службу» или на какую-либо должность, не связанную с «дальними походами». В случае с братьями еще проще: семья могла снарядить только одного в дальний поход, а остальные сидели на «городовой», однако к «знатности» это не имеет никакого отношения, скорее к «богатству». Таким образом, оставшихся людей вполне можно отнести к «городовым», кои несли службу на месте, а в дальние походы не ходили в силу бедности или других причин. В конце концов, реформы 1550-х гг. и проводились для того, чтоб привлечь как можно большее количество людей к «дальней» или хоть какой «службе», а Дозорная книга показывала возможный потенциал. Общество тех времен еще не было так милитаризовано, как в конце правления Ивана Грозного.

Количество помещиков крайне невелико – 32 человека, или 12% от числа землевладельцев, все остальные – вотчинники. Грамоты на поместья датированы в основном от 7042 по 7055 гг. К временам Василия Ивановича точно можно отнести четыре, что указывает на огромное преобладание среди «детей боярских московских городов» времен Орши землевладельцев, владевших вотчинами. Отношение к службе среди помещиков мало отличается от прочих. Служат «Царю и Великому князю» 21 (66%), «не служат никому» 9 мужчин и 2 вдовы (34%). Из служилых помещиков в Дворовой тетради и Тысячной книге

⁹³ По Дмитрову – 1; по Твери – 15; по Ржеву – 1; по Рузе – 1; по Новгороду – 1; по Торжку – 5; по Бежецкому Верху – 1.

⁹⁴ Рудачко Некрасов сын Песотцкого.

⁹⁵ Курдюк Федоров сын Сумин, имел сыновей: Гришу, Данилу и Матюшку, числившихся дворовыми детьми боярскими по Можайску.

отмечены 13 (62%), 2 служат сытниками (10%), 6 (28%) – скорее всего, «городовые». Из тех, кто «не служит никому», двое – родные братья «дворовых».

Из служащих «частным лицам» подавляющее количество служит местным «авторитетам»: Дмитрию Ивановичу Микулинскому (сын боярский I статьи по Твери по ТК)⁹⁶ – 36 человек, боярину князю Семену Ивановичу Микулинскому – 13 человек, вдове князя Василия Андреевича Микулинского Анне – 5 человек, 4 служили тверскому владыке, по 2 человека служили представителям родов Борисовых и князьям Оболенским.

Про категорию «не служат никому» говорить, собственно, нечего, кроме того, что владения в основном небольшие и нести с них службу довольно тяжело. Впрочем, в таком положении находились почти все владельцы вотчин и предыдущих категорий, нередко на одну деревню приходится 3-4 владельца. Вопрос: «служить – не служить» зависел от самого «феодала».

После проведенного анализа остается только признать, что Дворовая тетрадь не является списком «придворных» – это просто список людей, способных на середину XVI в. выйти в поход «конно, людно и оружно». На роль «придворных» более подходят лица, внесенные в Тысячную книгу. С известной долей допущения, Дворовую тетрадь можно использовать для подсчета численности детей боярских «московских городов» и на начало XVI в., т. к. основную массу составляли владельцы вотчин, а земельный фонд в то время менялся мало. Со временем могло варьироваться соотношение собственно детей боярских и их слуг. Т. е. вотчины дробились, количество «феодалов» увеличивалось, а количество слуг, ими выставляемых, уменьшалось из-за уменьшения площади земель, им принадлежавших.

Оршанское поле

Как мы выяснили, московское войско под Оршей состояло из двух частей – новгородских помещиков и московских вотчинников.

С новгородцами более-менее понятно. Сопоставив приведенные выше три известия времен Стародубской войны, можно сделать некоторые выводы. В 1534 г. в состав новгородской силы входили 600 способных к службе детей боярских новгородских пятин и 300 псковских детей боярских. Остаются неизвестными города: Торопец, Великие Луки, Ржева, тоже входившие в «новгородскую рать». Их служилые в 1534 г. находились, по всей видимости, на Великих Луках. Про Луцкую группировку мы знаем, что там было 1 500 «всех людей», то есть и детей боярских, помещиков, земцев и их слуг. Среднее соотношение можно взять из показаний Хрущева: на 90 детей боярских – 210 «людей». Составив пропорцию, получаем: 450 детей боярских и 1 050 «людей в полку». Учитывая, что 300 детей боярских были новгородцы, на города остается 150 человек. Если все посланные

⁹⁶ Не совсем понятно, какому именно. В то время жило два Дмитрия Ивановича Микулинских, оба писаны в Тысячной книге по Твери, первый в I статье, другой в III. Один, из ветви Пунковых, погиб в «Казанское взятие».

с Хрущевым в погоню были луцкими помещиками, то на Торопец и Ржеву остается 60 человек. Итого во всем новгородском войске в 1534 г. насчитывалось годных к походу: 600 новгородцев, 300 псковичей, 150 с малых городов. Всего 1 050 «голов детей боярских», а с учетом людей – 3 500 человек боевого состава. Примерно столько же должно было быть и в 1514 г. Мы помним, что в поход к Смоленску отправилась не вся рать, а только чуть больше половины. С известной долей достоверности можно предположить такое же соотношение, что и при посылке наместника М. Воронцова в 1534 г. с Порхова на Великие Луки. То есть из 500 человек – 300. Тогда к Смоленску в 1514 г. должно было выступить 2 100 человек новгородцев: детей боярских, помещиков, земцев и их людей. С учетом потерь во время похода – убитыми, ранеными, заболевшими, пленными, отставшими, уехавшими домой, по самым оптимистичным расчетам, их число не могло превышать 2 000. Если вспомнить про разбитый Полубенским полк в 300 человек, то 1 700–1 800 всадников. Часть должна была последовать за В. В. Шуйским в Смоленск и составить гарнизон вновь обретенного города. Если судить по ротации воевод, то не меньше трети. Остается 1 200 человек.

Для определения численности детей боярских «московских городов» обратимся к спискам плененных в Оршинской битве⁹⁷ и Дворовой тетради.

Списки пленных под Оршей дошли до нас в двух видах. «Летописном» – наверное, восходящем к первоначальному списку плененных, составленному сразу после битвы и поданному «князю гетману». Наиболее полный находился в так называемом «Списке графа Красинского», утерянном в годы Второй мировой войны. В нем перечислено 130 имен, расписанных по чинам и городам: 8 воевод, 33 сына боярских, 3 великолуцких помещика, 1 ржевич, 1 холмчанин, 3 брянчан, 8 муромчан (один из них повторен, ранее его имя встречается в списке детей боярских), 2 волоколамца, 4 костромича, 9 новгородцев (один из них повторен, ранее его имя встречается в списке детей боярских), 3 тверичей, новгородцы вторым списком 8 человек (один из них повторен, ранее его имя встречается в списке детей боярских), 1 галичанин, второй список костромских детей боярских 3 человека, третий список новгородцев 2 человека, 1 волоколамский сын боярский, записанный отдельно, четвертый список новгородцев 17 человек, 2 коломчанина, второй список муромских детей боярских 5 человек, 4 Можайских сына боярских, еще один галичанин, 3 суздальца, по одному человеку с Коломны (второй список), Алексина, Калуги, Торжка, Серпухова, поп Михаила Булгакова и татарин. Наличие разных списков по одним и тем же городам указывает, скорее всего, на то, что пленные брались в разных местах и, следовательно, находились в разных полках. Всего имеем: 8 воевод, 30 (исключая дублирование) детей боярских, выписанных отдельно, «новгородских» – 41⁹⁸, «московских городов» – 45⁹⁹ и

⁹⁷ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // АРИ. Вып. 7. – М., 2002. – С. 149–196. ПСРЛ. Т. XVII, Западнорусские Летописи. – С. 186–187.

⁹⁸ 36 с Новгорода (по 4 спискам), 3 с Великих Лук, 1 со Ржева, 1 с Холма.

⁹⁹ 3 с Брянска, 13 с Муромы (по 2 спискам), 3 с Волока Ламского (по 2 спискам), 7 с Костромы (по 2 спискам), 3 с Твери, 2 с Галича (по 2 спискам), 3 с Коломны (по 2 спискам), 4 с Можайска, 3 с Суздаля, по 1 с Алексина, Калуги, Торжка, Серпухова.

1 татарин. Отдельный список детей боярских указывает, что кроме «городовых» соединений имелись и «выборные». Данный тип списков не полный, о чем честно и написано в заключении: «А иных многих детей боярских не писано, которым без ведома повезены по иманиях князских и панских тыж князю гетману его милсти не звещали, и в еестр не хотели писати».

Второй тип списков пленных относится к делопроизводству, они включают в себя реестры плененных московских людей, содержавшихся в литовских крепостях под стражей в период с 1514 по 1538 гг. В них отмечены средства, выделенные на содержание пленных, их перемещения из одного места в другое, побеги, выкуп, смерть. Если вычленим из общего списка людей, захваченных в 1514 г., получим порядка 175 (некоторые лица идут с повтором) воевод, детей боярских и земцев, а также 9 их слуг. Имена, отчества и фамилии в обоих типах списков практически совпадают. В некоторых случаях нельзя полностью идентифицировать то или иное лицо по причине неполного его написания в списке или искажения. Но имеются и различия. К сожалению, во втором типе списков принадлежность служилых людей к «городам» указана только у малой части. Но и из этого можно получить некоторые сведения. Упомянуты дети боярские из новых городов: Переславль – 3, Псков – 1, Вязьма – 1, Боровск – 1, Рославль – 1. К числу служилых уже известных городов можно прибавить лиц, которых нельзя идентифицировать ни с кем из «летописного списка»: Кострома – 1, Новгород – 2, Муром – 1, Тверь – 1, Великие Луки – 1 и 5 татар.

Число «московских городов» возросло до семнадцати: Брянск, Муром, Волоколамск, Кострома, Тверь, Галич, Суздаль, Коломна, Алексин, Калуга, Торжок, Серпухов, Переславль, Вязьма, Можайск, Боровск, Рославль. Хотя Рославль назвать «московским городом» язык не поворачивается, он стал «московским» вместе со Смоленском. Окончательно получаем 71 сына боярского без «городовой» принадлежности, 45 «новгородцев», 53 «московских» с указанием «города» и 6 татар.

При полном разгроме войска, с окружением и пленением большей его части, как и произошло в битве, количество пленных должно отображать численный состав перед битвой. Резонно предположить, что «города», участвовавшие в сражении в полном составе, и понесли наибольшие потери. К таким можно отнести: Муром – 28,6% (14 человек), Галич – 14,3% (2), Кострома – 8,2% (8)¹⁰⁰. Скорее всего, они прибыли для усиления «новгородцев» при перемене командования вместе с М. И. Булгаковым и его братьями, может быть, кто-то входил в отряд М. Глинского и был оставлен в войске после ареста последнего. Ратники прочих городов, наверное, прибыли во «второй волне усиления» вместе с Григорием Федоровичем и Иваном Челяднинным. Из них, по всей видимости, были созданы отряды из «лутчих», во времена Василия III

¹⁰⁰ В процентном отношении число пленных к списочному составу по Дворовой тетради выглядит следующим образом: Муром – 28,6% (14 человек), Галич – 14,3% (2), Кострома – 8,2% (8), Серпухов – 5,9% (1), Алексин – 4% (1), Волок – 3,5% (3), Тверь – 2,7% (4), Суздаль – 2,5% (3), Коломна – 2,4% (3), Переславль – 2% (3). Остальные города – Калуга, Боровск, Вязьма, Торжок – потеряли менее 1%, по 1 человеку.

такие формирования насчитывали около 50 «детей боярских»: «А с Коломны князь великий велел себя встретить бояром и воеводам князю Дмитрею Федоровичю Бельскому да боярину князю Михаилу Даниловичю Щенятеву, а с ними 100 человек детей боярских лутчих. Да послал князь великий на Коломну князя Михаила Кубенского да Ивана Ляцкого, да велел им себя встретить с коломенскими воеводами, а с ними детем боярским новгородским помещиком 100 человек лутчих»¹⁰¹.

По Дворовой тетради в Муроме числится 49 детей боярских дворовых, в Галиче – 14, в Костроме – 98. Приняв «коэффициент людности», как и у «новгородцев», равным 3,33, получаем: Муромцы – 163 ратника, Галичане – 46, Костромичи – 326, всего 535 человек. Отряды «лутчих» с воеводами Григорием Федоровичем, Иваном Андреевичем Челядниним, князем Иваном Семеновичем Семейкой Ярославским, князем Иваном Дмитриевичем Пронским, князем Борисом Васильевичем Ромодановским. Выборными, скорее всего, были и отряды князей Оболенских. Всего 7 формирований по 50 детей боярских, с учетом их людей до 180 ратников в каждом, возможно, «людей» было и несколько больше, так как в такие отряды отбирали самых «конных, людных и оружных», особенно в полках Григория Федоровича и Ивана Андреевича. В общей сложности получается около 550 детей боярских в городских отрядах и порядка 1 300 в выборных. Прибавим татар и получим около 2 000 всадников «московских городов». Вместе с новгородцами 3 200 человек «боевой силы». Цифра, близкая к расчетной «по воеводам». К ее меньшей стороне.

Попытаемся представить распределение ратников по полкам на поле боя. Новгородцы, по списку Красинского, находились во всех полках. Приняв общее число «новгородской рати» в 1 200 человек, можно предположить около 300 человек в каждом. Муромцы, скорее всего, были в большом полку; костромичи – половина в большом, половина в правой руке; галичане в правой руке. И костромичи и галичане первоначально были в большом полку все, а в передовой попали вместе с Михаилом и Дмитрием Булгаковыми. Татары во главе с Сивиндук-мурзой Юмадыковым, по устоявшейся традиции, должны были находиться в передовом полку «на праве».

Большой полк (1570 человек):

боярин князь Михаил Иванович Булгаков – новгородцы 240 человек, муромские дети боярские 160, галичане 50,

боярин Григорий Федорович Давыдова Челяднин – «лучшие» 220 человек,

боярин и конюший Иван Андреевич Челяднин – «лучшие» 200 человек,

князь Иван Семенович Семейка Ярославский – «лучшие» 180 человек,

князь Иван Дмитриевич Пронский – «лучшие» 180 человек,

князь Борис Васильевич Ромодановский – «лучшие» 180 человек,

князь Дмитрий Иванович Булгаков – костромичи половина 160 человек.

Передовой полк (810):

князь Иван Темка Ростовский – новгородцы 240 человек,

¹⁰¹ РК 1475–1605. Т. I. Часть 1. – С. 183–184.

Дмитрий Васильевич Китаев Новосильцев – новгородцы 240 человек,
князь Никита Васильевич Оболенский – «лучшие» 180 человек,
Сивиндук-мурза Юмадыков – 150.

Полк Правой руки (400):

князь Андрей Иванович Булгаков – костромичи половина 160 человек, новгородцы 240 человек.

Полклевой руки (420):

Иван Семенович Колычев – новгородцы 240 человек.

князь Андрей Михайлович Оболенский – выборные 180 человек.

Перед самой битвой произошли некоторые передислокации, в результате которых все братья Булгаковы оказались в правой руке и, скорее всего, был снаряжен сторожевой полк.

Ситуация начала осени 1514 г. выглядела следующим образом. Основная часть прикрывающей московской рати сосредоточилась восточнее Орши. К ней подтягивались загонные отряды с литовской территории: «...а сила не нарядна была, а инии в отъезде были»¹⁰². Воеводы осматривали прибывающие отряды, составляли списки возвратившихся, отмечали погибших, раненых и не явившихся. По последней категории следовало провести следствие, что с ними случилось? Необходимо было выяснить: погибли они, попали в плен или просто дезертировали – «отъехали по домам до указу». По результату следствия должно было либо начинать переговоры с неприятелем о выдаче тел погибших и выкупе раненых, либо посылать на места к воеводам и наместникам указы о наказании нерадивых. После проведения таких действий ратников надлежало наградить и отправить по домам. Все эти действия требовали времени и внимания. При условии пассивности неприятеля, проявлявшейся в течении всей предыдущей кампании, – задача несложная, но муторная. Возможно, воеводы, убаюканные непотроганием врага, находились в «расслаблении». Однако случилось непредвиденное.

«И в те поры, по того изменника князя Михаила Глинского ссылке, приидоша на них безвестно королевы воеводы, князь Костянтин Острожский и иные Лятцские и Литовские воеводы, со многими людьми и с пушками и с пищальми»¹⁰³. Приход литовского войска оказался неприятной неожиданностью. Следовало что-то предпринимать. «Московитов» и литвинов разделял Днепр, преграда серьезная, но при условии контроля литвинов над Оршей не непреодолимая. Естественно, что основное внимание московитов обратилось к крепости и бродам возле нее. Острожский к тому же начал пересылаться о перемирии: «...и стояше долго время ни литва за Безыню не лезет к москвичем, ни москвичи к литве. И нахаша литва льстити к москвичем глаголющее “Разоидемя на миру”»¹⁰⁴.

Угроза нападения несколько ослабилась, и Михаил Иванович Булгаков, по-видимому, решил ускорить процесс подготовки вывода войск, для чего и на-

¹⁰² ПСРЛ. Т. IV, часть 1, Новгородская Четвертая Летопись. – С. 539; ПСРЛ. Т. XLIII, Новгородская Летопись. – С. 215.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. XIII, Никоновская Летопись. – С. 22.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. XXXVII, Устюжские и Вологодские Летописи. – Л., 1982. – С. 101.

правился в полк правой руки, чтоб провести там смотр. Этим можно объяснить присутствие всех трех братьев Булгаковых в день сражения на правом фланге. Кроме того, Михаил Булгаков, как самый опытный из воевод, мог предвидеть возможность переправы литвинов в излучине Днепра.

Григорий Федорович Давыдова Челяднин мог отбыть из войска накануне вместе с основной частью обозов, «кошем», ранеными и заболевшими, с тыловыми службами, выражаясь современным языком. Избавление от лишней обузы могло облегчить последующие отступление боевых частей. Да и дети боярские чувствовали себя спокойнее, зная, что их добро находится в безопасности, в хорошо охраняемом «кошу». Отделение коша от боевого состава во время военных действий наблюдается в практике московских и татарских войск на протяжении всего XVI в. Существовала даже должность «воеводы у коша». Принятие на себя такой малопrestижной роли Григорием Федоровичем может быть обусловлено его стремлением быстрее сообщить великому князю об изменении военной обстановки. Неожиданное наступление Острожского требовало срочных контрмер.

На долю Ивана Андреевича Челяднина выпадала самая легкая, как казалось, задача – затягивание переговоров с литвинами и наблюдение за бродами у Орши. Тут и таилась главная ошибка московских стратегов. Иван Андреевич, всегда находившийся на вторых ролях, не смог проявить в нужный момент инициативы и распорядиться основными силами войска, оказавшимися у него под рукой.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ВЫПОЛНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РИСУНКОВ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

Рисуня археологическую находку, важно передать максимум информации о предмете: его форму, конструктивные особенности, материал, из которого он изготовлен. В ряде случаев можно передать и нюансы технологии его изготовления, следы обработки и использования. Так, на костяных предметах легко читаются приемы работы мастера-резчика, а также заметны следы использования готового изделия. На предметах, изготовленных из цветных металлов, иногда хорошо видны литники и литейные швы, следы применения ювелиром резца, непролитые отверстия и т. д.

Кроме описания принципов изображения предметов вооружения хотелось бы остановиться на основных правилах археологического рисунка. К настоящему времени проведена значительная работа по созданию графического языка, представляющего собой ряд условных обозначений структуры и способа обработки артефактов, относящихся к костяной и каменной индустрии¹. К сожалению, основополагающие правила археологического рисунка и условные обозначения для других материалов, кроме кости и камня, до сих пор нигде не зафиксированы, хотя их придерживается большинство художников, выполняющих рисунки археологических находок².

Отсутствие строгих правил изображения археологических артефактов часто приводит к тому, что бывает довольно затруднительно сопоставлять находки из разных памятников на основании опубликованных рисунков, выполненных в несхожей манере.

Безусловно, данная короткая статья не может исчерпать все вопросы, связанные с изображением археологических артефактов. Разнообразие предметов, обнаруживаемых в ходе раскопок, заставляет каждый раз тщательно про-

¹ *Бородовский А. П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск, 1997; *Addington, L. R.* Lithic illustration: Drawing Flaked Stone Artifacts to Publication. – London, 1986.

² Многие положения, используемые большей частью художников, которые работают с археологическими находками, закреплены в нормах черчения. Поэтому я часто даю ссылки на нормы и правила, установленные в черчении.

думывать, как стоит изобразить ту или иную находку, в каких ракурсах, в какой технике выполнить рисунок, как сделать реконструкцию.

Общие требования к археологическому рисунку: 1) точность; 2) четкость; 3) максимальная информативность; 4) единообразие (одна схема расположения предметов на листе и выполнения рисунка). Результат соблюдения этих требований – удобство чтения рисунка и возможность получить наиболее полные сведения о каждом изображенном на рисунке предмете.

О проекциях и видах. В археологическом рисунке используется проецирование, называемое в черчении «прямоугольным», когда направление проецирования перпендикулярно к плоскости проекций (рис. 1.1). Изображения, построенные по законам ортогонального проецирования, называют видами. Вид – изображение обращенной к наблюдателю видимой части поверхности предмета.

Для каждого предмета можно построить максимум шесть основных видов: спереди, сверху, слева, сзади, снизу и справа (когда используются шесть граней условного куба, внутри которого помещен предмет, и проецирование осуществляется на грани этого куба) (рис. 1.2). Хотя чаще всего дают три вида (спереди, сбоку, сзади), можно выполнять дополнительные виды, делать развертки, укрупненные изображения деталей и т. д.

Вид спереди называют главным. Главный вид по сравнению со всеми остальными несет *максимальную информацию о предмете*. Нередко вид спереди ошибочно называют видом сверху. Предмет кладут на стол, на лист бумаги, держат в руках и проч. – и смотрят на него сверху. И называют такое положение предмета видом сверху. Это неверно. Вне зависимости от того, как относительно себя вы держите находку при ее изучении, та сторона предмета, которая является для него наиболее показательной, *лицевой*, наиболее важной для понимания самого предмета, и есть *вид спереди*.

Изображение других видов следует помещать на листе с той стороны от вида спереди, в какую сторону вы поворачиваете предмет, чтобы его рассмотреть. Так, чтобы увидеть правую сторону вещи, вы поворачиваете ее влево. Соответственно вид справа будет располагаться на листе слева от изображенного предмета, а вид сверху – снизу от вида спереди (рис. 5.5)³. Эта схема проецирования принята в нормах ГОСТ для черчения, ее же придерживается большинство отечественных художников.

В археологическом рисунке проекционные линии не изображаются, но виды располагают в строгом соответствии с ними. Для выполнения проекций удобно использовать инерционную линейку. С ее помощью легко переносить размеры с одного вида на другой, выполнять параллельные линии, располагать виды на одном уровне. Нередко при изображении видов сбоку предмет поворачивают в нужную сторону, промеряют его, делают рисунок, забывая сравнить полученные размеры с теми, которые уже отмечены на виде спереди. В результате при сравнении видов спереди и сбоку обнаруживается большая разница, например,

³ Рисунки 2-5 выполнены автором статьи.

в высоте предмета, так как бывает довольно сложно правильно измерить ширину или высоту объемной вещи. Инерционная линейка помогает избежать подобных ошибок, поскольку многие размеры автоматически переносятся с одного вида на другой.

Сечение. Геометрическую фигуру, которая получается в результате мысленного рассечения предмета плоскостью, и ее изображение называют сечением. Сечения помогают понять форму предмета и значительно сократить время на прочтение рисунка.

Поэтому в некоторых случаях предпочтение отдают именно сечению, а не виду сбоку. Это касается, например, наконечников копий и стрел, клинков.

На чертеже положение секущей плоскости изображают разомкнутой линией. Показывать место расположения сечения обязательно!

Если сечение расположено вне контура изображаемого предмета на свободном месте поля чертежа, его называют вынесенным (рис. 5.2). Вынесенное сечение желательно помещать ближе к линиям секущей плоскости.

Если сечение расположено непосредственно на линии, через которую проходит секущая плоскость, его называют наложенным (рис. 5.3).

Секущую плоскость предпочтительно располагать перпендикулярно оси симметрии или каким-либо доминирующим линиям поверхности предмета.

Фигура сечения заштриховывается сплошными тонкими параллельными линиями, которые составляют угол 45° с линией контура сечения или с его осью, либо с линиями рамки рисунка. Линии штриховки наносятся с наклоном влево или вправо, но, как правило, в одну и ту же сторону на всех сечениях, независимо от их количества, относящихся к одной и той же детали. Расстояние между линиями штриховки (частоту штриховки) принимают от 1 до 10 мм в зависимости от величины площади сечения. Возможно также делать заливку сечения тушью.

Если необходимо сделать сечение предмета, состоящего из нескольких деталей или изготовленного из разных материалов, примыкающих друг к другу, для более четкого их разделения сечение каждой детали штрихуется в разном направлении.

Сечение делается в месте с четкими краями предмета, где коррозия минимальна и есть возможность произвести наиболее точные промеры. К тому же сечение всегда является своего рода реконструкцией, на нем не изображается коррозия, повреждения кромок, а показывается сечение предмета в состоянии сохранности, каким он был до попадания в землю.

Разрезы. Разрезом называют изображение предмета, мысленно рассеченного плоскостью. При этом та часть предмета, которая находится между наблюдателем и секущей плоскостью, мысленно удаляется. Изображаются фигуры, расположенные в секущих плоскостях, называемые сечениями, и те части предмета, *которые находятся за ними* (рис. 2.4). На чертежах (рисунках) с разрезами положение секущей плоскости указывают, как и при выполнении сечений, разомкнутой линией. Однако следует отметить, что в археологическом рисунке чаще прибегают к изображению сечения предмета.

При отрисовке артефактов следует стремиться к тому, чтобы рисунок передавал *максимально полную информацию* о представленном предмете, а не только сведения, необходимые для какой-то конкретной публикации (ведь часто читателям показывают лишь те детали предмета, которые послужили основой, например, для создания типологии или сравнения новой находки с известными ранее).

Рисунок и сопровождающая его при публикации находки фотография должны стать эквивалентной оригиналу заменой в случае утраты предмета или невозможности его непосредственного изучения.

Так, например, А. М. Савин и А. И. Семенов провели работу по реконструкции луков из Шестовицкого могильника и выявили круг аналогий для них. Для этого авторы выделили признаки, разделяющие линии развития раннесредневековых луков на «хазаро-венгерскую» и «гунно-болгаро-аварскую»⁴. Различие двух линий состоит в способе соединения гибких тыльных плечевых пластин луков. При этом авторы указывают, что, как правило, интересующие их признаки не отмечаются в публикациях, где традиционно приводятся лишь сечения роговых обкладок, чаще всего посередине их длины. А. М. Савин и А. И. Семенов настаивают на необходимости профилей и сечений концов обкладок, а также на необходимости изображения насечки на боковых гранях и на обратной стороне. Таким образом, для, казалось бы, несложных роговых пластин-накладок на лук необходимо дать вид спереди, сбоку (слева и справа), сзади, сечения на концах и посередине.

Этот пример может послужить доказательством того, что после просмотра иллюстративного материала читатель должен иметь возможность составить полное представление обо всех деталях рассматриваемого им предмета. Поэтому оптимальным вариантом является изображение как нескольких проекций предмета, так и всех необходимых сечений (даются сечения каждой части предмета, обладающей индивидуальной формой).

Основные правила изображения археологических находок

1. Главным видом является рисунок лицевой стороны предмета. Предмет располагается на листе соответственно тому, как его носили или использовали в настоящей жизни.

2. Предметы с режущим краем или краями располагают вертикально. Наконечники копий, стрел и т. п. – острием вверх. Мечи, ножи и т. п. – острием вниз.

3. Предметы с одним режущим краем (ножи, однолезвийные мечи, боевые ножи, топоры) следует располагать таким образом, чтобы *лезвие было изображено вертикально с правого края предмета*.

4. Детали сложносоставных предметов располагаются на листе не так, как это было бы удобно художнику, а так, как они размещались на самом предмете, если бы он сохранился полностью. Это позволяет легче реконструировать

⁴ Савин А. М., Семенов А. И. Реконструкция Шестовицкого лука // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. – Чернігів, 1992. – С. 63.

предмет по его деталям, а также сравнивать фрагменты составных частей, принадлежащих разным находкам.

5. Сечений и видов сбоку должно быть столько, чтобы по рисунку можно было точно определить форму, конструкцию и размеры в любой точке предмета. При этом сечения и виды сбоку не должны дублироваться, чтобы не перегружать рисунок.

6. Грамотность изображения – правильное расположение видов, указание места сечений на предмете.

7. Масштаб – обязательно давать *мерную линейку на рисунке*, а не только «1:1», «в н.в.» и т. п.⁵

8. Необходимость изображения следов изготовления предмета мастером и использования его хозяином, так как понимание этих следов и правильная передача их на рисунке необходимы при воссоздании истории самого предмета, его владельца, древних технологий.

Рекомендации по расположению на листе рисунков некоторых предметов вооружения

Представленные далее примеры принципов расположения предмета и его проекций на листе и указание необходимых сечений, безусловно, могут быть дополнены. Многое зависит от сохранности предмета, его конструктивных и технологических особенностей.

Часто предметы имеют гладкую неорнаментированную обратную сторону (например, некоторые типы доспешных пластин), без выразительных технологических особенностей, либо обратная сторона аналогична лицевой. В этих случаях изображение обратной стороны необязательно. Если предмет плоскостной (нож, наконечник стрелы и т. п.) и сохранил свою первоначальную форму, можно ограничиться видом спереди, сбоку и несколькими сечениями.

Далее рассматриваются простые варианты изображения предметов. Статья написана с использованием материалов, относящихся к эпохе конца первого – начала второго тысячелетий. Находки, связанные с другими эпохами, могут иметь свои особенности, не упоминаемые в данной статье.

Самое главное в археологическом рисунке – по возможности полно передать все нюансы предмета: форму, конструкцию, материал. Если возможно – технологические детали.

*Шлем*⁶. Главный вид – наверху или верхней частью корпуса вверх. Дополнительные виды – сбоку, сзади, сверху. Для максимальной информативности рисунка шлема – как можно больше сечений и укрупненных видов (места соединения частей шлема, орнаментация и т. п.). Желательны вертикальные разрезы шлема.

⁵ Иллюстрации к данной статье, посвященные расположению предметов и их видов, схематичны и не сопровождаются указанием масштаба.

⁶ Выражаю глубокую признательность С. Ю. Каинову за помощь в написании статьи и составлении подробного перечня конструктивных деталей предметов вооружения.

Доспех. При изображении панцирных пластин ориентировать их согласно реальному (или предполагаемому) расположению. Вид спереди, если необходимо – вид сзади; продольное и поперечное сечения (рис. 2.1). При сложнопрофильности предмета – несколько сечений и видов сбоку.

При изображении незначительного по размерам фрагмента кольчужного плетения желательно привести его полностью (для целых кольчужных гарнитуров достаточно фотографии или рисунка-схемы с обязательным указанием масштаба). Отдельно изобразить наиболее характерные кольца (различающиеся по размерам, сечению, способу изготовления – просечное, клепаное). Вид кольца спереди и сбоку в месте склепки лапок кольца (для клепаных колец). Для колец с орнаментом или надписью – рисунок обеих сторон. Одно сечение для колец, однородных по всему периметру, несколько сечений для сложнопрофильных колец. Для более наглядного восприятия рисунок кольца можно выполнить, например, в масштабе 2:1 (указав при этом масштаб на рисунке).

Щит. Щит на рисунке располагается так, как его держали в настоящей жизни (рис. 2.2). За основу берется крепление рукояти на щите. Так, на щитах эпохи викингов рукоять крепилась вертикально. Находки щитов довольно редки, и крайне редко они сохраняются полностью. Если обнаружены детали щита – умбон, оковки края, рукоять, накладки и т. п., то они изображаются соответственно их размещению на щите (так, как они на нем крепились).

Умбон (рис. 2.4). Вместо поперечного сечения можно дать разрез, то есть показать линию края, расположенную за секущей плоскостью, и пунктиром наметить ребра жесткости. Сечение обычно делают одно (по одной из осей симметрии), но их может быть и больше.

Оковка (рис. 2.3). Отдельную оковку следует располагать перегибом вверх (это удобно при светотеневом моделировании объема). Сечение обычно достаточно одно – продольное, по заклепке.

Рукоять, накладка и т. п. Располагаются идентично расположению на щите. Сечения при каждом изменении формы, толщины и т. п.

Если вещи деформированы или сильно коррозированы, то вместо сечений можно давать виды сбоку.

Если же сохранилась основа щита (доски) или расположение деталей при обнаружении было точно зафиксировано, можно дать реконструкцию целого щита или его части в масштабе 1:3, пунктиром изобразив предполагаемую форму и детали, а с помощью условных обозначений показав, где сохранилась, например, древесина.

Меч. Меч на рисунке располагают вертикально, острием вниз. Однолезвийный меч – лезвием вправо (либо влево, если так носил его хозяин). Если меч двусторонний, то в качестве главного вида выбирают или лицевую сторону, или сторону лучшей сохранности.

Если меч сохранился целиком или найдена значительная его часть, можно разбить изображение на несколько частей. В масштабе 1:1 дать изображение рукояти, деталей навершия и перекрестья. В масштабе 1:2 или 1:3 – изображе-

ние всего предмета (в зависимости от размера предмета, также с обязательным указанием масштаба). Вид сзади дается в том случае, если орнамент на обеих сторонах рукояти различается или прослеживаются важные детали его конструкции, технологии изготовления и использования. Вид сбоку необходим, если меч погнут (рис. 3.1,2).

Клейма. Дается отдельная контурная прорисовка. Необходимо изображать сохранившуюся дамаскировку. Если на мече два клейма – прорисовать оба. Обязательно на прорисовке показать контур клинка и линию нижнего края перекрестья для точного определения местоположения клейма (рис. 3.3). На общем виде меча также изобразить клейма.

Клинок. Сечения – возле рукояти, посередине, ближе к острию. Для грамотного изображения дола дается сечение клинка в том месте, где его еще нет, затем в начале дола, в его средней и концевой части. Сечения делать в местах, где точно фиксируются оба края клинка, где коррозия минимальна и возможно произвести наиболее точные замеры (рис. 3.1).

Отметить дамаскирование. Реконструкция кромки лезвия пунктиром, если есть сохранившиеся ее участки и значительные повреждения клинка (рис. 3.2). Обязательно изображать сохранившиеся на клинке фрагменты древесины, кожи, меха, ткани (от ножен).

Рукоять. Максимально подробно изобразить все детали:

1. Сечение самой рукояти – черена, обкладок, обмотки и т. п. (если есть). Вид сбоку (когда рукоять погнута, имеет сложную конструкцию, орнамент и т. д.). Если есть заклепки и штифты, скрепляющие деревянные щечки рукояти, то сечение можно проводить через них, а также в свободном от них месте.

2. Навершие, перекрестье – вид спереди; вид сзади (если есть отличия в орнаменте и т. п.); вид сбоку (обычно слева) – его может дополнить или заменить вертикальное сечение; виды торцов, то есть виды сверху и снизу. Детали навершия и перекрестья, найденные отдельно от меча, располагать на листе так, как они размещались на мече (рис. 3.4,5).

Ножны. Общий вид сохранившейся части, сечения.

Наконечник ножен (рис. 3.6). Концом вниз. Вид спереди, сзади (обязательно). Продольное сечение по вертикальной оси. Поперечное сечение – обычно в самой широкой части. Для сложных по технологии и орнаменту предметов – вид сбоку; сверху или снизу.

Фрагмент наконечника ножен – располагать как на самом наконечнике. Вид спереди, сбоку (слева), сзади; продольное и поперечное сечения.

Боевой нож, нож. Вертикально острием вниз, лезвием вправо. Сечение клинка возле рукояти, посередине длины, на конце. Сечение черена. Детали рукояти в нескольких ракурсах (в зависимости от конструкции и орнаментации). Рисунок торца рукояти, сечение кольца на рукояти (рис. 4.1).

Ножны. Фрагментированные – на клинке обязательно изобразить все сохранившиеся частицы. Оковки – найденные отдельно располагать на листе, как на ножнах. Вид спереди, сбоку (слева и/или справа), сзади (желательно для неорнаментированных предметов и обязательно для орнаментированных), сече-

ние продольное, поперечное. Кольца для подвешивания – вид спереди, сечение. Если найденный предмет точно определяется как кольцо от ножен ножа, то на листе его располагать, как на ножнах (рис. 4.2–6).

Наконечник копья, стрелы, сулицы и т. п. Вертикально острием вверх. Главный вид – когда перо развернуто к зрителю.

Втульчатые наконечники. Вид спереди, вид сбоку (слева) – форма пера, переход от пера к втулке, шов на втулке и т. п. Сечения – ближе к концу пера, посередине, при переходе к втулке, сечение втулки. Пунктиром можно изобразить внутреннюю часть втулки (рис. 5.1).

Черешковые наконечники. Вид спереди, сбоку (объемные наконечники стрел, например бронебойные, костяные, а также погнутые наконечники). Сечение пера – ближе к концу, посередине (в самой широкой части), переход к черешку. Сечение черешка (рис. 5.2,3).

Лук. Вертикально. Накладки на лук – в том порядке (концевые – серединные – концевые) и так, как они крепились на луке. Вид спереди, сбоку (справа и слева), сзади. Сечения – возле каждого конца и посередине (рис. 5.4). То же относится ко всем деталям.

Колчан, налуч. Хотя колчан и налуч носили в подвешенном наклонном положении, для удобства чтения рисунка на листе их изображения и изображения их деталей следует располагать вертикально. Для деталей – все обычно необходимые виды и сечения: вид спереди, сбоку, сзади, сечение по вертикальной и горизонтальной осям.

Топор (рис. 5.5). Отверстие под топориче (проушина) вертикально, лезвие повернуто вправо. Вид спереди, сверху (проушина, изгиб), вид слева (форма щековиц, обуха), снизу (форма щековиц). Вид сзади – если топор орнаментированный. Топор полной сохранности изображают обычно без сечений (рисунков всех видов достаточно для точной передачи формы предмета). Пунктиром можно дать реконструкцию края лезвия, щековиц и т. п.

Кистень (рис. 5.6). Главный вид – канал для жгута или стрежня с петлей расположен вертикально или же петля для подвешивания находится сверху. Вид сбоку (слева), сзади (если необходимо). Сечение продольное, поперечное. Возможно, вид сверху, чтобы показать форму петли.

Булава (рис. 5.7). Главный вид – отверстие под рукоять вертикально. Вид сверху или поперечное сечение. Сечение рукояти.

Плеть. Рукоять вертикальна, кольцом для крепления ремней вверх. Для простых рукоятей достаточно главного вида и нескольких поперечных сечений. Для фигурных рукоятей или скульптурного навершия плети – вид спереди, сбоку (слева, справа), сзади, снизу (отверстие насада). Сечения в таких случаях бывает трудно изобразить в силу сложности предмета.

Пряжка (рис. 2.5). Относительно корректного изображения пряжек (ременных, подпружных) единого мнения нет, однако, на мой взгляд, их следует располагать на листе так, чтобы язычок был горизонтален, рамкой влево, обоймицей или креплением к ремню – вправо. Это удобно как при изображении сечений, так и при светотеневом моделировании рисунка.

Как минимум один вид сбоку (слева или снизу). Сечение рамки, обоймицы, язычка.

Ременные накладки, наконечники ремня, оковки, обоймицы, ременные распределительные кольца, петли и т. п. (рис. 2.6). Главный вид – соответственно тому, как они были расположены на поясе или ремне. Наконечник ремня – вертикально концом вниз. Вид сбоку (слева), сзади. Сечение обычно дается только для простых плоскостных предметов. Для объемных накладок со сложным рельефным орнаментом более точным будет вид сбоку.

Передача объема. В археологическом, как и в техническом, рисунке главным средством, выявляющим объем, служит светотеневое моделирование. *Общепринято*, что свет на предмет падает сверху слева под углом 45° к горизонтальной плоскости (рис. 1.3).

Известны следующие способы передачи объема: 1) толщиной линии; 2) заливкой (заполнение контура рисунка точками, штрихами, волнистыми линиями); 3) карандашной растушевкой или акварелью⁷.

Желательно использовать различные типы линий: 1) сплошная линия – для обозначения края предмета или материала для предметов из нескольких материалов; 2) прерывистая – для обозначения ребер, переломов и перегибов объема. С помощью пунктира реконструируют край предмета и недостающие детали.

Очень важно помнить, что контур предмета изображается только сплошной линией!

При выполнении рисунка линией многие детали схематизируются и упрощаются. Это позволяет подчеркнуть и выделить на рисунке орнамент находки, сгладить (или даже удалить) следы коррозии.

Рисунок с оттенением лучше передает объем предмета. Для того чтобы показать на рисунке материал, из которого выполнен данный объект, используют различные графические обозначения. Так, железо принято обозначать пересекающимся штрихом разной длины; цветной металл – точкой; кость – продольным штрихом; рог – коротким неровным штрихом; кремнь и каменные орудия, изготовленные с применением ударной техники, – дугообразными линиями, передающими ударную волну, и точкой при обозначении корки; другие породы камня – коротким, длинным штрихом, точкой, в зависимости от породы; дерево – волнистыми линиями, имитирующими поверхность и структуру дерева; керамику – крупной и мелкой точкой; стекло – длинным параллельным штрихом; кожу – точкой и короткими штришками, создающими впечатление ворса; ткань – линиями, повторяющими направление и переплетение нитей на объекте.

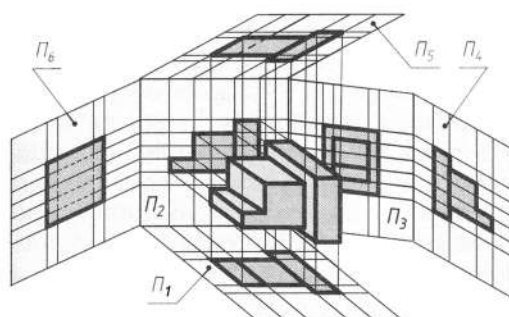
Для таких массивных предметов, как топоры, мечи и т. п., важнее правильная передача конструкции, пропорций, применение сечений. Оттенение может быть использовано минимально. Рисунок можно выполнить контурно с утолщением линии при передаче тени.

⁷ Этот способ здесь рассматриваться не будет, так как относится, скорее, к живописным приемам, которым посвящено немало специальной литературы.

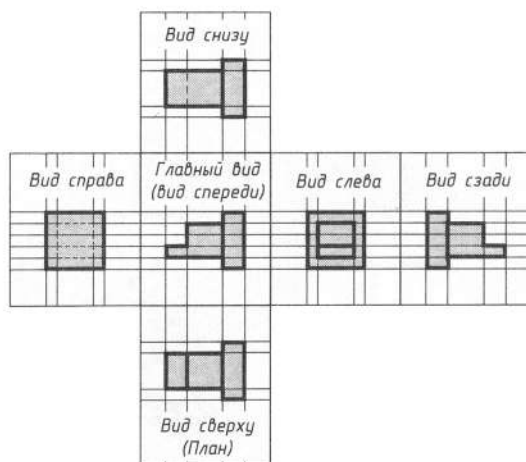
Большое значение имеет оттенение при изображении предметов, изготовленных из нескольких материалов. Сочетание разных обозначений передает сложную конструкцию вещи.

Следует особо подчеркнуть, что любая публикация должна сопровождаться как рисунками, так и фотографиями находок. Фотография дает представление о реальной сохранности предмета, а также лишена определенной субъективности рисунка. Рисунок же позволяет «сгладить» следы коррозии, не показывать мелкие рытвинки, более ярко провести линии, делая орнамент на предмете более заметным для зрителя, дать полную реконструкцию предмета, основываясь на его настоящих размерах. Изобразительный способ «имеет принципиальный характер для археологических исследований, так как графическая манера подачи материала сильно влияет не только на его непосредственное восприятие, но и на доступность основных результатов исследования»⁸.

⁸ *Бородовский А. П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). – С. 38.

1

2

3

Рис. 1. По: Павлова А. А., Жуков С. В. Черчение. Учебник для уч-ся 9 кл. общеобразоват. учреждений. – М., 2003. – Рис. 5.22; 7.44.

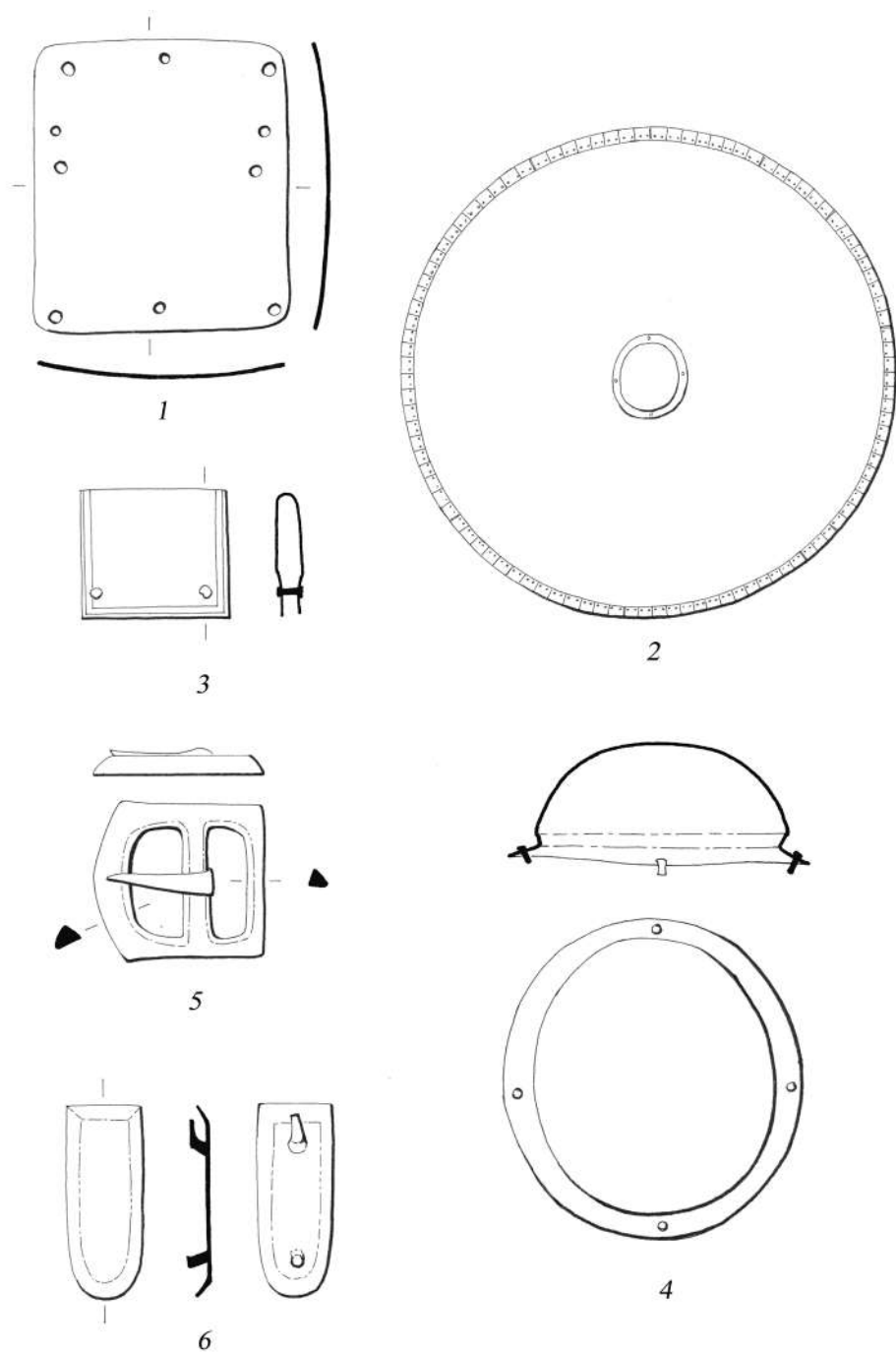

Рис. 2. Образцы рисунков

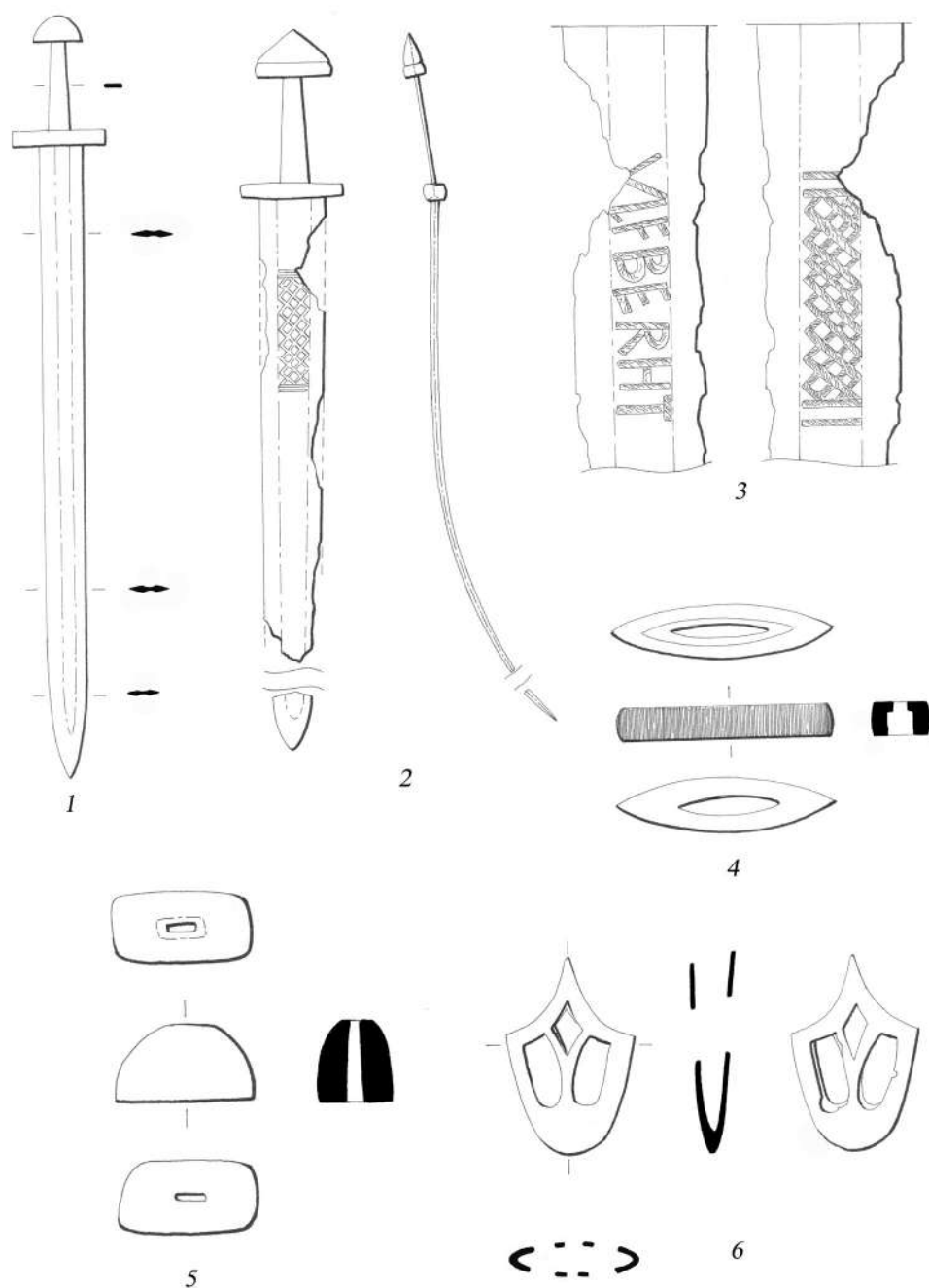

Рис. 3. Образцы рисунков

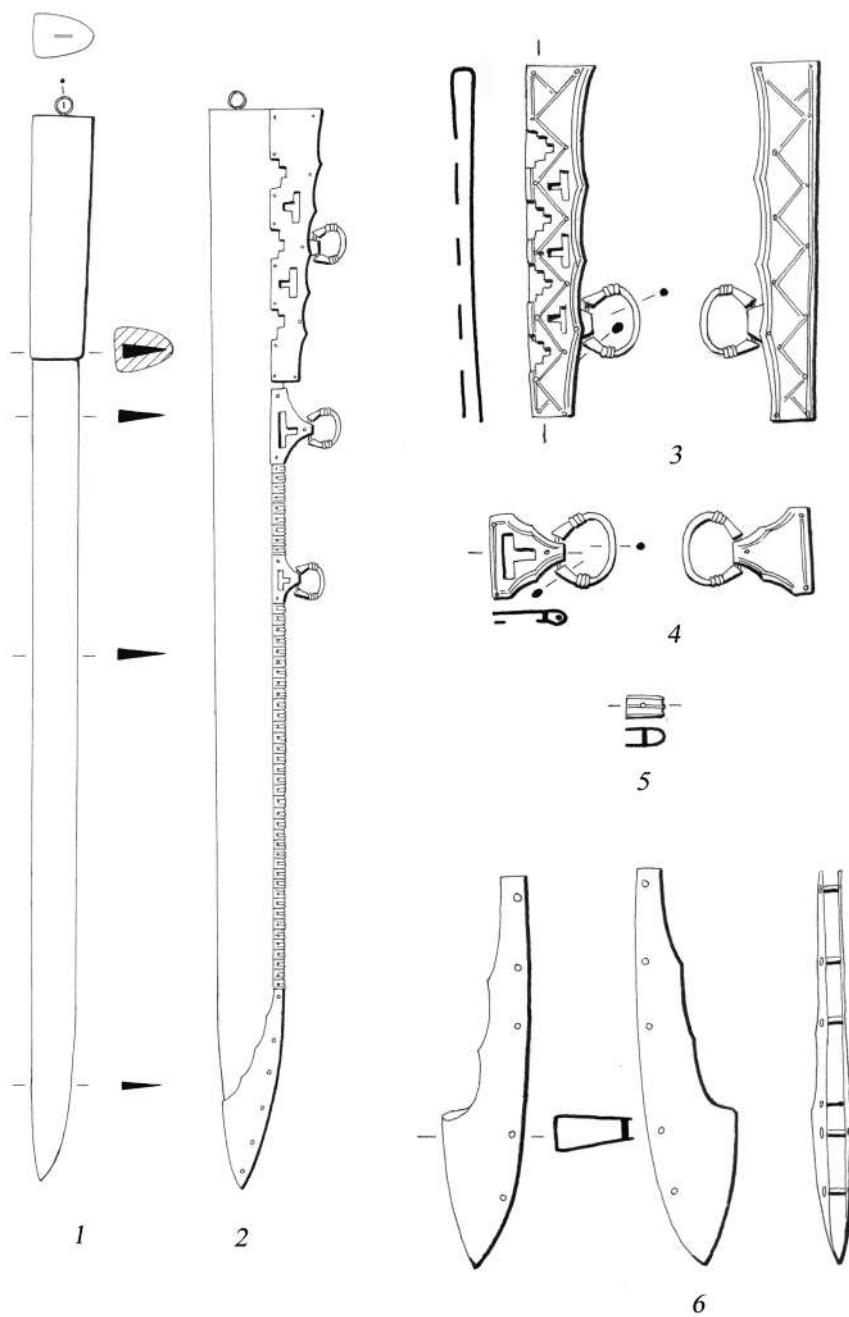

Рис. 4. Образцы рисунков

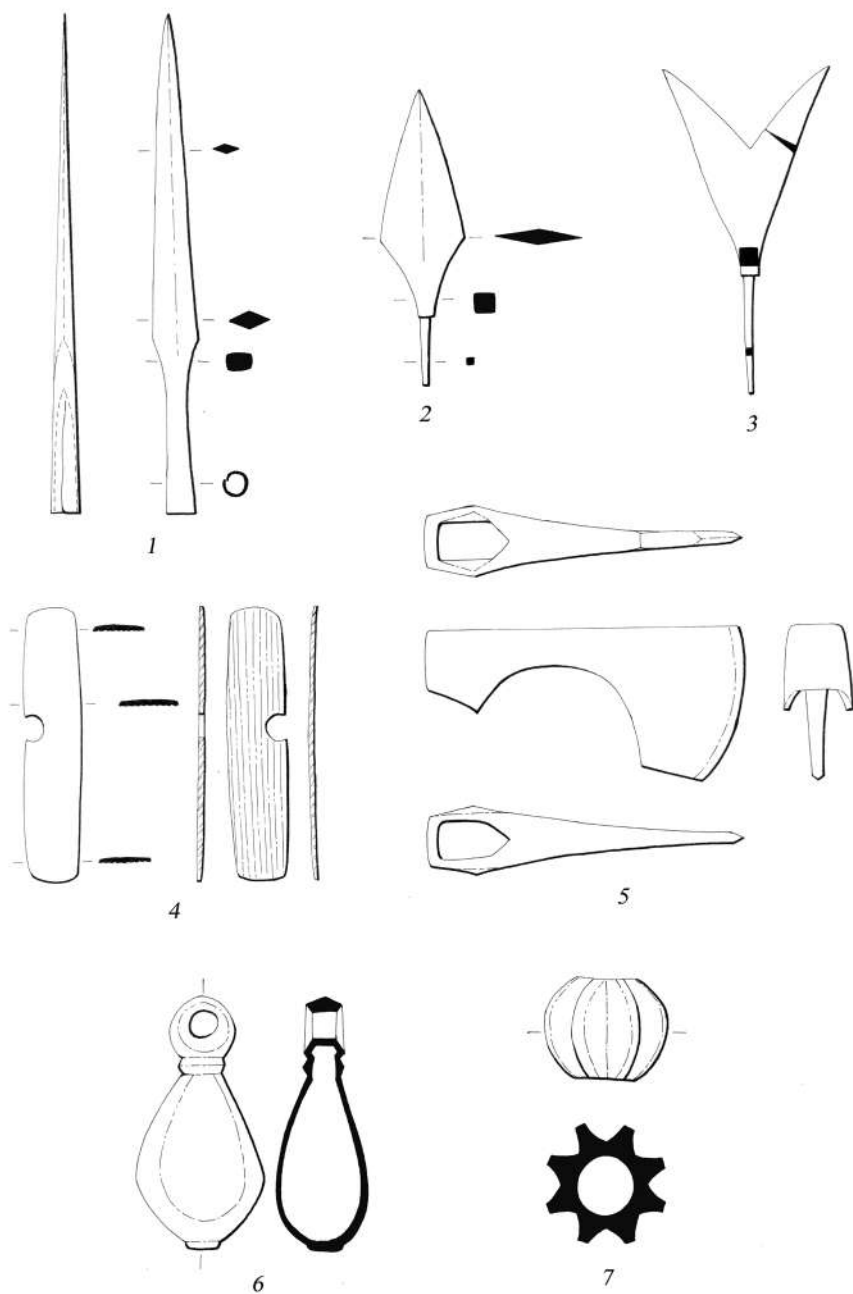

Рис. 5. Образцы рисунков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ – Археологічні відкриття в Україні

АО – Археологические открытия

ГИМ – Государственный Исторический музей

ИИА – Историко-археологический альманах

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

ХА – Хазарский альманах

ЭО – Этнографическое обозрение

ABSTRACTS

N. A. Tikhonov, E. N. Hafizova

Compound Bow Lower from Nizhnij Arkhyz Settlement

In the rock graves, common in the North Caucasus in VII-XI centuries naturally created conditions (small changes in humidity and temperature), which provide excellent preservation of objects of organic materials such as wood, bone, skin and tissue. From such a burial in Podorvannaja gully near the Nizhnij Arkhyz settlement is finding medieval bow detail are described in the publication. Well-preserved much of the bow allows him to explore a complex structure consisting of a composite wood foundations, reinforced tendons, and horn-rimmed plates. Additionally provides information about discoveries in the area of horny plates of similar design to bows, as well as the types of iron arrowheads found in the around the Nizhnij Arkhyz settlement.

V. V. Maiko

The Crimean Oldbulgarian Weapon and Horse Equipment from the First Half of X c.

The unique complex of the articles of armament and horse equipment, is analyses in the article, descended from lifting material of the oldbulgarian settlement near v. Russkoe in south-east Crimea. The articles of armament and horse equipment, to it among oldbulgarian materials of peninsula in such amount not meetings, allow first to put a question about character of armament of population of this part of peninsula in the first half of X c.

S. Yu. Kainov, S. S. Zozulya

Sword from the Excavation of the Mound 1/1902 of Mikhaylovskoe Cemetery

The article is devoted to the sword, found by V. A. Gorodtsov in 1902 during excavations of burial mound № 1 of the cemetery at s. Mikhaylovskoe (Russia, Yaroslavl region), containing one of the richest burials. The present work describes the unique

design and technological features of the sword in detail. There is also raised a question of the correctness of metallographic analysis of the blade. The sword belongs to the rare type D by J. Petersen's typology. Based on grave goods' analysis, the dating of the burial mound 1/1902 is confirmed to be the first half of the X century.

K. A. Rudenko

About Protective Arms Volga Bulgarians the Soldier of XI century (on Materials Volga Bulgarians Settlements (Ostolopovo) at Village Rechnoe)

One of the early settlements of Volga Bulgarians was Ostolopovo. This large settlement is located in Alekseev District of Republic Tatarstan. The settlement was founded in the 10th century and ceased to exist in the 12th century. It was a Bulgar military settlement and trading post on the trading route along the Kama river and the land route to the capital of the Volga Bulgars – Bilyar.

12 iron plates from an armour have been found in 1997–2009 at archeological researches of this settlement. They concern to second half XI – to the beginning of XII century. Possibly these plates were used in a protective armour in the form of a waistcoat with a hem.

Except for this settlement, a find of plates from an armour are made on settlement Laishevo XI–XIII centuries (fig. 2. 3, 5–7). Two plates – on settlement Murziha XI–XII centuries (fig. 1. 2, 4). One plate is found out on a site of ancient settlement Gorodok of second half X–XII centuries (fig. 2. 1). Plates from settlement Laishev, possibly, were used in an armour which is looked like a bib with a hem.

A. M. Novichikhin

Subjects of Arms, Military and Horse Equipment from the Destroyed Burials Ground the Andreevskaya Chel

From the destroyed burials ground IX–XIII centuries at the Andreevskaya Chel (Anapa region of Krasnodar territory) occurs a great number of subjects of arms, equipment of the soldier and a riding horse.

The weapon is presented by finds of sabres, a fighting axe, spearheads, arrowheads, fragments of helmet. The founds of knives, collapsible sickle, flint are connected with a military life. The collection of metal details belt parts, first of all the plates presented by eight versions is expressive. The horse equipment is presented by subjects of a ceremonial attire, a bit, stirrups, a buckle and rings. Bronze subjects of a ceremonial horse attire – base of plume, front strap, pendants are most remarkable. Materials occurring from destroyed burials testify to the big role of warfare and, possibly, military craft in life of the population which created a burial ground. The population it is identified with known written sources Kassoges.

Old Russian “Streltsy” in the Annals of Ancient Rus

The article deals with the time and circumstances of the appearance of the term “streltsy” in the annals of Ancient Rus; the author investigates the semantic sense of this term and local peculiarities of its usage. Using the materials of the written sources, the author gives brief essay of the history of the units of mounted archers at the military campaigns of Ancient Rus principalities from XI to XIII century.

M. I. Goniany, O. V. Dvurechensky

**Armour and Munition of a Mounted Warrior and His Horse
at the End of the XIIth and the Last Third of the XIVth Centuries,
Originating from the Settlements on the Upper Don**

Complex of arms and equipment of the horseman and riding warhorse of the close of the XII – last third of XIV centuries, came from the territory of Old Russian and Golden Horde periods’ settlements located in upper reaches of the Don River.

Subject of arms and equipment of the horseman and riding warhorse have been discover only on sixteen rural settlements. At the same time more than 200 monuments (settlements and fortresses) is known in this region. Two chronological stages are allocated there. For the period of the close of the XII – last third of XIV centuries in considered territory we locate a typical set of subject matters of the arms, occurred in old Russian princedoms. As the offensive weapon it is necessary to mention cast bronze maces that are disappearing in Golden Horde period, a number of types of pre-Mongolian tips of arrows, aculeiform spears. As for bladed weapon the sabre is used, that is characteristic for South-Russian princedoms of this period. The defensive armour is presented only by fragments mail armor widespread across all Ancient Russia in pre-Mongolian period.

In Golden Horde epoch there are significant changes of situation. Unlike Russian towns where the heavy lamellar armour extends and complexes of the offensive weapon (swords, spears) typical for the Central Europe have been developing, on settlements of the Upper Don only chain armours continue to be used, and there are sabres instead of swords. Golden Horde’s types of the weapon, such as pernach, typical tips of arrows are very widely extend. At the same time despite of lacking the big set of tips of spears, horsemanship by means of spurs in this region remain ones of European types. Thus, one can see either combining of a local version of South Russian type of the arms bearing on a significant print of steppe military tradition, or, that is not excluded, that the certain part of the considered weapon could belong to nomadic units that were in direct contact to residents of the Upper Don.

**Limb Protection in Armour Complex of Old Russian Warriors
(on the Basis of Archaeological Materials of Veliky Novgorod)**

This work touched upon armour for limbs found in Velikiy Novgorod excavations such as gauntlets, leggings and bracers. This work offers some new unstudied artifacts and reviews interpretations of already published ones. In the process of description and identification the authors dwell upon a wide range of analogs in archaeologic materials found both in Velikiy Novgorod lands and far distant. The assumptions have been made on the ways of forming the local complex of armour.

The material in the present publication makes it possible to have a new look on the complex of arms and armor of Ancient Rus' in general and Novgorod in particular.

Yu. M. Lupinenko, O. A. Makushnikov

**Folding Arm Shields of the First Half of the XIII Century
from the Annalistic Gomiy**

The article is devoted to folding arm shields, that are reinforcing elements for the medieval armor. The accumulation of these fragments is found during the study of the armoury workshop of the first half of the XIII century, located on the territory of the annalistic Gomiy (modern Gomel). The preserved fragments allow to study constructive features of arm shields. Production nature and exact dating of archaeological monument, where from artifacts originate, specify Russian origin of arm shields, as well as the time of the beginning of their production and use on the territory of Russia.

B. A. Pryshchepa

The Helmet from Dorogobuzh on the Goryn River

This article provides a characterization of the helmet that belonged to a Rus warrior and that was found during excavations of a dwelling of the 13th c. on the ditynets of Dorogobuzh (nowadays a village of the same name in Rivne region, Ukraine). The article indicates the peculiarities that distinguish the Dorogobuzh helmet from other findings on the territory of southern Kievan Rus and that allow identification of the helmet as a work by craftsmen of the Kingdom of Galicia–Volhynia from the times of Danylo Halytsky.

**Medieval Mounted Combat Lance Techniques
(According to Moslem Military Treatises XIII–XV Centuries)**

In the article are examined descriptions of mounted combat lance techniques contained in three sources: “Hilyat al-fursan wa-shi‘ar ash-shuj‘an” (Moorish Spain, 1392), “Munyat al-guzat” (Mamluk Egypt, XIV century) and “Silahshor-nameh” (Ottoman Empire, 1499). The most detailed and interesting information is contained in the two latter texts. In these treatises are expounded different combat systems that possess nevertheless a great number of similar features. The similarities consist in wide use of two-handed grips of spear and the general tactics of combat guidance that is primarily aimed at parrying enemy’s blows and only then at hitting him in instants when he is unable to defend himself. Studying Moslem military treatises is important not only for the military history of the Near East, but also for the one of the Eurasian Steppe nomads and Eastern Europe, where iconography indicates using similar lance techniques.

I. L. Izmailov

Compound Bows of the Middle Volga Region of the Middle Ages

The article is devoted to compound bows of the Middle Volga region of the middle ages period. The material is reviewed on the basis of a previously developed typology of the Hungarian researcher K. Sebestyén, this typology was further developed by Russian researchers A. M. Savin and A. I. Semenov. The researcher distinguishes in his work three stages of existence of compound bows in the region. The first period – Turkish-Bulgarian (Early Bulgarian) stage dating the 2nd half of the I Millennium B.C., is characterized by findings like bows of «Hungarian», «Turk» and «Khazar» type. The second period – the Bulgarian stage, dating XI-XII centuries is characterized by findings of the «Turkic» type bows. And the third period – the Golden Horde stage is characterized by findings of the «Mongol» type bows. After analyzing all the material, the author comes to the conclusion that the history of the bow in the Middle Volga region has passed a way, typical for the history of missile weapons of the whole of Eurasia.

V. A. Ivanov

Weapon Systems of Nomads of Ural-Volga Region Age Golden Horde

The article deals with complex weapons from a period burials of nomads in the steppes of the Golden Horde of the South Ural and Volga regions. It is established that the vast majority of burials with weapons include arrowheads and the remains of birch-bark quiver. All other types of weapons – swords, spears, armor parts – very rare.

The overall conclusion – a set of armaments in the graves of nomads of the region-time Golden hardly reflects the real structure of their army and the real location of a specific individual in the military structure.

V. Y. Myasnikov, N. V. Imenohoev

A Set of Plates of Armour Surroundings with the Village Dunda-Kiret Bichursky District of the Republic of Buryatia

In the given article are considered armor plates, found in the area Bazino, located in the vicinities of the village Dunda-Kiret Bichursky district of the Republic of Buryatia. The authors specify the dating of the armored set and date it on the basis of analogues of Southern Siberia and adjacent regions of the XIII-XIV centuries. Describe in detail the plates, lead drawing and a photo of all the plates were in armor set, give the data of metallographic analysis. According to the authors, these plates were part of the armor with internal mounting plates and belonged to the nomads of the Baikal part of the Mongol state.

Paulius Bugys

The Scale Armour Plates Found in Vilnius's Lower Castle

During the second half of fourteenth century and beginnings of fifteenth the Grand Duchy of Lithuania was constantly involved in various military and political activities both on the lands of the State of the Teutonic Order and also on the Russian lands. Military incursions by its neighbors were fairly punishing to the Duchy- reaching deep into its lands as far as Vilnius. On numerous occasions Vilnius Castles were besieged, albeit unsuccessfully. These sieges left some archeological evidence, which shed light on the nature of warfare at the time. An important discovery was a finding of four distinct subtypes of armour all falling under classification of what is called scale armour.

This article analyzes 28 scale armour plates found in archaeological layers at the Lower Castle that was previously assaulted. The three subtypes of excavated scale armor are distinctly distinguishable based on the number of rivets found on armor scales. Plates containing one, two or three rivets are further distinguished by the location of the rivets and their overall arrangement. Especially variations of three rivet arrangements could be visualized as if outlining “A” “L” and mirror image of “L” patterns.

In conclusion, large concentration of armor along with this finding in Vilnius's Lower Castles, dating to the end of fourteenth century and the first half of fifteenth century underlines the intense military turbulence characteristic of the times in the Grand Duchy of Lithuania.

**Saber and Sword of the Developed Middle Ages from the Collection
of the Simon Janashia Museum (Tbilisi) (To the History of the Emergence
and Spread of Saber in Georgia)**

The article is devoted to two subjects of blade weapons originating from the territory of Georgia – sabers from burial in the site of ancient settlement of Vani and the sword from Khevsureti. Basing on the analysis, mainly, of graphic sources, as well as the similarity of handles of both subjects, they can be dated as border of X-XI centuries. Characteristic features of the saber and the sword, as well as graphic material, allow the author to make a conclusion that a saber in the beginning of XI century was already well-known to Georgian warriors, and that had been facilitated by the emergence in Georgia of Turks-Seljuks. The sword disappears from the Georgian arms complex only after the invasion of the Mongols.

Yu. V. Gerasimov, A. V. Shlyushinsky

**Arms Complex of the Siberian Khanate Epoch
(Based on the Archaeological Materials)**

In the article make an attempt to highlight arms complex of the Siberian khanate Tatars basing on the archeological material. As for offensive weapons, in the article are presented findings of eleven solid wood bows, two hundred and seventy-three arrow tips, and the half of them are made from bones. Also one saber and three spear tips are considered. As for protective arms, in the article are presented the findings of several chain mail pieces (the burial ground Little Chulankul-I, the site of ancient settlement Isker) and one armored plate in the burial, left by the Baraba Tatars. All this material has previously been published. The main attention in the article is concentrated on the detailed publication of a plate-striped armour, originating from the archeological dig of the burial ground Okunevo-VII. This discovery is introduced into scientific circulation in full size for the first time.

D. A. Seliverstov

Moscow Army in the Battle at Orsha (1514)

In this article makes an attempt to reconstruct the social composition, the armament, the size and the structure of the Grand Duchy of Moscow's army in the early 16th century. The battle of Orsha occurred during a continuous conflict for domination between Moscow and Lithuania. A new war happened in 1512–1521. In the course of military action, the Muscovite state managed to take Smolensk in August 1514, but

in September of the same year, an army intended for the defilade of the main forces was attacked by Lithuanians. Due to efforts of Polish-Lithuanian diplomats, the victory achieved by hetman Ostrogski gained a broad publicity in Europe. Despite of a pure tactical success without strategical significance, the battle of Orsha is regarded as one of the greatest battles of its time. Particularly, this nimbus is given to the battle by the alleged size of the Muscovite army of 80,000 men. However, the Grand Duchy of Moscow had no ability to embattle such a number of warriors at that time. This is what the author tries to prove after his calculation that the number of cavalrymen in the Muscovite army could not exceed 4,000. The work is based upon chronicles, state documents, Razryad books as well as publications of historians who worked on this topic in the 19th-21st centuries.

A. S. Dementieva

Basic Rules for Execution of the Archaeological Drawings of Armaments

This article is devoted to the rules of archeological drawings execution.

The main requirements: 1) accuracy; 2) clearness; 3) sending of information; 4) uniformity (one scheme of the subject's location on the sheet and drawing's execution). The result of these requirements performance - a comfort of the drawings reading and possibility to get full information about each expressed on drawing subject. The most important moment in archeological drawing – to send all nuances of the subject: the form, design, material and also if it's possible - technological details. The drawing and photography in publications of the discovery must become the equivalent change to the original in the event of loss of the subject or impossibility its direct study.

ОБ АВТОРАХ

Бакрадзе Ираклий (г. Тбилиси, Грузия) – сотрудник Национального музея имени Симона Джанашия.

Область научных интересов: клинковое оружие Грузии.

Бугис Паулос (г. Вильнюс, Литва) – докторант кафедры истории факультета гуманитарных наук Клайпедского университета.

Область научных интересов: археология и военное дело Литвы и ВКЛ XII–XVI вв.

Герасимов Юрий Викторович (г. Омск, Россия) – научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, канд. истор. наук.

Область научных интересов: историография оружиеведения, музейное дело.

Гоняный Михаил Иванович (г. Москва, Россия) – сотрудник Государственного Исторического музея, зав. отделом комплексных историко-археологических исследований, канд. истор. наук.

Область научных интересов: археология Подонья и Подмосковья.

Двуреченский Олег Викторович (г. Москва, Россия) – сотрудник Государственного Исторического музея, отдел Комплексных историко-археологических исследований, начальник военно-археологического отряда Верхнедонской археологической экспедиции, канд. истор. наук.

Область научных интересов: военное дело Евразии.

Дементьева Анна Сергеевна (г. Москва, Россия) – аспирантка кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Область научных интересов: археология Древней Руси IX–XI вв.

Зозуля Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия) – научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея.

Область научных интересов: «дружинные» некрополи периода образования Древнерусского государства.

Иванов Владимир Александрович (г. Уфа, Россия) – профессор Башкирского государственного педагогического университета, доктор истор. наук.

Область научных интересов: средневековые кочевники Евразийской степи, финно-угорская археология, ранний железный век Южного Урала.

Измайлов Искандер Лерунович (г. Казань, Россия) – советник Президента Академии наук Республики Татарстан, канд. истор. наук.

Область научных интересов: средневековая история и археология Поволжья, этногенез и этническая история татарского народа, этнополитическая и этнокультурная история народов Волго-Уральского региона, история оружия и военного дела средневековых народов Поволжья, проблема становления татарской исторической науки.

Именохоев Николай Владимирович (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия) – главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН).
Область научных интересов: археология Прибайкалья эпохи Средневековья.

Каинов Сергей Юрьевич (г. Москва, Россия) – научный сотрудник отдела оружия Государственного Исторического музея. Соруководитель Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее.
Область научных интересов – военное дело Евразии VIII–XIII вв, археология Древней Руси IX–XI вв.

Каменский Антон Николаевич (г. Великий Новгород, Россия) – научный сотрудник отдела хранения и изучения археологических коллекций Новгородского государственного областного музея-заповедника (ОХИАК НГОМЗ).
Область научных интересов: археология Великого Новгорода и его округи.

Кулешов Юрий Алексеевич (г. Москва, Россия) – ученый секретарь Проблемного совета «Военная археология».
Область научных интересов: военное дело Золотой Орды в контексте Восточной Европы.

Дупиненко Юрий Михайлович (г. Гомель, Беларусь) – член Гомельского военно-исторического клуба «Стяг Олега Святославича».
Область научных интересов: оборонительный доспех древнерусского воина.

Майко Вадим Владиславович (г. Симферополь, АР Крым, Украина) – зав. отделом средневековой археологии Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины, канд. истор. наук.
Область научных интересов: раннесредневековая археология и история Таврики.

Макушников Олег Анатольевич (г. Гомель, Беларусь) – доцент кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, д-р истор. наук.
Область научных интересов: археология славян и Древней Руси.

Мясников Вадим Юрьевич (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия) – главный специалист Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия, канд. истор. наук.
Область научных интересов: военное дело кочевников Прибайкалья.

Новичихин Андрей Михайлович (г. Анапа, Россия) – доцент Анапского филиала Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, канд. истор. наук.
Область научных интересов: археология, древняя и средневековая история Северо-Западного Кавказа.

Понарядов Вадим Васильевич (г. Сыктывкар, Россия) – старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, канд. филол. наук.
Область научных интересов: урало-алтайская филология.

Прищепа Богдан Анатольевич (г. Ровно, Украина) – доцент кафедры всемирной истории Ровенского института славяноведения Киевского славистического университета, кандидат исторических наук.

Область научных интересов: археология и история средневековой Восточной Европы.

Руденко Константин Александрович (г. Казань, Россия) – доцент Казанского государственного университета культуры и искусств, д-р истор. наук.

Область научных интересов: болгарское вооружение и военное дело; болгарские сельские поселения; этнокультурное взаимодействие в Волго-Камье в Средние века; ремесло эпохи Волжской Булгарии и Золотой Орды, средневековый художественный металл, историография археологии.

Селиверстов Дмитрий Анатольевич (г. Москва, Россия) – участник Проблемного совета при Государственном Историческом музее.

Область научных интересов: военное дело Московской Руси XV – начала XVII веков.

Терещенко Александр Викторович (г. Чернигов, Украина) – старший научный сотрудник Центра археологии и средневековой истории Северного Левобережья имени Д. Я. Самоквасова при Черниговском национальном педагогическом университете имени Т. Г. Шевченко.

Область научных интересов – военная организация домонгольской Руси.

Тихонов Николай Александрович (пос. Нижний Архыз, Россия) – ведущий научный сотрудник САО РАН, д-р физ-мат. наук.

Область научных интересов: история ранних алан.

Хафизова Елена Николаевна (пос. Нижний Архыз, Россия) – младший научный сотрудник САО РАН.

Область научных интересов: история ранних алан.

Шлюпинский Александр Владимирович (г. Омск, Россия) – научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, канд. истор. наук.

Область научных интересов: военное дело средневекового населения Западной Сибири.

АРХЕО *военная* ЛОГИЯ

*Сборник материалов
Проблемного совета «Военная археология»
при Государственном Историческом музее*

ВЫПУСК 3

Научное издание

Верстка
Н. А. Кушкин

Дизайн обложки, стиль оформления
Иванченко Д. В.

Литературный редактор
Е. К. Гурова

Редактор
А. Г. Лисицын

Издательство «МедиаМир»
www.mediamir.msk.ru; mediamir.msk@mail.ru

Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»
kulpole@tula.net

Подписано к печати: 15.11.2013. Формат 70 x 100/ 16. Гарнитура Dutch.
Печать офсетная. Печ. л. 19,32. Усл. печ. л. 26,4 + вкл. 2,6. Бумага офсетная № 1.
Тираж 500 экз. Зак. №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Рис. 1. Инвентарь кургана 1/1902 Михайловского могильника

Рис. 2. Инвентарь кургана 1/1902 Михайловского могильника (продолжение)

Рис. 3. Рукоять меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника

Рис. 5. 1 – инкрустация и фальш-заклепка на верхней торцевой стороне перекрестья меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника; 2 – железные пластины каркаса перекрестья меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника

Рис. 4. Торцевые стороны основания наконечника (1, 2) и перекрестья (2, 4) меча из кургана 1/1902 Михайловского могильника

Рис. 18. Умбон от щита(?). Малая Каменка. Фото

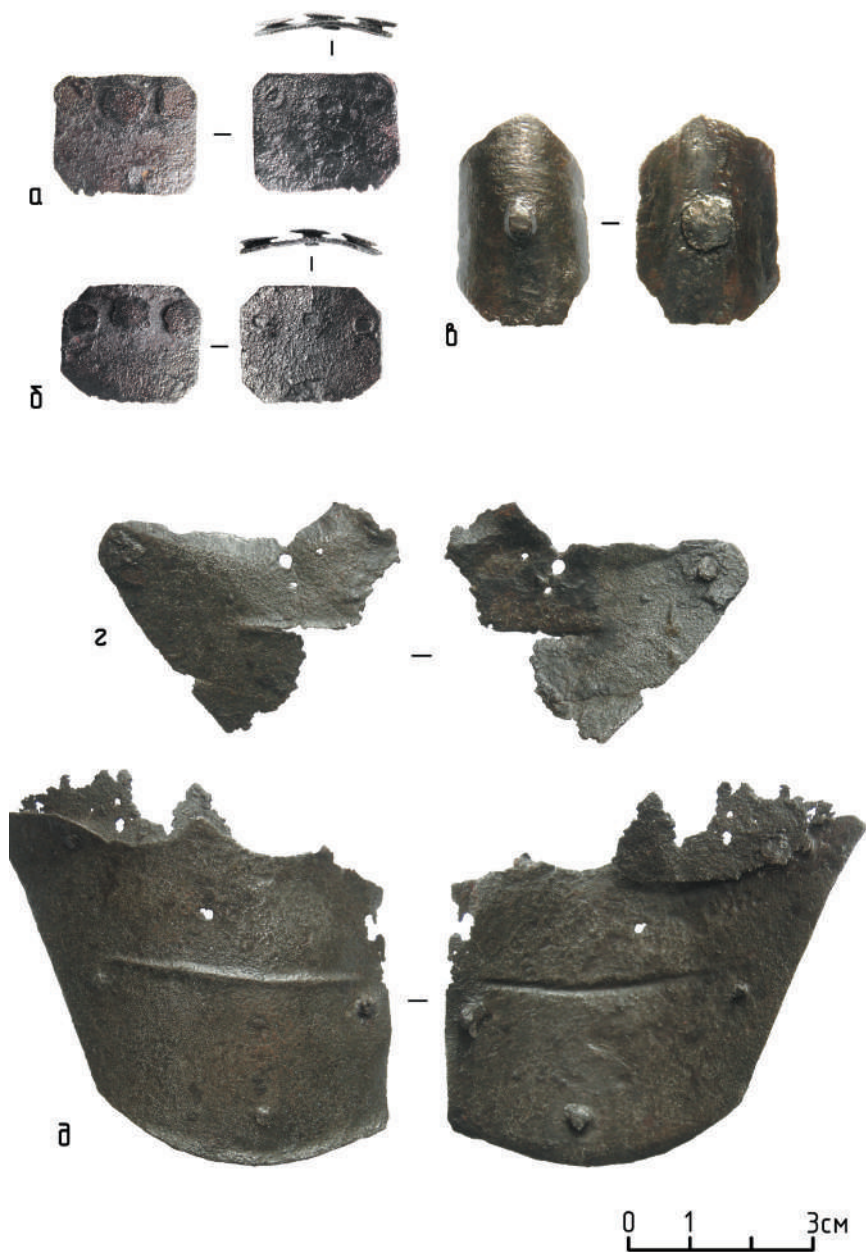

Рис. 5. *а* – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород. 1 пол. XIV в. Фото; *б* – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород. 1 пол. XIV в. Фото; *в* – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Никитинский раскоп. Сер. XIV – сер. XV вв.; *г*, *д* – Пластины латной перчатки, защищающие основание большого пальца. Новгород, Неревский раскоп. 1 пол. – сер. XIV в. Фото

Рис. 6. Пястная пластина латной перчатки. Новгород, Неревский раскоп. Фото

**Рис. 8. Фрагмент внешней створки наруча. Новгород, Неревский раскоп, 1959 г.
2 пол. XIV в. Фото**

**Рис. 10. Внутренняя створка наруча. Новгород, Неревский раскоп.
1 пол. XIII в. (?). Фото**

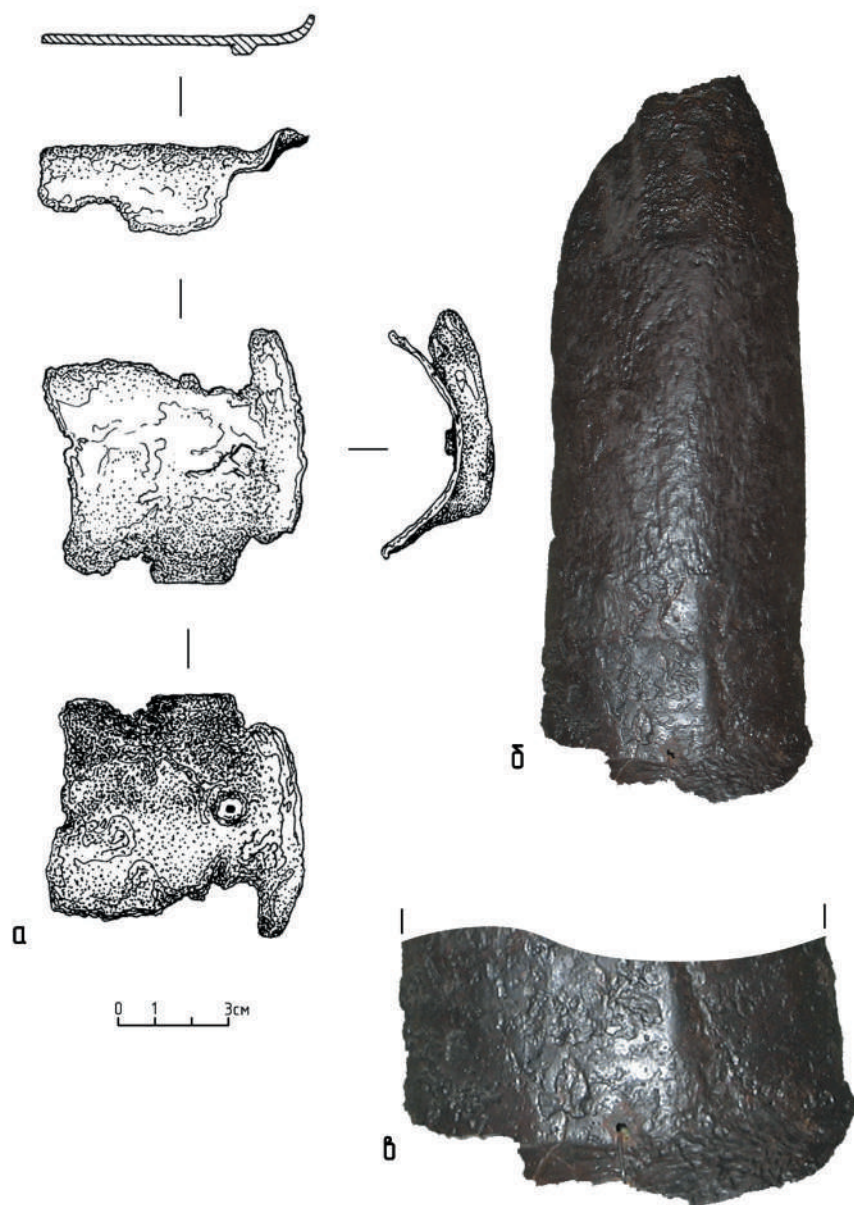

Рис. 11. *а* – Фрагмент внешней створки наруча. Гомель, Окольный город. Прорисовка (по: Макушников, 2009); *б, в* – Внешняя створка наруча. Тырново, Царский дворец. 2 пол. XIV в. Фото

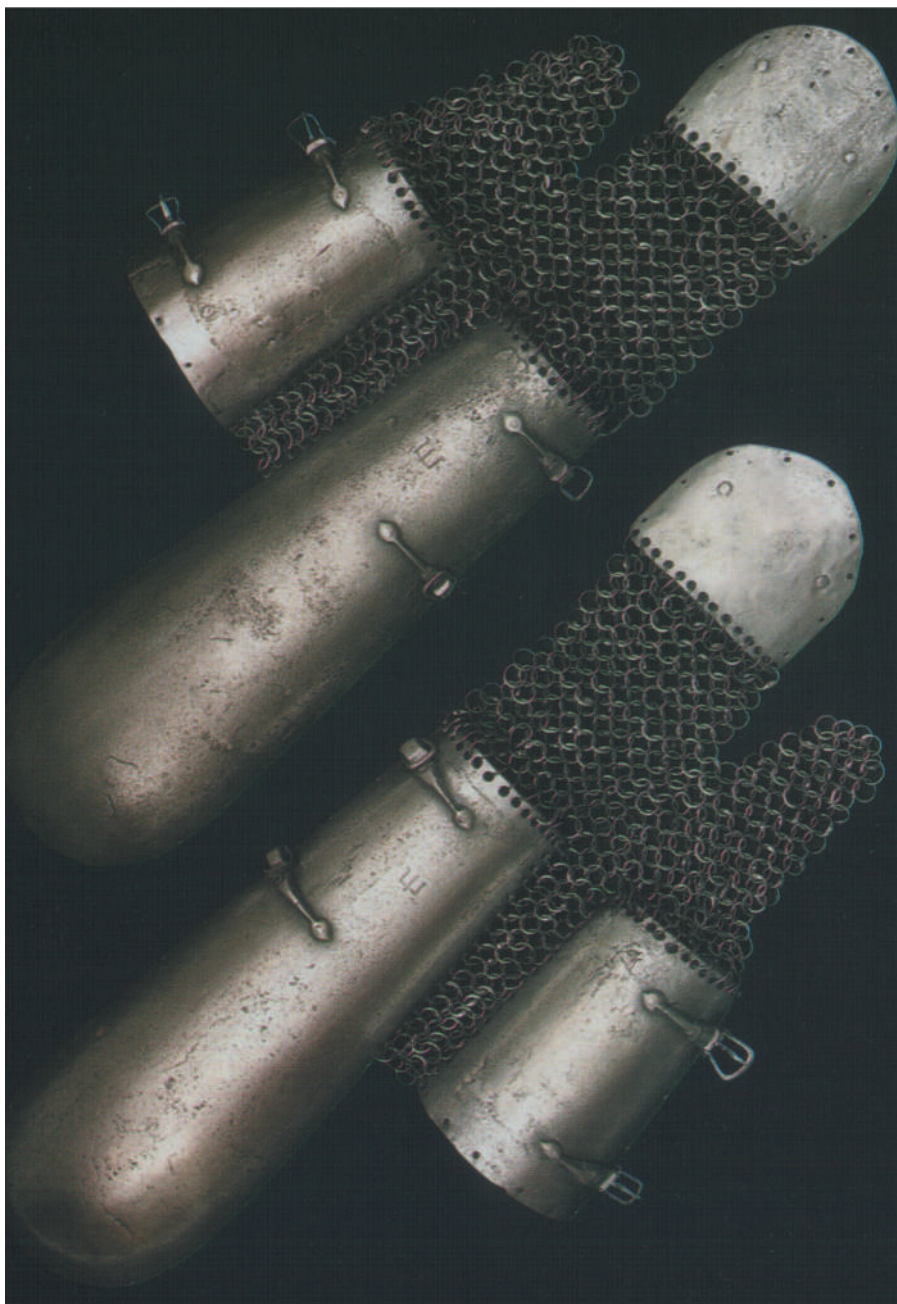

а

б

Рис. 12. а – Надгробие немецкого рыцаря Конрада Заинсхайма (нем. Konrad Seinsheim). Умер в 1369 г. Фото; б – «Стражник». Флорентийский Баптистерий (итал. Battistero di San Giovanni). Рубеж XIII–XIV в. Фото

**Рис. 13. Наручи из частной польской (?) коллекции. XVI в. (?)
Фото (по: Gutowski, 1997)**

**Рис. 14. Рукавицы от наручей князя Федора Ивановича Мстиславского.
2 пол. XVI в. Прорисовка (по: Солнцев, 1853)**

Рис. 17. Наплечник. Новгород, Неревский раскоп. Рубеж XIII-XIV в. Фото

Рис. 20. Защита конечностей. Новгород, Неревский раскоп. 1224–1238 гг. Фото

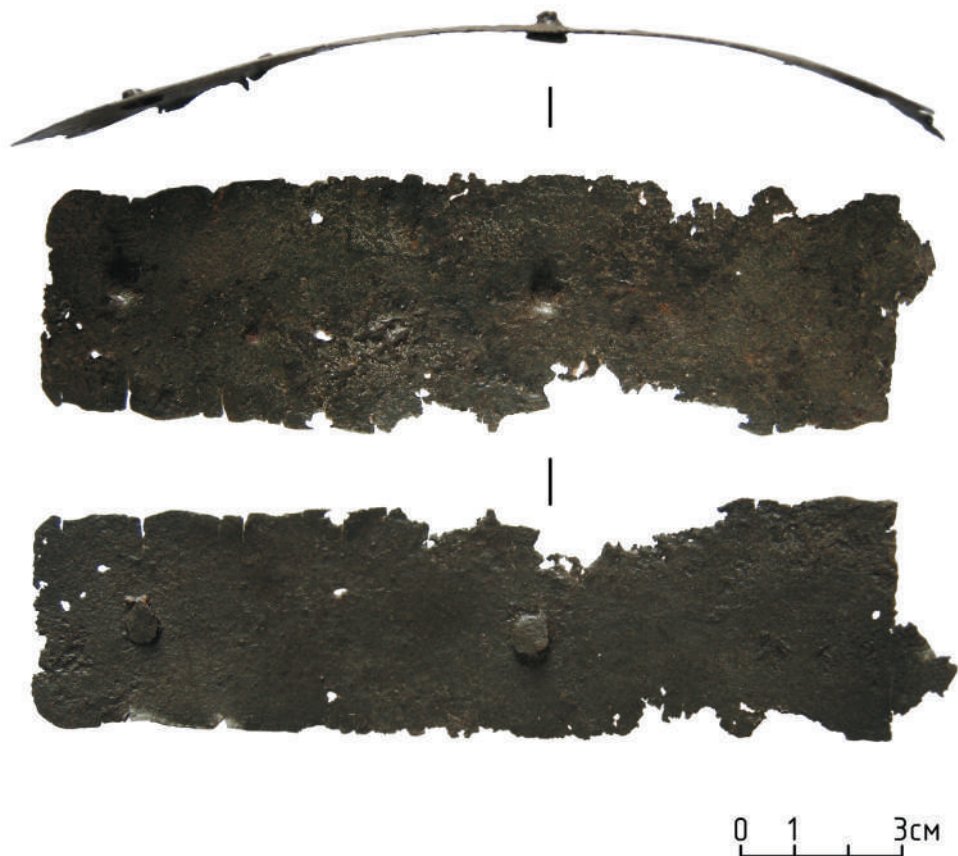

Рис. 23. Пластина. Новгород, Неревский раскоп. Сер. – 2 пол. XIV в. Фото

**Рис. 24. Набедренник (?). Саратовский областной краеведческий музей.
2 пол. XIV – 1 пол. XV в. Фото**

К статье Б. А. Прищепы

Рис. 3. Шлем из Дорогобужа

К статье Н. А. Тихонова, Е. Н. Хафизовой

**Рис. 2. Нарезка канавок на концевой обкладке и деревянном роге кибити.
Обкладка и рог относятся к разным лукам**

Рис. 1. Фрагменты наручей

Рис. 2. Фрагменты наручей

Рис. 3. Фрагменты наручей

Рис. 4. Фрагменты наручей

Рис. 5. Фрагменты наручей

Рис. 6. Фрагменты наручей

Рис. 7. Фрагменты наручей

Рис. 8. Фрагменты наручей

Рис. 9. Фрагменты наручей

Рис. 10. Фрагменты наручей

Рис. 11. Фрагменты наручей

Рис. 12. Фрагменты наручей

Рис. 13. Фрагменты наручей

Рис. 14. Фрагменты наручей

Рис. 15. Фрагменты наручей

**Рис. 9.1. Фрагменты
панцирных пластин**

**Рис. 9.2. Фрагменты
панцирных пластин**

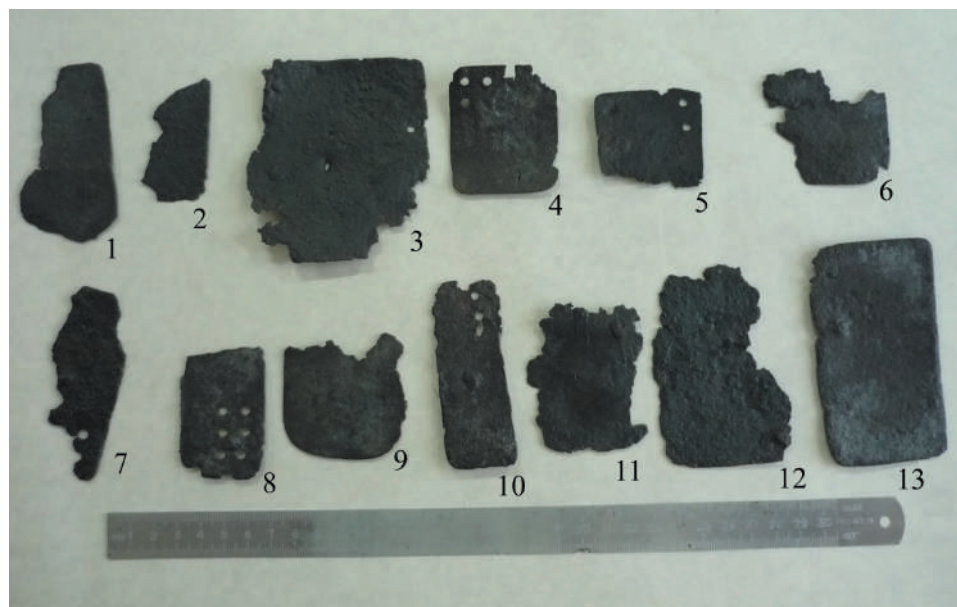

Рис. 29. Фрагменты панцирных пластин

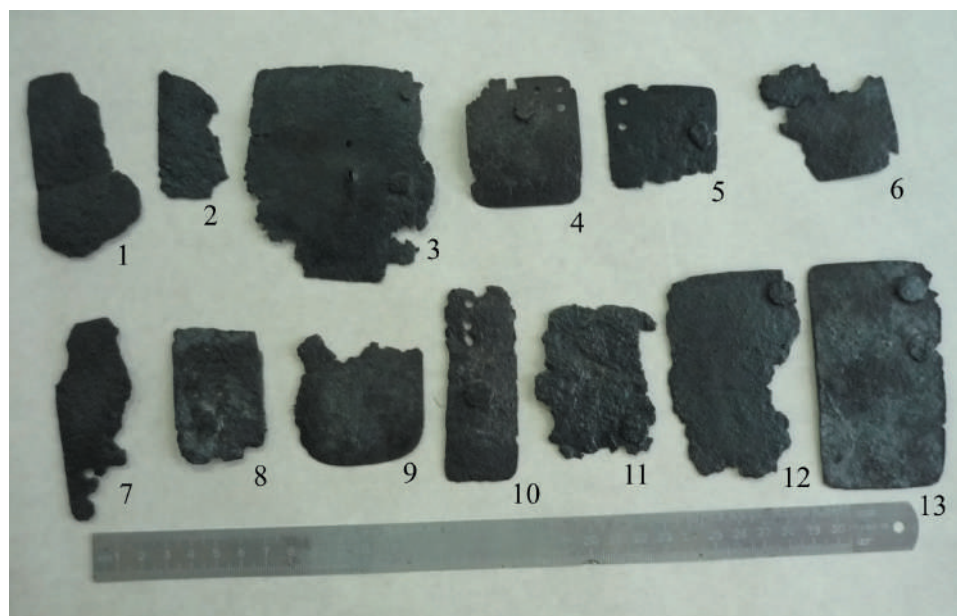

Рис. 29 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

Рис. 30. Фрагменты панцирных пластин

Рис. 30 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

**Рис. 31. Фрагменты
панцирных пластин**

**Рис. 31 (изнанка).
Фрагменты панцирных
пластин**

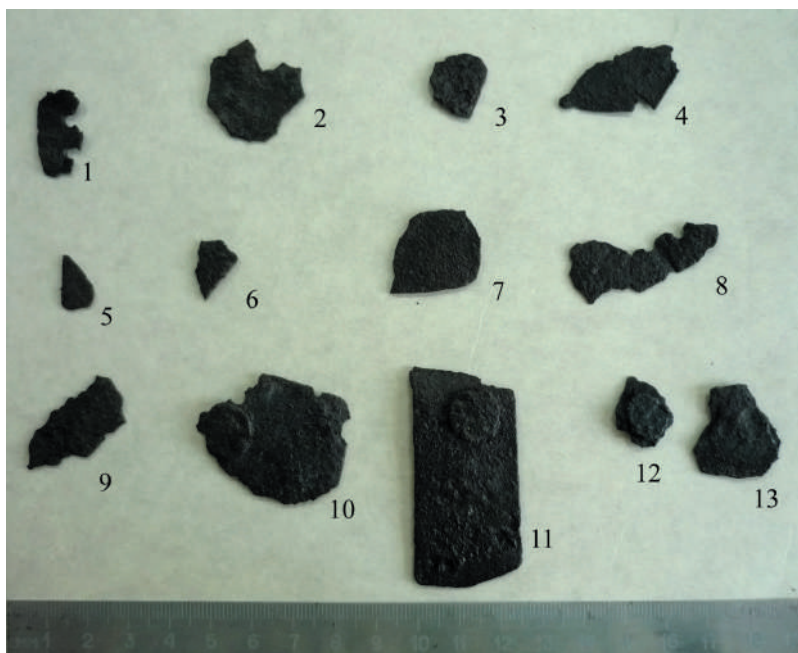

Рис. 32. Фрагменты панцирных пластин

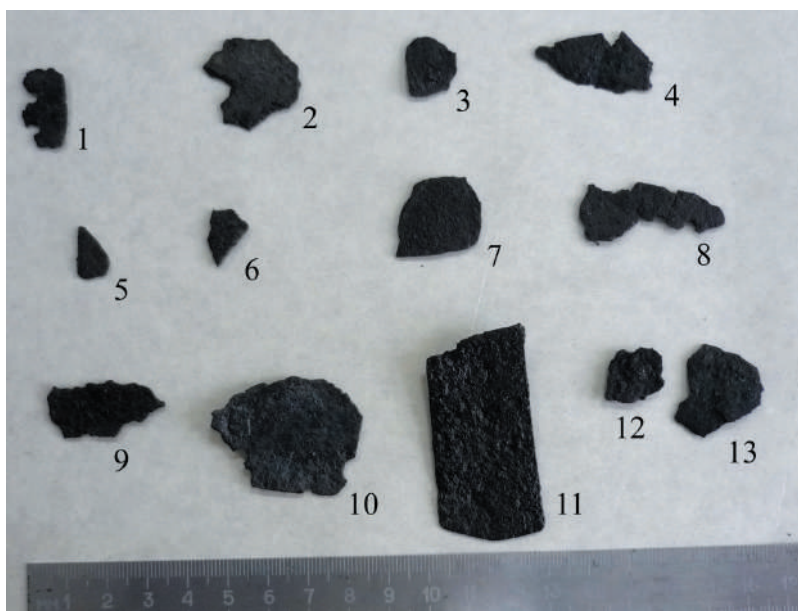

Рис. 32 (изнанка). Фрагменты панцирных пластин

К статье В. Ю. Мясникова, Н. В. Именохоева

Рис. 33. Фрагменты панцирных пластин

К статье П. Бугуса

Рис. 1. Доспешные пластины (in situ)

Рис. 1а. Доспешные пластины

Рис. 2. Доспешные пластины

Рис. 1. Сабля из погребения на городище Вани

Рис. 3. Меч из Хевсурети

Рис. 2. Бляхи из погребения на городище Вани

**Рис. 2. Фото. Могила № 267
могильника Окунёво VII**

**Рис. 3. Фото. Набор панцирных
пластин в могиле № 267**

Рис. 5. Фото. Пластины доспеха